

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1905 годъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ДВѢСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ.

Е. В. Варсова.

МОСКВА.

1905.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1905 годъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ДВѢСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ.

Е. В. Варсова,

МОСКВА—1906

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ, аренд. В. И. Вороновымъ,
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ „ЧТЕНІЙ“ за 1905 годъ.

Стран.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

- 1.— Городъ Кашинъ. Матеріалы для его исторіи, собранные
И. Я. Кункинымъ. Выпускъ второй, 1665—1667 гг.
Съ предисловіемъ Члена-Соревнователя К. А. Страто-
витскаго I—VI+ 1— 82

II. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

- 1.— Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу
Тосканскому Козьмѣ третьему о Московіи. Падуа. 1680 г.
Съ латинскаго перевелъ Дѣйствит. Членъ А. И. Стан-
кевичъ I—X+ 1—128

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

- 1.— Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. (Дополненія
и поправки къ полемикѣ относительно общей ея поста-
новки и относительно главнѣйшихъ частныхъ пунктовъ
разногласія между нами и старообрядцами).—Дѣйстви-
тельнаго Члена Е. Е. Голубинскаго I—VI+ 1—260

IV. С М Ъ С Ъ.

- 1.— „Журналъ для милыхъ“ (1804—1904 гг.). Дѣйстви-
тельнаго Члена В. И. Покровскаго 1— 16
- 2.— Сольвычегодскія сотницы 7094 г. Съ предисловіемъ
Дѣйствительнаго Члена С. А. Шумакова 17— 24
- 3.— 1531 г. іюня 31. О лицахъ назначенныхъ великимъ кня-
земъ къ князю Д. Ѳ. Бѣльскому 24

4.—	Около 1534 г. Докладъ великому князю о назначеніяхъ при свадьбахъ князей Бѣльскаго, Шуйскаго и Пронскаго.	24
5.—	1649 и 1650 гг. Два доклада царю Алексѣю Михайловичу объ избранныхъ Освященнымъ соборомъ кандидатахъ на архіерейскія катедры	25
6.—	1652 г. Запись о посвященіи въ патріархи митрополита Никона.	26
7.—	1655 г. августъ. Распросныя рѣчи человѣка стольника И. Б. Милославскаго Федора Зыкова о непригожихъ словахъ про государя.	26— 27
8.—	1660—1666 гг. О документахъ касающихся патріарха Никона, отданныхъ на храненіе въ Посольскій приказъ.	28— 29
9.—	1697 г. „Выписка, какимъ образомъ въ чужестранныхъ государствахъ поступаютъ съ служителями и съ крѣпостными людьми	30— 31
10.—	Реестръ вышедшимъ въ замужество господамъ камеръ-фрейлинамъ и фрейлинамъ въ 1762—1786 годахъ.	31— 33
11.—	1800 г. Объ осмотрѣ вещей пріѣхавшихъ въ Россію французскихъ актеровъ Вернеля и Бергамина.	34— 35
12.—	1800 г. О задержаніи на границѣ отправившагося изъ Рима якобинца Мадерна	35— 36
13.—	1649 г. О постриженіи въ Саввинномъ Сторожевскомъ монастырѣ двухъ колодниковъ	36

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

ГОРОДЪ КАШИНЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ЕГО ИСТОРИИ
собранные І. Я. КУНКИНЫМЪ.

— ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ —

МОСКВА.

—
1905.

**Печатано подъ наблюдениемъ Члена-Соревнователя
К. А. Стратонитскаго.**

Предлагаемый второй выпускъ Актовъ о городѣ Кашинѣ носить тотъ же характеръ, что и выпускъ первый, посвященный Тверскому областному Археологическому съезду.

Изъ отдѣльныхъ документовъ прежде всего нужно указать на отписку воеводы о пожарѣ, опустошившемъ городъ 6 августа 1184—1676 г. Я уже упоминалъ объ этомъ пожарѣ въ предисловіи къ I выпуску. Пожаръ былъ очень силенъ. Изъ словъ воеводы можно заключить, что выгорѣлъ весь городъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Собственно въ городѣ уцѣлѣли лишь двѣ соборныя церкви; все остальное, деревянныя городскія стѣны съ башнями, присутственныя мѣста со всѣми дѣлами, гостинный дворъ, богадѣльни, сдѣлалось жертвою пламени. вмѣстѣ съ городомъ сгорѣлъ и весь посадъ, съ своими церквами, торговыми рядами, лавками и т. п. Отъ всего города, по донесенію воеводы, уцѣлѣла лишь небольшая часть посадскихъ и монастырскихъ слободокъ „на спольяхъ“, т. е. на самыхъ окраинахъ. Я указывалъ уже на значеніе этого пожара для мѣстныхъ документовъ: они, конечно, всѣ сгорѣли вмѣстѣ съ присутственными мѣстами.

Остальные акты можно разбить на три группы. Во первыхъ, акты, относящіеся къ вопросу о прославленіи св. Анны Кашинскія и къ предполагавшемуся путешествію царя Федора Алексѣевича въ Кашинь; во вторыхъ, акты о состояніи и управленіи города, т. е. о воеводахъ, ихъ дѣятельности, назначеніяхъ, смѣнахъ и, наконецъ, акты о переходѣ городскихъ недвижимостей изъ однихъ рукъ въ другія.

Что касается актовъ, касающихся мощей св. благовѣрныя княгини Анны Кашинской, то не всѣ они являются новостью. Часть ихъ, а именно Досмотръ слѣдственной комиссіи (№ 71) и Определеніе собора 1185 г. (№ 72), была напечатана въ Чтеніяхъ же въ 1871 г. кн. IV, отд. I. Здѣсь они печатаются вновь со списка, представляющаго точную копію съ подлиннаго опредѣленія собора, скрѣпленнаго рукою самаго патріарха и членовъ собора, съ приписью чудовскаго архимандрита Павла. Это подлинное опредѣленіе, хранившееся въ

Синодальной Библиотекѣ запечатаннымъ, уже года четыре какъ распечатано и находится въ сборникѣ № II, л. л. 226—272. Любопытно, что въ этомъ сборникѣ, вслѣдъ за опредѣленіемъ собора, находятся подробныя выписки изъ житія и изъ домового лѣтописца и изъ досмотра (л. 274 сл...), такъ что „несогласія“, внесенныя въ опредѣленіе собора, представляются извлеченіями изъ этихъ выписокъ. Въ Синодальной же Библиотекѣ въ сборн. № 622 хранится и житіе благовѣрной княгини, на которое сдѣланы ссылки въ опредѣленіи собора при изложеніи несогласій житія съ лѣтописцами: на тѣхъ мѣстахъ этого житія, которые указаны въ опредѣленіи, какъ разъ говорится о тѣхъ фактахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ данномъ несогласіи. Въ этомъ же сборникѣ находится и „Служба преподобной и благовѣрной великой княгини Анны“. По отношенію же къ существу дѣла, напечатанные документы даютъ нѣкоторыя указанія на обстановку, въ которой дѣйствовалъ патріархъ.

Почитаніе благовѣрной великой княгини со стороны царей выражалось какъ въ путешествіяхъ, которыя они предпринимали для поклоненія ея мощамъ, такъ и въ заботахъ о благолѣпіи раки съ ея мощами. Такъ царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ 1650 г. на поклоненіе ея мощамъ въ Кашинъ. Въ декабрѣ 1663 года было отпущено съ Казеннаго двора для устройства „тюшечка въ раку“ черной тафты, хлопчатой бумаги и чернаго сукна (№ 56). Федоръ Алексѣевичъ почти тотчасъ по восшествіи на престолъ задумалъ поклониться Святой. Отъ 1676 г. ноября 25 имѣется отписка воеводы, что онъ принялъ уже мѣры, чтобы приготовить дороги и мосты къ государеву походу (№ 68). Въ томъ же году 5 декабря былъ данъ указъ объ отпускѣ съ Казеннаго двора темно-зеленаго англійскаго сукна для чехла на раку (№ 70), при чемъ этимъ же указомъ отпускались матеріалы для оборудованія и царскаго поѣзда. И вотъ черезъ два мѣсяца послѣ этого указа, можно сказать наканунѣ выступленія въ походъ государя на поклоненіе мощамъ, патріархъ заподозриваетъ истинность ихъ и въ февралѣ 1677 г. посылаетъ въ Кашинъ комиссію произвести досмотръ мощей и опросъ свидѣтелей чудесъ отъ нихъ. Эта слѣдственная комиссія уже съ 12 февраля производила въ Кашинѣ опросъ такихъ свидѣтелей и 21 числа она осматривала мѣсто, гдѣ былъ гробъ съ мощами. Въ оставшіеся затѣмъ 7 дней февраля произошли слѣдующія событія: комиссія успѣла возвратиться въ Москву, подала патріарху „досмотръ свой написанъ за своими руками“, патріархъ собралъ соборъ, на которомъ былъ заслушанъ досмотръ и свѣрено житіе святой съ лѣтописцами, т. е. было произведено сравнительно сложное историческое изслѣдованіе и затѣмъ сдѣлано опредѣленіе: гробъ съ мощами княгини запечатать, за свя-

тую ея не почитать, образовъ ея не писать, церковей во имя ея не строить. Не даромъ ни въ спискахъ, ни въ подлинникѣ не обозначено числа февраля, въ которое состоялось это опредѣленіе. Разумѣется, царь послѣ этого въ Кашинѣ похода не совершалъ.

Что касается актовъ, говорящихъ о состояніи и управленіи города, то здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить дѣло о присылкѣ въ Москву денегъ и отчетности съ Кашинскаго Кружечнаго двора. Оно интересно, между прочимъ потому, что сообщаетъ существовавшія въ то время въ Кашинѣ цѣны какъ на строительные и иные матеріалы, такъ и на рабочія руки. Послѣднія, кажется, были не дешевы: за набивку погреба снѣгомъ заплачено Кружечнымъ дворомъ 1 рубль 16 алтынъ 4 деньги, т. е. 1 р. 50 коп. (16 алтынъ 4 деньги=100 деньгамъ=50 коп.). Если принять покупную способность тогдашняго рубля въ 17 рубл. нынѣшникъ, то выйдетъ, что за набивку погреба заплатили на наши деньги что то около 25 рублей (№ 60). Дѣло объ употребленіи воеводой неорленой мѣры при приемѣ стрѣльцкаго хлѣба указываетъ на живучесть мѣстныхъ особенностей на Руси. Какъ извѣстно, еще при Иванѣ IV Грозномъ были введены общія для всего Московскаго государства мѣры, и вотъ черезъ полтора ста лѣтъ въ Кашинѣ, городѣ очень близкомъ отъ Москвы, держатся мѣстныя общепризнанныя мѣры.

Въ предисловіи къ I выпуску я указывалъ уже, что существуютъ данныя, говорящія намъ, что тогдашнее общество не было такъ забито воеводскимъ произволомъ, какъ это обыкновенно думается. Общественную жизнь возбуждало уже постоянное обращеніе правительства къ обществу по самымъ разнообразнымъ дѣламъ. Такъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было произвести учетъ своего имущества, правительство звало къ себѣ на помощь мѣстное общество, требуя отъ него оцѣнщиковъ. Такъ мѣстные люди привлекаются къ оцѣнкѣ казеннаго имущества на Кружечномъ дворѣ (№ 60). Къ обществу же чутко прислушивалось правительство и въ вопросахъ объ оцѣнкѣ дѣятельности своихъ агентовъ — воеводъ, внимательно относясь къ челобитьямъ мѣстныхъ людей по поводу того или другого изъ нихъ. Это внимательное отношеніе къ мѣстнымъ интересамъ сильно поднимало общественную жизнь. Часто вокругъ личности воеводы завязывалась борьба партій и классовъ. Примѣръ этой борьбы даетъ дѣло о досрочномъ смѣщеніи съ воеводства кн. Фед. Мих. Вяземскаго. На воеводство въ Кашинѣ захотѣлось попасть Мих. Гавр. Борщову. Подавъ челобитную въ Москвѣ, онъ началъ дѣйствовать и на мѣстѣ и успѣлъ набрать лицъ, кашинскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые подали на князя челобитную, обвиняя его въ налогахъ, продажахъ, поборахъ, насиліи, мадоимствѣ и т. п. вое-

водскихъ преступленіяхъ. Въ Москвѣ повѣрили челобитчикамъ. Князь Вяземскій былъ смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ Борщовъ, который и явился воеводитъ въ Кашинъ. Но князь съ своей стороны принялъ мѣры. Помѣщикамъ и вотчинникамъ Борщова онъ противопоставилъ сначала посадскихъ людей, а потомъ и помѣщиковъ, въ своихъ челобитныхъ, свидѣтельствовавшихъ царю, что князь человекъ добрый, никакихъ обидъ и налоговъ не чинить, посадскихъ людей-сиротъ оберегаетъ, всякія государевы дѣла дѣлаетъ вправду. Такъ какъ въ этой борьбѣ участвовали оба тогдашніе правящіе класса общества, то можно думать, что она не была только борьбой за личность воеводы, она, очевидно, шла глубже, захватывала широко уѣздные интересы, заставляла работать уѣздную общественную мысль.

Затѣмъ эти акты даютъ картину дѣлопроизводства въ центрѣ, въ приказахъ. Такъ черновики грамотъ и наказовъ воеводамъ воспроизводятъ передъ нами работу приказныхъ канцелярій. Я старался въ текстѣ какъ можно яснѣе передать эту работу. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи документъ подъ № 59. Онъ напечатанъ въ текстѣ съ возможнымъ сохраненіемъ особенностей подлинника. Въ бѣловомъ видѣ онъ долженъ былъ принять слѣдующій видъ:

„Въ Кашинѣ новгородецъ Иванъ Романовъ сынъ Арцыбашевъ отпущенъ во 173-мъ году.

А по его отпискѣ и по книгамъ въ 5 числѣ нынѣшняго 177-го году:

Вмѣсто города острогъ рубленой, крытъ тесомъ, по острогу проѣзжихъ воротъ и глухихъ 15 башенъ.

Людей отставныхъ дворянъ и дѣтей . . . и т. д., какъ въ текстѣ. И всего въ Кашинѣ на посадѣ и въ Конюшенной и въ Ямской слободахъ и въ боярскихъ и въ монастырскихъ 232 двора, людей въ нихъ 505 ч.

Наряду: пищаль мѣдная . . . и далѣе, какъ въ текстѣ до конца.

Что касается вопросовъ по существу воеводскаго управленія, то уже теперь можно видѣть, какъ жизнь, въ видѣ челобитныхъ, руководила правительствомъ какъ въ выработкѣ законовъ вообще, такъ и административнаго механизма въ частности. Достаточно для этого сличить, напр., воеводскій наказъ 7136 г. ноября 6 дня (Вып. I № 3) и такой же наказъ отъ 7185 г. апр. 5 (Вып. II № 73).

Изъ актовъ, относящихся къ переходу недвижимостей отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, любопытны купчія подъ №№ 61 и 64, какъ болѣе или менѣе подробно опредѣляющія мѣстоположеніе продаваемыхъ участковъ.

К. Стратонитскій.

**Указъ о построеніи св. благовѣрной великой княгини́ Анни́ Кашинской
въ раку тюшечка таетяного чернаго.**

174-го декабря въ 22 день. Великии государь царь и великии князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи с., указалъ здѣлать благовѣрной великой княгини́ Анни́ Кашинской в раку серебряную золоченую чеканную тюшечокъ таетяной черной, и наслатъ в немъ бумагою чистою хлопчатою, и выстегать, а высподи в ракъ оклентъ сукномъ чернымъ добрымъ, и в ракъ наслатъ бумагою хлопчатою и выстегать, а высподи в ракъ оклентъ сукномъ чернымъ добрымъ и в ракъ наслатъ бумагою хлопчатою жъ. А по скаскѣ сабелного придѣлщика и оклейщика Прохора Иванова надобно к тому дѣлу для оклейки два аршина сукна чорного. Сей великого государя указъ приказалъ записать и сукно с Казенного двора взяти и тюшечокъ здѣлати околничей и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово.

Помѣта: „Записать“.

Лѣта 7174-го генваря въ 8 день. По г-ву ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указу казначѣю Аеонасыю Самойловичю Нарбѣкову да дьякомъ Анникѣю Чистого да Якову Петелину. В нынѣшнемъ во 174-мъ году декабря въ 22 день в. г-рь ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с., указалъ по своему великого государя имянному указу здѣлать въ Казенномъ приказѣ благовѣрной великой княгини́ Анни́ Кашинской в раку серебряную золоченую чеканную тюшечокъ таетяной черной и наслатъ в немъ бумагою хлопчатою и выстегать, а в раке высподи оклентъ сукномъ чернымъ. А по мастерской скаскѣ надобно к тому дѣлу для оклейки в раку на исподъ два аршина сукна чорного, а то сукно указалъ великии государь с Казенного двора. А устроя тое раку, указалъ великии государь из Оружейныя полаты послать в Кашинъ на положение благовѣрной великой

княгинѣ Аннѣ. И по г-ву ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указу казначѣю Аеонасью Самойловичу Нарбѣкову да дьякомъ Аникѣю Чистого да Якову Петелину учинить о томъ по указу великого государя.

(Архивъ Оружейной палаты. Опись 8-я. № 289).

№ 57.

Смѣтный списокъ 7176-го года.

Лѣта 7176-го сентября въ—ден. По г-ве ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., грамоте из Розряду за приписью дьяка Ѳедора Грибоедова, воевода Иван Романовичъ Арцыбашев кашинцов дворян и детей боярских отставных, которые в городской службѣ, и пушкарей, и затинщиков, и посадских всяких жилецких людей, и ямских охотников, и дворянских и всяких чинов людей, и дворников, и монастырских и церковных бобылей і их детей и братью и племянниковъ і внучат і всяких свойственных людей и зятев, и приимышевъ, и соседей, и подсоседников и захребетников пересмотрил всех на лицо с пищальми и со всякими бои, и что у кого тех чинов у служилых і у посадских и жилецких и у всяких чинов людей детей и братьи, и племянников, і внучат, і зятевъ, и приимышевъ і которые с ними живут вместе, а в. г-ря в службѣ і в тягле не написаны, и колких хто лѣтъ, и кто имяны в Кашине губные старосты и городовые приказшики і осадные головы, і въ приказной избѣ подъячие и которого году и по какому в. г-ря указу сидит у г-ва дела, і что кому подъячимъ по окладомъ г-ва денежного жалованья і ис каких доходов, и те их оклады сполна л дают, и по сколку чловѣкъ стрѣльцов і иных каких служилых людей в городе і в остроге и по воротам и стенам и у зеленой и у свинцовой казны на караулах и на сторожах живутъ, і в колко ден переменяютца, и каков в Кашинѣ город і острог(!), и что по городу и по острогу проѣзжих ворот и глухих башен і иных каких крепостей, і все л те крепости вцелѣ, и какова которая башня мерою и что от башни до башни всеѣ городовые і остружные стены по мерѣ, и каковы в городе тайники и колодези і какова в них вода, і в осадное время в городе і в острогѣ водою скудно не будет ли, и что в Кашине какова наряду и какова которая пищаль мерою и сколько х которой пищали ядер и каково х которой пищали ядро весом и сколько пуд зелья ручного и пушечного и свинцу, і в колько пуд вестовой колокол, и что в Кашине хлебных запасов и соли, и те хлебные запасы и сол в которых годах

збирана и что в росходе, і то писано в сей тетрати порознь по статьямъ.

Кашинцы дворяне и дети боярские отставные, которые въ городской службѣ:

Федор Дмитриевъ сынъ Баклановской, Семен Степановъ сынъ Толкачев, Богдан Ивановъ сынъ Кожин, Калистрат Постельников, Лукьян Мизинцев, Василей Малой, Тимофей Ивинъ, Иван Чагинъ, Шестой Яцкой, Аонасей Вотолин, Иван Ероховъ, Иван Вельяшев, Яков Борисов. 13 человекъ.

Съ ѡажие избы подъячей Івашко Денисов.

Губные избы подъячей Марчко Понтелеевъ.

Пушкари: Аниска да Олешка да Тишка Кучины, Исачко Игольницын, у него два сына Мишка да Івашко, Фомка Вшивков взять по г-ве грамоте в площадные подъячие. 7 человекъ.

Розсылщики: Евдокимко Шастов, у него три сына Первушко да Сидорко да Любимко; Гришко Шастов, у него брат Петрушка; Митка Каргашин, у него брат Исачко; Сенка Гришенинъ, у него сынъ Федка; Іевко Каргашин, у него два сына Івашко да Якушко десяти лѣтъ; Івашко Клементьевъ, у него сынъ Савка 16 лѣтъ, сынъ Якушко 6 лѣтъ; Федка Клементьевъ, у него сынъ Івашко; Федка да Івашко Тартышевы, Патрюшко да Федка Левонтьевы. Съѡажие избы сторож Андрушка Ивановъ. 22 человекъ.

Кашинцы посадские люди хто с каким боем: Кирилко Замусолин с пратазаном, сынъ ево Івашко болшей с пицалью, Івашко меншей з бѣрдышем; Омелка Кункин стар и увечен, у него три сына—Степка с пицалью, Онкудка с копьемъ, Ганко 12 летъ ¹⁾; Івашко Погребов с пицалью, сынъ у него Максимко 2 лѣтъ, а брат ево Куземка с копьемъ; Данилко Водолеевъ с пицалью, у него племянникъ Федка 15 лет; Федка Шулгин с копьемъ, у него сынъ Андрушка с пицалью; Олеерко Колотильщикъ с копьемъ, у него сынъ Івашко з бердышем; Сенка Швалев с копьемъ, у него два сына: Якушко 7 лет, Федка 5 лет; Івашко Волковъ з бердышемъ, у него сынъ Гришка 10 лет, Васка 7 лет; Івашко Захаров стар и увечен, у него три сына: Васка да Петрушка съ копыи, Якушко з бѣрдышемъ; Фочка Шустов с пицалью, у него сынъ Ортюшка с копьемъ, сын Гришка 8 лѣтъ; Богдашко Ветошников с пицалью, у него два брата ²⁾..... Івашко оба съ копыи; у Богдашка два сына: Тимошко 10 лет, Івашко году, у Івашка

¹⁾ Въ смѣтномъ спискѣ 7178-го году:.. Емелька Кункин старъ и увѣчен у него два сына Онкудинко с пицалью, Ганка с копьем, а сын Степка умер, послѣ Степки сын Олешка.

²⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

сынъ Гришка 6 лѣтъ; Мишка Сутугинъ с копьемъ, Богдашко Хромцов с пищалью, у него два сына: Васка с копьемъ, Якушко 14 лет; Ѳедка Хромцов с копьемъ, брат ево Мишка з бѣрдышемъ, Дмитрейко Судоплат с копьемъ, Мишка Русинов с копьемъ, Степка Русинов с копьемъ; Левка Шишкин с пищалью, у него два сына: Оеонка с копьемъ, Оска трехнатцати летъ; Сенка Шишкин с пищалью, Елка Попов с копьемъ; Алешка Подламаевъ съ копьемъ, сынъ ево Івашко с рогатиною; у Івашка сынъ Еюимко 6 лет да сын Васка 2 лет; Родка Чиренин с копьемъ, у него сынъ Бориско 7 лѣтъ; Івашко Медведев с копьемъ, Оеонка Сутугин с пищалью; Ілюшка Колчин с копьемъ, у него племянникъ Онтипка Бабин с рогатиною; Степка Стрелцов с копьемъ, Томилко Водолеевъ с копьемъ; Ѳедка Пыпин съ копьемъ, у него два сына: Ѳедка с копьемъ, Івашко пятинатцати летъ; Любимко Пыпин с копьемъ, у него сынъ Івашко с рогатиною; Івашко Запенинъ старъ і увеченъ, у него два сына: Микишка да Коняшка съ копыи; у Коняшки сынъ Ѳедка году; Івашко ж Запенин с копьемъ, у него братъ Івашко трехнатцати лет; Ганка Судокон с копьемъ, у него пасынок Івашка двунатцати лет; Івашко Печкинъ с копьемъ, у него три сына: Елка 12 летъ, Васка семи лѣтъ, Івашко дву лѣтъ; приимышъ Митка Грачев съ рогатиною, Івашко Судокон с копьемъ, Гришка Ветошников з бердышемъ; Івашко Коноплин с копьемъ, у него сын Ѳедка 8 лѣтъ; Богдашко П(Л?)апотников с копьемъ, у него два сына: Ѳедка да Игнашко с копыи; Еремка Милков з бѣрдышемъ, у него сынъ Матюшка 8 лѣтъ; Сенка Савостьянов с пищалью; Івашко Поясницын с пищалью, у него сынъ Мишка 6 лѣтъ; Івашко Подламаевъ с топоркомъ, брат ево Алешка с копьемъ; Ілюшка Ванчаков з бѣрдышемъ, у него сын Андриюшка 13 лѣтъ, Івашко дву лѣтъ; Ѳедка Вантин с пищалью, у него сынъ Ѳедка же с копьемъ; Івашко Попов з бѣрдышемъ, Івашко Водолеевъ з бердышемъ, Сенка Чиренин с копьемъ, Ромашко Стрелцов с пищалью, братъ ево Савка с копьемъ; Родка Бѣдов с пищалью, у него пасынок Куземка с рогатиною; Івашко Гвоздь с пищалью, у него два сына: Іевко да Тимошка с копыи да сын Сенка году; Гараска Чиренин с копьемъ; Савка Бѣдов с топоркомъ, у него братъ Ортюшка 12 лѣтъ д.....¹⁾; Якушко Сысоев стар, сынъ ево Куземка очми скорбен, у него жъ сынъ Тишка да сынъ Оеонка с копыи; Аеонка Сысоев с копьемъ, Андриюшка Сысоев с копьемъ, братъ ево Евтюшка 12 лѣтъ; Гришка Сахарников с пищалью, у него три брата: Елка, Ермолка, Васка с копыи; у Гришки сынъ Івашко 9 лѣтъ, у Васки сынъ Игнашко году; Івашко Малахнев с пищалью, у него два сына: Оска да Івашко с копыи; Логинко Олексѣев с копьемъ; Минка Овчинник с копьемъ, у него

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

сынъ Исачко с пищалью; Івашко Прибытков с копьемъ, у него два сына: Ѳедка з бѣрдышем, Івашко с копьемъ; Митка Шипунов с копьемъ, у него два сына: Івашко да Якушко з бѣрдыши; Івашко Жукъ с копьемъ, у него два сына: Івашко 4 лѣтъ, Лукашка 7 летъ; шурин ево Савка 15 лѣтъ; Бориско Коптев с копьемъ, у него сынъ Семка 8 лѣтъ да сынъ Ѳедка году; Андрюшка Волков с копьемъ, у него сынъ Петрунка з бѣрдышемъ; Петрунка Воробьевъ с пищалью, у него два пасынка: Івашко с пищалью, Олешко с копьемъ; Івашко Булыгин с копьемъ; Панка Полстовалов с копьемъ, у него сынъ Коняшка 9 лѣтъ; Ѳедотко Ульянов с копьемъ, у него три сына: Івашко 15 лѣтъ, Ѳедка 12 лѣтъ, Якушко 5 лѣтъ; Илюшка Сысоев с копьемъ, у него сынъ Куземка 12 лѣтъ; Юрка Ильин съ копьемъ; Мишка Ведерников с копьемъ, у него сынъ Івашко 10 лѣтъ; Омелка Корнилов с копьемъ, у него сынъ Дмитрейко 11 лѣтъ; Ѳедко Окурин с пищалью, у него племянникъ Коняшка с копьемъ; у Ѳедки сынъ Дмитрейко тринадцати лѣтъ да Карпунка 2 лѣтъ; Дмитрейко Воробьевъ с копьемъ, у него два сына: Івашко 14 лѣтъ, Онтипка 10 лѣтъ; Игнашко Какин с копьемъ, у него сынъ Ѳедка з бѣрдышемъ; Любимко Шарутин с копьемъ, у него два сына: Оеонка 14 лѣтъ, Івашко 11 лѣтъ; Івашко Струнниковъ с пищалью, у него сынъ Тимошка 14 лѣтъ да сынъ Івашко полутора году; Івашко Ведерников с копьемъ, брат ево Ведешка съ пищалью; у Івашки сынъ Степка 10 лѣтъ, у Ведешки сынъ Родка щи лѣтъ; Івашко Сахарников с пищалью, сынъ ево Степка съ пищалью, Мартышка да Васка с копыи, Илюшка Носов с пищалью; Мишка Иевлевъ с копьемъ, у него сынъ Васка 7 лѣтъ; Гришка Зыбошников з братом Гаранкою с копыи, у Гришки сынъ Івашко 8 лѣтъ; Івашко Прохоров з братом Пронкою с копыи, у Івашка сынъ Васка да сын Игнашко полгода; Пимка Исаков с копьемъ, Івашко Ѳролов с копьемъ, у Васка сынъ Степка 2 лѣтъ; Ларка Сажин, у него сынъ Ѳедка 13 лѣтъ; Наумко Косухин с копьемъ, Васка Небученовъ с копьемъ, Якимко Зотиков с копьемъ; Першка Сысоев с копьемъ, у него сынъ Івашко 3 лѣтъ; Пронка Исполатов с копьемъ, у него два сына: Васка 8 лѣтъ, Максимко 6 лѣтъ; Митка Мелехов с копьемъ; Пахомко Щетников с копьемъ, у него три сына: Івашко 12 лѣтъ, Мишка 8 лѣтъ, Івашко 6 лѣтъ; Ѳедотко Лаптев з братом Андрюшкою с копыи, да у них же брат Гришко 8 лѣтъ; у Ѳедотка два сына: Лукашка 8 лѣтъ, Панка 6 лѣтъ; Ѳедка Шарутин с копьемъ; Еуеимко Щетников с копьемъ, у него два сына: Максимко 11 лѣтъ, Івашко 8 лѣтъ; Митка Су(ы?)ромятников с копьемъ, у него сынъ Максимко 10 лѣтъ; Івашко Власов с копьемъ, у него три сына: Ѳедка 11 лѣтъ, Власко 6 лѣтъ, Дмитрейко 5 лѣтъ; Богдашко Погребов стар и увечен, у него три сына: Ортюшка да Петрушка с пищальми, Илюшка 14 лѣтъ; у Ортюшки сынъ Бориско 18 лѣтъ, Петрушка 9 лѣтъ; Трошка Зы-

бошников с пищалью; Трошка Кункин стар и увечен, у него три сына: Максимко да Ѳедка с копыи, Андрюшка 10 лѣтъ; Куземка Богословской з братом Івашком с пищальми, у Куземки сын Івашко 7 лѣтъ; Івашко Ст(?)унников с копьемъ, у него племянникъ Митка 6 лѣтъ; Івашко Курицын с пищалью, у него два брата: Олешка да Івашко с копыи; Івашко Назаров с копьемъ, у него три сына: Івашко с рогатиною, Мишка с топоркомъ, Ортюшка 9 лѣтъ; Богдашко Исполатов с копьемъ, брат ево Аеонка з бѣрдышем; у Оеонки два сына: Куземка 7 лѣтъ, Івашко 5 лѣтъ; Івашко Судаков с пищалью, у него приимыш Илюшка Ѳедотов с копьемъ; Сенка Ванчаков в садакъ, у него два сына: Ѳедка 9 лѣтъ, Тимошка 7 лѣтъ; Максимко Ванчаков с пищалью, брат ево Гришка с копьемъ, Макарко Башаков с пищалью; Мишка Седнев с пищалью, у него два сына: Власко с пищалью, Корнилко с копьемъ; у Корнилка сынъ Игнашко 7 лѣтъ; Богдашко Кулаков с копьем, у него сынъ Митка 10 лѣтъ; Любимко Лаптев з бердышемъ, Тимошко Соколов з бердышемъ, Назарко Лисин с копьем; Ѳедка Исполатов с пищалью, у него сынъ Андрюшка 8 лѣтъ; Куземка Доманин с копьемъ; Сенка Тихонов с пищалью, у него сынъ Івашко 7 лѣтъ; Куземка Поясницын с копьемъ, сынъ ево Івашко с пищалью; Ееремко Исполатов с копьемъ, у него два сына: Степка 15 лет, Ѳедка 6 лет; Степка Решетник с копьемъ, у него три сына: Якушко да Максимко с копыи, Елизарко 11 лѣтъ; Елисейко Какин с пищалью, Сенка Лѣтнихниковъ с копьемъ, Івашко Лаптев с пищалью, Івашко Волков с копьемъ, Митка Торочешников съ пищалью, Оска Волков с пищалью; Івашко Кропивин с пищалью, у него два сына: Терешка 10 лѣтъ, Ѳедка 8 лѣтъ; Гришка Шипунов с копьемъ, у него два сына: Данилко з бердышем, Гараська 14 лѣтъ; Мишка Жданов с копьемъ, у него два сына: Ортюшка да Левка с пищальми, у Левки сынъ Івашко 5 лѣтъ; Елуеимко Осекин с сыном Івашком с копыи, Івашко Желвунов с копьемъ, Юрка Лаптев с топоркомъ; Томилко Лаптев с копьемъ, сынъ его Куземка з бердышемъ, сынъ Панка 6 лѣтъ; Анкудка Побрейн с копьемъ, у него два сына: Івашко 11 лет, Дейко 8 лѣтъ, да сынъ Антошка 2 лѣтъ; Богдашко Торокан с копьемъ, Илюшка Кривогузов с пищалью, брат ево Вахрушка с копьемъ, Дениско Прокоевъ з бѣрдышемъ, Ермолка Жила с копьемъ, сынъ ево Ѳедка з бѣрдышем, Степка Пуховицынъ с копьемъ, Андрюшко Ванчаков стар и увечен, сынъ ево Ѳедька с пищалью, у Ѳедьки сынъ Ѳедкаж 10 лѣтъ; Антомашко Терликов с пищалью, у него три брата: Івашко с копьемъ, Якушко 8 лѣтъ, Дмитрейко 6 летъ; Трошка Шекуровъ с топоркомъ, брат ево Митка с копьемъ; Івашко Судаков с пищалью, у него два брата: Андрюшка да Івашко с копыи; Емерка Рудоков с копьемъ; Юрка Чюбаров з бердышем, у него сынъ Івашко 5 лет; Ѳролка Ѳадеевъ с копьемъ, у него три сына:

Ивашко 12 летъ, Митрошка 9 лет, Олеерко 7 лѣтъ; Ивашко Погребовъ с пищалью, у него три сына: Петрушка с копьемъ, Тимошка 10 лѣтъ, Гришка 5 лѣтъ; Ивашко Сухоруков с пищалью; Степка Сухоруков с пищалью, у него два сына: Ивашко 7 лѣтъ, Ѳедка 4 лет; Антипка Руделев с пищалью, у него пять сынов: Ѳилка да Елдуеимко съ копыи, Сенка 12 лѣтъ, Ивашко 9 лет, Микишка 4 лѣтъ; Мишка Попов с пищалью, племянникъ ево Антипка с копьемъ; Бориско Осекин стар и увечен, у него пасынок Оска Павлов с копьемъ, сынъ Самушка 7 лѣтъ; Ивашко Осекин с пищалью, у него два сына: Лукашка 10 летъ, Сенка щи лѣтъ; Нееедко Власов с пищалью, у него два сына: Матюшка 10 лѣтъ, Гришка 7 лѣтъ да примышь Степка Кривогузов с копьемъ; Гришка Соков с копьемъ, у него три сына: Якимко да Ларко с копыи, Митка 10 лѣтъ; Сенка Бабин с копьемъ; Гараска Бабин с копьемъ, у него два сына: Гришка 8 лѣтъ, Трошка 5 лѣтъ; Богдашко Внукъ с пищалью; Максимко Говядинов с копьемъ, у него сын Андрюшка 12 лѣтъ; Алешка Терликов с копьем, у него сынъ Андрюшка 8 лет; Мишка Небученов с пищалью, у него сынъ Ивашко 7 лѣтъ, сын Оска 4 лѣтъ; Оска Задонин с пищалью, два сына: Панка 8 лѣтъ, Ивашко 6 лѣтъ; Мишка Прокоевъ с копьемъ, у него сынъ Ивашко с пищалью; Бориско Посулихин с пищалью, брат с копьемъ, а сынъ ево Серешка 10 лет, Ивашко 5 лѣтъ; Гришка Ширяевъ з бердышемъ, у него два сына: Якушка 7 лѣтъ, Ѳедка 5 лѣтъ; Петрушка Вешняков з братом Ганкою с пищальми, да брат Микнеорко с копьемъ, у Петрушки сынъ Ивашко 8 лет; Ивашко Кошелев з бердышемъ, у него два пасынка: Онтипка да Петрунка съ копыи; Емелка Зиновьев с копьемъ, у него братъ Мишко 8 лѣтъ; Андрюшка Ѳокин с пищалью, у него сынъ Петрушка 8 лет; Акиевко Ѳокин з бердышем, у него три сына: Родко 8 лѣтъ, Ивашко 5 лѣтъ, Мишка 4 лѣтъ; Богдашко Ѳокин з бердышемъ, у него сынъ Ивашко году; Мартышко Пуховицын с копьемъ, у него сынъ Андрюшка 12 лѣтъ; Ивашко Колчин с пищалью, Алешка Мансуров с пищалью; Антипка Желвунов с копьемъ, у него сынъ Мишка дву лет; Тимошка Доманин з бердышем, у него сынъ Ивашко 8 лет; Сысойко Захаров с копьемъ, у него два сына: Петрушка 10 лет, Игнашко 4 лѣтъ; Серешка да Ѳедка Печкины с копыи, у Серешки сынъ Ѳомка 5 лѣтъ; Ивашко Изонин с копьемъ, брат Ивашко ж с копьемъ, у Ивашка сынъ Сенка 9 лѣтъ, у меншово Ивашка сынъ Ѳедка 8 лѣтъ, Панка 7 лѣтъ; Тимошка Волков з бѣрдышемъ, у него четыре сына: Ивашко 11 лѣтъ, Мартьянко 8 лѣтъ, Микишка щи лѣтъ, сынъ Ивашко полудора году; Лукашка Ѳролов з бердышемъ, у него два сына: Ондрюшка 8 летъ, Ивашко щи лет; Ивашко Доманин с копьемъ, у него пасынок Митрошка Доманин одинадцати лет; Сошонко Желвунов з братом Илюшкой с копыи, у Сошонка сынъ Ивашко 11 лѣтъ; Тимошка Долма-

тов с копьемъ; Ѳедка Щепин с пищалью, у него три сына: Петрунка да Неедко с копы, Емелка 11 лет; Митка Осекин с пищалью, братъ ево Якушко с копьемъ, Сенка Сахарников с пищалью, Сенка Коляга с пищалью, сынъ ево Митка да Елушка с копы, Гришка Ѳроловъ с копьемъ, Степка Зиновьевъ з бердышемъ, Якушко да Лю(би?)мко да Оеонка Гусевы с копы, Ивашко трехнатцати лѣтъ; Евдокимко Кривогузов с копьемъ, у него два сына: Якушко 9 лет, Ивашко 5 лѣтъ; Ивашко Пугвишников с пищалью, у него племянникъ Васка Тарасов 10 лѣтъ; Мишка Дружинин с топоркомъ, у него пасынок Алешка с копьемъ Ѳилка Бабин с копьемъ, у него два брата: Тишка с копьемъ, Гришко 8 лѣтъ; Тимошка Черкасов с копьемъ, Емелка Солодилов с копьемъ; Юрка Солодилов с копьем, у него сынъ Сенка четырех лет.

Да в Кашинѣ ж в городе и на посаде живут дворники: Сенка Ивановъ, у него два сына: Ѳедка 10 лет, Васка 8 лет, живет на Колязинском подворье; Якимко Подшивалов, у него сынъ Ивашко 14 лет, да сынъ Мишка дву лет, живет на Яковле дворе Милюкова; Савка Плеваловъ живет на Иванове дворе Пятово, Митрошка Матвеевъ живет на Евсигнееве дворе Бѣдова, Васка Степанов живет на Стретенскомъ подворье, Бориско Ѳедотов живет на Мики(ти?)не дворе Ансимова, Ганка Соков живет на Ширинскомъ подворье, Ганка да Климка Соковы живут губного старосты на подворье, Митка Шишкин живет на Ондрееве дворе Борисова Бороздина, Ганка Сергеевъ живет на Христоролове дворе Салтыкова, а у него пищаль. 9 дворовъ.

Конюшенная слобода. Ивашко Слинков с пищалью, брат ево Мишка с копьемъ, у Васка два сына: Ивашко да Исачко по пятому году; Якушко Пуминовъ с пищалью, у него брат Ивашко с рогатиною, у Якушка два сына: Васко 8 лѣтъ, Олешка 5 лѣтъ; Ивашко Пуминов с рогатиною, у него два сына: Ивашко большой с пищалью, Ивашко меньшей с копьемъ; Гришка Восцын с рогатиною, у него сынъ Ѳедка 8 лѣтъ; Лукашка Восцын с рогатиною; Ивашко Забатлай з бердышемъ, у него сынъ Ортюшка 14 лѣтъ, сынъ Ивашко году; Пронка Чевардынин с пищалью, у него четыре сына: Максимко 9 лѣтъ, Ермолко 8 лѣтъ, Сенка 5 лѣтъ, Ивашко полгода; Ѳедка Михайлов с рогатиною, у него братья: Левка 10 лѣтъ, Ѳедка 6 лѣтъ; Васка Зуев с пищалью, шурин ево Петрушка с рогатиною, да шуриный Якушко 10 лѣтъ; Карпунка Зуев с копьемъ, сынъ Васка с рогатиною, Васка меньшей 9 лѣтъ; Ивашко Моховиков с копьемъ, у него сынъ с рогатиною Родка; Сенка Немков с пищалью, у него три сына: Сенка с копьемъ, Гришко 8 лѣтъ, Мишка 6 лѣтъ; Ивашко Скориков с пищалью, Петрушка Попов с пищалью, Мишка Светлякъ стар; Ивашко Елин стар и увечен, у него два сына: Любимко з бердышем, Карпунка с копьемъ; Степка Мо-

ховиковъ стар и увечень, Любимко Зызыкин кормитца Христовым именем.

Ямскіе охотники. Івашко Шуйнов с бердышемъ, у него два брата Нееедко да Максимко з бердыши; Степка Батайлов с топоркомъ, Івашко Тебенков с топоркомъ; Спирка Неклюдов с топоркомъ, а у него пасынокъ Агаеонко Горюнов с топоркомъ; Івашко Яркинъ съ топоркомъ, у него сынъ Онтипка 8 лѣтъ; Івашко Неклюдов з братомъ Лукашкою с копыи; Самуилка Горюнов з бердышемъ, у него два сына Митка да Ѳедка с копыи; Наумко Неклюдовъ с копьемъ.

В Кашинѣ острог рубленой, крыт тесомъ, а по городу и по острогу проѣзжихъ воротъ:

Башня Воскресенская болшая с вороты проѣзжими, у неѣ мость у ворот калитка з засовы желѣзными, в пробоях замокъ висящей с ключемъ; крыта тесомъ и з боями, на башне вышка, а на мосту отводной тынъ, съ вороты башня мерою кругом 10 сажен.

От Воскресенскихъ проѣзжихъ воротъ городовыя стѣны до башни Захряпины мерою 22 сажени.

Башня Захряпина глухая, крыта тесомъ, мерою кругомъ башни 8 саженъ съ полсаженью.

От Захряпины башни до Аѳонасьевъскіе башни городовыя стѣны мерою 16 сажень.

Башня Аѳонасьевъская крыта тесомъ, кругомъ башни мерою восемь сажен.

От Аѳонасьевскіе башни до Пятницкіе башни городовыя стѣны мерою 17 сажен с полсаженью.

Башня Пятницкая крыта тесомъ, кругомъ башни мерою восемь сажен.

Отъ Пятницкой башни до Предотеченской башни городовыя стѣны мерою 29 сажен.

Предотеченская башня крыта тесомъ, мерою кругомъ 8 сажен.

Отъ Предотеченскіе башни до Пречистенскія башни городовыя стѣны мерою 10 сажен:

Пречистенская башня крыта тесомъ, кругомъ башни 8 сажен.

От Пречистенскіе башни городовыя стѣны до Архангилскихъ проѣзжихъ воротъ 6 сажен.

Башня Архангилъская болшая проѣзжая с вороты и с калиткою, у калитки и у болшихъ воротъ засовы желѣзные, в пробояхъ замокъ висящій с ключемъ, передъ нею мость, перила обвалились, а крыта тесомъ з боями, на башне вышка сторожная, башня мерою кругомъ 10 сажен.

От Архангилскихъ проѣзжихъ воротъ до Тайнишна башни городовыя стѣны мерою 34 сажени.

Башня Тайнишная крыта тесомъ, а в неѣ вход до колодезя мерою

6 сажен, колодез мерою полторы сажени; а в тайнике і в колодезе воды нет, весь сух, і вперед быт не мочно; башня кругомъ мерою 10 сажень.

Отъ Тайнишныя башни до Өроловские башни мерою городовые стены пятьдесят полторы сажени.

Башня Өроловская крыта тесом, мерою кругом 7 сажен.

Отъ Өроловские башни до Покровские башни городовые стены мерою 48 сажен.

Башня Покровская крыта тесом, мерою кругом пол осмы сажени.

Отъ Покровские башни до Духовских проѣзжих ворот городовые стены мерою 10 сажен съ полу саженью.

Башня Духовская болшая проѣзжая с вороты и с калиткою, у них пробои железные бѣз засовов и бѣз замков, перед нею мость с перилы, крыта тесом з боями, а на ней вышка сторожная, мерою кругом 10 сажен.

От Духовских проѣзжих ворот городовые стены до Науголныя башни мерою пол третья сажени.

Башня Наугольная крыта тесом, мерою кругом 8 сажен.

От Науголныя башни до Кузюдемьянские башни городовые стѣны мерою 31 сажен.

Башня Кузюдемьянская крыта тесом, мерою кругом 8 сажен.

От Кузюдемьянския башни до Вознесенские башни городовые стены мерою 28 сажен.

Башня Вознесенская крыта тесом, мерою кругом 8 сажен.

От Вознесенские башни до Теремовые башни городовые стены мерою 35 сажен.

Теремовая башня крыта тесом, мерою осми сажен.

От Теремовые башни до Воскресенских проѣзжих ворот городовые стены мерою 18 сажен.

А в Кашине в остроге длиннику от Архангелскихъ проѣзжи ворот до Духовских проѣзжих ворот 137 сажен, а поперег отъ Воскресенских ворот до Тайнишнаго колодезя 61 сажен.

У Духовских проѣзжих ворот поперешнику 15 сажен.

В Кашине в казне на ряду: пицал мѣдная, ядро к ней весом 3 гривенки, да ядер к ней 153 ядра.

Четыре пицали медныя полковыя да пятая железная полковая ж, ядро к ней весомъ 2 гривенки без четверти, і всего к пяти пицалам 39 ядеръ.

Три пушки волконейки горѣлых без станков, ядер к ним 11.

Семнадцать пицалей затинных, ядер к ним 152 ядра, 31 ядро боевых.

Да зелья в казне з бочками и с войлоки и с ужищами 40 цуд съ четью.

Свинцу 12 пуд, 1300 каракулей, 56 копей.

А в Кашине в остроге вестового колокола и хлебных запасов и соли нет.

А губных старость и городских приказщиков і осадных голов нетъ же.

А пороховой и пушечной казны целовальник посадцкой человекъ Поликарпикъ Милковъ.

По листамъ скрътна: К сем книгамъ Иванъ Арцыбашевъ руку приложилъ.

На первомъ листѣ смѣты помѣта: 176 году генваря въ 25 день написат в годовую смѣту.

(М. А. М. Ю. Разрядъ. Дѣла раз. гор. Кн. 40, л. 219—238, 242 об.).

№ 58.

Выпись изъ годовой смѣтной росписи 7176 г.

В К а ш и н е новгородецъ Иванъ Романовъ сынъ Арцыбашевъ еевраля зъ 25-го числа 173 году.

А по отписке ово и по книгамъ нынешнего 176 году генваря въ 25-м числѣ кашинцовъ отставныхъ дворянъ и детеі боярскихъ 13 ч., в Съѣзжеі избѣ подъячей 1 ч., в Губной избѣ подъячей 1 ч., пушкарей 6 ч., розсылщиковъ 11 дворов, людей в нихъ 22 ч., приказной избы сторошъ 1 ч. посацкихъ людей 196 дворов., Конюшенной слободы 18 дворовъ, ямскихъ охотниковъ 8 дворовъ, боярскихъ и монастырскихъ 11 дворовъ. І всего 233 двора, людей в нихъ: протазанщикъ 1 ч., саадашникъ 1 ч., пищалниковъ 86 ч., с копыи 201 ч., з бердыши 48 ч., недорослѣи 185 ч.

І всего в Кашине дворянъ и детѣи боярскихъ отставныхъ и подъячихъ и пушкарей и розсылщиков, и кашинцов посацкихъ людей и Конюшенной и Ямской слобод со всякими боі, и недорослѣи і всякихъ чиновъ людей 565 ч.

(М. А. М. Ю. Разрядъ. Бѣлгород. столб. Столб. 619, л. 54—55).

№ 59.

Выпись изъ годовой смѣтной росписи 7177 г. 1).

В К а ш и н е новгородецъ Иван Романовъ сынъ Арцыбашевъ отпущон во 173-м году.

1) Выпись является очевидно черновикомъ. Слова, заключенныя въ прямыя скобки [],— дѣячьи помѣты, указывающія, какимъ образомъ выпись должна была быть переписана бѣвало.

А по его отпискѣ и по книгамъ в 5 числѣ нынѣшняго 177 году
[отставь да пиши городъ.ч.....]

(х... отставныхъ дворян и детей боярскихъ 13 ч., подъячей 1 ч., пушкарей 6 ч., розсылщиковъ 22 ч., Приказной избы сторожъ 1 ч., кашинцовъ посацкихъ людей 434 ч., на посаде на боярскихъ и на монастырскихъ дворахъ дворниковъ 10 ч., детей ихъ 4 ч., в Кашине Конюшенная слобода 17 дворовъ, людей в нихъ 40 ч., ямскихъ охотниковъ 9 дворовъ, людей в нихъ 17 ч.

И всего в Кашине на посаде і в Конюшенной і в Ямской слободахъ и в боярскихъ и в монастырскихъ 232 двора, людей в нихъ 505 ч.
[пиши нарядъ х““]

ч... вмѣсто города острогъ рубленой, крытъ тесомъ, по острогу проѣзжихъ воротъ и глухихъ 15 башенъ [людей (х...)]

х““ наряду: пищаль мѣдная, ядро къ ней вѣсомъ 3 гривенки, взята по государеве грамотѣ къ Москвѣ в Пушкарской приказъ въ прошломъ во 176-мъ году, а ядеръ в Кашинѣ тоѣ пищали 158 ядеръ; 4 пищали полковые мѣдныя да 5-я полковая желѣзная, ядро къ нимъ вѣсомъ 2 гривенки безъ чети, і всего къ нимъ ядеръ 39; 3 пушки волконейки горѣлыхъ безъ станковъ, къ нимъ 11 ядеръ; 17 пищалей затупныхъ, къ нимъ 152 ядеръ, 31 ядро боевыхъ; да зелья в казнѣ з бочками и с ужищами и с войлоки 40 пудъ с четью, свинцу 12 пудъ, 1300 [каракулей *зачеркнуто и написано сверху*] рогулекъ.

В Кашинѣ в остроге вестового колокола и хлѣбныхъ запасовъ и запасныя соли, губныхъ старостъ и городовыхъ прикащиковъ и осадныхъ головъ и пошлинныхъ денегъ нѣтъ.

А у пушечныя и у пороховныя казны целовальникъ 1 человекъ.

(М. А. М. Ю. Розрядъ. Бѣлгородскій Столъ. Столб. 642, л. 48, 50—51)

№ 60.

Дѣло о присылкѣ въ Москву Кашинскаго Кружечнаго двора ларешнаго цѣловальника Елисея Какина съ государскою казною и съ приходными и расходными книгами къ отчету за 7178 г. и о взыснаніи съ кашинцевъ недобранныхъ денегъ.

Государю ц. і в. к. Алексѣю Михайловичу, в. в. і м. і б. Р. с., холопъ твой Мирошка Суколеновъ челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, г-рь, во 179-мъ году генваря въ 16 день по твоему в. г-ря ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указу и по грамотѣ ис приказу Галицкіе четі, за приписью дьяка Григорья Богданова, выслалъ къ тебѣ, в. г-рю, къ Москвѣ ис Кашина я, х-пъ т., Кашинскаго Кружечнаго двора прошлаго 178-го году ларешнаго целовальника Ели-

сѣйка Какина съ твоею в. г-ря денежною казною и съ приходными и съ расходными книгами приказу Галицкие четі сыномъ боярскимъ с—Бваномъ Коржавинимъ да съ провожатымъ съ кашинскимъ розсылщникомъ съ Моткою Каргашинимъ съ сою отпискою вмѣстѣ; а отписку велель подать и сыну боярскому Ивану Коржавину и розсылщнику и ларешному целовальнику съ товарищи съ зборными денгами і съ книгами явѣтца въ приказѣ Галицкие чети твоему в. г-ря думному дворянину Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дяку Григорью Богданову.

На оборотѣ помѣта: „По книгамъ счесть и учивить выписка тотчасъ“.

А по книгамъ Кашинскаго Кружечнаго двора головы Богдашка Ветошникова съ товарищи во 178-мъ году на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ вина въ приходе:

Принято изо 177-го году 290 вѣдръ по 14 алтынъ ведро, итого 121 рубль 26 алтынъ 4 денги.

Да Кашинские винокурни голова Богдашкова съ товарищи куренья 1108 вѣдръ съ четью.

По сложной ценѣ то вино иметца 814 вѣдръ съ четью по 15 алтынъ по полъ 4 денги. 304 ведра по 15 алтынъ по 4 денги ведро, Итого за то вино истинны 522 рубли 4 алтына 5 денегъ.

Всего принятого і голова Богдашкова съ товарищи куренья въ приходе вина 1408 вѣдръ съ четью.

Истинныхъ денегъ за то вино 643 рубли 31 алтынъ 8 денги.

Въ продажѣ того вина разными ценами: 116 вѣдръ 3 четі по рублю по 1 алтыну по 2 денги ведро, и того 225 рублей 14 алтынъ

816 вѣдръ по 26 алтынъ по 4 денги ведро, итого 652 рубли 26 алтынъ 4 денги.

124 ведра 3 четі по 23 алтына по 2 денги ведро, итого 86 рублей 9 алтынъ 5 денегъ.

Да въ нынешней во 179-й годъ дано на заводъ 250 вѣдръ по 20 алтынъ ведро, итого 150 рублей.

Всегс вина по разнымъ ценамъ въ продажѣ и на заводъ въ оддаче 1407 вѣдръ 2 четі.

И противъ приходу въ продажѣ і на за(водъ) въ оддаче вина не объявилось 2 четі, цена тому вину по винокуренной ценѣ 7 алтынъ полъ 5 денегъ.

Денегъ за то вино истинны и прибыли опричъ недосталага вина 1115 рублей 18 алтынъ зъ 1 денг.

И въ томъ числѣ истинны 643 рубли 31 алтынъ 8 денги.

А за истинною у того вина прибыли 471 рубль 19 алтынъ 4 денги.

Да отъ винныхъ варъ за дробину взято 62 рубли 16 алтынъ 4 денги.

У пива прибыли 157 рублей зъ 1 денг.

Да отъ пивныхъ варъ продано квасу и дробинъ на 16 рублей на 6 алтынъ на 3 денги.

Съ явочныхъ питей пошлинныхъ денегъ собрано рубль 9 алтынъ 2 денги.

Всего на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ во 178-мъ году сентября съ 1-го числа сентября жъ по 1 число нынешнего 179-го году у вина и у пива прибыльныхъ денегъ собрано і съ тѣмъ, что взято отъ винныхъ брагъ за барду и отъ пивныхъ варъ за дробину і съ питей явочныхъ денегъ, 708 рублей 19 алтынъ.

И въ то число тѣхъ зборныхъ денегъ въ приказъ Новые четі въ присылкѣ 151 рубль.

Да зборныхъ же денегъ Кашинскаго Кружечнаго двора на всякие расходы по книгамъ головы Богдашка Ветошника съ товарищи въ расходе:

Построена вновь винокурня. За бревна и за столбы і отъ вычистки водоливовъ, да за бревна, что куплены въ винокурню жъ на подымникъ, і за плетни, что плетены къ винокурне, и за хворостъ и за солому, да за 90 тесницъ полу-третѣи-саженныхъ и плотникамъ за дѣло, всего дано 4 рубли 21 алтынъ 2 денги.

Построена пивная поварня вновь. На кровлю пошло тесу и дранницъ и скаль, и за лесъ, і плотникамъ за работу, и за прибойные гвоздье дано 2 рубли 18 алтынъ 2 денги.

Здѣлано въ винокурне къ большому котлу очагъ да 25 очаговъ къ виннымъ кубамъ, да въ пивной поварне къ большому котлу очагъ же, дано за кирпичъ и за глину и печнику за дѣло всего 2 рубли 25 алтынъ 2 денги.

Куплено на винные и на пивные бочки 210 обручевъ, да на бражные большие тчаны 70 обручевъ дубовыхъ и черемъховыхъ, дано 4 рубли 24 алтына 4 денги.

Отъ набивки на бражные тчаны и на винные и на пивные бочки дано бочару во весь годъ 3 рубли.

Отъ уставки болшихъ бражныхъ тчановъ и отъ вкопыванья въ землю дано работникомъ рубль 16 алтынъ 4 денги.

Отъ починки въ солодовенномъ овине потолоку и за бревна, да отъ перекрыванья пивной избы и за дранье, да отъ дѣла въ пивной же избѣ постава да стола и за лесъ, да въ выходе отъ дѣла лѣсницы и за лесъ же дано рубль 3 алтына 2 денги.

Здѣлано 3 ресца да 3 поскребалки, топоръ, косарь, къ мѣднымъ канюхомъ ручки, къ житничной двери обоймица да пробой, пѣшня ледоколная, къ солодовни нутреной замокъ, отъ подковыванья казенной лошади и за подковы дано за все 27 алтынъ 4 денги.

Отъ починки желѣзнаго котла дано 23 алтына 2 денги.

Куплено смолы заливать винные и пивные бочки на 13 алтынъ на 2 денги.

Куплено 4 рогожи покрывать пивные тчаны дано 4 алтына.

Куплено во весь годъ 70 горшковъ покрывать кубы, дано 85 алтынъ.

Куплено 2 ушата, даны 2 алтына.

Куплено 3 шелдана, дано 8 денегъ.

Куплены 2 окончины, дано 2 алтына.

Купленъ къ винному погребу нутреной замокъ данъ 8 алтынъ 2 денги.

Куплены 2 дровни да волокн съ колесы, на чемъ воду возять, дано 15 алтынъ 4 денги.

Куплены 2 тчана новые болшия бражныя, даны 2 рубли 16 алтынъ 4 денги.

Купленъ въ солодовню тчанъ мочить солодъ, данъ 23 алтына 2 денги.

Куплено новыхъ болшихъ винныхъ дубовыхъ 15 бочекъ, даны 14 рублей.

Куплено 35 мешковъ на хлѣбъ, дано 43 алтына 2 денги.

Построена баня работнымъ людямъ. За лесъ и плотникамъ за работу дано и за печь новую дано 23 алтына 2 денги.

Купленъ винной кубъ вѣсомъ 35 гривенокъ, данъ 4 рубли.

Куплено 2 крушки луженые мѣдные да стопа, вѣсу въ нихъ 8 гривенки безъ чети, даны 13 алтынъ 4 денги.

Куплено подставочныхъ 15 шаекъ и вѣдеръ, на 6 алтынъ.

Куплено колюшекъ и подаекъ во весь годъ 4000, дано 8 рублей.

Куплено ковшовъ и чарокъ во весь годъ 1400, дано 5 рублей 1 алтынъ 2 денги.

Отъ воски въ пивной погребъ снѣгу дано рубль 16 алтынъ 4 денги.

Куплено свѣчъ салныхъ во весь годъ 2100, дано 3 рубли 26 алтынъ.

Куплено бумаги пищие во весь годъ стопа, дано 26 алтынъ 4 денги.

Казенному дворнику на годъ дано 2 рубли.

Дьячку дано на годъ 6 рублей.

Всего Кашинскаго Кружечнаго двора на всякие расходы въ росходе 75 рублей 6 алтынъ.

Да въ нынешной во 178-й годъ новому головѣ Ѳочке Шустову съ товарищи дано на заводъ виномъ и пивомъ и всякими запасы 200 рублей.

И въ тѣхъ заводныхъ денгахъ целовальникъ Елисаѣйка Какинъ подалъ отпись, а въ ней пишеть:

Лѣта 7179-го ноября въ 14 день по г-ву ц. і. в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указау и по памяти ис приказау Новые чети, за приписью дьяка Івана Патрѣкеева, нынешняго 179-го году Кашинскаго Кружечнаго двора голова Өочка Шюстовъ съ товарищи, по указау великаго государя, взяли Кашинскаго жъ Кружечнаго жъ двора прошлаго 178 году у верново головы у Богдана Ветошникова съ товарищи въ заводъ питьемъ виномъ и пивомъ и всякими запасы на 200 рублей приняли, въ томъ ему я Өочка съ товарищи ему Богдану Ветошникову съ товарищи жъ и отпись далъ. А отпись писалъ посадккой человѣкъ по ихъ велѣнью Івашко Воробьевъ.

На оборотѣ отписи: К се отписи Кружечнаго двора ларешной целовалникъ Омѣлка Корниловъ вмѣсто головы Өочка Шюстова съ товарищи руку приложилъ.

Кашинскаго жъ Кружечнаго двора ларешной целовалникъ Елисѣйка Какинъ съ товарищи зборныхъ денегъ привезли съ собою въ приказъ Галицкіе чети, какъ они приѣхали къ отчету, 286 рублей 21 алтынъ 3 денги, і писаны тѣ денги во взятѣ въ приходной книге нынешняго 179-го году генваря въ 25 день.

Всего Кашинскаго Кружечнаго двора зборныхъ денегъ въ приказъ Новые (чети) въ присылке и Кашинскаго Кружечнаго двора на всякіе расходы въ росходе и на заводъ въ отдаче и въ приказе Галицкіе чети въ привозе 712 рублей 27 алтынъ 3 денги.

И противъ збору 172-го году не добрано 776 рублей 18 алтынъ.

А противъ збору жъ 177-го году не добрано жъ 287 рублей 29 алтынъ.

И про недоборъ целовалникъ Елисѣйка Какинъ допрашиванъ, для чего онъ з головою з Багдашкомъ Ветошниковымъ противъ зборовъ прошлыхъ 172-го и 177-го годовъ во 178-м году не добрали.

А по допросу целовалникъ Елисѣйка сказалъ: въ прошломъ де во 178 году въ Кашине хлѣбъ былъ дорогъ, покупали ржи Кашинской четверикъ по пятнатцати алтынъ и по полтине, а жито по 10 алтынъ и по 4 гривны, а овесъ по 5 алтынъ и по шти алтынъ, і вино-де ис того хлѣба было невыходно, потому что на хлѣбъ въ томъ году поруха была, на рожъ пала ржа, а жито и овесъ былъ зяблой, і въ куренье де вино и въ варенье пиво было плохо і питуховъ де отъ того хлѣбнаго недороду было мало, потому де у нихъ і недоборъ учинился.

На оборотѣ по склейкѣ и въ концѣ показанія: К сей скаскѣ Елисѣйко Какинъ руку приложилъ.

Целовалникъ же Елисѣйка Какинъ подалъ 2 ценовные и росписные росписи, что они з головою з Багдашкомъ Ветошниковымъ Кашинскаго Кружечнаго двора всякаго хоромнаго строенья и всякой

посуды во 178-й годъ приняли и что въ нынешней во 179-й годъ отдали. А въ нихъ пишетъ:

Лѣта 7178-го сентября въ 29 день. По г-ву ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., грамотѣ изъ приказу Новые чети за приписью дьяка Ивана Патрекѣева роспись Кашинского Кружечного двора верному головѣ Богдану Ветошникову съ товарищи, что приняли мы прошлого 177-го году Кружечного двора у головы у Ивана Сахарникова съ товарищи въ нынешнѣй во 178 году въ Кашине на Кружечномъ дворѣ хоромъ и всякой кобацкой посуды медной и желѣзной и дерѣвянной:

На Кружечномъ дворе изба болшая пивная, а въ ней чуланъ з дверми да столъ, да въ окошкѣ окончина паисная, крыта драньемъ бѣ(зъ) скаль, изба ветха; цена всему 25 алтынъ.

На томъ же Кружечномъ дворе изба четвертная, а въ ней поставъ, у избы замокъ нутряной да замокъ висящей, 2 окончины паисные, крыта драньемъ и скалами, изба ветха; цена всему 43 алтыны 2 денги.

На томъ же Кружечномъ дворе изба пивная, где зимою пиво ставятъ, крыта драньемъ, бѣ(зъ) скаль, изба вѣтха и кровля огнила, у избы замокъ висящей; цена 5 алтынъ.

Да на томъ же Кружечномъ дворе пивной погребъ 3-хъ сажень, да въ немъ полати ветхи, крытъ драньемъ и скалами; пѣредъ погребомъ крыльцо сысподи, а другое вверху, крытъ драньемъ и скалами, все ветхо, у анбара замокъ висящей; цена всему 8 рублевъ.

Да ис того жъ погреба ведена труба, цена ей 2 рубли.

Да на томъ же Кружечномъ дворе погребъ винной съ выходомъ, погребъ рублевъ въ углы, а выходъ рублевъ въ столбы, у погреба замокъ висящей, а у выходу замокъ нутряной, крытъ драньемъ бѣ(зъ) скаль. Погребъ и выходъ ветхъ. Ис тово жъ погреба копана труба 25 сажень. Цена всему 8 рублевъ.

Да на Кружечномъ дворе 5 житницъ, 3 крыты драньемъ, а 2 соломю; у 3-хъ житницъ замки нутряные, а у 2 висящие; цена всемъ полтора рубли.

На томъ же Кружечномъ дворе пивная поварня ветха, крыта драньемъ, передъ поварнею заборъ, а по другую сторону огорожено хворостомъ, огорожено въ лѣщетни, крыта драньемъ и тесомъ; цена тому 16 алтынъ 4 денги.

Да въ той поварне посуды: цепникъ да корыто, да мерникъ, бочка дубовая, да цепникъ другой меньшей съ квасникомъ и съ корытомъ, да бочка Осташковская, да тцанъ уполникъ, 3 ушаты, да конюхъ; а большее корыто ветхо—сысподи плачено медью, да котель въ очагу желѣзной ветхъ; цена всему 2 рубли 20 алтынъ.

Да на винокуренномъ дворе хоромъ: горница на подклеть, да повалышка на подклете-жь; у подклета горнишново замокъ нутряной да другой висящей; у повалышки замокъ нутряной, да другой висящей; промежь ими сени, подъ сеньми конюшня; горница и повалышка крыта драньемъ скалами и сени; все ветхо. Цена всему 5 рублей.

На томъ же Кружечномъ дворе ворота да 3 звена заборовъ, да тынокъ не великъ, ворота и заборы все ветхо, цена 5 алтынъ.

Да на винокуренномъ дворе погребъ, на немъ анбаръ крытъ драньемъ и скалами, у анбара замокъ нутряной, анбаръ ветхъ, а кровля огнила; цена ему 30 алтынъ.

На рекѣ на Кашине винокуренная поварня 8 звеновъ заборовъ, крыта драньемъ и тесомъ, да въ той же винокурне на рабочихъ людѣй баня, крыта соломю; цена всему 33 алтыны, 2 денги.

Да въ той же винокурне бражныхъ твердыхъ и ветхихъ 26 тщановъ, цена имъ 2 рубли 10 алтынъ.

Да въ той же винокуренной поварне котель въ очагу желѣзной ветхъ, да другой котель меньшей желѣзной же ветхъ же, цена имъ полтора рубли.

Да въ той же винокурне подставошныхъ и арапныхъ шаекъ и ведеръ водяныхъ 4 десятки, цена имъ 10 алтынъ.

Да въ той же винокурне 3 ушаты да 27 трубницъ, и те ветхи, цена имъ 8 алтынъ 2 денги.

Да къ той же винокурне поставлена солодовня съ овиномъ, у солодовни замокъ нутряной и у овина; крыта солодовня и овинъ драньемъ и соломю; цена всему 8 рубли.

Да на Кружечномъ дворѣ бочекъ твердыхъ і ветхихъ 90, твердыхъ въ нихъ 50 бочекъ, да ветхихъ 40; твердымъ бочкамъ по ценѣ за десятокъ по полтретья рубли, а ветхимъ цена за десятокъ по полтора рубли 3 гривною.

Роспись кубному въсу:

Первый подъемъ 5 кубовъ твердыхъ да труба, весу въ нихъ 3 пуды.

Вторы подъемъ твердые мѣди пудъ 3 чети.

Трети подъемъ твердые мѣди пудъ 2 чети.

Четверты подъемъ 5 кубовъ утлыхъ да труба, весу въ нихъ 3 пуды.

Пятый подъемъ 5 кубовъ утлыхъ, весу въ нихъ 3 пуда 7 гривенокъ.

Шестый подъемъ 5 кубовъ утлыхъ, весу въ нихъ 3 пуда 6 еунтовъ.

Седмы подъемъ 5 кубовъ утлыхъ да труба, весу въ нихъ 3 пуда.

Въ кубахъ твердые меди 6 пудъ съ четі, по ценѣ за пудъ твердые меди по 4 рубли съ полтиною.

Ветхие меди во отвесе 12 пудъ съ четі 3 еунта, по цене за пудъ по 2 рубли съ полтиною.

Да старыя меди яндовъ, весу въ нихъ 25 фунтовъ.

Да сковорода луженая старая медная, весу 7 фунтовъ 2 четі.

Да 2 ядовы новыя, вѣсу въ нихъ 14 фунтовъ.

Да новыя жъ меди принято у головы 2 вороньки, весу въ нихъ 3 фунта.

Государево медное орленое ведро, крушка да полкрушки бѣлого желѣза немѣцкаго.

Да въ винокуренной поварне топоръ, 2 косаря, 4 поскребалки, 2 рещца, да 2 ушата, да таганъ висящей; въ винокуренной поварне еще ушатъ новой.

По склейкамъ: К сей ценовной росписи Кашинскаго Кружечнаго двора целовалники Никита Осенинъ вмѣсто головы Ивана Сухарникова с товарищи, по ихъ велению, рука приложилъ.

Роспись ценовщикамъ: капинцы посадцкіе люди—земьской староста Троеимъ Зыбошниковъ, Алексѣй Терликовъ, Иванъ Запенинъ, Иванъ Кропивинъ, Петръ Коноплинъ, Пахомъ Щетниковъ, да Конюшенные слободы—Яковъ Пуминовъ, Василѣй Зуевъ, да Колязина монастыря слоботки Перѣтрясова Петръ Пленинъ, Сава Дехтярь, Стретѣнскаго дѣвича монастыря слоботки Ерусалимки Исая Сологочкой, Мартьянъ Ушаковъ.

Лѣта 7179-го сентября въ 20 день. По г-ву ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., грамотѣ ис приказу Новые чети за приписью дьяка Ивана Патрекѣева роспись Кашинскаго Кружечнаго двора верному головѣ Фокѣ Шустову съ товарищи, что приняли мы прошлаго 178 году Кружечнаго двора у ларешнаго целовалника у Елисея Какина съ товарищи въ нынешней во 179-й годъ въ Кашинѣ на Кружечномъ дворе хоромъ и всякой кабацкой спосуды мѣдныя и желѣзныя и дерѣвянныя:

На Кружечномъ дворе изба болшая пивная, въ нѣй поставъ, гдѣ пиво продаютъ, 3 двѣрью, да столъ, да въ окошкѣ окончина паисная, изба ветха, крыта драньемъ бѣ(зъ) скаль, покрыта вновь, цена ей 25 алтынъ.

На томъ же Кружечномъ дворе изба четвертная, въ нѣй поставъ, у избы замокъ нутряной да висящей, крыта драньемъ и скалами, изба ветха, цена ей 40 алтынъ.

На томъ же Кружечномъ дворе изба пивная, где пиво ставятъ зимою, крыта драньемъ, бѣзъ скаль, изба ветха и кровля огнила, у избы замокъ висящей, цена ей 5 алтынъ.

На томъ же Кружечномъ дворѣ пивной погребъ, да въ немъ полати вѣтки, крытъ драньемъ и скалами; пѣредъ погребомъ крыльцо сысподу, а другое вверху, крыто драньемъ и скалами, все ветхо, цена всему 7 рублевъ 20 алтынъ.

Да ис тово жъ погреба вѣдена труба, цена ей полтора рубли з гривною.

Да на томъ же Кружечномъ дворе погребъ винной съ выходомъ, погребъ рублѣнъ въ углы, а выходъ рубленъ въ столбы, у погреба замокъ нутряной да замокъ висящей, а у выходу замокъ нутряной. Погребъ и выходъ крыто драньемъ бѣзъ скалъ, все вѣтхо. Ис того жъ погреба ведена труба 25 сажень. Цена всему 7 рублей 16 алтынъ 4 денги.

Да на томъ же Кружечномъ дворе 6 житницъ, четыре крыты драньемъ, а 2 соломою, у трехъ житницъ замки нутряные, а у дву висящие, а у житницы замокъ дерѣвянной; всемъ житницамъ цена полтора рубли.

На томъ же Кружечномъ дворе пивная поварня построена вновь подрубана і заборы забираны, крыта драньемъ и тѣсомъ и скалами, передъ нею выходъ рубленъ въ столбы, крыто драньемъ и скалами, цена ей 2 рубли.

Да въ той же поварне спосуды: цепникъ, да корыто, да мерникъ, бочка дубовая, да цепникъ мѣньшей съ квасникомъ и съ корытомъ, да бочка Осташковская, да тцанъ уполникъ, 3 ушата, да конюхъ; а корыто ветхо, сысподи плачено мѣдью, да котель въ очагу желѣзномъ вѣтхъ; цена всему 2 рубли.

Да на винокуренномъ дворѣ хоромъ: горница на подклѣте, да повалышка на подклѣте, у подклета горнишного замокъ нутряной да висящей, да у повалышнаго подклета замокъ висящей, а вверху замокъ нутряной, промежъ ими сени съ подсенями, горница и повалышка и сени крыты драньемъ и скалами, все ветхо; цена всему 4 рубли 25 алтынъ.

Да на томъ же Кружечномъ дворе ворота, 3 звена заборовъ, ворота и заборы все вѣтхо, цена всему 3 алтына 2 денги.

Да на винокуренномъ дворѣ погребъ съ анбаромъ, кровля огнила, у анбара замокъ нутряной, анбаръ вѣтхъ, цена 25 алтынъ.

На рекѣ на Кашине винокуренная поварня вновь построена 8 звеновъ заборовъ, винокурня крыта тѣсомъ и драньемъ; да въ той же винокурнѣ на работныхъ людей баня, построена вновь, крыта соломою; цена всему 2 рубли.

Да въ той же винокурнѣ поварне бражныхъ твердыхъ и ветхихъ 22 тцана, цена имъ 60 алтынъ, да новыя 4 тцаны, цена имъ 3 рубли.

Да въ той же винокуренной поварне котель въ очагу желѣзной ветхъ, другой котель меншей желѣзной вѣтхъ же, цена имъ обѣма 43 алтына 2 денги.

Да въ той же винокуренной поварне подстсвошныхъ и арашныхъ

шакъ и ведеръ водяныхъ 36 шакъ и ведеръ, цена всему пол полтины (*зачеркнуто*: полтора рубли).

Да въ той же винокурне 3 ушата да 25 трубницъ твердыхъ и ветхихъ, цена 6 алтынъ 4 денги.

Да къ той же винокурне поставлена солодовня съ овиномъ, у солодовни и у овина замки нутряные, солодовня и овинъ крыты драньемъ бѣ(зъ) скаль, овинъ построенъ вновь; цена всему 3 рубли 8 алтынъ 2 денги.

Да на Кружечномъ дворе твердыхъ и ветхихъ 87 бочекъ, твердыхъ 50 по ценѣ за десятокъ по 2 рубли по 4 гривны, да ветхихъ 37 бочекъ, ветхимъ за десятокъ по 46 алтынъ по 4 денги.

Да новыхъ бочекъ принято у головъ 15 бочекъ, 14 рублей.

Роспись кубному весу:

Первый подъемъ 5 кубовъ твердыхъ да труба, весу въ нихъ 3 пуды съ чети.

Вторы подъемъ 5 кубовъ твердыхъ да поденокъ твердой, весу въ нихъ 3 пуды 8 гривенокъ.

Трѣтій подъемъ твердые мѣди трубъ, весу въ нихъ 2 пуда 2 чети.

Четвертый подъемъ 5 кубовъ утлыхъ да труба, весу въ нихъ 3 пуды.

Пятый подъемъ 4 кубы утлыхъ да труба, весу въ нихъ 2 пуда съ четью.

Шестый подъемъ 3 кубы утлыхъ да 3 трубы, весу въ нихъ 2 пуды съ четью.

Седмы подъемъ 3 кубы утлыхъ да 4 трубы, весу въ нихъ 2 пуды.

Да 3 конюха мѣдные, руковази желѣзные, весу въ нихъ 14 еунтовъ.

Твердые мѣди въ кубахъ и въ трубахъ меди во отвесе 8 пудъ, 3 чети 8 гривенокъ, по ценѣ за пудъ по 4 рубли съ половиною.

Да ветхие мѣди въ кубахъ и въ трубахъ въ отвѣсе 9 пудъ 3 чети 4 еунта, по ценѣ за пудъ по 2 рубли съ половиною.

Да старые мѣди яندовъ ветхихъ 4, весу въ нихъ 25 еунтовъ.

Да сковорода медная съ ушми, весу въ ней 7 еунтовъ 2 чети.

Да 2 вороньки медные, весу въ нихъ 3 еунта.

2 яндовы луженые, весу въ нихъ 14 еунтовъ.

Да новые мѣди принято у прошлого головы у Богдана Вѣтошника съ товарищи крушка да полкрушки, стопа, все меры полуженые, весу въ нихъ 2 еунта 2 чети.

Государево медное орленое ведро, да винокуренные поварии топоръ, 2 косаря, 5 посребалокъ, 4 ресца да пешня новая принята, 3 ушата да таганъ висящей.

По склейкамъ: К сей ценовной росписи Кашинскаго Кружечнаго двора целовалникъ Омелка Корниловъ вмѣсто головы Фоки Шустова с товарищи по ихъ вѣленію руку приложилъ.

Росписъ ценовщикамъ: кашинци посадские люди — Иванъ Башаковъ, Федоръ Засухинъ, Петръ Коноплинъ, Михайло Стулцовъ, Григорѣй Соковъ, Либимъ Пипинъ, Кузма Кропивинъ. Алтѣсѣй Куркиинъ, да Колязина монастыря крестьяне слоботки Перетрясова Иванъ Колюшкинъ да Ондрей Троиимовъ, да Стретѣнскаго дѣвча монастыря слоботки Ерусалимки крестьяне Семѣнъ да Овлокимъ Ивойловы, да Ковышевные слободы тяглецы Карпъ Зуевъ да Либимъ Елинъ.

И съ ценовные и росписные списки справливаны, а по справке въ нынешней во 179-й годъ въ отдачу не объявилось 3-хъ тчановъ да 3-хъ бочекъ винныхъ да 15 подставочныхъ шаякъ, да въ винныхъ кубахъ и въ трубахъ мѣди 17 фунтовъ, да роспивочныхъ судовъ колюшекъ и подоекъ 4000, по ценѣ на 8 рублей, да ковшовъ и чарокъ 1400, по ценѣ на 5 рублей на 8 денегъ.

И про недостающую посуду и про мѣдь и про роспивочные суды даречной целовалникъ Елисѣйка Какинъ допрашиванъ.

А по допросу сказали: 3-де тчана да 3 бочки были ветхи и уторы огнили и рассыпались и пошли въ дрова, а 15 подставочныхъ шаякъ рассыпались, а починить и обручами збить ихъ было не мочно; а 17-де фунтовъ мѣди въ винное куренье въ кубахъ во весь годъ угорѣло, а роспивочные де суды питухи перебили и рознесли.

На оборотъ и съ концъ показанія: К сей сказке Елисѣйко Какинъ руку приложилъ.

На оборотъ выписки: Справилъ Васка Никитинъ.

179-го марта въ 22 день думной дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ да дьяки Григорей Богдановъ да Яковъ Поздышевъ, слушавъ сей выписки, что по книгамъ головы Богдашка Ветошникова съ товарищи Кашинскаго Кружечнаго двора зборныхъ денегъ того Кашинскаго Кружечнаго двора на всякие расходы въ расходы 75 рублей 6 алтынъ, и тѣ деньги велѣли зачестъ въ зборъ; да что на Кашинской Кружечной дворъ въ нынешней во 179 годъ головѣ Фочке Шустову съ товарищи дано на заводъ двѣсти рублей, и тѣ денги велѣли зачестъ же въ зборъ, а на головѣ Фочке съ товарищи тѣ денги взять. А что голова Богдашка Ветошниковъ съ целовалники во 178-мъ году на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ противъ збору прошлаго 177-го году не добрали 287 рублей 29 алтынъ, и тѣ недоборные денги велѣли доправить головы на Богдашкове женѣ и на детехъ и на целовалникахъ и на выборныхъ на всѣхъ кашинцахъ посадскихъ людехъ; а доправя тѣ денги прислать къ Москвѣ въ приказъ Галицкие чети на срокъ мая къ 1-му числу нынешняго 179-го году и о томъ послать великаго государя грамоту въ Кашинъ къ воеводе къ Мирону Суколынову. Да Кашинскаго жъ Кружечнаго двора нынешняго 179-го году къ головѣ къ Фочке Шустову съ товарищи велѣли послать память, чтобъ они

зборныхъ денегъ ни на какіе расходы безъ указа в. г-ря и безъ памятей іс приказу Галицкіе чети не довали и на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ хоромного строенья и всякой посуды вновь не строили і не покупали и не починивали.

По склейкамъ нѣсколько разъ и въ концѣ помѣты: Діакъ Яковъ Поздышевъ.

Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., въ Кашинѣ воеводе нашему Миرونу Петровичю Суколѣнову. Въ прошломъ во 178-мъ году по нашему великого государя указу и по выбору кашинцовъ всѣхъ посадцкихъ людей на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ у питья прибыльные денги збирали на насъ, великого государя, кашинцы посадцкіе люди голова Богдашко Ветошниковъ съ товарищи. А по окладу на томъ Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ велено имъ собрать противъ болшого збору 172-го году 1489 рублей 12 алтынъ з денгою, а противъ збору 177 году 1000 рублей 23 алт. з денгою. И голова Богдашко въ нынѣшнемъ во 179-мъ году въ сентябрѣ мѣсяце умре. И въ нынѣшнемъ же во 179-мъ году генваря въ 25 день писалъ ты къ намъ, в. г-рю, и прислалъ въ приказъ Галицкіе чети Кашинского Кружечного двора прошлаго 178-го году ларечного целовалника Елисѣйка Какина съ товарищи зборными денгами и съ приходными и съ расходными книгами къ отчету; а по книгамъ, каковы въ приказе Галицкіе чети подалъ ларечной целовалникъ Елисѣйка Какинъ въ прошломъ во 178-мъ году, на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ у питья прибыльныхъ денегъ собрано 712 рублей 27 алтынъ з денги, и противъ болшого збору прошлаго 172-го году не добрано 776 рублей 18-ти алтынъ, а противъ збору жъ 177-го году не добрано 287 рублей 29 алтынъ. И по нашему в. г-ря указу недоборные денги, что недобрано противъ збору прошлаго 177-го году, 287 рублей 29 алтынъ велено доправить головы на Богдашкове женѣ и на детехъ и на целовалникахъ, и на выборныхъ на всѣхъ кашинцахъ посадцкихъ людехъ; а доправя тѣ денги прислать къ намъ, в. г-рю, къ Москве въ приказъ Галицкіе чети на срокъ мая въ 1 день нынѣшняго 179-го году. И какъ къ тебѣ ся наша в. г-ря грамота придетъ, и ты бѣ кашинского Кружечного двора прошлаго 178 году недоборные денги 287 рублей 29 алтынъ велѣлъ доправить головы на Богдашкове женѣ и на детехъ, и на целовалникахъ, и на выборныхъ на всѣхъ кашинцахъ посадцкихъ людехъ тотчасъ бесрочно, а доправя тѣ денги, прислалъ къ намъ, в. г-рю, къ Москве съ кѣмъ пригожъ на срокъ мая въ 1 день нынѣшняго 179-го году; да о томъ къ намъ, в. г-рю, писалъ, а отписку велѣлъ подать и з денгами явитца въ приказе Галицкіе чети думному нашему дворянину Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дякомъ нашимъ Григорью Богданову да Якову Позды-

шеву. А будетъ ты тѣхъ денегъ на срокъ къ намъ, в. г-рю, къ Москве въ приказъ Галицкіе чети не приплешь, и по нашему в. г-ря указу тѣ недоборные денги 287 рублей 29 алтынъ доправлены будутъ на тебѣ; да на тебѣ жъ доправлено будетъ пени 100 рублей безо всякіе пощады. Писанъ на Москвѣ лѣта 7179-го апрѣля въ 4 день.

Такова в. г-ря грамота за приписью дьяка Якова Поэдышева.

Ц. г-рю и в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьютъ челомъ сироты твои Кашина города посацкіе люди Кружечново двора целовалничиска Елесѣйко Какинъ съ товарищи. Въ прошломъ, г-рь, во 178-мъ году были мы, сироты твои, у твоего г-ва дѣла на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ з головою з Богданомъ Ветошниковымъ въ целовалничискахъ, и голова Богданъ въ нынѣшнемъ во 179-мъ году въ сентябрѣ мѣсеце умре; а собрали мы, сироты твои, з головою з Богданомъ у питья прибыльныхъ денегъ 712 рублей 27 алтынъ, а не добрали мы, сироты твои, противъ прошлого 177-го году 287 рублей 29 алтынъ. А тѣ недоборные денги велено на насъ, сиротахъ твоихъ, доправить. А тотъ недоборъ учинился отъ того, что въ прошломъ, государь, во 177-мъ году хлѣбъ былъ дешевъ и добръ, четверикъ Кашинской мѣры купили ржи по щи алтынъ, а ячмени купили четверикъ по четыре алтына, а овса четверикъ купили по два алтына, и ис того хлѣба вино и пиву было выходно и въ тотъ годъ хлѣбъ не зябъ, купили дешевою ценою и на Кружечномъ дворѣ въ томъ году питуховъ было много. А у насъ, сиротъ твоихъ, потому учинился недоборъ, что въ прошломъ во 178-мъ году хлѣбу былъ недородъ и тотъ зяблой, купили дорогою ценою, четверикъ Кашинской мѣры ржи по 4 гривны и болши, и та рожь не вся росла, а ячмени четверикъ купили по 10 алтынъ, а овса четверикъ купили по гривне и по 4 алтына, и тотъ ячень и овесъ былъ зяблой, и ис того хлѣба вино и пиву выходу было мало, и отъ того хлѣбного недороду на твоёмъ государеве Кружечномъ дворѣ питуховъ было мало, продавали питье пиво и вино поволною ценою, и отъ (то)го, государь, учинился недоборъ. Милосердый г-рь ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй насъ, сиротъ своихъ, вели, г-рь, про тотъ недоборъ сыскать всѣмъ Кашинымъ городомъ и всякихъ чиновъ уѣздными людьми и безъ сыску не вели, г-рь, на насъ, сиротахъ твоихъ, того недобору править, чтобы намъ, сиротамъ твоимъ, отъ того недобору на правежи замученымъ не быть, и въ конецъ не погинуть и твоихъ в. г-ря податей и служебъ не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ: 179-го мая въ 17 день по указу великого государя думной дворянинъ Артемонъ Серьгѣевичъ Матвѣевъ приказалъ про недоборъ сыскать противъ государева указа.

Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., въ Ка-

шннѣ воеводе нашему Мирону Петровичю Суколѣнову. Въ приказе Галицкіе чети въ приходной книгѣ кружечныхъ дворовъ нынешняго 179-го году написано: по нашему великого государя указу и по выбору... *(далѣ слѣдуетъ изложеніе помѣщенной выше грамоты отъ 4 апрѣля)*... велено недоборные денги, что не добралъ голова Богдашка Ветошниковъ съ целовалники въ прошломъ во 178-мъ году передъ зборомъ 177-го году, 287 рублевъ 29 алтынъ доправить головы на Богдашкове женѣ і на детехъ, і на целовалникахъ и на выборныхъ на всѣхъ кашинцахъ посадцкихъ людехъ; а доправя тѣ денги, прислать къ намъ, великому государю, къ Москве въ приказъ Галицкіе чети. І мая въ 17 день били челомъ намъ, великому государю, кашинцы посадцкіе люди Кашинского Кружечного двора прошлаго 178 году целовалники Елисѣйка Какинъ съ товарищи... *(слѣдуетъ изложеніе выше помѣщеннаго челобитья)*... И намъ, великому государю, пожаловать бы ихъ, велѣтъ про тотъ недоборъ сыскать всѣмъ Кашиномъ городомъ всякихъ чиновъ і уѣздными людьми. И какъ къ тебѣ ся наша в. г-ря грамота придетъ, и ты бѣ въ Кашине и въ Кашинскомъ уѣзде сыскалъ болшимъ повалнымъ обыскомъ, архимариты, и ігумены, и протопопы, и поны, и дьяконы по священству, а старцы по иноческому обещанію, а дворяны и детми боярскими и всякихъ чиновъ служилыми, и кашинцы посадцкими и уѣздными людьми, і старосты и целовалники и крестьяны по святей непорочной евангелской Христове заповеди, еже ей ей: въ прошломъ во 178-мъ году кашинцы посадцкіе люди голова Богдашко Ветошниковъ да ларечной целовалникъ Елисѣйка Какинъ съ товарищи на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ нашу в. г-ря денежную казну збирали въ правду-ль съ великимъ радѣньемъ неоплошно; и для чего они голова Богдашко и ларечной целовалникъ Елисѣйка съ товарищи противъбору прошлаго 177-го году не добрали 287 рублевъ 29 алтынъ? Или они голова Богдашко и ларечной целовалникъ Елисѣйка съ товарищи, будучи во 178-мъ году на Кашинскомъ Кружечномъ дворѣ, нашу в. г-ря денежную казну крали или въ долги давали, и питье вино і медъ и пиво къ себѣ съ Кружечного двора имали безденежно и свойственнымъ людемъ и друзьямъ и хлѣбозацемъ давали, и въ краже денежные казны и питья и хлѣбныхъ запасовъ межъ себя не упрекались ли? И буде упрекались, и кто кого чѣмъ упрекалъ? А обыскивалъ бы и роспрашивалъ всякого человекъ и рѣчи ихъ велѣлъ писать про всякую статью порознь, и дворяномъ и детемъ боярскимъ со крестьяны въ одни рѣчи писатца не велѣлъ. Да кто что про то про все въ обыску обыскные люди скажутъ, и ты бѣ имяна ихъ и рѣчи велѣлъ писать на списокъ подлинно порознь, да къ тому обыскному списку велѣлъ обыскнымъ людемъ руки свои приложить. А которые обыскные люди сами грамоте не умѣютъ, и въ ихъ мѣсто велѣлъ

руки прикладывать отцемъ ихъ духовнымъ или кому они вѣрятъ. Да о томъ къ намъ, в. г-рю, писалъ и обыскной списокъ за руками обыскныхъ людей и за своею рукою прислалъ съ кѣмъ пригожь безо всякого мотчанья, не дожидаясь о томъ къ себѣ иного нашего в. г-ря указу; а отписку и обыски велѣлъ подать въ приказе Галицкие чети думному нашему дворянину Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дьякомъ нашимъ Григорью Богданову да Якову Поздышеву. А сыскивать бы тебѣ про всѣ статьи по сему нашему в. г-ря указу прямо въ правду, не норовя никому, і роспрашивалъ бы всякого человекъ проти(въ) всѣхъ статей порознь; да и обыскнымъ людямъ говорилъ, чтобъ они въ обыску не лгали, сказывали прямо въ правду, не норовя и не укрывая голову Богдашка и ларечного целовалника Елисейка съ товарищи. А буде ты учнешь въ обыску имъ норовить или обыскные люди учнутъ по нихъ покрывать, сказывать неправду, а после про то сыщется, и тебѣ за поноворку, а обыскнымъ людямъ которые солгутъ, быть отъ насъ великого государя въ опале и въ жестокомъ наказаньи безо всякие пощады, и тѣ недоборные денги доправятъ на тебѣ і на обыскныхъ людехъ; да на тебѣ жъ и на обыскныхъ людехъ за лживые обыски по нашему в. г-ря указу велеть взять пени болшия. Писанъ на Москвѣ лѣта 7179-го мая въ 31 день.

Такова в. г-ря грамота за приписью дьяка Якова Поздышева отдана думного дворянина Семена Ивановича Заборовского человекъку Михайлу Румянцову. Такову в. г-ря грамоту Мишка Румянцовъ взялъ.

Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., въ Кашинѣ воеводе нашему Мирону Петровичю Суколѣнову. Въ прошломъ во 179-мъ году мая въ 31 день послана къ тебѣ наша в. г-ря грамота, а велено въ Кашине и въ Кашинскомъ уѣзде сыскать болшимъ повалнымъ обыскомъ... *(слѣдуетъ изложение предшествующей грамоты отъ 31 мая)*... и обыскной списокъ за руками обыскныхъ людей прислать съ кѣмъ пригожь безо всякого мотчанья, не дожидаясь къ себѣ иного нашего великого государя указу. И ты о томъ къ намъ, в. г-рю, не писывалъ и обысковъ сентября по... число нынешняго 180 году не присылывалъ, знатно имъ норовишь. И какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ, и ты бѣ по прежней і по сей нашимъ в. г-ря грамотамъ о томъ обыскной списокъ обыскныхъ людей и за своею рукою прислалъ къ намъ, великому государю, къ Москве съ кѣмъ пригожь безо всякого мотчанья, не дожидаясь о томъ къ себѣ иного нашего в. г-ря указу; а отписку и обыски велѣлъ подать въ приказе Галицкие чети думному дворянину Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дьякомъ нашимъ Григорью Богданову да Якову Поздышеву. А буде тѣхъ обысковъ къ намъ, в. г-рю, къ Москве

въ приказъ Галицкіе чети вскоре не приплещь, и по нашему в. г-ря указу доправлено будетъ на тебѣ за то пени 100 рублей безо всякіе пощады. Писанъ на Москвѣ лѣта 7180-го сентября въ 16 день ¹⁾.

(М. Г. А. М. И. Д. Приказныя дѣла 7179/1671 г. января 16, д. № 17).

№ 61.

Купчая (списокъ) на дворовое бѣлое мѣсто на посадѣ.

Списокъ с купчей слово в слово. Се аз Кашина города Съѣзжие избы сторож Сава Ивановъ сынъ Клементьева з женою своею Дарьею да с сыном своим Анисимом продалъ есми я Сава дворовое свое бѣлое мѣсто с огородомъ, что благословилъ меня Саву отецъ мой Иванъ Клементьевъ послѣ брата моего Андрея Иванова сына Клементьева, Кашинскому площадному подъячему Леонтью Григорьеву сыну Добрыниву в Кашине на посаде на песку на берегу рѣки Кашины подле двора Кашинского разсылщика Петра Денисова сына Шастова, а по другую сторону двора вдовы Марьи Степановские жены Кункина; а во дворѣ і в огородѣ земля от сосѣдъ земля за межами. А взялъ я Сава у него Леонтья за то свое дворовое мѣсто и за огород у него Леонтья двенадцать рублей денег. И во очищенье есми я Сава ему Леонтью в томъ своемъ дворовом и огородномъ мѣстѣ имались, что наше дворовое и огородное мѣсто кромѣ ево Леонтья иному никому не продано и не заложено, і в кабалахъ хлѣбных и в денежных и в купчей ни в какихъ крѣпостях не укрѣплено і не написано. А будетъ гдѣ на то наше дворовое и огородное мѣсто вылягутъ какіе крѣпости, кабалы хлѣбные или денежные или закладные или духовные или какіе нибудь крѣпости кромѣ сей купчей, и мнѣ Савѣ з женою своею и с сыномъ своимъ то свое дворовое и огородное мѣсто очищать ото всякихъ крѣпостей и долгъ свой платить самим, а ево Леонтья в томъ своемъ дворовом и огородномъ мѣстѣ убытка не довести ни котораго ни денги. В томъ я Сава з женою своею Дарьею да с сыномъ своимъ Анисимомъ ему Леонтью на то свое дворовое и огородное мѣсто и купчюю дали. А на то послуши Марко Елизарьевъ сынъ Пантелѣевъ да Алексѣй Ивановъ сынъ Поповъ. А купчюю писалъ Кашинской площадной подъячей Фомка Вшивкинъ лѣта 7180-го году іюня въ 26 д. На зади у подлинной пишеть: К сей купчей Успенской поп Кирило Ивановъ вмѣсто сына своего духовнаго Савы Иванова сына Клементьева и жены его Дарьи и сына ево Анисима, что он Сава дворовое свое

¹⁾ На этомъ дѣло обрывается.

мѣсто продал и денги он Сава взял, и я Успенской поп Кирило руку приложилъ. Послухъ Марчко і руку приложил. Послух Алешко и руку приложил.

На оборотъ: К сему списку дѣльных дѣл подъячей Демка вмѣсто сестры своей вдовы Федосьи Ивановы дочери по ее велѣнью руку приложилъ, а подлинную купчую она вдова к себѣ взяла.

Помѣта: 194-го июля въ 19 д., съ подлинною правленъ. Бм.

(М. А. М. Ю. Столбцы Помѣстнаго приказа по Смоленску. № 37077 д. 30. 7194 г.).

№ 62.

Грамота (копія) къ воеводѣ объ отказѣ пустошей церквамъ Пятницкой и Петровской ¹⁾.

Съ копія копія.

Списокъ съ грамоты великаго государя. Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Россіи самодержца, въ Кашинѣ воеводѣ нашему Ивану Федоровичу Неплюеву. Въ прошломъ во 180-мъ году іюля въ 29 день послана къ тебѣ наша в. г-ря грамота по челобитью князь Алексѣя князь Иванова сына Вяземскаго, а велѣлъ въ Кашинской уѣздъ въ Чупцкой станѣ на пустошь Петровичъ, на пустошь Пятницкое съ пустошыми послать кого пригожь да про тѣ пустоши велѣно сыскать; да будетъ въ сыску скажутъ, тѣ лежать пустоши порожжи и спору ни съ кѣмъ не будетъ, велѣно измѣрить въ десятины, да тотъ сыскъ и мѣрные книги за руками прислать къ намъ къ Москвѣ въ Помѣстной приказъ. И въ нынѣшнемъ во 180-мъ году сентября въ 13 день и какъ ты къ намъ, в. г-рю, и съ отпискою прислалъ изъ Кашина съ посаду Пятницкаго попа Ивана да Петровскаго попа Маковей двѣ челобитные за руками; а въ челобитныхъ ихъ написано: били челомъ намъ, в. г-рю, Пятницкой попъ Иванъ да Петровской попъ Маковей: въ прошломъ во 180-мъ году билъ челомъ намъ, в. г-рю, князь Алексѣй князь Ивановъ сынъ Вяземской о пустошахъ изъ порожжихъ земель въ Кашинскомъ уѣздѣ, о пустоши Пятницкой да о пустошѣ Петровкѣ, и тѣ же пустоши престольные и не порожжіе и въ писцовыхъ межевыхъ книгахъ тѣ пустоши описаны и намъ, в. г-рю, пожаловать бы ихъ, не велѣтъ тѣхъ пустошей

¹⁾ Пятницкой церкви, по преданію—Пятницкаго монастыря, не существуетъ. Означенныя въ сей грамотѣ пустоши этой церкви нынѣ принадлежатъ Вознесенской церкви, какъ ближайшей къ упраздненной. Петровская церковь существуетъ и теперь.

Пятницкой и пустоши Петровки отъ предковъ отнять; да къ тѣмъ челобитнымъ Пятницкій попъ Иванъ Петровской да попъ Маковой руки приложили. А въ Кашинскихъ межовыхъ книгахъ письма и мѣры и межеванья Прокофья Бестужева да подьячего Данила Брянцова 186-го, 187-го и 188-го году въ Чуцкомъ стану въ межевыхъ написана мѣра Стрѣтенскаго дѣвича монастыря села Розмесова съ разными помѣщиками и вотчинники и съ посадскою землею; да въ той же межѣ написано поправу земля Стретенская сельца Розмесова, а полѣву за дорогою земля посадцкая, и тое пустоши Глазатова, межа Стрѣтенская пошла направо отъ городскія дороги на другую проселочную среднюю дорожку и по той дорожкѣ межа по вражекъ по престольную землю верховныхъ апостолъ Петра и Павла пустоши Петровки; а на правой сторонѣ земля Стрѣтенская пустоши Глазатова, а на лѣвой сторонѣ земля за дорошкою посадская, и у дорожки на углу яма на вражкѣ, а въ ямѣ камень. И отъ тое ямы пошла межа на вражку вверхъ направо до мыса, поправу земля Стрѣтенская пустоши Глазатова, а по лѣвую вражка земля Петровская, пустоши Петровской; и отъ того вражка межа старинная пошла налѣво по ручей Петровской врагъ, а на межѣ 6 ямъ, а въ ямахъ камень; по праву земля Стрѣтенская пустоши Глазатова, а по лѣву земля Петровская пустоши Петровки, и переѣхавъ Петровской врагъ межа пошла налѣво черезъ проселочную дорожку къ большой дорожкѣ къ Горицкой на поточину, межъ дорогами кусть можжевелой, по праву земля Стрѣтенская мученикъ Христовыхъ Мины и Виктора, сельца Розмесова, а полѣву земля Ивана Пивова, пустоши Трубникова, и отъ поточкины по большой по Горицкой дорогѣ межа пошла направо къ межѣ деревнѣ Долгушѣ Ивана Скобьева, а на правѣ земля Пятницкая пустоши Свистуновой, межа жъ вотчинной земли Ивана Скобьева съ вотчинной земли Стрѣтенскаго монастыря, да помѣстной земли Григорья Вотоллина да Федора Сосновского деревни Бибикова; да въ той же межѣ написано: ѣдучи межею отъ большой дороги отъ Горицкіе къ ручью по правую сторону межа Иванова земля Скобьева деревни Долгуши, а по лѣву межа Григорьева земля Вотоллина да Федора Сосновского, деревни Бибикова помѣстная земля; отъ престольныя земли старинная межа разошла большая дорога Горицкая, а на межѣ на большой дорогѣ на Горицкой столбъ дубовой, а на столбѣ грань, а подъ столбомъ уголье, а у столба у рѣчки у Кисти яма, а въ ямѣ уголья. И ѣдучи къ городу до большіе дороги Горицкой по лѣвую сторону вотчинная земля деревни Долгуши Ивана Скобьева, а по правую сторону межа престольная земля Предотеческая пустоши Бахабова, и переѣхавъ за рѣчку за Кисть яма, а въ ямѣ камень, и отъ ямы столбъ сосновъ и

на столбѣ грань, подѣ столбомъ уголье. Ђдучи отъ рѣчки отъ Кисти къ городу по межѣ по меньшей же дорогѣ Горлицкой по лѣвую сторону межи вотчинная земля деревни Долгуши Ивана Скобьева, а по праву престольная земля Пятницкая пустоши Свистуновой. И нынѣ били челомъ намъ, в. г-рю, Кашина города Пятницкой попъ Иванъ да Петровской попъ Моковой, что намъ, в. г-рю, пожаловать ихъ, не велѣтъ ево князя Алексѣеву ложному челобитью повѣрить, велѣтъ тѣмъ пустошамъ быть къ тѣмъ церквамъ по прежнему нашему указу и по межевымъ книгамъ. И мы, в. г-рь, указали тѣмъ пустошамъ,—пустоши Пятницкой, Свистуново то-жъ, да пустоши Петровки быть по писцовымъ межевымъ книгамъ письма и межеванья Прокофья Бестужева да подъячево Данила Брянцова пустоши Свистуново къ церкви великомученицѣ Парасковѣ нареченныя Пятницы, а пустоши Петровки къ церкви Петру и Павлу, и о томъ послать къ тебѣ нашу в. г-ря отказную грамоту. И какъ тебѣ сія наша в. г-ря грамота придетъ, и ты-бъ въ Кашинской уѣздъ въ Чуцкой станъ на церковныя пустоши на пустошь Свистуново да на пустошь Петровку послалъ кого пригожъ, а велѣлъ ему съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей старость и целовалниковъ и крестьянъ, сколько человекъ пригожъ, да на тѣхъ пустошахъ велѣлъ переписать мѣста дворовыя и пашню и сѣно и лѣсъ и всякія угодыя, а переписавъ да тѣ пустоши по писцовымъ межевымъ книгамъ Прокофья Бестужева, пустошь Свистуново велѣлъ отказать къ церкви великомученицы Парасковей, нареченныя Пятницы, поцу Ивану и кто по немъ впредь у той церкви инныя попы будутъ; а пустошь Петровку велѣлъ отказать къ церкви верховныхъ апостолъ Петра и Павла поцу Моковой и кто по немъ у той церкви инныя попы будутъ, со всѣми угодыя. Да что на тѣхъ пустошахъ окажется мѣстъ дворовыхъ и пашни и сѣна и лѣсу и всякихъ угодій, и ты бъ то все велѣлъ написать въ книги подлинно порознь земскому дьяку, да тѣ книги за руками тѣхъ людей, которые на тѣхъ пустошахъ на отказъ будутъ, и за откащиковою рукою прислалъ къ намъ, в. г-рю, къ Москвѣ и велѣлъ подать въ Помѣсномъ приказѣ дьякомъ нашимъ думному Герасиму Дохтурову, да Андреяну Яковлеву, да Семену Румянцеву, да Ивану Протопопову да Костантину Курбатову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7181-го году сентября въ 26 день. Дьякъ Семень Румянцовъ. Справилъ Федотко Гавриловъ.

Съ копіею читалъ города Кашина церкви Рождества Богородицы, что на Чистомъ Прудѣ, священникъ Тимофей Прохоровъ.

(Изъ дѣлъ Кашинскаго Духовнаго Правленія, принадлежащихъ нынѣ И. Я. Кункину).

№ 63

Дѣло объ употребленіи неорленой мѣры при приѣмѣ стрѣлцкаго хлѣба.

Лѣта 7180-го февраля въ 25 день. По г-ву ц-ву і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. і м. и б. Р. с., указу памят дьяком думному Семену Тито(ву) да Василью Семенову да Петру Ков(е)лину. В нынѣшнем во 180-м году февралѣ въ 9 ден писал к в. г-рю ц. і в. к. Алексѣю М-чу, в. в. и м. и б. Р. с., ис Каши(на) сотникъ московских стрельцов Фад(дей) Молчанов да Стрелецкого приказу подъяч(ей) Сава Ляпинъ. По указу де в. г-(ря) велено им быть в Кашине у збо(ру) і у высылки стрелецкого хлѣба на прош(лые) годы из доимки со 170-го году и на нынеш(ній) на 180-й год; и каторой хлѣб они застанут в Кашине до их приѣзду, и тот хлѣб велено им перемеря выслать к в-му г-рю к Москве с целовалники. И по их приѣздѣ в Кашине хлѣба въ зборе на прошлые годы у воеводы у Мирона Суколенова толко 10 четвертей с полосминою ржи, овса тож, по книгам за ево Мироновою рукою. А в каторой четверик тот хлѣб он Мирон у кашинских уѣздных сошных людей сбирал, и тот де четверикъ великъ. И они де сотник Фадей и подъячей Сава взяли в Кашине в таможене г-ву арленую медную мѣру, и тот четверикъ с тою орленую (!) осминую спускали, и объявилос примѣру у 10 четей с полуосминою и с полу-четверика три чети ржи, у 10 четей с полу осминою 4 четверти овса. И они де Фадей и Сава спрашивали кашинских площадных подъячих Івашку Ильинского, Фомку Вшивкова, Левку Добрынина, каторые были у збору стрелецкого хлѣба, для чего они хлѣб принимали не против г-ва указу, не в орленую приемную осминую мѣру. И подъячие Івашка Ильинской с товарищи дали скаску за руками, что де четверикъ дал и хлѣб велѣл принимать в тот большой четверик воевода Мирон Суколѣнов рож въверхъ, а овес в два верха; и они де Фадѣй и Сава Мирону Суколѣнову говорили: для чего онъ велѣл рож принимать в тот большой четверик въверхъ, а овес в два верха. И он де Мирон им сказал, что тот четверик целовалнику дал он Мирон, а велѣл хлѣб принимать под греблю против г-ва указу. И тот большой четверикъ они прислали к Москве в Стрелецкой приказ. І в. г. ц. і в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. і м. і б. Р. с., указал про тот четверик в Кашине посадом и уѣздными всяких чинов людьми сыскать кому пригож и о том послать свою в. г-ря грамоту из Розряду; а воеводу Мирона Суколѣнова выслать ис Кашина к г-рю к Москве, покаместъ то дѣло сыщут. И по г-ву ц. і в. к. Алексѣя М-ча, в. в. и

м. и б. Р. с., указу діакон думному Семену Титову да Василью Семенову да Петру Ковелину учинит о томъ по сему в. г-рю указу.

На оборотѣ: Справил Ілюшка Колпаковъ.

Помѣта: Выписать хто в Кашин на Мироново мѣсто Суколѣно отпушон и какъ ево велено перемѣнить, и ту выписку положит на столѣ тотчас.

По листамъ скръпи: Діакъ Иван.

И против сего г—ва указу в Розряде выписано:

В Кашине смолнянину Мирону Петрову сыну Суколѣнову велено быт за службы і за рану генваря съ 15-го числа прошлого 178-го году. А в прошломъ же во 179-м августа въ 17-м числѣ по указаам великого г-ря по помѣте на выписке думного діака Семена Титова велено быт в Кашине новгородцу Ивану Ѳедорову сыну Неплюеву за службы і за полонное терпѣніе і за побитых родственников, а велено ему Мирона переменит генваря въ 15-м числѣ нынѣшняго 180-го году. И Ивану Неплюеву наказ і о росписке великого г-ря грамота дана.

І нынѣшняго ж 180-го году ноября въ 16-м числѣ по указу великого г-ря по помѣте на выписке думного діака Семена Титова по челобитью кашинцов грацких людей велено Мирону Суколѣнову в Кашине быт третей год, а Ивану Неплюеву велено ево перемянит генваря въ 15-м числѣ 181-го году.

На выпискѣ изъ Розряда по лицу по склейкамъ помѣта: 180-го марта въ 19 ден по сему в. г-ря указу велѣтъ Мирона Суколѣнова ис Кашина выслать к Москве, і на ево мѣсто велѣтъ бытъ Ивану Неплюеву по прежнему, і сыскивать про Мирона Ивану ж.

От ц. і в. к. Алексѣя М-ча, всеа в. и м. и б. Росіи с., (въ Кашин воеводе нашему) ¹⁾ Ивану Ѳедоровичю Неплюеву. В памяти в Розряд із Стрелецкого приказу за приписью діака Ивана Горяинова написано: в нынешнемъ въ 180-м году еевраля въ 9 ден писал к в. г-рю *въ Стрелецкой приказ* ис Кашина сотникъ московских стрелцов Ѳадѣй Молчанов да Стрелецкого приказу подъячей Сава Ляпинъ, (по указу де) *которые по нашему в. г-ря* (велено имъ бытъ) *указу посланы в Кашин(ѣ)ъ (у) для збору (і у) и высылки стрелецкаго хлѣба на прошлые годы изъ доимки со 170-го году і на нынешней па 180-й годъ, і каторой хлѣб (они застануть въ Кашине) збиран до ихъ приѣзду (і), і им тотъ хлѣбъ велено (имъ) перемеря(т) (і) выслат к в. г-рю к Москве с целовалники. І по ихъ приѣздѣ в Кашине хлеба в зборе на прошлые годы у воеводы у Мирона Суколѣнова только 10 четвертей с полуосминою ржи, овса то ж, по книгамъ за ево Миро-*

¹⁾ Слова, заключенныя въ скобки, въ подлинникѣ зачеркнуты, слова на-
бранныя курсивомъ,—написаны между строкъ и на оборотѣ другою рукою.

новою рукою, а в которой четверикъ тот хлѣб онъ Мирон у Кашинскихъ уѣздныхъ сошныхъ людей збирал, і тот де четверикъ великъ. І они де, сотникъ Ѡадей и подъячей Сава, взяли в Кашине в таможене г-ву орленую медную мѣру, і тот четверикъ с тою орленую осминою спускали, і объявилос примѣру у десяти четей с полуосминою і с получетвериком три четверти ржи, у 10 четвертей с полуосминою четыре чети овса. І они де Ѡадей и Сава спрашивали Кашинскихъ площадныхъ подъячихъ Івашку Ильинского, Ѡомку Вшивкова, Левку Добрынина, которые были у того збору стрелецкого хлѣба: для чего они хлѣбъ принимали не противъ г-ва указу, не въ орленую приемною осминною мѣру? І подъячие Івашка Ильинской съ товарищи дали им скаску за руками, что де тот четверикъ дал и хлѣб велелъ принимать в тот большой четверик воевода Мирон Суколѣнов рож въ верхъ, а овес въ два верха. І они де Ѡадѣи и Сава Мирону Суколѣнову говорили: для чего онъ велѣлъ рожъ принимать в тот большой четверикъ вверху, а овес в два верха? І он де Мирон имъ сказал, что тот четверикъ целовалнику дал онъ Мирон, а велѣлъ хлѣбъ принимать подъ греблю противъ г-ва указу. І тот большой четверикъ они прислали к Москве в Стрелецкой приказ. И по нашему в. г-ря указу про тот четверикъ велено тебѣ сыскатъ въ Кашинѣ посадом і уѣздными всякихъ чиновъ людьми (велено в Кашине сыскатъ тебѣ), и у нашего государева дѣла тебѣ (быт) Івану (велено) по прежнему нашему в. г-ря указу, а Мирона Суколѣнова (велено) выслатъ къ намъ в. г-рю к Москве. І какъ к тебѣ ся наша в. г-ря грамота придет, і ты б (і ты б с Миронем по прежнему нашему в. г-ря указу) ѣхаль въ Кашин, і с Миронем Суколѣновымъ росписався, былъ у нашего г-ва дѣла въ Кашине, по прежнему нашему в. г-ря указу и по наказу, каков тебѣ дан напередъ сего (на Москве) изъ Розряду, і про тот четверикъ сыскал (въ Кашине) кашинцы, поса(дом)цкими и уѣздными всякихъ чиновъ людьми, а (ево) Мирона Суколѣнова за поруками выслалъ к намъ в. г-рю к Москве в Розряд; а въ котором числѣ въ Кашин приѣдешь и Мирона Суколѣнова къ Москвѣ за поруками вышлеш, и ты б о томъ к намъ в. г-рю писал, і отписку велѣлъ подать в Розряд діякомъ нашимъ думному Семену Титову, да Василью Семенову, да Петру Ковелину. Писан на Москвѣ лѣта 7180 г. марта въ 20 ден.

Г-рю ц. і в. к. А. М., в. в. и м. і б. Р. с., холоп твой Івашко Неплюевъ челом бьетъ. В нынѣшнем, г-рь, во 180-м году по твоему в. г-ря ц. і в. к. А. М., всеа в. и м. и б. Россіи с., указу и по грамотѣ и по наказу изъ Розряду, за приписью дьяка Василья Семѣнова, велено мнѣ, х-пу т., быть на твоей в. г-ря службѣ в Кашинѣ на Миرونномъ мѣстѣ Суколѣнева, и у него Мирона взять ключи городовые и острожные, и наряд. и въ казнѣ зелье и свинец, и всякие пушечные і

хлѣбные запасы, и денги, что есть в зборѣ, и книги приходные и расходные денгам и хлебу, и зелью, и свинецу, и всякие пушечные запасы и твои в. г-ря указные грамоты о всяких твоих в. г-ря делах, и списки Кашинскихъ губных старостъ и городовыхъ прикащиков, и всякихъ приказныхъ людей, и детей боярскихъ отставныхъ, которые написаны въ городской службѣ и Кашинскіе приказные избы подъячихъ и площадныхъ дьячковъ, и пушкарей, и затинщиковъ, и розсылщиковъ, і воротниковъ, і казенныхъ плотников и кузнецов, всякихъ служилыхъ и посадскихъ людей, и подсосѣдников, и захребетников, и что у нихъ дѣтей и братья и племянниковъ и внучать, с пищальми и со всякими бои пересмотрѣть, и принять все на лицо, і во всемъ съ Мирономъ росписаца, и про большой четверикъ, что онъ Миронъ збиралъ въ Кашинѣ стрелецкой хлеб, сыскать кашинцы посадскими и уездными всякихъ чиновъ людьми, а Мирона Суколенова за поруками выслать къ тебѣ великому г-рю к Москвѣ в Розряд; а в которомъ числѣ в Кашинѣ я, холопъ твой, приѣду и с нимъ Мирономъ Суколеновымъ роспишуся, и онъ Миронъ за поруками к Москвѣ высланъ будет, и мнѣ б, холопу твоему, отписать, и росписной списокъ и сметные тетради и поручную запись прислать къ тебѣ, в-му г-рю, к Москвѣ, і велѣть подать и ему Мирону явица въ Розрядѣ твоимъ в-го г-ря дьякомъ, думному Семѣну Титову да Василью Семенову, да Петру Ковелину. И по твоему в-го г-ря указу и по грамотѣ и по наказу из Розряда я, холопъ твой, в Кашинъ приехалъ, и у него Мирона взялъ ключи городовые и острожные, и нарядъ і в казне зелье (*дальше какъ на предъид. стран. строка 40 сл. до этой стр. 12*)... а Мирона Суколенова велелъ дать на поруку з записью. И что я, холопъ твой, у Мирона Суколенова принялъ, и тому всему росписной списокъ, за своею и за Мироновою руками, и сметные книги, и про большой четверикъ сыскъ, и по Миронѣ Суколеновѣ поручную запись съ сею отпискою послалъ къ тебѣ, в-му г-рю, к Москвѣ, і велелъ податъ в Розрядѣ твоимъ в-го г-ря дьякомъ думному Семену Титову, да Василью Семенову, да Петру Ковелину.

На оборотѣ: Г-рю ц-рю і в-му князю Алексѣю Михайловичу, всеа в. и м. и б. Росіи самодержцѣ.—180-го июля въ 24 денъ с Кашинскимъ розсылщикомъ с Петрункою Шастовымъ.

Помѣты: Взятъ к отпуску и выписать на перечень и ту выписку положитъ на столъ тотчасъ.—В книгу записана.—В Розрядъ.

Се яз кашинцы дворяне Иванъ Михайловъ сынъ Полтевъ, да яз Ѳедоръ Артемьевъ сынъ Спешневъ, да яз Иванъ Ѳилиповъ сынъ Епфановъ, да яз Иванъ Васильевъ сынъ Угренинъ, да яз Власъ Кириловъ сынъ Ятцкой, да яз Павелъ Ѳедоровъ сынъ Баклановской, да яз Аѳонасей Павловъ сынъ Секиотовъ, да яз Бѣзчастной Ѳедоровъ сынъ Грушетцкой, да яз Игнатей Юрьевъ сынъ Шишковъ, да яз Артемей Дмитрѣевъ сынъ Спешневъ поруч-

чилися есмѣ по Мироне Петрове сыне Суколѣнове в том, что ему Мирону за нашею порукою стат на Москвѣ в Розрядѣ перед думным перед Семеном Титовым, да перед Васильем Семеновым, да перед Петром Ковелиным на срок июля въ 30 ден нынешняго 180-го году; а будетъ он Мирон за нашею порукою на Москвѣ в Розрядѣ перед думным перед Семеном Титовым, да перед Васильем Семеновымъ, да перед Петром Ковелиным на тот срокъ не станет, который писан выше сего, и на нас на порутчиках в-го г-ря царя і в-го к. Алексѣя М-ча, в. в. и м. и б. Росіи самодержца, пеня, а пени что в. г-рь укажетъ. А на то послуши: Иван Андревъ сынъ Попов, да Левонтей Григорьевъ сынъ Добрынинъ. А запис писал Ѳетка Гришенин лѣта 7180-го июля въ 7 ден.

На оборотѣ: Иванъ Полтев ручал Мирона Суколѣнова в статье, что ему статъ в Розрядѣ на Москвѣ на срокъ июля въ тридесѣтое число, і руку приложилъ и вместо Ѳедора Спешнева.—Иван Епиеанов ручал и руку приложил.—Иванъ Угренин р. и р. п.—Влас Яцкой р. и р. п.—Павел Баклановской р. і р. п.—Аеонасей Секиотовъ р. и р. п.—Безчастной Грушецкой руку п.—Игнатей Шишков ручал и р. п.—Артемей Спешнев руку приложил.—Послух Івашко р. п.—Послух Левка р. п.

Лѣта 7180 июня въ 6 ден. По г-ву ц. і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Росіи самодержца, указу и по грамотѣ изъ Розряду, за приписью дѣяка Василья Семенова, в Кашинѣ в Сѣвъжей избѣ воеводе Ивану Ѳедоровичю Неплюеву кашинцы посадские люди—земской староста Івашко Струнников с товарищи, да посадцкие люди Якушко Сысоев, Андришка Ванчаков, Івашко да Ортюшка Погребовы, Івашко да Гришка Сахарниковы, Івашко да Петрушка Воробьевы, Нееедко Власов, Ѳочка Шустов, Івашко Ведерников, Ѳедка Засухин, Трошка Зыбошников, Любимко Лаптев, Сенька Летнишков, Петрушко Вешняков, Івашко Сухоруков, Анкидинко Кунгинъ, Алешка Курицын, Аеонка да Першка Сысоевы, Івашко Башаков, Томилко да Данилко Водолеевы, Івашко Богословской, Івашко Чиренин, Ѳедотка да Илюшка Сысоевы, Алешка Терликов, Ѳедка Окурин, Аеонка Седелников, Оска Волков, Сенка да Максимко Ванчаковы, Аеонка Сутугин, Митка Осекин, Адришка да Онишка да Богдашко Ѳокин, Мартышко Пуховицын, Івашко Поясницын, Артюшка Жданов, Еремъка Милковъ, Івашко Ждановъ, Ѳедка да Любишка Пыпины, Івашко Судокон. Ееремко да Богдашка да Пронка Исполатовы, Івашко да Коноушка Запенины, Івашко Кропивин, Дмитрейко Небученовъ, Алешка Подламаевъ, Карпушко Ерославецъ, Оска да Івашко Доманины, Гришка Шипуновъ, Оска Волковъ, Сенка Сахарников, Івашко Титов, Тишка Бабин і все кашинцы посадцкие люди сказали по святой непорочной евангельской заповѣди Господни еже ей ей: в нынешнѣм во 180-м году бывшей воевода Ми-

рон Петров сынъ Суколенов стрелѣцкой хлеб с сошных людей выборным целовалником велѣл примать в какову меру, про то ведають они целовалники да подъячей; то наша и скаска. А скаску писал Івашко Воробьевъ.

На оборотъ: К сей скаске земской староста Івашко Струнников і вмѣсто товарищев руку приложил.—К с. с. Куземка Яковлев места отца своего Якова Сысоева р. п.—К с. с. Тимошка Ивановъ вмѣсто отца своего Івана Погрѣбова по его веленью сынъ ево Тимошка р. п.—К с. с. Митка Осекин і вмѣсто Івана да Григорья Сахарниковых по ихъ веленью р. п.—К с. с. Алешка Микитин і вм. Любима Лаптева р. п.—К с. с. Афонька Калининъ р. п.—К с. с. Івашко Богословской р. п.—К с. с. Першъка Сысоевъ р. п.—К с. с. Івашко Дмитриевъ сынъ Сахарниковъ вмѣсто Івана Сахарникова да Оеонасыя Яковлева п. ихъ в. р. п.—К с. с. Мишка Сутугинъ вмѣсто Ѳоки Шустова по ево в. р. приложилъ.

Лѣта 7180-го июня въ 2 д. По г-ву ц-ву і в.к. Алексѣя М-ча, в. в. и м. и б. Р. с., указу и по грамоте изъ Розряду за приписью дьяка Василья Семенова, в Кашине в сѣзжей избѣ воеводе Ивану Ѳедоровичю Неплюеву Кашинской таможенной верной голова нынешняго 180-го году Андрюшка Ванчаков с товарищи сказали, по святой непорочной евангельской заповеди Господни еже ей ей: бывшей воевода Мирон Петров сынъ Суколенов взял у нас ис таможни московской орленой четверикъ, и тотъ четверикъ к намъ в таможню прислал того же дни, а хлѣба в тотъ четверикъ не примал; а с сошных людей стрелецкой хлеб целовалником в какову меру велѣл примат, того мы не вѣдаемъ; то наша и скаска. А скаску писал Івашко Воробьевъ.

На оборотъ: К с. с. голова Ондрюшка Ванчаков р. п.

Лѣта 7180-го июня въ 3 де *(дальше какъ въ предшествующей сказкѣ)* Кашинской таможенной избы прошлаго 179-го году ларешной целовалникъ Івашко Кошелев, да Тимошка Соков с т-щи сказали, по св. непор. ев. з-ди Г-дни еже ей ей: бывшей в-да Мирон П. с. С-нов взял у насъ из таможни кашинскую таможенную большую меру полчетверика, а не московской четверик, и у сошных людей стрелецкой хлѣб в ту ли большую меру кашинскую примал, или в московскую меру, того мы не ведаем, и тое меры в таможню к нам не присылывал; то наша и скаска. А с-ку писалъ Івашко Воробьевъ.

На оборотъ: К. с. с. Алешка Микитин вместо Івана Кошелева, Тимоея Сокова с товарищи по ихъ веленью р. п.

Лѣта 7180-го июня въ день..... Пиминов крестьянин Ермолаево сына Милюкова Пахомко Вахромеевъ сказал, по св. н. е. з-ди Г. еже ей ей: по указу в. г-ря и по гр. ис Стрелецкаго приказу, в Кашине

стрелецкой хлѣб платил я Пахомко в прямой четверик московской под гребло, а в том платеже есть у нас отпис; то моя и скаска.

На оборотѣ и въ концѣ сказки: К сей скаске Влас Яцкой Влас Яцкой вместо Пименова крестьянина Милюкова Пахомка Вахромеева по ево веленю руку приложил.

По листамъ сказокъ скръпи: Ива Фед—сей.

Лѣта 7180-го іюля въ день..... Кашинскаго уѣзду Нередцкого стану Луки Артемьева сна Шухертова члвкъ ево Микишка Купреянов сказал.....: платилъ я в Кашине стрелецкой хлеб овесъ в два верха, а рож в один верхъ, а примали целовальники в кашинскую в старую меру; то моя и скаска. А скаску писал Мишка Попов.

Лѣта 7180-го іюля въ де.... Кашинскаго уѣзду Суходолскаго стану Микиты Ермолаева сна Тучкова староста Иевка Огаѣонов сказа... : платил я стрелецкой хлеб в Кашине овес в два верха, а рож в одинъ верхъ, а примали целовальники в кашинскую в старую меру; то моя и скаска. А скаску писал Мишка Поповъ.

На оборотѣ: К сей скаске Семен Зыковъ вместо старосты Микиты Ермолаева сына Тучкова Иютъки Огаѣонова по ево веленю руку приложилъ.

Лѣта 7180-го іюля въ 2 день.... Рахманин Антрошьев снѣ Скобѣевъ сказал....: платил я Рахманинъ въ Кашине стрелецкой хлѣб в прямой четверик подъ греблю, і в том платеже есть у меня отпис; то моя и сказка.

На оборотѣ и въ концѣ сказки: К сей скаске Ѳедоръ Кисловской вмѣсто Рахъманина Скобеева по ево веленю руку приложил.

Лѣ 7180-го іюля в — ден... Кашинскаго уезду Чюдцкого стану князя Микиты Васильева сына Елецкого крестьянини Ѳочка Емельянов сказал...: платил я стрелецкой хлеб в Кашине на прошлые годы по указу в. г-ря и по грамотѣ и(э) Стрелецкого приказу, а тот хлеб примали целовальники с подъячими овесъ в два верха, а рож под гребло, а примали в меру в московской четверикъ в прямой; то моя и скаска...

На оборотѣ и въ концѣ сказки: К сей сказке Ѳедка Гришенин вместо князя Никитина крестьянина княж Васильева сына Елецкого Ѳочки Емельянова по ево веленю руку приложилъ.

Лѣта 7180-го іюля въ 4 де.... Кашинскаго уѣзду Нероходцкого стану Ильи Иванова сына Варламова староста Потапко Дмитреевъ сказал...: платил я стрелецкой хлеб на прошлые годы, и тотъ стрелецкой хлеб целовальники с подъячими примали рож в верхъ, а овес в два верха, а мера прямая ли или не прямая, того я не ведаю; то моя и скаска.

На оборотѣ и въ концѣ сказки: К сей сказкѣ вместо Ильина крестьянина Варламова старосты ево Потапка Дмитреева по его веленю Благовещенской поп Ѳедор руку приложил.

Лѣта 7180-го.... Семена Григорьева сына Зыкова староста Яшка Прокофьевъ сказал...: платил в Кашине стрелецкой хлеб на прошлые годы овес в два верха, а рож в один верхъ, а приѣмали целовальники в кашинскую в старую меру; то моя и скаска.

На оборотъ: К сей скаске Семен Зыков вместо старосты своево Якушка Прокофьева руку приложилъ.

Лѣта 7180-го..... Кашинскаго уезду Чюдцкаго стану Василья Иванова сына Непейцына крестьянин Ѳролка Марков сказал...: платил я в Кашине стрелецкой хлеб на прошлые годы, а приѣмали тотъ хлеб целовальники овесъ в один верхъ, а рож то ж в один верхъ, а четверикъ прямой ли или не прямой, того я не вѣдаю; то моя и скаска...

На оборотъ: К сей скаске Овдокимъ Милюковъ вместо Василья Непейцына крестьянина ево Ѳролка Маркова по ево велению и руку приложилъ.

Лѣта 7180-го июля въ 14 день... кашинецъ Михаило Аристов сынъ Латыревъ сказал...: платил я Михаило в Кашине стрелецкой хлѣб в кашинскую государеву таможенную меру рож подъ гребло, а овесъ в верхъ на прошлые годы; то моя и скаска...

На оборотъ: К сей скаске Влас Яцкой вместо Михаила Латырева по ево веленью руку приложил.

Лѣта 7180-го июля въ 4 день..... Мартьян Ѳедоров сынъ Кувшиновъ сказалъ...: платили крестьянишка мои стрелецкой хлѣб в Кашине в прямой четверик под гребло, то моя и скаска.

На оборотъ: К сей скаске Мартьян Кувшиновъ сказалъ и руку приложилъ.

Лѣта 7180-го июля въ день..... Ѳедор Дмитриевъ сынъ Баклановской, Михаило Иванов сынъ Постелниковъ, Иван Матвеевъ сынъ Бѣдов, Семен Иванов сынъ Слепцов, Ѳедор Петров сынъ Нетецкой, Борис Ѳедоров сынъ Пятова, Клементей Петровъ сынъ Нетецкой, Иванъ Савельевъ сынъ Молвянинов, Микита Ермолаевъ сынъ Тучковъ сказали...: платили мы стрелецкой хлеб в прямой четверикъ в *московской* под гребло і в том платеже есть у нас отписи, то наша и скаска....

На оборотъ: К с. с. Ѳедор Баклановской р. п.—К с. с. Михаило Постелниковъ р. п.—К с. скаскѣ Борисъ Пятов р. п.—К с. скаске Клементей Нетецкой р. п.—К с. с. Влас Яцкой вместо Микиты Тучкова да Ивана Молвянинова по их в. р. п.—К с. с. Еуѳимъ Ивинъ вместо Ондreja Слепцова п. е. в. р. п. — К с. с. Степанъ Кожинъ вместо Ивана Бедова п. е. в. р. п.—К с. с. Ѳедор Нетецкой р. п.

Лѣта 7180-го июля въ 6 день... Кашинскаго уезду Пудитцкаго стану Ярошеевы крестьяне Никиѳорова сына Бектышева деревни Го-

ловачева крестьяне Аниска Аристов, да Гараска Васильевъ сказали....: платилъ государь нашъ Ярошей Никиѳорович стрелетской хлѣб в Кашине въ прямой четверикъ под гребло, то моя и скаска. А скаску писал Ѳедка Гришенин.

На оборотѣ и въ концѣ сказки: К с. с. Ярошеивъ крестьянинъ Бехтышева Анисимъко Аристовъ да Гаранка Васильевъ руку приложил.

На листахъ сказокъ по склейкамъ скрѣпа: Иванъ Неплюевъ.

В доклад.

В нынешнемъ во 180-м году еевраля въ 25-м числѣ в памяти в Розряд и(зъ) Стрелецкого приказу за приписью діака Івана Горяинова написано: к в. г-рю ц. і в. к. Алексѣю М-чю, в. в. и м. и б. Россіи с., писал ис Кашина сотникъ московскихъ стрелцов Ѳадѣй Молчанов, да Стрелецкого приказу подъячей Сава Ляпинъ, что велено де имъ быти в Кашине у збору и у высылки стрелецкого хлѣба на прошлые годы в донмки, со 170-го и на нынешней на 180-й годъ, и того де они хлѣба в зборе заѣхали у воеводы у Мирона Суколѣнова ржи 10 четі с осминою, овса тож по книгам за ево Мироново рукою, а в которую де мѣру он хлѣб принимал, и у той де мѣры примѣряли они лишку ржи 3 чети, овса 4 чети; і они де Ѳадей і Сава рспрашивали Кашинскихъ площадныхъ подъячихъ Івашку Ильинского, Ѳомку Вшивкова, Левку Б(Д?)обрынина, которые были у збору стрелецкого хлѣба, про болшую мѣру, что они принимали не против государева указа, і они имъ сказали, и подали скаску за руками, что де четверикъ дал и хлѣб велѣл принимать воевода Миронъ Суколѣнов рож в верхъ, а овес в два верха. І тот четверикъ прислали в Стрелецкой приказ.

И по указу в. г-ря послана из Розряду в. г-ря грамота, а велено на Миронова мѣста Суколѣнова в Кашине быти воеводе Ивану Неплюеву, і про болшой четверикъ сыскать посацкими и уѣздными людьми, а Мирона за порукою выслать к Москве.

И июля въ 24-м числѣ к в. г-рю ц. і в. к. Алексѣю М-чю, в. в. и м. и б. Росіи с., писал ис Кашина Иван Неплюев і прислал по Мироне Суколѣнове в статье поручную запись і про болшой четверикъ сыскъ. А в сыску написано:

сказали по св. н. ев. з. Г. еже ей ей:

Кашинцов дворян и детей боярских 11 ч.: платили де они стрелецкой хлѣб в прямой московской четверикъ под гребло, і в томъ числѣ 2 ч. сказали, что они платили рож под гребло, а овес в верхъ.

Посацкой земской староста 1, посацкихъ людей 50 ч., і все посацкие люди, что стрелецкой хлѣб принимали выборные целовальники и подъячие, а в которую мѣру, про то вѣдают они целовальники.

Таможенной вѣрной голова 1 ч. с товарищи, что де Мирон Суко-

лѣнов имал у них ис томожны московской орленой четверикъ, і тот четверикъ в таможню к нимъ прислал того ж дни, а хлѣб в тот четверикъ не принимал, а с сошныхъ людей в которую мѣру стрелецкой хлѣб целовалником велѣл принимать, того они не вѣдают.

Таможенной избы ларешныхъ 2 ч. с товарищи, что де Мирон Суколѣнов взял у них ис таможни кашинскую таможенную болшую мѣру полчетверика, а не московской четверикъ, и у сошныхъ людей стрелецкой хлѣб в ту лп, или в московскую мѣру принимал, того они не вѣдают, і тоѣ мѣры в таможню к ним не присылывал.

Да Кашинского уѣзду помѣщиков і вотчинников старосты и крестьяне 9 ч., і в том числѣ 6 ч. сказали что они стрелецкой хлѣб платили в прямой четверикъ под гребло, і в томъ числѣ 1 ч. сказал, что он платил овес в два верха, а рож под гребло, а принимали целовалники и подъячие в мѣру в московской в прямой четверикъ.

2 ч. сказали, платили они стрелецкой хлѣб, а принимали целовалники с подъячими рожъ в одинъ верхъ а овесь в два верха; одинъ сказал, что принимали в старую мѣру, а другой сказал, старая мѣра или нѣт, того он не вѣдаетъ.

1 же ч. сказал, что он платил стрелецкой хлѣб, а принимали целовалники рожъ і овес в одинъ верхъ, а четверикъ прямой ли или нѣт, того он не вѣдает.

І в. г. ц. и в. к. Алексѣи Михайловичъ, в. в. и м. и б. Росіи с., о томъ что укажетъ. *Помѣта*: 181-го сентября въ 20 д. по указу в г-ря послат с сей выписки памят в Стрелецкой приказ.

По л. л. доклада скрътна: Діакъ Василей Семенов.

Лѣта 7181-го октября въ 19 д. По г-ву ц. і в. к. Алексѣя М-ча, в. в. і м. і б. Росіи с., указу памят діакамъ, думному Лариону Иванову, да Ивану Горяинову, да Тимоѣю Симоновскому. В памяти в Розряд за твоею Ивановою рукою приписью написано: в прошломъ во 180-м году еевраля въ 9 д. писал къ в. г. ц. и в. к. Алексѣю М-чу, в. в. и м. і б. Росіи с., ис Кашина сотник московскихъ стрелцов Ѡадѣй Молчанов, да подъячей Сава Ляпин, что в Кашине Мирон Суколѣнов с Кашинсково уѣзду с сошныхъ людей по книгамъ збирал *стрелецкой* хлѣб рож і овес не против г-ва указу таможенной і орленой мѣдной мѣры болшимъ четверикомъ. І в. г. ц. і в. к. Алексѣи М-чь, в. в. и м. и б. Росіи с., указал про тот четверикъ, которымъ Мирон Суколѣнов хлѣбные запасы велѣл целовалникомъ принимать, в Кашине посадомъ и уѣздными всякихъ чиповъ людми сыскать, і о томъ послать свою г-ву грамоту из Розряду. І въ прошломъ во 180-м году, по указу в. г. ц. і в. к. Алексѣя М-ча, в. в. и м. и б. Р. с., послана о томъ в Кашин ево в. г-ря грамота к Ивану Неплюеву. І (въ прошломъ ж во 180-м году) июля въ 27-м числѣ 180 ж году к в. г. ц. і в. к. Алексѣю М-чу, в.

в. і м. и б. Росіи с., писалъ, не Кашина Иванъ Неплюев і прислал про тот четверикъ сыскъ, а в сыску написано: кашинцов дворян и детей боярских одиннадцать, посацких людей 51, таможенной голова один ларешныхъ целовалников 2, да Кашинского уѣзду помѣщиковъ і вотчинников старость і крестьян 9 члвкъ, всего 74 ч. сказали по св. н. е. заповѣди Господни, дворяне и дѣти боярские, (что они) платили *они* стрелецкой хлѣб в прямой московской четверикъ под гребло, и в том числѣ два *человѣтка* сказали, (что) платили они рожъ под гребло, а овес в верхъ; і посацкие люди сказали, (что) стрелецкой хлѣб принимали выборные целовалники и подъячие, а в которую мѣру, про то вѣдают они; таможенной голова сказал, (что де) Мирон де Суколѣнов имал у них московской орленой четверикъ, і к нимъ в таможию прислал того ж дни, а хлѣба в тот четверикъ не принимал, а въ которую мѣру принимал, того *они* не вѣдают; ларешные целовалники сказали, (что) Мирон де Суколѣнов взял у них таможенную болшую мѣру полчетверика, а не московской четверикъ, а в ту л мѣру принимал, того *они* сказали, не вѣдают, і мѣры к нимъ не прислал; старосты і крестьяне сказали, (что они) стрелецкой *де* хлѣб платили *они* в прямой четверикъ под гребло, і въ том числѣ (один сказал что он) *один* *человѣкъ* *сказал*, платил он овес в два верха, а рож под гребло, одинъ ж *человѣкъ* *сказал*, (что) принимали в старую мѣру, (другой сказал) *один* *же* *члвкъ* *сказал*, старая л мѣра или нѣт того он не вѣдает, одинъ же члвкъ сказал, (что он) платил *он* стрелецкой хлѣб рож і овес в одинъ верхъ, а четверикъ прямой ли или нѣт, того он не вѣдает.

Памята: Такова память послана с подъячим с Ѳедором Дуровым сего ж числа.

На оборотѣ: Справилъ Васка Текутьев.

Отдана такова память Стрелецкого приказу подъячему Михаилу Губкѣ ¹⁾.

(М. А. М. Ю. *Вѣлгородскій столъ. Столбець 796, л. л. 20—56*).

№ 64.

Купчая (списокъ) на дворъ, проданный по духовной памяти посацкимъ *человѣкомъ* Родиономъ Шулгиннымъ посацкому Семену Ромашеву.

Списокъ с купчей слово в слово.

Се аз кашинець посадцкой *человѣкъ* Родионъ Степановъ сынъ Шулгинъ, продалъ есми кашинцу посацкому *человѣку* Семену Савастьянову сыну Ромашеву, по духовной памяти первой своей жены

¹⁾ Конца не оказалось.

Парасковьи Кондратьевы дочери Васильевской жены Кожелина, дворъ свой съ мѣстомъ въ Кашинѣ, на посаде подле двора кашинца посадцакаго человекѣка Петра ...лова сына Коноплина на мысу, противъ двора вдовы Оеимьи Григорьевской жены Ветошникова и супротивъ Гостина двора, промежь проѣжими дорогами. А на дворѣ хоромъ: изба, противъ избы горница на подклѣте, промежь ими сѣни покрыты, подле горницы отъ Петра Коноплина заулокъ тово жъ двора, баня ветха с. с. ей, отъ бани до избы, идучи на дворъ отъ Петра Коноплина, на лѣвой сторонѣ противъ ево бани выш.... Дворъ огороженъ кругомъ заборы. А взялъ есми язъ Родионъ у него Семена за тотъ свой дворъ съ мѣстомъ дватцать пять рублевъ денегъ, и въ очищенье есми язъ Родионъ ему Семену въ томъ своемъ дворѣ съ мѣстомъ имался, что тотъ мой Родионъ дворъ иному никому не проданъ, и не заложенъ, и по душе въ монастырь и къ прихоцкимъ церквамъ никуды не отданъ, и не написанъ, кромѣ сей купчей. А будетъ гдѣ на тотъ мой Родионъ дворъ выляжетъ иная купчая, или кабала хлѣбная, или денежная, или духовная, или иная крѣпость, какая ни буди, окромѣ сей купчей, и мнѣ Родиону тотъ свой дворъ съ мѣстомъ очищать отъ всякихъ крѣпостей и долгъ свой платить мнѣ Родиону самому, а ево Семена въ томъ своемъ дворѣ съ мѣстомъ убытка не до..... ни денги. В томъ я Родионъ ему Семену на тотъ свой дворъ съ мѣстомъ и купчую далъ. А на то послуси: Левонтей Григорьевъ сынъ Добрынинъ, Ѳедоръ Семеновъ сынъ Гришенинъ, Михайло Ондреевъ сынъ Поповъ. А подлинную купчую писалъ Кашинской площадной подъячей Івашко Ильинской лѣта 7182 марта въ 28 день.

А у подлинной купчей назади пишеть: къ сей дворовой купчей Івашко Воробьевъ вмѣсто продавца Родивона Степанова сына Шулгина по его велѣнью руку приложилъ.

Послухъ Левко Добрынинъ руку приложилъ.

Послухъ Ѳедка руку приложилъ.

Послухъ Мишка руку приложилъ.

На оборотъ: Къ сему списку Максимко Кункинъ руку приложилъ а подленную къ себе възялъ.

(М. Г. А. М. И. Д. Приказныя дѣла 7182/1674 г., № 484).

№ 65.

Дѣло объ оставленіи воеводой Сем. Ив. Нащокина на третій годъ по челобитью кашинцевъ.

Царю государю і великому князю Алексѣю Михаиловичю, всеа великиа и малыа и бѣлыа Росіи самодержцу, бьютъ челомъ богомолцы твои и холопы твои, Кашинские помѣщики і вотчинники, і сироты твои

государевы, кашинцы посадцкие людишка. В прошломъ. государь, во 182-м году, по твоему великаго государя царя і в. кн. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указу, прислан к намъ в Кашин воевода Семенъ Ивановичъ Нащокинъ на Иваново мѣсто Неплюева, и будучи государь у нас онъ Семен Нащокин въ Кашинѣ твои великаго государя дела дѣлаеть въ правду всякия, противъ твоего великаго государя указу, и намъ, богомольцам твоим и холопямъ твоимъ, и сиротамъ твоимъ, посадцкимъ людишкамъ, дѣла дѣлает в правду, и налогъ намъ отъ него Семѣна Нащокина никакихъ нѣтъ. І в нынѣшнемъ, государь, во 183-ом году бьютъ челом тебѣ, великому государю, к намъ в Кашинъ на ево Семеново мѣсто Нащокина многие люди. А у насъ, государь, богомолцевъ твоихъ і у холопѣй твоихъ, в Кашинскомъ уѣздѣ в деревнишкахъ нашихъ крестьянишка скудны, і чинятца имъ от частныхъ воеводцкихъ перемѣнъ убытки большіе, і намъ, сиротамъ твоим, посадцкимъ людишкамъ, от техъ же частныхъ перемѣнъ потому жъ чинятца убытки і разоренья болшиѣ. А онъ, государь, у насъ воевода Семенъ Нащокинъ человекъ доброй, и со всякиѣ твои в. г-ря дела ево Семена Нащокина ста..., и меж нас, богомолцевъ твоихъ и холопѣй твоихъ, и сирот твоихъ, и людишекъ и крестьянишокъ нашихъ росправы чинит в правду безволжитно. Милосердый г. ц. и в. к. Алексѣй Михайлович, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй нас, богомолцов своихъ и холопѣй своихъ и сиротъ своих, кашинцов посадцкихъ людишокъ, вели г-рь быть у нас в Кашинѣ ему воевод... Семену Нащокину впредъ по прежнему в третѣй год, чтоб, г-рь, людишкамъ и крестьянишкамъ нашим, і намъ, сирот... твоимъ посадцкимъ людишк..., от частныхъ воевод и от ихъ переменъ в убыткахъ болшихъ і в разорение не быт, і твоихъ великаго г-ря всякихъ податѣй не отбы.. Царь государь смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ челобитной подписи:

Къ сей челобитной Кашина города Дмитровскаго монастыря архимандритъ Сергѣи руку приложил.—Федька Зыков р. п.—Федка Тихонов сынъ Зыков і вместо брата своего Ивана Зыкова р. п.—Мишка Андреевъ сынъ Зыковъ р. п.—Панько Зыковъ р. п.—Максимко Шатиловъ р. п.—Ивашко Ивановъ сынъ Тютчев р. п.—Васька Тютчев р. п.—Ивашко Секиотов р. п.—Силка Кашкадамов р. п.—Микитка Секиотовъ р. п.—Къ сей челобитной Сенька Милюковъ, Ивашка Рамѣйковъ р. п.—Левка Шатиловъ р. п.—К с. ч. Пименко Милюков і вместо брата своего Микиты Милюкова по ево велѣнью р. п.—К с. ч. Андришка Милюковъ и вмѣсто Андрея Чагина по ево веленю р. п.—К с. ч. Алешка Зиновьев и вмѣста Аванасія Бѣшенцова и Стефана Ляхачева по ихъ веленю р. п.—К с. ч. Алешка Зиновьевъ и вместо Ивана Исакова по ево веленю р. п.—К с. ч. Оска Калитинъ р. п.—К с. ч. Боглашко Постельниковъ вместо

отца своего р. п.—К с. ч. Еуеимко Ивин і вместо Луки Постельникова р. п.—К с. ч. Митрошко Суколѣнов р. п.—К с. ч. Оска Калитин вместо Ивана Хвостова по ево веленію р. п.—К с. ч. Панка Баклановской р. п.—К с. ч. Иевко Поярковъ р. п. і вмѣсто Деменѣтѣя Епифанова по его веленію р. п.—К с. ч. Івашко Кисловской р. п.—К с. ч. Артюшка Спешневъ і вмѣсто детей своихъ Ѳетки Спѣшнева и Оски Спешнева р. п.—К с. ч. Мишка Постелниковъ вмѣсто Іюды Сосновсково да Григорѣя Заборовскаго по их веленію р. п.—К с. ч. Антишко Веляшев і вместо Тихона Епифанова по ево веленію р. п.—К с. ч. Івашко Нефимонов.—К с. ч. Ѳетка Кисловской р. п.—и вместо Микифора Кошкина по ево веленію р. п.—К с. ч. Кандрашка Грушецкой вмѣсто Ондreja Давыдова сына Тучкова (?) по ево веленію р. п.—К с. ч. Аюнка Непревъ і вмѣсто брата своего Петра р. п.—К с. ч. Тимошка Тютчев и вместо отца своего Василья Володиміровича і вмѣста Дмитрія Яцкова по их веленію р. п.—К с. ч. Мишка Тютчев р. п.—К с. ч. Оска Калитинъ вместо Бориса Ѳедорова сына Пятова по е. в. р. п.—К с. ч. Власко Яцкой р. п.—К с. ч. Богдашко Постелников вместо Кондратѣя Яцкова по ево веленію р. п.—К с. ч. Микифорко Ивин р. п.—К с. ч. Івашко Постелников вместо дяди своего Андрея Постелникова и брата своего Сер...я Постелникова по ихъ веленію р. п.—К с. ч. Андришка Сосновской вмѣсто Матвея Ерем...ева по ево веленію руку приложилъ.

На оборотѣ полѣта: 184-го декабря въ 26 д. г-рь пожаловал, велел ему по градцкому челобитію и по заручной челобитной быт третей год и о том указ учинит думному діяку Семену Титову.—Выписат.

И в Розряде выписано:

В записной книгѣ Новгородскаго стола нынешняго 184-го году написано:

В Кашине воевода Семен Иванов сын Нащокин отпушон въ прошлом во 182-м году сентября въ 27-м числѣ. Росписался февраля въ 10-м числѣ того же году. И исполнитца в Кашине 2-й годъ в нынешнем во 184-м году еевраля въ 10-м числѣ. І в прошлом во 183-м году марта в 6-м числѣ, по указу великаго государя, и по помете на выписке думнаго діака Герасима Дохтурова, и подписной челобитной думнаго жъ діака Лукьяна Голосова, велено отпустить в Кашин за службы и за рану стряпчаго князя Ѳедора княж Михайлова сына Вяземскаго, какъ прежнему минет 2 годы, а наказ и о росписке государева грамота ему князю Ѳедору дана марта въ 9-м числѣ прошлаго 183-го году, а велено ему Семена Нащокина переменить на срокъ генваря въ 15-м числѣ нынешняго 184-го году. И ныне в. г-рю ц. і в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Росіи самодержцу, бьют челом Кашина города архимарить и столники, і стряпчие, и дво-

ряня московские, и жилцы, и кашинцы дворяня, и дети боярские: в Кашине у них воевода Семен Нащокин, и будучи де имъ и людем ихъ и крестьяном обид и никакихъ налог и продажи не чинит, и дѣлает всякие дѣла безъ волокитъ против государева указу, і в. г-рь пожаловал бы ихъ, велѣл ему Семену в Кашине у них быт третій годъ.

А на челобитной ихъ, какова надъ сею выпискою, помѣта думнаго діака Григорья Богданова такова: 184-го декабря въ 26 день государь пожаловал, велѣл ему по грацкому челобитью и по заручной челобитной быт третей годъ и о том указ учинит думному дьяку Семену Титову.

А у челобитной ихъ рукъ приложено: архимандрит 1 человѣк, столник 1 ч., стряпчихъ 2, дворян московскихъ 4, жилцовъ 23 ч., кашинцовъ дворян и детей боярскихъ 22 ч., дворовой 1 ч., смолянни 1 ч., всего 55 ч. А по справке с Московским столом, стряпчим Семену Иванову сыну Нащокину, княз Федору княж Михайлову сыну Вяземскому по росписке велецо имъ быт Семену на Москвѣ, а князю Федору на службе.

На оборотѣ: Справилъ Івашка Олсуѣевъ.

184-го генваря въ 13 день В. г-рь ц. і в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Россіи самодержецъ, пожаловалъ Семена Іванова сына Нащокина по челобитью столников и стряпчих, и дворянъ московских, и жилцов, и кашинцов городовыхъ дворян и детей боярских, Кашинскихъ помѣщиков, і вотчинников, велѣл ему быт в Кашине третей годъ, а князя Федору Вяземскому по росписке велецо быт на его государеве службе. Думный дьякъ Семен Титовъ.

По листамъ всего дѣла скръпа: сстава.

(М. А. М. Ю. Розрядъ. Новгород. ст. Столбецъ 283, лл. 35—42).

№ 66.

Дѣло о назначеніи воеводой кн. Фед. Мих. Вяземскаго на мѣсто Сем. Иван. Нащокина.

Царю г. і в. к. Феодору Алексѣевичу, в. в. и м. і б. Р. с., бьет челом холопъ твой Федка княж Михайлов сынъ Вяземского. В прошломъ, г-рь, во 179-м году убитъ у меня, холопа твоего, брат мой родной на твоей в. г-ря службѣ под Олатыремъ, а меня, холопа твоего, ранили на том же бою тяжелою ранюю въ шею. И я, х-пѣ т., за ту свою кровь и за смерть брата своего родного бил челом отцу твоему в. г-рю ц. і в. к. Алексѣю Михайловичу, в. в. и м. і б. Р. с., у руки, і по моему х-па т. челобитію, а по ево государскому имянному указу, велецо меня от-

пустить в Шацкой воеводою. І думной діякъ Семен Титовъ сказал, что отпущен де въ Шацкое іной воевода, и отпустилъ меня, х. т., въ Зарайскъ на Матѣево мѣсто Корондева, і наказ мнѣ, холопу твоему, і росписную грамоту дал, і велел мнѣ ждат на Москвѣ полгода. И я, х. т., ждал і полгода, і на срокъ меня, х. т., отпустили. І не допустя меня до Зарайску, з дороги поворотили к Москвѣ, а указано старому воеводе еще сидет четвертой год. И я, х. т., въ другой ряд бил челом при думномъ діяке Гарасиме Докторове, і велѣно мнѣ быт в Кашине на Семенова мѣсто Нащокина, и наказ мнѣ, х. т., і росписная грамота дана ж, а велѣно мнѣ до сроку год ждатъ. И я, х. т., год ждал, и на срокъ отпущен. І в Капин приедучи, воеводе Семену Нащокину росписную грамоту отдал, і он Семен со мною, х. т., не росписался, і на завтрея того числа прислана из Розряду грамота к нему Семену Нащокину, і велѣно ему быт в Кашинѣ еще третьей годъ воеводою, а велѣно меня, х. т., іс Кашина выслат к Москвѣ и быт мнѣ на твоей в. г-ря службѣ. И я, х. т., нынѣча приволокся к Москвѣ и разорился до конца в волоките своей і в московскихъ проторяхъ. Милосердый г-рь ц. і в. к. Феодор Алексѣевич, в. в. і м. і б. Р. с.! Пожалуй меня, х. своего, за смерть брата моего родного і за мою тяжелую рану, не вели, г-рь, прежнего милостиваго указу отца своего государева нарушит, і вели, г-рь, мнѣ по прежнему наказу быт мнѣ въ Кашинѣ, что бы мнѣ, холопу твоему, от такова разоренія в конецъ не погинуть, і скитаючись меж двор голодною смертію не умерети і в твоей великого государя службы не отбыт. Царь государь смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ помѣты: 184-го февраля въ 28 д. г-рь пожаловал, велѣлъ выписат изъ отпусковъ і доложит себя г-ря.

Учинит по сему великого государя указу.

І в Розряде выписано:

В записной книге Московскаго стола всякихъ дѣлъ нынешняго 184-го году написано: в Зарайску—стряпчей Матвѣи Федоров сын Карандѣев отпущен за службу и за рану 180-го году ноября въ 18-м числѣ.

І в прошломъ во 182-м году апрѣля въ 22 д. по помѣте на выписке думного діяка Семена Титова в Зараескъ на Матѣево мѣсто Карандѣева велено отпуст стряпчего князя Федора князь Михайлова сына Вяземскаго, какъ прежнему два годы минеть.

А 183-го октября въ 1 д. блаженные памяти в. г-рь ц. і в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. і б. Р. с., указал Матвѣю Карандѣеву в Зарайску быт по прежнему до своего в. г-ря указу, а князя Федора Вяземскаго в Зарайскъ не отпущат, и наказ і свою государеву грамоту о росписке у него взят в Розряд.

И марта въ 6 д. прошлаго же 183-го году по указу блаженные

памяти в. г-ря и по помѣте на выписке думного діака Гарасима Доктурова стряпчего князя Ѳедора Вяземскаго за службу и за рану і за смерть брата его роднова князя Івана і вмѣсто Зарайска велено ево отпустить в Кашин на Семеново мѣсто Нащокина, і наказ и о росписке г-ва грамота ему князю Федору даны марта въ 9-м числѣ 183-го году. А велено ему Семена Нащокина переменит на срокъ генваря въ 15-м числѣ нынѣшняго 184-го году.

І в нынешнем же въ 184-м году декабря въ 26-м числѣ по челобитію Кашина города архимарита і Кашинскихъ помѣщиковъ і вотчинниковъ столтников і стряпчих и дворянъ московскихъ і жильцов, і кашинцов дворян и дѣтей боярскихъ Семену Нащокину, что онъ будучи в Кашине имъ и людем ихъ и крестьяном обид и никакихъ налогъ и продажи не чинить, і дѣлаеть всякія дѣла безъ волокиты, велено ему Семену в Кашине быть третьей годъ.

Помѣта о том на челобитной их думного діака Григороя Богданова такова: 184-го декабря въ 26 д. г-рь пожаловал, велѣлъ ему по грацкому челобитію и по заручной челобитной быть третьей год, и о том уваз учинит думному діаку Семену Титову, а князь Ѳедору Вяземскому по росписке велено быт на его государеве службе.

На указе в. г-ря помѣта думного діака Семена Титова.

А ныне в. г-рю ц. и в. к. Федору Алексѣевичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьет челом стряпчій князь Ѳедор Вяземской, чтоб в. г-рь пожаловалъ, не велѣлъ прежнего отца своего государева блаженныя памяти в. г-ря ц. і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указу нарушить, а велѣлъ бы в. г-рь по прежнему наказу быть ему въ Кашине на Семеново мѣсто Нащокина.

По лицу по склейкамъ помѣта: 184 марта въ 14 д. по указу в. г-ря ц. слушав—и затѣмъ непосредственно послѣ послѣдняго слова выписи изъ Розряда, т. е. послѣ словъ: на Семеново мѣсто Нащокина — челобитію князя Ѳедора Вяземскаго, приговорил ему князю Ѳедору быт въ Кашине по прежнему государеву указу, а переменит ему въ Кашине Семена Нащокина безсрочно, а ему Семену велет быт на службе великого государя въ Путивле въ полку с столником і воеводою со князи Васильемъ Голицыным, а срок учинит ему, стат в Путивле мая 9-е число нынешняго 184-го году, и о томъ о всемъ послать к нему Семену великого государя грамоту.

На оборотъ: Справиль Івашко Олсуевъ.

Отъ царя і великого князя Федора Алексѣевича, в. в. и м. и б. Р. с., в Кашинѣ воеводе нашему Семену Ивановичю Нащокину. По нашему в. г-ря указу велено (на нашей государеве службе) ¹⁾ въ

¹⁾ См. прим. на стр. 32.

Кашине на твое мѣсто *быть* стряпчему князю Фёдору княж Михайлову сыну Вяземскому (быть) по прежнему нашему велнкаго г-ря указу и переменить ему *тебя* (велено) безсрочно, а тебѣ (Семену указали мы великій государь) быть на нашей великого государя службе в Путивле въ полку с столником нашим і воеводою со князем Васильем Васильевичем Голицыным (а) на срокъ, *а стать на той нашей государевой службе* (учиненъ тебѣ стать в Путивле) мая 9 число нынешняго 184-го году. І какъ к тебѣ ся наша в. г-ря грамота придет, а князь Фёдоръ Вяземскій въ Кашин прїѣдетъ, и ты б (ключи) городовые і острожные *ключи*, і в казнѣ зелье і свинець, і всякіи пушечные і въ житницахъ всякія хлѣбные запасы, і денги, что есть в сборе, и книги приходные и расходные денгам, і хлѣбу і зелью і свинцу, і списки служилыхъ людей і стрѣлцов, і пушкарей, і затинщиков, и посацких і всякихъ жилецкихъ людей, і всякие наши (и судные) *государевы и челобитчиковы* вершеные и невершеные дѣла, и тому всему роспись за своею рукою отдал князю Фёдору Вяземскому, і во всемъ с нимъ росписался; а отдавъ и росписався во всем, *с росписнымъ спискомъ* ѣхал к нам, в. г-рю, к Москве, (і явился) а на Москве явился і росписной список подал в Розряде дьякомъ нашимъ думному Семену Титову, да Василию Семенову, да Петру Кавелину, да Фёдору Шакловито(ву)му. Писанъ на Москвѣ лѣта 7184-го марта в (16) 17 д.

На оборотѣ в концѣ: Справилъ Івашко Олсуѣевъ.

(М. А. М. Ю, Розрядъ. Новгородскій столъ. Столб. 283, лл. 25—30).

№ 67.

Отписка выводы о пожарѣ города и посада.

Г-рю ц. и в. к. Фёдору Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Р. с., холопъ твой Федка Вяземской челом бьетъ. В нынешнем, г-рь, во 184-м году августа въ 6 ден, во второнадесят часу дни волею Божию в Кашинѣ городѣ на посадѣ учинился пожаръ, и от того пожару город острог рубленой, от Воскресенскихъ проѣзжихъ ворот до Архангелскихъ проѣзжихъ ворот, згорѣло пять башень, і стѣна рубленая вся згорела, и Архангельской мостъ згорел, і приказная ізба з дѣлами і Кружечной двор, і питья всякія Кружечного двора пригорѣли, і таможенная ізба і всякие заводы, і гостин і земской дворы, і губная ізба, і тюрьма, і богодѣлни, і посадвес, і ряды, і на посадѣ церкви Божии все пригорѣли, толко, г-рь, осталось в городѣ в остроге двѣ соборныя церкви да нѣбольшое мѣсто осталос посадцких і монастырскихъ слободок на спольях,

все, г-рь, со втораго на десят часа до ношних часов пригорело. І о томъ что ты, в. г-рь, мнѣ, х-пу с., укажешь?

На оборотѣ: Г-рю ц. и в. к. Феодору Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Р. с. — 184-го августа въ 13 ден с Кашинскимъ росылщиком с Олешкою Кучинимъ.

Помѣты: В. г-рь слушал и бояром чтена.—В книгу записана.

(М. А. М. Ю. Розрядъ. Новгородскій ст. Столбецъ 268, л. л. 34—36).

№ 68.

Отписка воеводы о полученіи имъ грамоты о починкѣ мостовъ и дорогъ для государева похода въ Кашинъ.

...¹⁾ князя Феодора Алексѣев., ...и м. и б. Росіи с...ца, изъ Розряду за приписью дьяка Фед... Шакловитова в Кашинъ ко мнѣ, холопу твоему, Розрядного приказу с сыном боярскимъ в Дмитрѣемъ Волковым. А в твоей, в. г-рь, грамоте написано, велѣно мнѣ, х. т., от Кашина по Колязинской, і по Углецкой, і по Дмитровской дорогам до Колязина монастыря, и до Углецкого, и до Дмитровского послать, кого пригоже, і велѣтъ имъ по дорогам мосты мостит, и дороги чистить, і гати гатит крепкие тотчасъ. И я, х. т., послал Кашинских пушкарей і росылщиков многих людей во вес Кашинской уѣздъ, і велѣл на тѣх дорогах для твоего в. г-ря походу на болших рѣках, и на ворхах, и на речках адѣлат мосты и гати крепкие тотчасъ. І я, х. т., т. в. г-ря грамоту у нѣго Дмитрея принял, а ево Дмитрѣя ис Кашина сего же числа отпустил.

На оборотѣ: Г-рю ц. и в. к. Феодору Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Росіи с.—185-го ноября въ 25 д. подал отписку розрядной сынъ боярской Дмитрей Волковъ.

(М. А. М. Ю. Розрядъ. Московскій Столъ. Столбецъ 525, л. 177).

№ 69.

Челобитье Мих. Борщова о назначеніи его воеводой въ Кашинъ и дѣлопроизводство по нему.

Ц. г-рю і в. кн. Феодору Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Р. с., бьет челомъ х. т. Мишка Гавриловъ сынъ Борщовъ. Служилъ я, х. т., блаженныя памяти отцу твоему государеву в. г-рю ц. і в. кн. Алексѣю Михайловичу, в. в. и м. и б. Р. с., многие годы всякие, г-рь, службы,

¹⁾ Начало утрачено.

лѣтние и зимние, и за отцомъ твоимъ великимъ государемъ в походахъ былъ з бояриномъ і воеводы в посылке подъ города посылан, и на приступахъ, и на бояхъ, и на выласкахъ; да я же, холоп твой, былъ на полскихъ службахъ з бояры и полномочными послы, со княземъ Никитю Ивановичемъ Одоевскимъ с товарищи, и в Вилне, і в Борисове; да я же, холоп твой, на вашихъ государскихъ службахъ з бояриномъ і воеводою со княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково въ Губаряхъ на бояхъ и на выласкахъ с полскими и литовскими людьми; да я жъ, х. т., на вашихъ государскихъ службахъ з бояриномъ і воеводою со княземъ Григорьемъ Семеновичемъ Куракинымъ в Севску, і в приходъ крымскихъ людей и изменниковъ черкасъ на бояхъ і в посылкахъ бился, и языки крымскихъ людей искалъ, и з бояриномъ и воеводою со княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ под Нѣжинымъ и под Черниговымъ былъ на приступахъ і в походехъ, от крымскихъ людей и от изменниковъ черкасъ голод и нужду терпѣлъ, и на бояхъ и на выласкахъ, да в то жъ г-рь время отбили у меня холопа твоего крымские люди две телеги з запасомъ, и съплатишкомъ, и со всякою служилою ружьядью, и людишекъ дву человекъ въ полонъ ваяли; да я же, х. т., былъ на вашихъ государскихъ службахъ з бояриномъ і воеводою со княземъ Юриемъ Алексѣевичемъ Долгоруково в Арзамасе за воровскими людьми; да у меня же, холопа твоего, убитъ на вашей государской службѣ под Быховымъ в полку боярина і воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова Ростовскаго брат мой Михайла Борщевъ. И будучи я, х. т., на вашихъ государскихъ службахъ, одолжалъ великими долгами и разорился без остатку. И по твоему в. г-ря указу я, х. т., былъ отпущенъ в Переславль-Залѣской на Васильево мѣсто Кроткова; и нынѣ, г-рь, на мое мѣсто отпущенъ Петръ Ѳедоровъ сынъ Полтевъ, а я, х. т., не отпущенъ никуда и по се число. Милосердый г-рь ц. і ѿ к. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй меня, холопа своего, за мою службишку, и за многое разорение, и за смерть и за кровь брата моего, вели, г-рь, мнѣ быть в то мѣсто на своей в. г-ря службѣ в Кашине на мѣсто князь Ѳедора княж Михайлова сына Вяземскаго. Царь государь смилуйся.

На оборотѣ помята: 185-го декабря въ 4 д. г-рь пожаловалъ велѣлъ выписатъ и доложитъ себя государя.

І в Розряде выписано: в записной книгѣ Новгородскаго стола нынешняго 185-го году написано: в Кашинѣ воевода князь Ѳедоръ княж Михайловъ сынъ Вяземской отпущенъ в 184-мъ году марта въ 14 д., росписался апрѣля въ 30 д. 184-го году. И исполнитца ему князю Ѳедору въ Кашинѣ два года во 186-мъ году апрѣля въ 30-мъ числѣ.

А по годовой смѣтной росписи нынешняго 185-го году в Кашинѣ людей: отставныхъ дворянъ 8 ч., губной староста 1 ч., подъячихъ 81 ч.

Съѣзжей избы сторожей 2 ч., пушкарей 6 ч., розсылщиков 12 ч., дѣтей у них 11 ч., посацкихъ людей 426 ч., дѣтей ихъ 40 ч., дворянников 9 ч., всего 523 ч.

А на государевыхъ службахъ Михайло Борщов по наряду был до отпуску во 162-м і во 163-м году под Смоленскимъ в государеве полку, во 163-м году в государеве ж полку в Вилнѣ, и августе въ 19-м числѣ из Вилни для болѣзани отпушон к Москве. Во 164-м і во 165-м году на посолствѣ з боярином со князем Никитою Ивановичем Одоевскимъ съ товарищи. Во 168-м і во 169-м году в Губаряхъ в полку боярина і воеводы князя Юрья Алексѣевича Долгоруково с товарищи. Во 169-м году в Борисовѣ на посольствѣ с великими и полномочными послы з боярином со князем Никитою Ивановичем Одоевским с товарищи. Во 176-м і во 177-м году в Севску в полку боярина і воеводы князя Григорья Семеновича Куракина с товарищи. Во 179-м году в понизовыхъ городѣхъ в полку боярина і воеводы князя Юрья Алексѣевича Долгоруково с товарищи. Да в смотреномъ списку, каковъ прислалъ в Розрядъ околничей і воевода князь Иванъ Ивановичъ Лобанов-Ростовской во 168-м году, написано: жилецъ Михайло Микитин сынъ Борщов убитъ на бою под Быховым.

И у выписке Михайло Борщов сказал, что ему Михайло Микитин сынъ Борщов был братъ двоюродной, а за службы де свои онъ Михайла і за смерть брата своего на приказѣ нигдѣ не бывалъ, в помѣсье въ Ярославском да в Дмитровскомъ уѣзде 25 дворов.

На оборотѣ и въ концѣ выписки. Михайло Борщовъ руку приложил.

А в прошломъ в 184-м году, по указу в. г-ря и по подписнымъ челобитнымъ думныхъ дѣяковъ Дементья Башмакова да Григорья Богданова и по помѣте на выписке думного дѣяка Василія Семенова, Михайла Гаврилова сына Борщова за службы і за смерть брата ево велено отпустит в Переславль-Залѣской на Васильево мѣсто Кроткого. А перемѣнить ему Василья велено въ сентябрѣ месяце 186-го году.

І в записной книге Новгородцкаго стола записано: і в нынешнемъ в 185-м году въ Переславль Залѣской на Васильево мѣсто Кроткого отпушон за службы стряпчей Петръ Ѳеодоров сынъ Полтев, и с Васильемъ Кроткимъ росписался генваря въ 20 д.

І ныне г-рю ц. и в. к. Ѳеодору Алексѣевичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьетъ челом Михайла Гаврилов сынъ Борщевъ, что б в. г-рь пожаловал за службы і за смерть брата ево, велѣл ево отпустит въ Кашин на князь Ѳеодорово мѣсто Вяземскаго. какъ ему князю Ѳеодору исполнитца в Кашинѣ два года. А опричь Михаила Борщова на князь Ѳеодорово мѣсто Вяземскаго челобитчиковъ никого нѣтъ.

А в г-ве ц. и в. кн. Ѳеодора Алексѣевича, в. в. и м. и б. Р. с., указе нынѣшняго 185-го году сентября 11 числа написано: которые

челобитчики учнут приносить в Разряд подписные челобитные об отпуске своем на воеводство и на приказы до сроку за полгода, и тѣ челобитные у них принимать и давать им в тѣ города наказы до сроку за мѣсець; а буде которые челобитники принесут челобитные, а до сроку будетъ болши полугода, и тѣхъ челобитен у нихъ не принимает; а которые принесут подписные челобитные, а преж их в тѣхъ городѣхъ по подписнымъ же челобитнымъ велено быть инымъ, и по такимъ послѣднимъ челобитнымъ докладыватъ его великого государя.

На оборотъ: Справил Бориско Корѣлкин.

Помѣта: выпишатъ к великому государю в доклад наперечеть.

(*М. А. М. Ю. Разрядъ. Новгородскій ст. Столб. 283, лл. 135—142.*)

№ 70.

Указъ объ отпускѣ благовѣрной великой княгини Аниѣ Кашинской на чехоль сукна.

Лѣта 7185-го декабря въ 5 день. По государеву цареву и великого князя Феодора Алексѣевича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, указу казначѣю Ивану Богдановичю Камынину да дьякомъ Феодору Максиму да Ивану Волкову. Великий государь царь и великий князь Феодоръ Алексѣевичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ: взять ис Казенного приказа в Оружейную палату на чехоль благовѣрные великия княгини Анны Кашинские четыре аршина сукна темно зеленого аглинского, да на чемоданы на нарядные лубья саадашные десять саеьяновъ жолтыхъ. И по государеву цареву и великого князя Феодора Алексѣевича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, указу казначѣю Ивану Богдановичю Камынину да дьякомъ Феодору Максиму да Ивану Волкову учинить о семъ по указу великаго государя. Діакъ Никита Захарской.

На оборотъ: По указу великаго государя отпустить съ распискою.

По сему великого государя указу сукно аглинское и саеьяны в Оружейную полату принялъ тое жъ палаты подъячей Ивашко Захарской и росписался.

(*Архивъ Оруж. Пал. Опись 11-я, № 101.*)

№ 71

Досмотръ патриаршей слѣдственной комиссіи 7185 года въ Кашинѣ касательно житія благовѣрныхъ в. княгини Анны, ея чудесь, образа и мѣста, гдѣ былъ гробъ съ мощами.

Лѣта 7185-го феврала въ 12 день. По указу великого государя царя і великого князя Феодора Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, і по благословенію великого господина святѣйшаго Иоакима патриарха Московскаго и всеа Русіи преосвященному Іосифу митрополиту Рязанскому и Муромскому, да преосвященному Симеону архиепископу Тверскому и Кашинскому, да Лихвина города Доброво монастыря архимандриту Варсоноію, да Николаю чудотворца Гостунского протопопу Иоанну Лазареву сказалъ Кашина города соборной церкви Успенской попъ Василей по евангельской заповѣди Господней еже еі, еі вправду: служба де благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ на пренесение мощей ея записана по указу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, у него великого государя въ верху, а на обрѣтѣніе мощей ея тропарь и канонъ писали въ Кашинѣ Воскресенского собору протопопъ Иванъ Наумовъ, будучи священникомъ въ томъ же городѣ Кашинѣ у церкви великомученицы Паросковиі, а съ нимъ писалъ кашинецъ посадкой человѣкъ Семень Осиповъ сынъ Сухоруково при ево, поповъ Васильеве отцѣ, попъ Василии жъ; и тотъ де отецъ ево попъ Василии, какъ тотъ канонъ писали, тутъ былъ з братомъ ево, Васильевымъ, а съ своимъ сыномъ Никифоромъ поповымъ; а по какому и по чьему указу или по челобитью отца ево Васильева, попа Василья, протопопъ Иванъ тотъ канонъ писалъ, онъ про то не вѣдаетъ, а вѣдаютъ де про то отецъ ево Василей да братъ Никифоръ; и ныне де онъ в живыхъ, а протопопъ Иванъ и кашинецъ Семень умре. А житие благовѣрные великие княгини Анны принесъ братъ ево Никифоръ изъ Соловецкого монастыря, а откуда то житие взято, и кто ево написалъ, про то онъ, попъ Василей, не вѣдаетъ, а вѣдаетъ братъ ево Никифоръ. А которому де понамарю великая княгиня явилась, и того де понамаря нынѣ въ живе нѣтъ, и сродниковъ ево никого не осталось. А какъ де в прошломъ во 157 году, по указу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, и великого господина святѣйшаго Иосифа патриарха Московскаго і всеа Русіи, свидѣтельствоваши мощи благовѣрной великие княгини Анны преосвѣщенной

Иона архиепископъ Тверскій и Кашинскій, да Андрониева монастыря архимандритъ Селиверстръ, да Данилова монастыря, что за Москвою рекою, игумень Иоанъ, и при томъ де свидѣтельствъ мощей ея осматривали; а при осмотре де преосвященному архиепископу Ионе Андроньевской архимандритъ Селиверстръ говорилъ, чтобъ свидѣлствовать поподлиннѣ со испытъствомъ, было бъ де что объявить великому государю. И взялъ де онъ, архимандритъ Селиверстръ, ея благовѣрные княгини руку и распростиралъ персты ея и паки агибалъ; а тѣло де ея благовѣрныя княгини нетлѣнно, толко де тлѣниемъ разрушилися носъ да плюсна у ноги, а у которые, того не упомянуть. А при томъ де свидѣтельствъ онъ, попъ Василей, былъ самъ, будучи дьячкомъ. И какъ де благовѣрные княгини руку архимандритъ осязалъ, то онъ неподалеку видѣлъ, а про иное про все подлинно слышалъ отъ отца своего отъ попа Василья.

Въ Кашииъ городѣ старецъ Варламъ, что былъ в мирѣ въ Кашииъ въ соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы попъ Василей, сказалъ по евангелској заповѣди Господни вправду: служилъ де онъ в той соборной церкви лѣтъ с тридцать, а отецъ ево, Варламовъ, попъ Василей же у тое же церкви служилъ прежде ево лѣтъ с пятьдесятъ, а нынѣ де у тое церкви служитъ сынъ ево, Варламовъ, попъ Василей же. И въ прошломъ де году, а въ которомъ того не упомянуть, въ приходъ литовскихъ людей Кашииъ городъ былъ въ осаде, и въ то осадное время при отце ево Варламове, при попѣ Василье, явилася благовѣрная великая княгиня Анна Кашинская Успенского жъ собору понамарю Герасиму во сновидѣннѣ, а онъ де, понамарь, въ то время лежалъ великою болезнью близъ смерти; а въ явленнѣ де ему благовѣрная великая княгиня Анна велѣла о себѣ возвестить священнику, чтобъ надъ гробомъ ея передъ образомъ Спасовымъ Нерукотворенного свѣчи палили, и литнѣ пѣли, и гробъ ея почитали, и на гробнице ея не садились, и шапокъ не клали, а она де, благовѣрная княгиня, молитъ всемилостиваго Спаса и Пресвятую Богородицу о избавленнѣ града сего отъ иноплеманныхъ. И понамарь де Герасимъ того видѣннѣ священнику не известилъ, помнѣлъ, что то неистинно; и она де, благовѣрная великая княгиня Анна, явилася ему жъ, понамарю Герасиму, послѣ того вскоре во сновидѣннѣ жъ второе, и онъ де, понамарь Герасимъ, по второмъ явленнѣ ево, Варламову отцу, священнику Василью известилъ и отъ болѣзни своей оадравель. И отецъ де ево, Варламовъ, священникъ Василей про то видѣние людемъ возвещалъ и приказывалъ, чтобъ гробъ ея, великия княгини, почитали, на немъ бы не садились и шапокъ не клали, а онъ де, старецъ Варламъ, въ то время былъ дьячкомъ. Да онъ же старецъ Варлаамъ, сказалъ, что тотъ ея гробъ былъ подъ древяною

соборною церковью Успения Пресвятыя Богородицы подь мостомъ подь правымъ крилосомъ, а подь тотъ де церковной мостъ входу не было, отъ ветхости осель ниско, и человѣку подойти было немощно; а Спасовъ де нерукотворенной образъ стоялъ надь гробницею ея въ церкви у крилоса, а не подь церковью. А гробъ де каменной благовѣрной великой княгини Анны вышелъ изъ земли самъ собою: перво де ево показала изъ земли треть, а потомъ не по многомъ времени старую, ветхую деревянную соборную церковь разобрали, для того что в ней служить было не мощно, а на томъ мѣстѣ построить бы новую церковь деревянную жъ, и гробъ де благовѣрные великие княгини объявился весь наверхъ земли, а подь нимъ ямы и никакова знаку не было; і на томъ мѣсте построили новую соборную деревянную жъ церковь, и гробъ благовѣрные княгини сталъ подь новую церковь подь мостомъ посреди церкви, а не подь крилосомъ, для того что новая церковь стала пространнее прежние церкви. И потомъ у того гроба учели быть чудеса и исцеления болящимъ. А исцелѣлъ отъ нея, великие княгини Анны, Тверскаго уѣзду деревни Борзениновой крестьянинъ Калинко, а чей сынъ и которого помѣщика, онъ не знаетъ, отъ расслабленной болѣзни, и тотъ де крестьянинъ и донесъ живъ. И инымъ людямъ болящимъ исцеление было многое, а кому имени и онъ, старецъ Варламъ, за старостию не помнитъ. И после де того ходилъ бояринъ Василей Ивановичъ Стрешневъ молитися ко Алексадру Свирскому чудотворцу, і какъ онъ былъ в Кашине, и онъ де, Варламъ, будучи попомъ, ему Василью Ивановичю о явлени и о чудесехъ благовѣрные великие княгини Анны извещалъ, и на Москвѣ думному Ивану Гавреневу о томъ возвещалъ же, и они де ему велѣли бити челомъ и извещать великому государю; и онъ де, Варламъ, билъ челомъ блаженные памяти великому государю царю і великому князю Михаилу Ѳедоровичю, всеа Русіи самодержцу. И после, ево, Варламова, челобитья вскоре волею Божиею ево, великого государя, в животъ не стало. И онъ де, Варламъ, билъ челомъ блаженные жъ памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу. И по ево, Варламову, челобитью и извѣту по ево великого государя указу присыланъ в Кашинъ преосвященный Иона, архиепископъ Тверскій і Кашинскій, а с нимъ с Москвы Андроньева монастыря архимандритъ Селивестръ, да Данилова монастыря игуменъ Иоаннъ для свидѣтельства мощей великия княгини Анны. И преосвященный де Иона архиепископъ с архимандритомъ и с игуменомъ гробъ открывали и мощей досматривали; а онъ де, старецъ Варламъ, былъ тутъ же і виделъ, что мощи благовѣрные великие княгини Анны нетлѣны, токмо тлѣнию предалась часть малая носа, да у ногъ плюснѣ,

а у обохъ ли или у одной ноги, и онъ того не помпигъ. А рука правая лежитъ на персехъ согбенна, яко благословящая. И Андроньевской де архимандритъ Селивестръ тое руки персты розгибалъ, а какъ опустилъ, и онъ такожде согбенны учинились попрежнему. А чюдеса при свидѣтельстве были ль или нѣтъ, онъ про то не упомянуть. И после того свидѣтельства на другой годъ блаженные памяти великии государь царь і великии князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, наволилъ притти в Кашинъ с своею государевою царицею і великою княгинею Марьею Ильичною и с своими государскими сестрами, з благородными царевнами; а с нимъ, великимъ государемъ, былъ преосвященный Варламъ, митрополитъ Ростовский и Ярославский, и мощи благовѣрные великия княгини Анны досматривалъ. И по досмотру ис подъ соборныя Успения деревяныя церкви в каменномъ гробу перенесли в соборную Воскресенскую каменную церковь и обязавъ запеча(та)лъ гробъ своими государскими печатми. А въ пренесение гробъ с мощми великий государь несъ самъ на рамахъ своихъ з бояры, а несли тотъ каменной гробъ съ мощми на древяномъ одрѣ, и тотъ одръ и ныне в целости. І во время пренесения было отъ гроба великия княгини Анны исцеление Кашинского губного старосты Петра Скобѣева снохъ ево Анне отъ бесноватыя болѣзани, а была де она въ той скорби з годъ. І потомъ де отъ благовѣрные княгини многия чюдеса людемъ ото всякихъ скорбей были, а в которое время и кому имени, и онъ того не упомянуть. А по указу великого государя персть ис подъ гроба онъ, Варламъ, многимъ людемъ роздавали на исцеление, и донныне даютъ. А на обретеніе мощей великой княгини Анне тропарь и кондакъ и канонъ слогали и писали Кашина города бывшей Воскресенской протопопъ Иванъ Наумовъ да кашинецъ посацкой человѣкъ Семень Сухорукого. И протопопъ Иванъ да Семень Сухорукова померли. А на принесение мощей ея службу стихѣры і канонъ привезъ съ собою въ Кашинъ блаженные памяти великий государь царь і великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ. А житие де великия княгини писано въ Соловецкомъ монастырѣ, писалъ старецъ противъ речей сына ево Никиеора; а какъ того старца зовутъ, и онъ имени ево не помнитъ, а вѣдаетъ про то сынъ ево Никиеоръ.

Февраля того жъ числа старцовъ Варламовъ сынъ Никиеоръ в допросе сказалъ: канонъ на обретеніе мощей благовѣрные і великия княгини Анны и тропарь и кондакъ слагали і писалъ города Кашина Пятницкой попъ Иванъ Наумовъ, что после того былъ в Кашине жъ протопопомъ въ Воскресенскомъ соборѣ, да кашинецъ посадской человѣкъ Семень Осиповъ сынъ Сухорукого, и ныне ихъ в живыхъ

нѣтъ. А на принесение мощей ея полную службу стихѣры и канонъ изволилъ привести с собою блаженныя памяти великий государь. А житие ея слогалъ и писалъ Соловецкаго монастыря старецъ Игнатей по велѣнію тогожъ монастыря уставщика старца Никодима по ево, Никиѣорову, челобитью, для того, что приѣзжаютъ де во градъ Кашинъ ко гробу благовѣрные великія княгини Анны многіе богомолцы, а житія де ея у нихъ в Кашине нѣтъ и показать нѣчего; а сказывалъ имъ житие ея онъ, Никиѣоръ, про што вѣдалъ и слыхалъ, а онъ де сыскали и у себя в Степенной книгѣ, что она благовѣрного великаго князя Михаила Тверскаго супружница, великая княгиня Анна. А житие де еѣ слагали онъ и писали по своему разуму и Степенной книги и по ево, Никиѣоровымъ словамъ, что онъ имъ про житие ея сказывалъ. А вынесъ де онъ, Никиѣоръ, то житие с собою ис Соловецкаго монастыря в то время, какъ переносили мощи Филипа митрополита ис того Соловецкаго монастыря в царствующи градъ Москву. А чудеса де благовѣрные великія княгини Анны писалъ онъ, Никиѣоръ, будучи в Кашине, кто что скажетъ, подъяльствомъ; а у которыхъ чудеса есть предисловіе, и то де онъ, Никиѣоръ, писалъ отъ своего разума, для того чтобъ было слагателнее.

И февраля же въ 13 день в Кашине князь Даниловъ человѣкъ Григорьевича Черкаскаго Данило Андрѣевъ сынъ Татаринъ въ допросѣ сказалъ: въ прошлыхъ де годехъ служилъ де онъ, Данило, со отцомъ своимъ Андрѣемъ в дому боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго. И по указу де боярскому отецъ ево, Андрѣй, былъ на приказѣ в ево боярской вотчинѣ в Углецкомъ уѣздѣ в селе Красномъ, а онъ де, Данило, приѣзжалъ с Москвы к отцу своему в гости в то село Красное; а у сестры де ево, Даниловы, родной, у дѣвочки Анны отнялися очи, сомжилися вѣки, мѣсяца с три не разводилися, и ничего не видала. И отецъ де ево, Даниловъ, Андрѣй и мать его Пелагѣя и з болящею дочерью своею, а съ ево, Даниловою, сестрою Анною, и онъ, Данило, приѣзжали во градъ Кашинъ о исцеленніи очей ея по обещанію своему к благовѣрной княгинѣ молитися. І какъ де молебное пѣніе совершили и по отпустѣ священникъ оградилъ ея, дѣвку Анну, животворящимъ крестомъ, и она в то время очима прозрѣла. А гробъ де благовѣрные великія княгини Анны с мощми в то время былъ подъ соборною Успенскою деревянною церковью, стоялъ поверхъ земли. А были де онъ в Кашине до государскаго пришествія года за два. И тое де сестры ево Анны и отца ево Андрѣя ныне в живѣ нѣтъ, а мать ево, Данилова, Пелагѣя живеть на Москвѣ в дому князя Данила Григорьевича Черкаскаго. А благовѣрной де княгини Анны по обещанію у нихъ и образъ написанъ. К подлинной скаске вмѣсто ево, Данилы, приложилъ

руку князь Даниловъ челоувѣкъ Григорьевича Черкаскаго Филиппъ Черкашенинъ.

Феврала въ 16 день в Кашине в соборной Успенской церкви, кашинка вдова, посадского челоувѣка Богдановская жена Митрофанова Акилина Назарьева дочь сказала по святей Христове евангилской заповеди Господни, еже ей ей: в прошломъ году ходила она хулять на Петровъ день со инными женами, и гуляя взышли онѣ на гробъ благовѣрные княгини Анны, а гробъ де ея въ то время былъ подъ древяною церковью. И она де, Акилина, оперлася о гробъ с небрежениемъ, и отъ того де отерпло полъ ея рука и нога правая отнялася, и она де постилась отъ Петрова дни до Ильина дни. И какъ былъ для свидѣтельства мощей благовѣрные княгини Анны преосвященный Иона, архиепископъ Тверскій и Кашинскій, и при немъ, архиепископе, привели ея в церковь ко гробу благовѣрные великие княгини Анны, и пѣли молебень, и святили воду, и тою священною водою она после тово молебна помазалася и пила, и отъ того де ей спустя дня з два в дому Богъ даровалъ исцеление. А в то де время благовѣрные великие княгини Анны мощи лежали подъ старою Успенскою церковью до свидѣтельства Ионы, архиепископа Тверскаго і Кашинскаго. А оздравевъ она жила лѣтъ с пятнатцать, а какъ умре, и тому лѣтъ с пятнатцать же.

Того же числа Кашина города Дмитровскогò монастыря служка Петрунка Степановъ сказалъ по святей Христове евангилской заповеди Господни, еже ей ей: братъ де ево родной, Федка, былъ отъ болѣзни во иступлении ума, и по обѣщанию того брата ево привозилъ ко гробу благовѣрной великой княгини Анны болного болшей братъ ихъ, Никишка, а отъ того ея, благовѣрной княгини, гроба привезъ ево, Федку, в домъ здрава в цѣломъ умѣ; а какъ брату ево исцеление было, и тому ныне лѣтъ з дватцать, а гробъ де съ мощьми ея в то время стоялъ в соборной Воскресенской церкви.

Того жъ числа Кашина города посадского челоувѣка Ивановъ сынъ Погребова Петрушка сказалъ по святей Христове евангелской непорочной заповеди Господни, еже ей, ей: матери де ево Евдокѣе расслабления болѣзнь была ль и у гроба благовѣрные княгини отъ той болѣзни исцеление было ль или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, для того что остался после смерти матери своей на четвертомъ году, а отъ людей про то не слыхалъ.

Того жъ числа соборной Воскресенской церкви Стретенскогò дѣвича монастыря крестьянинъ Гришка Тихоновъ сказаалъ по святей Христове евангилской непорочней заповеди Господни еже ей, ей: мать де ево Анна в прошломъ году была от огневны болезни во иступлении ума недѣль с шесть, и ималъ де отецъ его, Тихонъ, изъ

Воскресенские соборные церкви освященную воду и тою священою водою мать ево, Анну, кропили и пить ей давали, и она де отъ той воды в дому своемъ исцелѣла; а какъ исцеление получила, тому лѣтъ с пятнатцать, а какъ умре, и тому лѣтъ с восемь.

Троицы Сергиева монастыря села Ороловского крестьянинъ Андрушка Давыдовъ сказалъ по святей Христове евангилской непорочной заповеди Господни, еже ей, ей: в прошломъ де году у отца его, Давыда, заволокло тускомъ очи, и не видѣлъ года с четыре, и по обещанию своему ходилъ въ городъ Кашинъ молитися благовѣрной княгини Анне, а гробъ ея въ то время былъ подъ древяною церковью, и у гроба ея получилъ исцеление и очима прозрѣлъ; а сколько тому лѣтъ, и онъ не упомянуть, а какъ де отецъ ево, Давыдъ, умре, и тому лѣтъ з дватцать.

Того жъ числа в Кашине въ соборной Воскресенской церкви Кашина города Стретенского дѣвича монастыря старица Марѳа, что была в мире Лукьяновская жена Мизинцова Матрена, сказала по святей Христове евангилской заповеди Господни, еже ей, ей: в прошломъ де году по принесении мошей благовѣрные княгини Анны в соборную Воскресенскую каменную церковь исцеление получила она от очные болѣзни. А болѣзнь де ея въ мирскомъ житии была, ломота в голове, и отъ тоя ломотнѣя глазныя болѣзни болѣли у нея очи года с три, мало і видела, а потомъ де отъ зелныя болѣзни вѣки у нея сомжилися, и ничего не видела недѣль з девять. И pomysлила де она итти ко гробу благовѣрные княгини Анны помолитися о исцелени болѣзни своей. І въ той де noci явилась ей благовѣрная княгиня Анна таковымъ образомъ, кабы она, старица Марѳа, будучи белицею, пришла в церковь Воскресенскую и стала противъ гроба ея, и благовѣрная княгиня Анна призывала ея: подойди ко мнѣ. И она старица Марѳа, ко гробу приступила, и благовѣрная княгиня ей говорила: давно де было тебѣ прѣитти и помолитися. И старица Марѳа надъ гробъ наклонилась, и благовѣрная княгиня Анна очи ей рукою своею осызала, а рука де у ней тепла; и после того явления она, старица Марѳа, отъ сна пробудилась и ощутила себя от очные болѣзни здрава. А опосле того исцеления она постриглась тому третьей годъ.

Февраля въ 18 день в Кашине въ соборной Воскресенской церкви Тверскаго уѣзду деревни Бораениновы столника Алексѣевъ крестьянинъ Михайлова сына Блохина Калинка Ивановъ в допросе сказалъ по святей Христове евангилской непорочной заповеди Господни еже ей, ей: въ прошлыхъ де годѣхъ волею Божию лежалъ въ скорби, і в той скорби отнялися у него руки и ноги, ногами не ходилъ и руками не владѣлъ года з два, и мать де ево, Анница, ево, Калинку,

для исцеления той скорби приводила врачей многих и лечила ево многими лекарствами, и ему де отъ тѣхъ лекарей ползы въ той скорби и облегчения никакова не учинилось. И шуринъ де ево, Калинковъ, Тверскаго уѣзду столника Григорья Федорова сына Болшева вотчины ево села Харитонова крестьянинъ Митрошка Олѣеровъ, приѣхавъ к нимъ в домъ, сказалъ матери ево и ему, Калинке, что де в Кашине объявился гробъ, а есть де отъ него болящимъ исцеление; и взявъ де онъ, Митрошка, ево, Калинку, привезъ в Кашинъ, и молился у гроба благовѣрные княгини Анны во время службы о исцелении своей скорби недѣлю, и в тѣхъ де числахъ во сновидѣнн явилась ему благовѣрная княгиня и рекла ему: востани де, Калинникъ, Богъ тебя отъ скорби избавляетъ, я де о тебѣ Всемиловитиваго Спаса молила. И онъ де, Калинка, отъ сна в то время пробудился и после того сновидѣннн сталъ здоровъ. А в то де время благовѣрные великие княгини Анны гробъ съ мощми стоялъ подъ старою Успенскою древяною церковью.

Того жъ числа города Городецка церкви Николая Чюдотворца дьячекъ Петрушка Ивановъ в допросе сказалъ по святѣй Христове евангилской непорочной заповѣди Господни, еже ей, ей: в прошломъ де году, тому лѣтъ с одиннатцать, Божиимъ изволениемъ лежалъ онъ три недѣли в великой скорби, опухъ весь, и глаза опухолью покрыло, не видѣлъ ничего, и лежалъ отъ того обмертвѣвъ три сутки безъ памяти; и мать ево, вдова Оеросинья, обещалась благовѣрной великой княгине Аннѣ о исцеленнн тое ево скорби пѣть молебень. И какъ де братъ ево Николской попъ Иванъ, в дому у нихъ началъ пѣть молебень, и надъ нимъ, Петрушкой, поставили ея благоверные княгини Анны образъ, и ему де, Петрушке, стало отъ тоѣ болѣзни легче. А после того молебна спустя с недѣлю времени сталъ здоровъ и въ городъ Кашинъ з братомъ своимъ с попомъ Ивановъ ѣздили и ей, благовѣрной княгине Анне, пѣли молебень же. И въ которой церкви в тѣ поры мощи ея стояли, того онъ не помнитъ, потому что былъ малъ, по пятому году. А сие исцеленіе онъ слушалъ отъ матери и отъ брата своего.

185-го еевраля въ 19 день въ Кашинѣ въ соборной Воскресенской церкви Дмитровскаго уѣзду Богородицкаго монастыря Медвежей пустыни старецъ Фирсъ, что былъ въ мире боярина князя Григорья Сунчелѣевича Черкаскаго деревни Токарева крестьянинъ Филиппъ Григорьевъ, сказалъ по святѣй Христовѣ евангилской непорочной заповѣди Господни еже ей, ей: в прошлыхъ годѣхъ лѣтнею порою былъ онъ на боярской работѣ, с поля возили в гумно снопы, и стоялъ де онъ на одоньѣ, и крестьянинъ де Мишка Микиѣоровъ подовалъ ему снопы, и бросилъ ему снопъ в глаза, и отъ того де у

него учинилась очамъ ломота, и не видѣлъ лѣтъ с пять. И по обѣщанію своему, до морового повѣтрія за годъ, ходилъ онъ в городъ Кашинъ к благовѣрной княгинѣ Аннѣ о исцеленіи очей своихъ молитца. И на другой день после обѣдни онъ, старецъ, очми прозрѣлъ. А гробъ де благовѣрной великой княгини Анны стоялъ в то время подъ соборною Успенскою древянною церковью. А нынѣ де онъ, старецъ Фирсъ, очми мало видитъ, заволокло тускомъ. А к подлинной скаскѣ соборной пощъ Иванъ вмѣсто старца Фирса руку приложилъ.

185-го еевраля въ 20 день преосвященный Иосиѣ, митрополитъ Рязанскіи и Муромскіи, и преосвященный Симеонъ, архиепископъ Тверскіи и Кашинскіи осматривали образъ благовѣрные великие княгини Анны, что стоитъ въ соборной Воскресенской церкви надъ гробомъ ея, благовѣрной княгини, а по скаске старца Варлама и сына ево, попа Василья, писалъ де тотъ образъ по обѣщанію своему протопощъ Иванъ Наумовъ, что былъ в Кашинѣ в Воскресенскомъ соборѣ. А по осмотру тотъ образъ написанъ на штилистовой цѣкъ, обложенъ басемнымъ окладомъ, вѣнецъ и гривна рѣзные. Да на тое же цѣкъ на образе Богородицынѣ вѣничикъ чаканной, гривенка басемная, и отъ того образа прикладъ паногія, и крестцы, и цата, и серешки, и перстни, и денги золоченые и незолоченые, и блестки преосвященные митрополитъ и архіепископъ велѣли отнять; а чево сколько отнято счетомъ і вѣсомъ, и то написано подъ сею статью:

Паногія серебряная позолочена, обнизана мелкимъ жемчюгомъ, на ней чепочка маленькая серебряная бѣлая, пять крестовъ панагіиныхъ, одинъ серебряной тощей, с камушками, другой яшморовой, обложенъ серебромъ з бирюзами и з жемчюшки, третей деревяной живорѣзной, обложенъ серебромъ, два серебряныхъ тощихъ, да крестовъ же серебряныхъ золоченыхъ и незолоченыхъ болшихъ и малыхъ по счету девяносто шесть, а в нихъ вѣсу еунтъ дватцать золотниковъ с полузолотникомъ, цата плетеная въ золоченомъ серебрѣ в вѣсѣ не положена, двои серешки з жемчюшками маленькіе, десять перстней, три пронизочки, шесть блестокъ, а вѣсу во всемъ дватцать золотниковъ, денешка золотая, да золоченыхъ копеекъ четырнатцать алтынъ, да незолоченыхъ денегъ восемь рублевъ дватцать пять алтынъ. А тотъ весь прикладъ отданъ соборному Воскресенскому прото(по)пу Петру з братьею с роспискою.

185-го еевраля въ 21 день преосвященный Иосиѣ, митрополитъ Рязанскіи и Муромскіи, и преосвященный Симеонъ, архиепископъ Теерскіи и Кашинскіи досматривали мѣста, гдѣ былъ гробъ с мощми благовѣрные великие княгини Анны. А по досмотру то мѣсто в соборной Успенской каменной церкви, позади лѣвова крилоса выкла-

дена яма кирпичемъ, глубиною в поясъ. А по скаске тое Успенские церкви попа Василья, что та яма выкладена кирпичемъ в то время, какъ строили каменную церковь, а прежь сего на томъ мѣсте бывала деревянная церковь; а надъ тою ямою стоитъ нынѣ деревянное дощатое творило, а на немъ на верху положена каменная плита, что прежь сего бывала на каменной гробнице благовѣрные реликии княгини иноки Анны, а то де творило на томъ мѣсте здѣлали и поставили онѣ, старецъ Варламъ и попъ Василей.

И преосвященный митрополитъ и архиепископъ велѣли с того мѣста деревянное дощатое творило и плиту снять и положить в той же церкви к стенѣ, и ту выкладеную яму, надъ которою стояло дощатое творило, насыпать пескомъ и заравнять, а творило разобрать.

И по приказу преосвященнаго Иосеа, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, и преосвященнаго Симеона, архіепископа Тѣерскаго и Кашинскаго, то мѣсто заравнено, яма пескомъ засыпана и сверхъ кирпичемъ выкладено противъ церковнаго мосту такожь въ равенствѣ.

(И. Публ. Вибл. Древлехранилище Погодина № 1608, л. 7—30).

№ 72.

Опредѣленіе собора 7185 г. о мощахъ благовѣрныхъ княгини Анны Кашинскія.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. ¹⁾

Въ лѣто 7185 февруаріа въ — день благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, желаніемъ и благоволеніемъ, мы Иоакимъ милостію божіею патріархъ Московскій и всеа Русіа посылахомъ во градъ Кашииъ преосвященнаго Иосифа митрополита Рязанскаго и Муромскаго, и преосвященнаго Симеона архіепископа Тѣерскаго и Кашинскаго, и Добраго монастыря архимандрита Варсонофія, и собора святаго Николаа Гостунскаго протопопа Иоанна Лазарева ради достовѣрнаго досмотренія мощей благовѣрныхъ княгини Анны Кашинскія, и испытанія ради чудесъ, во свидѣтельство извѣстное.

Бывшымъ же симъ въ Кашииъ, и оттуда къ намъ, патріарху, возвратившуся митрополиту Иосифу со архимандритомъ и протопопомъ, и подавшу намъ досмотръ свой написанъ за своими руками.

Мы же собрахомъ во С(вя)томъ Дусѣ сыны и сослужители архіереинства нашего, присущія въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ Кре-

¹⁾ Слова и буквы напечатанныя жирнымъ шрифтомъ въ подлинникѣ написаны кляноварью.

стовую нашу патріаршую палату, преосвященныя митрополиты Іоасафа Казанскаго и Свіажскаго, Варсонофія Сарскаго и Подонскаго, и его Іосифа Рязанскаго и Муромскаго, преосвященныя архіепископы Стефана Суждалскаго и Юріевскаго, Арсенія Псковскаго и Изборскаго, Свмеона бывшаго Сибирскаго, да Чудова монастыря архимандрита Павла, слушахомъ же соборитѣ досмотру ихъ и житія благовѣрныя княгини Анны и чудесъ ея и лѣтописныхъ книгъ, и обрѣтохомъ житіе съ лѣтописцами мѣстами не согласно.

1 НЕСОГЛАСІЕ.

Написано въ житіи, яко благовѣрная княгиня Анна бѣше родомъ града Кашина дщи славныхъ боярь. (Листъ 4, 43—48, 45, 2-жд. 59. к. 69. 84) ¹⁾.

А въ лѣтописцахъ дщи князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго. (6802).

2 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи написано: великій князь Михаилъ Ярославичъ, шедъ во Орду, взя съ собою сына князя Дмитрія (листъ 24).

А въ лѣтописцахъ написано, былъ во Ордѣ съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ сынъ его князь Константинъ. (6827).

3 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи: великій князь Михаилъ кончину пріять мечемъ усъченъ бысть. (Листъ 25).

А въ лѣтописцахъ: ножемъ въ ребра въ десную страну ударенъ, и тако духъ испусти. (Лѣт. тож).

4 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи: тѣло князя Михаила Ярославича принесено изъ Орды сыномъ его княземъ Дмитріемъ во Тферь. (Листъ 26).

А въ лѣтописцахъ: великій князь Юрій Даниловичъ во Ордѣ повелѣ взять тѣло его, и привезоша къ Москвѣ, и положиша въ монастырѣ въ церкви святаго Преображенія. Потомъ же по прошенію великія княгини Анны, и сыновъ ея, князь великій Юръ Даниловичъ отпусти тѣло его съ Москвы во Тферь.

5 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи: пребываше великая княгиня съ сыномъ своимъ княземъ Константиномъ во Тфери, кому бо градъ Тферь отча достоянія въ наслѣдіе достася. (Листъ 27 и 47).

¹⁾ Эти и слѣдующія слова, заключенныя въ скобки, въ подлинникѣ написаны на поляхъ противъ тѣхъ словъ, за которыми они напечатаны въ текстѣ.

А въ лѣтописцахъ: во Тѣри бяху князи Александръ, Константинъ и Димитрій, а не единъ князь Константинъ, понеже въ лѣто 6834, еще живу суцу князю Константину, приде изъ Орды князь Александръ Михайловичъ съ пожалованіемъ отъ царя, и сяде на великомъ княженіи во Тѣри. Егда же князь Александръ отъ татарскаго насилія отъиде во Псковъ, тогда царь Азбьякъ даде великое княженіе Тѣерское князю Константину Михайловичю. По немъ же царь Азбьякъ наки даде великое княженіе Александру Михайловичю, и по убіеніи во Ордѣ князя Александра князь Константинъ шедъ во Орду тамо и преставися. (6828. 6845. 6854).

6 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи: по смерти князя Константина зваше князь Василій мать свою изъ Тѣри въ Кашинъ. Зане, (рече) аще бы и хотѣлъ оставити градъ той, и преселитися сѣмо по смерти брата моего, но никакоже оставятъ мя вельможи мои, и градъ весь. (Листъ 43).

А въ лѣтописцахъ: по смерти князя Константина въ лѣто 6857 князь Василій сяде на великомъ княженіи во Тѣри, и въ лѣто 6865 князь Василій Михайловичъ ходитъ во Орду, и въ лѣто 6866 приде изъ Орды во Тѣрь.

7 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи: преставися преподобная великая княгиня Анна въ лѣто 6846. (Листъ 67).

А въ лѣтописцахъ: въ лѣто 6866 еще живя баше великая княгиня Софія, и живяше въ Софійнѣ монастырѣ (а про Софійнѣ монастырь сказываеът преосвященный Іосифъ митрополитъ, что стоитъ во Тѣри, а не въ Кашинѣ), а преставися въ лѣто 6876, а гдѣ преставися во Тѣри или въ Кашинѣ, и въ кое число, того въ лѣтописцахъ не написано. А откуда числа преставленія въ житіи написаны, того не сыскано.

8 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи написано: прежде преставленіе княгини Анны въ лѣто 6846 октовріа въ 2 день, потомъ того же лѣта сына ея князя Василія, іуліа въ 24 день. (Листъ 67, листъ 71).

А въ Троицкомъ лѣтописце писано преставленіе князя Василія Михайловича въ лѣто 6874, а въ прочихъ лѣтописцахъ въ лѣто 6876, прежде писано преставленіе князя Василія Михайловича, потомъ того же лѣта великія княгини Софіи матери его, а въ кое число, коего мѣсяца, кій ихъ преставися, того въ лѣтописцахъ не обрѣтеса.

9 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи въ трехъ мѣstechъ написано: мощи никакоже тлѣнію причастны. (Листъ 88 и 98 и 100).

А по осмотру и свидѣтельству преосвященнаго митрополита Рязанскаго и Муромскаго, и преосвященнаго Сумеона, архіепископа Тферскаго и Кашинскаго, и архимандрита, и протопопа мощи въ разныхъ мѣstechъ истлѣша и разрушишася.

10 НЕСОГЛАСІЕ.

По скаске попа Василія и отца его, старца Варлама, написано: рука правая лежитъ на персеxъ согбена, яко благословящая.

А по нынѣшнему архіерейскому досмотру правая рука въ завитіи погнулася, а длань и персты прямо, а не благословящими.

11 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ допросныхъ рѣчехъ попа Василія написано: Андроньевскій архимандритъ Сувестръ взялъ благовѣрныя княгини руку, распростиралъ персты ея и паки сгибалъ.

А старецъ Варламъ, отецъ его, сказалъ: архимандритъ де Сувестръ княгини Анны руки персты разгибалъ, а какъ отпустилъ, и они такожде согбенны учинилися по прежнему.

И то свидѣтельство и досмотръ на Москвѣ не сысканъ.

А нынѣшняго 185 году въ досмотрѣ архіереевъ написано: согнути длани и перстовъ, или разгнута, ни у которыя руки невозможно, для того что засохли накрѣпко, только кости сухія, да къ нимъ присохла кожа.

12 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ житіи въ двоухъ мѣstechъ написано: тлѣнію не токмо мощи, но и ризы не причастны быша (листъ 98 и 100).

А по досмотру нынѣшнему архіерейскому: ризы, во что была скутана, и схима истлѣли, толко во остаткѣ части креста, что былъ вышитъ на куколѣ шолкомъ, да части плетей схимническихъ, и то истлѣло же, лежитъ на персеxъ толко знакъ, а принятися не мощно. А на бедрахъ свивалникъ, какъ поясъ, да нить лежатъ истлѣли, принятися не мощно. Калити обѣ по швамъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла.

Въ скаскѣ Никифора, Варламова сына, написано: житіе де благовѣрныя княгини Анны писано въ Соловецкомъ монастырѣ изъ Степенныя книги и, по ево Никифоровымъ словамъ, въ то время, какъ

бывшій Никонъ патріархъ ходилъ въ Соловецкой монастырь по мощи святого Филиппа митрополита.

А въ Степенной книгѣ и въ лѣтописныхъ про житіе благовѣрныхъ княгини тако не обрѣтается, а его Никифоровымъ баснемъ вѣрять нѣчему.

13 НЕСОГЛАСІЕ.

Въ явленіи понамарю Герасиму великая княгиня сказала имя свое: Анна, а по лѣтописцамъ имя ее иноческое Софіа. И аще бы истинна явилася великая княгиня, всячески бы рекла свое имя иноческое Софіа, (не бо можаше имя свое монашеское забыть, или е отрещи, и зватися имянемъ мирскимъ, еже самовольно остави съ постриженіемъ власы главы своея).

Такожде и въ чудесѣхъ обрѣтошася написанна нѣкая несогласія и неприличія.

И мы, смиренный Іоакимъ, милостію Божіею патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ сыны и сослужители архіерейства нашего, соборно слышавше, судихомъ: житіе великія княгини и о чудесѣхъ списаніе оставити, за недостовѣрное ихъ, и упразднити я до времени великаго собора тѣхъ архіереевъ и до подлиннаго извѣщенія, егда аще чимъ впредь Богъ объявитъ и утвердитъ, понеже нынѣ обрѣтошася многая несходства въ житія ея съ книгами лѣтописными и степенными.

Гробу съ мощами благовѣрныхъ княгини стояти въ той же соборной церкви, гдѣ и нынѣ стоятъ, по прежнему запечатанну архіерейскими печатми.

Празднества ея не творити и молебновъ ей не пѣти, до совершеннаго великаго собора разсужденія, а пѣти нынѣ по ней точію паянниды.

Съ гроба шитый покровъ, на немъ же лежитъ образъ ея, и инья писанныя ея иконы взяти къ Москве для разсмотрѣнія, а впредь до великаго собора разсужденія и до подлиннаго извѣщенія образовъ ея не писати. А какъ будетъ великій соборъ и объ ней достовѣрное свидѣтельство и усужденіе, тогда и о написаніи образовъ ея будетъ изреченіе.

Въ церкви во имя великія княгини Анны безъ извѣстнаго испытанія освященной божественныя службы ни каковыя же исправляти, но заключити ю и запечатати до великаго собора разсужденія. Зане аще бы и извѣстно было, яко чиста есть, и житіе бы ея съ лѣтописцы и съ нынѣшнимъ архіерейскимъ досмотромъ разньства не имѣло, обаче безъ великаго собора свидѣтельства, святости сотворити ей намъ невозможно, понеже правило бывшаго великаго собора во днехъ

благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексіа Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ лѣто 7175, при святѣйшихъ патріарсѣхъ: Паисіи Александрійскомъ и Макаріи Антіохійскомъ, и Іоасафѣ Московскомъ и всеа Россіи, съ преосвященными митрополиты и архіепископы и епископы Россійскими, и съ прилучившимися Греческими архіереи, и со всеѣмъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго государства, заповѣдаетъ сице:

Нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, да не держаете, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, во святыя почитати.

А кого во святыя хотите почитати, и о таковыхъ обрѣтающихся тѣлесѣхъ достоитъ всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣтельствами, предъ великимъ и совершеннымъ соборомъ архіерейскимъ.

Сихъ ради всѣхъ вышеписанныхъ благословныхъ винъ сей судъ нашъ сотворше, руками нашими подписахомъ.

По листамъ скръти: Чюдова монастыря архімандритъ Павелъ пріписаль.

(Императ. Публ. Библіотека. Древлехр. Погодина, № 1608, л. 1—6).

№ 73.

Дѣло о досрочномъ смѣщеніи съ воеводства кн. Ѳеодора Михаил. Вяземскаго по ложному челобитью на него Кашинскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и о возвращеніи его на оное.

Царю г-рю і в. к. Ѳеодору Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Р. с., быют челомъ холопы твои, столники, и стряпчие, и дворяня Московские, и жилцы, и дворяня городовые, и дети боярские, і всякихъ чинов Кашинскіе помѣщики и вотчинники. По твоему в. г-ря указу прислаять в Кашин воеводою князь Ѳеодор княж Михайловъ сынъ Вяземской и, будучи в Кашинѣ, онъ, князь Ѳеодоръ, нам, холопомъ твоимъ, и людишкамъ, и крестьянишкамъ нашимъ чинить налоги и продажи великие, и поборы збираетъ многие, и людишекъ и крестьянишекъ нашихъ въ тюрьму бѣзвинно сажаетъ, и скупы емлетъ великие. Да онъ же, князь Ѳеодор, бѣс твоего государева указу збираетъ ямские, и стрѣлецкіе, и подводные денги, и всякіе поборы в приказную избу, какихъ прежде нѣ бывало, а в техъ зборехъ отписей людишкамъ, и крестьянишкамъ нашимъ не даетъ, и во всякихъ делѣхъ онъ, князь Ѳеодор, намъ, холопомъ твоимъ, и людишкамъ, и крестьянишкамъ нашимъ чинить продажи и убытки болшіе. Онъ же, князь Ѳеодоръ, выбираетъ крестьянишекъ нашихъ в целовалники, и хто оку-

питьца, того для своей бѣздѣльной користи, отпустить да иново выбѣреть. Милосердный г-рь ц. і в. кн. Θεодоръ Алексѣевичъ, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй насъ, х. с., вели, г-рь, ево князя Θεодора ис Кашина переменить, кому ты, в. г-рь, укажешъ. Царь г-рь смилуйся, пожалуй!

На оборотъ:

К сей челобитной вмѣсто отца своего Алексѣя Степановича Татищева сынъ ево Микитка Татищев руку приложил.—К с. ч. Матюшка Зыков и вмѣсто Василья Тютчева по ево веленіи р. п.—К с. ч. Івашко Нееимонов р. п.—К с. ч. Мишка Латырев р. п.—К с. ч. Оетка Лихачевъ р. п.—К с. ч. Ларко Баклановъской р. п. и вместо Семена Зыкова.—К с. ч. Івашко Баклановской р. п.—К с. ч. Гришьяка Епифановъ р. п.—К с. ч. Мишка Лихачев р. п.—К с. ч. Стенка Салтыков р. п.—К с. ч. Савка Лихачев р. п.—К с. ч. Максимко Кошкадамов і вместо Аеонася Бѣшенцева р. п.—К с. ч. Власко Яцкой р. п.—К с. ч. Аеонка Волин (?) р. п.—Микифор Андреев.—К с. ч. Никиеорко Исленьевъ и вместо Луку Постелникова р. п.—К с. ч. Сенка Кашкадамов р. п.—К с. ч. Савко Погадаев и вместо Тимоея Івнина р. п.—К с. ч. Івашько Погодаев і вмѣсто Якова Тушънева по ево велѣнью р. п.—К с. ч. Еуеимко Івин р. п.—К с. ч. Пронка Спешнев р. п. и вместо Дмитрея Яцково.

На оборотъ помѣта: выписать.

В доклад. В записной книгѣ Новгородскаго стола нынешняго 185-го году написано: в Кашииъ воевода князь Θεодоръ княж Михайловъ сынъ Вяземской, отпущон во 184-м году, росписался апрѣля въ 30 д. 184-го ж году, и исполнитца ему въ Кашииъ два годы во 186-м г. апрѣля въ 30-м числѣ.

А по годовой смѣтной росписи нынешнего 185-го году въ Кашииъ всяких чинов людей 523 ч.

І ныне в. г-рю ц. и в. к. Θεодору Алексѣевичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьетъ челом из дворянъ Михайло Борщовъ, что б великій государь пожаловал, велѣл за ево службы і за смерть брата ево отпустить ево в Кашииъ на князь Θεодорово мѣсто Вяземскаго ¹⁾. А на государевыхъ службахъ Михайло Борщовъ со 162-го году по наряду былъ до отпуску: во 162-м і во 163-м году под Смоленским, во 163-м году в Вилнѣ, во 164-м і во 165-м году в Вилнѣ ж на посолствѣ, во 168-м и во 169-м году в Губарях, во 169-м году на посолствѣ в Борисовѣ, во 176-м і во 177-м году в Сѣвску, во 179-м году в Познскихъ городѣх. Во 168-м году братъ ево Михайлов двоюродный, жилецъ Михайло Микитин сынъ Борщов, убитъ на бою под Быховымъ.

¹⁾ Челобитье Мих. Борщова см. подъ № 68.

І в прошлом в 184-м году, по указу великого государя и по подписным челобитным думныхъ дѣяковъ Дементья Башмакова, да Григоря Богданова, і по помѣте на выписке думного дѣяка Василія Семенова, Михайла Гаврилова сына Борщова, за службы и за смерть брата ево, велено отпустить в Переславль Залѣсскій. І в нынешнем во 185-м году в Переславль Залѣсскій на Васильево мѣсто Кроткого отпушон за службѣ стряпчей Петръ Ѳеодоровъ сынъ Полтев, а Михайлу Борщову велено приискать иной город. І в г-рь ц. і в. к. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, в. в. и м. и б. Р. с., о том что укажетъ.

По лицу на склейкахъ начиная съ челобитья и далѣе непосредственно подъ текстомъ докладной выписи, т.-е. послѣ словъ: „что укажетъ“ помѣта: 185-го апрѣля въ 7 день в. г-рь пожаловал, велѣл отпустить в Кашин на (ево князя) Ѳеодорово мѣсто отпустить вмѣсто Переславля Михайла Борщова, и наказ, и грамоту росписныя дать и переменит безсрочно, а князя Ѳеодора выслат на службу в Белогородской полкъ.

Отъ царя і в. кн. Ѳеодора Алексѣевича, в. в. и м. и б. Р. с., *в Кашин воеводѣ* ¹⁾ князю Ѳеодору Михайловичю Вяземскому. По нашему, в. г-ря, указу велено въ Кашине быть на твое мѣсто Михайлу Гаврилову сыну Борщову, (а тебѣ велено быт) *а перемѣнит ему тебя в Кашине безсрочно; а тебѣ, росписався с нимъ во всемъ, ѣхат ис Кашина* на наш(ей)у государев(ой)у служб(е)у (в Путивль) *в Вѣлгород*, в полк(у)ъ боярина нашего і воеводы князя (Василья Васильевича Голицына с товарищи и на нашей г-ве службе) *Григорья Григорьевича Ромодановскаго, со всею службою и запасы, и стат* в том полку (стат) на срокъ іюня (къ) 4 числ(у)ю нынѣшняго 185-го году. І какъ *к тебѣ ся наша, в. г-ря, грамота придет*, а Михайло Борщов в Кашин приѣдет, и ты *б город и острог*, ключи городовые и острожные, и наряд і *в казне* (и)зелѣ, и свинець, и всякие пушечные и хлѣбные запасы, и денги, что есть в зборе, и наши государевы указные грамоты о всяких (наших государевых) дѣлах, и тому всему роспис за своею рукою Михайлу Борщово отдасть, і во всемъ с нимъ росписался; а росписався ѣхал на нашу государеву службу (в Путивль) *в Вѣлгород*, в полкъ (к) боярин(у)а наше(му)го і воевод(е)ы (ко) княз(ю)я (Василья Васильевича Голицына с товарищи) *Григорья Григорьевича Ромодановскаго* к указаному (сроку) *вышеписанному* сроку тотчасъ. Пісан на Москвѣ лѣта 7185-го апрѣля в 10 д.

Лѣта 7185-го апрѣля в 10 д. В. г. ц. і в. к. Ѳеодоръ Алексѣевич, в. в. и м. и б. Р. с., велѣл Михайлу Гавриловичю Борщову, за службы и за смерть брата ево, быть въ Кашине на князь Ѳеодорово мѣсто Вяземскаго *воеводоу*, а перемѣнити ему князя Ѳеодора *в Кашине* безсрочно

¹⁾ См. прим. на стр. 32.

(і выслат ево на службу); а князю *Федору*, по указу великаго государя, велено быть на в. г-ря службѣ (в Путивль) въ *Вългородѣ*, въ полку боярина и воеводы князя (Василья...) *Григорья.....*¹⁾ и *запасную.....* есть в зборе, і книги приходные и расходные всяким г-вым денежнымъ доходом, и хлѣбным запасом, и наказы прежнихъ воевод и приказныхъ людей, і указыные г-вы грамоты о всякихъ г-выхъ дѣлах, и списки *кашинцов* отставныхъ дворян и дѣтей боярскихъ, которые написаны в городской службе, и Приказные избы подъячихъ, и площадныхъ дьячковъ, (і *Кашинскихъ*) розсылщиковъ, и пушкарей, і всякихъ жилецкихъ людей, и тому всему роспись, за князь *Федоровою* рукою *Вяземскаго*, и против росписи всякихъ г-выхъ дѣл пересмотрить на лицо (і во всем с нимъ росписатца), а в денежных во всякихъ доходах, і в хлѣбныхъ запасах, і в *зеленой* і въ *свинцовой казнѣ*, по приходным и по расходным книгам, ево князя *Федора* счесть с того числа, какъ он в *Кашин* пріѣхалъ; (а что) и *чего против пріходу за расходом* по счету на нем князь *Федоре* (объявитца и ему то все взять) на лицо не *объявитца*, и то все *взят в г-ву казну по прежнему*, і во всем с нимъ *росписатца*, і тот *росписной списокъ за рукою прислат к в. г-рю к Москве, в Розряд без мотчанья, отдаст в Розряде ж. И об остроге, и о наряде, и о зелье, и о свинцѣ и о всяких о городовыхъ крепостяхъ отписат ему к в. г-рю к Москве в Пушкарской приказ.* И будучи *ему Михайлу (Борцову)* в *Кашине*, по городу и по воротам, и по башням, и по стенам караулы держать по прежнему, і к городу, і к острогу, і ко всяким городовымъ крѣпостям, і къ наряду, і к *зеленой*, і к *свинцовой казнѣ* береженье держать (великое) *большое*, что б в *Кашине* городу, і острогу, і всяким городовым и острожнымъ крепостям *ни от чего поруки никакие* (ни от кого) не учинилось. *Отстаить*²⁾. Да и того ему беречь *накрѣпко*, чтоб в *Кашине* в городе, и на посаде, і в слободах, і в уѣздах, разбою і воровства, и корчмы, и блядни, и зерни, и табаку ни у ково не было; а которые люди учнут какимъ воровствомъ вороват, и корчму, и блядню, и *зернь*, и табакъ держать (и зерню играт), и *ему (Михайлу)* тѣхъ людей от воровства унимат, и *сыскивая про ихъ воровство*, чинит имъ *наказаніе* (по государеву указу), *смотря по винѣ и по человѣку*. А корчемное питье и табакъ велѣтъ *вынимат*, и отдават (то корчемное питье) на *Кружечной двор*; а на корчемниках и на *питухах* иматъ *заповедь* противъ г-ва указу. А у ково табакъ *вымуть*, и тѣхъ, *роспрося* подлинно, держать в *тюрьмѣ*; а табакъ держат з *большимъ* береженіем до г-ва указу. Да о том *писать к в. г-рю* подлинно, и

¹⁾ Здѣсь утрачены конец листа и начало слѣдующаго.

²⁾ Помѣта дьяка. показывающая, м. б., что переписчикъ долженъ начать новую строку.

роспросные их рѣчи присылать къ *Москвѣ в приказъ* (в) Нов(ую)ья чет(ь)и. *Отстаит*¹⁾. А которые люди учнутъ на ково бит челом *великому* г-рю о каких управных дѣлах, и ему тѣх людей по челобитным судить *по десяти рублев*, (и) а пошрины с судных дѣлъ имат по прежнему г-ву указу, а болши десяти рублев никаких дѣлъ (ему) не судит, А что с судных дѣлъ пошлинных денег в сборѣ будет, и ему тѣ пошлинные денги записывать в книги, и тѣ(м денгам) книги и денги прислат (ко г-рю) к *Москве* с иными денежными доходы вмѣсте; а самому ему тѣми пошлинными и иными никакими (г-выми) сборными денгами не корыстоватца.

Да и того ему береч накрепко, чтоб *Кашинцом* посацкимъ і всякимъ *жилецким* людем обиды и продаж, и никакихъ налог ни от кого не было, и *самому ему, будучи в Кашине, з градцких і с уездных людей посулов и поминков с них ни от каких дѣл не имат, и ни чѣм их для своих прихотей не теснит, и не убытчит, и не розорят;* (да и того беречь и) *жилецким всяких чинов людем сказат учинит* заказ крепкой (учинит), и *самому ему береч того по тому же накрепко, что б в Кашине в городе и на посадѣ, и в слободах в лѣтние в жаркие дни никто избѣ и мылея не топили, і в вечеру позно с огнемъ не сидѣли, а для хлѣбного печенья и гдѣ ѣсть варит, велѣтъ всякимъ людем подѣлат печи в огородахъ (и) на полах мѣстех, не близко хором, а во дворех по хоромам, і в рядѣх по амбарам и по лавкам в лѣтнюю пору поставит мѣрники і кадки с водою, для береженья отъ пожарнаго времени, что б однолично в Кашине от огня было бережно. А однолично (ему) Михайлу жити в Кашине с великим береженьем не оплошно, і в. г. ц. і в. к. *Феодора Алексѣевича, в. в. и м. и б. Росіи с., дѣлом* промышлять по сему г-ву наказу, и по указным его г-вымъ грамотам, и смотря по тамошнему дѣлу, і во всемъ г-ву дѣлу искат прибыли. А в котором числѣ он в *Кашин* приѣдет, и что у княз *Федора Вяземскаго* каких дѣлъ возмет, и что в *Кашине* наряду, и зелья, и свинцу, і всяких пушечных запасов, и что х которой пищали ядер, і в сколко гривенокъ ядро вѣсом, і каков въ *Кашине* городъ, и острогъ мѣрю, і каковы в городе тайники і колодци, і какова в них вода, и что в *Кашине* приказных людей и подъячих, и что подъячим по окладом г-ва жалованья, и что отставных дворян и детей боярских, и голов и сотников стрелецких, и всяких служилых и жилецких людей, и ихъ детей, и братья, и племянников, и сосѣдъ, и подсосѣдников, и захребетников с пищалями і со всякими бои, и Михайлу то все велѣтъ написать в книги, подлинно по статьям, да о том о всем и о своемъ приѣздѣ отписати ему (ко) *к великому* г-рю ц. и в. к. *Феодору**

¹⁾ Ср. предыдущее примѣчаніе.

Алексѣевичю, в. в. и м. и б. Р. с., и тому всему книги за своею рукою прислать в Розрядъ (а о городе, и об остроге, и о наряде, і о зелье, и о свинцѣ, і о всяких пушечныхъ запасахъ отписатъ ему ко г-рю в Пушкарской приказ). А Кашинскихъ Приказные избы подъячихъ безъ г-ва указа не перемѣнять и не отставливать, и г-ва денежнаго жалованья безъ г-ва указа и безъ грамоты изъ Розряду имъ не давать.

А¹⁾ только онъ, Михайло, будучи в Кашине, учнетъ жити оплошно и нерадѣтельно, и ево оплошкою и нерадѣньемъ городу и острогу и всякой г-ве казнѣ учинитца какая поруха, или онъ учнетъ съ посадскихъ и съ уѣздныхъ людей отъ какихъ дѣлъ имати посулы и поминки, и буде про то слышать, и отъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. А., в. в. и м. и б. Р. с., быти ему, Михайлу, за то в великой опалѣ, безъ всякихъ пощадн.

Такова²⁾ государева грамота и наказъ даны за приписью дьяка Любима Домнина.

Государю ц. і в. к. Феодору Алексѣевичю, в. в. и м. и б. Р. с., холопъ твой Мишка Борцовъ челомъ бьетъ. В нынѣшнемъ, г-рь, во 185-мъ году по твоему в. г-ря ц. і в. к. Феодора Алексѣевиче, в. в. и м. и б. Р. с., указу и по наказу изъ Розряду, за приписью дьяка Любима Домнина, велѣно мнѣ, холопу, быти на твоей великого государя службѣ в Кашине на князя Феодорова мѣсто Вяземского, и у него князя Феодора принятъ городъ Кашинъ и ключи городовые, и нарядъ, и зелье, и свинецъ, і всякие пушечные запасы, і в Приказной избѣ всякие твои в. г-ря дѣла, и денги, что есть в зборе, і во всемъ с нимъ, княземъ Феодоромъ, росписатца. И по твоему в. г-ря указу я, х. т., в Кашинъ приѣхалъ апрѣля въ—д., и князь Феодоръ Вяземской города и ключей городовыхъ, и наряду, и зелья, и свинцу, и пушечныхъ, і в Свѣзжей избѣ твоихъ в. г-ря дѣлъ и денегъ не отдалъ, и со мною, х. т., ни в чемъ не росписался, и с Кашина уѣхалъ, невѣдомо куды. И о томъ что ты, в. г-рь, мнѣ, х. своему, укажешь? А ныне по твоему, в. г-ря, указу присланы твои, в. г-ря, многие грамоты о высылкѣ на твою, в. г-ря, службу служилыхъ всякихъ чиновъ людей къ нему, князю Феодору Вяземскому; и буде, г-рь, за ево князя Феодоровою не роспискою твоимъ, в. г-ря, ратнымъ людямъ высылка замочаетъ, и что б въ той высылкѣ отъ тебя, в. г-ря, мнѣ, х-пу т., в пенѣ и в опалѣ не быти.

На оборотѣ: Г-рю ц. и в. к. Феодору Алексѣевичю, в. в. и м. и б. Р. с.—185-го года апрѣля в 24 денъ подалъ отписку Кашинской розыльщикъ Петрушка Тартышевъ.

¹⁾ Написано той же рукою, что и слова между строкъ и на оборотѣ. Ср. предыдущія примѣчанія.

²⁾ Другой почеркъ.

Помѣта: К отпуску і выписать, а ево князъ Феодора сыскат и про то респросит.

И 185-го апрѣля въ 25 д. князъ Федоръ княжъ Михайловъ сынъ Вяземской сысканъ в Розрядъ, и противъ отписки Михайло Борцова респрашиванъ: для чего онъ в Кашине Михайлу Борцову города, и городовыхъ і острожныхъ ключей, и наряду, и денежныя, и зелейныя, и свинцовыя казны, і всякихъ пушечныхъ и хлѣбныхъ запасовъ, і всякихъ государевыхъ дѣлъ не отдалъ, и с нимъ ни в чемъ не росписався, и с Кашина безъ отпуску съѣхалъ к Москвѣ.

А в роспросѣ онъ, князъ Федоръ, сказалъ: в Кашинѣ де онъ с Михайломъ Борцовымъ не росписався і с Кашина уѣхалъ для того, что в Кашинѣ ему указного срока дву годовъ не дошло, и перемененъ онъ по челобитью Кашинцевъ дворянъ и детей боярскихъ неболшихъ людей, а нынѣ де бѣуть челомъ в. г-рю об немъ Кашинцы всѣмъ городомъ, что б ему бытъ в Кашинѣ по прежнему; и онъ-де для того к Москвѣ и приѣхалъ бить челомъ в. г-рю о розыску, что онъ безвинно перемененъ. А что де онъ ис Кашина уѣхалъ, не росписався с Михайломъ Борцовымъ, і въ томъ воленъ великій государь.

На оборотѣ по склейкѣ и въ концѣ скажки: Князъ Федоръ Вяземской руку приложилъ.

Царю г. і в. к. Федору Алексѣевичю, в. в. і м. б. Р. с., бѣуть челомъ сироты твои, Кашинцы посадцкіе людишка, земьской старостишко Илюшко Носовъ с товарищи, і во всехъ посадцкихъ людишекъ мѣсто. В прошломъ, г-рь, во 184-мъ году апрѣля въ—д., по твоему в. г-ря ц. і в. к. Феодора Алексѣевича, в. в. и м. и б. Р. с., указу и по наказу из Розряду, за приписью дьяка Петра Ковѣлина, присланъ к намъ в Кашинъ воеводою князъ Федоръ Михайловичъ Вяземской, и по твоему в. г-ря указу онъ, князъ Федоръ, сидѣлъ въ городе Кашинѣ воеводою только годъ, и намъ, сиротамъ твоимъ, посадцкимъ людишкамъ никакихъ налоговъ не чинилъ, і во всемъ нас, сиротъ, обѣрегалъ, и твои великого государя дѣла дѣлалъ в правду. А в нынѣшнемъ, г-рь, въ 185-мъ году апрѣля въ—д. присланъ к намъ въ Кашинъ на ево князъ Федорово мѣсто воеводою Михайло Гавриловъ сынъ Борцовъ. М—дний г-рь ц. і в. к. Федоръ Алексѣевичъ, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй нас, сиротъ своихъ, посадцкихъ людишекъ, вели, г-рь, у насъ в Кашинѣ воеводою бытъ ему князю Федору Михайловичю Вяземскому по прежнему в другой годъ, или какъ ты, в. г., сиротамъ своимъ, укажешъ. Царь г-рь смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ: К сей челобитной посадцкой человекъ Івашко Сухоруковъ вместо земьского старосты Ильи Носова с товарищи, по ихъ веленью, руку приложилъ і вместо посадцкихъ людей Петра Вешнякова, Івана Башакова, Івана да Григорья Сахарниковыхъ руку приложилъ.—К с. ч. Аeonка Седелниковъ и вместо посадцкихъ Неедя

Власово, да Ѳедора Откурина (?), Данила Водолева, Кузмы да Івана Кробивинных, да Івана Поясницына, Осипа (?) Волъкова, да Трофима Зыбошникава, по ихъ веленью, р. п.—К с. ч. Оска Воробьевъ вместо Тихона да Оеонасія Сысовых, Івана да Олексея Гурьевых, по ихъ в., р. п.—К с. ч. Івашко Струнников р. п.—К с. ч. Куземка Яковлевъ р. п.—Къ с. ч. Трионко Волков вместо отца своего Козмы Савелева р. п.—К с. ч. посадкой человекъ Андрюшко Ванчаков і вмѣсто Ортемья да Петра Погребовых, до Михайла Стулицова, да Любима Лаптьева, да Микиты Горочешъникова, да Ѳедора Щепина, по ихъ в., р. п.—К с. ч. Андрюшка Ильин сынъ Ванчаков вместо отца своего Ильи Ванчакова р. п.—К с. ч. Ѳетка Ванчаков р. п.—К с. ч. Андрько Степановъ і вмѣсто Григорья Юрѣва, Ефрѣма да Прокофья Исполатовых, Бориса Копътева, Івана Курицына, по ихъ в., р. п.—К с. ч. Алешка Микитин і вмѣсто Семена Сахарникова, Івана Петкина да Сергѣя, по ихъ в., р. п.—К с. ч. Івашко Сухоруковъ і вместо посадскихъ людей, которые грамоти не умеют, по ихъ в., р. п.

Помѣты: 185-го апрѣля въ 24 д. Г-рь пожаловал, велѣлъ розыскат и указ учинит по Уложенью думному діяку Василью Семенову.

Учинит по сему в. г-ря указу и дат прежнимъ челобитчикам с нынешними челобитчиками очную ставку, и князя Ѳедора послать в Кашин, и с прежними челобитчиками дать очную ставку.

Царю г. і в. к. Ѳедору Алексѣевичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьет челом холоп твой Ѳедка княж Михайлов сынъ Вяземской. В прошлом, г-рь, во 184-м году отпущен я, х. т., на воеводство в Кашин на Семенова места Нащокина за рану и за смерть брата сваго родного. И я, х. т., в Кашине был год и не полной, и умысля на Москвѣ неприятел мой Михайла Гаврилов сынъ Борцовъ, и наговорил Кашинских помѣщиков, чтоб они Кашинские помещики били челом тебѣ, в. г-рю, на меня, х. т., напрасно; и по ево наговору они, Кашинские помѣщики, били челомъ тебѣ, в. г-рю, на меня, х. т., ложно. И по их ложному челобитью в Кашин на мое место прислан он Михайла; и я, х. т., не росписався с ним приехал к Москве бит челом тебѣ, в. г-рю, что б меня, х. т., без вины до указных лѣт не переменять. Да обо мне ж, х. т., бьют челом тебѣ, в. г-рю, всем городом; и та челобитная в Розряде. И по твоему в. г-ря указу, а по их грацкому челобитью, велено мнѣ, х. т., в Кашине быт по прежнему, и з челобитчиками велено мне, х. т., дат очная ставка. Милосердный г-рь ц. і в. к. Ѳеодор Алексѣевич, в. в. і м. и б. Р. с.! Пожалуй меня, х. с., вели, г-рь, мне с челобитчиками въ Кашине дат очную ставку перед дворянином, кому ты, в. г-рь, укажеш мимо недрузей моих Михайла Борцова да губнова старосты Івана Толкачева и друзей ево и братьевъ. Цар г-рь смилуйся!

На оборотъ помѣта:

185-го апрѣля въ 29 д. Взят к дѣлу і отписат.

И для того сыскаго дѣла пописаны на примѣр:

из дворян—Кашинской помѣщик Иванъ Дементьевъ сын Лазарев.

Кашин. Выбор: Юрья Микифоров сынъ Кисловской. Иванъ Филипповъ сын Суворов. Илья Иванов сын Кожин. Микита Ермолаев сынъ Тучков. Наумъ Назарьевъ сынъ Постелников. Дементій Юрьевъ сынъ Епифанов. Артемей Дмитревъ сынъ Спешнев. Андрей Денисов сынъ Ртищевъ.

Кашинцы ж отставные. Выбор: Максим Лукьянов сынъ Шатилов. Василей Андронников сынъ Малова. Иван Казаринов сынъ Шишков. Иван Микифоров сынъ Кисловской. Борис Ѳедоров сынъ Пятово.

Царю г-рю і в. к. Ѳеодору Алексѣевичю, в. в. і м. і б. Р. с., бьет челом холопъ твой Ѳедка княж Михайлов сынъ Вяземской. Въ прошлом, г-рь, во 184-м году апреля в—д. отпущен я, х. т., въ Кашин воеводою на Семеново мѣсто Нащокина, за смерть брата своего князя Ивана Вяземского и за свои тяжелые раны, какъ мы, х. т., были з боярином і воеводою со князь Юрьемъ Алексѣевичем Долгорукова, и под Олатырем воровские люди брата моего, князь Ивана Вяземского, убили до смерти, а меня, х. т., тут же ранили. И нынѣ, г-рь, указано меня, х. т., переменит, и по затейному и ложному челобитью не многих Кашинских детей боярских по наговору Михаила Борщева; а мнѣ, х. т., в Кашине еще год толко прошел, приехал я, х. т., в Кашин в прошлом во 184-м году апреля в—д. И нынѣча, г-рь, указано быт на мое мѣсто Михайлу Борщеву. Милосердый г-рь ц. і в. к. Ѳеодоръ Алексѣевич, в. в. і м. і б. Р. с.! Пожалуй меня, х. с., не вели, г-рь, тому их ложному челобитью повѣрить и меня до указного сроку до дву годов переменить, і вели, г-рь, съ теми челобитчики дат мнѣ, х. с., очную ставку; а тому, г-рь, воеводе Михайлу Борщеву, которой наговаривал на меня челобитчиков, не вели, г-рь, в мое указные лѣта воеводить, потому что он станеть и иных на меня наговаривать. Царь государь смилуйся, пожалуй!

На оборотъ помѣта: 185-го мая во 2 д. г-рь пожаловал: будет челобитчики, бив челом, на очную ставку не пошли, и ложное их челобитье объявилос, и ему велѣть быт два года, и о том учинит указ думному діяку Василью Семеновичу.

Взять к дѣлу.

Царю г. і в. к. Ѳеодору Алексѣевичю, в. в. і м. і б. Р. с., бьет челом холопъ твой, Ѳедка княж Михайлов сын Вяземской. В прошлом, г-рь, во 184-м году апреля в—д. отпущен я, холоп твой, в Кашин воеводою на Семенова мѣсто Нащокина за смерть брата своего князь Ивана Вяземского и за свои тяжелыя раны, какъ мы, х-пи т.,

были з боярином і воеводою со князь Юрьем Алексѣевичем Долго-рукова, и под Олатырем воровские люде брата моево князь Ивана Вяземского убили до смерти, а меня, х. т., тут же ранили. А росписался я, х. т., в Кашине с Семеном Нащокиным в том же году июня въ 20 д. А нынѣ, г., указано меня, х. т., переменит по затейному и ложному челобитью немногих Кашинских дѣтей боярских, по наговору Михаила Борщова, которой прислан въ Кашин на мое мѣсто воеводою по затейному и ложному челобитью. А я, х. т., за свои службы и за тяжелыя раны посланъ в Кашин на два годы, а не досидел в Кашине и до одного году дву мѣсяцов; а обо мнѣ, х. т., бьютъ челомъ тебѣ, в. г-рю, всемъ городом, и та их челобитная подана в Розряде. А которые, г-рь, челобитчики били челом на меня, х. т., ложно, и тѣ челобитчики, узнав свою вину, с Москвы без отпуску съѣхали, а на очную ставку со мною, х. т., не пошли; а я о том их ложном челобити, что онѣ с Москве съѣхали и на очныя ставки со мною не пошли, тебѣ, в. г-рю, бил челом, и та челобитная помѣчена, велено мѣня, х. т., отпустит въ Кашин воеводою по прежнему, и быть во Кашинѣ до указного срока до дву годов. Милосердный г. ц. і в. к. Феодор Алексѣевич, в. в. і м. и б. Р. с.! Пожалуй меня, х. с., не вели, г-рь, тому их ложному челобитью поверит и меня, г-рь, до указного срока до дву годов переменить; а тому, г-рь, воеводе Михайлу Борщову, которой наговаривал челобитчиков и научал на меня ложно бит челом, не вели, г-рь, ему в мое указные лѣта воеводить, потому что он, будучи в Кашине, станет і иных наговариват и научат на меня ложно бит челом. Цар г-рь смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ помѣта: 185-го мая въ 3 д. Взят къ дѣлу и дѣло поднестъ.

Г-рю ц. і в. кн. Ф. А., в. в. и м. и б. Р. с., холопъ твой Мишка Борщов челом бьеть. В нынешнем, г-рь, во 185-м году, по твоему в. г-ря ц. і в. кн. Феодора А-ча, в. в. и м. и б. Р. с., указу и по наказу из Розряду, за приписью дьяка Любима Домнина, велѣно мнѣ, х. т., быт на твоей в. г-ря службѣ в Кашинѣ на князя Феодорова мѣсто Вяземскаго, и у нѣго князь Феодора принят город Кашин, и ключи городовые, и наряд, и зелье, и свинѣцъ, і всякие пушечные запасы і в Приказной избѣ всякие твои в. г-ря дѣла, и денги, что есть в зборе, і во всемъ с нимъ князь Феодоромъ росписатца. І по т. в. г-ря указу я, х. т., на твою в. г-ря службу в Кашин приѣхал апреля въ—день, и князь Феодор Вяземской города Кашина, и ключей городовых, и наряду, и зелья, и свинцу, і пушечных запасов, і въ Съѣзжей избѣ твоих в. г-ря дѣл, и денег нѣ отдал, и со мною, х. т., ни в чемъ нѣ росписался, ис Кашина ушел нѣведомо куды. А нынѣ, г-рь, по т. в. г-ря указу присланы т. в. г-ря многие грамоты до моего х. т. в Кашин при-

ѣзду к нѣму княз Ѳеодору Вяземскому о высылкѣ служилых всяких чинов людей на т. в. г-ря службу в указные мѣста; і будѣт, г-рь, за ево княз Ѳеодоровою нѣ роспискою твоимъ в. г-ря ратнымъ людям высылка замочтаеть, і чтобъ отъ тебя в. г-ря в той высылке, і в иных твоих в. г-ря дѣлахъ мнѣ, х. т., в пенѣ і в опалѣ нѣ быт. А что он, княз Ѳеодор, не Кашина ушелъ, и со мною, х. т., нѣ росписался, і о томъ что ты, в. г-рь, мнѣ, холопу своему, укажешъ?

На оборотѣ: Г-рю ц. і в. кн. Ѳеодору Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Р. с.—185-го мая въ 4 д. подалъ отписку не Кашина розсылщикъ Петрушка Шастовъ.

Помѣта: чтена, взятъ к дѣлу.

Царю г. и в. к. Ѳеодору Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Р. с., быютъ челомъ холопи твои Кашинские помѣщики всякихъ чиновъ люди. В прошлом, г-рь, во 184-мъ году апрѣля в—денъ присланъ к намъ, х. т., в Кашинъ воеводою княз Ѳеодоръ княж Михайловъ сынъ Вяземской на Семеново мѣсто Нащокина. И сидѣлъ он, княз Ѳеодор, у насъ в Кашинѣ только годъ, і в нынѣшнемъ, г-рь, во 185-мъ году апрѣля в—д. присланъ к намъ, х. т., в Кашинъ воеводою Михайло Гавриловъ сынъ Борцовъ, і велено ему, Михайлу, перемѣнить ево, князъ Ѳеодора Вяземского; а он, князъ Ѳеодор Вяземской, человекъ добрый, и твои в. г-ря дѣла дѣлалъ в правду, и намъ, х. т., отъ него, князъ Ѳеодора Вяземского, обидѣ и налогъ никакихъ не было. Милосердый г. ц. і в. к. Ѳеодор Алексѣевич, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй насъ, х. с., вели, г-рь, ему, князъ Ѳеодору Вяземскому, у насъ в Кашинѣ быть воеводою попрежнему другой годъ. Ц. г-рь смилуйся!

На оборотѣ: Къ сей челобитнойъ Ивашко Чепчуговъ руку приложилъ.—К с. ч. Ивашко Хвостовъ р. ц.—К с. ч. Евсигнейко Бѣдовъ р. п.—К с. ч. Никитѣя Секиотовъ р. п.—К с. ч. Богдашко Постельниковъ р. п.—К с. ч. Макарко Толкачевъ р. п.—К с. ч. Васька Юсуловъ р. п.—К с. ч. Бориско Пятовъ р. п.—К с. ч. Сенька Толкачевъ и вмѣсто Василья Яцкова р. п.—К с. ч. Минька Лихачевъ р. п.—К с. ч. Ѳеодорко Беклемишевъ вмѣсто Ивана Ѳеодорова сына Поляркова, по е. в., і р. п.—К с. ч. Васка Секиотовъ р. п.—К с. ч. Никифорко Вотолинъ и вместо Ульяна Тверкова, по е. в., р. п.—К с. ч. Потапко Текуевъ р. п.—К с. ч. Терешко Кисловской и вместо Тихона Елифанова, по е. в., р. п.—К с. ч. Прошка Исаковъ р. п.—К с. ч. Мирошка Патрикѣевъ вмѣсто Онтонъ Спешнева р. п.—К с. ч. Мишка Ушаковъ р. п.—К с. ч. Ѳедька Осекин (?) р. п.—К с. ч. Алешка Хотской р. п.—К с. ч. Вашко Толкачевъ р. п.—К с. ч. Микифорко Исленевъ р. п.—К с. ч. Богданъ Протасевъ вместо Ивана Шубинского, по ево велѣнію, р. п.—К с. ч. Васька Перхуровъ р. п.—

Помѣта: 185-го мая въ 9 д. Взятъ к дѣлу и дѣло поднести.

И 185-го года мая въ 10 д. в. г. ц. и в. к. Ѳ. А., в. в. и м. и б. Р. с., указал послать свою государеву грамоту в Кашин к губному старосте, и под грамотою с челобитныхъ, по которой били челом великому государю на прежнего Кашинского воеводу, на князя Ѳедора Вяземского, Кашинскіи помѣщики і вотчинники в обидахъ і в налогахъ, и с челобитной ж, по которой били челом великому государю об немъ же, княз Ѳедоре, Кашинские дворяне и посацкие люди, списки слово в слово, и по тѣмъ челобитнымъ прежнимъ челобитчи(комъ) с нынешними челобитчики давать ему в томъ очные ставки; а князь Ѳеодору Вяземскому ѣхать с Москвы в Кашинъ, и съ прежними челобитчики, которые на него по первой челобитной в. г-рю били челом, дать ему с ними очные жъ ставки, а съ очныхъ ставокъ сыскать градцкими и уѣздными всякихъ чиновъ людьми. И буде, по очнымъ ставкамъ и по сыску, князя Ѳедора Вяземскаго вины никакой противъ ихъ челобитья не объявитца, и ему, князю Ѳеодору, быть въ Кашине воеводою до г-ва указу по прежнему, а *Михайла Борщова выслать къ Москве*; а будет, по очнымъ ставкамъ и по сыску же, ево князя Ѳедора объявитца какая вина, і в Кашинѣ быть воеводою Михайлу Борщову по прежнему, и съ ним, князь Ѳеодоромъ, ему, Михайлу, росписатца, а князя Ѳедора по прежнему своему г-ву указу выслать на его г-ву службу в Белогородской полкъ. А очные ихъ ставки и сыскъ за своею и за руками прислать ему к Москве в Розрядъ.

На оборотѣ по склейкамъ всего дѣла скрътна: Діакъ Василей Семеновъ.

185-го мая въ 15 день в. г-рь пожаловал князя Ѳедора Вяземскаво, велѣл ему быть в Кашине по прежнему до сроку, а Михайлу Борщову велѣлъ быть к Москвѣ и ждат сроку, и дать ему о томъ свою г-ву грамоту ¹⁾.

Отъ ц. і в. к. Ѳ. А., в. в. и м. и б. Р. с., въ Кашинъ Михайлу Гавриловичю Борщову. Въ нынешнемъ во 185-м году апрѣля въ 10 числѣ по нашему в. г-ря указу, по челобитью московскихъ чиновъ людей Кашинскихъ помѣщиковъ і вотчинниковъ, и Кашинцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, по заручной ихъ челобитной на Кашинского прежнего воеводу, на князя Ѳедор(ово)а (мѣсто) Вяземскаго в обидахъ і в налогахъ, велѣно тебѣ ево, *князя Ѳедора*, въ Кашине переменить бесрочно, и с ним, князь Ѳеодором, в нашей в. г-ря казнѣ і во всемъ росписався, выслать ево на нашу г-ву службу в Белгородской полкъ; и после того били челом нам, в. г-рю, Кашинцы жъ *земской староста*, жилецкие люди по заручной челобитной, что он, князь Ѳедор, будучи в Кашине, наши в. г-ря и челобитчиковы дѣла дѣлалъ в правду, а имъ же, *всякимъ людем*, обидь и налог ни в чем не чи-

¹⁾ Этотъ документъ писанъ характерной скорописью дьяковъ.

нилъ. И ныне пожаловали мы, в. г-рь, ево, князя Ѳедора, велѣли ему бытъ въ Кашине воеводою с нынешняго числа вперед до указанного сроку, апрѣля до 30 числа 186-го году, по прежнему (і какъ он, князь Ѳедор, с сею нашею, в. г-ря, грамотою въ Кашинъ приѣдет, и ты б), а тебѣ ис Кашина ѣхать к Москвѣ и ждать сроку, какъ ему, князю Ѳедору, в Кашинѣ съ того числа, какъ онъ былъ отпущен, (минетъ?) два года. І какъ (к вам) къ тебѣ ся наша, в. г-ря, грамота придет, а князь Ѳедоръ Вяземской съ Кашинѣ приѣдет, и ты б город, и острог, і ключи городовые и острожные, и нарядъ, і въ казнѣ зелье, и свинець, і всякие пушечные і в житницах всякие хлѣбные запасы, и денги, что есть в зборѣ, і книги приходные и расходные, (і все, что есть по росписнымъ прежнимъ спискамъ), ему, князю Ѳедору, отдал, і во всемъ с нимъ росписался, а росписався, ѣхалъ к нам, в. г-рю, к Москвѣ, (а, приѣхавъ к Москвѣ), і явился в Розрядѣ дьякомъ нашимъ: думному Василю Семенову, да Петру Ковелину, да Ѳедору Шакловитому, да Любиму Домнину. Писанъ на Москвѣ лѣта 7185-го мая въ 16 д.

Такова отпущена за приписью (Д) (П) (К).

На оборотѣ: воеводцкой.

(М. А. М. Ю. Розрядъ. Новгородскій ст. Столб. 283, лл. 143—170, 134, 171—178).

№ 74.

Купчая (списокъ) на дворовое мѣсто на посадѣ.

Списокъ с купчие слово въ слово. Се аз, Кашина города соборные церкви Успения Пресвятыя Богородицы священникъ Василей Васильевъ сынъ Игумновъ, продалъ есми в Кашине, на посаде, въ Яденевской улице дворовое свое место, подле двора вдовы Оксиньи Ивановские жены Протопопова, а по две стороны улица проезжая; а огородомъ та земля пришла к двору Кашинца посадъцакого человекъ Кузмы Кропивина, а та моя земля от сосед за межами полуполковнику Елизарью Никифорову сыну Григорьеву. А взялъ я, Василей, у него, Елизарья, за то дворовое свое место десятъ рублей денег, и в очищенье есми я, Василей, имался, что то мое дворовое мѣсто иному ни кому не продано, и не заложено, и ни в какихъ крепостяхъ ни у кого ни в чемъ не укреплено, и не написано, опричь сей купчей. А будетъ на то мое Васильево место вылягутъ иные купчие, или кабалы хлебные, или денежные, или даные, или иные крепости, какие нибуть, кроме сей купчей, или кто станеть в то мое дворовое место вступатца, и мне, Василью, то свое дворовое место ото всякихъ крепостей очищаютъ,

а ево, Елизарья, в том дворовом месте убытка не какова не до(ве)-
ставить ¹⁾). В том я, Василей, ему, Елизарью, на то свое дворовое
место и купчую дал. А на то послуши Михайло Илинской да Иван
Илинской. А купчую писал Кашинской площади подъячей Оетька
Гришенин лѣта 7185-го году мая въ 19 д. А у подлинной купчей
назади: к сей купчей соборные церкви Успения Пресвятыя Богоро-
дицы поп Василей дворовое место продалъ и денги възялъ, и руку
приложил. Послухъ Мишка руку приложил. Послухъ Ивашко руку
приложил.

На оборотѣ: К сему списку Иван Спешнев, вместо Елизарья Гри-
горева, по ево велеенью, руку приложил, а подлинную купчую он,
Елизарей, к себѣ взял.

Помѣта: С подлинною справлена.

(М. А. М. Ю. Столбцы Помѣстнаго приказа по Смоленску. № 37077,
д. 30 (7194 г.).

¹⁾ Слогъ „ве“ въ подлинникѣ зачеркнутъ, „авить“ передѣлано изъ „и“.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
56. Указъ о построеніи св. благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ Кашиинской въ раку тюшечка таеяннаго чернаго	1— 2
57. Смѣтный списокъ 7176-го года	2—11
58. Выпись изъ годовой смѣтной росписи 7176-го г.	11
59. Выпись изъ годовой смѣтной росписи 7177-го г.	11—12
60. Дѣло о присылкѣ въ Москву Кашиинскаго Кружечнаго двора ларешнаго цѣловальника Елисея Какина съ государскою казною и съ приходными и расходными книгами къ отчету за 7178 г. и о взысканіи съ кашинцевъ недобранныхъ денегъ	12—27
61. Купчая (списокъ) на дворовое бѣлое мѣсто на посадѣ	27—28
62. Грамота (копія) къ воеводѣ объ отказѣ пустошей церквамъ Пятницкой и Петровской	28—30
63. Дѣло объ употребленіи неорленой мѣры при приемѣ стрѣльцкаго хлѣба	31—41
64. Купчая (списокъ) на дворъ, проданный по духовной памяти посацкимъ челоувѣкомъ Родіономъ Шулгинымъ посацкому Семену Ромашеву	41—42
65. Дѣло объ оставленіи воеводой Сем. Ив. Нащокина на третій годъ по челобитной кашинцевъ	42—45
66. Дѣло о назначеніи воеводой кн. Ѳед. Мих. Вяземскаго на мѣсто Сем. Иван. Нащокина	45—48
67. Отписка воеводы о пожарѣ города и посада	48—49
68. Отписка воеводы о полученіи имъ грамоты о починкѣ мостовъ и дорогъ для государева похода въ Кашиинъ	49—49
69. Челобитье Мих. Борцова о назначеніи его воеводой въ Кашиинъ и дѣлопроизводство по нему	49—52
70. Указъ объ отпускѣ благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ Кашиинской на чехоль сукна	52—52
71. Досмотръ патриаршей слѣдственной комиссіи 7185 г. въ Кашиинѣ касательно житія благовѣрныхъ в. княгини Анны, ея чудесь, образа и мѣста, гдѣ былъ гробъ съ мощами	53—62
72. Определеніе собора 7185 г. о мощахъ благовѣрныхъ княгини Анны Кашиинскія	62—67
73. Дѣло о досрочномъ смѣщеніи съ воеводства кн. Ѳед. Мих. Вяземскаго вслѣдствіе ложнаго челобитья на него кашинцевъ и о возвращеніи его на оное	67—79
74. Купчая (списокъ) на дворовое мѣсто на посадѣ	79—80

II.

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Яковъ Рейтенфельсъ.

СКАЗАНІЯ

СВѢТЛѢЙШЕМУ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ КОЗЬМЪ ТРЕТЬЕМУ

О МОСКОВІИ

Падуя, 1680 г.

Издивеніемъ книгопродавца Петра Марія Фрамботти.
Съ разрѣшенія старшихъ.

Съ латинскаго перевелъ

Алексѣй Станкевичъ.

МОСКВА.—1905.

**Печатано подъ наблюдениемъ Дѣйствительнаго Члена
А. И. Станковича.**

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Все, что мы знаемъ объ авторѣ предлагаемыхъ ниже сказаній крайне скудно, отрывочно и сводится, почти исключительно, къ тѣмъ краткимъ извѣстіямъ, которыя сообщаетъ о немъ издатель его сочиненія въ своемъ „предувѣдомленіи къ просвѣщенному читателю“¹⁾. Сынъ польскаго вельможи— сказано тамъ —пользовавшагося у короля Казиміра большимъ значеніемъ, благодаря выдающемуся уму своему и высокимъ нравственнымъ качествамъ, Яковъ Рейтенфельсъ, въ силу тѣхъ же, унаслѣдованныхъ отъ отца, достоинствъ, былъ въ большой милости у герцога Тосканскаго, Козьмы III-го, жилъ нѣкоторое время при немъ, не занимая, однако, никакой опредѣленной должности и, по желанію своего благодѣтеля, въ знакъ благодарности, составилъ для него сказанія о Московіи. Полякомъ называетъ Рейтенфельса и Бьянкини, въ своей исторіи о Тосканскихъ герцогахъ, говоря такъ: „изъ числа ученыхъ чужеземцевъ, облагодѣтельствованныхъ нашимъ великимъ герцогомъ, должно назвать Якова Рейтенфельса, поляка, жившаго нѣсколько лѣтъ (ок. 1675 г.) при Тосканскомъ Дворѣ, который, бывъ обласканъ тамъ, написалъ книгу „de rebus moscovitis“ и поднесъ ее, при отъѣздѣ своемъ обратно въ Польшу, великому герцогу“²⁾. Нашъ извѣстный Никодимъ (Адамъ) Селлій называетъ Рейтенфельса—Курлянд-

¹⁾ См. ниже стр. 3 и слѣд.

²⁾ См. Ciampi, *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze etc.* Firenze 1842, vol. III pag. 28.

Рейтенфельсъ.

цемъ¹⁾ и, дѣйствительно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги, Рейтенфельсъ выражается такъ: „у насъ въ Курляндіи“²⁾, да и фамилія его мало похожа на польскую. Когда, какимъ образомъ, и въ качествѣ кого, попалъ Рейтенфельсъ въ Москву и сколько времени онъ пробылъ въ ней,—въ точности неизвѣстно, но несомнѣнно то, что онъ не былъ, какъ это предполагалось нѣкоторыми нашими историками, посломъ отъ герцога Тосканскаго къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1670 г. и, вообще, никогда и нигдѣ не занималъ никакой официальной должности. Никакого иностраннаго посольства къ московскому царю, въ 1670 г., къ тому же не было. да и самъ Рейтенфельсъ ничего и нигдѣ не говоритъ о посольствѣ, а рассказываетъ лишь, въ одномъ мѣстѣ своего труда, о впечатлѣніи, произведенномъ на него красивымъ зрѣлищемъ — смотромъ, происходившимъ при немъ, въ 1670 г., когда подъ Москвою, собралось до 60,000 великолѣпно убранныхъ воиновъ. И такъ, въ 1670 г. нашъ авторъ уже былъ въ Москвѣ.

За симъ, намъ удалось найти въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ два документа³⁾ 1672 года, касающихся, по нашему мнѣнію, Рейтенфельса, или, какъ они его называютъ, Якова Рутфеля⁴⁾. Изъ нихъ, если мы не ошибаемся, видно, что Рейтенфельсъ приходился племянникомъ главному врачу Царя, нѣкоему Датчанину Іоганну Розенбургу⁵⁾, по ходатайству котораго ему было разрѣшено, вмѣстѣ съ другими лицами, отправиться въ Вильну ради ученія, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ, поступить на царскую службу. Это извѣстіе, и наша догадка, подтверждаются, до нѣкоторой степени, и самимъ Рейтенфельсомъ, который, перечисляя лѣкарей, состоящихъ

¹⁾ См. Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ церковную и гражданскую российскую исторію, соч. Адамомъ Селліемъ. М. 1815.

²⁾ См. кн. I, гл. 5 и 11; кн. III, гл. 2; кн. IV, гл. 17.

³⁾ См. приложения.

⁴⁾ Иностранцы, посѣщавшіе Россію, сильно искажали, какъ навѣстно, русскія слова и имена. но и мы платили имъ тѣмъ же.

⁵⁾ Полное имя его: Іоганнъ Кюстеръ фонъ Розенбургъ.

на службѣ у Московскаго Царя, отзывается о Розенбургѣ съ большою похвалою и кончаетъ свой отзывъ о немъ такъ: „признаюсь открыто, что ему я обязанъ многими благодареніями“.—Неизвѣстно, какъ воспользовались Рейтенфельсъ и прочіе даннымъ имъ разрѣшеніемъ, и сколько времени они пробыли въ Вильнѣ, если только они ѣздили туда, на что не имѣется указаній, но, повидимому, ни Рейтенфельсъ, ни кто другой изъ нихъ, на Царскую службу, впоследствии, не поступилъ, хотя относительно Рейтенфельса мы имѣемъ основаніе предполагать, что онъ пробылъ въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, еще до весны 1672 года, ибо о рожденіи царевича Петра онъ говоритъ, что это произошло незадолго до его отъѣзда изъ Москвы ¹⁾).

Но описываетъ онъ похороны Царя Алексѣя чрезвычайно подробно, какъ-будто свидѣтель-очевидецъ, да и заимствовать ему было негдѣ, развѣ, что ему кто либо сообщилъ о семъ изъ Москвы, или онъ, какъ-нибудь, случайно, узналъ это изъ донесеній фанъ Кленка, хотя онъ расходится съ ними въ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ. На словахъ „увы! Въ то самое время, какъ я пишу это, самъ Великій, Несравненный Алексѣй явилъ намъ печальный образецъ сего обряда...“ ²⁾ т. е. царскихъ похоронъ, основано утвержденіе, что Рейтенфельсъ написалъ свои сказанія въ этомъ же, 1676 году, но едва ли это вѣрно. Рейтенфельсъ неоднократно проситъ, въ предисловіи, снисхожденія за необработанный, отрывочный характеръ своихъ сказаній и объясняетъ это тѣмъ, что онъ писался имъ во время скитаній, среди тревогъ и заботъ. Поэтому намъ кажется болѣе правдоподобнымъ предположеніе, что Рейтенфельсъ постоянно записывалъ все видѣнное и слышанное, а, живя у Тосканскаго Герцога, онъ только собралъ въ одно цѣлое свои отдѣльныя записи. Предположеніе это подкрѣпляется и чрезвычайнымъ дробленіемъ всего матеріала на небольшія, за немногими исключеніями, главы. Когда же именно и почему Рейтенфельсъ покинулъ Москву и посе-

¹⁾ Петръ родился 30 мая 1672 г.

²⁾ Кн. II, гл. 11.

лился у Тосканскаго Герцога, сколько времени онъ тамъ прожилъ, куда уѣхалъ оттуда, и гдѣ и когда умеръ — все это, пока, неизвѣстно.

Такъ же скудны наши свѣдѣнія и о подлинной рукописи сказаній Рейтенфельса. Въ вышепомянутомъ предисловіи къ печатному ихъ изданію и въ вышеприведенномъ сочиненіи Бьянкини, сказано, что она была поднесена авторомъ герцогу Козьмѣ III-му, который передалъ ее на храненіе въ свою бібліотеку, находившуюся въ завѣдываніи знаменитаго ученаго Антоніо Мальябекки. Здѣсь она попалась на глаза нѣкому знатному заѣзжему германцу, живо заинтересовала его „новизною содержанія и красотою изложенія“, и онъ, собственноручно, снялъ съ нея точную копію. Эту копію онъ уступилъ, при проѣздѣ обратно къ себѣ на родину, книгопродавцу П. М. Фрамботти въ Падуѣ, который и напечаталъ ее тамъ въ 1680 г. Имя этого знатнаго германца не дошло до насъ, а весьма скоро, какъ увидимъ ниже, и что крайне печально, исчезли, неизвѣстно какимъ образомъ и куда, какъ подлинная рукопись Рейтенфельсовыхъ сказаній, такъ и вышеназванная копія съ нея, по которой печаталъ Фрамботти.

Дѣло въ томъ, что такъ какъ сказанія Рейтенфельса напечатаны, по словамъ издателя, по точной копіи, то слѣдуетъ полагать, что Рейтенфельсъ писалъ свое сочиненіе по латыни. Однако г. Л. П. Рушинскій, въ извѣстномъ трудѣ своемъ „Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ“¹⁾, въ обзорѣ нѣ источниковъ, выразился, что нѣмецкій ученый, которому мы обязаны, такъ сказать, открытіемъ труда Рейтенфельса, *перевелъ* сказанія на латинскій языкъ и издалъ этотъ свой переводъ. Не указывая, откуда заимствованы имъ эти, для насъ новыя, свѣдѣнія г. Рушинскій не сообщаетъ также, на какомъ языкѣ были, въ такомъ случаѣ, первоначально написаны сказанія. Между тѣмъ, изъ помянутаго уже выше ката-

¹⁾ См. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1871 г. кн. 3.

²⁾ См. кн. II, глава 1, въ концѣ.

³⁾ Кн. II, гл. 6.

лога Селлія намъ было извѣстно, что уже во времена Селлія, рукописи Рейтенфельса во Флоренціи не было. Слова г. Рушинскаго подали намъ надежду, что эта пропажа была, быть-можетъ, временною, что рукопись какъ-нибудь затерялась среди прочихъ сокровищъ библіотеки и была, впослѣдствіи, вновь найдена. Желая разъяснить эти вопросы, мы обратились съ запросомъ во Флоренцію, къ лицамъ, завѣдующимъ библіотеками, Медицейской (т. н. Лавренціанской), Маручелліанской и Національной (бывшей Мальябекіевской, куда собственно и была передана рукопись Рейтенфельса самимъ Козьмою III-мъ), и вскорѣ были крайне огорчены официальнымъ увѣдомленіемъ, что, не смотря на тщательныя розыски, произведенныя во всѣхъ вышеперечисленныхъ библіотекахъ, рукописи Рейтенфельса ни въ одной изъ нихъ на лице не оказалось. Мало того: Управление Національной библіотеки, заинтересовавшееся, вслѣдствіе нашего запроса, судьбою рукописи, наводило тщательныя справки въ Падуѣ о той копіи, по которой Фрамботти напечаталъ сказанія, но и эта копія, оказывается, исчезла неизвѣстно куда, когда и какъ.

Сказанія Рейтенфельса были изданы, какъ мы уже сказали выше, въ 1680 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetrutriae Ducem Cosmum Tertium.—Patavii MDCLXXX. Typis Petri Mariae Frambotti Bibliopol. Sup. perm.“ т. е. „О событіяхъ Московскихъ ¹⁾ Свѣтлѣйшему Герцогу Тосканскому Козьмѣ III-му. Въ Падуѣ 1680 года. Иждивеніемъ книгопродавца Петра Марія Фрамботти. Съ разрѣшенія старшихъ.“ Имени автора на заглавномъ листѣ нѣтъ, но оно указано въ предисловіи издателя къ читателю. У Аделунга ²⁾ приведено заглавіе нѣсколько иное: послѣ словъ „Ducem Cosmum Tertium“ прибавлено „auctore Jacobo Reutenfels“, но этого прибавленія мы въ экземплярахъ, намъ извѣстныхъ, не нашли и полагаемъ, что эти слова ошибочно добавлены са-

¹⁾ Подразумывается „сказанія“ (commentarius). Такъ назвалъ свое сочиненіе самъ Рейтенфельсъ въ посвященіи.

²⁾ Аделунгъ—Крит. лит. обзорніе путешественниковъ по Россіи II, 213.

мимъ Аделунгомъ, который, повидимому, описалъ книгу Рейтенфельса со словъ какого либо библиографа, но самъ ее не видалъ. Вслѣдствіе этого же онъ сдѣлалъ и другую ошибку, сказавъ, что къ книгѣ Рейтенфельса приложено сочиненіе Паисія Лигарида „Трактатъ о вѣрѣ Грековъ и Россіянъ относительно Святой Евхаристіи“, чего на самомъ дѣлѣ, нѣтъ. Рейтенфельсъ, въ одномъ мѣстѣ¹⁾, своихъ сказаній, упоминаетъ, правда, о своемъ намѣреніи приложить этотъ „Трактатъ“ къ своему сочиненію и, можетъ быть, онъ и былъ приложенъ къ рукописи его сказаній, но при напечатаніи ихъ, приложеніе было опущено. Названный выше нами Селлій объясняетъ это довольно туманно, говоря: „Паисій Лигаридъ во время пребыванія Рейтенфельса въ Москвѣ собралъ „Нѣкоторыя историческія записки касательно религіи“, а въ 1666 году, по просьбѣ одного шведскаго посла написалъ „Трактатъ о вѣрѣ Грековъ и Россіянъ относительно Св. Таинства Причащенія“²⁾, который (поскольку не вездѣ можно его найти) хотѣлъ Рейтенфельсъ издать въ концѣ книги своей, но какъ сія книга³⁾, по смерти писателя, изъ Флорентинской бібліотеки вышла, то я и не удивляюсь, почему его въ оной нѣтъ“. Выходитъ будто Рейтенфельсъ не приложилъ „Трактата“ къ своему сочиненію потому, что рукопись его, Рейтенфельса, пропала послѣ его, Рейтенфельса, смерти! Мы полагаемъ, что „Трактатъ“ отсутствуетъ въ печатномъ изданіи сказаній Рейтенфельса просто потому, что „знатный германецъ“ интересовался сочиненіемъ самого Рейтенфельса и списалъ только его сказанія, а приложенія не счелъ почему либо нужнымъ, или интереснымъ для себя. А если бы Рейтенфельсъ самъ издалъ свой трудъ, то, вѣроятно, былъ бы напечатанъ и „Трактатъ“.

Изданіе 1680 года есть первое, единственное и, надо сознаться, во многихъ отношеніяхъ, не удовлетворительное: шрифтъ сбитый, нечеткій, много грубыхъ опечатокъ, вродѣ

¹⁾ Книга III, глава 17, въ концѣ.

²⁾ Объ этомъ сочиненіи П. Лигарида см. у митр. Евгенія, т. II, стр. 148.

³⁾ Т. е. сочиненіе Рейтенфельса.

„magem“ вм. „mare“ (винит. пад. сред. рода) „fere“ вм. „fore“ „pedam“ вм. „pedum“, „curis“ вм. „curis“ и т. п., невѣрно разставлены знаки препинанія, сплошь да рядомъ, не соблюдено правописаніе и мн. друг.¹⁾ Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, это изданіе крайне цѣнно, какъ величайшая библиографическая рѣдкость, замѣняющая пропавшую подлинную рукопись. Новое изданіе Рейтенфельсовыхъ сказаній (особенно, если бы удалось отыскать подлинникъ и по немъ исправить всѣ ошибки печатнаго текста) было бы весьма желательно. Въ настоящемъ же своемъ видѣ книга эта представляется намъ какимъ то, какъ-бы, пробнымъ, корректурнымъ изданіемъ, выпущеннымъ въ количествѣ немногихъ экземпляровъ, для дополненій и исправленій, послѣ чего она отпечаталась бы, такъ сказать, уже на бѣло.

Не смотря на громаднѣйшій интересъ, представляемый сказаніями Рейтенфельса, они ни на какой европейскій языкъ, кромѣ русскаго, не были переводимы. Только въ Россіи, гдѣ онѣ, съ издавна, пользуются большою извѣстностью среди историковъ, были, до насъ еще, сдѣланы двѣ попытки къ ихъ большому распространенію, посредствомъ перевода. Въ 1836 году, нашъ сочленъ и извѣстный ученый Ю. И. Венелинъ перевелъ (?) на русскій языкъ первыя 9 главъ второй книги сказаній Рейтенфельса, но на этомъ и остановился, отвлеченный, вѣроятно, другими работами, болѣе подходящими къ его специальности. Переведенный имъ, небольшой отрывокъ не былъ напечатанъ, но сохранился въ его бумагахъ, принадлежащихъ нынѣ нашему обществу. Переводъ сдѣланъ неудовлетворительно и представляетъ собою скорѣе сжатый пересказъ сказаній Рейтенфельса, причемъ мѣстами сдѣланы большіе пропуски, а мѣстами встрѣчаются дополненія изъ другихъ источниковъ. На нашъ взглядъ, это—не переводъ, а скорѣе рядъ выписокъ для статьи о состояніи Россіи по сказаніямъ Рейтенфельса.

Вторымъ, за Венелинымъ, русскимъ ученымъ, познакомившимъ русскую публику съ разсказами Рейтенфельса, былъ из-

¹⁾ См. латинскій подлинникъ, страницы: 24, 38, 41, 51, 125, 137, 239, 255, 259 и друг.

вѣстный археологъ и историкъ Литвы, И. П. Тарнава-Боричевскій. Въ Журналѣ Мин-ва Народ-го Просвѣщенія за 1839 г.¹⁾ онъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Извлеченіе изъ сказаній Якова Рейтенфельса о состояніи Россіи при царѣ Алексіи Михайловичѣ“, предпославъ этому труду своему краткое извѣстіе о жизни автора, взятое изъ, неоднократно нами вышеупоминаемаго, предисловія издателя 1680 года. Эта работа представляетъ собою уже болѣе переводъ сказаній, нежели трудъ Венелина, но и она страдаетъ отсутствіемъ полноты и точности, причемъ, главнымъ образомъ, въ ней тщательно опущено все то, что рисуетъ нашихъ предковъ въ не совѣмъ привлекательномъ, или комическомъ видѣ. Написана статья эта прекраснымъ языкомъ, такъ что и понынѣ читается легко, и жаль, во всякомъ случаѣ, что авторъ ограничился лишь немногими, сравнительно, главами.

Печатаемый ниже переводъ сказаній Рейтенфельса сдѣланъ нами полностью, безъ всякихъ пропусковъ, при чемъ мы старались держаться, какъ можно ближе латинскаго текста, позволяя себѣ отступленія отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не представлялось возможности передать иначе точный смыслъ подлинника. Переводить Рейтенфельса—дѣло не легкое: въ этомъ убѣдится всякій, кто возьметъ на себя трудъ заглянуть въ латинскій подлинникъ, и поэтому, вѣроятно, и намъ не удалось избѣжать погрѣшностей, но разнообразіе и обиліе историческаго матеріала, заключающагося въ этой книгѣ, подаетъ намъ надежду, что трудъ нашъ все же будетъ сочувственно принятъ интересующимися прошлымъ Россіи. Что же касается до свѣдѣній о самомъ Рейтенфельсѣ и его подлинной рукописи, то мы намѣрены продолжать наши, въ семъ направленіи, разысканія, и если найдутся новые матеріалы, то они составятъ предметъ особаго изслѣдованія.

Алексѣй Станкевичъ.

¹⁾ Июль, Отд. II, стр. 1—54. Взяты изъ кн. II, главы: 1, 3—14, 18, 19, 21; изъ кн. III, главы: 2, 3, 5, 1:—16, 22.

Свѣтлѣйшій Герцогъ,

Государь Всемилоствѣйшій!

Издадека, съ холоднаго Сѣвера, изъ Киммерійскаго мрака, являются на ясный твой Тосканскій полуденный свѣтъ, мои сказанія о Московіи, дабы получить отъ блеска твоего имени себѣ жизненнаго духа, ибо, народившись среди постоянныхъ, тревожныхъ странствованій, онѣ непремѣнно должны были выйдти несвязными, необработанными и неясными. Я обращаюсь поэтому къ твоему великодушію: прости его благо-склонно на мое неискусное и поверхностно-скользящее перо, если, Великій Государь, найдешь, что мои отрывочные, безъискусственные и необработанные рассказы не соотвѣтствуютъ ни твоему величію, ни важности описываемыхъ московскихъ событій. Вѣдь, ни величайшіе исполины, опущенные въ глубо-кій колодезь, ни изображеніе великихъ дѣлъ, помѣщенное на невзрачной, малой, дощечкѣ, ничуть не теряютъ вслѣд-ствіе сего, ни величины своей, ни значенія. Именно тебѣ, со-вершившему рядъ долгихъ и славныхъ путешествій и объ-ѣздившему нѣкогда лучшую часть земнаго шара, конечно, хорошо извѣстно, что, во время путешествія, внѣшній видъ странниковъ, большею частью, бываетъ непригляденъ. Вотъ соображенія, которыя внушаютъ мнѣ надежду, что ты не соч-тешь настоящій, малый, трудъ мой совершенно недостойнымъ твоего могущественнаго покровительства, и я, колѣнопрекло-ненно, горячо молю Треблагаго и Тремогущественнаго Господа

Бога (Ter Optimum Maximum), свыше обо всемъ Пекущагося, о томъ, чтобы ты, Государь справедливый, благочестивый, милостивый, богоподобный, какъ можно долѣе и благополучнѣе правилъ судьбою народовъ, къ отрадѣ твоихъ подданныхъ, на гордость и украшеніе всему міру и въ величайшее прославленіе Имени Господня.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

къ просвѣщенному читателю, о книгѣ сей, ея сочинителѣ и о томъ, какъ рукопись ея досталась намъ.

Если ученые вообще извлекаютъ величайшую для себя пользу и немалое удовольствіе изъ всякаго рода старинныхъ письменныхъ памятниковъ, то, по истинѣ, они, въ гораздо большей степени, обрѣтутъ и то и другое, въ рядѣ историческихъ повѣствованій, добросовѣстно и безъ всякихъ прикрасъ, составленныхъ просвѣщенными мужами, нежели въ какихъ-либо иныхъ сочиненіяхъ. Ибо исторія есть какъ бы богатѣйшая и разнообразнѣйшая сокровищница, своею чудесною силою заставляющая духъ и разумъ читателя, такъ сказать, само собою достигать высшей степени мудрости, прочно усваивая чуть не всѣ успѣхи цѣлаго ряда вѣковъ. Если же историческія сказанія, не имѣющія ничего общаго съ лживыми вымышленными баснями (penia) доставляютъ вообще развлеченіе и пользу, то я смѣло и торжественно клянусь, что просвѣщенный и любознательный читатель найдетъ въ настоящемъ повѣствованіи въ изобиліи и то и другое. Ибо предлагаемыя сказанія наши заключаютъ въ себѣ, кромѣ несомнѣнной, доподлинной истины, составляющей душу исторіи, еще и такія, удивительно разнообразныя, свѣдѣнія, какія трудно найти на страницахъ другихъ, древнихъ и новыхъ, сказаній. Ибо, такъ какъ здѣсь описываются страны и народы, крайне далеко отъ нашей страны находящіеся, то неизбѣжно надо

было подробно разсказать объ образѣ жизни, священныѣхъ образцахъ, законахъ и нравахъ, весьма отличныхъ отъ нашихъ и для насъ совершенно неслыханныхъ и неизвѣстныхъ. Къ этому надо еще прибавить, что эта страна находится почти у самаго сѣвернаго полюса, сплошь покрыта вѣчнымъ снѣгомъ и находится въ оковенѣломъ состояніи отъ постоянного мороза, такъ что хорошенько не знаетъ ни ночного мрака, ни дневного свѣта. Однако же и тамъ произрастаютъ разные плоды, травы и деревья и водятся животныя, птицы и рыбы, по большей части, не похожія на наши. Все это и многое еще другое можетъ пріятно занять читателя, удивить его и доставить ему наслажденіе.

Выслушай же теперь внимательно и благосклонно, краткое сообщеніе о томъ, кто составилъ это чудесное, необычайное повѣствованіе и благодаря какому счастливому стеченію обстоятельствъ рукопись этого сочиненія досталась намъ.

Прекрасную повѣсть эту составилъ Яковъ Рейтенфельсъ, мужъ доблестный, отецъ коего пользовался чрезвычайной милостью и вѣсомъ у Свѣтлѣйшаго Короля Польскаго, Казимира, ибо былъ его совѣтникомъ въ сокровенныхъ дѣлахъ, мужъ отмѣнно выдающійся, ибо, превосходя всѣхъ современниковъ своихъ ученостью и краснорѣчіемъ, далеко опередилъ всѣхъ ихъ пріятностью обхожденія, нравственнымъ образомъ жизни, крайнимъ человѣколюбіемъ и непорочностью души. Итакъ, сей доблестный мужъ, достойный сынъ славнаго отца, проживая нѣкогда во Флоренціи и имѣя часто доступъ во дворецъ Свѣтлѣйшаго Великаго Герцога Тосканскаго Козьмы III, составилъ, дабы снискать себѣ расположеніе Его Свѣтлости какимъ-либо важнымъ дѣломъ, эту повѣсть, переписавъ ее собственноручно и, посвятивъ ее ему же, поднесъ ему въ даръ, послѣ чего она была пріобщена къ другимъ рѣдчайшимъ книгамъ, коими библіотека Герцога была весьма богата.

А такъ какъ эта библіотека крайне гостепрѣмно открыта и для гражданъ Флоренціи, и для постороннихъ прѣзажихъ, то случилось, что нѣкій знатный германецъ увидалъ эту рукопись между другими, рѣдчайшими, рукописями, и прель-

щенный новизною ея содержания и красотою изложенія, усердно просилъ самаго бібліотекаря о разрѣшеніи списать ее, чего, наконецъ, и добился. Ибо начальникъ сей бібліотеки, Антоній Мальябеки, мужъ доблестный и выдающійся своей любезностью и доступностью по отношеніи ко всѣмъ ученымъ, и крайне участливо относящійся къ научнымъ вопросамъ, не только не затруднился дать такое разрѣшеніе, но даже сочувственно отнесся къ этому. Этотъ знатный германецъ получивъ желаемое, отправился въ путь изъ Флоренціи въ свое отечество, а прибывъ сюда, въ эти Итальянскія Аѳины, желая оказать услугу ученому міру, благосклонно предоставилъ мнѣ копію, имъ собственноручно и точно съ подлинника списанную, для напечатанія впервые. Ее то, благосклонный читатель, я нынѣ въ печатномъ видѣ и предлагаю тебѣ, для пользованія, и надѣюсь, что такъ какъ она преисполнена всякаго рода мудрости и заключаетъ въ себѣ разныя извѣстія, столь же новыя, сколько и достопримѣчательныя, то ты не пожалѣешь, что пробѣжалъ ее, а по временамъ, въ часы досуга, внимательно изучилъ ее. Прощай, и воздай похвалу нашему усердью ко всему ученому міру.

Падуа, марта мѣсяца 28 дня, 1680 года.

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Аблавій ¹⁾.—Аллацій ²⁾.—Атласъ ³⁾.—Берозій ⁴⁾.—Цедренъ ⁵⁾.—Московская лѣтопись ⁶⁾.—Кромеръ ⁷⁾.—Геродотъ.—Иорнадъ ⁸⁾.—Коя-

¹⁾ Родомъ изъ Равенны. По свидѣтельству Иорнанда (*De orig. etc.* II, V, VII) написалъ сочиненіе „*De bello Gothorum*“, а также исторію своего времени, до насъ недошедшую и извѣстную намъ лишь по ссылкамъ у Иорнанда.

²⁾ Allacci или Allazzi. Въ высшей степени образованный и ученый грекъ, род. на о. Хиосѣ въ 1586 г., умеръ въ Римѣ въ 1669 г. Онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій разнообразнаго характера.

³⁾ Автора съ такимъ именемъ или сочиненія съ такимъ заглавіемъ мы не знаемъ и предполагаемъ, что Рейтенфельсъ разумѣетъ здѣсь какой-нибудь *географическій атласъ* съ пояснительнымъ текстомъ, н. п. Blaeu, Guil. et Joh.—*Novus atlas d. i. Weltbeschreibung etc.* Amsterdam 1641—42,—съ пояснительнымъ нѣмецкимъ текстомъ, Mercator, *Ger.-Atlas sive cosmographiae meditationes de fabrica mundi.* Amsterdam 1623,—съ объяснительнымъ латинскимъ текстомъ, или друг. подобн.

⁴⁾ Бероай—жрецъ Вавилонскій, жившій въ III в. до Р. X. и составившій 3 книги историческихъ сказаній, дошедшія до насъ въ отрывкахъ, приводимыхъ Иосиф. Флавіемъ и друг. Лучшее изданіе его сказаній въ *Collection Didot—Fragmenta historicorum graecorum*, 1848.—Другое, приписываемое ему сочиненіе „*Antiquitatum libri quinque*“, нынѣ отвергается исторической критикой, какъ поддѣлка доминиканскаго монаха Дж. Нанни.

⁵⁾ Цедренъ или Кедренъ, Георгій. Византійскій монахъ-писатель, конца XI-го или начала XII-го вѣка. Свѣдѣній о немъ не дошло до насъ. Его трудъ—всеобщая исторія отъ сотворенія міра до 1057 г.—представляетъ простую компиляцію изъ сочиненій Іоан. Скилица, Синкела, Теофана, Тарасія и друг.

⁶⁾ Извѣстное сочиненіе Конрада Буссова: *Chronicon Moscoviticum, continens res a morte Ivan. Basilidis etc.* Русскій переводъ см. у Устрялова „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“ т. I, гдѣ оно припис. Мартину Беру.

⁷⁾ Кромеръ, Мартинъ. Польскій епископъ, писатель (1512—1589) оставившій много сочиненій историческаго характера и богословско-полемическаго, н. п. „*De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*“, „*Polonia, sive de situ, populis, moribus etc. regni Poloniae libri duo*“ и друг. О немъ см. „*Eichhorn—Der ermländische Bischof Mart. Kromer*“, и *Walewski—Margen Kromer*“ и др.

⁸⁾ Все что мы знаемъ о немъ, заключается въ двухъ строкахъ въ его „*Исторіи Гетовъ*“ (*De origine actibusque Getarum*). Изъ нихъ видно, что онъ

новичъ, орд. Іезуит., Исторія Литвы *)—Никетъ ¹⁰⁾.—Олаф Великій ¹¹⁾.—Олеарій ¹²⁾.—Павлинія, Сѣверная исторія ¹³⁾.—Плиній.—Поссевинъ, орд. Іезуит. ¹⁴⁾.—Прокопій ¹⁵⁾.—Птоломей.—Саксонъ Грамматикъ ¹⁶⁾.—Шефферъ ¹⁷⁾.—Сборникъ извѣстій о Московіи ¹⁸⁾.—Зонара ¹⁹⁾. И многіе другіе.

былъ родомъ готъ и написалъ свое сочиненіе около 552 г. по Р. Х. Изданія: 1) „Jornandés—De la succession des royaumes et des temps etc. etc... par M. A. Savagner. Paris. 1842“.—2) Mommsen.—Jordanis Romana et Getica. Berolini. 1882.

^{*)} Кояловичъ, Альбертъ (Войцѣхъ, Віжъ), литовскій іезуитъ (род. 1609, ум. 1677), авторъ многихъ сочиненій богословско-полемическаго характера а также и по исторіи Зап. Руси и Литвы.

¹⁰⁾ Никетъ.—Никита Акоминатъ. О немъ см. „Θ. Успенскій—Византійскій писатель Ник. Акоминатъ изъ Хонъ“. Спб. 1874 и друг.

¹¹⁾ Olaus Magnus, — ученый архіепископъ въ Упсалѣ XVI вѣка. Его сочиненіе—Historia de gentibus septentrionalibus, earumque diversis statibus etc. при первомъ появленіи своемъ имѣло громадныи успѣхъ и тогда же было переведено на англійскій, итальянскій, нѣмецкій, французскій и голландскій языки.

¹²⁾ О жизни Олеарія и о его книгѣ см. въ „Предисловіи“ къ русскому переводу П. Барсова, въ „Чтеніяхъ“ за 1868—1870 г. и отдѣльною книгою.

¹³⁾ Павлиній, Лаврентій, — шведскій ученый богословъ (род. 1565 г., ум. 1646 г.). О жизни его и сочиненіяхъ см. у Jöcher, —Allgem. Gelehrt. Lexicon, vol. III, 1316.

¹⁴⁾ О Поссевинѣ литературу см. у Иконникова—Опытъ русской историографіи и друг.

¹⁵⁾ Извѣстный византійскій историкъ.

¹⁶⁾ Датскій историкъ XIII ст. Его „Chronica Slavorum“ заключаетъ много важныхъ свѣдѣній о Балтійскихъ славянахъ, но требуетъ строгой критики (изд. въ 1659 г.).

¹⁷⁾ Шефферъ, Іоганнъ—ученый филологъ и правовѣдъ, родился въ Страсбургѣ въ 1621 г., былъ профессоромъ въ Упсалѣ, затѣмъ, тамъ же, бібліотекаремъ Академіи. Умеръ въ 1679 г. Оставилъ много сочиненій разнообразнаго содержанія, между прочими о „Стратегикѣ“ византійскаго императора Маврикія (Mauricii strategicum), гдѣ сообщаются этнографическія подробности о славянахъ. Вѣроятно этимъ сочиненіемъ и пользовался Р—сь. Оно вышло въ Упсалѣ въ 1664 г.

¹⁸⁾ Извѣстное изданіе „Rerum Moscoviticarum auctores varii etc.—Francofurti 1600“. Здѣсь помѣщены сказанія Герберштейна, П. Іовія, Фабра и друг.

¹⁹⁾ Византійскій сановникъ и историкъ. О немъ и о прочихъ византійскихъ писателяхъ см. у Krumbacher-Geschichte der byzant. Litteratur.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изложить связано и послѣдовательно то, что дѣйствительно было съ самыхъ раннихъ поръ существованія міра, — есть трудъ столь тяжелый и почти безнадежный, что и глубочайшіе понинѣ умы согласны въ томъ, что это значитъ лишь тратить даромъ и трудъ и время. Неудивительно посему, что всякая древность окутана продолжительнымъ мракомъ и что, въ періодѣ, когда первобытнымъ народамъ болѣе нравятся ужасы войны, нежели сладостные плоды мира—науки, главное мѣсто занимаютъ невѣжественные вымыслы. Мало того, неисповѣдимый Промыслъ Божій и непостижимое Его Правосудіе оставляютъ этотъ народъ подъ бременемъ дикихъ нравовъ и невѣжества, до той поры, пока онъ, какъ и всѣ остальные, не просвѣтится собственнымъ прозрѣніемъ, собственнымъ свѣтомъ. Дошедшіе же до потомковъ памятники, вырѣзанные на мѣди или на камнѣ, а также и устные, могущіе бы возвѣстить о давно прошедшемъ, подвергаются столь разнообразной порчѣ, что едва оставляютъ по себѣ слѣды: ибо съѣденный ржавчиною металлъ, или треснувшіе, либо стертые, камни, — могутъ превосходно свидѣтельствовать о чемъ угодно, но отнюдь не даютъ вѣрнаго представленія о томъ, что было, а гораздо вреднѣе то, что описывающіе эти сомнительные памятники, еще болѣе затемняютъ ихъ разнорѣчивыми объясненіями. Съ своей стороны, и въ записяхъ и устныхъ преданіяхъ чуть-ли не совсѣмъ затирается истина, либо вслѣдствіе ненадежности памяти людской, либо тщеславныхъ измышлений, либо неистовства войны и властителей, или же благодаря невѣжеству пишущихъ. Ко всему этому присоединяются и другія, еще большія, затрудненія. Вѣдь нерѣдко — какъ замѣтилъ кто-то — цѣлыя царства (regna tota) рушатся, или переносятся на другое мѣсто; нѣсколько племенъ сливаются въ одно, или одно

распадается на многія; пустыни заселяются, а тщательно обработанныя земли превращаются въ суровыя пустыни, (inhospita); лѣса вырубаются и обращаются въ плодоносныя нивы; большіе города разрушаются и, какъ бы изъ праха ихъ, возникаютъ новыя на новыхъ мѣстахъ. Рѣки мѣняютъ свои русла, болота высыхаютъ и даже само море то наступаетъ, то отступаетъ. Считая, поэтому все, что касается, въ какомъ-либо отношеніи, древней исторіи, не достовѣрнымъ, я съ трудомъ нахожу какія-либо твердыя основанія, на которыя я бы могъ опереться.—Хотя и странно, что почерпаемая со страницъ Св. Писанія свидѣтельства объ историческихъ событіяхъ, не суть лишь умозаключенія, основанныя на длинномъ рядѣ выводовъ, ибо Св. Писаніе преслѣдуетъ цѣли болѣе важныя и болѣе возвышенныя нежели подробное изложеніе мірскихъ, лѣтописныхъ событій, однако нельзя отрицать того, что уже изъ одной десятой главы книги Бытія можно узнать гораздо болѣе и гораздо вѣрнѣе о происхожденіи народовъ, нежели изъ свидѣтельствъ всѣхъ остальныхъ, дошедшихъ до насъ, письменныхъ памятниковъ. Поэтому и мы стараемся, прежде всего, этимъ божественнымъ путеводнымъ свѣточемъ (phaeluce), ибо это, по общему убѣжденію, вѣрнѣе,—освѣтить, насколько это возможно, корни происхожденія Московскаго народа, окутанныя столь глубокимъ мракомъ. Подвигаясь затѣмъ дальше въ пучинѣ времени, мы не преминемъ воспользоваться также и свѣтскими писателями, хотя въ началѣ, намъ придется довольствоваться одними предположеніями, такъ какъ Мосхи (Moschi), случайно упоминаемые у чужеземныхъ писателей значатся, то подъ однимъ названіемъ, то подъ другимъ. Но такъ какъ ихъ собственная исторія почти что не сохранила никакихъ остатковъ древности, то всякій свѣтъ, внесенный въ этотъ, поистинѣ Киммерійскій, мракъ, можетъ быть лишь отраднымъ, какъ бы слабъ онъ ни былъ. Я съ своей стороны, конечно, сочту себя вполне вознагражденнымъ за настоящій, хотя бы и небольшой трудъ, если дамъ имъ какому-нибудь ученому, болѣе, къ его счастью, даровитому, нежели я, какъ бы руководящую нить и докажу необходимость не только исправить ошибки, могущія встрѣтиться у меня, но и разслѣдовать точно и обстоятельно то, чего я лишь поверхностно коснулся. Ибо я не на столько страшусь справедливой оцѣнки (sensuram), и не такъ ужъ противъ поправокъ, чтобы не желать отъ души полного раскрытія истины. А пока, я кратко опишу обычаи (mores) и нѣкоторыя новѣйшія событія Московъ, основываясь иногда на болѣе достовѣрныхъ памятникахъ, Русскихъ и иныхъ, а иногда на личномъ моемъ опытѣ и на наблюденіяхъ очевидцевъ. При этомъ я усердно прошу читателей простить мнѣ, если я повторю кое-что общеизвѣстное, и позволенія свободно

обсуждать общераспространенныя понятія о нравахъ. А такъ какъ въ послѣднихъ весьма трудно разобратъся, то не должно отнюдь при при этомъ поддаваться ни чувству пріязни, ни чувству вражды. Ибо мнѣ хорошо извѣстны, и чувство взаимнаго отвращенія между отдѣльными лицами и, присущее всѣмъ народамъ вообще, зло—зависть и презрѣніе. Я также хорошо знаю, что люди ревниво относятся къ добродѣтелямъ и порокамъ смертныхъ, постоянно расходясь другъ съ другомъ и ошибаясь, благодаря личному чувству. Благодаря этому, зачастую, одно и то же, у разныхъ народовъ, то превозносится, то осуждается, ибо даже самый негодный поступокъ мы хитро скрашиваемъ придуманнымъ выраженіемъ „благочестивый обманъ“ или „государственная необходимость“, и, нерѣдко, одно и то же чудовищное проявленіе варварства, которое мы въ другихъ всячески стараемся по яснѣ обнаружить, въ самихъ себѣ мы таимъ, благодаря лишь различнымъ названіямъ. Отъ всего этого, въ виду его дикости и непристойности, я намѣренъ воздержаться, въ остальномъ же я усердно прошу еще и еще простить мнѣ, мѣстами самое изложеніе, мѣстами—его порядокъ, такъ какъ я только урывками могъ трудиться надъ писаніемъ сихъ сказаній, среди постоянныхъ, суровыхъ, жизненныхъ заботъ на чужбинѣ и послѣ почти пятилѣтней разлуки съ Музами. Всякій безпристрастный читатель проститъ мнѣ поэтому и зіяющіе пробѣлы (*hiulcae lacinae*) и несвязность событій, вслѣдствіе молчанія источниковъ. Къ тому же никогда, клянусь, это сочиненіе не вышло бы въ свѣтъ, не будь на то воли Свѣтлѣйшаго Герцога Тосканскаго, моего милостиваго Государя. Сей доблестный Князь, служа, своею справедливостію правителямъ, а благочестіемъ—всѣмъ христіанамъ, нѣкимъ сверхъестественнымъ, блестящимъ примѣромъ, побужденный выдающеюся любовью къ просвѣщенію, неутомимо заботился о томъ, чтобы намъ, въ слабой попыткѣ нашей, оказана была ученая помощь, и прежде всего, помощь достославнаго Антонія Мальябекки, достойнѣйшаго помощника такого Государя, красы ученыхъ, въ которомъ счастливо соединились всѣ тѣ высшія умственныя дарованія, изъ коихъ каждое, въ отдѣльности, украсило бы уже любого ученаго. Изъ предосторожности, впрочемъ, я желалъ бы здѣсь предупредить, что подъ названіемъ Московитовъ я разумѣю всевозможныя народности, нынѣ подъ властью Россійскаго государства находящіяся, и что говоря то о нихъ всѣхъ вообще, то—объ отдѣльныхъ народахъ, я болѣе придерживался новаго и достовѣрнаго, нежели древняго и сомнительнаго, хотя Мосхи не безъ основанія считаются причастными славѣ Скиевовъ и Готовъ, такъ какъ они, либо одного съ ними происхожденія, либо-же, смѣшавшись съ ними, дѣйствовали въ тѣхъ же русскихъ земляхъ, подпадая лишь въ разное время подъ

разное владычество. При наименованіи правителей, я также, въ перемежку, употреблялъ, то названіе Царя, то Короля, а иногда и Великаго Князя, зная, что отчасти всё эти выраженія—равнозначущи, а отчасти, въ разное время, предпочтительно употреблялось, либо то, либо другое наименованіе.

Для того же, чтобы можно было, потомъ, съ ббльшимъ удобствомъ, продолжать разсказъ, мнѣ придется, въ самомъ началѣ его, повести рѣчь нѣсколько издалека, предпославъ самыя краткія и необходимыя свѣдѣнія о корнѣ происхожденія Московъ.

Послѣ того, какъ Ноевъ ковчегъ, этотъ пловучій домъ и зародышъ міра, благополучно избѣгнувъ всеобщей, неотвратимой, гибели, сталъ на горахъ Араратскихъ въ Арменіи, богоборцы (Theomachi) дерзновенно, въ теченіе многихъ лѣтъ, тщетно пытались воздвигнуть Вавилонскую башню, но, по смѣшеніи свыше языковъ, начали, по необходимости, разсѣиваться въ разныя стороны. Тогда—я умалчиваю о прочихъ—нѣкоторые потомки Іафета, отправились съ Армянскихъ высотъ, на Западъ и Сѣверъ, въ Натолію или Малую Азію, а отсюда, быть можетъ, по наущенію Ноя, одни переплыли, морскимъ зыбкимъ путемъ, черезъ Пропонтиду и Босфоръ, на населенные острова въ Архипелагѣ и въ Европу, главнымъ образомъ, въ Западную; другіе же, съ другой стороны, распространились вдоль Чернаго моря черезъ Каппадокію, Колхиду, Грузію, Черкассію (Caucassia) и вдоль Каспійскаго моря, черезъ Мидію, Албанію, Скиею до самаго Сѣвера, и даже, чрезъ Норвегію и Гренландію, или инымъ какимъ путемъ, въ Америку, какъ это ясно доказываютъ Исландскія лѣтописи. Вѣдь и самое имя Іафеть обозначало, что его потомки расселятся на широчайшемъ пространствѣ. Кого же именно изъ этихъ потомковъ Ноя, должно считать родоначальникомъ того, или другаго, отдѣльнаго племени, никоимъ образомъ рѣшить нельзя, за разнообразіемъ мнѣній и непроницаемымъ, окутывающимъ этотъ вопросъ, мракомъ. Берозъ (если только дѣйствительно эта мысль приходила когда-либо самому Берозу въ голову) и нѣкоторые другіе, древнѣйшіе, писатели сообщаютъ, что Ной неоднократно, поочередно разсылалъ своихъ потомковъ основывать колоніи по всему земному шару и что, поэтому, онъ назывался у Скиеовъ отцемъ всѣхъ—малыхъ и великихъ—боговъ, міровымъ зерномъ, и иными, отдающими древностью, именами. Отсюда естественно слѣдуетъ, что, въ свою очередь, и Іафеть и Хамъ и Симъ поступали точно такъ-же. Все это, повидимому, нисколько не расходится со Св. Писаніемъ. Дѣйствительно, у Грековъ имя Іафета, съ древнѣйшихъ временъ, было въ такомъ употребленіи, что вошло даже въ поговорку, и то, что было въ незапамятныя времена, называлось „древнѣе Іафета“. Они же разсказывали, что Прометею, сыну Іафета, на

Кавказскихъ горахъ, орель терзаетъ сердце или печень. Заманчиво предположеніе, что сей Прометей былъ Магогъ, сынъ Іафета, ибо его первоначальнымъ мѣстопребываніемъ былъ Кавказъ, и самое имя это напоминало о терзаніи сердца. Впрочемъ, далѣе я уже ничего не скажу, предоставляя рѣшить этотъ вопросъ другимъ, болѣе свѣдущимъ, лицамъ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВЪ.

Книга I.

Происхожденіе Московитовъ и обзоръ Царствованій ¹⁾.

- Глава 1. Откуда и когда пришли Мосхи въ Россію.
- Глава 2. О разныхъ названіяхъ Московскихъ племенъ.
- Глава 3. О мѣстопробываніяхъ Царей на Руси.
- Глава 4. О войнахъ и Царяхъ Русскихъ и о проч.
- Глава 5. О войнахъ и Царяхъ Русскихъ по Рождествѣ Христовомъ.
- Глава 6. Объ Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и друг.
- Глава 7. О Святополкѣ, Ярославѣ, Изяславѣ, Святославѣ и друг.
- Глава 8. О Владимірѣ, Мстиславѣ, Ярополкѣ и друг.
- Глава 9. О Владимірѣ, Георгіи, Александрѣ и друг.
- Глава 10. Объ Иванѣ Даниловичѣ, Иванѣ Ивановичѣ и др.
- Глава 11. О Василии, Иванѣ и Василии Ивановичѣ.
- Глава 12. О Тиранѣ Иванѣ Васильевичѣ.
- Глава 13. О Ѳедорѣ, Борисѣ, Ѳедорѣ, Васильѣ и др.
- Глава 14. О Михаилѣ Ѳедоровичѣ.

Книга II.

Дворъ и нынѣшнее правленіе.

- Глава 1. Объ Алексѣѣ Михайловичѣ, нынѣшнемъ Царѣ Русскихъ.
- Глава 2. О государственномъ гербѣ и титулахъ Царя.
- Глава 3. Объ обрядѣ вѣнчанія на царство.
- Глава 4. О бракосочетаніи Царя.
- Глава 5. О Царицѣ или Супругѣ Царя.
- Глава 6. О Царскихъ дѣтяхъ.
- Глава 7. О пышномъ выходѣ Царя къ народу.

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно „рядъ“ или „перечень“ Царей (*series regum*).

- Глава 8. О великолѣпнн Царскаго стола и Царскихъ пировъ.
 Глава 9. О Царскихъ забавахъ.
 Глава 10. Объ уединенномъ образѣ жизни Царя.
 Глава 11. О Царскихъ похоронахъ.
 Глава 12. О городѣ Москвѣ, мѣстопробываніи Царей.
 Глава 13. Объ иностранцахъ, служащихъ у Царя.
 Глава 14. О служащихъ при Дворѣ изъ туземныхъ жителей (indigenae).
 Глава 15. О самодержавномъ образѣ правленія.
 Глава 16. О писанныхъ законахъ и народныхъ собраніяхъ (comitia).
 Глава 17. О союзахъ.
 Глава 18. О присылкѣ и приѣмѣ Пословъ.
 Глава 19. О Царской казнѣ и отдѣльныхъ Его доходахъ.
 Глава 20. О нѣкоторыхъ должностныхъ лицахъ.
 Глава 21. О приказахъ, или присутственныхъ мѣстахъ.
 Глава 22. О разборѣ тяжбъ.
 Глава 23. О разнаго рода судебныхъ допросахъ, и наказаніяхъ и о проч.

Книга III.

Сословіе подданныхъ и нравы.

- Глава 1. О многочисленности народонаселенія.
 Глава 2. О боярахъ и знатныхъ людяхъ.
 Глава 3. О войскѣ и способѣ веденія войны.
 Глава 4. О гражданахъ и городскихъ жителяхъ.
 Глава 5. О купцахъ, ремесленникахъ, деньгахъ и т. д.
 Глава 6. О крестьянахъ и рабахъ.
 Глава 7. О тѣлосложеніи Московъ.
 Глава 8. О душевныхъ качествахъ.
 Глава 9. О почитаніи Царя.
 Глава 10. О ругательствахъ и издѣвкахъ.
 Глава 11. О распутствѣ и пьянствѣ.
 Глава 12. О приверженности къ древнимъ обычаямъ.
 Глава 13. О грубомъ обращеніи русскихъ и о развлеченіяхъ ихъ.
 Глава 14. Объ одеждѣ.
 Глава 15. Объ утвари и о наружномъ видѣ зданій.
 Глава 16. О питіи и пищѣ.
 Глава 17. О языкѣ и наукахъ.
 Глава 18. О вѣрѣ.
 Глава 19. О духовномъ сословіи и его силѣ.

- Глава 20. О церковныхъ службахъ и обрядахъ.
 Глава 21. Объ иновѣрцахъ въ Московіи.
 Глава 22. О бракахъ и власти мужей.
 Глава 23. О воспитаніи дѣтей и объ опекахъ ихъ.
 Глава 24. О погребеніи.

К Н И Г А IV.

Природныя богатства государства и его обширность.

- Глава 1. Объ умѣренности климата.
 Глава 2. О свойствахъ почвы.
 Глава 3. О вывозѣ и ввозѣ товаровъ.
 Глава 4. О дикихъ и домашнихъ животныхъ.
 Глава 5. О разнаго рода рыбахъ.
 Глава 6. О гаваняхъ и побережьяхъ.
 Глава 7. О укрѣпленныхъ мѣстахъ въ государствѣ.
 Глава 8. Объ озерахъ, рѣкахъ, лѣсахъ и проч.
 Глава 9. О границахъ Московіи.
 Глава 10. Объ отдѣльныхъ областяхъ Россіи и о проч.
 Глава 11. О Москвѣ, Кіевѣ, Владимірѣ, Новгородѣ.
 Глава 12. О Казани, Астрахани и Сибири.
 Глава 13. О Псковѣ, Смоленскѣ, Твери и проч.
 Глава 14. О Нижнемъ Новгородѣ, Черниговѣ и проч.
 Глава 15. Объ Иверіи, Карталиніи, Грузіи (Gruszincia) и проч.
 Глава 16. Объ остальныхъ Московскихъ областяхъ и городахъ.
 Глава 17. О землѣ Самоѣдовъ и Лапландіи.
 Глава 18. О Новой Землѣ и другихъ Русскихъ островахъ.
-

КНИГА ПЕРВАЯ.

О происхожденіи Московитовъ и обзоръ царствованій.

ГЛАВА 1.

Откуда и когда появились Мосхи въ Россіи.

Подобно тому, какъ все въ подлунномъ мірѣ измѣняется, слѣдуя закону превращенія (*lege mutationis*), ежедневно нами по великой книги опыта замѣчаемому, но не постигаемому, точно такому же круговороту подвержены также и судьбы народовъ, на морѣ и на сушѣ, такъ что мы не видимъ ни достаточно долговѣчныхъ жилищъ, ни какого-либо постояннаго языка, ни неизмѣняющихся нравовъ, которыя бы долго продержались. Одни народы, которые еще не такъ-то давно совсѣмъ отвыкли на сѣверѣ отъ дневного свѣта, перемѣнивъ мѣстожителство, обитаютъ нынѣ на ясномъ Востокѣ и Югѣ, другіе, которыхъ, вѣкогда, чуть не первыхъ озаряло восходящее солнце, нынѣ погружены въ почти постоянный мракъ. А вслѣдствіе военныхъ набѣговъ и дружелюбныхъ сношеній, всѣ до того смѣшались, что въ настоящее время тщетно было бы искать какой-либо народъ на тѣхъ-же самыхъ земляхъ, которыя онъ обрабатывалъ въ началѣ исторіи. Поэтому намъ, отыскивающимъ сокрытую колыбель рода Московитовъ, нужно будетъ до тѣхъ поръ тѣсно связывать исторію съ землею и ея обладателями и изучать послѣдовательный ходъ различныхъ переселеній, пока мы не доберемъ, идя по ихъ слѣдамъ, начиная съ ихъ выхода изъ Азіи, до нынѣшняго отечества ихъ, хотя иноплеменные народы гораздо менѣе тревожили Сѣверъ своими вторженіями (*immigratio*), нежели остальную часть земнаго шара. Всякій, нимало не задумываясь, скажетъ совершенно опредѣленно, что Мозоху, сыну Іафета, принадлежали, въ качествѣ первыхъ поселеній (колоній) въ

мірѣ, Каппадокія и вся область Трапезунтская и Колхида, ибо Іосифъ Еврей утверждаетъ, что Каппадокія нѣкогда называлась Мохой (Moscha) ¹⁾, и всякій ясно видитъ изъ свидѣтельствъ Геродота, Плинія, Страбона, Птолемея и другихъ, достовѣрныхъ и надежныхъ, древнихъ писателей, что Мосхи (Moschi), Москины (Moschini) и Мосиночки (Mosipossi), занимали какъ Каппадокію, такъ и извѣстныя Кавкаскія ущелья близъ Чернаго моря. Первоначально свободные, но вскорѣ поработенные другими, они, испытавъ также иамѣнчивость судьбы, не только подпали подъ власть Дарія Гистаспа и вошли въ составъ войска Ксеркса (имѣя въ рукахъ короткіе дротики съ длинными наконечниками и деревянные шлемы на головѣ), но совершенно, въ концѣ концовъ, слились съ племенемъ Каппадокійцевъ. Изъ разныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія объ нихъ, наиболѣе достойны вниманія слова Іезекіиля, гл. 27 и 38 ²⁾, гдѣ Боговдохновенный Пророкъ говоритъ: „Греція, Мозохъ и Фубаль принесли рабовъ и мѣдныя сосуды народу твоему“, и далѣе „начальника Роса (Rhos), Мозоха и Фубала“. Затѣмъ они же, тѣсными могущественными Ассирійцами, или же потому, что туземные жители, умножаясь, расширяли свои владѣнія, достигли сѣвернаго берега Чернаго моря, пространствовавши по Кавказскимъ и Мосхійскимъ горамъ и пришли къ р. Танаису, а отсюда, постепенно, разсѣялись по всей Руси (Russia), двигаясь преимущественно по слѣдамъ Гомеритовъ ³⁾. Послѣдніе же, хотя занимали раньше эти мѣста, благодушно (aequiori animo) приняли пришельцевъ или, даже добровольно перенесли свои жилища дальше, такъ какъ предъ ними съ каждымъ днемъ открывались все болѣе и болѣе обширныя земли и они жили разбросанно, на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Продолжая такимъ образомъ двигаться все дальше, они, около 1900 г. отъ сотворенія міра, и 300-го послѣ потопа, страшно увеличили своимъ присоединеніемъ къ нему Сарматское государство (imperium Sarmaticum), образовавшееся раньше изъ потомковъ Магога и Фубала ⁴⁾ и части Гомеритовъ. Относительно этого вполне сходятся, отрывочное извѣстіе Катона, утверждающаго, что сѣверныя страны были заселены на 108 лѣтъ ранѣе, нежели Италия, и показаніе Бероза, говорящаго, что Мозохъ основалъ двѣ колоніи. Какъ бы ни было, но имя Московъ, сохранившееся въ названіи одного древнѣйшаго божества, и рѣки Москвы, въ небольшомъ уголкѣ Европы, начало въ позднѣйшія вѣка послѣ долгаго забвенія, все шире и шире распространяться, ибо Мо-

¹⁾ Здѣсь въ текстѣ, повидимому, опечатка и должно бы быть „Мосхой (Moscha)“.

²⁾ Іезекіиля гл. 27, ст. 13 и гл. 38, 2—3.

³⁾ Потомки Гомера, сына Іафета. Кн. Бытія, гл. 10, ст. 2.

⁴⁾ Сыновья Іафета.

ксами (Мохі) стали уже называться народы за Казанью, и поэтъ Луканъ, равно и Плиніи и Страбонъ, называютъ Московъ сосѣдями Сарматовъ; а ранѣе сего преобладали Сарматы. Сарматское государство (imperium) стояло неизблемо ровно 3000 лѣтъ, и даже самъ Александръ Великій, какъ-то, за вѣрную ихъ помощь въ войнѣ, не столько даровалъ имъ, а скорѣе, подтвердилъ (если только онъ могъ сдѣлать и это) за ними, преимущественное право селиться на вѣки на пространствѣ земли, ограниченномъ Ледовитымъ, Балтійскимъ и Адриатическимъ морями. Нынѣшніе Чехи (Bohemi) и Далматы (Dalmatae)—я думаю, впрочемъ, похвалбы только ради—увѣряютъ, что это подтвержденіе, начертанное золотыми буквами, и въ настоящее время еще хранится въ Архивахъ Турціи. Это Сарматское государство имѣло всегда, вслѣдствіе обширности и разнообразія страны, многихъ, совершенно самостоятельныхъ князей (dominos), при чемъ, однако, одинъ былъ главенствующимъ надъ прочими, и на сторонѣ его были остальные соплеменники, въ силу договора о вѣчномъ союзѣ. Этотъ обычай, безъ сомнѣнія, сохранился отъ вышеназванныхъ первыхъ устроителей рода человѣческаго, которые, заполяя собою періодъ времени въ нѣсколько вѣковъ, постоянно удерживали за собою верховную власть надъ потомками.

Переднюю часть государства и древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ всѣхъ народовъ Сарматскаго или Скинскаго происхожденія, были, по единодушному свидѣтельству историковъ, Кавказъ и Араксъ, откуда, какъ изъ Троянскаго коня, вышли, ужасъ народовъ, люди въ желѣзныхъ доспѣхахъ, и куда они, какъ въ свое средоточіе, сносили такое множество величайшихъ и на весь міръ знаменитыхъ побѣдъ и неувыдаемую за нихъ награду—славу. Кто же, стало быть, не заключить отсюда, и вполнѣ основательно, что Сарматскія племена получили свое названіе отъ этой самой родины ихъ!—Этими, крайне дикими, племенами постоянно пользовались, какъ наемниками, съ большимъ успѣхомъ, въ своихъ войнахъ, Ассирійцы, Персы, Мидяне, Александръ, Митридатъ и сами Римляне, властители вселенной. Семь разъ они нарушали спокойствіе Азіи своими набѣгами, Европу же они тревожили еще большее число разъ.

Тѣмъ временемъ, Мосхи, распространяя все шире да шире свои владѣнія и становясь все болѣе извѣстными, подъ различными именами, сопредѣльнымъ народамъ, стали все сильнѣе и сильнѣе сталкиваться враждебно съ ними, хотя, первоначально, никто, конечно, не счелъ бы выгоднымъ дѣлать на нихъ нападенія, ибо они долѣе всѣхъ придерживались своего стариннаго, скромнаго и невзыскательнаго образа жизни, да и затруднительные пути сообщенія и доблесть ихъ крайне не располагали ихъ недруговъ къ войнѣ. Но потомъ, полагаю,

съ теченіемъ времени, у нихъ несомнѣнно произошли междуусобицы и разнаго рода раздоры, пока, наконецъ, благодаря передвиженію остальныхъ сѣверныхъ потомковъ Іафета, т. е. Кимвровъ и Готовъ, Мосхи не были вынуждены начать войну. Ибо съ послѣдними¹⁾ у нихъ постоянно происходили, вслѣдствіе захватовъ, съ той и другой стороны, земли, кровопролитныя сѣчи (*setta*), какъ это будетъ яснѣе видно изъ разсказа о Царяхъ Московскихъ. Шагъ за шагомъ отбѣсняя враговъ, они, подъ именемъ Славянъ, вскорѣ покорили себѣ всю землю до рѣки Ельбы и положили тамъ начало Полякамъ и Чехамъ. Не меньшее пространство земли они заняли потомъ, подъ именемъ Болгаръ, при чемъ, тотчасъ же за ними, какъ бы на смѣну своимъ родоначальникамъ, пришли въ Московію, изъ общей ихъ родины, новые народы. Греки, также, по Черному морю, пріѣхавшіе, урѣзали нѣкогда ихъ владѣнія (*fines eorum a Graecis... sunt accisi*) и они могли бы легко перенять греческій образъ жизни, если бы не были столь привержены къ собственнымъ нравамъ. Наконецъ дикіе Гунны и Татары, послѣдніе народы Скиѳіи, рядомъ новыхъ набѣговъ, такъ стѣснили ихъ, что у нихъ произошло замѣшательство, кажется, хуже Вавилонскаго. Впрочемъ, въ настоящее время, обстоятельства измѣнились въ ихъ пользу: они совершенно покорили ихъ и полновластно помыкаютъ ими.

Г Л А В А 2.

О разныхъ названіяхъ Московскихъ племенъ (*gentium*).

Хотя все, нынѣ называемое Московіей, государство (*imperium*), заключаетъ въ себѣ, и до сей поры, народы, ведущіе свое начало отъ потомковъ Мозоха и Магога т. е. Московъ, Готовъ и Скиѳовъ, какъ бы сросшихся (*veluti concretos*) въ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе, они, то всѣ въ совокупности, то лишь нѣкоторые изъ нихъ, были въ разное время, извѣстны остальному міру подъ различными именами. У древнѣйшихъ Грековъ, которымъ мы, почти исключительно, обязаны древнѣйшими о нихъ извѣстіями, они сперва назывались Гипербореями и Киммерійцами, затѣмъ Скиѳами и Сарматами, а также и Скиѳоготами, и многими еще другими именами. Киммерійцами, или Кимврами, называлось то племя, которое, съ незапамятныхъ временъ, раньше другихъ, занимало ббльшую часть Россіи. Я не сомнѣваюсь, что эти же самые потомки Гомера, раньше остальныхъ, были родоначальниками Германцевъ, направившіеся сюда, на пути своемъ въ дальнѣйшія страны. Ибо говорятъ, что они, бывъ прогнаны изъ своихъ

¹⁾ Т. е. Кимврами и Готами.

мѣстожительствѣ Готами и Сарматами, неоднократными вторженіями черезъ Фракію, Месію ¹⁾ и Паннонію, достигли наконецъ Норики; раньше же, они, по словамъ Поливія и Страбона, разбойничали, не имѣя постоянного мѣстопребыванія, вдоль Меотидскаго моря и научились, по свидѣтельству Берозія, у Скиеовъ, чрезъ страну коихъ они проходили, располагать свои повозки лагеремъ. Скиены, перешедшіе съ рѣки Аракса или Араса, около которой Магогъ нѣкогда впервые расположился на житѣе и оставилъ, у Евреевъ, всему племени названіе Магоговъ, на другую сторону Кавказа, Танаиса и Океана, назывались, ранѣе сего, по имени царя Сколота, Сколотамп, что означаетъ—одѣтые въ желѣзные доспѣхи (ferrei) и звѣринныя шкуры (pelliti). Вслѣдствіе сего Берозій, въ пятой книгѣ, передаетъ, что Арассъ, отправившись съ сыномъ Скиеомъ, изъ Арменіи на Западъ, занялъ земли вплоть до Европейской Сарматіи. Геродотъ приписываетъ это Геркулесу, который, по его разсказу, отъ женщины, полу-человѣка, полу-змѣи, имѣлъ сыновей Агаеирса, Гелона и Скиеа, и что отъ нихъ-то имена и перешли къ племенамъ. А потомъ ужъ и всѣ племена, около Босфора, Киммеріи, Борисеена, Истра, Меотидскаго озера и Танаиса, были Греками и Римлянами прозваны Скиеами. Нѣкоторые полагаютъ, что и Готское слово „Скюте“ (Skythe), т. е. стрѣлокъ изъ лука, происходитъ отъ того-же корня, такъ какъ Скиены, преимущественно, славились искусствомъ стрѣлать изъ лука. Что происхожденіе Скиеовъ относится къ глубочайшей древности—съ этимъ согласны даже тѣ, которые ревниво отстаиваютъ древность Египтянъ, Халдеевъ и Финикіянъ. Изъ племенъ, обитающихъ близъ Понта они поэтому считались наиболѣе развитыми и справедливыми, но и наиболѣе жестокими. Умершихъ царей своихъ, они, ради поклоненія, возили съ необычайной пышностью по всѣмъ областямъ, до р. Герра (Gegghum), близъ источниковъ Борисеена, гдѣ, дѣйствительно, находятся огромные курганы, мѣста ихъ погребенія. Дружескій союзъ они скрѣпляли тѣмъ, что пили съ друзьями вино, смѣшанное съ кровью, ибо, нѣкогда, у нихъ почиталось дѣломъ обычнымъ и ежедневно повторяющимся, пить кровь убитыхъ враговъ, одѣваться въ ихъ кожу, какъ въ плащъ, и употреблять человѣческіе черепа вмѣсто чашъ.—Скиескіе Готы,—одного происхожденія, отъ Магога, со Скиеами, бродившими по Московіи, поселились наконецъ, въ Швеціи, гдѣ они, ведя постоянныя войны съ Германцами, или съ Кимврами, или съ Датчанами, постепенно, кажется, совершенно смѣшались съ ними. Отсюда они, въ 2598 г. отъ сотворенія міра, побуждаемые своимъ воинственнымъ духомъ и недостаткомъ земли, перешли, подъ предводительствомъ царя Бериха,

¹⁾ Нынѣшнюю Болгарію и Сербію.

чрезъ Балтійское море и, какъ бы желая, съ другой стороны, снова завоевать свое первоначальное отечество, покорили себѣ слѣдующіе народы: Эстонцевъ, Куретовъ и Улмеруговъ, т. е. Ливонцевъ, Курляндцевъ и Пруссовъ, или Генетовъ и Вандаловъ. Когда же у Готовъ, при царѣ Балтѣ, или Галтѣ (*Balthi seu Galti*) вспыхнули междоусобицы, то отъ нихъ ушли на новыя мѣста, около Валахіи, Гепиды (*Geridae*), которые, впоследствии напали на Готовъ, поддерживаемые Вандалами и Скиеами, но были побѣждены, при чемъ Гадарикъ (*Gadagicus*), царь Готовъ, объявилъ Вандаловъ—союзниками, а Скиеовъ—рабами. Скиены снова попытались освободиться, но были снова покорены Филимеромъ (*Filimegus*), вплоть до Меотидскаго озера; Филимеръ же перекинувъ мостъ черезъ Меотидское озеро, перевелъ среднюю часть войска отсюда и дошелъ, сражаясь со Скиеами, называемыми Спаліями (*Sपालі*) до Понта. Они проникли даже во Фракію, по языку нѣкогда сродственную Готамъ, и отчасти въ Грецію, подъ названіемъ Понтійскихъ Готовъ и сражались, во время Троянской войны, противъ Грековъ вмѣстѣ съ Амазонками. Объ этомъ свидѣлствуютъ, до сихъ поръ, многочисленныя громадныя, каменные столпы (*cippi*), воздвигнутыя въ Швеціи, въ честь Готскихъ героевъ, храбро сражавшихся за предѣлами отечества. Ибо Швеція, какъ гласятъ Готскіе законы, есть постоянное и неизмѣнное мѣстопробываніе Готовъ. Когда Овидій жилъ изгнанникомъ въ Понтѣ, то они владѣли Томономъ (*Томон*) и другими мѣстами, до самого лѣваго берега рѣки Истра и, даже до временъ Перекопскихъ хановъ, тамъ еще существовали ихъ вожди, происходящіе отъ завоевателей. Исторія этого народа въ скоромъ времени, надѣюсь, будетъ весьма разъяснена, когда будутъ объяснены всему міру древнія руны, высѣченныя на столпахъ (*in cippis*) и на скалахъ и которыя списываются и изслѣдуются въ Упсалѣ учеными мужами. Впрочемъ, Готы уже издревле должны были быть довольно развитымъ народомъ, ибо они вѣрили, подобно Скиеамъ, въ безсмертіе души и приводили въ восхищеніе мудрейшихъ философовъ. Позднѣе, ихъ имя было кой-гдѣ слегка измѣнено въ прозваніе „Геты“; Геты, живущіе по Борисееву утверждали, что ихъ покойники уходятъ къ демону Замолксису (*Zamolxin*) или Гевелейсу (*Geveleizem*) и тамъ становятся причастными всякихъ благъ. Отъ тѣхъ же Готовъ, которые нѣкогда отправились изъ Московскихъ областей въ Италію Испанію и еще куда-то, отдѣлились, говорить преданіе, Паряяне, положившіе первое основаніе могущественнѣйшему Паряянскому государству. Впоследствии, то весь народъ Московъ, то отдѣльныя племена изъ его состава, назывались многими, различными именами, подробный перечень которыхъ впервые составленъ Греческими писателями. Изъ него можно, до извѣстной степени, выяснитъ себѣ древ-

нѣйшій ихъ быть и простые нравы. Ибо всѣ они носятъ названіе, приуроченное къ мѣстожительству каждаго изъ нихъ: темноволосяные Агаеирсы въ пестрыхъ одеждахъ, получившіе свое названіе отъ сына Геркулеса, сосѣди Азіатскихъ Скиеовъ, которые, говорятъ, владѣли большимъ количествомъ золота и не скупы и не завистливы. Это, несомнѣнно, обитатели нынѣшней Черкасскіи (*hodiernaе Circassiae coloni*). Гелузы (*Helusii*), т. е. строящіе жилища въ болотахъ, на озерахъ, такъ какъ они населяютъ землю, чрезмѣрно болотистую, и которые представлены у Тацита, въ его древней Германіи, какъ нѣчто баснословное, по причинѣ ихъ необыкновенной одежды. Гелузы и Оксіоны (*Oxionaе*), говоритъ, именнó, этотъ писатель, имѣютъ голову и лице—человѣчьи, туловище же, руки и ноги—звѣринныя (это подобно тому, что говорятъ про нынѣшнихъ Лапландцевъ и Пермьяковъ¹⁾). Гиппофаги, питающіеся кониной, которую Татары и понинѣ употребляютъ въ пищу; Борисеениты, живущіе по р. Борисеену, т. е. сѣверной, и приносящіе жертвы по греческому обряду (*Graecorum more*) и хвастающіе своимъ происхожденіемъ отъ Милезійцевъ; Невры, также близъ рѣки живущіе, зовутся такъ отъ слова „нерва“, т. е. ременная плетка. Вблизи находятся Гелоны, происшедшіе, какъ говорятъ, отъ Гелона, сына Геркулеса. Равнымъ образомъ, занимали нѣкогда не малую часть Московія, Туссогеты или Тиссагеты, Тирсагеты и Массагеты, народы Гетскаго происхожденія. Аланы, т. е. бродячіе, кочевали около Меотидскаго озера и болотъ, пока не слились въ одно съ Готами; Агриппеи (*Agrippaei*), знаменитые своею справедливостію, говорятъ, процвѣтали въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и Абіи, жившіе у рѣки Оби (*Obii?*), послѣ того, какъ Месы²⁾ заняли Месію (*Moesiam*) у Гема (*ad Nemum*)³⁾. О нихъ говоритъ Гомеръ, въ 5-ой пѣсни Иліады, обращаясь къ Борею: „тамъ находятся, воинственное племя Фракійцевъ, любящіе войну (*rugosae*) Месы, доблестное племя Гиппомолговъ (*Hippomolgi*), и пожирающіе молоко (*lactivorique*) Абіи,—справедливѣе коихъ нѣтъ народа“. Царскіе Скиены (*Basilei*), которые, вслѣдствіе какой-то, неизвѣстной мнѣ, знатности, считаютъ прочихъ Скиеовъ своими рабами; Меланхлены, ибо они носили темную одежду, какъ это дѣлается и сейчасъ, въ Червонной Руси (*in nigra Russia*). Будины или Бодины (*Budini seu Bodini*), рыжеволосые и голубоглазые, которые нѣкогда двинулись въ Подолію (*ad Podoliam*), гдѣ великое изобиліе выдръ и бобровъ. Номады (*Nomades*), ведущіе пастушескій образъ

¹⁾ Ср. ниже, кн. IV, гл. 17.

²⁾ Изъ первоначальнаго племени Фракійцевъ выдѣлились Месы, оставшіеся въ Европѣ, въ Месіи, нынѣшней Болгаріи и Сербіи, и Мисы, занявшіе Мизію въ Малой Азіи.

³⁾ Нынѣшніе Балканы.

жизни и бродящіе по полямъ и лѣсамъ, не имѣя постояннаго мѣста жительства; Георги (Georgae), усердно занимающіеся обработкою земли, у которыхъ и женщины были обучены военному искусству; отъ нихъ, кажется, еще уцѣлѣло племя Грузиновъ, часть коего принадлежитъ Мосхамъ. Далѣе — Аорсы и Аримасны (Aorsae et Arimaspi), исторію которыхъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, нѣкогда изложилъ Аристей, учитель Гомера, въ эпической поэмѣ. Тотъ же Аристей свидѣтельствуесть, что Аримаспами были прогнаны Иссидоны, Скиены—Иссидонами, а Киммерійцы, тревожимые Скиенами, покинули страну у южнаго (australe) моря. Гамаксобы (Hamaхobii) и Иссидоны, имѣющіе обыкновеніе возить повсюду свои жилища на повозкахъ, что, и понынѣ дѣлаютъ Калмыцкіе Татары. Рифаки (Riphaces), получившіе названіе, быть можетъ, отъ Рифата (Riphat), сына Гомера, ¹⁾ или отъ сильныхъ вѣтровъ и Рифейскихъ горъ. Циги (Zygi), близъ Меотидскаго озера, получили названіе отъ легко раскальвающагося дерева, клена и багроваго цвѣта коры. Въ сосѣдствѣ съ ними, Плиніи и Страбонъ, полагаютъ Сербовъ или Сирбовъ, (Serbi seu Sirbi), которые впослѣдствіе переселились въ Сербію, страну близъ Константинополя. Также отступила вначалѣ, чрезъ Каспійскія ворота, съ цѣлью захватить государство на востокѣ, и часть Турокъ, главнымъ образомъ изъ тѣхъ частей Тартаріи и Черкассіи, которыя нынѣ подчинены Московіи. Равнымъ же образомъ, весьма заслуживаютъ упоминанія здѣсь и Амазонки (ибо они главная, домашняя гордость Русскихъ). Эти Савроматиды (Sauromatides), или Савропатиды (Saurapatides) и Эопарты (Oeopartae) ²⁾ т. е. женщины-мужеубійцы, ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ Скиеновъ, которые владѣли громадною частью Азіи, вплоть до воцаренія Ассирійскаго царя Нина, когда онѣ, перебивъ уцѣлѣвшихъ отъ вражескихъ мечей, мужей своихъ, сперва заняли пустынную страну у рѣки Термадонта (prope Thermadonta flumen), наследственное достояніе древнихъ потомковъ Мозоха. Въ этомъ мѣстѣ расположили свои жилища, изгнанные изъ своей родины партіей аристократической, Филосъ (Philos) и Сколопитасъ (Scolopytas), съ большимъ числомъ Скиенской молодежи, но будучи окружены разнаго рода преслѣдованіями, они уступили владѣнія женамъ (uxoribus), которыя впослѣдствіе помогали Троянцамъ противъ Грековъ, и въ свою очередь, получили въ помощь отъ Скиенскаго царя Сагилла (a Sagillo), громадный (ingentem) отрядъ конницы, подъ предводительствомъ Князя Печагора (Peazagora), но тѣмъ не менѣе были побѣждены Греками; когда же тѣ везли ихъ по морю, то онѣ перебили всѣхъ корабель-

¹⁾ Бытіе, гл. 10, ст. 3.

²⁾ „Ойорпаты“ по Геродоту IV, 110.

щиковъ на судахъ и ушли въ скалы у Меотидскаго озера. Дѣлая отсюда набѣги на владѣнія Скивовъ, онѣ были признаны за женщинъ, и Скивы, пренебрегая ими, предоставили своимъ юношамъ бороться съ Амазонками, которыя, выйдя за нихъ замужъ, поселились по рѣкѣ Танаису, на разстояніи трехъ дней пути отъ Меотидскаго озера и здѣсь, говорятъ, имя и храбрость Амазонокъ были въ большой славы вплоть до временъ Юлія Цезаря.—Наконецъ, особенно выдаются между тѣми племенами, копѣ имена и до нынѣ еще сохранились, Московскія племена Болгарь, Славянь и Русскихъ. Кому не ясно, что Болгаре, или вѣрнѣе, Волгаре (*Volgaros seu potius Volgaros*) получили свое имя отъ рѣки Волги, откуда они появились и распространили свое владычество и свой языкъ до самой Греціи включительно. Часть ихъ, прозванная на варварскомъ нарѣчїи Унобундоболгарами (*Unnobundobulgari*) или Контраготами (*Contragoti*), поселилась у сѣверныхъ береговъ Евксинскаго Понта и у Меотидскаго озера. Кромѣ того,—изъ этого же племени, какъ бы изъ колчана (*phagetra*), явились, по свидѣтельству Свида и другихъ, Славяне, отличающіеся, какъ уже одно ихъ названіе указываетъ, доблестью и которые, впоследствии, подъ именемъ также Булгарь и Венетовъ, заняли на громадномъ пространствѣ всѣ свободныя (*vacuas*) земли Вандаловъ. Поэтому-то лѣтописи Московъ и утверждаютъ, что Моски—Славянское племя изъ колѣна Іафетова. Здѣсь должно обратить вниманіе на то, что эти Славяне впервые привели двѣ дружины, въ Польшу и въ Богемію, большую часть коихъ, до того, занимали Вандалы. Имя же „Русскіе“, присвоенное нынѣ Московитами себѣ, происходитъ отъ славянскаго слова „разсѣяніе“ (*Rosseie*), и обозначало, уже въ древности, людей, живущихъ не кучно, а на большомъ разстояніи другъ отъ друга, вслѣдствіе чего Греки и называли ихъ—Славянами, Антами и Споріями, т. е. „разбросанными“ (*sparsi*)¹⁾.

Въ древнія времена, Рутенами (*Rutheni*), Россами (*Rossi*), Роксанами (*Roxani*) и Роксоланами (*Roxosolani*), у Плинія, Тацита и Страбона, въ разныхъ мѣстахъ ихъ сочиненій, назывались народы, занимавшіе большую часть Европейской Сарматїи и которымъ нанесъ ужасное пораженіе Митридатъ Седьмой¹⁾.

Другіе производили это названіе отъ греческаго слова Русъ (*Rus*), обозначающаго „теченіе“ или отъ слова „Риссейя“ (*Risseia*), что на Арамейскомъ нарѣчїи значить „разсѣяніе“. Не буду здѣсь распространяться о словахъ пророка Іезекїиля: „князья Россъ, Мозохъ и Фубаль“, такъ какъ Св. Іеронимъ сомнѣвается—было ли „Россъ“ собственное имя народа, или же оно обозначало только вождя.

¹⁾ Невѣрно: Митридатъ VI Великій, Евпаторъ.

Каковымъ бы истинное значеніе этого слова ни оказалось, но прокъ, кажется, имѣеть въ виду провинцію Араксъ, такъ какъ рѣчка Араксъ, по-арабски, называется Росъ (Rhos), и Иосифъ Бенгоріонъ ¹⁾ (J oserphus Bengoyon) отводитъ мѣсто Россамъ у рѣки Киръ (Cugum), которая сливается съ Араксомъ еще до впаденія его въ Грузинское или Каспійское море. А около этихъ рѣкъ Скипское государство, какъ бы начало сплотившись крѣпнуть. Перейдя отсюда черезъ Араксъ, Россы (RhoSSI) заняли Таврику, которая также стала называться по ихъ имени. Это вполне подтверждаетъ и Цецесъ ²⁾ (Tzetzes) въ своихъ историческихъ лѣтописяхъ, говоря, чт^о Тавры были племя, называемое Россами. Нѣкоторые, оспаривая это, по моему мнѣнію, неосновательно утверждаютъ, что Россія называлась у Готовъ „Русландъ“ (Rusland), т. е. страну великановъ, ибо это чудовищное потомство Энака (Enaki genus), ³⁾ по преданію, нѣкогда владѣло всѣмъ Сѣверомъ. Поэтому у древнихъ Германцевъ она называлась „Гунеландъ ⁴⁾“ или „Гунеградъ (Huneland aut Chuneograd)“, т. е. страна Гунновъ или великановъ, а также и „Острогардъ (Ostrogard)“, т. е. восточное государство, ибо Гунны, такъ же какъ и Угры (Ungri), вышли изъ мѣстностей, нынѣ подчиненныхъ Мосхамъ. Во времена императоровъ Юстиніана и Маврикія, они, для внушенія громкимъ именемъ большаго страха народамъ, выдавали себя, при первомъ своемъ царѣ Хаганѣ (Subprimo-rege Chagano) за Абарцевъ, иначе называемыхъ Аварами, Хунами (Avari, Chuni), Сарфатами (Sarfati) и Сабирами (Sabiri). Дѣло въ томъ, что въ 568 году по Р. Х., эти Гунны (Hunni), облеченные въ взъерошенныя (hirsutus) шкуры звѣрей, вторглись въ Паннонію, называя себя Аварцами, по имени вождя Авара, которому наследовалъ Хаганъ (Chaganes). Поэтому Константинъ Багрянородный (Porphyrogetus) назвалъ Славянъ Аварами, ибо, конечно, они подчинили себѣ много Славянскихъ или Русскихъ племенъ, прежде чѣмъ стали тревожить Грековъ своими набѣгами. Иорданъ Равеннскій и римскій сенаторъ Аблавій говорятъ, что первые Гунны произошли

¹⁾ Бенгоріонъ или Иос. Горіонидъ, ученый раввинъ, жившій въ началѣ XII в. въ провинціи Туръ, во Франціи. Онъ составилъ исторію Евреевъ и выдавалъ ее за трудъ Иос. Флавія. Въ 1710 г. эта исторія была надана (еврейскій подлинникъ и латинскій переводъ) I. Ф. Брейтгауптомъ. См. Іехеръ, II pag. 1077.

²⁾ Цецесъ, Іоаннъ, плодовитый греческій поэтъ, грамматикъ и историкъ, середины XII в. О немъ см. Іехеръ, IV pag. 1377 и Крумбахеръ, pag. 235.

³⁾ Потомки Энака, сына Арбы т. е. „высокорослые“. О нихъ см. Кн. Ис. Нав. XI, 21—22, XV, 13—13; Числ. XIII, 34; Втор. кн. Царст. XXI, 18—22.

⁴⁾ Съ XIII вѣка слово „Hüne“, обозначающее первоначально Гунна, получаетъ у германцевъ значеніе „великана“ вообще и употребляется и нынѣ въ этомъ значеніи т. н. „Hüne, Hünengestalt, Hünengrab“ и т. п.

отъ вѣдьмъ (*mulieres magicas*) и Скиѳовъ.¹⁾ Одни изъ нихъ, называемые Евталитами (*Eutalifae*), по словамъ Прокопія, совершенно не похожи на прочихъ и не имѣютъ никакихъ сношеній съ ними, но живутъ рядомъ съ Персами, по направленію къ сѣверу. Главный городъ ихъ называется Горги (*Gorgae*), и они одни, изъ всѣхъ Гунновъ, обладаютъ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и не безобразной наружностью. Это, кажется, нынѣшніе Грузины (*Georgii*) и Черкесы (*Circassii*). Обхожу здѣсь молчаніемъ племена Хозаровъ (*Gazargum*), Борановъ (*Boranogum*), Азаниевъ (*Asaniogum*), Влаховъ (*Blahogum*), Бастарновъ (*Bastarnogum*), Печенѣговъ (*Pescinagum seu Piesinagogum*) и Половцевъ (*Polovzogum*), и многія другія, кои нѣкогда занимали ту или другую часть Московіи, и память о которыхъ еще свѣжа. Впрочемъ, тѣ Половцы, которые жили первоначально близъ Волги, т. е. Готоланы (*Gothalani*) и Сармато-готы (*Sarmatogothii*), остатки Готовъ, были истреблены Татарами, при ихъ нашествіи на Московію въ 1202 году. Въ настоящее время, всѣ племена, подчиненныя Московскому Царю, носятъ безъ различія, одно общее названіе Русскихъ или Московитовъ, отличаясь, одно отъ другаго, развѣ лишь языкомъ, вѣрою и нравами. Для того же, чтобы еще яснѣе стало, что всѣ, выше перечисленныя, разнообразныя, дошедшія до насъ отъ глубокой древности, имена народовъ, дѣйствительно принадлежатъ странѣ Русскихъ, достаточно взглянуть на теперешнія ея границы, ибо она широко захватила собою бѣльшую часть Европейскихъ,—Сарматіи и Скиѳіи, всю Азіатскую Сарматію, и не малую часть Азіатской Скиѳіи.

Г Л А В А 3.

О мѣстопребываніяхъ Царей въ Россіи.

Не только одни Скиѳы, но и многіе другіе народы, въ первобытныя, суровыя времена, проводили счастливо жизнь не въ дворцахъ, искусно построенныхъ, согласно требованіямъ нашей изнѣженности, или въ укрѣпленныхъ городахъ, но въ малыхъ шалашахъ, крытыхъ повозкахъ, кожаныхъ шатрахъ, и подъ открытымъ небомъ. Быть-можетъ, самъ Господь незримо внушалъ имъ это, чтобы они, такимъ образомъ, мѣняя по возможности чаще мѣста своего пребыванія, двигались бы все впередъ, съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, легко уступить впослѣдствіе свою землю другимъ, не удерживаемые дорогими

¹⁾ Это не совсѣмъ вѣрно. Въ своемъ сочиненіи о Готахъ Юрнандъ (гл. 8-я) говоритъ, что Гунны произошли отъ колдуній (или вѣдьмъ) и нечистыхъ духовъ (*spiritus immundi*).

постройками и заселяли бы весь шаръ земной. Народы, занимающіеся скотоводствомъ, проводили тогда большую часть времени, кочуя по пастбищамъ, и равнымъ образомъ даже и тѣ, которые владычествовали надъ другими, не основывались прочно и надолго на какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ, но предпочитали, вмѣстѣ съ подчиненными, отыскивать новыя пастбища, и бродить тамъ и сямъ, пока, наконецъ, не рѣшались избрать себѣ постоянное мѣстожительство, какъ вслѣдствіе ослабленія страсти къ бродяжничеству, такъ и потому, что царство ихъ становилось, вслѣдствіе величины своей, неудобопередвигаемымъ. Я бы полагалъ, что во времена Скиэскаго владычества, наши Москн имѣли весьма мало городовъ, такъ какъ изъ свидѣтельствъ Плинія, Геродота, и другихъ, видно, что сами Скиѣы, даже гораздо позднѣе, занимали одинъ, или два города—не болѣе. Готскія лѣтописи упоминаютъ, подъ самыми ранними годами, о русскомъ городѣ Ротулѣ (Rotula), и нѣкоторыхъ другихъ, съ славянскими именами, въ Кареліи (Carelia) и Эстоніи (Aestonia); Птоломей считаетъ древнѣйшимъ городомъ Ольвію или Ольвіополь, т. е. блаженный городъ (онъ же назывался и Борисееномъ (Borysthenia), расположенный не то, чтобы далеко отъ племени Герровъ (Gerrhi), въ странѣ которыхъ находились древнія Царскія могилы, въ видѣ громаднхъ, земляныхъ насыпей. Въ этомъ мѣстѣ теперь воздвигнуть на, покрытомъ рощами, берегу рѣки городъ Страпенъ (Strapenos). Слѣдующимъ за нимъ городомъ былъ второй Борисеенъ (secunda Borysthenia), построенный близъ устья рѣки Борисеена, называемый также Милетополемъ (Miletropolis), такъ какъ основаніе ему положила Милетійская колонія, въ 3300 году отъ сотворенія міра. Полагаютъ, что это—нынѣшній Очаковъ (Oczasowa), которому императоръ Антонинъ Благочестивый посылалъ помощь противъ Тавроскиѣовъ (contra Taurascythas). Русскія лѣтописи говорятъ, что Московскому государству было положено начало позднѣе, близъ Новгорода Великаго (Novogrodiam magnam), Бѣлой Церкви (Bialocerkvam) и Изборска (Isborskum), братьями Варягами—Рюрикомъ, Синеусомъ (Sinao) и Труворомъ. Изъ нихъ, Рюрикъ избралъ мѣстопробываніемъ царя городъ Ладогу и Ладожское озеро, Святославъ же перенесъ отсюда столицу всего государства въ Переяславль (Pegeslavia). Впрочемъ, далеко не безосновательно мнѣніе, что этимъ городамъ предшествовалъ Кіевъ, такъ какъ Москн не припомнятъ никакого другого города, болѣе древняго. Пусть Кій, царствовавшій, по словамъ Гомера ¹⁾ (ut Homerus ait), въ 800 году, считается, какъ это вообще принято, его основателемъ,—повидимому, онъ, существовалъ еще задолго до него, но послѣ того какъ Кій чрезъ

¹⁾ Опечатка.—Рейтенфельсъ имѣетъ въ виду адъсъ Мартина Кромера.

вычайно украсилъ его, онъ очень долго былъ мѣстопробываніемъ первыхъ русскихъ Князей, хотя съ нѣкоторымъ перерывомъ, когда находился послѣдовательно во власти Литовцевъ и Поляковъ. Выситя этотъ городъ надъ Борисоеномъ, на разстояніи 30 милліаріевъ отъ Понта и блаженствуетъ отъ обилія рыбы и богатыхъ урожаевъ плодовъ—полевыхъ и древесныхъ. Жители его, нѣкогда, были до того привержены къ утѣхамъ любви (*in Venereget proclives*), что дѣвочки, на восьмомъ году жизни, уже безстыдно занимались прелюбодѣніемъ ¹⁾. Въ настоящее время, они исправились отъ этого порока и усердно предаются плаванію, рыболовству и греблѣ веслами. О томъ, что Кіевъ служилъ мѣстопробываніемъ Царей, свидѣлствуютъ множество преданій, могильныхъ памятниковъ, а также и остатковъ храмовъ и дворцовъ. Онъ дѣлится на старый и новый городъ; послѣдній, весьма мало населенный, расположенъ на верху горы, подошву которой омываетъ Борисоень и, кажется, тѣ сухія поля (*campi passi*), что находятся внизу, были нѣкогда моремъ, ибо мѣстами на нихъ находятъ якоря. Новый городъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе, замѣчательные, древніе храмы: храмъ Св. Софіи, знаменитый своими мозаиками и Царскими надгробіями; Св. Василія, съ греческими надписями, вырѣзанными на мраморѣ 1400 лѣтъ тому назадъ, но все-таки еще не вполне стершимися отъ времени, и Св. Михаила Златоверхаго, названнаго такъ отъ позолоченныхъ желѣзныхъ листовъ, въ которомъ поклоняются мощамъ Св. Варвары, покоющимся здѣсь, по словамъ Русскихъ, со временъ Никомидійской войны. ²⁾ Изъ прочихъ древностей города заслуживаютъ вполне упоминанія громадныя подземныя ходы (*meatus*), которые, кромѣ того, что стоили громадныхъ трудовъ, еще, какъ говорятъ, достойны удивленія потому, что дѣйствительно сохраняютъ внутри себя человѣческія тѣла, нисколько, отъ времени, не потерпѣвшія. На нѣкоторыя изъ нихъ, превышающія человѣческіе размѣры, нельзя смотрѣть безъ ужаса: это, вѣроятно, либо исполины, либо образцовые представители племени. Особенно же славится громадными пещерами, искусственно ли, или природою, созданными, это не рѣшено окончательно, гора, находящаяся на разстояніи полумилліарія отъ города, близъ Печерскаго монастыря (*monasterium Peczari*). Здѣсь находятся тѣла, Св. Елены или Ольги, монаха (*Monachi*) Св. Іоанна, и другихъ знаменитыхъ людей, совершенно сохранившіяся и какъ бы, понынѣ еще, дышашія. На разстояніи шести

¹⁾ О развратѣ Кіевлянъ говорятъ многіе историки. См. Закревскій—Описаніе Кіева, I, 32—33 и друг.

²⁾ Ср. Закревскій—Описаніе Кіева, I, 209 и 501.—Бопланъ видѣлъ упоминаемыя здѣсь надписи въ 1646 году. См. Beauplan—Description de l'Ukraine.

дней пути отъ этого мѣста, говорятъ, Поляки, во времена Стефана Баторія, по разслѣдованію Войнусскаго (ex indagine Voinuskii), мужа, отлично знающаго многіе языки, нашли надгробный памятникъ Овидія ¹⁾ съ слѣдующей надписью: „Здѣсь покоится вѣщій пѣвецъ (vates), которому разгнѣванный Цезарь Августъ приказалъ покинуть землю Лаціума. Часто, несчастный, желалъ онъ почить на родныхъ нивахъ, но тщетно! рокъ ему здѣсь приуготовилъ мѣсто“.

Въ другомъ же, близъ-лежащемъ городѣ они видѣли сочиненіе Цицерона о государствѣ къ Аттіку, написанное золотыми буквами. Межь тѣмъ, около 930 года, какъ мы уже упомянули выше, Святославъ Игоревичъ, перенесъ княжескій престолъ изъ Кіева въ Переяславль, знаменитый своею рыбою, которую Переяславцы и понынѣ имѣютъ обыкновеніе, по странной привычкѣ, представлять къ Царскому столу, во время вѣнчанія на Царство. Немного лѣтъ послѣ сего, Владиміръ, первый христіанскій Князь на Руси, построилъ городъ съ своимъ именемъ—Владиміръ, и опредѣлилъ ему быть Царскимъ мѣстопробываніемъ, находя, что здѣсь—средоточіе всего Царства и земля богата плодами всякаго рода, хотя въ 1001 году, при Ярославѣ, Царскій дворъ снова, какъ-бы послѣ временнаго изгнанія, вернулся въ Кіевъ. Наконецъ, съ 1300 года и до настоящаго времени, Москва сдѣлалась и пребываетъ, благодаря заботамъ и попеченію Великаго Князя Ивана Даниловича, блестящимъ мѣстомъ жительства Царей. Болѣе подробному разсказу о ней намъ еще представится ниже обширнѣйшее поприще.

Г Л А В А 4.

О войнахъ и о Царяхъ Русскихъ до Р. X.

О древнѣйшихъ Царяхъ и событіяхъ у вышеназванныхъ народовъ; занимающихъ столь обширное пространство земли, до насъ не дошло ни одного почти извѣстія за весь древній періодъ, или по меньшей мѣрѣ, эти извѣстія не ясны и не достовѣрны. Поэтому и мы, не желая прибѣгать къ какимъ либо измышленіямъ, будемъ продолжать разсказъ, употребляя названія, то Готовъ, то Русскихъ, то Скиевъ, и другія, обильно сообщаемыя современными лѣтописцами-очевидцами, до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ времени, уже болѣе близкихъ къ намъ, когда все это получаетъ болѣе прочное основаніе, яснѣе видна послѣдовательность событій, и когда мы будемъ слѣдить исключительно только за тѣмъ, что дѣйствительно мо-

¹⁾ Ср. Вельтманъ—Донъ, мѣсто ссылки Овидія Назона. (Чтенія 1866 г. кн. 2).

жетъ касаться Московскаго государства и его древнихъ повелителей. Но такъ какъ всѣ его области, въ древности, были различно раздѣлены, и границы ихъ были разнo означены, при чемъ не сохранилось остатковъ каждой въ отдѣльности, то я счелъ достаточнымъ, подробно изложить, то событіе у восточныхъ племенъ, то у западныхъ, то какого либо илемеи отдѣльно, то событія, касающіяся ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и назову имена Князей (*principum*), дабы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно обнаружилось-бы, что, за столь долгій промежутокъ времени, совершала та или другая часть Русскихъ, нерѣдко на славу другимъ племенамъ. Первоначально же сталкивались враждебно Готы и Русскіе, главнымъ образомъ однако такъ, что чаще первые были принуждаемы признать власть послѣднихъ.

Въ 2400 году отъ сотворенія міра, не касаясь здѣсь событій болѣе отдаленныхъ и затемненныхъ, отчасти вымысломъ, отчасти же отсутствіемъ показаній въ Готскихъ лѣтописяхъ, упоминается нѣкій Веспасанъ (*Vespasan*), царь Западныхъ Россіянъ (*Ruthemogum Occidentaliū*), который, говорятъ, имѣлъ пребыванія въ городѣ Фотолѣ и велъ войны со Скандивавами (*Sveonibus*). Въ 2418 году отъ сотворенія міра, во времена Моисея и Девкаліона, Свафурламъ (*Svafuglam*), царь Русскихъ (*Russogum*), лишился дочери Ливоры (*Livora*), хищнически увезенной царемъ Упсальскимъ въ Ингрію. Въ 2498 г. отъ сотв. міра, Берихъ (*Berichus*), царь Шведовъ, впервые привелъ войска, черезъ море, на противоположный берегъ и, разбивъ Ульмеруговъ, Куретовъ и Эстовъ, угрожалъ оружіемъ даже Русскимъ. Съ 2620 года отъ сотв. міра, Русскіе начали понемногу смѣшиваться съ Гепидами, частью Готовъ, отдѣлившейся отъ прочихъ, и поселившимися въ Валахи. Въ 2640 году отъ сотв. міра, Гадарикъ, царь Готовъ, одержавъ побѣду надъ Гепидами обратилъ Скиеовъ въ рабовъ, а Вандаловъ въ союзниковъ за то, что тѣ помогали Гепидамъ. Въ 2660 году отъ сотворенія міра, Филимеръ, царь Готовъ, прогнавъ Киммерійцевъ съ ихъ мѣста жительства, привелъ войска къ Меотидскому озеру и, переправивъ ихъ по срединѣ озера, черезъ него, покорилъ Спаловъ, Скиеовъ. Въ 2747 г. отъ сотв. міра, Танаузій или Таргитай, царь Гетоскиеовъ, сынъ Юпитера и дочери рѣки Борисеена, прогналъ Везора, египетскаго царя изъ Скиеи до самаго Нила, и, хотя египетскія болота помѣшали ему идти дальше, однако онъ въ теченіи многихъ лѣтъ заставлялъ большую часть Азіи платить ему дань. Сыновья этого Танавазія, Липоксайсъ, Арпоксайсъ и Колаксайсъ, раздѣлили царство между собой, и во время ихъ царствованія, говорятъ, упали съ неба золотые, воспламеняющіеся, плугъ, сѣкира и чаша, которые впослѣдствіе постоянно глубоко чтились у Скиеовъ. Въ это же, приблизительно, время, когда тщетныя усилія Троянской войны и беза-

разсудный (sosos) походъ Аргонавтовъ, неустанно волновали честолюбивою борьбою столь многихъ племень, говорятъ, Готоскиескіе цари близъ Понта, Сагилль (Sagillus) или Апенонъ (Apenon), Пенаксагоръ, Телефъ и Евтифилъ, вмѣстѣ съ Амазонками, оказывали помощь Троѣ. Тогда же говорятъ, въ Скиѣи начальникомъ Готовъ былъ философъ Зевтъ (Zeutes), преемникомъ коего, въ дѣлѣ преподаванія наукъ, былъ, нѣсколько времени спустя, Дикиней (Dicineus). Кромѣ того, въ это же, приблизительно, время, говорятъ, и Агаѳирсъ, Гелонъ и Скиѣъ, сыновья Геркулеса, основали колонію въ Сарматіи, и знаменитая (descantata) волшебница Цирце (Circe) вышла замужъ за нѣкоего Сарматскаго царя, но такъ какъ она извела своего мужа ядомъ и жестоко обращалась съ своими подданными, то была лишена власти и бѣжала въ Италію. Въ 2866 году отъ сотв. міра, Скиѣи снова вторглись въ Азію, и ихъ примѣру послѣдовали Фракіицы, Месы, Геты и Бобрики (Bobryces) и заняли въ 2978 году почти всю Виѣнію, поселивъ въ Азіи военныя поселенія (bellicas colonias). Въ 3031 г. отъ сотв. міра. Регнеръ (Regnerus), царь Швеціи, дѣлалъ разбойническіе, морскіе набѣги на владѣнія Западныхъ Рутеновъ. Въ 3132 г. отъ сотв. міра. Готебротъ (Hotebrotus), царь Готовъ, царствовалъ на всемъ протяженіи отъ Эльбы до Танаиса. Въ 3174 г. отъ сотв. міра. Боусъ (Bous), начальникъ Рутеновъ успѣшно воевалъ съ Готеромъ (Hotege sum), царемъ Шведскимъ, и вся Финляндія (Vinlandia) тогда перешла къ Русскимъ, но Родерикъ, сынъ Готера, снова подчинилъ Русскихъ себѣ. Въ 3200 г. отъ сотв. міра. Скиѣи предприняли походъ противъ Іонійцевъ (Iones). Въ это время Скиѣями повелѣвалъ, кажется, Аріантъ (Ariantes), который, съ цѣлью узнать количество своихъ воиновъ, велѣлъ каждому изъ нихъ принести по наконецнику стрѣлы, изъ которыхъ слили мѣдный котелъ, вмѣщающій въ себѣ 600 амфоръ, поставленный имъ, на память о себѣ потомству, между Борисееномъ и Гипанисомъ. Въ 3800 году отъ сотв. міра, въ царствованіе Проботита, отца Мадія, надъ Скиѣями, построенъ городъ Борисеенъ Милетійцами, въ Понтѣ, у рѣки того же имени. Въ 3815 году отъ сотворенія міра, во времена Кіаксара Мидянина, Скиѣскій царь Мадій, двинувшись вдругъ отъ Борисеена и преслѣдуя Киммерійцевъ, племя у Меотидскаго озера, захватилъ на 28 лѣтъ въ свои руки власть надъ Азіей, но, затѣмъ, ббольшая часть Скиѣовъ, сильно напоенная виномъ была обманнымъ образомъ предана Галиартомъ, царемъ Лидійскимъ и умерщвлена этимъ же Кіаксаромъ. Кажется объ этомъ избіеніи упоминаетъ пророкъ Іезекіиль, въ 32 главѣ, стихъ 26. Во время пребыванія въ Азіи, Скиѣи сильно стремились перейти въ Египетъ, но царь Египетскій Псамметихъ, въ 3820 году отъ сотв. міра, мольбами и деньгами склонилъ ихъ къ возвращенію въ Скиѣю. Когда остатки ихъ направи-

лись домой, въ 3344 году отъ сотв. міра, ихъ рабы, вступившіе тѣмъ временемъ въ бракъ съ женами своихъ господъ, преградили имъ путь, выкопавъ ровъ между Кавказомъ и Меотидскимъ озеромъ, пока, наконецъ, не были, благодаря рабскимъ свойствамъ своего духа, побѣждены дубинами (оружіемъ ничего нельзя было сдѣлать) и снова подчинены прежней власти. Въ 3380 году отъ сотв. міра. Въ области Гилея, близъ Ахиллова Бѣга ¹⁾ особенно, предъ остальными, упоминается Скиескій царь Савлій, прозвизшій стрѣлою Анахариса, Скиескаго философа, по его возвращеніи изъ ученаго путешествія домой, за то, что онъ, тайно, у себя, совершалъ жертвоприношеніе по греческому образцу. Объ этомъ Анахарисъ весьма подробно и много говоритъ Гомеръ и другіе писатели, что онъ переложилъ Скиескіе законы въ стихи и въ Аеинахъ славился у Солона своею ученостью. Между многими учеными его изреченіями, по справедливости, достопримѣчательно то, что форумъ, по его опредѣленію, есть мѣсто, назначенное для обмана и способствующее скупости, а также и то, что виноградная лоза приноситъ тройной плодъ: вождѣленіе, пьянство и печаль. Въ 3387 году отъ сотвор. міра, упоминается о Кальвидѣ (Calvidas) царѣ Скиеовъ, когда Абаридъ, гиперборейскій жрецъ Апполона, прибылъ, по порученію своего народа, въ Грецію, дабы исполнить обѣтъ, данный его отечествомъ за избавленіе отъ чумы. Почитая здѣсь Пиеагора за Апполона, онъ ему принесъ чудодѣйственную стрѣлу, благодаря которой онъ переплывалъ рѣки и освобождалъ города отъ чумы и дѣлалъ много другаго чудеснаго, по словамъ Геродота. Въ 3421 году отъ сотв. міра. Царица Томирида (сына которой Спаргапита, Персы убили раньше) разбила Кира, отправившагося съ войскомъ противъ Скиеовъ, жившихъ по Волгѣ, и у обоеихъ морей, и по рѣкѣ Оксу, и бросила голову его въ кожаный мѣхъ, наполненный кровью. Отправившись отсюда въ часть Мизіи, она выстроила тамъ городъ Тамеръ (Tamer) и назвала всю эту область Малой Скиеіею. Въ 3427 году отъ сотв. міра. Камбизъ, сынъ Кира, отправился противъ Скиеовъ, къ которымъ на помощь пришли жители города Борисеена, черезъ Босеоръ и Дунай, построивъ черезъ каждый изъ нихъ по мосту, при неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ. Въ 3493 году отъ сотв. міра. Дарій Гистаспъ, не получивъ въ жены дочь Готоскиескаго царя, Янкира, или Идантира, или, какъ другіе сообщаютъ, Антина или Индатирса, былъ завлеченъ съ войскомъ, восемью Скиескими царями въ пустыню и тамъ совершенно обезоруженъ голодомъ и утомительными переходами. Поэтому онъ съ немногими изъ своихъ вернулся изъ Скиеи во Фракію, по прошествіи 60 дней и терпя нужду во всемъ. Между

¹⁾ Теперешняя Тендера у устья Дѣвпра.

прочими, говорятъ, присоединились къ войску Индатирса въ этой войнѣ, Таксакисъ, предводитель Скиеовъ, или Массайтовъ и Скопакисъ, начальникъ Савроматовъ. Немного времени спустя, Скила, царь Скиеовъ, былъ лишенъ царства и жизни братомъ своимъ, Октомасадомъ, за то, что принялъ греческія вѣрованія. Этотъ Скила, обученный греческому языку и правамъ своею матерью Истрианкою, повелъ войско на городъ Борисеенитовъ, гдѣ и самъ' подготовилъ себѣ гибель, принимая, въ противность обычаю предковъ, участіе въ вакхическихъ празднествахъ, въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ изъ бѣлаго камня, окруженномъ изображеніями сфинксовъ и грифовъ. Онъ же написалъ полезное для здоровья наставленіе на своихъ изображеніяхъ: должно обуздывать языкъ, чрево и срамныя части (pudenda). Въ 3500 году отъ сотв. міра. Готоскиены изгнали изъ Скиеи Франковъ, или Германцевъ, число коихъ было почти невѣроятно. Въ 3600 году отъ сотв. міра. Атей, или Антей, царь Скиеовъ, хорошо знающій Фракію, отправившись съ Филиппомъ, сыномъ Амянты, былъ побѣжденъ обманномъ образомъ. Онъ же самъ утверждалъ, что ему кажется болѣе пріятнымъ, рѣзкое ржаніе кровнаго коня, нежели музыка флейтистки изъ Фивъ, такъ что послы, отправленные Филиппомъ, сообщали, что Антей, въ конюшнѣ, чиститъ, убираетъ и накрываетъ попоной лошадей и занимается этимъ, неподобающимъ царямъ, дѣломъ на глазахъ у всѣхъ. Въ это время Медампа, дочь Готилы, царя Готоскиескаго, вышла замужъ за Филиппа. Въ 3621 году отъ сотв. міра, когда Александръ Великій отправился противъ Паряевъ и въ Гирканію, Зопиріонъ, начальникъ надъ Понтомъ и все войско его погибли отъ Скиескаго оружія. Александръ, потомъ, хотъ и видѣлъ, но не побѣдилъ ихъ, отправившись уже за Вакховы грани ¹⁾. Тогда же и Фалестрисъ, царица Амазонокъ, желанная гостья, явилась къ нему, а онъ, преслѣдуя Бесса, едва не былъ засыпанъ Кавказскими снѣгами. Отправившись отсюда къ Танаису (по мнѣнію другихъ, это была Волга), онъ построилъ городъ Александрію. Царь Скиеовъ, владѣнія котораго находились тогда по ту сторону Танаиса, послалъ своего брата Харкасина разрушить этотъ городъ. Здѣсь, когда, во время сраженія съ небольшимъ отрядомъ враговъ, Александръ потерялъ своего коня, Буцефала, Скиены, чрезвычайно утрашенные его угрозами, возвратили ему его. Раньше же всего этого, пришли въ Бактріану двѣнадцать скиескихъ пословъ, начальникъ которыхъ обратился къ Македонянину съ изящною и убѣдительною рѣчью: въ лицѣ насъ—сказалъ онъ— ты имѣешь сторожей Азіи и Европы. Если-бы Танаисъ не отдѣлялъ насъ, то мы бы

¹⁾ Нынѣшняя область Балкъ, въ южномъ Туркестанѣ.

соприкасались съ Бактрой, а по ту сторону Танаиса мы населяемъ землю вплоть до Эракіи. — Когда же Александръ, немного спустя, возвратился въ городъ Маракандъ (нынѣшній Самаркандъ), то Бердесъ, посланный имъ къ Скиѣамъ, живущимъ выше Борисеена, вернулся съ послами отъ этого народа, предлагающими Александру въ супруги дочь ихъ царя. Отсюда явствуешь, что по всей Руси и Скиѣи, уже въ то время, слава объ Александрѣ была весьма распространена, хотя онъ самъ, поставилъ, какъ бы предѣлъ себѣ, на границѣ этихъ странъ. Въ 3600 году отъ сотв. міра. Готы, занимающіе часть Скиѣи, взяли въ плѣнъ преемника Александра, Пердикку, побѣжденнаго царемъ Ситалкомъ, но, нѣсколько времени спустя, съ честью отпустили его домой, вновь начали войну, и опустошили всю Македонію. За Ситалкомъ, въ рядѣ царей, слѣдовалъ Танабонтъ, а за нимъ Бороистъ, во времена котораго Дикиней философъ преподавалъ физику и законовѣдніе у Готовъ и оставилъ потомству нѣкое сочиненіе, называемое „Биллагинесъ“ (Billagines)¹⁾, ибо онъ, въ одно и то же время, былъ избранъ царемъ и верховнымъ жрецомъ Готовъ, каковой родъ сановниковъ они называли Зарабасами, Тересами т. е. Героями а также и „носящими войлочныя шапки“ (pileatos) и къ таковымъ, говорятъ, принадлежали Етеспомать, Ганала, Фридигердъ, Видикулъ и др. Надъ Восточными Скиѣами, въ это время, кажется, владычествовалъ царь Скилуръ, который, будучи отцемъ восьмидесяти сыновей, въ виду близкой своей кончины, показалъ имъ на связанномъ пучкѣ копій (которые, будучи взяты, каждое порознь, также легко ломались, насколько не было возможности переломить ихъ, когда они были связаны вмѣстѣ) что согласіе есть самая прочная опора власти. Въ 3740 году отъ сотв. міра. Эстонцы, въ соединеніи съ Русскими, сражались на морѣ съ Линдормомъ, царемъ Готовъ, который, по словамъ Корнелія, Плинія и др., отослалъ индійскихъ купцевъ, поавшихъ чрезъ Ледовитый океанъ въ Германію, къ Целеру Метеллу, намѣстнику обѣихъ Галлій. Въ 3760 году отъ сотв. міра. Фротонъ, царь Даніи, покорилъ Дорніона и Траннона, царей Куретовъ и Русскихъ (Ruthenorum) и подчинилъ себѣ русскіе города Ротолу и Палтиссу (Paltissam). Въ 3775 году отъ сотв. міра, Персей, царь Македонскій, призвалъ Бастарновъ, дабы истребить Дардавовъ. Въ 3888 году отъ сотв. міра. Скиѣи, съ самого Борисеена, помогали Митридату, царю Понтійскому, противъ Римлянъ, ибо Аппіанъ говоритъ, что Царскіе Скиѣи, Язиги, Кораллы, Эракіяны, а также и всѣ потомки Пелопса, живущіе по Танаису, Истру и Мео-

¹⁾ У Юрнанда (De orig. III, IV) „Bellagines“ — которое нѣкоторые ученые объясняютъ какъ „Wohlbehagen“ т. е. „благосостояніе“.

тидскому озеру, были дружны съ нимъ ¹⁾ и его союзникамъ; къ нимъ Страбонъ прибавляетъ еще, именно, Московъ и Киркитовъ, или Черкессовъ. Изъ тѣхъ же Скиѳовъ, которые сражались противъ вождей Митридатовыхъ, болѣе всего прославились Роксоланы, которымъ другой Скиѳскій царь, Палакъ, послалъ помощь подѣ начальствомъ Тазія, хотя, въ концѣ концовъ, Митридатъ, убивъ изъ нихъ 50000, побѣдилъ ихъ, чрезъ своего посланнаго, Діофонта. Фарнаку же, сыну Митридата, въ 3917 году отъ сотв. міра, подалъ помощь Спандинъ, царь Аорсовъ, живущихъ у Танаиса, коему современникомъ былъ Абеанъ, царекъ (*regulus*) Ситаковъ и Бродячихъ Скиѳовъ. Около этого же времени и Асандеръ, царь этихъ народовъ, укрѣпилъ Херсонесскій перешеекъ, у Меотидскаго озера, стѣною въ 360 стадій ²⁾.

Г Л А В А 5.

О войнахъ и Царяхъ Русскихъ отъ Р. X. до временъ Царицы Ольги.

Между тѣмъ Готы, проникая постепенно въ Грецію изъ Скиѳіи, пріуготовили вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы путь и прочимъ Скиѳскимъ народамъ. Ибо послѣдніе, тревожимые, до сей поры, различными внутренними междуусобицами, стали вдругъ, какъ бы съ нѣкоего рокового согласія, высылать безчисленныя вереницы войскъ противъ Римлянъ и Грековъ. Въ первые годы по рожденіи Спасителя рода человѣческаго, при императорѣ Августѣ, Далматы съ Сарматами и Бастарнами (противъ коихъ успѣшно воевалъ Кра́съ) безбожно терзали Римскую имперію, хотя, по словамъ Флора ³⁾, скоро затѣмъ Скиѳы и Сарматы, а равно и Геты и Индійцы, живущіе на самомъ югѣ, отправили пословъ къ Августу, прося о дружбѣ. По свидѣтельству Светонія, Августъ Цезарь просваталъ дочь свою Юлію за Коммозита, царя Гетовъ, а самъ, въ свою очередь, просилъ у него руки его дочери; вслѣдствіе этого союза Готы отступили изъ области Транссистрана во Фракію на 50 милліаріевъ. Тѣмъ временемъ Фротонъ Третій, царь Даніи, одержалъ побѣду надъ Западными Руссами и Гуннами. По словамъ Саксона ⁴⁾ уже въ первый день битвы рѣки русскія были наполнены трупами такъ, что по нимъ можно было удобно пройти, какъ по мосту. Бой продолжался семь дней, и во время его, было убито сто семьдесятъ

¹⁾ Митридатомъ.

²⁾ Ср. Страбонъ VII, 4, 6.

³⁾ Публий Анній Флоръ, римскій писатель конца I и начала II в. по Р. X. Его сочиненіе *Bellarum Romanorum libriduo* имѣетъ много изданій.

⁴⁾ Грамматика.

мелкихъ царьковъ, Гуннскихъ, или союзныхъ съ ними. Посему Фридлевь, сынъ этого Фротона, нѣкоторое время, властвовалъ надъ Русскими. Между тѣмъ на Русь напалъ кулачный боецъ (rugil) Старкатель и, побѣдивъ Царя Флока, отнялъ у него много сокровищъ. Въ 72 году по Р. Х. Въ то время какъ Роксоланы, при Веспасіанѣ, опустошали Мизію, Гервигъ, Царь Западныхъ Руссовъ, былъ разбитъ въ страшно-кровавой битвѣ, Филмеромъ изъ Швеціи, съ помощью Самогитовъ, Ульмеруговъ и Куретовъ. Дѣло въ томъ, что Готы, по совѣту героя Старкатера, надѣвъ деревянныя сандаліи, обезопасили себя совершенно отъ тѣхъ колючекъ ¹⁾ (tribulus), которыя были разбросаны Русскими, а Старкатель побѣдилъ Визинна, кулачнаго бойца Русскихъ въ единоборствѣ. Но по смерти Филмера, Гервигъ, въ свою очередь, свергнувъ сына его, Нордіана, и подчинилъ себѣ, при этомъ, бѣльшую часть Швеціи, откуда, впрочемъ, немного времени спустя, Гервигъ Младшій былъ снова изгнанъ. Въ 85 году. Гаптъ или Дорпаней, по прозванію Анзъ или Полубогъ, царь Готовъ, принудилъ императора Домиціана платить ему дань и умертвилъ его посла Фуска со всею легиономъ. Въ 119 году. Императоръ Адріанъ, предпринявъ походъ въ Мизію (Mysiam) противъ Роксалановъ и Сарматовъ, одержалъ надъ ними верхъ, благодаря конницѣ изъ Батавовъ, которую онъ имѣлъ при себѣ и которая ихъ весьма устрашала. Въ 179 году они снова возстали, и императоръ Маркъ Аврелій также успѣшно побѣдилъ ихъ. Въ 242 году. Готы и Сарматы, живущіе между Танаисомъ, Евксинскимъ Понтомъ и Данубіемъ, стали тревожить окраины имперіи и тѣмъ принудил императора Гордіана платить имъ ежегодную дань. Когда же императоръ Филиппъ, болѣе храбрый, отказалъ имъ въ ней, то они, въ 248 году, вторглись въ Мизію и Паннонію; особенно славился тогда царь Скивовъ, Аргунтъ. Въ 254 году. Послѣ того какъ въ болотѣ погибъ, сражавшійся противъ Готовъ и Скивовъ, императоръ Децій, римскій народъ, дабы заключить миръ, обязался уплатить врагамъ двѣсти тысячъ драхмъ. Тѣмъ не менѣе, они подвергли Фракію, Дарданію и Македонію, жестокому опустошенію, между тѣмъ какъ Западные Руссы вели упорную войну съ Аттилою Третьимъ, королемъ Шведскимъ. Мало того: отсюда Готы нанесли страшное пораженіе и всяческій уронъ Понту и Азіи, расхитили сокровища храма Діаны Ефесской, обратили его въ пепель и вернулись домой съ бо-

¹⁾ Такъ называемые „волчцы“ или „якирцы“—по малороссійски. Это—небольшіе снаряды, употреблявшіеся преимущественно для того, чтобы дѣлать невозможнымъ нападеніе конницы. Извѣстны съ древнѣйшихъ временъ. Снарядъ состоялъ изъ трехъ, иногда четырехъ, острыхъ шиповъ, соединенныхъ такъ, что, какъ бы его ни бросали, одинъ шипъ всегда торчалъ острымъ концемъ вверхъ. Въ русскихъ памятникахъ онъ еще называется „чеснокомъ“, „рогулькою“.

гатѣйшей добычей. Въ 269 году. При императорѣ Клавдіѣ, они, проходя мимо Византіи, разграбили Халкедонію, Никомидію, Нихею и другіе города. Тогда именно—говоритъ Свидя—у рѣки Тира собралось до 320 тысячъ Скиеовъ, къ коимъ присоединились Герулы, Певчесты (Peucesti) и Готы; съ 900 кораблями они явились въ Понтъ и, сперва тщетно пытались взять города Томень и Марціонополисъ, попавъ же въ тѣсный проливъ Пропонтиды, корабли ихъ разбились о скалы, и большая часть ихъ погибла. Остальные же, доплывъ до Кизика и обогнувъ гору Аеоъ на исправленныхъ судахъ, тщетно осадили Кассандрію и Фессалонику. Отсюда они спустились въ Средиземное море, всѣ поразѣялись и, различнымъ образомъ, погибли. Уцѣлѣвшіе же примкнули къ римлянамъ и обратились къ земледѣлію. Въ 379 году. Ерманарикъ, царь Готовъ, побѣдившій Геруловъ и Славиновъ, будучи уже старикомъ 110 лѣтъ, былъ убитъ, ударами кинжала въ бокъ, двумя братьями, Саромъ и Амміемъ, изъ Гуннскаго рода Россомановъ, мстящими ему за сестру. Ибо Ерманарикъ, покорившій какъ передаетъ исторія Швеціи, себѣ Скиеовъ, Геруловъ, около Меотидскаго озера, Венетовъ, Вандаловъ и Эстонцевъ, незадолго до сего, приказалъ растерзать лошадьми Суніель, женщину благороднаго происхожденія, но развратную, мужъ которой тайно перешелъ на сторону Гунновъ ¹⁾). Въ 280 году. Императоръ Пробъ побѣдилъ въ битвѣ сперва Сарматовъ, Бастарновъ и другихъ варваровъ, вторгшихся въ Иллирію, а вскорѣ послѣ сего переселялъ 100000 изъ нихъ на римскую землю. Въ 319 году. Константинъ Великій, разбивъ царя Сарматовъ, Равзимода, заключилъ миръ съ врагомъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы 40000 Сарматовъ воевали бы за императора, каждый разъ, когда въ этомъ будетъ нужда. Вслѣдствіе сего они, нуждаясь дома въ войнахъ, такъ какъ Скиены угрожали имъ войною, вооружили своихъ рабовъ, которые, потомъ, обратили оружіе на нихъ самихъ (что, говорятъ, у этого народа производилось неоднократно) и присвоили себѣ даже, въ отсутствіи своихъ господъ, ихъ женъ, и дочерей. Когда герои возвращались домой, то они ихъ не пустили туда, и тѣ, прогнанные дубинами обратились въ количествѣ 300000 человекъ, къ Константину Великому, который и расселилъ ихъ по Скиеи, Фракии, Македоніи и Италиі. Здѣсь, кажется, будетъ умѣстно привести разсказъ изъ Новгородскихъ лѣтописей, излагающій событіе совершенно схожее съ этимъ, ибо,—говоритъ лѣтопись—въ то время въ Угличѣ, одномъ изъ княжествъ Россіи, часть рабовъ возмутилась, и немедленно выстроился городъ Хлопій—градъ, т. е. городъ рабовъ, существующій и понынѣ ²⁾). Въ

¹⁾ Ср. Иорнадъ, De origin. etc. VIII.

²⁾ Ср. ниже, кн. IV, гл. 16.

341 году. Дагеръ Второй, король Шведскій, также покорилъ Руссовъ, убивъ Ретона, ихъ морскаго разбойника, а также и Дановъ; когда же первые снова возстали, то Аларихъ и Ингемаръ, наслѣдники Дагера, снова подчинили ихъ себѣ. Въ 369 году. Императоръ Валентъ купилъ за деньги миръ у Атанарика, царя Остроготовъ, послѣ трехлѣтней войны. Въ 376 году. Гунны, живущіе по ту сторону Меотидскаго озера, напали на Алановъ, заселившихъ пустыя мѣста у Скиеовъ, но, будучи ими отброшены, проникли черезъ Истръ въ тѣ области, откуда бѣжали Готы. Тогда Винитарій, царь Готовъ, прозванный Скиеами, Аланомъ, т.-е. собакою, былъ побѣжденъ Валаміромъ, царемъ Гунновъ и убитъ имъ же. Императоръ же Валентъ, сторонникъ ученія Арія, какъ предсказалъ ему Св. Исаакій, былъ осажденъ въ Константинополѣ тѣми Готами, коимъ онъ разрѣшилъ поселиться во Фракіи, и живо сожженъ въ сельской хижинѣ, въ которой онъ заперся. Силы Гунновъ между тѣмъ все росли и, въ 395 году, часть ихъ, впервые, двинулись чрезъ Кавказскія ворота ¹⁾ отъ Танаиса и Меотидскаго озера, въ Арменію, другая же часть, съ каждымъ днемъ все шире и шире захватывала часть Европы, межъ тѣмъ, какъ Готы, которые до тѣхъ поръ занимали большую часть Россіи, Аланы, Гунны и Гепиды, вели кровопролитнѣйшія войны между собою. Въ этихъ, и другихъ, войнахъ, многимъ изъ Московскихъ племенъ неизбѣжно пришлось также участвовать, между тѣмъ, какъ весь Скиео-Сарматскій сѣверъ управлялся безчисленными мелкими царьками, какъ это всѣмъ, конечно, извѣстно. Въ 409 году, когда Гунны овладѣли большою частью Московскихъ областей, Гульдинъ и Саръ, предводители Гунновъ и Гепидовъ, просили помощи у Римлянъ противъ Радагайса, самаго жестокаго изъ всѣхъ Готовъ ²⁾. Въ 437 году. Подчинилъ себѣ Руссовъ, въ незначительной и не кровопролитной битвѣ, Ингемаръ Второй, король Швеціи, вождь, пользующійся громадною славой безупречности, такъ что даже враги бывали рады подпасть подъ его власть. Въ 451 году. Послѣ пораженія Атилы на Каталаунской равнинѣ (противъ него тогда сражались вожди: Сангипанъ—Алановъ, Валаміръ—Остроготовъ и Ардарикъ—Гепидовъ, вмѣстѣ съ Римлянами), сѣверныя племена, какъ бы совершенно сбросивъ съ себя всякія оковы и цѣпи, снова стали захватывать прежнія свои владѣнія. Въ 460 году. По смерти Атилы, Дуридій, предводитель Гунновъ, разбитый Остроготами Валаміромъ и Θεодеміромъ, бѣжалъ въ Скиею съ остатками Гунновъ. Въ 489 году. Такъ какъ большая часть народовъ уже освободились отъ страха передъ Гуннами, то,

¹⁾ Около нын. Дербента.

²⁾ Ср. Иорнандъ. De successione temporum, XIV.

равнымъ образомъ, и Гепиды, Булгары и тѣ пѣзъ Остроготовъ, которые двинулись изъ Месіи (Moesia) къ землямъ Италіи, мало-по-малу сбросили съ себя это иго. Въ 499 году. Булгары изъ сѣверныхъ странъ, племя раньше неизвѣстное, проникли вплоть до Фракіи, но умилостивленные дарами императора Анастасія, немного отступили, имѣя въ виду снова вернуться впоследствии. Въ 522 году. Пока Гунны владычествовали надъ Херсонисомъ, Славяне, также Скиѣское племя, напали на Истрію, Булгары же въ 539 году на Месію. Въ это же самое время братья Лехъ и Чехъ, отдѣлившись отъ Славянъ, съ двумя дружинами, ради занятія новыхъ земель, положили, какъ говорятъ, основаніе двумъ знаменитымъ королевствамъ—Польскому и Чешскому, которыя до тѣхъ поръ были густо заселены Вандалами, ведущими свое начало отъ Германцевъ. Въ 552 году, Руссы вспоминаютъ въ своихъ лѣтописяхъ, что они выступили противъ императора Юстиніана, въ качествѣ союзниковъ царя Тотилы, вмѣстѣ съ сосѣдями—Готами изъ Скандинавіи, что подтверждаетъ и Дмитрій ¹⁾, посоль Московскій къ папѣ Клименту VII, прибавляя, что Готы и Скиѣны тогда жестоко обращались съ своими врагами, истязая ихъ такимъ образомъ, что прогоняли сквозь растянутое тѣло ихъ кольца, пока, наконецъ, Нарзесъ въ послѣднемъ и кровопролитнѣйшемъ сраженіи, гдѣ особенно храбро вели себя Лангобарды, не побѣдилъ Тотилу. Въ 582 году. Между тѣмъ какъ Хаганъ, царь Аваровъ, вмѣстѣ съ Славянами, сильно тревожилъ Фракію, значительная часть Руссовъ сдѣлалась данниками Алгота Второго, короля Шведскаго, побѣдившаго ихъ вождя Ротера. Этотъ же Алготъ присоединилъ къ своему владѣнію и Мевниговъ, или, живущихъ на сѣверѣ Сатировъ или Пигмеевъ, то-есть, Лапландцевъ. ²⁾ Въ 608 году. Артусъ, король Шведскій, встревожилъ Московъ тяжелой войной. Въ 679 году. Булгары снова тронулись на Западъ изъ сѣверныхъ прибрежій Евксинскаго Понта и, пройдя съ побѣдоноснымъ оружіемъ въ рукахъ, громадное пространство, заставили императора Константина заключить, противъ желанія, миръ, съ уплатою дани, причемъ императоръ отдалъ имъ для поселенія Малую Месію, гдѣ нынѣ находятся Сербія и Болгарія. Въ 685 году. Бюргеръ, король Швеціи выстроилъ Выборгъ, сильное укрѣпленіе противъ Руссовъ, и отнялъ у нихъ Карелію съ частью Фінляндіи (называемую Финнами—Веннаія, ³⁾ т. е. какъ-бы, страна Венедовъ). Въ 703 году. Булгары, посе-

¹⁾ Дмитрій Герасимовъ, прозванный Толмачомъ и Схоластикомъ, толмачъ Посольскаго Приказа, посланный съ дипломатическими порученіями въ Вѣну, Данію, Пруссію, Римъ и Швецію. Онъ сообщилъ много свѣдѣній о Россіи П. Ювію и Герберштейну.

²⁾ См. ниже, кн. IV, гл. 17.

³⁾ A Vinnis Vennais etc.

лившіеся въ Месіи, подкрѣпленные новыми силами изъ Московской родины, вывезли снова богатую добычу изъ Фракіи. Въ 728 году, при греческомъ императорѣ Львѣ Исавріянинѣ, впервые упоминаются въ русскихъ, преимущественно, источникахъ, конечно, насколько сами Русскіе смогли припомнить столь отдаленныя, дошедшія до нихъ, свѣденія, первые Князья Русскіе, три брата, Кій, Щекъ и Хоревъ, съ сестрою Лебедью. Изъ нихъ Кій, либо впервые основаль, либо устроилъ (inaugavit) Кіевъ, Щекъ — Щековицу, Хоревъ—Хоревицы, впоследствии прозванную Вышеградомъ, и, наконецъ, Лебедь, на одноименной съ нею рѣкѣ, Лебедѣ, городъ Лыбедь, каждый совершенно самостоятельно. Въ тѣ времена, Руссы держали вождей прочихъ мелкихъ народовъ у себя въ подчиненіи. По имени Хорева, безъ сомнѣнія, на древнемъ Вандальскомъ языкѣ, и понинѣ еще употребляемомъ крестьянами у насъ, въ Курляндіи, Мосхи и до сей поры зовутся Кривингами, а Россія—Креваземьемъ. За симъ, въ 744 году, полчища Гунновъ снова вторглись въ Паннонію на пастбища (расса) Римлянъ, при чемъ нельзя отрицать того, что съ ними вмѣстѣ пришло не мало людей изъ областей, нынѣ подчиненныхъ Московіи, такъ какъ подъ иго Гунновъ раньше подпали многія Русскія племена. Въ 810 году, императоръ греческій Михаилъ Куропалать вель, съ переменнымъ успѣхомъ, войну съ Болгарами, поддерживаемыми Русскими. Тѣ же Русскіе помогали Крунну, царю Болгарскому, при взятіи имъ богатѣйшаго города Мезембриа ¹⁾, когда онъ нанесъ императору страшное поражение. Въ 840 году, Витзеркъ, сынъ Датскаго короля Регнера, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, царь Востока, т. е. Руси, отвоевавъ многое у Шведовъ, былъ подъ конецъ сожженъ Даксономъ, другимъ княземъ Русскимъ. Въ это же время Инго, король Шведскій, отгѣснилъ Русскихъ, ищущихъ новыхъ земель на сѣверѣ. Остальные же Русскіе, у озера Ильменя, просили совѣта, относительно выбора вождя, у Гостомысла, который тогда уже сильно возвысилъ свою родину, городъ Новгородъ, давно прославившійся могуществомъ и судопроизводствомъ. Не имѣя потомства мужскаго пола, послѣдній, обладая необыкновеннымъ умомъ и благородствомъ души, посовѣтоваль Русскимъ избрать себѣ князей изъ чужестранцевъ. Такимъ образомъ были чрезъ посланныхъ отъ народа призваны, приблизительно въ 860 году ²⁾, для управленія Западной Русью, братья, Рюрикъ, Синіевъ или Синавъ, и Труворъ, родомъ Варяги, т. е. князья Вандальскіе или Венетскіе, изъ области Варія (ex provincia Varia), коихъ Гостомысль зналъ за соединяющихъ

¹⁾ Незначительные остатки сего города въ Бургасскомъ округѣ Восточной Румеліи.

²⁾ Въ 862 г.

въ себѣ мудрость съ ловкимъ обращеніемъ; въ Южной Руси же владычествовали, въ это время, Аскольдъ и Дирь. При этомъ, Рюрикъ, положившій въ Россіи начало царскому роду, называемому Беалымъ или, вѣрнѣе, Біалымъ (Bealam seu potius Bialam), взялъ въ свое управленіе Новгородъ и основалъ свою царскую столицу на Ладожскомъ озерѣ, Синіевъ или Синавъ основалъ городъ на островѣ въ озерѣ Бѣлоцерквѣ (Bialocerkvae) ¹⁾ Труворъ, взявъ себѣ Псковъ, сѣлъ въ Изборскѣ (Isburgi). Братья, какъ говорятъ, вели свой родъ отъ римскихъ императоровъ. Въ это же время, по словамъ Цедрена, Восточные Руссы, отъ самыхъ Таврическихъ горъ, осадили Константинополь, на безчисленныхъ корабляхъ, большая часть коихъ была, однако, уничтожена бурями. Немного же спустя, вѣроятно, въ 867 году, императоръ Василій Македонянинъ отправилъ архіепископа для обращенія Русскихъ въ христіанскую вѣру, но эта попытка не имѣла успѣха. По смерти же братьевъ, Рюрикъ распредѣлилъ, передъ собственною кончиною, всѣ области между своими военачальниками однако такъ, что предоставилъ главную власть, всетаки, сыну своему, Игорю.

Г Л А В А 6.

.Объ Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и Владимірѣ Великомъ.

Игорь Рюриковичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ власть, до сего раздѣленную межъ многими, именно: по совѣту Олега, опекуна своего, и благодаря его стараніямъ, онъ призвалъ Аскольда и Дира, князей Южной Руси, изъ Кіева, какъ будто бы для мирнаго совѣщанія, злокозненно умертвилъ ихъ и завладѣлъ городомъ и дворцомъ царскимъ. Чтобы еще лучше закрѣпить за собою власть, онъ въ 904 году, взялъ себѣ въ супруги Ольгу, внучку Гостомысла, благороднѣйшей отпрыскъ благороднаго корня. Въ 941 году онъ, совершивъ много другихъ славныхъ дѣлъ, соединившись съ нѣкоторыми Скиѣскими царьками, сильно встревожилъ Константинополь большимъ флотомъ, откуда направилъ оружіе на Гераклею и даже на Никомидію, послѣ того, какъ Романъ, императоръ Восточный, у Византіи, уничтожилъ его корабли метаніемъ въ нихъ греческаго огня. Но, обложивъ Древянъ, народъ, платящій ему дани, чрезмѣрно тяжелыми сборами, онъ былъ предательски убитъ ихъ княземъ Маломъ ²⁾,

¹⁾ Описка вмѣсто „Бѣлоозерѣ“.

²⁾ Въ подлинникѣ онъ названъ „Малдиттомъ“ (Malditto). Ошибка эта, думаемъ мы, принадлежитъ переписчику или наборщику, а въ подлинной рукописи Рейтенфельса, вѣроятно, стояло: „a principe illorum Mal dicto“ т. е. „ихъ княземъ, по имени Маль“.

оставивъ малолѣтняго сына Святослава на попеченіи Ольги, благо-разумнѣйшей изъ матерей.

Ольга, пока подросталъ сынъ, отдавалась всецѣло, съ великимъ рвеніемъ, дѣлу, не только утвержденія власти, но и увеличенію ея, какъ можно болѣе. Такъ она, въ началѣ своего вдовства, намѣре-ваясь, вполнѣ справедливо, отмстить Древлѣнамъ и принести успокои-тельную жертву душѣ мужа, приказала зарыть живыми въ землю по-словъ, отправленныхъ къ ней, когда Малъ посватался къ ней, и хитро скрывая свои планы, отвѣчала чрезъ пословъ, что она испол-нить желаніе князя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ ней были при-сланы отъ нихъ самые знатные люди, съ которыми она и перегово-рить. Когда же пришло 50 человекъ, самыхъ знатныхъ, то она, при-гласивъ ихъ, подъ личиною гостепріимства и согласно съ обычаями своего народа въ баню, сожгла ихъ тамъ всѣхъ до одного.

Одновременно съ этимъ, она обѣщала прибыть скоро вмѣстѣ съ по-слами и потребовала, чтобы къ ея пріѣзду приготовили, какъ можно больше, меду. Но, когда она съ отрядомъ избраннѣйшихъ воиновъ своихъ, прибыла въ область Древлѣнъ, то она перебила, вышедшихъ къ ней на встрѣчу съ медомъ и другими дарами, 5000 знатнѣйшихъ мужей, напоивъ ихъ пьяными (своимъ же она передъ этимъ запре-тила пить что-либо). Затѣмъ она объявила, что намѣрена уйти отъ города ихъ Коростеня, все это время ею осаждаемаго, и потребовала чтобъ каждый житель принесъ ей три голубя и столько же воробьевъ, какъ бы въ вознагражденіе за отступленіе. Получивъ птицъ, она при-вязала къ ихъ перьямъ зажженные свѣтильни съ напитаннымъ сѣрю, сухимъ древеснымъ трупомъ; когда птицамъ была дана свобода летѣть, то онѣ направились, каждая къ своему гнѣзду, и во всемъ городѣ одновременно вспыхнули безчисленные пожары. Въ это самое время, Ольга напала на Коростень, объятый пламенемъ и дымомъ и легко овладѣла имъ, ибо немногіе были готовы оказать сопротивленіе. Какъ въ этомъ, такъ и во многомъ другомъ, она выказала вполнѣ свой проницательный умъ, легче, нежели парусъ, принаравливающийся¹⁾. Въ 958 году она, отправившись съ богатыми дарами въ Константи-нополь къ императору Константину, сыну Льва, возбудила благород-нѣйшую страсть къ себѣ въ Іоаннѣ Цимисхіѣ, бывшемъ тогда глав-нымъ начальникомъ войска, и дабы не показаться доблестному влюб-ленному черезъ чуръ жестокою, она упросила его, сперва, согласно собственной доброй волѣ, посвятить ее въ тайны Христіанской Вѣры. Когда же Іоаннъ, по крещеніи ея²⁾ въ которомъ она приняла святое

¹⁾ Подразумѣвается „къ обстоятельствамъ“.

²⁾ Въ 957 г.

имя Елены, потребовалъ себѣ награды за свои труды, то она, ссылаясь на духовное родство (ибо онъ былъ ея крестнымъ отцемъ), остроумнѣйшимъ отказомъ, отклонила отъ себя цѣпи супружества, такъ что самъ Цимисхій вынужденъ былъ сказать: „я опускаю руки, побѣжденныя достохвальной хитростью твоею“. Эта же героиня, немного времени спустя, отправила пословъ къ императору Оттону Великому, прося прислать епископовъ для наставленія въ вѣрѣ дикаго своего народа, кои черезъ нѣсколько лѣтъ и прибыли въ Россію. Послѣ долгихъ, но тщетныхъ, стараній утвердить Христіанскую Вѣру въ своемъ отечествѣ и, особенно, обратить въ нее сына своего Святослава, Ольга, предсказавъ свою кончину, умерла въ Кіевѣ и была тамъ погребена; въ слѣдующемъ же вѣкѣ, при Владимірѣ, она была причислена къ лику святыхъ.

Святославъ Игоревичъ, отправившись въ 971 году, противъ Грековъ, очутился въ столь худомъ положеніи, что былъ вынужденъ заключить, противъ желанія, миръ. Ибо Русскіе, все чаще и чаще дѣлавшіе еще до того набѣги, опять явились въ Болгарію съ войскомъ въ 880,000 чел., намѣреваясь тамъ прочно основаться, но, по крайней мѣрѣ, какъ свидѣтельствуется о томъ Цедренъ, были силою оружія побѣждены при Іоаннѣ Цимисхій, тогда уже императорѣ, Вардою, стоящимъ во главѣ войскъ, и почти вытѣснены изъ предѣловъ Болгаріи. Впрочемъ, имъ была уступлена область, нѣкогда населенная Трибаллами, и миръ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Святославу предоставлялось возвратиться домой въ совершенной невредимости, а Тавроскнеамъ безпрепятственно торговать съ Римлянами,—наконецъ, чтобы они были приняты въ число союзниковъ Римлянъ. Въ этой войнѣ, въ высшей степени блестяще, проявилась храбрость Варды, военачальника Грековъ: онъ разсѣкъ мечемъ надвое нѣкоего Скиаа, великана, и тѣмъ внушилъ прочимъ немалый страхъ. Когда императоръ Іоаннъ, подъ городомъ Доростоломъ, звалъ Святослава на поединокъ, то тотъ, не надѣясь на сомнительный, необезпеченный, славный, исходъ, отвѣчалъ, что онъ лучше врага своего знаетъ, сколько ему надо прожить и его воинамъ. По окончаніи войны, императоръ съ торжествомъ возвратился въ Константинополь и въ торжественномъ шествіи провезъ чрезъ весь городъ образъ Пресвятой Дѣвы, поставленный на колесницахъ, запряженныхъ четырьмя лошадьми и наполненныхъ добычею, отнятой у Болгаръ, съ слѣдующей надписью, золотыми кованными буквами: „Иисусъ Христосъ, Царь Царей“. Святославъ, послѣ сего, перенесъ свою столицу изъ Кіева въ Переяславль, говоря: „пусть будетъ мое мѣстопробываніе посреди моихъ владѣній; ибо изъ Греціи мнѣ сюда привозится золото, серебро, вина и разные плоды; изъ Венгріи (Угріи)—серебро и кони; изъ

Россіи—кожи, воскъ, медъ и рабы¹⁾. Отнявъ все таки у Болгарь, по Дунаю, 80 крѣпостей, онъ снова, въ лицѣ сына своего, Владиміра, храбро сразился, съ греческимъ императоромъ. Около 978 года ¹⁾ онъ разбилъ Печенѣговъ (Pecunigos), варварское племя и, въ настоящее время, тревожащее Кіевъ набѣгами. Кажется, они назывались такъ отъ острова Певка на рѣкѣ Истрѣ, ибо, въ то время, они жили тамъ и близъ устья Дуная. Но въ другой разъ, взявъ Святослава въ сраженіи въ плѣнъ, Куря (Cures), князь Печенѣжскій и Боссинскій, предалъ его смерти и сдѣлалъ себѣ изъ его черепа чашу (что, точно также, сдѣлалъ Круннъ, царь Болгарь съ головою императора Никифора) съ слѣдующей надписью: „ища чужаго, потерялъ свое собственное²⁾“. Такимъ образомъ, храбрый князь и по смерти, какъ бы совѣтовалъ врагу умѣренность, ибо далъ ему костяную чашу, вмѣсто золотой. Нѣтъ сомнѣнія, что Святославъ отличался сильной любовью къ крайне суровому образу жизни, такъ какъ онъ, весьма свѣдущій въ военномъ искусствѣ, очень благоразумно усилилъ, какъ бы стальными законами, у себя военную дисциплину, благодаря которой поддерживалось и всегда будетъ поддерживаться благосостояніе народовъ. Такъ, онъ лишилъ воиновъ котловъ для варки пици, постелей и мягкихъ подстилокъ, какъ способствующихъ измѣненности. Мало того, онъ самъ, какъ-то, изъ драгоценнѣйшихъ даровъ греческаго императора, выбралъ себѣ лишь грубую одежду и оружіе. Свое царство онъ раздѣлилъ между сыновьями на три части такъ, что Ярополку достался Кіевъ, Олегу—Древляне и Переяславль, Владиміру же—Новгородъ.

Владиміръ Святославовичъ, уступая сначала могуществу Ярополка (убившаго брата своего Олега), бѣжалъ къ Варяжскимъ князьямъ. Приободренный ими и поддерживаемый ихъ силами, онъ двинулся противъ Ярополка, причемъ, взявъ приступомъ городъ Псковъ, насильно, скорѣе потащилъ, нежели взялъ, себѣ въ жены, Рохмиду, дочь Псковскаго (Plescoviensis) воеводы Рогволода ³⁾, въ рукѣ которой ему было отказано. Послѣ сего, онъ убилъ брата, бѣжавшаго изъ Кіева, по измѣнническому совѣту нѣкоего Блуда, и уже отдавшагося во власть его, дабы царствовать одному. Вслѣдствіе сего онъ первый сталъ именовать себя Царемъ т.-е. полновластнымъ правителемъ и господиномъ (regem ac dominum) всей Руси и передалъ этотъ титулъ потомству. Презрѣвъ Кіевъ и Переяславль, онъ нарекъ столицей государства новый городъ, Владиміръ, имъ выстроенный. Будучи язычни-

¹⁾ Въ 968 г.

²⁾ Въ 973 г.

³⁾ Рогволодъ былъ князь Полоцкій Рохмида-Рогнѣда.

комъ, онъ, говорятъ, имѣлъ четырехъ женъ и 300 наложницъ. Возобновившюся въ это время, войну съ Печенѣгами, нѣкій малорослый москочитъ счастливо окончилъ, сойдясь съ Печенѣгомъ громаднаго роста, въ единоборствѣ, получивъ предварительно и благоприятное предвѣщаніе по гаданію. А именно, онъ перерѣзалъ ножомъ горло Печенѣгу, когда тотъ, вслѣдствіе собственной тяжести, упалъ на землю, размахнувшись для удара по врагу. — Тѣмъ временемъ искорки Христіанской Вѣры, которыя со временъ Ольги таились подъ пепломъ, стали мѣстами вспыхивать и, не знаю, кто вдругъ возбудилъ во Владимірѣ такое рвеніе, что онъ разослалъ почти по всему земному шару пословъ, помышляя о выборѣ себѣ новой вѣры. Между тѣмъ какъ въ столь важномъ дѣлѣ, усердно, чрезъ своихъ пословъ, наперерывъ предлагали свои услуги, въ разныхъ мѣстахъ, многіе цари—Магометане, Татары, Христіане и особенно Римскій Первосвященникъ и Кесарь, успѣшнѣе всѣхъ оказались хлопоты греческаго императора Василія. Онъ, именно, послалъ къ Владиміру знаменитаго у грековъ философа и богослова, Кира, который, въ настоящее время, почитается у Русскихъ святымъ, и Киръ, объясняя Царю изображеніе Страшнаго Суда, поставленное предъ глазами его, возбудилъ въ душѣ его неуспяную тревогу. Вторгшись, межъ тѣмъ, въ Таврику, гдѣ и понынѣ еще видны слѣды прежнихъ властителей ея, генуэзцевъ, Владиміръ, чрезъ семь лѣтъ, съ помощію Анастасія, архіепископа Корсунскаго, овладѣлъ ею, и вскорѣ пожелалъ вступитъ въ бракъ съ Анною, сестрою императоровъ Василія II-го и Константина X-го. А такъ какъ онъ не могъ иначе достигнуть желанной цѣли, то онъ и принялъ христіанство, причемъ тотъ же Анастасій крестилъ его, въ 980 году отъ Рождества Спасителя ¹⁾, и онъ принялъ новое имя—Василія. Городъ Корсунъ и другіе, которые онъ захватилъ въ Греціи, онъ возвратилъ императору, какъ то было раньше условлено съ обѣихъ сторонъ. Рассказываютъ, что когда онъ передъ самымъ крещеніемъ, уже по прибытіи царевны Анны, сталъ колебаться, то лишился зрѣнія, но вскорѣ, по настоянію Анны, обмывшись освященной водой, одновременно прозрѣлъ, тѣлесно и душевно. При возвращеніи домой, онъ захватилъ съ собою Анастасія, Льва и другихъ греческихъ священнослужителей, монаховъ, музыкантовъ, разнаго рода ремесленниковъ, книги и славянскія письмена. Дома, онъ всѣхъ языческихъ боговъ, или идоловъ, предалъ огню на истребленіе, главнаго же бога Перуна, т.-е. громовержца, онъ приказалъ, привязавъ къ хвосту лошади, стащить, чрезъ весь Новгородъ, въ рѣку; Русскіе же, будучи еще язычниками, провожали его со слезами,—столь непреодолимо, почти, сует-

¹⁾ Въ 988 г.

вѣріе людскихъ умовъ! Засимъ, остальные подданные, по приказанію, и даже подъ вліяніемъ угрозъ Царя, собрались всѣ въ назначенный день, и тутъ, какъ разсказываютъ нѣкоторые, Левъ, первый митрополитъ Кіевскій, явилъ чудо, такъ какъ варвары требовали такового, ввергнувъ, для доказательства истинности Христіанскаго Ученія, въ пылающій огонь Писанія Св. Евангелистовъ и вынувъ ихъ оттуда, нисколько не поврежденными. Въ это же самое время, священники, стоя на скамьяхъ и мостикахъ, построенныхъ въ рѣкѣ Борисеенѣ, совершали таинство крещенія надъ толпящимся, въ безпорядкѣ кругомъ ихъ, народомъ, причемъ одну кучку людей называли Петрами, другую—Васильями, третью—еще какимъ либо именемъ. Въ 985 году Владиміръ, воюя съ Мечиславомъ I, королемъ Польскимъ, тоже христіаниномъ, отнялъ у него много областей и, наконецъ, въ большой битвѣ, одержалъ верхъ надъ врагомъ¹⁾. Близясь къ смерти и намѣреваясь привести дѣла государства въ порядокъ, дабы оставить все въ мирномъ состояніи взрослымъ сыновьямъ, онъ, чисто по отечески, счелъ нужнымъ раздѣлить между ними царство. Такимъ образомъ въ славное, отеческое наслѣдство достались: Вышеславу—Новгородъ, Изяславу—Полоцкъ, Святополку—Туровъ, Ярославъ—Ростовъ (впрочемъ, послѣдній, по смерти брата Вышеслава, правилъ Новгородомъ, передавъ Ростовъ Всеволоду), Святославу—Муромъ, Мечиславу—Древляне, Борису—Владиміръ, Глѣбу—Тмутаракань, Станиславу—Смоленскъ, Позвизду—Псковъ, Судиславу съ нѣсколькими, младшими братьями—Волянъ, Кіевъ, Берестовъ. Но, какъ всегда бывало, что именно равно одаренные начинали воевать между собою, такъ и эти братья стали вести кроволитнѣйшія войны другъ противъ друга, и не только сами, но и ихъ потомки. Владиміръ же, покончивъ со всѣмъ земнымъ въ 1005 году²⁾, былъ впослѣдствіи также причисленъ своими къ лику святыхъ.

Г Л А В А 7.

О Святополкѣ, Ярославѣ, Изяславѣ, Святославѣ³⁾, Михаилѣ, Всеволодѣ.

Святополкъ Владиміровичъ, убивъ братьевъ Бориса и Глѣба и захвативъ ихъ удѣлы, сѣлъ княжить въ Кіевѣ, но не долго наслаждался этимъ счастьемъ. Около этого же времени нѣкій Русскій, Хризохпръ, по свидѣтельству Цедрена, подошелъ со многими тысячами своихъ къ Константинополю и, переплывъ Пропонтиду, разбилъ

¹⁾ Въ 981.

²⁾ Въ 1015.

³⁾ У Рейтенфельса—Стославъ (Stoslaus)

римскій флотъ, но, потомъ, былъ побѣжденъ у Лемноса и понесъ достойное, за свою дерзость, наказаніе.

Ярославъ Владиміровичъ отличаясь предъ прочими ¹⁾ доблестью и правя одинъ удѣлами, военной силой, отнятыми у Святополка, первый сталъ называться Монархомъ т.-е. Единодержавцемъ (Eдинovладecz). Съ Болеславомъ Храбрымъ, т. е. отважнымъ, королемъ Польскимъ, онъ въ 1018 г. испыталъ непостоянство военныхъ успѣховъ. Въ 1026 г. онъ, выступивъ противъ Константина, императора Востока, побѣдилъ въ единоборствѣ Редедю, вождя Корсунянъ, хотя раньше сего, былъ, со всѣмъ своимъ флотомъ, разбитъ императоромъ, метавшимъ въ него огонь. Тогда, именно, говорятъ, и Печенѣги (Patzinacae), соединившись съ другими, совершили набѣгъ на Болгарію. Въ этотъ же промежутокъ времени прибылъ въ Россію и Св. Олафъ, король Норвежскій, своими же съ престола сверженный (сестра коего, Ингрида ²⁾, дочь короля Шведскаго Олафа, была замужемъ за Ярославомъ), и пытался русскими силами вернуть себѣ отцовскій скипетръ, но былъ убитъ своими въ самомъ началѣ сей попытки. Въ 1032 году, выше-помянутое русское племя, Печенѣги, снова опустошили Месію и все побережье Иллиріи пожарами до самой Корциры. Тѣмъ временемъ Казиміръ I, король Польскій сочетался бракомъ съ Маріей Доброгѣвной, сестрой Ярослава, принявшей впослѣдствіи католичество. Въ 1041 году, Ярославъ напѣ раздѣлилъ все царство между пятью, оставшимися въ живыхъ, сыновьями, такимъ образомъ, что Изяславу достался Кіевъ, снова ставшій столицею государства, Святославу—Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Игорю т.-е. Григорію—Смоленскъ и Владиміръ, Вячеславу—Псковъ и Новгородъ. Снова между братьями, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, происходила ожесточенная борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ изъ-за главенства, пока, наконецъ, Владиміръ, сынъ Всеволода, по смерти всѣхъ остальныхъ, не присвоилъ себѣ всей власти.

Изяславъ Ярославичъ сильно тѣснилъ въ многочисленныхъ бояхъ братьевъ, а равно и Половцевъ и Казаковъ (когда они возстали, то онъ однихъ лишилъ зрѣнія, другихъ—жизни) и, наконецъ, самъ палъ въ битвѣ жертвою войны, выдавъ ранѣ сего дочь, Вячеславу, за Болеслава II, короля Польскаго. Половцы были народъ, граничащій съ Русскими на Востокъ и Югъ и неоднократно, перейдя Тагаисъ, наносили большой ущербъ Мосхамъ; они же доставляли русскимъ знатнымъ людямъ удобные случаи для возстанія противъ ихъ князей. Когда Святославъ Ярославичъ, занявъ городъ Кіевъ, захватилъ

¹⁾ Подразумѣвается „князьями“

²⁾ Иначе „Ингигерда“.

высшую власть себѣ, то Михаилъ Святополкъ Изяславичъ послѣдовалъ за двоюроднымъ братомъ въ очереди правленія. Онъ выдалъ свою дочь, Зонславу, замужъ за польскаго короля Болеслава Кривоустаго, съ помощью котораго, наконецъ, овладѣлъ опять Кіевомъ, такъ какъ сынъ Изяслава, брата его, по возрасту своему, не могъ еще царствовать.

Всеволодъ Владиміровичъ, по смерти брата Вячеслава, будучи сильнѣе прочихъ князей, захватилъ власть надъ государствомъ, причемъ правилъ имъ такъ, что вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ, временами, то властвовалъ надъ всѣми княжествами вмѣстѣ, то надъ отдѣльными изъ нихъ, состоя все-таки данникомъ Болеслава, короля Польскаго.

Г Л А В А 8.

О Владимірѣ, Мстиславѣ, Ярополкѣ и другихъ до Романа.

Владиміръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ, при жизни отца еще, началъ распространять о себѣ славу доблестными дѣяніями, присоединилъ къ Смоленску, Кіеву и другимъ областямъ, Владиміръ, изгнавъ оттуда своего дядю и велъ войну съ Гейзой II (Geisa), королемъ Венгровъ и его братьями, Владиславомъ и Стефаномъ. Въ 1043 году онъ, за убійство, неизвѣстно какого-то знатнаго Скнеа, отправилъ громадное войско противъ императора Константина Мономаха, но будучи отбитъ на морѣ и на сушѣ, причинилъ своему народу весьма большіе убытки на долгое время. Въ 1048 году, при томъ же Константинѣ, ему подчинились Печенѣги, которые, хотя и приняли христіанство, однако вскорѣ вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія, покинули мѣста, гдѣ они жили съ разрѣшенія императора и вернулись снова въ Московію, откуда неоднократно тревожили Византійскую имперію разнаго рода набѣгами, пока, въ 1053 году, не предпочли сему мирный договоръ на 300 лѣтъ. Въ это время, говорятъ, Владиміръ завоевалъ Каффу, или Θεодосію, знаменитую венеціанскую колонію, и, сваливъ, въ единоборствѣ, съ коня Германна, правителя сего города, снялъ съ него тяжелую золотую цѣпь, узланную жемчугомъ и драгоценными камнями. Впослѣдствіи онъ завѣщалъ на вѣчныя времена, чтобы эту цѣпь, знатное доказательство его храбрости, русскіе Цари, при вступленіи на царство, торжественно бы надѣвали на себя, и присоединилъ къ ней еще поясъ и вѣнецъ (diadema), узланый золотыми бляхами, жемчугомъ и драгоценными камнями; все это хранится въ Москвѣ и въ настоящее время. Когда же онъ снова сталъ угрожать Константину войною, то императоръ отправилъ

къ нему послами, Неофита, митрополита Эфесскаго, съ двумя другими епископами, а также и намѣстника Антиохійскаго и Іерусалимскаго, архимандрита Евстаѳіа, съ драгоценнѣйшими дарами, а именно, частицею отъ Креста Господня, золотою короною, чашею изъ камня сардоникса, оплечьемъ (humerale), украшеннымъ множествомъ драгоценныхъ камней, и золотымъ ожерельемъ, при чемъ, заключивъ мирный договоръ, преподнесъ ему титулъ Царя, т.-е. Самодержца. Въ 1065 г. Скиены Узы (Scythae Vzi) вадумали было съ 600000-мъ войскомъ потревожить Фракію и Грецію, но были уничтожены, частью чумою, частью же силами Болгаръ, Русскихъ, а также и Печенѣговъ. Въ 1075 г. Димитрій, нѣкій русскій Князь изъ прочихъ (reliquis), принялъ римскую вѣру. Въ 1097 г. Коломаннъ, король Венгерскій, объявилъ Русскимъ войну, но былъ побѣжденъ Митсодемомъ (Mitsodem), предводителемъ Гунновъ. Тогда же, кажется, и Владиміръ вторично отобралъ Владиміръ у дяди своего Святополка, когда тотъ, съ помощью Коломана, вторгся туда и избилъ тамъ болѣе 12¹ князей. Половецкихъ съ безчисленными ихъ воинами. Долгое время испытывалъ онъ измѣнчивость счастья въ войнѣ и съ Инго, королемъ Шведскимъ. У этого Владиміра, рассказываютъ Русскіе, былъ конь, ведшій свой родъ, чрезъ длинный рядъ поколѣній, отъ Александрова Буцефала, который обыкновенно двигался, опустивъ голову и развѣсивъ уши, когда же чувствовалъ, что на немъ сидитъ его господинъ, то, на глазахъ всѣхъ, онъ, воспрянувъ духомъ, несся во весь опоръ, потрясая землю топотомъ своихъ копытъ, и отважно стремился на встрѣчу врагу. Кромѣ того, онъ, занимая почетное мѣсто въ конюшнѣ, выгонялъ другихъ лошадей, кусая ихъ и брыкаясь. Умирая, Владиміръ раздѣлилъ царство между сыновьями Мстиславомъ ¹⁾, Ярополкомъ и Георгіемъ, при чемъ, однако, одному принадлежала высшая власть надъ другими.

Мстиславъ Владиміровичъ сѣлъ было въ 1116 году въ Кіевѣ на княженіе, но, похищенный вскорѣ послѣ сего смертью, оставилъ все въ наслѣдство своему брату.

Правленіе Ярополка Владиміровича, унаслѣдовавшаго престолъ отъ брата, было омрачено необычайными кровопролитными происшествіями, такъ какъ русскіе Князья, преслѣдуя въ душѣ различныя цѣли, раздирали братоубійственными руками внутренность государства, на подобіе гибельнаго и неожиданнаго Татарскаго погрома, такъ что власть, какъ бы по волѣ слѣпо горока, произвольно то находилась у одного изъ Князей, то у другого, то отнималась. Въ 1122 году, однако, Скиены, опустошившіе Фракію съ громаднымъ войскомъ, были побѣждены Іоанномъ Комненомъ. Историкъ Никетъ замѣчаетъ о

¹⁾ Отъ 1125 по 1132 г. У Рейтенфельса онъ названъ „Мечиславомъ“ (Micislaus).

нихъ, что они раздѣлялись на нѣсколько племенъ и повиновались не одному вождю, изъ чего явствуетъ, что то были Татары въ соединеніи, несомнѣнно, съ нѣкоторыми русскими племенами. За симъ Ярополкъ, вмѣстѣ съ другими русскими Князьями, повелъ воиновъ противъ Поляковъ, своимъ игомъ обременявшихъ Русскихъ, но былъ захваченъ въ плѣнъ Влостовичемъ, польскимъ сенаторомъ, изгнаннымъ королемъ Болеславомъ и просившимъ у Ярополка защиты и убѣжища, въ то время, когда ѣхалъ какъ-то по деревнѣ, съ небольшимъ отрядомъ тѣлохранителей, и отвезенъ живымъ къ Болеславу. Освобожденный за громадный выкупъ изъ плѣна и клятвенно обещаваъ хранить миръ, онъ, желая отплатить тою же монетою, ибо желаніе отмстить ваяло верхъ въ душѣ его, послалъ нѣкоего Венгерца, (Hungarum) или вѣрнѣе, Московита, отлично знающаго венгерскій языкъ, который притворился также навлекшимъ на себя гнѣвъ своего государя и велѣдствіе сего изгнаннымъ, и получилъ отъ Болеслава, для прокормленія своего, городъ Вислицу. Когда же король отправился въ городъ Бамбергъ на свиданіе съ Лотаремъ, императоромъ римскимъ. то этотъ Венгерецъ, распустивъ слухъ о предстоящемъ нападеніи Русскихъ на Польшу, убѣдилъ знатнѣйшихъ гражданъ, что Болеславъ велитъ имъ, какъ можно скорѣе, свозить свои богатства въ Вислицу, какъ безопасное мѣсто. А между тѣмъ онъ тайно извѣстилъ Ярополка, который, явившись съ дружиною, захватилъ городъ и громадные въ немъ богатства, при чемъ произошло кровопролитнѣйшее избіеніе знатнѣйшихъ поляковъ. Болеславъ, прославившійся до сего времени 47-ю побѣдами, желая отмстить за столь возмутительное дѣло, потерпѣлъ около 1139 года, въ сраженіи близъ Галича, такое пораженіе, что едва спасся самъ, при помощи одного воина, на его лошади. Сколь справедливо, поистинѣ, воздалъ Господь каждому за его, говоря словами Еннія, гнусныя, торгашескіе пріемы, при военныхъ дѣйствіяхъ. Въдъ и Ярополкъ, вмѣсто награды, лишилъ своего венгерца зрѣнія и языка, дабы показать, что начальники любятъ предательство, но ненавидятъ самихъ предателей. Въ это время и особенно послѣ смерти Ярополка, происходили тѣ страшныя междуусобицы межъ русскими Князьями, о которыхъ я выше упомянулъ. Въ 1140 году. Москвитяне, ставъ немного болѣе дружелюбными къ Польскому народу, помогали Владиславу II, собирающемуся вести войну съ тревожащими его братьями. Въ 1150 году, въ царствованіе Эриха Святого во Швеціи, Москвиты съ Ливонцами занимались морскимъ грабежомъ вдоль Шведскихъ береговъ. Вскорѣ послѣ сего они даже проникли до столичнаго города Упсалы, ибо Гольмъ (Holmia) ¹⁾ въ то время еще не былъ выстроены.

¹⁾ Т.-е. Стокгольмъ, который основанъ въ половинѣ XIII ст. До него столицами Швеціи были Бирка, Сигтуна, Упсала и др.

Межь тѣмъ нѣкій Всеволодъ, а вскорѣ за нимъ, Игорьъ, были, правда, на короткое время, Царями въ столичномъ городѣ Кіевѣ. Послѣ ихъ изгнанія, имъ обладали послѣдовательно иные братья—Изяславъ и Георгій. Въ 1158 году Ростиславъ, князь Смоленскій, занялъ это мѣстопробываніе (sedem) Царей. Его свергнулъ Изяславъ Давидовичъ, который самъ вскорѣ послѣ сего былъ прогнанъ Георгіемъ, хотя, по смерти Георгія, онъ снова захватилъ власть въ свои руки. Послѣ нихъ прославились по Россіи Владиміръ, а за нимъ Мстиславъ Изяславовичъ, а равно и Глѣбъ, князь Переяславскій, и Романъ Смоленскій, между тѣмъ какъ Ярославъ и Святославъ Черниговскіе вели упорную войну другъ противъ друга изъ-за престола (de solio). Въ 1164 году ¹⁾ Андроникъ Комнень, еще не будучи императоромъ, бѣжалъ въ Галичъ, городъ, бывшій, по замѣчанію Никета, намѣстничествомъ (torarchia) Русскихъ или Гиперборейскихъ Скивовъ, и княземъ коего дважды былъ Коломанъ, сынъ Венгерскаго короля Андрея Второго, погибшій чрезъ нѣсколько лѣтъ въ походѣ противъ Татаръ. Въ 1168 году. При Шведскомъ царѣ Канутѣ, городъ Сигтуна, нѣкогда главный, разрушенъ огнемъ и мечемъ Рутенами, Корелами и другими, производящими морскіе грабительскіе набѣги внутрь Швеціи до самаго озера Меларна. Въ это время, кажется, Русскіе отвезли въ Москву серебряные ворота Сигтуны ²⁾. Тѣмъ временемъ Рюрикъ Мстиславичъ ³⁾ захватилъ Кіевъ, занятый Половцами, которыхъ Татары прогнали съ ихъ мѣстъ жительства, но, вскорѣ, вслѣдствіе зависти другихъ русскихъ Князей, былъ схваченъ и заключенъ въ монастырь, при чемъ ему наследовалъ братъ его, Святославъ. Въ 1200 году. Влахи и Команъ (это — слова Никета) во Фракіи, опустошили лучшія части сей провинціи и, быть-можетъ, подошли бы со стороны суши къ самымъ воротамъ главнаго города Византіи, если бы Русскіе, нанхристіаннѣйшій, христолюбивѣйшій народъ, и ихъ Князья, частью по собственному побужденію, частью же по просьбамъ священниковъ, не вступились, съ поразительнымъ усердіемъ, за Римлянъ, сжалившись надъ христіанскимъ народомъ, съ которымъ варвары дурно обращались, и возмущенные тѣмъ, что по нѣсколько разъ въ годъ они уводили оттуда плѣнниковъ и продавали ихъ народамъ языческимъ.

Ростиславъ же и Владиміръ, сыновья Рюрика, пока жили подъ покровительствомъ Романа, князя Владимірскаго и Галицкаго, способ-

¹⁾ Въ 1188 г.

²⁾ По видимому, это такъ называемые „Шведскіе ворота“ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. См. Аделунгъ—Корсуянскіе врата, и т. д. стр. 147 и слѣд.

³⁾ Ростиславовичъ.

ствовали увеличенію власти ихъ покровителя, который, переселясь вмѣстѣ съ ними, изъ Кіева въ Галичъ, тѣмъ самымъ, какъ бы перенесъ на него и право на названіе столицы. Впрочемъ этотъ городъ былъ вскорѣ снова занятъ Коломанномъ. Этотъ Романъ, сущій Неронъ для Россіи, полагая, что должно прежде всего подчинить себѣ крупныхъ рыбъ ¹⁾ дабы, вполнѣдствіи, съ бѣльшимъ удобствомъ, покорять лягушекъ, повелѣлъ умертвить знатнѣйшихъ вельможъ государства, говоря, что никто не можетъ вполнѣ безопасно вкусить меда, если не будутъ убиты сперва пчелы. Въ 1205 году ²⁾ онъ, однако, погибъ самъ близъ города Завихоста (Zavichost) въ битвѣ противъ Лешка Бѣлаго, князя Польскаго (Poloniae principem).

Г Л А В А 9.

О Владимірѣ, Георгій, Александрѣ, Даніилѣ, Львѣ и нашествіи Татаръ.

По кончинѣ Романа, государствомъ сталъ править, по праву наслѣдства, Владиміръ Рюриковичъ, противъ котораго Лешко Бѣлый, вмѣстѣ съ тремя другими Русскими Князьями, предпринялъ, еще при Романѣ, за Коломанна, короля Венгерскаго, чрезвычайно кровопролитную войну. До сего времени, значительная часть Литвы была подчинена Русскимъ, которымъ Литовцы, вслѣдствіе извѣстной своей бѣдности, платили дань вѣниками, т. е. пучками изъ распускающейся березы, употребляемыми въ баняхъ, и которые заставляли Литовцевъ, вмѣсто лошадей или быковъ, таскать повозки или плуги. Въ это же время, послѣ появленія, незадолго до сего, надъ Танаисомъ и Россією, зловѣщей кометы, внезапно появились Татары, народъ до 1202 года въ Европѣ неизвѣстный, и находившійся до сего въ рабской зависимости отъ другихъ народовъ, и стали подчинять безчеловѣчному игу бѣльшую часть русской земли. А именно, Чингизъ-Ханъ, негодуя на рабское положеніе своего народа, не имѣющаго подъ игомъ Парянь, ни собственныхъ законовъ, ни собственнаго царя, взялся, побуждаемый сновидѣніемъ, за оружіе и, съ крайнихъ предѣловъ Скиѣи, быстро двинулся впередъ и овладѣлъ, отчасти самъ лично, отчасти же потомки его, самимъ царствомъ Парянь, существовавшимъ еще со временъ Александра Великаго, при чемъ завѣщаль своимъ на вѣчныя времена впередъ, надменнѣйшее правило: не заключать мира ни съ какимъ народомъ, отказывающимъ имъ въ повиновеніи. На мѣстѣ царства Парянь, Татарскій ханъ Влуханъ вполнѣдствіи

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно „семгъ (salmones)“.

²⁾ Романъ Мстиславовичъ убитъ въ 1206 г.

основалъ царство Заволжское. Отсюда, какъ бы изъ нѣкоей военной крѣпости, были высланы безчисленныя полчища противъ Европы и, прежде всего, противъ Московіи. Такъ, въ 1228 году, Батый, называемый также Заинханомъ (Zainchan), внукъ Чингизъ-хана, двинулся на сѣверъ, а другіе два брата его, Юсхай¹⁾ и Чагатай, отправились къ рѣкѣ Тигрь и на югъ; въ это же время и Ердэивиль князь Самогетовъ, отнялъ у Русскихъ Новгородъ. Первоначально Татары раздѣлялись на семь народностей: собственно Татары (т.-е. остатки, быть можетъ, Гунновъ), Тангуры, Кунаты, Талаиры, Сонихи, Монги и Тибеты,—впослѣдствіи же, размножившись до безконечности, они распространились почти по всему шару земному. И не были Мосхи въ состояніи завоевать Заволжскаго царства и освободиться вполне отъ Татарскаго ига до тѣхъ поръ, пока тѣ постепенно не заняли снова Китай (Sinus), откуда они исторглись, и не начали заселять часть Индіи. Многіе полагаютъ, основываясь на 4-ой книгѣ Ездры, главѣ 13, что эти Татары произошли отъ тѣхъ десяти колѣнъ Израильскихъ, коихъ увелъ въ 3300 году, отъ сотворенія міра, Салманассаръ въ равнины Арсареевъ (самрос Arsaareth), гдѣ никогда не обиталъ родъ человѣческій. Къ сему присоединяется еще и то, что Китайскія лѣтописи относятъ возникновеніе Татарской династіи почти къ этому же самому времени, а также и то, что у нѣкоторыхъ изъ этихъ Ордъ и до сей поры сохранились многіе Іудейскіе обычаи. Другіе принимаютъ Измаилтянъ за одно съ Турками и Гуннами (что также дѣлаетъ, замѣтилъ я, Никетъ), нѣкоторые, наконецъ, считаютъ ихъ потомками Магога. Отъ нихъ ведутъ свое происхожденіе, не только нынѣшніе персидскіе шахи, но даже и султаны Оттоманской имперіи. Это послѣднее мнѣніе, кажется, слѣдуетъ предпочесть всѣмъ остальнымъ. У нихъ, въ глубокой древности, заботы по управленію государствомъ (cura regiminis) препоручались четыремъ высшимъ совѣтникамъ (consiliariis): Ширму (Schirm), Барну (Barni), Гаргну (Gargni) и Ципзану (Tsipzan); называлось это Уланъ (Vlan) т.-е. великій царскій совѣтъ. Говорятъ, что такой образъ правленія примѣняется въ Китаѣ и въ настоящее время. По языку они родственны съ Турками, что явствуетъ, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ, употребляемыхъ, по большей части, Турками, съ небольшимъ только измѣненіемъ: Ханъ—т.-е. царь, Султанъ—сынъ царя, Бей—князь, Мурза—сынъ князя, Олбудъ—человѣкъ знатнаго происхожденія, Олбоадулу—сынъ знатнаго человѣка, Саидъ—первосвященникъ, Кси—частное лицо и т. д.—Вотъ этими-то Татарами, вторгшимися въ Россію, Владиміръ Рюриковичъ, могущественнѣйшій между прочими Князьями, по безчеловѣч-

¹⁾ Октай.

номъ уничтоженіи войска, былъ захваченъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Романовичемъ и другими Князьями. Столь мало, повидимому, имѣеть значенія престолъ даже у чужихъ племенъ! Въ 1235 г. ¹⁾ былъ взятъ городъ Москва, гдѣ, по убіеніи тамошняго Князя Георгія, вскорѣ былъ выбранъ Александръ. Этихъ двухъ Князей, какъ я замѣтилъ, впервые стали называть въ исторіяхъ Князьями, какъ города Москвы, такъ и Московскаго княжества. Владиміра же, въ плѣну у Могора, т.-е. Великаго Хана, видѣли доминиканскіе монахи, посланные отъ римскаго папы Иннокентія IV къ Великому Хану (*Vsumcasanum*) ²⁾, и которымъ эти варвары обѣщали, въ теченіи пяти лѣтъ, не нападать на христіанъ. Склонить ихъ къ крещенію, однако, никоимъ образомъ не могли. Мало того, весьма легко ихъ привлекли въ свое нечестіе (*perfidia*) Магометане, убѣдивъ ихъ, глупцовъ, въ томъ, что Ейсса Рохода, т.-е. Исусъ есть Духъ Божій, а Магометъ Россолай т.-е. что Магометъ есть справедливость Божья. Засимъ, когда Владиміръ, убѣжавъ изъ плѣна, сталъ вооруженною силою вновь захватывать Кіевъ, то Скирмунтъ и Тройнатъ, князья Литовскіе съ большимъ мужествомъ одержали верхъ надъ Балаклаемъ и Курдассомъ, посланныхъ Батыемъ. Въ такой сумятицѣ и горестномъ положеніи Россіи, многіе выдающіеся города, Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, вслѣдствіе благопріятнаго положенія дѣлъ, вновь расцвѣли въ самовластныя республики, избравъ у себя сенатъ.

Тогда и Рингольтъ, сынъ Тройната, одержавшій блестящую побѣду надъ Русскими и Татарами, стремясь къ славѣ и расширенію предѣловъ власти, первый сталъ усиленно добиваться титула Великаго Князя Литовскаго и Русскаго. И Татары, ббльшая часть коихъ уже прочно поселилась и основала столицу свою на Таврическомъ полуостровѣ, отнятомъ у Половцевъ Готскими князьями, стали налагать суровое иго на Россіяны. Смотри по тому, какова была добрая воля сихъ варваровъ, Князья Московскіе либо получали удѣлы, либо заключались въ темницу. Мосхи до того были лишены почти всякаго права суда, что не могли даже, хотя заслуженно, наказывать за уголовныя преступленія, а съ рабскимъ трепетомъ ожидали изъ Крымскаго дворца молніеподобнаго приговора. Когда Татарскіе послы въѣзжали въ городъ, то Московскіе Князья, пѣшкомъ, несли имъ на встрѣчу кобылье молоко и овесъ, преклонивъ колѣна, выслушивали приказаніе Хана и, если изъ чаши проливалось немного молока на гриву коня, то языкомъ слизывали его, наконецъ, должны были пла-

¹⁾ Въ 1237 г.

²⁾ Въ этомъ же смыслѣ употреблено это выраженіе у Олеарія (кн. V, гл. 29), гдѣ онъ говоритъ про одного персидскаго шаха, что „онъ имѣлъ прозваніе *Usus cassan* т. е. Великій Шахъ“.

тить ежегодную дань въ видѣ громаднаго количества денегъ, дорогихъ мѣховъ, одеждъ, во что бы то ни стало. Поэтому они и нынѣ дерзко требуютъ для себя того же.

Даниилъ Романовичъ, князь Кіевскій, ревнуя славѣ Рингольта и недовольствуясь названіемъ Великаго Князя, принялъ латинскіе обряды и былъ первымъ королемъ Русскимъ, вѣнчаннымъ въ 1246 году папскимъ посломъ Опизо ¹⁾. Но призрочное сіе королевское достоинство скоро кончилось при сыновьяхъ его, Львѣ и Романѣ, снова обратившихся въ греческій расколъ. Даниилъ занялъ Люблинъ, знатный польскій городъ и многіе другіе, но и самъ былъ, съ переменнымъ счастьемъ и успѣхомъ, тревожимъ Миндогомъ, княземъ Литовскимъ. Не менѣе суроваго врага онъ имѣлъ и въ Наримундѣ, другомъ князѣ Литовскомъ, который, говорятъ, первый придумалъ литовскій гербъ—всадника, да еще къ тому же, съ копьемъ. Въ 1259 году Татары снова подъ предводительствомъ Ногая и Телебуга опустошили Россію и Польшу, увозя многія тысячи христіанъ въ вѣчное и крайне тяжелое рабство, хотя, наконецъ, понесли отъ Болеслава Стыдливаго, знаменитѣйшаго короля Польскаго, такое пораженіе, что Поляки наполнили девять громадныхъ мѣшковъ ушами убитыхъ враговъ. Даниилъ же нашъ скончался въ 1266 году.

Левъ Даниловичъ, ведшій въ 1280 году войну противъ Поляковъ, основалъ въ Россіи городъ Леополисъ (Leopolin) ²⁾. Въ 1290 году Тургиллъ, опекунъ Биргера, короля Шведскаго, напалъ на Россію съ моря, и съ суши, и отнялъ у нихъ Корелію и обратилъ ее, до того языческую, въ христіанскую страну, при чемъ воздвигъ въ защиту сей области крѣпость Выборгъ. Въ этомъ же вѣкѣ стали впервые въ Польшѣ и Россіи чеканить монету и, притомъ, кажется, изъ кожи, по почину (auctore) Венчеслава, короля, сперва Венгріи и Богеміи, а затѣмъ, и Польши, между тѣмъ какъ, до сего, эти народы вели торговлю посредствомъ простаго обмѣна вещей, или же на вѣсъ золота и серебра.

Г Л А В А 10.

Объ Іоаннѣ Даниловичѣ, Іоаннѣ Ивановичѣ, Дмитріи, Василии и Георгіи.

Іоаннъ Даниловичъ, по смерти бездѣтнаго брата своего Льва, первый возвелъ Москву, около 1300 года ³⁾, на степень митрополіи и столицы болѣе обширнаго княжества, главнымъ образомъ по совѣту

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ—этотъ нунцій называется Пизономъ.

²⁾ Лембергъ или Львовъ

³⁾ Въ 1328 г.

митрополита Петра, такъ какъ въ этомъ городѣ былъ похороненъ нѣкто Алексѣй, прославившійся у Русскихъ своей святостью и чудесами. Въ 1304 году, Гедиминъ, Великій Князь Литовскій, двинувшись съ войскомъ противъ Русскихъ Князей, нанесъ имъ сильное пораженіе. Этотъ Іоаннъ былъ прозванъ русскими Калитою, т.-е., собирателемъ подаяній, ибо постоянно носилъ, привѣшенную сбоку, котомку, полную щедрыхъ подачекъ. Іоаннъ Ивановичъ, заступившій мѣсто отца, царствовалъ весьма недолго, такъ что едва ли о его дѣяніяхъ что-либо занесено въ исторію.

Дмитрій Ивановичъ, вмѣстѣ съ братомъ, Симеономъ, Тверскимъ Княземъ, сдѣлалъ довольно удачную попытку свергнуть съ шеи Россіянъ ярмо Татаръ, которое они терпѣливо несли въ теченіе цѣлыхъ 150 лѣтъ. Въ 1350 г. ¹⁾ Москвитины вели войну, довольно успѣшную, съ Магнусомъ Смехомъ, Королемъ Шведскимъ. Сперва они ему для вида обѣщали золото за миръ, но потомъ послали желѣзо, передѣланное въ стрѣлы. Въ 1359 году, большая часть Русскихъ Князей съѣхалась у Авдула, Хана Заволжскихъ Татаръ, для оказанія ему почестей; Дмитрій же, послѣ сего, разбилъ, въ двухъ битвахъ, Татарскаго Хана Мамаю, при чемъ, говорятъ, въ первомъ сраженіи было убито 200.000 человекъ съ каждой стороны ²⁾. Тѣмъ не менѣе, однако, въ 1377 году Москва была отнята у него на глазахъ другимъ Татарскимъ Ханомъ, Тохтамышемъ ³⁾. Въ 1381 году, Дмитрій, тѣсняя крестоносцевъ продолжительною осадю въ Нейгаузенъ (Niehaus) ⁴⁾, ливонской крѣпости, въ то время, когда они уже готовы были сдаться ему, былъ такъ сильно раненъ, пущенною осажденными послѣднею, оставшеюся у нихъ, стрѣлою, что долженъ былъ позорно отступить съ войскомъ. Онъ же, ставъ во враждебныя отношенія съ Ольгердомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, хвастливо, въ видѣ ѣдкой шутки, говорилъ, что преподнесетъ ему пасхальныя яйца, и едва, однако, не лишился княжества вслѣдствіе нападенія Ольгерда. Ибо Литовскій Князь, подойдя тайными путями, къ самой Москвѣ, принудилъ Дмитрія просить о мирѣ, и, оставивъ, въ память сего событія, копые, вонзенное въ ворота крѣпости, ушелъ побѣдителемъ ⁵⁾. Въ это же время и Казиміръ Великій, король Польскій, присоединилъ себѣ Червонную Русь, какъ свою область. Василій Дмитріевичъ, занятый разными вой-

¹⁾ Въ 1348 г.

²⁾ Куликовская битва 1380 г.

³⁾ Въ 1382 г.

⁴⁾ Новый Городокъ на р. Бюмае или Пимпе, Лифляндской губ., впадающей въ Псковское озеро.

⁵⁾ Подробная выпись объ этомъ изъ хроники Стрыйковского—у Карамзина, т. V, гл. 1.

нами, потерялъ Смоленскъ и Кіевъ: эти города, приблизительно въ 1386 году, присягнули въ вѣрности Ягайлу, Великому Князю Литовскому. Съ Великимъ же Княземъ Литовскимъ Витовтомъ, на дочери котораго, Анастасіи ¹⁾, онъ былъ женатъ, онъ вошелъ въ соглашеніе и составилъ заговоръ противъ Темиркутка или Темиразака ²⁾, Хана Заволжскаго, (котораго Баязетъ сперва, ради посмѣшища, прозвалъ Тимурленгомъ или Тамерланомъ, т.-е. хромцемъ). Ибо Царь, или Ханъ Темиръ твердо рѣшилъ въ душѣ своей направить окровавленное оружіе свое на Европу, что непременно и произошло бы, если бы онъ не перенесъ, послѣ пораженія Баязета въ 1400 году ³⁾, войны въ самую Индію ⁴⁾. Въ 1399 году. Василій успѣшно прогналъ Татаръ изъ Волжской Болгаріи. Когда же въ 1404 году ⁵⁾ татаринъ Темирсакъ снова выступилъ противъ Русскихъ, то онъ въ Рязани остановился, принужденный, повидимому, къ тому, нѣкою божественною силою, противодѣйствующей ему. Ибо Русскіе говорятъ, что они вымолили у Всеблаженной Дѣвы такую задержку, перенесъ ради этого самаго, икону Ея съ большой торжественностью изъ Владиміра въ Москву, почему, и теперь еще даже, день 26 августа, когда это произошло, называется Срѣтеніемъ, т.-е. встрѣчею, — и весьма празднуется. Въ 1424 году ⁶⁾. Въ Новгородѣ свирѣпствовала столь сильная моровая язва (ues), что въ теченіе 6 мѣсяцевъ погибло 80.000 человекъ. До того велика была сила этого зла, что часто люди, шествующіе по улицамъ, мгновенно умирали или, явившись до сего здоровыми на похороны другихъ, внезапно умирали и хоронились тутъ же. По случаю предстоящей свадьбы Витовта, который, въ числѣ другихъ многихъ княжествъ Россіи, владѣлъ Псковомъ и Новгородомъ, къ нему отовсюду съѣхались европейскіе государи и при этомъ совѣщались о положеніи христіанъ. Въ этомъ совѣщаніи, происходившемъ въ г. Луцкѣ (Luceogiæ) въ Волыни, въ 1428 ⁷⁾, приблизительно, году, участвовалъ, кромѣ Сигизмунда, императора Запада, пословъ Палеолога, Императора Восточнаго, Ерика, короля Даніи и Швеціи, Великихъ Князей Бориса Тверскаго и Олега Рязанскаго, Хановъ Таврическаго полуострова и Заволжскихъ, двухъ магистровъ ордена Крестоносцевъ въ Пруссіи и Ливоніи, а равно и новаго поборника христіанства, Ягайла, короля Польскаго, — также и нашъ Василій. Умирая, онъ предоставилъ

¹⁾ Софья.

²⁾ Темиръ-Кутлукъ и Темиръ-Акчакъ.

³⁾ Въ 1402 г.

⁴⁾ Въ Индію походъ предпринять въ 1398 г.

⁵⁾ Въ 1395 г.

⁶⁾ Въ 1390 г.

⁷⁾ Въ 1429 г.

княжество брату Георгію, устранивъ сына своего Василия, который былъ ненавистенъ отцу, такъ какъ его мать, Анастасія ¹⁾, была заподозрена въ прелюбодѣяніи. Георгій же Дмитріевичъ, собираясь занять престолъ, заключилъ было Василия въ оковы, но, послѣ кратковременнаго княженія, умирая, завѣщалъ ему наслѣдство въ своей духовной, пренебрегши (*spretis propriis filiis*) собственными сыновьями.

Г Л А В А 11.

О Василии, Іоаниѣ и Василии Іоанновичѣ.

Въ самомъ началѣ своего княженія, Василій Васильевичъ былъ схваченъ своими племянниками, сыновьями Георгія, о которыхъ онъ сожалѣлъ, что они, какъ бы выродки какіе, были презрѣны, и ослѣпленъ ими. Вскорѣ, впрочемъ, онъ, по желанію Татаръ и благодаря любви народа къ нему, получилъ обратно свое княжество и долгое время спокойно правилъ Московскимъ княжествомъ, получивъ прозваніе Темный, т.-е. лишенный свѣта. Объ этомъ Василии, Стефанъ, Великій Палатинъ Валахій, выражался такъ: „Онъ расширяетъ свои владѣнія, сидя дома и почивая“. При немъ митрополитъ Кіевскій Исидоръ, — Кіевъ въ то время былъ подчиненъ своимъ особымъ Князьямъ — отправившись въ сопровожденіи ста всадниковъ на Флорентійскій Соборъ, въ качествѣ замѣстителя патріарха Антиохійскаго, получилъ въ 1439 году отъ папы Евгенія IV санъ кардинала, епископа Сабинскаго, но, когда онъ вернулся въ свое отечество, то Русскіе отобрали у него всѣ сокровища и заключили его въ темницу, ибо нисколько не желали утвердить того соединенія съ Римскою Церковью, которое онъ было предпринялъ. Поэтому у Московитовъ, въ ихъ книгѣ законовъ, существуетъ особая глава, называемая Соборъ Флорентійскій. Убѣжавъ, впрочемъ, изъ заключенія, Исидоръ возвратился въ Италію, а оттуда отправился, въ качествѣ посла отъ ребра Апостольскаго, въ Константинополь къ Константину, послѣднему императору, а когда этотъ городъ былъ взятъ Турками, въ 1459 году, то онъ съ трудомъ, подъ видомъ другого лица, бѣжалъ въ Римъ, гдѣ былъ посвященъ Піемъ II въ патріархи Константинопольскіе.

Иванъ Васильевичъ, Великій и Счастливый, по прозванію, велъ много кровопролитныхъ войнъ съ Христіаномъ и Стенъ-Стуромъ, королями Шведскими. Въ 1450 году онъ женился на Маріи, дочери Тверскаго Князя, а послѣ ея смерти — на Софьѣ, дочери гре-

¹⁾ Софья.

ческаго деспота Ѳомы Палеолога, изъ рода Багрянородныхъ. Этотъ Ѳома, изгнанный Турками, жилъ въ Римѣ, гдѣ, говорятъ, и Софья получила приданое отъ римскаго Первосвященника. Самъ же Іоаннъ выдалъ сестру свою за Кудайкула, царя Казанскаго, принявшаго при крещеніи имя Петра. Этотъ же князь не задумался бы принять обряды Римской Церкви, лишь бы только папскіе послы были уступчивѣе въ семь дѣлѣ. Въ это время занялъ городъ Астрахань Кази, сынъ Крымскаго Хана, которому въ 1474 году подчинились и остальные Татары послѣ того, какъ Магометъ, султанъ Турецкій, взялъ Ѳеодосію, столицу Крымскаго Ханства. Межъ тѣмъ Царица Московская, Софья, подъ предлогомъ болѣзни, обратилась къ женѣ Татарскаго Хана съ настойчивой просьбой, чтобы тѣ Татары, кои обитали въ самомъ Кремлѣ Московскомъ, добровольно ушли бы оттуда навсегда, чѣмъ отнималась у нихъ возможность глубоко вникать въ замыслы Русскихъ. Вмѣстѣ съ этимъ Іоаннъ придумалъ предлогъ, чтобы отказаться отъ дальнѣйшаго платежа Хану дани. Онъ выдалъ дочь Елену замужъ за Вел. Князя Литовскаго, Александра, ставшаго вскорѣ польскимъ королемъ, но такъ какъ Литовцы съ пренебреженіемъ относились къ религіознымъ пунктамъ договора, то Іоаннъ въ кровопролитнѣйшемъ сраженіи разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ бѣольшую часть земли и 70 укрѣпленныхъ мѣстъ и крѣпостей. У нихъ же онъ отнялъ, въ 1477 году, при помощи архіепископа Ѳеофила, Новгородъ и увезъ оттуда 300 возовъ, тяжело нагруженныхъ, въ городъ Бѣлая Церковь, сокровищницу Россіи, лежащей на островѣ. Вслѣдствіе чего въ 1494 году ганзейскіе купцы, всѣ до одного, ушли изъ Новгорода, послѣ того, какъ Царь изъ за того, что нѣсколько лицъ изъ ихъ числа неосторожно порицали его, заключилъ 49 заѣзжихъ нѣмцевъ въ темницу и вынудилъ у нихъ вознагражденіе, болѣе, чѣмъ въ 300.000 червонцевъ въ видѣ штрафа. Законы, впрочемъ, онъ издалъ весьма полезные и, прежде всего, строжайшій законъ о трезвости, впервые предоставивъ себѣ право приготавливать напитки. Въ 1500 году. Баязеть, султанъ Турецкій, вторгнувшись въ Россію, потерялъ болѣе 40.000 своихъ, погибшихъ отъ холода и меча, во время борьбы за Менгли-Гирея, хана Перекопскихъ Татаръ, прогнавшаго братьевъ Айдера и Ямурка, кои бѣжали въ Москву. Въ 1502 году. Вальтеръ Плеттенбергъ (благородный родъ коего процвѣтаетъ и понынѣ у насъ, среди знатныхъ Курляндцевъ), великій магистръ ливонскихъ крестоносцевъ, разбилъ 80.000 Московъ, надъ которыми начальствовалъ Гавріиль, сынъ Іоанна, и заключилъ миръ на 50 лѣтъ. Видя приближающійся конецъ свой Іоаннъ назначилъ было правителемъ царства сперва Дмитрія, внука своего по первому браку, вскорѣ же затѣмъ, по совѣту жены, — Гавріила, собственнаго сына отъ второго брака, и, наконецъ, опять

Дмитрія, вслѣдствіе какой-то роковой нерѣшительности. Отошелъ этотъ достохвальный Князь отъ жизни сей, въ 1504 году, послѣ того, какъ окружилъ городъ Москву стѣною и наполнилъ ее нѣсколькими каменными зданіями, для которыхъ онъ вызывалъ въ Москву, на дорогихъ условіяхъ, Аристотеля, зодчаго Болонскаго, и другихъ мастеровъ.

Василій Ивановичъ, раньше называвшійся Гавріиломъ, принялъ власть, вступивъ на престолъ, отнятый у Дмитрія, сына брата его, въ 1505 году. Въ 1509 году онъ заключилъ союзъ съ Свантсономъ ¹⁾, королемъ Шведскимъ. Въ 1514 г. онъ занялъ Псковъ ²⁾ и Смоленскъ ³⁾,—города, кои столь много разъ уже раньше подвергались попыткамъ подчиненія, главнымъ образомъ, благодаря содѣйствію нѣкоего поляка Михаила Глинскаго, и, подкупленной обѣщаніями, стражѣ. Неоднократно, но тщетно, подступалъ онъ къ Казани и Астрахани, послѣ того, какъ они возстали, побуждаемые къ тому новымъ княземъ, присланнымъ имъ изъ Крыма. Проживъ много времени въ необузданномъ любострастіи, онъ, наконецъ, женился на Соломоніи изъ московскаго рода Сабуровыхъ, вскорѣ заключилъ ее, изъ-за ея бесплодія, въ монастырь и вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью Василья Глинскаго, женщиною безумно расточительною и необузданною. Въ 1521 году, Махметъ-Гирей, ханъ Перекопскій, подъ предводительствомъ брата, Шахъ-Гирея, обратилъ въ бѣгство Шахмета, хана Заволжскаго и, занявъ все его царство, обложилъ городъ Москву и увелъ болѣе 80.000 человекъ въ тяжелое рабство. Василій тайкомъ бѣжалъ въ Новгородъ и сталъ снова данникомъ Татаръ. Но въ 1523 году онъ торжественно, чрезъ особыхъ пословъ, объявилъ войну Махметъ-Гирею Крымскому и его брату, Шахъ-гирею, царямъ Казанскимъ, которая благополучно кончилась, вслѣдствіе неожиданнаго мира. Этого Василія, говорятъ, легко было бы склонить къ принятію католической вѣры, если бы только императоръ Максимилианъ не отказалъ ему въ титулѣ Царя. Посоль отъ него, Дмитрій Герасимовъ (Egasmirus) прибылъ въ Римъ къ папѣ Клименту VII, для заключенія союза противъ Турокъ, вмѣстѣ съ Павломъ Центуріономъ изъ Генуи, который раньше былъ, ради торговыхъ цѣлей, посланъ Климентомъ съ грамотами въ Московію, который былъ даже въ Россіи еще при Львѣ X. Приблизительно около этого же времени былъ отправленъ въ Россію императоромъ Максимилианомъ извѣстный баронъ Герберштейнъ, для заключенія мира

¹⁾ Съ Христіаномъ II и Свантъ-Сономъ Стенъ Стуре, старъ-галтеромъ, въ 1517 г.

²⁾ Въ 1510 г.

³⁾ Въ 1514 г.

между Поляками и Мосхами. И въ 1525 году, этотъ Герберштейнъ, посланный отъ римскаго императора Фердинанда прибылъ къ Василию вмѣстѣ съ послами—Иоанномъ Францискомъ (Frentiusen) отъ папы Климента и Леонардомъ Комита (Comit) отъ Карла V, для переговоровъ все о томъ же мирѣ. Вслѣдствіе чего, немного спустя, послы Московскіе явились къ Карлу V въ самую Испанію. Василій межъ тѣмъ послалъ Симеона Феодоровича Курбскаго въ Ингрію, для покоренія далеко живущихъ народовъ, и этотъ Симеонъ, зайдя далеко за рѣку и гору Печору, исполнилъ это порученіе къ значительному увеличенію Русскаго Царства. Покоривъ Казанцевъ, онъ ¹⁾ содержалъ у себя въ домѣ ихъ царя, Шигъ-Алея, человѣка чудовищныхъ размѣровъ, котораго Василій поставилъ имъ въ цари, но котораго они свергли. Такъ какъ всѣ прочіи Князья Русскіе были уже ему подвластны, и оставался только одинъ Василій Шемякинъ (Semetzi), то онъ призвалъ его къ себѣ, обвиняя его въ заговорѣ съ королемъ Польскимъ, благосклонно принялъ и заключилъ въ темницу, приказавъ убить, какъ бунтовщика, по совѣту, быть-можетъ, нѣкоего юродиваго, который ходилъ по городу, подметая улицы вѣникомъ и говоря, что наступилъ часъ, когда должно изъ государства, до сей поры еще не вполне очищеннаго, выбросить окончательно всякій соръ. Вообще это былъ Князь характера лживаго, впавшій въ высокомѣріе и приписывающій себѣ титулы, длинныя до тошноты. Собираясь умирать, онъ поручилъ опеку надъ своими дѣтьми, и заботы о царствѣ Михаилу Глинскому, котораго все время держалъ близъ себя, какъ человѣка весьма искуснаго въ дѣлахъ военныхъ и мирныхъ. Елена же, жена Василія, избравъ, по смерти мужа, съ явнымъ безстыдствомъ, себѣ въ любовники боярина Иоанна Овчину, умерла отъ яда, а Овчина былъ разрубленъ на части.

Г Л А В А 12.

Объ Иоаннѣ Васильевичѣ—тиранѣ.

Иоаннъ Васильевичъ, достойный сынъ развратной Елены, принялъ бразды правленія въ 1540 году, мальчикомъ двѣнадцати лѣтъ, и, производя свой родъ отъ Цезаря Августа, украсилъ государственннй гербъ двуглавымъ орломъ съ распростертыми крыльями. Въ 1548 году ²⁾ онъ отправилъ пословъ къ императору Карлу V, прося у него помощи противъ Турокъ и предлагая соединеніе Греческой Церкви съ

¹⁾ Василій.

²⁾ Посольство Скобельцына и Дмитріева въ 1538 г.

Латинскою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прося у императора мужей ученыхъ и художниковъ. И Карлъ былъ бы не прочь отвѣчать взаимнымъ дружескимъ расположеніемъ, если бы всему этому не воспрепятствовали любекскіе купцы, которые въ то время, почти одни исключительно производили всю торговлю въ Московіи, съ громадной выгодой. Такъ какъ мнѣ нельзя будетъ въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о Іоаннѣ не упомянуть, хотя и противъ воли, съ омерзѣніемъ, о нѣкоторыхъ чудовищно-безчеловѣчныхъ порокахъ его, то я надѣюсь, что это не будетъ вмѣнено мнѣ въ преступленіе Алексѣемъ Михайловичемъ, симъ доблестнымъ Государемъ, который такъ не похожъ на него, что никакой порокъ не можетъ быть, въ какой бы то ни было степени, приписанъ ему, и который освѣщаетъ блескомъ необычайныхъ добродѣтелей своихъ, яснѣе самого солнца, мракъ своей сѣверной страны. Итакъ, Іоаннъ, этотъ усерднѣйшій гонитель, одинаково, всего честнаго и безчестнаго, предводитель головорѣзовъ всего рода человѣческаго, новый мститель, даже за чувство сожалѣнія, правилъ надъ подвластнымъ ему народомъ, который онъ ставилъ на одну доску съ дикими животными, не повелѣвая ими, а свирѣпствуя надъ ними. Мало того: онъ терзалъ также и чужеземцевъ и наполнилъ чуть ли не всю вселенную позорною славой своего тиранства. Не постыдился же нѣкто сказать о семъ палачѣ и пріятелѣ шутовъ, что онъ не поколебался бы превратиться въ діавола, такъ какъ, отринувъ все человѣческое, онъ ни во что не ставилъ весь родъ людской.

Брата и тестя онъ, безъ всякихъ на то причинъ, безбожно лишилъ жизни. Собственнаго сына, жертву своей жестокости, онъ удушилъ, хотя, вскорѣ, съ терзаемой фуріями совѣстью, послалъ, обуянный внезапнымъ раскаяніемъ, 77.000 золотыхъ, патриархамъ, Константинопольскому и Александрійскому, и монахамъ, стерегущимъ Гробъ Господень, дабы они молитвами и священнослуженіями упокоили душу убитаго. Висковатова (Viscovium), мужа, выдающагося между прочими, своимъ краснорѣчіемъ и весьма заслуженнаго, онъ велѣлъ своимъ слугамъ разрубить почленно на части; когда же дьякъ, движимый состраданіемъ, отсѣкъ Висковатому срамныя части для ускоренія его кончины, то онъ приказалъ ему, либо съѣсть отрѣзанное, либо же итти на казнь. Итакъ, тотъ изжевалъ, это страшное яство, хотя оно тщетно становилось ему поперекъ горла, и спасъ себѣ жизнь тѣмъ же средствомъ, которымъ причинилъ другому спасительную смерть. Новгородъ (посаднику коего онъ велѣлъ вступить въ бракъ съ кобылою и котораго онъ все-таки въ концѣ концовъ умертвилъ вмѣстѣ со священниками и 3.000 другихъ жителей), Псковъ, Нарву, Ливонію, и иные города и области, онъ наполнилъ такимъ количествомъ умерщвленныхъ изысканными способами казни,

что попытка, съ его стороны, составить имъ краткій списокъ была бы тщетною, такъ какъ ихъ не вмѣстили бы въ себѣ цѣлыя, обширнѣйшіе томы. Взявъ крѣпость Виттенштейнъ—пусть это будетъ одинъ случай, взятый для примѣра, изъ многихъ — онъ защитниковъ ея, привязавъ къ копьямъ, жарилъ на медленномъ огнѣ, не говоря здѣсь уже о другомъ, не поддающемся описанію, мученіи жителей Ливоніи.

Такъ какъ слава о его жестокости все болѣе и болѣе распространялась повсюду, то Сѣверяне и нѣкоторыя другія Русскія племена отвратили отъ себя гнѣвъ тирана, добровольно сдавшись ему. Предпринявъ пять походовъ противъ Татаръ и оказавшись до сего гораздо слабѣе ихъ, онъ, наконецъ, съ такимъ успѣхомъ поднялъ оружіе, что обуздалъ и почти совершенно подчинилъ ихъ, самыхъ неукротимыхъ людей, себѣ. Въ 1559 году. Готардъ ¹⁾, послѣдній магистръ Тевтонскаго Ордена въ Ливоніи и первый князь Курляндіи и Семигалліи, разбилъ въ большомъ сраженіи Московское войско и взялъ въ плѣнъ главныхъ ихъ вождей. Это обстоятельство раздражило духъ Іоанна, какъ бы острѣйшими жалами, на общую свирѣпость до того, что онъ, какъ бы въ отмщеніе, поклялся тиранить всячески весь міръ. Въ 1569 году. Турецкій султанъ Селимъ съ 300.000-нымъ войскомъ, усиленнымъ еще Перекопскими Татарами, двинулся противъ Русскихъ до самой Астрахани. Тщетно продержавъ городъ въ осадѣ и потерявъ болѣшую часть вспомогательныхъ, со стороны Каспійскаго моря войскъ, перебитыхъ Московцами, онъ, наконецъ, голодомъ и нѣсколькими пораженіями, нанесенными ему кн. Серебрянымъ, военачальникомъ Русскихъ, поставленный въ безысходное положеніе, постыдно бѣжалъ и схоронилъ остатки войскъ, поглощенныхъ бурей, въ Меотидскомъ озерѣ. Въ 1571 году. Менгли-Гирей, ханъ Крымскихъ Татаръ, взявъ городъ Москву, довелъ Іоанна до того, что онъ обѣщалъ ему вѣрноподданство и дань, и далъ даже грамоты на это. Но, получивъ обратно отъ него письменныя условія вынужденнаго подчиненія чрезъ воеводу, т.-е. намѣстника своего, Рязанскаго (которому ханъ безразсудно вручилъ для разсмотрѣнія грамоты Іоанна, когда онъ отказался сдать Рязань), Іоаннъ немедленно собралъ войска, снова напалъ на громадныя полчища варваровъ и разбилъ ихъ. Когда же, въ 1572 году, послы Перекопскихъ Скивовъ (sic!) потребовали отъ Іоанна дани, то онъ велѣлъ 300 изъ ихъ свиты казнить топоромъ, начальниковъ же посольства онъ отослалъ обезображенныхъ, обрѣзавъ имъ носы, губы и уши, къ Таврическому царьку, вмѣстѣ съ топоромъ. За симъ онъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ подчинилъ себѣ Казань, Астрахань, Пермьковъ, Симбир-

¹⁾ Кетлеръ.

цевъ, Лапландцевъ, Югорцевъ, Булгаръ, все Заволжское царство и другіе народы, частью въ Европѣ, частью въ Азіи, обитающіе, и оставилъ своимъ потомкамъ обширнѣйшія владѣнія, пріобрѣтенныя оружіемъ. Правда, весьма благопріятствовало ему въ этомъ дѣлѣ то обстоятельство, что многія татарскія племена ушли къ своимъ, успѣшно, въ это время, воюющимъ на Востокъ, въ Индіи и Китаѣ. Въ 1578 году. Шведы, воевавшіе и заключившіе миръ съ Иваномъ Васильевичемъ при короляхъ Густавъ и Ерихъ, отняли, при королѣ Іоаннѣ Третьемъ, у Москововъ крѣпость Падису и нѣкоторыя другія мѣста Кареліи, а также и обѣ Нарвы. Но и съ Сигизмундомъ Августомъ и Стефаномъ Баторіемъ, непобѣдимыми королями Польскими, велъ Иванъ Васильевичъ крайне тяжелую войну. Стараясь кончить ее весьма желаннымъ миромъ, Папа Григорій XIII послалъ знаменитаго Поссевина, изъ ордена іезуитовъ, который въ 1582 году чрезвычайно ловко умиротворилъ все. Передъ этою-то войною, говорятъ, въ городѣ Москвѣ, между прочими чудесными явленіями, выпалъ снѣгъ съ кровяными пятнами, и упалъ съ неба мраморный, надгробный камень съ надписью на невѣдомомъ языкѣ—преднаменованіе несчастій и призывъ (ргаесо) къ покаянію. Далекое однако отъ того, чтобы смягчить каменное сердце тирана¹⁾, это, скорѣе, еще болѣе ожесточило его и онъ велѣлъ разбить зловѣщій камень въ дребезги. Равнымъ образомъ онъ нисколько не уважалъ, такъ какъ душа его была порабощена отвратительнѣйшими пороками, общаго у всѣхъ народовъ, закона о неприкосновенности пословъ, и священнаго оказанія гостепріимства. Съ герцогомъ Магнусомъ и братомъ отъ второй матери, Фридрихомъ II, королемъ Датскимъ, которому Иванъ Васильевичъ далъ въ жены Марію, дочь брата своего Георгія, и котораго онъ называлъ королемъ Ливоніи, онъ обошелся крайне позорно, заставивъ его однажды проползти на колѣняхъ двѣ тысячи шаговъ и выпить меду, смѣшаннаго съ собственною его кровью. Стражу его онъ иарубилъ въ куски и лишилъ бы жизни самого герцога, сорвавъ съ него всякую одежду, если бы тотъ самъ не спасся счастливымъ бѣгствомъ. Намѣреваясь, по заключеніи перемирія, войти въ Нарву, онъ сѣлъ въ колѣсницу, на которой былъ устроенъ помостъ, и потребовалъ, чтобы его везли люди, а не лошади. Духовенству, обращающемуся къ нему съ мольбою о смягченіи, хотя бы до нѣкоторой степени суроваго нрава его, онъ лицемѣрно объявилъ, что отказывается отъ Царской власти и удалился въ свой дворецъ, или, вѣрнѣе сказать, въ свой монастырь, называемый Александровскою слободою, гдѣ, неоднократно, облекшись вмѣстѣ съ своими приближенными, въ монашеское одѣяніе, совершалъ лицемѣр-

¹⁾ Собственно: „чтобы сдѣлать каменное сердце тирана восковымъ (сегеитъ)“.

ныя церковныя службы, въ заключеніе коихъ, обыкновенно, слѣдовало избіеніе нѣсколькихъ заключенныхъ. Выйдя оттуда, о чемъ его всѣ колѣнопреклоненно умоляли, онъ, съ еще бѣльшимъ ожесточеніемъ, сталъ всячески изступленно свирѣпствовать, придумывая, кромѣ прежнихъ, еще новыя способы истязанія. Желая расширить городъ Москву, онъ устроилъ, по ту сторону рѣки, новыя слободы (romœgia), подъ названіемъ Налей, отъ глагола наливать, ибо желалъ, чтобы войны тамъ свободно напивались допьяна. При немъ Англичане начали прѣзжать по Бѣлому морю, и имъ была открыта гавань. Стоя уже почти одною ногою въ могилѣ, сильно, но, кажется, слишкомъ поздно, въ послѣднюю минуту жизни, онъ, говорятъ, раскаялся, когда, къ крайнему ужасу присутствующихъ, тѣло его уже стало разлагаться и издавать зловоніе, и онъ, къ общей радости, испустилъ духъ, терзаемый фуріями и стонущій отъ угрызенія совѣсти, въ 1584 году отъ Р. Х., 66 лѣтъ отроду, возвративъ, передъ смертью, свободу заключеннымъ и освободивъ подданныхъ отъ податей на десять лѣтъ. Тѣло-сложенія онъ былъ вполне крѣпкаго, роста высокаго, глаза имѣлъ быстрые, но небольшіе, носъ—орлиный, лицо морщинистое и красное; высокомѣрный въ обращеніи, съ крѣпкою памятью, онъ никогда не смѣялся, кромѣ какъ въ опасности и во время своихъ свирѣпствъ, такъ что находился въ наилучшемъ настроеніи духа каждый разъ, какъ устраивалъ омерзительное избіеніе людей. Умъ имѣлъ проникательный и быстрый; не зналъ мѣры, одинаково, ни въ ненависти, ни въ благосклонности, одинаково былъ жадеиъ до славы, какъ и до богатствъ; гордости же былъ необычайной, до того, что требовалъ непременно выучить слона преклонять передъ нимъ колѣни. Въ военное и мирное время предавался хвастовству и расточительности. Болѣе всего его потѣшали охота и борьба плѣнниковъ съ дикими звѣрями, и онъ полагалъ, что имѣетъ право терять время, проводя его за игральными картами, или шашками. Преступною страстью былъ до того обуреваемъ, что, говорятъ, даже будучи уже при смерти, пытался изнасиловать¹⁾, и постоянно пользовался чужими женами. Видъ же добродѣтели придавало ему то, что онъ самъ читалъ просьбы, выслушивалъ людей, даже низкаго состоянія, строго преслѣдовалъ чиновниковъ за бездѣйствіе и жестокость, являлся, по временамъ покровителемъ чужестранцевъ, которыхъ допускалъ во дворецъ, предоставляя имъ свободу вѣроисповѣданія и богослуженія, кромѣ Іудеевъ, которыхъ былъ непримиримымъ врагомъ. Бывъ женатымъ на семи женахъ, онъ оставилъ послѣ себя только двухъ сыновей, а именно, Федора или Θεодора, который и наслѣдовалъ ему, и Дмитрія, убитаго Борисомъ Годуновымъ, захватившимъ себѣ Царскую власть.

¹⁾ Ирину, жену сына Θεодора.

Г Л А В А 13.

О **Теодорѣ, Борисѣ, Теодорѣ, Василии и Лже-Дмитріяхъ.**

Теодоръ, или Федоръ, Ивановичъ принялъ бразды правленія государствомъ въ тотъ же годъ, какъ умеръ его отецъ. Къ нему вскорѣ, вслѣдствіе его простоты и неразумія, присоединился, въ качествѣ какъ бы новаго правителя и помощника, Борисъ Годуновъ, братъ Царицы, послѣ того, какъ былъ удаленъ Богданъ Бѣльскій, воспитатель царскихъ дѣтей (который также стремился къ царской власти, но неудачно). Годуновъ, пріобрѣтя темными (occultis) дѣлами любовь народа, устранилъ съ своего пути малолѣтняго Дмитрія, посредствомъ нѣкихъ измѣнниковъ, которыхъ однако, предалъ смерти, дабы не оставить какъ-нибудь слѣдовъ и свидѣтелей своего преступленія. Въ 1593 году онъ отнялъ у Шведовъ нѣсколько городовъ и крѣпостей въ Ливоніи. Въ 1597 году, незадолго до своей кончины, Теодоръ предлагалъ многимъ Князьямъ, окружавшимъ его ложе, Царскій скипетръ, и всѣ отказывались. Борисъ же Годуновъ, простершись ницъ, принялъ его, страстно желая получить, хотя и притворялся, что отказывается, а съ нимъ и всю власть. Какъ я уже замѣтилъ, онъ постоянно притворялся не хотящимъ взять на себя это, но, наконецъ, принялъ по многочисленнымъ просьбамъ подданныхъ и дѣтей, бѣгавшихъ съ мольбами по улицамъ, по его же наущенію, въ 1597 году¹⁾, и сталъ править весьма хорошо, поклявшись предварительно въ томъ, что онъ, въ теченіе пяти лѣтъ, не прольетъ ни единой капли крови гражданъ. Кромѣ того, онъ рѣшилъ при себѣ вводить въ Россію науки, но ему въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ помѣшало сопротивленіе духовенства. Привлекши къ себѣ великолѣпными обѣщаніями Густава, сына Шведскаго короля, Ерика XIV, онъ лишилъ его всего царскаго убранства, когда тотъ отказался перемѣнить вѣру, ради брака съ дочерью Бориса, и удалилъ его отъ себя. Этотъ Густавъ, окончивъ, впоследствии, въ 1607 году, жизнь свою въ Россіи, былъ похороненъ въ какомъ-то лѣсу. Вслѣдствіе сего Борисъ, для скрѣпленія дружбы съ Христианомъ IV, королемъ Датскимъ, вызвалъ къ себѣ его брата Іоанна, обѣщая ему, точно такъ-же, женитьбу на дочери своей Аксиныи (Axinia). Но и тотъ также, проживъ въ Москвѣ всего лишь шесть недѣль, скончался и былъ преданъ землѣ въ Нѣмецкой слободѣ, безъ всякихъ похоронныхъ торжествъ. Когда же Турки стали хлопотать о союзѣ съ Борисомъ, то онъ имъ послалъ камзолъ изъ свиной кожи и, шитый серебромъ (argenteum), мѣшокъ (marsupium), наполненный свинымъ пометомъ, вмѣстѣ съ открытымъ объявленіемъ вѣчной вражды.

¹⁾ Въ 1598 г.

Англичане и Голландцы снова получили отъ него, чрезъ пословъ своихъ, прежнее право свободной торговли. Въ 1601 году и въ двухъ послѣдующихъ, въ Россіи господствовалъ такой голодъ, что были вынуждены употреблять въ пищу человѣческое мясо, хотя Царь и запретилъ чужеземцамъ покупать хлѣбъ. За голодомъ непосредственно послѣдовала смертоноснѣйшая чума, болѣзнь необычайная въ сѣверныхъ странахъ, вмѣстѣ съ другими карами разгнѣваннаго Неба. А въ 1606 году умеръ и самъ Борисъ, безъ всякой предсмертной болѣзни, какъ подозрѣваютъ, отъ яда, принятаго имъ самимъ, въ самый разгаръ смуты, возбужденныхъ Лжедмитріемъ.

Теодоръ, или Федоръ, Борисовичъ былъ Царемъ только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Губительнѣйшая для всей Россіи шайка Дмитріевъ дерзкая и сильная духомъ и людьми, подославъ къ нему убійцу сразу лишила его, внезапно, и власти и жизни, несмотря на то, что подданные уже поклялись ему въ вѣрности, и что уже былъ назначенъ день, когда онъ долженъ былъ возложить на себя царскій вѣнецъ и прочее священное царское одѣяніе. Итакъ, Дмитрій первый (послѣ настоящаго Дмитрія, давно ужъ убитаго), принявъ на себя званіе Царя и, еще при Борисѣ, начавъ заводить смуты, будучи наученъ нѣкимъ Русскимъ монахомъ, враждебно относившимся къ Борису Теодоровичу, по необычайному стеченію обстоятельствъ сталъ считаться Царемъ, что произошло, главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ и помощи Кіевскаго воеводы (palatini), у котораго онъ былъ въ услуженіи и которому онъ открылъ вымышленное свое происхожденіе, будучи обиженъ пощечиною, полученною отъ своего господина. Мало того, самъ король Польскій Сигизмундъ и воевода Сендомірскій (на дочери коего, Маріи Георгіевнѣ (Gorgonam), Дмитрій, въ 1606 году, женился и которой онъ торжественно поклялся обратитъ Русскихъ въ католическую вѣру) въ значительной степени поспособствовали этому дѣлу. Въ 1606 году, іюня 10 дня, этотъ Дмитрій, или, вѣрнѣе, Гришка Отрепьевъ,—таково было его настоящее имя,—родомъ изъ Валахіи (а не изъ Италіи, какъ это нѣкоторые, неосновательно, полагаютъ), обладающій прекрасною осанкою и краснорѣчіемъ, вошелъ съ чрезвычайной пышностью, и привѣтствуемый народомъ, въ Москву, разбивъ войско Бориса. Засимъ, осквернивъ гнуснымъ любодѣяніемъ дочь Бориса, Аксиныю, заключилъ ее въ монастырь, а мнимую мать свою возвелъ изъ ея уединенія на престолъ и, отправивъ прежде сего несмѣтные сокровища въ Польшу, получилъ чрезъ пословъ Анну Марію, дочь Сендомірскаго воеводы, обѣщанную ему въ жены. Но какъ все ложное не бываетъ долговѣчно, то и Дмитрій, самъ себя выдавая и губя, началъ жить совершенно несогласно съ обычаями Русскихъ, вслѣдствіе чего у его подданныхъ явилось сильное подозрѣніе,

не чужестранецъ ли онъ, быть - можетъ. Такъ, онъ наслаждался музыкой во время обѣда, вскакивалъ безъ всякой посторонней помощи на необѣжденныхъ коней, совершенно необычно занимался дѣлами въ полдень, когда всѣ предавались сну, весьма часто уѣзжалъ на охоту, крайне рѣдко творилъ крестное знаменіе въ ежедневныхъ службахъ и ввелъ много другихъ новшествъ для Русскихъ. Вслѣдствіе сего князья Шуйскіе, главнымъ образомъ, вмѣстѣ съ другими, справедливо предприняли составить заговоръ противъ сего тирана, при помощи Василія Ивановича¹⁾, участника въ его Дмитрія замыслахъ и раскрывшаго предъ ними его хитрыя выдумки. Старшій между Шуйскими, онъ подвергся, когда его замыслы были открыты, тяжелой пыткѣ, однако оставленъ въ живыхъ. Вскорѣ послѣ сего, онъ, ради освобожденія отечества и отмщенія за причиненное ему безчестіе, возобновилъ свои навѣты, и рано, на разсвѣтъ, по знаку, данному колоколомъ, бросился, схвативъ оружіе, въ Кремль и окончательно добилъ Дмитрія, котораго и сама мать отказалась признать своимъ сыномъ, и уже полуживаго, влѣдствіе какого-то паденія, въ первый же годъ его царствованія, и выставилъ тѣло убитаго на трехдневный, отвратительный показъ, при чемъ были убиты многіе Поляки, и только отцу Марины и царскимъ посламъ было разрѣшено возвратиться къ себѣ. Такова, поистинѣ, всегда была роковая награда за нечестивыя дѣла—кратковременное наслажденіе и вѣчный позоръ. Марина Георгіевна же (Maria Gorgona), спасаясь подъ юбками своей дворцовой управительницы и заключенная въ монастырь, впоследствии вышла замужъ за Лжедмитрія третьяго, который причинилъ тоже не мало смуть, а затѣмъ, за нѣкоего Поляка, Заруцкаго, и, въ концѣ концовъ, умерла въ наигрязнѣйшей тюрьмѣ.

Итакъ, въ этомъ же году, Василій Ивановичъ Шуйскій, по выбору всей Россіи, принявъ Царскую власть, велѣлъ вырыть трупъ Дмитрія и сжечь его, внѣ города, рукою палача, при чемъ всенародно были объявлены его вины: что онъ, дѣйствительно, былъ бѣглый монахъ, волшебникъ, еретикъ, обманнымъ образомъ захватившій себѣ власть. Послѣ сего, Григорій Шаховскій (Schakorski) бѣжалъ съ Царскою печатью и, утверждая, что первый Дмитрій и нынѣ еще живетъ въ Польшѣ, снова возбудилъ сильныя волненія. Мало того, когда этотъ первый обманъ былъ обнаруженъ, то онъ выдумалъ снова еще другого Дмитрія, котораго весьма сильно поддерживали Петръ Θεодоровичъ, незаконный сынъ Θεодора Іоанновича²⁾ шатающійся между казаками, и Поляки. Они измышленнаго третьяго Дмитрія, иначе на-

¹⁾ У Рейтенфельса ошибочно „Михайловича“.

²⁾ Такихъ было нѣсколько, перечисленныхъ у Соловьева—Исторія Россіи, т. VIII, гл. 4.

зываемаго Іоанномъ, супруга Марины, бывшаго до сего школьнымъ учителемъ въ Польшѣ, привели къ Россійской границѣ (въ то время, когда вся Московія была терзаема внутренними и внѣшними войнами), дабы съ большимъ успѣхомъ, на чужую отвѣтственность, выполнять собственные замыслы. Въ это время король Шведскій, Карль IX, предложилъ Москамъ помощь противъ Поляковъ, пославъ ради сего Петра Петрея ¹⁾, выдающагося между прочимъ, составителя описанія Русскаго государства. Русскіе же, хотя сперва и отказались, въ 1609 г., однако усиленно просили о ней, и Яковъ Делагарди пришелъ съ войскомъ въ 5.000 человекъ. Съ этимъ небольшимъ войскомъ онъ овладѣлъ громаднымъ Новгородомъ, когда Моски отказались было платить обѣщанное жалованье, и держалъ его въ подчиненіи у своего короля до тѣхъ поръ, пока дѣло это не уладилось заключеніемъ мира. Межь тѣмъ, когда Василій, ничѣмъ не успокоивая народъ, волнующійся вслѣдствіе раздоровъ, отправился въ монастырь, препоручивъ заботу о государствѣ Теодору Мстиславскому, король польскій Сигизмундъ занялъ Смоленскъ. Дмитрій третій же, послѣ многихъ поражений со стороны Московъ и осады Москвы, бѣжалъ къ Татарамъ и былъ тамъ измѣнически убитъ въ то время, какъ пировалъ и плясалъ съ ними, пронзенный выстрѣломъ изъ фугези (bombardae ictu). Послѣ его смерти многіе присягнули и пристали къ Лжедмитрію четвертому, возбудившему смуты въ Западной Россіи, а вскорѣ послѣ сего, къ Лжедмитрію пятому, сыну Марины, изъ коихъ первый, нигдѣ не имѣвшій никакого успѣха, умеръ внезапно: неизвѣстнаго происхожденія, изгнанный изъ Пскова, онъ, сядясь на коня, былъ пронзенъ копьемъ и погибъ. Большинство тогда избрало Русскимъ Царемъ Владислава, сына короля Сигизмунда, въ то время еще несовершеннолѣтняго, но потомъ внезапно раскаялось въ этомъ рѣшеніи, стоившемъ имъ много крови, когда они, подъ предводительствомъ патріарха Гермогена, Заруцкаго и Ляпунова, излюбленныхъ вождей народа, стали изгонять Поляковъ изъ Москвы. Но если въ 1610 году Моски, возбуждающимъ сожалѣніе образомъ, опустошили огнемъ и мечомъ Вильну, столицу Литвы, то и Поляки также, кромѣ похищенія громадныхъ сокровищъ, столь кровопролитно отмстили имъ, что въ 1612 году Русскіе рѣшили отправить пословъ къ императору Матвѣю, дабы, чрезъ его посредничество, Поляки перестали бы тревожить нападеніями Россію, не имѣющую вожда. Наконецъ, былъ извлеченъ изъ убѣжища своего и переданъ Сигизмунду, въ качествѣ плѣнника, и Василій Ивановичъ Шуфскій, который вскорѣ былъ схороненъ въ полѣ, близъ Гостининскаго замка ²⁾ (агх

¹⁾ Де Ерлезунда. Русскій переводъ его сочиненія, см. въ „Чтеніяхъ“ 1865—87 г.

²⁾ Гостынинъ — нынѣ уѣздный городъ Варшавской губ., на р. Скрвъ, при-

Gossinensis), но, по окончаніи войны, его бранные останки были почтены въ Варшавѣ памятникомъ отъ государства, а, немного времени спустя, увезены въ Москву.—Другіе призывали къ себѣ Карла Филиппа, брата Шведскаго короля Густава Адольфа, который, однако, не довѣряя постоянству Московъ, добровольно самъ отказался отъ посягательствъ на царство. Наконецъ, Дмитрій шестой, по порядку, бывший когда-то писцомъ при дворѣ, сталъ было волновать Московское государство, выдавая себя за Дмитрія Шуйскаго, но онъ, въ самомъ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, понесъ достойное своему преступленію наказаніе, бывъ преданъ позорной казни. И вотъ краткій очеркъ исторіи о Дмитріяхъ, не мало, впрочемъ, постигнѣ, запутанной туманными противорѣчіями и мелкими подробностями.

Г Л А В А 14.

О Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, изъ древняго рода Романовыхъ, черкесскихъ князей, отпрыскъ знатнаго происхожденія, уже прославившійся военною доблестью, былъ единодушно избранъ править государствомъ въ 1615 или, по русскому лѣтосчисленію, въ 7123 году¹⁾, отъ сотворенія міра, изъ подъ самаго плаща матери, укrywшей его, изъ опасенія, въ монастырѣ города Костромы, главнымъ образомъ, стараніями Трубецкаго, Пожарскаго и казаковъ, а также, въ значительной степени, по совѣту нѣкоего псковитянина, коему, впоследствии, признательный Князь поручилъ должность сборщика податей. Въ этомъ мужѣ Псковъ, кажется, вѣщимъ образомъ, проявилъ древнюю доблесть мудраго Гостомысла, который нѣкогда удачно посовѣтовалъ избрать варяговъ въ Русскіе Князья. Съ благоразумной осторожностью избѣгалъ юный Михаилъ до этого всѣхъ почестей, которыя на каждомъ шагу встрѣчались ему повсюду въ изобиліи. Ибо, удалясь въ отдаленныя мѣста, онъ не только великодушно отклонилъ просьбы бояръ, но даже расчистилъ себѣ путь къ отступленію мечомъ, когда казаки пытались какъ бы нѣкими, пріятнымъ насиліемъ заставить его принять скипетръ, при чемъ убили многихъ изъ нихъ. Отецъ сего новаго Царя, Ѳеодоръ Никитичъ²⁾ Романовъ былъ однимъ изъ главныхъ пра-

токъ Вислы. Изъ развалинъ замка, гдѣ былъ заключенъ Шуйскій, выстроена евангелическая церковь. Подробности о плѣнѣ Шуйскихъ, ихъ смерти, похоронахъ см. въ книгѣ Либровича — „Царь въ плѣну“. Сиб. 1901 г., и др.

¹⁾ Въ 1613 г.

²⁾ У Рейтенфельса ошибочно „Николаевичъ“.

вителей (ministros), какъ ихъ называютъ, государства, который, съѣздивъ удачно посломъ въ Польшу, принявъ, по избраніи сына въ Великіе Князья, имя Филарета и прославился подъ патріаршимъ клобукомъ. Михаилъ, прежде всего, немедленно отправилъ пословъ къ Имп. Матвѣю, дабы скрѣпить старый дружественный союзъ договоромъ о новомъ оказаніи помощи. Благодаря его заботамъ о мирѣ, удачно заключенномъ съ сосѣдями, Москва, какъ бы мертвая до сего, казалось, вновь ожила. Ибо, дѣйствительно, никто кромѣ Михаила, доблестнѣйшаго Князя, и, какъ бы, новаго основателя, не былъ бы въ состояніи возстановить утомленное и почти погибающее, подъ игомъ столь многихъ золъ, государство; какъ въ частной жизни своей онъ держалъ себя въ высшей степени похвально, такъ и, ставъ во главѣ всего государства, онъ поддержалъ прежнюю добрую о себѣ славу. Хотя и видѣлъ онъ себя внесеннымъ превыше всѣхъ людей, тѣмъ не менѣе, сердце его всегда питало любовь къ низшимъ, такъ что онъ, подавляя въ себѣ великодушно всякую гордыню, считалъ, что для созиданія Царя, нужны тѣ же элементы¹⁾, какіе нужны для хорошаго человѣка вообще. Перво наперво онъ всенародно предалъ достойной казни послѣдняго Дмитрія, называвшагося собственно Тимошкою Анкундиновымъ. Этотъ Дмитрій, въ то время, какъ всѣ были на сторонѣ Михаила, убѣжалъ, не находя себѣ никакого дѣла въ Россіи, сперва въ Польшу, затѣмъ, въ скоромъ времени, въ Константинополь, гдѣ принялъ даже обрѣзаніе, какъ оно производится у турокъ,—отсюда въ Римъ, гдѣ сдѣлался католикомъ, и, наконецъ,—въ Виттенбергъ, гдѣ сталъ лютераниномъ. Выданный, наконецъ, Голштинскимъ герцогомъ московскому послу и привезенный въ Москву, онъ былъ битъ кнутомъ, удушенъ веревкою, а трупъ разрубленъ на пять частей послѣ того, какъ его продержали нѣсколько времени закованнымъ въ цѣпяхъ, на воротахъ Царскаго дворца, какъ бы на позорномъ нѣкоемъ сѣдалищѣ, напоказъ всѣмъ. Польскія войска Михаилъ мужественно отразилъ; такъ какъ до сего Русскіе колебались въ своемъ выборѣ, то они, будучи высланы впередъ Владиславомъ, уже обложили городъ и ждали прибытія короля. Михаилъ же, освободивъ сперва городъ, вытѣснилъ ихъ также и изъ Кремля и, наконецъ, совсѣмъ изъ Россіи, заключивъ, впрочемъ, съ ними договоръ. Говорятъ, Поляки тогда разграбили всю казну Московскаго Царя и захватили съ собою Царскую корону, какъ говоритъ нѣкто, что, кажется, не совсѣмъ похоже на истину, такъ какъ Полякамъ было предоставлено уйти не иначе, какъ съ позволенія Русскихъ изъ Кремля и изъ страны, гдѣ вещь, столь важная для Рус-

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно „смѣсь“ (massa), или, болѣе русское „тѣсто“.

скихъ въ то время, была бы въ пренебреженіи. Была война и со Шведами, но вскорѣ, въ 1618 году, послѣдовалъ благотворный миръ. Въ 1631 году, незадолго до заключенія новаго мира съ Поляками, Михаилъ отправилъ въ Польшу посла, который потребовалъ отъ государственныхъ чиновъ (короля у нихъ въ то время не было) не обнажая головы, возвращенія Смоленска, съ суровыми угрозами и готовый вручить имъ, въ случаѣ отказа, обнаженную саблю, въ знакъ объявленія войны. Въ это же время пріѣзжали въ Москву и Персію Голштинскіе послы и съ ними знаменитый Олеарій, съ цѣлью открыть новые торговые пути. Въ 1633 году, Владиславъ Четвертый, снова начавъ войну, отнялъ у Московъ многіе города и тѣснилъ Смоленскъ долгою осадю, а въ 1645 году (въ которомъ онъ получилъ отъ шаха персидскаго великолѣпнѣйшіе подарки въ знакъ дружбы и заключилъ съ нимъ союзъ) Михаилъ, Государь, о которомъ всѣ весьма сожалѣли, скончался.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Дворъ и нынѣшнее правленіе.

Г Л А В А 1.

Объ Алексѣѣ Михайловичѣ, нынѣшнемъ Царѣ Русскихъ.

Алексѣй Михайловичъ, нынѣ благополучно царствующій, принялъ бразды правленія послѣ смерти достохвальнаго отца своего, въ 1645 году, юношею 16 едва лѣтъ отъ роду. Такъ какъ его дѣянія еще свѣжи въ нашей памяти, то я коснусь ихъ лишь кратко и въ общихъ чертахъ. Кромѣ разныхъ обременительныхъ войнъ со Шведами, Поляками, Казаками, Татарами и Турками, противъ него происходили и опасныя возстанія. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ—два: одно въ городѣ Конотоцѣ, которое, впрочемъ, было подавлено, главнымъ образомъ, нѣмецкими солдатами; другое — необузданное (effrenata) возстаніе московскихъ жителей, вызванное чрезмѣрнымъ своеволіемъ (licentia) бояръ и судей (Boiharogum et iudicum), Морозова, главнымъ образомъ, по отношеніи къ людямъ низшаго сословія, но и это возстаніе было погашено почти въ самомъ началѣ его. Въ послѣднее время, наконецъ, Степанъ Разинъ, съ своею шайкою, доставилъ Московскому Царству не мало хлопотъ. Въ 1647 году Алексѣй сочетался бракомъ съ дочерью боярина Иліи Даниловича¹⁾, межъ тѣмъ, какъ на сестрѣ ея женился бояринъ Морозовъ, управлявшій до сего дворцомъ Царя (aulae magister). Но, послѣ смерти первой супруги, въ 1671 году, Алексѣй, съ Божьяго благословенія и по общему желанію, вступилъ во второй, счастливый и плодотворный бракъ съ Натальей Кирилловной, дочерью Кирилла Полуэктовича²⁾,

¹⁾ Милославскаго.

²⁾ Нарышкина.

смоленскаго боярина и войсковаго тысяцкаго (tribuni militum), котораго онъ, впоследствии, какъ тестя своего, удостоилъ перваго мѣста между боярами. Въ разное время отправлялъ онъ посольства, чрезвычайно пышныя, и прославившія имя его, не только ко всѣмъ христіанскимъ государямъ Европы, но даже и въ Азію, къ Персамъ, Татарамъ и Китайцамъ, и, въ свою очередь, принималъ таковыя же отъ чужеземныхъ правителей. Въ 1672 году, въ Москву прибыло польское посольство, чрезвычайно блестящее и поражающее взоры свитою въ 400 человѣкъ и великолѣпными дарами, присланное королемъ Михайломъ. Чтобы проводить это посольство въ городъ было выставлено болѣе 16,000 отборнѣйшей конницы и пѣхоты, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ пути, покрытаго снѣгомъ (это происходило зимою), на протяженіи двухъ милліаріевъ. Для усиленія великолѣпія, къ нимъ были еще присоединены бояре и московское знатное дворянство, красовавшіеся въ пышныхъ азіатскихъ одеждахъ, роскошно украшенныхъ (сказать бы, войско Дарія). Эта красивая картина блестящаго торжества неудержимо привлекала взоры всѣхъ. Послы эти пробыли пять мѣсяцевъ въ Москвѣ, на щедромъ иждивеніи Царя, при чемъ съ ними обращались истинно по-царски, а, при отъѣздѣ, и съ той и съ другой стороны, были розданы обильные дары, не говоря уже о весьма частыхъ почестяхъ, оказанныхъ имъ каждый разъ, какъ они допускались къ Царю. Между прочими членами посольства, находился благородный г. Геркулесъ Цани, родомъ изъ древнѣйшей, ученѣйшей, и богатѣйшей Болонской семьи, котораго Царь крайне щедро одарилъ, по особой къ нему милости, когда узналъ, что онъ—итальянецъ и извѣдиль, неустанно путешествуя, всю Европу. Я узналъ его, какъ мужа, настолько выдающагося своимъ происхожденіемъ, ученостью, опытностью, челоуѣколюбіемъ и щедростью, что счелъ бы за несправедливость и за грѣхъ, не объявить объ этомъ открыто, во всеобщее вѣдѣніе.

Росту Алексѣй, впрочемъ, средняго, съ нѣсколько полнымъ тѣломъ и лицомъ, бѣлъ и румянь, цвѣтъ волосъ у него средній между чернымъ и рыжимъ, глаза голубые, походка важная, и выраженіе лица таково, что въ немъ видна строгость и милость, вслѣдствіе чего онъ, обыкновенно, внушаетъ всѣмъ надежду, а страха—никому и ни сколько.

Нрава же онъ самаго выдержаннаго и, поистинѣ, приличествующаго столь великому Государю: всегда серьезень, великодушень, милостивъ, цѣломудренъ, набоженъ и весьма свѣдуць въ искусствѣ управленія, а также въ совершенствѣ знаетъ выгоды и планы чужеземцевъ. При этомъ онъ не мало времени посвящаетъ чтенію книгъ (насколько это возможно при отсутствіи у нихъ литературы) и из-

ученію наукъ, касающихся природы и политики. Большую часть дня онъ удѣляетъ совѣщанію о государственныхъ дѣлахъ, не малую также размышленію о вопросахъ вѣры и богослуженія, часто вставая даже по ночамъ для воздаванія Богу хвалы по цсалтири царя Давида. Довольно рѣдко выѣзжаетъ онъ на охоту въ помѣстья (praedia), т.-е. загородные дворцы (palatia campestria). Посты онъ соблюдаетъ строже, чѣмъ кто-либо, а постъ сорокадневный, передъ Пасхой, онъ строжайше соблюдаетъ, добровольно воздерживаясь отъ употребленія даже вина и рыбы. Отъ всякихъ напитковъ, а, въ особенности, водки, онъ такъ воздержанъ, что не допускаетъ бесѣдовать съ собою того, кто выпилъ этой водки. Въ военномъ дѣлѣ онъ свѣдущъ и неустрашимъ, однако предпочитаетъ милостиво пользоваться побѣдами, нежели учить враговъ миру жестокими мѣрами. Особенно онъ явилъ себя достойнымъ славы великодушія во время войны съ Ливонцами, когда онъ обложилъ стѣны Риги осадю. Онъ занимается и благотворительностью и щедро одѣляетъ нищихъ, коимъ, не только почти ежедневно, собравъ ихъ толпу около себя, подаетъ обильную милостыню, а наканунѣ Рождества Христова посѣщаетъ заключенныхъ въ темницахъ и раздаетъ имъ деньги. Иностранцамъ, состоящимъ за жалованье на военной службѣ, либо пріѣхавшимъ въ Московію, для исполненія какой-либо иной Царской службы, онъ щедро даритъ, какъ бы въ залогъ своей милости, платья, коней и иные подарки, а также предоставляетъ имъ, движимый все тою же добротою души, болѣе свободы, нежели прежде, въ сношеніяхъ съ Мосхами. Это—Государь доблестнѣйшій и справедливѣйшій, равнаго которому имѣютъ немногіе христіанскіе народы, всѣ же, по справедливости, желаютъ имѣть.

Кромѣ того, Алексѣй такъ преданъ набожному образу жизни, что съ нимъ постоянно духовникъ, безъ разрѣшенія котораго, онъ не посѣщаетъ даже никакихъ игръ или зрѣлищъ. По внушенію послѣдняго, и при содѣйствіи также покойной Царицы, онъ велѣлъ вынести дорогіе, прекрасной работы, органы, находившіеся въ главной церкви Кремля, и удалить, вообще, всякую музыку изъ храмовъ. Въ 1640 г. онъ, съ цѣлью показать свою щедрость патриарху Іерусалимскому, подарилъ ему 100.000 рублей, или венгерскихъ червонцевъ, за частицу Святаго Креста, въ видѣ отдарка за столь цѣнный подарокъ, при чемъ побѣщавъ, согласно обычаю предковъ, постоянную защиту и помощь, насколько это ему будетъ возможно, православнымъ христіанамъ на Востокѣ, хотя иногда выражаетъ страстное желаніе присоединиться къ св. католической церкви. Сердечной доброты — дабы увѣнчать какъ бы драгоценнымъ камнемъ, перечень его хорошихъ качествъ—въ немъ столько, что онъ строжайше требуетъ ея также и

отъ другихъ. Поэтому, когда нѣкій Грузинскій князь, проживающій изгнанникомъ, съ матерью своею, въ Москвѣ, приказалъ урѣзать нѣкоторымъ изъ слугъ своихъ уши и носъ, за оскверненіе придворныхъ дѣвицъ, то Алексѣй, по справедливости, страшно негодуя за отвратительный поступокъ, однако выразилъ, чрезъ посла, строгое порицаніе своему гостю за такую жестокость, прибавивъ къ тому еще, что если онъ и въ будущемъ намѣренъ проявлять такой нравъ, то чтобы онъ отправлялся къ себѣ въ Грузію, или выбиралъ бы себѣ другое пристанище, ибо онъ, Алексѣй, никоимъ образомъ не можетъ допустить его жестокостей въ Московіи.

Но, о горе! Въ то самое время, какъ я готовился обнародовать вышесказанное, мнѣ приносятъ печальныя вѣсти о томъ, что Алексѣй, сей несравненный Государь, достойный всякой похвалы за свою набожность, мудрость, справедливость и высшія свои качества, сего 1676 года, 29 января, послѣ девятидневной болѣзни, къ лютѣйшему прискорбію всей Московіи, скончался, проживъ 55 лѣтъ. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ, говорятъ, по достопамятному великодушію своему, простилъ всѣмъ своимъ должникамъ нѣсколько тоннъ ¹⁾ золота и приказалъ освободить изъ темницъ 300 осужденныхъ на смертную казнь за уголовныя преступленія и раздать изъ Царской казны 6000 венгерскихъ червонцевъ нищимъ, въ видѣ милостыни—посѣва для жатвы въ будущей жизни. Ему наслѣдовалъ сынъ Федоръ, или Феодоръ, Алексѣевичъ, Государь, на котораго возлагаютъ большія надежды, такъ какъ онъ не только унаслѣдовалъ преемственнымъ образомъ всѣ добродѣтели великаго своего родителя, но, повидимому, получилъ превосходное тщательное воспитаніе и основательно изучилъ государственныя науки. Дабы подданные скорѣе присягнули ему, самъ Алексѣй, умирая, потребовалъ отъ присутствующихъ бояръ, чтобы они, тутъ же, поклонились Феодору въ вѣрности.

Г Л А В А 2.

О государственномъ гербѣ и о титулѣ Царя.

Титуль и гербъ Царя настолько же были многими, до сей поры, различно описаны, насколько и невѣрно другими поняты.

Въ древнія времена, Русскіе, равно какъ и прочіе скинскіе, Князья употребляли изображеніе лука и стрѣлы, вмѣсто герба, а также и плуга, какъ предметовъ священныхъ для нихъ. По принятіи же христіанства, гербомъ имъ служили три кружка, заключен-

¹⁾ Тонна, корабельный вѣсъ=2000 фунт.

ные въ треугольникѣ. Въ первомъ кружкѣ было написано: „Богъ нашъ Троица, прежде всѣхъ вѣковъ бывшая, Отець, Сынъ и Духъ Святыи, но не три Бога, а одинъ по существу“, во второмъ—почетныя прозванія того князя, которому назначалась грамота, въ третьемъ—титулъ самого Царя. Когда, съ теченіемъ времени этимъ гербомъ перестали пользоваться, Русскіе, особенно послѣ завоеванія Литвы, взяли себѣ за гербъ всадника, поражающаго дракона копьемъ. Весьма правдоподобно, однако, повидимому, то, что Русскіе пользовались этимъ гербомъ и гораздо раньше, ибо, говорятъ, многіе другіе сѣверные народы пользовались имъ также. Наконецъ, въ 1540 году, Иванъ Васильевичъ, надменно производя свой родъ отъ самого Августа, впервые избралъ гербомъ двуглаваго (geminet) орла съ распростертыми крыльями. Двуглавый орелъ этотъ увѣнчанъ двумя коронами такъ, что между ними, посреди, возвышается третья, а на груди его находится на конѣ Св. Георгій, поражающій копьемъ дракона. Этотъ государственный гербъ употребляется и понынѣ.

Что же касается исторіи о титулѣ, то старинная простота нравовъ относилась къ нему съ, достойнымъ похвалы, пренебреженіемъ, въ настоящее же время, при теперешнихъ сношеніяхъ, о немъ тщательнo заботятся. Въ древнія времена, народы, болѣе суровые, предпочитали блистать скорѣе личными качествами и славными дѣянiями, нежели ничего не значащими прозваніями. Изъ Русскихъ Князей, и донынѣ именующихъ себя Князьями или Великими Князьями, Владиміръ Святославичъ сталъ первый называться Царемъ, т.е. Правителемъ (Rex) и Обладателемъ (Dominus), всей Россіи. Московиты, по этому, стараются доказать, по лѣтописнымъ своимъ свидѣтельствамъ, что они это прозваніе „Царя“ получили отъ греческихъ императоровъ. Когда же это прозваніе, нѣкоторое время, находилось какъ бы въ забвеніи, то Даниль Романовичъ, считая титулъ Великаго Князя ниже своего достоинства, принялъ отъ римскаго Первосвященника, принявъ и латинскіе обряды, титулъ короля, въ 1246 г. ¹⁾

Тотъ пространнiй титулъ, которымъ пользуются нынѣшніе Цари, возникъ при Иванѣ Васильевичѣ, около 1520 г. Полагаю, что это нисколько не будетъ отступленіемъ отъ, принятаго мною, плана, если я здѣсь, приведу на образецъ его: „Божіею, въ Троицѣ славимаго, милостью, Великій Обладатель, Царь и Великій Князь Федоръ, или, Феодоръ, Алексѣевичъ, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Царь Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгар-

¹⁾ См. стр. 54.

скій, и иныхъ земель Обладатель, и Великій Князь Нижегородскій, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій ¹⁾, Удорскій, Обдорскій, Кандинскій и всего Сѣвернаго побережья Повелитель, Обладатель Иверіи, Царь Карталиніи, Грузіи, Кабардинскій, Черкасскій, и Горскихъ Князей и многихъ, другихъ странъ и земель на Востокъ, Западъ и на Сѣверъ, Отчичъ, Дѣдичъ и Наслѣдникъ, Государь и Обладатель“. Этотъ блестящій перечень названій въ титулѣ таковъ, что въ немъ встрѣчаются нѣкоторыя слова, изъясняющія величіе Царя, но которыя у насъ не употребляются. Таковы: Государь (Asudag), т.-е. Великій Повелитель, Обладатель, т.-е. содержащій подъ своей властью, Самодержецъ или Единодержавецъ, т.-е. охранитель (conservator) и защитникъ (defensor), не нуждающійся въ посторонней помощи, Великій Князь и Повелитель, т.-е. Императоръ. Послѣднее, впрочемъ, не означаетъ какого-либо высшаго и единоличнаго властителя надъ земнымъ шаромъ, а имѣющаго власть, у себя, въ государствѣ, самовольно распоряжаться и приказывать. Поэтому Русскіе называютъ императора надъ христіанами также Кесаремъ. Нѣкогда Московскій Царь прозывался нѣкоторыми „Бѣлымъ Царемъ“, такъ какъ подданные его, въ Бѣлоруссіи, носятъ, преимущественно, бѣлую одежду и бѣлыя шапки. Многіе ошибочно полагаютъ, что „Царь“ означаетъ „Кесарь“, но, до сей поры, Русскіе никогда не утверждали этого: ибо имъ извѣстно, что на ихъ языкѣ слова „Кесарь“ и „Царь“ значатъ совершенно разное. Поэтому, гдѣ въ Св. Писаніи различаются императоръ и король, то Московиты, въ Библии, на русскомъ языкѣ, называютъ императора — Кесаремъ, а короля—Царемъ. Такъ они постоянно называютъ Давида, Соломона и прочихъ королей изъ Священной Исторіи—Царями. Это же слово „Царь“, повидимому, принадлежитъ древне-скиескому, или даже арамейскому, языку, который сохранился и общеупотребителенъ и понынѣ у Татаръ, но нѣсколько измѣненный. Отъ нихъ то это слово и перешло къ Русскимъ. На первоначальномъ языкѣ страны „Царь“ обозначало не болѣе, какъ „владѣлецъ“ и выраженія „Тюменскій царь, Китайскій царь“ и т. д. и понынѣ встрѣчаются за Волгою.

Поляки, не соглашавшіеся въ 1551 году, признать за Московомъ, титулъ Царя, главнымъ образомъ, опирались на тотъ доводъ, что, дескать, такъ именуются и варварскіе, татарскіе князья, и говорили, что они поступятъ не согласно съ достоинствомъ христіанъ, если будутъ воздавать ему одинаковыя, какъ у варваровъ, почести. Но, чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ языческіе, такъ и почти всѣ христіанскіе, государя, и даже самъ Римскій Императоръ стали удостоивать Великаго

¹⁾ Въ подлинникѣ описка „Бѣлоцерковскій (Bialocerkwae).

Князя Московскаго этимъ названіемъ. Одинъ лишь Первосвященникъ Римскій, по прибытіи къ нему, въ 1678 году, Московскаго посла, отсался сдѣлать это въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ и вполне справедливо, такъ какъ Русскіе называли Папу (Papat) лишь „Учителемъ“, т.-е. ученымъ (*Uzitel sive Doctoris nomine*), хотя они и объяснили, конечно ради только отговорки, это тѣмъ, что имъ неизвѣстенъ папскій титулъ. Впрочемъ, у іезуита Альберта Віюка Кояловича, во второй части Литовской исторіи, Московскіе послы утверждаютъ, будто Папа Климентъ и императоръ Максимилианъ, не отказывали ихъ Царю въ этомъ титулѣ. Какъ бы ни было, но титулъ Царя слѣдуетъ признать въ высшей степени подходящимъ къ величію и могуществу Московита, ибо столь многія и столь великія страны, коихъ онъ себя называетъ Царемъ и Обладателемъ, отнятыя по неоспоримому праву войны у язычниковъ, онъ, дѣйствительно, держитъ подъ своей властью. Въ самомъ дѣлѣ! Если мы награждаемъ злѣйшихъ враговъ христіанства, только по причинѣ ихъ сильнаго могущества, и королями и императорами и еще, Богъ вѣсть, какими длинными титулами, то почему же не пользоваться Московскому королю, т.-е. Царю, тѣмъ почетнымъ титуломъ, который онъ себѣ приобрѣлъ кровью? Не можетъ быть даже и подозрѣнія въ томъ, что они желаютъ себѣ титулъ „Царя“ какъ нѣчто бѣльшее, нежели „Король“, ибо Русскіе называютъ всѣхъ иностранныхъ европейскихъ государей не Царями, а, взятымъ отъ Поляковъ, именемъ—Короля. Такъ, Витовтъ, Великій Князь Литовскій, не задумался провозгласить, въ 1418 году, Тахтана, начальника татарской конницы, возложивъ ему на голову шапку, украшенную жемчугами, Царемъ, хотя совершенно былъ чуждъ ему и по языку, и по происхожденію, и по вѣрѣ. А Русскіе, вслѣдствіе того, что имѣли больше сношеній съ азіатскими правителями, нежели чѣмъ съ европейскими, и называли первыхъ, согласно ихъ языку, Царями, а вторыхъ, заимствованнымъ у Поляковъ именемъ, Король, безъ всякаго умысла. Но такъ какъ тутъ, пожалуй, мнѣ скажутъ: „довольно“¹⁾, то я заявляю, что я не въ состояніи разобратся въ этихъ спорныхъ вопросахъ.

Г Л А В А 3.

Объ обрядѣ вѣнчанія на Царство.

Въ обширнѣйшемъ храмѣ, воздвигнутомъ въ честь Преблагенной Богоравной Дѣвы, и возвышающемся при Царскомъ Дворцѣ, но-

¹⁾ Здѣсь въ подлинникѣ стоитъ выраженіе „*manum de tabula*“ т.-е., буквально „прочь руку отъ картины“, т. е. „довольно“, свидѣтельствующее о высокой степени образованія автора и его начитанности.

вый Царь Московъ вѣнчался на Царство, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: послѣ того какъ къ этому священнодѣйствию собрались въ большомъ количествѣ, какъ будто на народное собраніе, все духовенство, вельможи, дворянство и воинскіе начальники, а также и именитѣйшіе горожане, то на великолѣпно устроенномъ возвышеніи поставили три кресла въ рядъ. На первомъ, серебряномъ и разукрашенномъ золотомъ, сѣлъ будущій наслѣдникъ царства, одѣтый, по обычаю страны, въ длинное одѣяніе, разукрашенное золотомъ и драгоценными камнями. Рядомъ съ нимъ, второе занялъ Патріархъ, которому предстояло совершить обрядъ. На третьемъ были приготовлены: знаменитая шапка, узванная кругомъ драгоценными камнями, громадная золотая цѣпь и княжескій поясъ (*singulum ducalis*), съ прибавленіемъ къ нимъ, золотой короны и Царской златотканной порфиры, тяжелой отъ дорогихъ жемчуговъ. Почти всѣ эти уборы служатъ для этого обряда со временъ Владиміра Мономаха. Итакъ, межъ тѣмъ какъ духовенство, рядомъ пѣснопѣній, испрашиваетъ будущему новому Царю всякихъ благополучій, старшій между вельможами проситъ Патріарха приступить къ совершенію обряда вѣнчанія на Царство. Тотъ, помолвившись Богу и всѣмъ святымъ, приглашаетъ Царя, который, тѣмъ временемъ, всталъ, опять сѣсть съ нимъ вмѣстѣ на кресло. Московскій митрополитъ читаетъ молитву о благополучіи въ будущемъ, а Патріархъ творитъ надъ нимъ крестное знаменіе и возлагаетъ при этомъ крестъ, осыпанный жемчугами, на чело Царя. За симъ, старшій изъ вельможь облакаетъ Царя въ порфиру и, принявъ отъ Патріарха шапку съ золотымъ, коронкообразнымъ, украшеніемъ наверху, надѣваетъ ее Царю на голову. Послѣ сего, священники начинаютъ пѣть литію (*litaniam*), т.е. мольбы къ святымъ, и обычныя молитвы къ Блаженной Дѣвѣ, и, благословляють, по порядку всѣ—что продолжается довольно долго—новаго Царя, крестя его приподнятою рукою. То же самое дѣлають и прочія сословія, дабы Царь благополучно царствовалъ на многіе и многіе годы, послѣ чего Патріархъ обращается къ нему съ увѣщаніемъ: почитать Бога и Его святыхъ иконы, править дѣлами по справедливости, неуклонно соблюдать русскую вѣру и распространять ее. Изъ этого храма всѣ, длиннымъ шествіемъ, идутъ сперва въ храмъ Св. Михаила, а затѣмъ въ церковь Св. Николая, находящіяся оба въ Кремлѣ, и служатъ, въ томъ и другомъ, молебны.

Во время этого шествія, по приказанію Царя, въ тѣснящуюся кругомъ съ поздравленіемъ толпу народа, бросаютъ множество золотыхъ и серебряныхъ монетъ, выбитыхъ въ память сего торжества и приглашаются знатнѣйшія лица изъ всѣхъ сословій къ великолѣпному и обильному пиршеству. Здѣсь, Царь, снявъ изъ одѣянія то,

что пообрѣнительнѣе, подпоясанный вышеназваннымъ поясомъ и съ посохомъ изъ рога Единорога въ рукахъ, сидитъ на тронѣ, нѣсколько возвышающемся, среди столовъ, поставленныхъ въ два длинныхъ ряда. Послѣднимъ—объ остальныхъ, великолѣпно приготовленныхъ яствахъ, я умолчу — приносится какимъ-нибудь жителемъ г. Переяславля блюдо изъ рыбы сельди, похожее на нашу рыбную похлебку (halek) для напоминанія о пользѣ воздержанности ¹⁾. Для увѣнчанія, какъ-бы, пира концемъ, знаменующимъ счастливое будущее, Царь посылаетъ каждому золотой кубокъ съ виномъ, который всѣ добросовѣстно и осушаютъ, при чемъ усерднѣйше отвѣчаютъ на эту милость пожеланіями Царю счастливаго царствованія и постоянного здоровья.

Объ остальныхъ выраженіяхъ радости и подробностяхъ торжества я считаю лучше умолчать, нежели сообщать что-либо невѣрное, ибо, конечно, они измѣняются съ теченіемъ времени, да и не особенно многочисленны у Русскихъ.

Г Л А В А 4.

О бракосочетаніи Царя.

Изъ различныхъ иныхъ особенностей, которыми Цари Московскіе отличаются отъ прочихъ государей Европы, особенно слѣдуетъ, поистинѣ, упомянуть о томъ, что они, никоимъ образомъ, не соглашались искать себѣ женъ у чужестранцевъ. Такъ какъ препятствіемъ или тормазомъ (sufflamen) къ сему служить не что иное, какъ различіе вѣроисповѣданій, то, вслѣдствіе сего, и дочери Царей не охотно выдаются замужъ за иностранцевъ, за предѣлы страны. Почему и въ канонахъ Іоанна митрополита ²⁾ (котораго они считаютъ за пророка) сказано: не должно выдавать дочерей Князя замужъ за тѣхъ, кто употребляетъ нечистое въ пищу или причащается опрѣсноками (azumis). Итакъ, Цари избираютъ себѣ супругъ изъ собственныхъ подданныхъ, совершенно такъ, какъ поступилъ восточный императоръ Никифоръ, призвавшій, говорятъ, самыхъ красивыхъ дѣвицъ во дворецъ, намѣреваясь избрать супругу для сына Ставранія. И соблюдаютъ они этотъ дѣдовскій обычай и понынѣ весьма строго, главнымъ образомъ, изъ-за того, чтобы не возбуждать, сроднившись и смѣшавшись чрезмѣрно, съ иноземцами, у подданныхъ желанія поступать такимъ же образомъ, ибо они

¹⁾ Другое объясненіе см. у Петрея де Ерлезунда, ч. 3-я.

²⁾ Каноническіе отвѣты митрополита Іоанна II, нареченнаго Пророкомъ Христовымъ.

въ достаточной мѣрѣ узнали, насколько это имъ невыгодно, когда они, нѣкогда, выдавали своихъ Царевенъ за польскихъ и иныхъ королей, и литовскихъ великихъ князей, или же сами брали себѣ женъ изъ Грузіи, или иной какой страны. Въ 1671 году, во время нашего пребыванія въ Московіи, Алексѣй, оплакавъ достойнымъ образомъ покойную жену свою, вознамѣрился жениться во второй разъ и приказалъ всѣмъ, прославившимся своею красотою знатымъ дѣвицамъ, собраться у Артамона Сергѣевича ¹⁾ (изворотливаго, какъ говорится въ пословицѣ, Артамона), управляющаго Дворомъ. Когда тѣ всѣ собрались, то Царь, потаеннымъ ходомъ, пришелъ къ Артамону въ домъ и, спрятавшись въ тайникъ (откуда, однако, ему была видна комната, назначенная для женщинъ) тщательно разсматривалъ, не только по отношеніи къ одной внѣшности, но и по отношеніи къ духовнымъ качествамъ и поведенію, все это красивое, хотя и не воинственное женское войско, а когда онъ, поодиночкѣ, проходили мимо того окошка, изъ котораго онъ смотрѣлъ, то онъ заботливо вглядывался, сколько, въ каждой изъ нихъ, искусственной и природной красоты. Въ прежнія времена, кромѣ этого осмотра, еще подвергались чрезъ, испытанной вѣрности, женщинъ, подробному изслѣдованію физическія и нравственныя свойства трехъ избранныхъ самимъ Царемъ изъ всего этого сонма, дабы на Царское ложе была выбрана самая выдающаяся изъ всѣхъ. Но Алексѣй, будучи проницательнаго ума, безъ этихъ проволочекъ, съ перваго же раза, избралъ себѣ въ сожительницы Наталью Кирилловну и также скоро приобрѣлъ и ея любовь, чрезъ подарки, достойные столь великаго Государя. Однако и для прочихъ, намѣченныхъ въ супруги Царя, дѣвицъ, рѣшеніе столь справедливаго Париса не было однимъ лишь разочарованіемъ: кромѣ того, что каждая изъ нихъ вернулась домой, богато одаренная и значительно прибавивъ себѣ цѣны отъ такого знаменитаго сватовства, онъ еще, могли быть увѣрены, что выйдутъ, со временемъ, за болѣе знатныхъ, а тѣхъ, которыхъ Царь удостоилъ своего вниманія, многіе вельможи наперерывъ другъ передъ другомъ просятъ себѣ въ жены. Но, продолжимъ послѣдовательно рассказывать о свадьбѣ Алексѣя: Наталья нѣкоторое время не знала о своемъ счастьѣ, пока Царь, нѣсколько недѣль спустя, рано утромъ, не прислалъ къ Артамону на домъ, нѣсколькихъ бояръ съ придворными каретами (carpenta), въ сопровожденіи небольшого отряда конницы и трубачей. Новоизбранная невѣста жила здѣсь, совершенно не зная того, что ей предстояло, и спокойно спала глубокимъ сномъ. Шафера, сообщивъ Артамону о почетномъ порученіи, возложенномъ на нихъ отъ Царя, виѣстѣ съ тѣмъ усердно

¹⁾ Матвѣева.

Рейтенфельсъ.

просили поскорѣе отпустить ихъ, по исполненіи порученія, во дворецъ съ невѣстою. Артамонъ, конечно, не могъ противиться Царской волѣ, къ тому же столь благородной, и, разбудивъ спящую крѣпкимъ сномъ Наталью, объявилъ ей о намѣреніи Царя, на которое она и не замедлила въ высшей степени благообразно согласиться, находя это неизбѣжнымъ. Тогда ее поскорѣе одѣли въ Царское одѣяніе, привезенное изъ дворца, дабы народъ видѣлъ ее пышно наряженной, и повезли съ небольшимъ количествомъ ея прислужницъ въ Царскій дворецъ. Одѣяніе это, разукрашенное драгоценными камнями, было отъ того такъ тяжело, что она нѣсколько дней жаловалась, что оно чуть не обломало ей всѣ кости. По приѣздѣ, она тотчасъ же отправилась съ Царемъ въ церковь, гдѣ, въ присутствіи лишь немногихъ близкихъ лицъ, Царскимъ духовникомъ было совершено вѣнчаніе ¹⁾, и лишь самыя знатныя лица въ теченіе нѣсколькихъ дней были великолѣпно угощаемы пышными пирами, а Кремль все время былъ закрытъ со всѣхъ сторонъ. Что же касается до обычныхъ, у сего народа, свадебныхъ подарковъ, заключающихся въ собольихъ мѣхахъ, то Царь послалъ съ избыткомъ таковыя всѣмъ на домъ, и, кромѣ того, желая, чтобы въ его радости участвовали всѣ остальные служащіе, какъ русскіе, такъ и иностранцы, милостиво осыпалъ и ихъ щедрыми дарами и сластями. Я пропускаю здѣсь болѣе мелкія подробности Царской свадьбы, разузнавать о которыхъ, какъ и о многомъ другомъ, въ Московію никому не дозволяется.

Г Л А В А 5.

О Царицѣ или супругѣ Царя.

Хотя женщины Царскаго рода пользуются въ европейской части земного шара величайшими преимуществами предъ Московскими Царицами, однако нигдѣ онѣ не окружены такимъ почетомъ и уваженіемъ, какъ у Московъ. О нихъ не позволено говорить мало-мальски непочтительно, и никто не можетъ похвастаться тѣмъ, что видѣлъ Царицу, гдѣ-либо, съ открытымъ лицомъ. Когда онѣ проѣзжаютъ по городу, среди народа, въ каретахъ, или ѣдутъ за городъ, то онѣ до того окутаны покрывалами, что ни ихъ не видно, ни онѣ сами ничего не видятъ. Поэтому, обыкновенно, устраиваютъ такъ, что онѣ совершаютъ свои поѣздки, болѣею частью, либо рано утромъ, либо поздно вечеромъ, при чемъ впереди ѣдутъ нѣсколько солдатъ, не подпускаю-

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно: „предъ придворнымъ священникомъ были произнесены взаимныя клятвы въ вѣрности“.

щихъ, встрѣчныхъ по пути, близко къ каретамъ. Кареты, въ которыхъ ѣздятъ Царскія супруги, обиты краснымъ сукномъ и везутъ ихъ, болѣею частью, восемь бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадей, украшенныхъ нагрудниками и нахвостниками изъ краснаго шелка, а по бокамъ идетъ длинный рядъ тѣлохранителей. За каретою Царицы слѣдуютъ нѣсколько каретъ наиболѣе знатныхъ боярынъ, запряженныхъ, однако, лишь одною, или двумя, лошадьми. Кромѣ своей, домовою, во дворцѣ, церкви, онѣ крайне рѣдко посѣщаютъ какія-либо другія, а на торжественныя, всенародныя молебствія, или собранія, не являются никогда. И такой строгій, затворническій, образъ жизни своихъ Царицъ Моски, ни подъ какимъ видомъ, не хотятъ измѣнить, такъ, что когда нынѣшняя Царица, Государыня великодушная и привѣтливая, при первомъ своемъ выѣздѣ, немного пріоткрыла окно кареты, то не могли достаточно надивиться столь необычному дѣлу. Ей это поставили на видъ, и она, съ сожалѣніемъ, но благоразумно, уступила, глубоко укоренившемуся въ народѣ, предрасудку.

Дома Царицы проводятъ всю жизнь уединенно, на женской половинѣ, въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и женщинъ, и никому изъ нашего брата, мужчинъ, кромѣ весьма немногихъ прислужниковъ, не дозволяется видѣть ихъ, ни разговаривать съ ними. Мало того, онѣ обыкновенно не могутъ набирать себѣ по собственному желанію боярынъ изъ общаго числа знатныхъ женщинъ.

Съ Царемъ онѣ рѣдко садятся за одинъ столъ и, для препровожденія времени и развлеченія, занимаются лишь вышиваньемъ золотомъ или, болѣе, приготовленіемъ притираній. Нынѣшняя супруга Царя, Царица Наталья, хотя и не нарушаетъ никогда отцовскихъ обычаевъ, повидимому, однако склонна пойти инымъ путемъ, къ болѣе свободному образу жизни, такъ какъ, будучи сильнаго характера и живаго нрава, она отважно пытается внести повсюду веселіе.

Это можно было уже предсказать, по выраженію лица ея, когда мы имѣли, случайно, счастье видѣть ее, еще въ дѣвицахъ, два раза въ Москвѣ: это—женщина во цвѣтѣ лѣтъ, роста выше средняго, съ черными глазами на выкатѣ (*prominulis*), лице у нея кругловатое и пріятное, лобъ большой и высокій, вся фигура красива, отдѣльные члены тѣла крайне соразмѣрны, голосъ, наконецъ, пріятно звучащій, и всѣ манеры крайне изящны.

Г Л А В А 6.

О Царскихъ дѣтяхъ.

Насколько, по мнѣнію Тацита, лучшимъ отдохновеніемъ для благоразумныхъ Государей является женитьба, настолько надежнѣй-

шей опорой власти являются дѣти Царя. Ибо нѣтъ для подданныхъ болѣе вѣрнаго залога въ общественномъ благополучіи, нежели то, что Цари не только умираютъ, но и нарождаются, у нихъ на виду.

И, дѣйствительно, Московія, благодаря своему Алексѣю (Alexisio) глубоко счастлива, имѣя въ лицѣ сыновей Царя не малые залого для будущаго преуспѣванія, хотя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она лишилась, преждевременно похищеннаго смертью, перворожденнаго, въ первомъ бракѣ, Царскаго сына ¹⁾, (который, имѣя 19-ть лѣтъ отъ роду, уже, согласно обычаю страны, являлся народу). Живы же и помннѣ младшіе: Феодоръ и Іоаннъ, а также и дочери: Евдокія, Марѳа, Софья, Екатерина, Марія и Федосья. А незадолго до нашего отъѣзда изъ города Москвы, вторая супруга Царя, Царица Наталья, благополучно произвела на свѣтъ сына-первенца, наименованнаго Петромъ, да и въ послѣдующіе, за симъ, года, осчастливила, какъ мы слышали, Царскій бракъ плодовитостью. Братьевъ у Алексѣя нѣтъ, а сестры его, Ирина, Анна и Татьяна, не искали достойныхъ себѣ супруговъ внѣ своей страны, а внутри ея таковыхъ не оказалось, почему онѣ ведутъ монашескій образъ жизни. Воспитываются, впрочемъ, Царскія дѣти ²⁾ весьма заботливо и тщательно, но нѣсколько своеобразно, согласно съ московскими обычаями вообще, ибо Москви, съиздревле, приучены устраивать весь свой жизненный путь согласно полученному ими воспитанію. Ихъ ³⁾ не пускаютъ ни на какія торжественныя и многолюдныя собранія, живутъ они во внутреннихъ помѣщеніяхъ дворца, куда никто не смѣетъ проникнуть, кромѣ лицъ, на попеченіи коихъ они находятся. Способъ воспитанія у нихъ почти тотъ же, что у всѣхъ азіатскихъ народовъ. Наружу они выходятъ не иначе, какъ послѣ того, какъ удалятъ всѣхъ, могущихъ попасть имъ на встрѣчу, и закрытые, со всѣхъ сторонъ, распушенными, зонтами. На 19-мъ лишь году отъ роду (Русскіе въ этомъ возрастѣ становятся совершеннолѣтними) можетъ являться народу лишь тотъ Царевичъ, который, въ будущемъ, имѣетъ наследовать престолъ отъ отца. Остальные же, равно какъ и дочери, обречены на вѣчное проживаніе въ монастырѣ. И, право, это воспитаніе въ одиночествѣ и стѣсненіи, при сидячемъ образѣ жизни, причиняетъ, въ большинствѣ случаевъ, слабымъ тѣламъ ихъ жесточайшія болѣзни. Такъ и того старшаго сына Царя, о которомъ мы упоминали выше, скоротечно сразилъ ни какой иной злой недугъ, какъ недостатокъ, при полномъ одиночествѣ, движенія и дѣятельности, этихъ необходимыхъ животворящихъ условій

¹⁾ Царевича Алексѣя Алексѣевича, умершаго въ 1670 г.

²⁾ Въ подлинникѣ собственно: „сіе вѣнценосное потомство“.

³⁾ Дѣтей Царя.

въ природѣ ¹⁾, благодаря чему тѣло и не оказалось достаточно сильнымъ. Почему, въ настоящее время, повидимому, на это смотрятъ уже болѣе правильно, нежели прежде, и дѣти, ежедневно, въ опредѣленные часы, упражняются въ разныхъ играхъ, либо въ вѣдѣ верхомъ, конечно, по загороженному двору, либо въ стрѣльбѣ изъ лука. Зимомъ имъ устраиваютъ деревянныя горы ²⁾ и посыпаютъ ихъ снѣгомъ; съ нихъ они быстро, но плавно скатываются на саняхъ или въ лубочныхъ корытцахъ, палкою направляя ихъ. Танцы, кулачные бои (*pugillatoria*) ³⁾ и другія общераспространенныя у насъ благороднѣйшія упражненія у Русскихъ не допускаются вовсе. Въ такъ называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названью и ходу своему, по истинѣ, Царскую, они играютъ ежедневно и очень искусно, развивая ею свой умъ до удивительной степени. Науками, общеобразовательными они даже самымъ поверхностнымъ образомъ не занимаются, кромѣ всеобщаго краткаго политическаго обзорѣнія, ибо наставники ихъ обучаютъ исключительно только одному умѣнію 'читать, писать и считать, и знакомятъ ихъ съ состояніемъ собственной страны и другихъ сосѣднихъ державъ, чего де должно имъ ожидать и чего опасаться. Главное вниманіе въ этихъ занятіяхъ обращается на то, чтобы дѣти точнѣе изучали языкъ и нравы разнообразныхъ своихъ подданныхъ, привыкали неуклонно слѣдовать стариннымъ обычаямъ, и ревностно оберегать вѣру, при чемъ все это для нихъ безусловно обязательно. Не скрою, однако, что это, въ высшей степени простое и приноровленное къ жизни, воспитаніе, западая въ благородную душу и гибкій умъ, доводитъ до столь же высокой степени доблести, какъ изученіе всѣхъ философскихъ системъ и усвоеніе мудрости самыхъ выдающихся ученыхъ. Счастливы, вѣдь, всегда тѣ, которымъ не приходится сожалѣть о томъ, что время, назначенное для опыта и дѣйствія, было поглощено безцѣльнымъ, ненужнымъ, ученіемъ.

Г Л А В А 7.

О пышномъ выходѣ Царя къ народу.

Русскіе Цари появляются всенародно крайне рѣдко и любятъ, чтобы имъ оказывали побольше уваженія издали, и дѣйствительно, если, гдѣ-либо все неизвѣстное считается величественнымъ, то,

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно: „этого живительнаго бальзама и жизненнаго духа для всего въ природѣ“.

²⁾ Въ подлинникѣ собственно: „наклонные деревянные помосты“.

³⁾ Имѣется въ виду вообще гимнастика, на которую, какъ и на танцы, русскіе смотрѣли какъ на какое-то шутовское кривлянье.

они, при своемъ затворничествѣ, почитаются подданными чуть не божествами, невидимыми и недоступными. Когда же они выйдутъ, какъ-нибудь изъ дворца, то повсюду царить тишина и отсутствіе народа. Прежде всего, на большомъ разстояніи впереди Царя бѣгутъ нѣсколько дорожныхъ сторожей (viatores)¹⁾, въ красныхъ одеждахъ, которые тщательно выметаютъ метлами тѣ улицы, по которымъ поѣдетъ Царь, ибо, какъ въ городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, по всему государству, есть особыя, нѣкія улицы, покрытыя постоянной, бревенчатой мостовой, крайне заботливо охраняемая, по которымъ, кромѣ Царя, ѣздятъ весьма немногіе. За ними слѣдуетъ длинный рядъ солдатъ, а среди нихъ тѣсно окружаютъ Царя вельможи, или бояре, съ обнаженными,—солнце ли палить, дождь ли идетъ,—головами. Прочіе придворные служащіе несутъ службу только при торжественныхъ случаяхъ внутри дворца. Попадающіеся на встрѣчу, либо прогоняются съ пути и торопливо уходятъ подальше, либо стоятъ неподвижно по сторонамъ у зданій, а ѣдущимъ приказывается тотчасъ же слѣзать съ коней. Если Царь увидитъ гдѣ-либо кого изъ чужеземцевъ, то онъ посылаетъ нѣсколькихъ бояръ узнать о его здоровьи; послѣдніе, по ббльшей части,—люди тучные, но исполняютъ приказанія Царя бѣгомъ. Когда Царь проѣзжаетъ мимо, то всѣ кланяются ему, падая ницъ и опуская голову до самой земли: это называется на ихъ языкѣ—бить челомъ. Во время церковныхъ, торжественныхъ шествій, Царь идетъ пѣшкомъ, верхомъ онъ ѣдитъ рѣже, а чаще всего въ каретахъ, которыхъ у него очень много, и присланныхъ изъ чужихъ странъ, и домашняго издѣлія (domesticos). За Царскою каретою можетъ слѣдовать только карета Грузинскаго Князя, ибо считается, и для мужчинъ не пристойнымъ ѣздить въ каретѣ, и не подобающимъ—сопровождать Царя такъ же, какъ ѣдетъ онъ самъ. Передъ каретою несутъ двѣ красныя подушки съ шелковыми чехлами того же цвѣта, и ведутъ также, по ббльшей части, двухъ самыхъ породистыхъ коней, въ великолѣпномъ уборѣ. Зимомъ, мѣсто кареты заступаютъ сани, обитыя отборнымъ собольимъ мѣхомъ, въ которыя запрягается конь, въ такомъ же красивомъ уборѣ²⁾, а впереди него идетъ другой, также по-Царски разукрашенный, на свободѣ и безъ сѣдока. Отправляясь за городъ, Царь беретъ съ собою нѣсколько тысячъ солдатъ—тѣлохранителей, которые, расположившись станомъ, безъ опредѣленнаго плана, по сосѣднимъ деревнямъ, содержатъ караулы по всѣмъ направленіямъ, и не подпускаютъ никого близко къ Царскому жилищу, а сельскихъ жителей, по пути слѣдованія Царя, они загоняютъ въ огороженные дворы ихъ.

¹⁾ Скороходовъ (?).

²⁾ Подразумѣвается: „какъ и тотъ, который запрягается въ карету“.

Г Л А В А 8.

О великолѣпнѣ Царскаго стола и Царскихъ пировъ.

Нашъ Алексѣй, съ младенческихъ лѣтъ еще, объявилъ себя такимъ врагомъ невоздержности, что совершенно удалилъ отъ двора своего тѣхъ ядныхъ обжоръ, тѣла коихъ тучны, а души — худы и бездѣтельны. Придерживаясь крайней простоты въ дѣлѣ питанія, онъ такъ строго воздерживается отъ всякихъ изысканныхъ яствъ, что приказываетъ, если таковыя случайно попадутся среди его обыкновенныхъ блюдъ, подавать все заморское и дорогое гостямъ, при чемъ самъ, въ знакъ особеннаго расположенія, лишь слегка отвѣдываетъ отъ нихъ. За столомъ Царю прислуживаютъ трое, или четверо, испытанныхъ слугъ, которые подаютъ и убираютъ кушанья, которыя приносятся къ дверямъ столовой другими придворными слугами. Они же и пробуютъ кушанья и напитки.

Предъ началомъ обѣда начальникъ стольниковъ, или придворныхъ слугъ, подаетъ къ нему знакъ, ударяя палкою по деревянной доскѣ. Обѣдаетъ Царь обыкновенно одинъ, но ужинаетъ вмѣстѣ съ Царицей. Въ торжественныхъ случаяхъ, когда къ столу приглашаются чужестранцы или свои же вельможи, то обѣды устраиваются необычайно роскошно и блестяще. Тогда длинные ряды болѣе важныхъ придворныхъ лицъ стоятъ, тѣсно сплоченные, неподвижно по всему дворцу, въ широкихъ, шелковыхъ, изукрашенныхъ дорогими камнями, одеждахъ, а другіе, на подобіе легко вооруженныхъ воиновъ, одѣтые полегче, задыхаясь (*aphele*), бѣгаютъ взадъ и впередъ. Тогда каждая зала, обтянутая шпалерами изъ разноцвѣтнаго шелка сотканными, горящими драгоценными камнями и золотомъ, являетъ поистинѣ Царскій видъ и открыто, конечно тогда, щеголяетъ множествомъ самыхъ дорогихъ и разнообразныхъ блюдъ и напитковъ.

Въ столовыхъ тогда ставится не по одному лишь, а по два, по три, по четыре, зачастую даже, по пяти столовъ, а стоящій посрединѣ, вокругъ колонны, столъ съ серебряною, золотою, и осыпанною драгоценными камнями, посудой, поражаетъ взоры зрителей, какъ нѣчто сказочное и прибавляетъ не мало блеска всему торжеству. Въ концѣ пира, за которымъ Царь, обыкновенно, предсѣдательствуетъ, сидя на своемъ престолѣ, Царь, какъ я уже говорилъ выше, посылаетъ каждому изъ гостей золотой кубокъ съ испанскимъ виномъ, съ приглашеніемъ выпить, какъ бы въ пожеланіе благополучнаго конца пира.

Г Л А В А 9.

О Царскихъ забавахъ.

Не только далекое разстояніе межъ странами, но и образъ мыслей и общественные законы, до настоящаго времени, препятствовали тому, чтобы нравы Московитовъ стали одинаковыми съ нравами чужеземцевъ. Поэтому ихъ Государи не допускали; даже для самихъ себя, принятія въ другихъ странахъ, развлеченія въ царской жизни отъ заботъ, и, конечно, подавали примѣръ къ сему и подданнымъ. Изъ домашнихъ забавъ они, главнымъ образомъ, занимаются охотою, привыкнувъ весело ловить дикихъ звѣрей въ лѣсахъ, посредствомъ облавы, или по усердному гону ученыхъ псовъ, или посредствомъ быстрого полета сокола, или, наконецъ, выстрѣломъ изъ фузеи, или лука. Алексѣй же, если и отправляется иногда куда-нибудь за городъ, исключительно, ради отдыха душевнаго, предпочитаетъ пребываніе въ саду за городомъ—у него имѣется таковой, громаднхъ размѣровъ и, принимая во вниманіе суровый климатъ страны, довольно пышный—или въ какой-либо Царской вотчинѣ. Онъ же разрѣшилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, иностранцамъ, проживающимъ въ Москвѣ, дать ему, театральное представленіе, состоящее изъ пляски и „Исторіи“ о Агасверѣ и Есфири, драматически обработанной. Дѣло въ томъ, что, наслышавшись отъ многихъ пословъ, что передъ европейскими государями часто даются театральныя представленія съ хорами, и инныя развлеченія, ради провожденія времени и разсѣянія скуки, онъ, какъ-то неожиданно, приказалъ представить ему образчикъ сего въ видѣ какой-нибудь французской пляски (*in tripudio aliquo Gallico*) Поэтому, вслѣдствіе недостатка времени, въ одну недѣлю, со всевозможною поспѣшностью, было приготовлено все нужное для хора. Въ всякомъ другомъ мѣстѣ кромѣ Москвы, необходимо было бы просить, предъ началомъ, у зрителей снисхожденія къ плохому устройству, но Русскимъ и это казалось чѣмъ-то необыкновенно-художественнымъ, такъ какъ все, — и новыя, невиданныя одежды, незнакомый видъ сцены, самое, наконецъ, слово „иноземное“, и стройныя переливы музыки,—безъ труда возбуждало удивленіе. Сперва, правда, Царь не хотѣлъ было разрѣшить музыки, какъ нѣчто совершенно новое и, нѣкоторымъ образомъ, языческое, но, когда ему поставили на видъ, что безъ музыки нельзя устроить хора, какъ танцовщикамъ нельзя плясать безъ ногъ, то онъ, нѣсколько неохотно, предоставилъ все на усмотрѣніе самихъ актеровъ. На самое представленіе Царь смотрѣлъ, сидя передъ сценой на креслѣ (*sella*), Царица съ дѣтьми, сквозь рѣшетку, или, вѣрнѣе, сквозь щели особливо, досками отгороженнаго, помѣщенія, а вельможи (изъ остальныхъ

никто болѣе не былъ допущенъ) стояли на самой сценѣ: Хвалебные стихи, пропѣтые Царю Орфеемъ, прежде чѣмъ онъ началъ плясать между двумя, движущимися пирамидами; я нахожу нужнымъ привести здѣсь, изъ уваженія къ достохвалному Алексѣю, хотя они были, пожалуй, и не звучны и не замысловаты:

„Наконецъ-то насталъ тотъ желанный день, когда и намъ можно послужить тебѣ; Великій Царь, и потѣшить тебя! Всеподданнѣйше должны мы исполнить долгъ свой у ногъ Твоихъ и трижды облобызать ихъ! Велико, правда, Твое Царство, управляемое Твоею мудростью; но еще больше слава о доблестяхъ Твоихъ, высоко превозносящая Тебя. Твоя мудрость и геройская мощь могутъ даровать намъ послѣ долгой, мрачной войны, златныя мирныя времена, а справедливый судъ Твой и, вмѣстѣ съ нимъ, милость, сіяя неземнымъ свѣтомъ, дѣлають Твой нравъ богоподобнымъ. Высокія качества Твои должно приравнять качествамъ боговъ, ибо Тебѣ, уже теперь всё уступаютъ. О, свѣтлое солнце, луна и звѣзды Русскихъ! Живи же постоянно въ высшемъ благополучіи, и да будетъ всегда несчастье далеко отъ Тебя. Царствуй долго, другъ небесъ! Умолкни недоброжелательство! Кто такъ близокъ къ божествамъ, тотъ долженъ процвѣтать! Итакъ, зазвучи же приятно, струнный мой инструментъ (Saitenwerk), а ты, гора-пирамида, приплясывай подъ мое пѣніе“¹⁾.

Въ этотъ же день, субботу на масленицѣ, Царь устроилъ также на Москвѣ-рѣкѣ, покрытой льдомъ, травлю, въ которой боролись между собой, громадна, англійскія, и другихъ породъ, собаки съ бѣлыми медвѣдями изъ страны Самоѣдовъ. Зрѣлище было крайне забавное, такъ какъ и тѣ и другіе часто не могли удержаться на ногахъ на семъ скользкомъ помостѣ. Вечеромъ же Царь ходилъ туда же смотрѣть на летающіе, потѣшныя огни²⁾.

Г Л А В А 10.

Объ уединеніи образѣ жизни Царя.

Цари Московскіе почитаютъ крайне величественнымъ то, что они, ради внушенія большаго уваженія своимъ подчиненнымъ, весьма рѣдко появляются среди народа (publice conuersari), но скрываются въ постоянномъ глубокомъ уединеніи. Къ нимъ никто, иначе какъ

¹⁾ Въ подлинникѣ это стихотвореніе приведено на томъ языкѣ, на которомъ оно было пропѣто, т.-е. на нѣмецкомъ.

²⁾ Собственно: „летающіе огни зажигательныхъ стрѣлъ“ (volatiles pyrologium ignes), какія употреблялись при осадѣ городовъ. Въ мирное время, эти стрѣлы, судя по этому разсказу, служили забавой, замѣняя нынѣшній фейерверкъ.

по зову, не смѣетъ явиться, за исключеніемъ весьма немногихъ вельможъ (*senatores*) и служащихъ при дворѣ, которые имѣютъ свободный доступъ во внутренніе покои дворца. Всѣ же остальные, какъ русскіе, ¹⁾ такъ и чужестранцы, не только во внутренніе покои, но даже близко къ Кремлю, не допускаются. Поэтому вокругъ Царскаго жилища (*habitaculum*) расположено нѣсколько сотенъ солдатъ (*centuriae*) съ оружіемъ на готовѣ, которые никому не позволяютъ пройти по внутреннему двору, находящемуся подъ окнами Царскихъ покоевъ, если при немъ есть шпага, или какое-либо другое оружіе. Вслѣдствіе сего никто, никомъ образомъ, не можетъ такъ, какъ это обыкновенно дѣлается при дворахъ всѣхъ Европейскихъ Государей, лично наложить Царю свое дѣло, явиться къ нему на судъ, или даже побесѣдовать съ придворными, во внутреннихъ покояхъ дворца.

Насколько же, поистинѣ, судебное дѣлопроизводство въ Московіи совершенно отлично отъ нашего, настолько оно вполне, повидимому, схоже съ Турецкимъ и Азіятскимъ, такъ какъ всѣ дѣла, и здѣсь и тамъ, рѣшаются, какъ я убѣдился на опытѣ (*teste experientia*), либо посредствомъ письменныхъ челобитныхъ, либо же чрезъ нѣкоторыхъ ближайшихъ родственниковъ Царя, которымъ онъ оказываетъ непохвальное довѣріе. Къ этому недостатку присоединяется у Московъ еще то обстоятельство, что такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, Царь считаетъ ниже своего достоинства собственноручно подписывать указы и грамоты государственнаго характера, то часто его распоряженія оказываются въ высшей степени несправедливыми, при чемъ онъ самъ этого даже и не подозреваетъ.

ГЛАВА 11.

О Царскихъ похоронахъ.

Въ древнѣйшія времена, говоритъ Геродотъ, существовалъ обычай у Русскихъ народовъ, что они своихъ, умершихъ, гдѣ бы то ни было, Царей, возили чрезвычайно торжественно и съ величайшими посмертными почестями, по всѣмъ областямъ государства, дѣлая имъ какъ бы продолжительные похороны, до области и рѣки Герра, близъ источниковъ Борисеена, гдѣ, наконецъ, они ихъ хоронили, въ холмахъ, насыпая таковыя изъ земли, на подобіе горъ. Такого рода холмы и понынѣ еще можно видѣть въ разныхъ мѣстахъ, въ Московіи, въ Польшѣ, и даже въ Швеціи и Даніи. Затѣмъ, съ измѣненіемъ, съ теченіемъ времени, общественныхъ нравовъ, Цари у нихъ, то хоро-

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно: „туземцы“ (*indigenae*).

нились, то сожигались, въ разныхъ мѣстахъ различно, смотря по тому, что повелѣвало грубое суевѣріе. Принявъ же, наконецъ, христіанство, Московскіе Князья пожелали, по выдающемуся своему смиренію, быть предаваемыми землѣ, скромно, безъ всякой пышности. Поэтому нынѣ, когда кто-либо, Царской крови, умираетъ, то онъ почти въ самый день смерти, хоронится въ соборѣ Св. Архангела Михаила, безъ многовѣщательной надгробной надписи, безъ дорогихъ куреній, въ простомъ, неуукрашенномъ гробѣ. Оставшіеся въ живыхъ, родственники и домашніе его, въ изорванныхъ темныхъ одеждахъ, оплакиваютъ его, и за время, назначенное для скорби,¹⁾ отращиваютъ себѣ волосы.

Состояція при Дворѣ, женщины провожаютъ покойника до могилы съ непрерывающимися воплями, усердно проливая слезы, съ распущенными въ беспорядкѣ волосами, непокрытой головой и немолжаемыми похоронными гѣснями. Самъ Царь удаляется во внутренніе покои и, облекшись въ поношенную (*detrita*) одежду, предается тяжкой печали, пока понемногу, выслушивая утѣшенія друзей, не вернетъ себѣ прежняго спокойнаго состоянія духа. Во все это время онъ оказываетъ бѣднымъ многія благодѣянія: подаетъ милостыню, отпускаетъ рабовъ на волю, освобождаетъ заключенныхъ въ темницахъ и военноплѣнныхъ и назначаетъ своимъ подданнымъ либо облегченіе въ налогахъ, либо полное освобожденіе отъ нихъ.

Увы! въ то самое время, однако, какъ я пишу эти строки, самъ Великій, Несравненный Князь, вышепомянутый Государь, Алексѣй, явиль печальный образецъ похоронъ! Похоронное шествіе его (онъ скончался 29 января) двинулось въ ближайшее, по кончинѣ, воскресенье въ соборный храмъ, приблизительно въ такомъ порядкѣ: впереди шли четыре сенатора или боярина, несшіе крышку гроба, за ними слѣдовали четыре другихъ боярина, несшіе трупъ Царя, на золоченыхъ, покрытыхъ золотой парчю, носилкахъ, за ними столько же бояръ несли самого Царя, Федора Алексѣевича, на похоронномъ сѣдалищѣ (*in funebri sella*)²⁾. Столько же бояръ несли вдовствующую Царицу Наталію, распростертую (*prostrata*) на носилкахъ съ закрытымъ фатою лицомъ и головою, опущенною на грудь нѣкоей знатной боярыни³⁾. За ними шли пять дочерей Царя отъ перваго брака и громадное количество сановниковъ, въ темнаго цвѣта, одеждахъ. Когда опечаленный народъ увидалъ это похоронное шествіе, то раз-

¹⁾ „Въ теченіе траурнаго срока“, по-нынѣшнему.

²⁾ По случаю болѣзни ногъ. См. Посольство Кунраада фанъ-Кленка, изд. Археогр. Коммиссіи стр. 432—433.

³⁾ По донесенію фанъ-Кленка, Царица вѣхала въ саняхъ (*in een sleeede*). См. Посольство Кунраада фанъ-Кленка стр. 433, примѣч. 7.

дались такіе ужасные, исполненные всенародной скорби, вопли, что, казалось, уши раздражает какой-то пронзительный (acutus) звонъ колоколовъ. Во истину, Моски оплакивали его вполне искренно и заслуженно, ибо никогда еще не было у нихъ, насколько они сами помнятъ, столь благочестиваго и милостиваго Государя. Въ этомъ, вѣдь, и заключается счастье добрыхъ Государей, что имъ слезами и стenanіями подданныхъ воздвигается памятникъ пышнѣ всякаго надгробія. Прахъ Царя стоялъ непохороненнымъ въ вышеозначенномъ храмѣ шесть недѣль, втеченіе коихъ совершались панихиды, и нищіе, въ огромномъ количествѣ, ежедневно угощались на дворѣ Царскаго дворца обѣдами.

Г Л А В А 12.

О городѣ Москвѣ, мѣстопребываніи Царей.

Москва, средоточіе государства и священное мѣстопребываніе Царей, по справедливости, должна быть отнесена къ числу величайшихъ городовъ на земномъ шарѣ, ибо она, въ окружности, имѣетъ четыре германскихъ мили, и, окруженная стѣною съ десятью воротами, заключаетъ въ себѣ болѣе 600.000 жителей, такъ что боярамъ и инымъ, болѣе почетнымъ лицамъ, пріѣзжимъ и мѣстнымъ жителямъ неизбѣжно приходится ѣздить по городу, зимою въ саняхъ, лѣтомъ — верхомъ. Кромѣ того, на каждомъ перекресткѣ, и у каждаго вотаго города, стоитъ съ санями, или колымагами, наготовѣ, много извозчиковъ (*Zvosčiki*), т.-е. возницъ (*vectores*), которые, договорившись за весьма малую плату, быстро доставляютъ пріѣзжаго къ мѣсту, имъ указанному. Отъ сѣвернаго полюса она отстоитъ, по расчету Олеарія, на 50 град., и самый длинный день, въ ней продолжается 17 часовъ. Климатъ въ ней довольно мягокъ, и мѣстоположеніе ея весьма красиво; она поражаетъ своими, приблизительно, двумя тысячами церквей, кои почти всѣ каменные и придаютъ городу великолѣпный видъ. Этой внѣшней красотѣ не мало способствуютъ семь, умѣренной высоты (*modici*), холмовъ, на которыхъ она отлого возвышается (*leniter insurgit*). Дома обывателей, болѣею частью, деревянные и имѣютъ очень мало оконъ; впрочемъ, между ними попадаются много и каменныхъ, принадлежащихъ боярамъ и иноземцамъ. До полученія отъ Ивана Даниловича почетнаго званія Царской столицы, Москва составляла собственность рода Тахматовыхъ (*Tachmatae*), но съ тѣхъ поръ она, постоянно увеличиваясь, разрослась до тѣхъ, почти, громаднѣйшихъ размѣровъ, которыми нынѣ славится, хотя, до Татарскихъ набѣговъ, ея границы простирались еще гораздо дальше. Улицы вымощены не камнемъ, а де-

ревянными бревнами или кольями, положенными въ одинъ непрерывный рядъ (*regretua serie combinatis*), постоянно, впрочемъ, покрытыми грязью, или толстымъ слоемъ пыли, и бываютъ довольно гладки лишь зимою, когда снѣгъ и ледъ сравниваютъ все. Внутри, за стѣнами города, протекають лишь двѣ рѣки: Москва, съ дѣйствительно глубокимъ и судоходнымъ русломъ, и весьма неглубокая Неглинная, третья же рѣка Яуза, съ мелкимъ русломъ, омываетъ лишь предмѣстья города (*suburbia*). Всѣ онѣ приводятъ въ движеніе мельницы, къ великой пользѣ города, хотя обыватели его пользуются также и ручными. Въ небольшихъ разстояніяхъ отъ города виднѣются нѣсколько лѣтнихъ дворцовъ, назначенныхъ для отдохновенія Царей, куда они имѣють обыкновеніе, по временамъ, удалаться, дабы собраться съ новыми, душевными силами. Среди нихъ не послѣднее мѣсто принадлежитъ селу Измайлову, обладающему знаменитымъ обширнымъ садомъ съ четырьмя высочайшими, широко раскрытыми воротами, со многими извивающимися дорожками. Въ разстояніи, приблизительно, полумили отъ него находится богатѣйшій звѣринецъ (*vivarium*), или лучше сказать, лѣсъ; обнесенный заборомъ и наполненный стадами разныхъ животныхъ, а близъ него изыщное зданіе для приготовленія лѣкарствъ съ садомъ врачебныхъ растеній. Таковъ же и Коломенскій, загородный дворецъ (*Colomboskoi villa*), который, кромѣ прочихъ украшеній, представляетъ достойнѣйшій обзорнѣйшій родъ постройки, хотя и деревянной, такъ что весь онъ кажется точно только-что вынутымъ изъ ларца, благодаря удивительнымъ образомъ, искусно исполненнымъ рѣзнымъ украшеніямъ, блистающимъ позолотою. Не буду уже ничего здѣсь еще присовокуплять о Преображенскомъ, тоже величавомъ и живописномъ лѣтнемъ мѣстопребываніи. Ближе къ городу бросаются въ глаза своею величиною деревянныя строенія — громадная Царская житница (*granarium*) и многія другія, поменьше, особливо же хлѣбные склады для войска, а также и нѣсколько питейныхъ домовъ (*sauroпае*), или кабаковъ (*Sabake*). Изъ предмѣстій главное—Иноземская Слобода или Кокуй, отстоящая отъ послѣдняго городского окопа лишь на разстояніи небольшого поля, съ постройками также деревянными, возведенными по правиламъ и образцамъ нѣмецкимъ; здѣсь Нѣмцы живутъ отдѣльно отъ Русскихъ и посѣщаютъ (*frequentant*) три лютеранскихъ церкви, двѣ—Кальвинистскихъ, одну Голландскую и одну Англиканскую, кои не имѣють, однако, колоколовъ. Управляются они не выборными, изъ ихъ среды, начальниками (*magistratu*), но подчинены придворному суду (*dicasteriis aulicis subiecti*).—За нею слѣдуетъ слобода Басманная, населенная всякаго рода людьми и называемая, поэтому, слободою перекрестовъ, т.-е. тѣхъ, которые, принявъ вторично крещеніе, перешли изъ иноземныхъ христіанъ въ вѣру Московитовъ.

Впрочемъ, многіе пришельцы поклоняются въ самомъ городѣ, главнымъ образомъ, на Поганомъ Прудѣ, т.-е. на проклятомъ болотѣ (in Poganni Prut, seu palude maledicta), своимъ богамъ (Iares suos colant). Въ города свободно отправляютъ свое богослуженіе, въ одномъ мѣстѣ Поляки, исповѣдующіе Греческую вѣру, а въ другомъ — Татары съ своими омерзительными обрядами.— За ними, наконецъ, расположено нѣсколько помѣщеній для тѣхъ ямщиковъ, которые служатъ для перевозки по разнымъ мѣстамъ гонцевъ и солдатъ, или стрѣльцовъ, и которыя, какъ бы, опоясываютъ городъ. Передъ послѣднимъ окопомъ (vallum) города, въ части, называемой Скородумомъ и Стрѣлецкимъ городкомъ (Skorodum et Streletzkoj gorod), т.-е. городомъ солдатъ, также имѣютъ свое мѣстопробываніе и прочіе стрѣльцы, вооруженные пищалями (sclopetarii). На противоположномъ берегу Москвы-рѣки, находится между этими же укрѣпленіями, часть города — Налейка (Naleuka), названная такъ Тиранномъ Василиемъ потому, что въ ней онъ впервые разрѣшилъ продавать вино своимъ солдатамъ и безнаказанно напиваться допьяна. Подлѣ Скородума простирается обширнѣйшая площадь (forum), на которой продается невѣроятное количество всякаго лѣса: балоковъ, досокъ, даже мостовъ и башенъ, срубленныхъ уже и отдѣланныхъ домовъ, которые безъ всякаго затрудненія, послѣ покупки и разборки ихъ, перевозятся куда угодно. Въ виду почти непрерывныхъ и опустошительнѣйшихъ здѣшнихъ пожаровъ, это устроено какъ нельзя болѣе кстати. Внутри этого, такъ сказать, послѣдняго городского пояса находится еще одинъ, отдѣленный бѣлою, высочайшею и толстѣйшею стѣною, называемый Царь-городомъ (Zarigorod). Здѣсь находится громадная мастерская металлическихъ издѣлій, гдѣ лѣются пушки для войны и мѣдныя колокола, и другая, не уступающая размѣрами первой, гдѣ готовится порохъ, а также и много иныхъ домовъ бояръ и иностранцевъ, каменныхъ и деревянныхъ, весьма красивыхъ на видъ и съ садами. Изъ нихъ всѣхъ, пальма первенства, вполне заслуженно, принадлежитъ изящнѣйшему дворцу боярина Артамона Сергѣевича. Въ этомъ же мѣстѣ представляется взорамъ, на той сторонѣ рѣчки Неглинной, Опричный дворъ, воздвигнутый въ 1565 году, Иваномъ Васильевичемъ, въ которомъ онъ подолгу проживалъ вмѣстѣ съ своими жестокими тѣлохранителями (satellitium). Не слѣдуетъ также оставить безъ вниманія и громаднѣйшія помѣщенія для пословъ — христіанскихъ, магометанскихъ и языческихъ, дома шведскихъ купцовъ, свободные отъ всякихъ повинностей, и рынки для зерноваго хлѣба, лѣса и лошадей. Въ слѣдующемъ за симъ, внутреннемъ поясѣ, высочайшія, краснаго цвѣта, стѣны опоясываютъ Китай-городъ, вторую часть города. Въ ней находятся, кромѣ многихъ домовъ знатныхъ лю-

дей, великолѣпнѣйшія зданія Князя Грузинскаго и Печатнаго Двора, Греческій дворъ, уступающій, впрочемъ, нѣсколько, пожалуй, Греческому подворью въ Римѣ, и три обширнѣйшихъ гостинныхъ двора или, по ихъ размѣрамъ, вѣрнѣе сказать, три укрѣпленныхъ замка иностранныхъ купцовъ. Въ первомъ, болѣе древнемъ, продаются дешевые товары для ежедневнаго потребленія, во второмъ, новомъ, взимается пошлина по вѣсу, и хранятся, главнымъ образомъ, товары нѣмецкіе, въ третьемъ, или Персидскомъ, Армяне, Персы и Татары содержатъ около 200 лавокъ съ различными товарами, расположенныхъ по порядку подъ сводами (sub porticibus) и представляющихъ красивое пестрое зрѣлище.

Отсюда тянется обширная площадь, на которой продается громадное количество плодовъ, даже зимою, въ особыхъ подземныхъ чуланахъ (cella), и въ концѣ коей находится рыбный рынокъ, на берегу Москвы-рѣки, черезъ которую переброшенъ плывучій мостъ, устроенный на судахъ. На противоположномъ берегу находится, наводящее печаль, мѣсто казни преступниковъ, которое Моски называютъ Козьимъ болотомъ (Cosa-bolot). Зимою Моски постоянно, твердо полагаясь на прочность льда, ѣздятъ по самой рѣкѣ, замершей отъ холода, съ тяжелымъ, преимущественно, лѣснымъ матеріаломъ, и другими товарами на продажу. Передъ Царскимъ дворцомъ (дабы вернуться къ другому берегу рѣки) простирается четырехугольная площадь, на которой стоятъ нѣсколько пушекъ необыкновенной величины, поставленные на кирпичныхъ подмосткахъ, близъ которыхъ находится храмъ, Св. Іерусалимъ, изящнѣйшей постройки. Здѣсь, и на сосѣднихъ площадяхъ постоянно производится торговля съѣстными припасами и иными предметами, необходимыми въ жизненномъ обиходѣ, при густѣйшемъ стеченіи народа. Къ этому рынку примыкаетъ другой, полукругомъ расположенный, тянущійся почти на полмилліарія, гдѣ лавки для разнаго товара устроены такъ, что каждый отдѣльный, какой угодно, товаръ выставленъ для продажи только въ назначенномъ для него мѣстѣ. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ видишь шелковыя ткани, въ другомъ—шерсть, въ третьемъ—полотно; въ одномъ—золотыя и серебряныя вещи и драгоцѣнные камни, въ другомъ — благовонія, въ третьемъ — иностранныя вина, при чемъ до двухъ сотъ погребовъ расположено въ рядъ подъ землею, въ четвертомъ — разныя, инаго рода, напитки, приготовленные изъ меда, вишенъ и другихъ ягодъ. Однимъ взглядомъ можно увидѣть здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, дорогіе мѣха разнаго рода, въ другомъ — колокола, топоры, подеувѣчники и иныя металлическія издѣлія, въ третьемъ—ножи, рукавицы (chirothecae), чулки (tibiales), ковры, завѣсы (aulaea) и разныя ткани. Особый рядъ занимаютъ масло, сало и ветчина, особый — свѣчи и воскъ,

особый, наконецъ, разныя издѣлія изъ дерева. Въ кожаномъ ряду лежатъ кожаныя издѣлія: возжи и прочая конская сбруя, въ мѣховомъ — шубы и шапки. Въ одномъ мѣстѣ выставлены лѣчебныя разныя зелья и травы, въ другомъ—запоры, ключи, гвозди, далѣе—шелкъ нитками, канитель, украшенія для дѣвицъ, браслеты (armilli)—все въ особомъ мѣстѣ. Также продаются, каждое въ своемъ особомъ мѣстѣ рынка, и обувь, и поножи, и хмель, и ячная крупа, и рыба соленая, и сѣно, и овесъ. Не говоря ужъ о многомъ другомъ еще, и мукъ, и зерновому хлѣбу, и инымъ, всякаго рода, вещамъ, и чинящимъ обувь и низенькимъ лавочкамъ цырульниковъ—всему точно опредѣленъ свой рядъ, и всѣ они прекрасно и удобно расположены такъ, что покупателю дается полная возможность выбрать наилучшее изъ всѣхъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, тѣхъ или другихъ товаровъ. Не мало увеличиваетъ красоту рынка то, что на немъ нѣтъ ни одного жилого помѣщенія, дабы, такимъ образомъ, держать огонь, сильно свирѣпствующій обыкновенно въ этомъ городѣ, какъ можно далѣе. По этой же причинѣ, рынокъ тщательно оберегается сторожами, и тѣ мастера, кои работаютъ съ огнемъ, живутъ въ отдаленномъ отъ рынка мѣстѣ. Недалеко отъ рынка находятся городскіе суды, въ которыхъ разбираютъ тяжбы гражданъ, наблюдаютъ за исправностью улицъ, взимаются пошрины и т. д.; все это производятъ двое судей, изъ бояръ, и столько же писцовъ. Остальное управленіе города находится въ рукахъ, у такъ называемыхъ, старостъ, завѣдующихъ отдѣльными кварталами (tribubus), сотниковъ, поставленныхъ во главѣ сотенъ, и десятниковъ—начальниковъ надъ десятками (decuria). По другую сторону рѣки Неглинной находятся, кромѣ аптеки, мѣньшихъ размѣровъ, двѣ громадныя конюшни, вмѣщающія съ тысячу лошадей, а также двѣ обширныхъ темницы (которыхъ, впрочемъ, не мало находится въ разныхъ мѣстахъ и въ городѣ), наполненныхъ преступниками, отправляемыми оттуда, какъ можно скорѣе, въ Сибирь.

Въ самой срединѣ города, наконецъ, стѣны, въ видѣ круга, опоясываютъ Царскій, укрѣпленный замокъ, называемый Кремлемъ - городомъ (Stemlegorod. Въ него ведутъ пять воротъ, многія каменные зданія придаютъ ему красивый видъ, и онъ представляетъ собою родъ, далеко не маленькаго, городка: въ немъ находится болѣе тридцати храмовъ, изъ коихъ наиболѣе величественны—Храмъ Св. Троицы, Св. Маріи, Св. Михаила, Св. Николая и два монастыря—мужской и женскій. Въ Большомъ Соборѣ, т. е. церкви великаго собранія (Bolszoi Zabor, hoc est, majoris congregationis), замѣчательно огромное серебряное паникадило, у котораго безконечное количество вѣтвей соединяются въ видѣ вѣнца, и рукописная Библия, украшенная драгоценными камнями на громадную сумму. На кругломъ куполѣ этого храма

возвышается тяжелый крестъ изъ чистаго золота. И другихъ храмовъ башнеобразные куполы, покрытые вызолоченными желѣзными листами, при солнечномъ сіяніи, также сверкаютъ среди замка и наполняютъ душу зрителя восхищеніемъ предъ такимъ великолѣпіемъ. Засимъ, кругообразно, около замка расположены почти всѣ суды, аптека большихъ размѣровъ, Патріаршій дворъ и дома другихъ придворныхъ, а посреди колокольна, называемая Иванъ Великій, въ такой степени превосходящая высотой всѣ остальные, болѣе низкія, что смѣло можетъ поспорить съ величайшими, въ Европѣ, колокольнями. Ближе около нея находится знаменитый, громадный колоколъ, частью подвѣщенный, а частью лежащій на деревянномъ помостѣ; благодаря его чрезвычайному вѣсу, до 320.000 фунтовъ, его тщетно, много разъ, пытались, усиліями многихъ людей, поднять надъ землею, но платились жизнью за такое дерзостное покушеніе, вслѣдствіе чего Царь далъ клятвенное обѣщаніе никогда не дѣлать болѣе подобной попытки. Какъ бы вѣнцомъ всему этому служатъ обширнѣйшіе Царскіе дворцы (palatia), изъ которыхъ одинъ, каменный, выдается и внѣшнимъ видомъ своимъ и величиною, другой, деревянный, гдѣ Государь обыкновенно обитаетъ зимою, ради укрѣпленія своего здоровья, и третій, также каменный, выстроенный съ большимъ изяществомъ, и въ которомъ, нѣкогда, проживалъ Илья Даниловичъ, тесть нынѣшняго Царя.

Г Л А В А 13.

Объ иностранцахъ, служащихъ у Царя.

Несмотря на то, что наиболѣе важныя придворныя должности исправляются, по болѣшей части, исключительно Русскими, однако, не мало изъ нихъ препоручено иноземцамъ, въ особенности такихъ, къ выполненію которыхъ Русскіе не пригодны, благодаря незнанію языковъ и другихъ, облагораживающихъ человѣка, наукъ (liberalium).

Если начать съ низшихъ должностей, то толмачи, т.-е. переводчики съ языковъ, за исключеніемъ весьма немногихъ,—иностранцы, частью пребывающіе въ своей вѣрѣ, частью же принявшіе русскую. Они исполняютъ свои обязанности лишь служа придворнымъ, при обыкновенныхъ разговорахъ съ чужестранцами и въ не важныхъ дѣлахъ. Болѣе важными, нежели они, считаются переводчики (Pegewoczihi) или, вѣрнѣе, секретари, по внѣшнимъ сношеніямъ, которые переводятъ обоюдно, съ одного на другой языкъ, письма, и иные государственные акты, а также и рѣчи пословъ и разговоры о наиболѣе важныхъ предметахъ съ Царемъ и боярами.

Среди нихъ первыя мѣста занимаютъ, принявшіе Русскую вѣру. Гроцій изъ Регенсбурга (Grotius Ratisbonensis) и Виніусъ, родомъ изъ Бельгіи, начертившій не такъ давно, въ главныхъ чертахъ, путь изъ Московіи въ Китай, на географической картѣ, и, еще нѣкто Саксонецъ, по прозванью — водопійца (aquaе potor), отлично знающій множество языковъ. За ними слѣдуетъ не мало Поляковъ, Татаръ, Турокъ, Армянъ, Персовъ, Арабовъ и другихъ.— Грековъ, къ которымъ Русскіе, вслѣдствіе одинаковой съ ними вѣры, относятся весьма снисходительно, находится большое количество, какъ при дворѣ, такъ и при церквахъ. Врачи, все иностранцы, ибо русскихъ нѣтъ совсѣмъ, приглашенные Царемъ изъ-за границы на превосходныхъ условіяхъ. Первое мѣсто межъ ними, безспорно, занимаетъ г. Іоганнъ Костеръ фонъ-Розенбурхъ, знаменитый нѣкогда придворный врачъ Карла Густава, короля шведскаго. Этому ученѣйшему мужу я обязанъ, — открыто сознаюсь въ этомъ, — многими благодѣяніями. Остальные же врачи, въ наше время, были: знаменитые господа Блументростъ и Граммондъ, а также еще нѣкто Арабъ, и еще другой, по происхожденію Еврей, а по вѣрѣ Московитъ, который пользуется необыкновеннымъ расположеніемъ Царя и одинъ свободно посѣщаетъ внутренніе покои дворца (такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и старшимъ спальникомъ). Аптекарей, или составителей лѣкарствъ, изъ иностранцевъ—до двадцати человекъ, получающихъ не малое жалованье, но они весь день проводятъ въ аптекахъ за приготовленіемъ лѣкарствъ. Сюда врачи заходятъ только рано по утрамъ, для подачи совѣта, вообще же они пользуются большимъ досугомъ, почему, на вопросъ, что они дѣлаютъ дома, они торжественно отвѣчаютъ, что заботятся о здоровьи Царя и, ради сего, постоянно читаютъ книги. Впрочемъ, они переступаютъ трудный ¹⁾ порогъ дворца только въ случаѣ болѣзни Царя, или же, если онъ нарочито велитъ ихъ почему-либо призвать. При этомъ происходитъ слѣдующее, намъ неизвѣстное: когда имъ приходится лѣчить Царицу, или кого-либо изъ Царскихъ дочерей, то имъ не дозволяютъ осматривать больную, но они обязаны, на основаніи показанія нѣкоей старухи (vetula), или приближенной какой-либо служанки, опредѣлить болѣзнь и назначить лѣкарство. Мало того, имъ не позволено прибѣгать къ разнообразнымъ лѣкарствамъ вообще, даже въ случаѣ, если они необходимы. Для того, чтобы все это точнѣе соблюдалось, учреждено въ Москвѣ врачебное судилище, или Приказъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ послѣднее время Лукіанъ Тимофеевичъ Коло-

¹⁾ Въ подлинникѣ стоитъ „lubricum“ т.-е. гладкій, скользкій, или, клейкій, такъ что по немъ ступать очень затруднительно, если не вполне невозможно.

совъ, единственный изъ уроженцевъ Москвы, хорошо знающій полатини, тогда какъ, въ другое время, въ немъ обыкновенно предсѣдательствовали бояре, ближайшіе родственники Царя, ради полной безопасности и почета.

Г Л А В А 14.

О служащихъ при Дворѣ изъ туземныхъ жителей.

Русскіе, какъ это подобаеть, занимають при Дворѣ наиболѣе важныя должности и имѣють болѣе свободный доступъ къ Царю. Изъ нихъ занимають высшія должности, ежедневно являясь на службу къ Царю, и пользуются его довѣріемъ, комнатные бояре, которые допускаются во внутренніе покои и участвуютъ въ сокровеннѣйшихъ совѣщаніяхъ. Въ настоящее время къ числу таковыхъ принадлежатъ: Кириллъ Полуэктовичъ ¹⁾, Долгорукій, князь Юрій Ромодановскій, Артамонъ Сергѣевичъ ²⁾, Одоевскій, Доктуровъ и нѣсколько другихъ хотя тѣ, подобно большинству нижеслѣдующихъ, занимають разныя государственныя мѣста и должности. Послѣ нихъ, кажется, должно первое мѣсто отвести священнику, духовнику Царя, который завѣдуетъ его душевнымъ спокойствіемъ, и безъ котораго онъ почти ни въ чемъ и нигдѣ не обходится. На одной, почти, ступени съ нимъ—лицо того же сословія, завѣдующее раздачею Царской милостыни. Думные бояре суть ближайшіе (intimi) совѣтники Царя, съ которыми онъ ежедневно совѣщается и рѣшаетъ дѣла. За ними слѣдуютъ собственно, такъ называемые, бояре или совѣтники Царскіе, число коихъ неопредѣленно. Окольниковіе также находятся на службѣ близъ Царя и призываются иногда для совѣта и для суда. Чаще всего кто-либо изъ нихъ сопровождаетъ бояръ, когда они по службѣ отправляются съ войскомъ, или пословъ, въ качествѣ товарища. Думные дворяне суть остальные совѣтники Царя, занимающіе мѣста немного пониже. Спальники и постельничіе, которые заботятся о Царской постели и по двое каждую ночь проводятъ безъ сна, стоя на стражѣ передъ спальней. Стольники, принадлежащіе также къ знатнѣйшему дворянству, живутъ постоянно въ Царской столицѣ и прислуживаютъ за столомъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Стряпчіе (strarci) суть ближайшіе прислужники при спальнѣ, носящіе бармы (strophia) и шапку Царя, повсюду за нимъ. Жильцы (silci) суть молодые подростки изъ дворянъ, которые въ разноцвѣтныхъ, шелковыхъ одеждахъ

¹⁾ Нарышкинъ.

²⁾ Матвѣевъ.

и собольихъ шубахъ стоять на виду у всѣхъ, въ переднихъ комнатахъ, съ бердышами. Московскіе дворяне, получая отъ Царя земли, или денежное годовое жалованье, живутъ постоянно въ Москвѣ, всегда готовые выступить въ походъ. Городовые дворяне, на такомъ же положеніи, проживая по городамъ, собираются обыкновенно по приказанію воеводы, или намѣстника, въ случаѣ войны. Должно упомянуть здѣсь и о тѣхъ двухъ юношахъ, князьяхъ, которые въ бѣломъ одѣяніи стоятъ по обѣимъ сторонамъ Царя, когда онъ сидитъ на престолѣ: одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ топоръ или сѣкиру, украшенную слоновою костью, а другой—шестоперъ или булаву. Начальникъ конюшни нынѣ пользуется значеніемъ, гораздо меньшимъ, нежели прежде: въ давно прошедшія времена, онъ, въ случаѣ бездѣтности Царя, былъ ближайшимъ его наслѣдникомъ. Дворецкій бояринъ, по простонародному называемый „набольшимъ въ дому“—главный управитель Двора. Оружничій бояринъ—завѣдуетъ складомъ оружія и украшеніями всего дворца. Комнатнымъ съ ключомъ (Comnatnoi Kluczom), называется главный прислужникъ въ спальнѣ, хранящій ключъ отъ Царскаго кабинета. Кравчій, или какъ его называютъ теперь, маршалъ, подаетъ яства, ловчій—начальникъ надъ царскою охотою. Главнымъ церемоніймейстеромъ называется изъ числа сенаторовъ тотъ, кто управляетъ Посольскимъ Приказомъ, или канцеляріей, гдѣ вѣдаются, по большей части, дѣла объ иностранцахъ. Думные дьяки суть придворные секретари, между которыми первое мѣсто занимаютъ тѣ, которые завѣдуютъ тайнымъ архивомъ Царя, такъ называемые дьяки тайныхъ дѣлъ, дьяки же низшаго разряда суть писцы, коихъ очень много и кои обыкновенно пишутъ, положивъ бумагу на колѣни. За ними слѣдуютъ, по порядку, подьячіе, т.-е. прислуживающіе дьякамъ. Разсказъ объ остальной, наконецъ, незнатнаго происхожденія, царской прислугѣ, составляющей длинное приложение ко Двору, и о Царскихъ тѣлохранителяхъ, я здѣсь опускаю, такъ какъ мнѣ еще представится случай говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Г Л А В А 15.

О самодержавномъ образѣ правленія Царя и его основаніи.

Власть Московскаго Царя до того не стѣснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо можетъ считаться равною, если не превосходящей, царской власти древнихъ Ассирійцевъ и Грековъ, и современныхъ Турокъ, Персовъ и Татаръ. Поэтому-то нѣкій турецкій ораторъ сказалъ, что изъ всѣхъ христіан-

скихъ правителей, только Московскій Царь одинъ обладаетъ полною и высшею властью надъ своими: этотъ варваръ, повидному, либо по невѣжеству своему не замѣтилъ, а скорѣе всего не зналъ, того, что гораздо болѣе украшаетъ царей и болѣе священно у христіанскихъ царей, именно—ихъ превосходство надъ прочими (*majestas*). И дѣйствительно, Царь имѣетъ не только полнѣйшее право издавать и отмѣнять законы, заключать и нарушать союзы и мирные договоры, назначать и удалять чиновниковъ, уменьшать и увеличивать налоги, но располагаетъ вполне жизнью и смертью своихъ подданныхъ и ихъ имуществомъ, такъ что можетъ, если захочетъ, отнять у нихъ все состояніе и жизнь, не объясняя причинъ сихъ дѣйствій. Если онъ иногда совѣщается о чемъ либо съ боярами, то онъ не проситъ ихъ о согласіи, а пользуется ихъ опытностью и покорностью. Поэтому всѣ его подданные открыто признаютъ, что всѣ они цѣликомъ и все ихъ имущество принадлежатъ Богу и Царю и прячутъ все, что у нихъ есть дорогаго и цѣннаго, въ сундуки или подземелья, дабы другіе, увидавъ, не позавидовали бы, правитель не заподозрилъ бы, и дабы не привлечь на себя чьей-либо жадности или иную какую опасность. И это одна, между прочимъ, изъ главныхъ причинъ тому, что Москва до сихъ поръ такъ отвратительно дика и не отличается красотой своихъ зданій. Самая же Царская власть вполне наследственна и составляетъ достояніе Царской семьи, при чемъ всегда наследуютъ сыновья, старшіе или младшіе, смотря по желанію родителей. Прочіе члены семьи не могутъ никоимъ образомъ, основываясь на близкомъ родствѣ, захватить себѣ власть, такъ какъ волѣ умирающаго Царя предоставляется, слѣдуя весьма похвальному обычаю, передать изъ рукъ въ руки царскій скипетръ. Изъ этой власти протекаютъ и эти многочисленныя и пышныя прованія—Великаго Государя, Царя, Самодержца, Отчича и Дѣдича. Единственная цѣль, къ которой единодушно стремится все Русское государство, это—исключительно слава Царя, выгода его и благосостояніе, которая и достигается крайней суровостью поддерживается строжайшими законами. Поэтому, равнымъ образомъ, и всѣ подданные, дабы знали, что межъ ними нѣтъ никакого различія другъ отъ друга, никогда не допускаются слишкомъ близко къ Царю, не пользуются освобожденіемъ отъ повинностей или какими-либо преимуществами, никогда, наконецъ, не могутъ разбогатѣть. Дѣйствительно, относительно Московскихъ Князей мнѣніе таково, что презрѣнная доступность и обиліе средствъ у знати есть та стѣна, изъ за которой нынѣ сильныя борются съ Царями, и что обиліе преимуществъ у немногихъ есть зловредное сѣмя, поводъ къ соблазну и источникъ мятежа, и, напротивъ, если народу, по милости Князя, предоставляется одна только цѣль, достигнуть которой никто не можетъ иначе, какъ чрезъ

смирение, то всё́мъ дается возможность просто и легко идти по правому пути.

Поэтому Цари, дабы лучше обосновать свою власть и вполне обезопасить себя, установили слѣдующіе основные законы, сходные съ древними спартанскими а нынѣ — татарскими. Ибо, одинаково съ ними, они не позволяютъ своимъ подданнымъ, ни путешествовать, ни вступать въ бракъ съ чужеземцами, ни, наконецъ, заниматься науками и искусствами, ради умственного развитія и нравственного совершенства; въ довершеніе къ сему, запрещается еще кому бы то ни было, спорить о вѣрѣ, или обращаться съ рѣчами къ народу въ церкви. Итакъ—священники держатъ въ Московіи народъ въ убѣжденіи, что Царь ничего не дѣлаетъ помимо воли Божіей, и что повинующійся до конца жизни своей приказаніямъ Царя, непременно будетъ угоденъ Богу. Съ той же цѣлью князьямъ и боярамъ московскимъ приказано постоянно пребывать во дворцѣ, а члены наиболѣе вліятельныхъ семей обыкновенно разлучаются, или высылаются въ отдаленныя области подъ видомъ оказанія имъ чести. Наконецъ, справедливость Князя въ особенности, частая перемѣна должностныхъ лицъ и, расположенныя, по всему государству, военныя стражи, до такой степени хорошо упрочиваютъ Московскій престолъ, что всё́мъ ясно, въ какой степени и Россія опирается на Платоновское благоустройство.

Г Л А В А 16.

О писанныхъ законахъ и народныхъ собраніяхъ.

Первоначально обыкновенно народы во всё́хъ вопросахъ жизни руководились исключительно естественнымъ порядкомъ вещей и общепринятыми обычаями. Такого же порядка придерживались весьма долго и Моски, но нѣсколько позднѣе они уже стали излагать письменно свои законы, хотя, кажется, значительная часть ихъ нѣкогда присвоила себѣ и письмена и законы, письменно изложенные, и принятые у Готовъ и древнякъ Скиевъ. По принятіи христіанства, Владиміръ первый написалъ кое-какіе законы ¹⁾ и съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ того, какъ являлась надобность, вновь составлялись послѣдующими Царями новыя, весьма полезныя, законы. Изъ нихъ весьма важны: собраніе законовъ Ивана Васильевича ²⁾, разборъ постановленій Флорентинскаго Собора съ строжайшимъ осужденіемъ Исидора ³⁾, правила

¹⁾ Церковный уставъ Св. Владиміра.

²⁾ Судебникъ Царя Ивана Васильевича.

³⁾ Соборная грамота русскихъ епископовъ о вѣрности ихъ митрополиту Іоанъ и т. д... 1450 г.

(сапоны) Іоанна митрополита ¹⁾ и вопросы нѣкоего Кирилла къ Нифонту, епископу Новгородскому ²⁾. Всѣ эти отдѣльныя законоположенія Алексѣй Михайловичъ приказалъ, въ 1647 году, значительно добавивъ, собрать и привести въ лучшій порядокъ и напечатать подъ заглавіемъ Соборное Уложеніе, т.-е. постановленія соборовъ. Здѣсь все точно изложено: вопросы о вѣрѣ и о духовныхъ лицахъ, о судопроизводствѣ, о должностныхъ лицахъ, о разграниченіи земель, и о разныхъ сословіяхъ подданныхъ. Что же касается до всенародныхъ собраній, то они у Московъ бывають крайне рѣдко, такъ какъ только Царь можетъ созвать и распустить таковое. Еженедѣльно, однако, собираются въ особую комнату дворца, называемую столы ³⁾ (Stollie), или даже въ церковь, нѣсколько думныхъ бояръ (senatores), Патріархъ и митрополитъ съ епископами, для частнаго совѣщанія, при чемъ патріархъ креститъ лобъ и щеки Царя, когда тотъ входитъ, или выходитъ. За симъ, когда у всѣхъ ихъ, по порядку, спрашиваютъ ихъ мнѣніе о предложенномъ вопросѣ, или, вѣрнѣе сказать, ихъ совѣта, то они все полагають на мудрость Царя и предоставляютъ ему полную власть выбрать и рѣшить, какъ ему угодно, какъ единственному и высшему издателю законовъ. Въ сравненіи съ другими народами, Моски, по правдѣ сказать, немного издали для себя законовъ, изъ коихъ они соблюдаютъ много совершенно несогласныхъ съ нашими обычаями, но, въ силу постояннаго примѣненія и привычки, строго соблюдаемыхъ, и полагають, что то государство, которое нуждается во многихъ законахъ, крайне разстроено.

Г Л А В А 17.

О союзахъ.

Союзы, необходимыя, вообще, для подкрѣпленія какой бы то ни было, власти, Московскій Царь заключаетъ лишь съ нѣкоторыми пограничными государями, предпочитая воздерживаться отъ сношеній съ болѣе отдаленными, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ почти и во всѣхъ остальныхъ. Съ достопочтеннѣйшимъ, впрочемъ, императоромъ Леопольдомъ онъ недавно заключилъ новый дружественный союзъ. Да сохранитъ Господь навѣки эту связь двухъ доблестнѣйшихъ государей, на неоспоримое благо всему христіанскому міру! Что же ка-

¹⁾ См. стр. 80 прим. 2.

²⁾ Вопросы Кирика, Саввы и Іліи, съ отвѣтами Нифонта, епископа Новгородскаго, 1130—1156 г.

³⁾ Ср. Флетчеръ, О государствѣ русскомъ, гл. 8, въ Читеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1848 г. кн. 1.

сается до, заключенныхъ и соблюдаемыхъ уже нѣсколько лѣтъ, союзовъ съ Англичанами и Голландцами, то они касаются исключительно права свободной торговли. Всѣ же остальные священные пункты договоровъ Моски, смотря по тому, требуетъ ли того миръ или война, спокойно, либо твердо соблюдаютъ, либо совершенно нарушаютъ. Изъ договоровъ, кажется, никогда ни одинъ не былъ такъ долговѣченъ, какъ заключенный нѣкогда съ Персами, такъ какъ одинаково нежелательное могущество сосѣдей. Татаръ и Турокъ, тѣснѣйшимъ образомъ связывало стремленіе тѣхъ и другихъ ¹⁾, какъ бы неразрывной связью. Другой родъ союза, но не на равныхъ правахъ (in aequale), они заключили также съ великимъ китайскимъ ханомъ, ради областей, расположенныхъ по ту сторону Оби, и, съ этою цѣлью, отправляютъ пословъ, одного за другимъ, въ Китай съ дарами. Эта, во всякомъ случаѣ, многолѣтняя дружба не мало способствуетъ къ держанію прочихъ татарскихъ хановъ и мурзъ между страхомъ и мирными замыслами. Да наконецъ, и торговлю-то съ Китаемъ (называемымъ нѣкоторыми Сѣвернымъ) Русскіе едва ли могли бы вести инымъ какимъ-либо способомъ, если бы они (какъ это дѣлаютъ Персы и другіе народы) не открыли себѣ пути къ столь подозрительнымъ и ненавидящимъ чужеземцевъ народамъ, подъ предлогомъ ввоза даней и подарковъ. Съ прочими татарскими мурзами, коихъ они предпочитаютъ имѣть въ числѣ друзей, нежели въ числѣ сосѣдей, нашимъ Москамъ сама необходимость велитъ заключать союзы. Со Шведами и Поляками они скорѣе поддерживаютъ миръ, нежели союзъ, хотя, недавно, они съ весьма похвальнымъ рвеніемъ, примкнули къ Полякамъ противъ Турокъ. Впрочемъ, прочность этой дружбы покоится на основаніи довольно сомнительной прочности, такъ какъ оба эти народа явно соперничаютъ другъ съ другомъ и явно питаютъ ненависть другъ къ другу. Всякій, однако, союзъ, заключенный Царемъ съ чужеземцами, онъ, обыкновенно, скрѣпляетъ, чрезъ пословъ, крестнымъ цѣлованіемъ.

Г Л А В А 18.

О посылкѣ и пріемѣ пословъ.

Никто почти изъ бывшихъ до него Московскихъ Царей, не посылалъ столь много и столь блестящихъ пословъ ²⁾ въ Азію и по всей Европѣ, какъ нынѣшній Царь Алексѣй Михайловичъ. Въ короткій

¹⁾ Т.-е. Русскихъ и Персовъ.

²⁾ Собственно „ораторовъ“ (oratores).

промежутокъ времени, не только у Турокъ, Персовъ, Татаръ, Шведовъ и Поляковъ, но и у Голландцевъ, Англичанъ, Французовъ, Испанцевъ и у священнѣйшаго Императора¹⁾ христіанскаго¹⁾ и многихъ Имперскихъ Князей, Великаго Герцога Тосканскаго, въ Венеціанской республикѣ, и даже у самаго Первосвященника Римскаго онъ, чрезъ пословъ, подавая примѣръ необычной вѣжливости и съ цѣлью предложить свои услуги, побывалъ. Вслѣдствіе этого и Москвѣ также отъ весьма многихъ князей получили увѣренія въ дружбѣ и уваженіи.

Они принимаютъ совершенно своеобразно иностранныхъ пословъ и заботливо отсылаютъ ихъ обратно домой, какъ можно скорѣе. Ибо они не терпятъ постоянныхъ въ Москвѣ пословъ, или резидентовъ, какъ ихъ называютъ, а также и сами не позволяютъ своимъ долго оставаться при дворахъ другихъ государей, дабы тѣ, вслѣдствіе слишкомъ долгаго, постоянного обращенія, не измѣнялись бы и не вносили въ отечество новыя нравы. Мало того, они и пріѣзжихъ пословъ считаютъ, какъ бы честными, явными, лазутчиками и законными измѣнниками своей вѣрѣ. Посылаемымъ же ими за предѣлы государства, они постоянно, подъ угрозою тяжкаго наказанія, приказываютъ вездѣ тщательно поддерживать Царское достоинство и величіе, а также и разузнавать о всѣхъ дѣлахъ до мельчайшихъ подробностей, въ теченіе немногихъ дней. Во избѣжаніе же всякаго соvrраченія или подкупа со стороны иноземцевъ, и дабы послы находились въ полной зависимости отъ Царской милости, у нихъ, по возвращеніи домой, обыкновенно отбираютъ подарки, полученные ими за границей, и либо награждаютъ ихъ другими, либо же подвергаютъ наказанію²⁾. Раньше, Москвѣ до того считали себя всячески въ правѣ нарушать, почитаемыя священными у всѣхъ, права пословъ, что Иванъ Васильевичъ приказалъ пробить голову гвоздемъ нѣкому татарскому послу, не снявшему шляпы, а другаго посла, отъ римскаго императора, недостаточно почтительнаго, отправилъ въ изгнаніе, въ холодную Сибирь. (Извѣстно, что отецъ нынѣшняго Царя поступилъ такимъ же образомъ съ нѣкимъ англійскимъ посломъ). Пословъ отъ державъ, несостоящихъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, Русскіе обыкновенно не допускали даже внутрь государства а, какъ можно скорѣе, отпускали домой, покончивъ дѣло, ради котораго тѣ пріѣзжали, чрезъ посредниковъ (internuncios), на границѣ. Послы же отъ дружескихъ державъ, съ момента прибытія ихъ къ границѣ Россіи, поступаютъ на полное содержаніе Царя, и ихъ провожаютъ до сто-

¹⁾ Т.-е. Австрійскаго.

²⁾ Въ подлинникѣ собственно: „наставляютъ на путь истины, посредствомъ наказанія“.

лицы царства, осыпая всякаго рода проявленіями гостепрѣимства, хотя они часто испытываютъ завистливое и высокоумѣренное, на словахъ и на дѣлѣ, обращеніе приставовъ, т.-е. чиновниковъ отъ порубежныхъ воеводъ. Ибо тѣ стараются послѣдними слѣзаться съ коней, выходить изъ экипажа, сѣсть повсюду первыми на наиболѣе почетное мѣсто, какъ можно рѣже снимать шапку, какъ можно менѣе двигаться впередъ и по возможности чаще произносить титулъ Царя.

Прибывъ къ первому русскому городу, послы непременно должны нѣкоторое время тамъ пообождать, доколѣ Царь, извѣщенный о ихъ прибытіи, не отпишетъ, какъ ему угодно поступить съ ними далѣе; въ это время управляющій сею областью, воевода, рѣдко показывается посламъ, дабы этимъ какъ нибудь не уронить чести своего Государя, а, можетъ-быть, и для того, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ подкупѣ. Затѣмъ, они съ новымъ переводчикомъ и приставомъ, проѣзжая по государству, не имѣютъ права идти пѣшкомъ, ни даже прохаживаться по улицамъ, лежащихъ на пути городовъ, иначе, какъ съ согласія и разрѣшенія сопровождающихъ ихъ приставовъ и окруженные военною стражею. Приблизясь къ Москвѣ, они нѣсколько времени ждуть ¹⁾, пока не будетъ назначенъ день для торжественнаго въѣзда и не явятся новые пристава. Эти съ еще болѣшимъ упорствомъ, нежели прежніе, стараются, по болѣшей части, закрывать посламъ видъ съ правой стороны, болѣе по собственной гордости и упорному высокоумѣрью, нежели во исполненіе Царской воли. Поэтому, когда въ 1672 году, дворянинъ Адольфъ Евершильдъ, мой родственникъ, будучи посланъ Шведскимъ королемъ въ Московію, замѣтилъ своему приставу, что это крайне неприлично, прибавивъ, что Русскіе незаслуженно требуютъ, чтобы имъ за границею оказывали почести, такъ какъ они у себя не оказываютъ ничего подобнаго чужестранцамъ, то Царь немедленно велѣлъ приставу тотчасъ же перейти на лѣвую сторону посла. Когда же тотъ собирался уѣзжать, то Царь, оказавъ ему многіе, необычайные знаки расположенія, пожелалъ, чтобы онъ, окруженный знатными людьми, проѣхалъ бы по городу на бѣлыхъ лошадяхъ. Итакъ, обращаясь къ началу разсказа, послы въѣзжаютъ въ городъ, среди многочисленныхъ всадниковъ изъ знати, въ роскошныхъ одеждахъ, и между рядами пѣшихъ солдатъ, на длинное разстояніе развернутыми, и везутъ ихъ на Царскихъ лошадяхъ въ громадный дворецъ, именуемый Дворцомъ Христіанскихъ Пословъ. Необычное блестящее торжество это не можетъ не поразить зрителя. Затѣмъ они, въ стѣнахъ своего жилища, окружаются, какъ бы въ какой осадѣ, воинскою стражею, которая никому не позволяетъ входить

¹⁾ Собственно „на нѣсколько времени задерживаютъ окончаніе путешествія“.

къ нимъ, кромѣ посланныхъ Царемъ, и никуда наружу не выпускаетъ кого бы то ни было изъ посольскихъ слугъ, дабы, какъ нибудь, не представилась имъ возможность подкупить московскихъ чиновниковъ деньгами или подарками, или кто либо не узналъ о томъ, что поручено посламъ, раньше Царя. Впрочемъ Мосхи поступаютъ такъ, прикрывая это видомъ почета и заботы о безопасности. Межъ тѣмъ, посламъ щедрою рукою (*largæ manu*) отпускается все необходимое для существованія, такъ, чтобы имъ, сколько времени они бы не прожили въ Москвѣ, не было бы надобности тратиться самимъ на что-либо, кромѣ подарковъ.

Когда же, наконецъ, послы отправляются во дворецъ для изложенія предъ Царемъ своихъ порученій, то снова, до воротъ дворца имъ предшествуетъ многочисленный отрядъ всадниковъ, великолѣпно убранныхъ, нѣсколько ротъ (*cohortes*) пѣхоты, а также и большія пушки, везомыя въ нѣсколько длинныхъ рядовъ. Впереди, пѣшкомъ несутъ подарки Царю, каждый подарокъ особо. Впослѣдствіи ихъ, по приказанію Царя, точно оцѣниваютъ серебряныхъ дѣлъ мастера и купцы, дабы Царь могъ, черезъ это, равномѣрнѣе отдарить, стоящими столько же. При этомъ, нѣкоторые изъ болѣе почетныхъ членовъ посольства, обыкновенно также выставляютъ, такимъ же способомъ, свои незначительные дары Царю, съ цѣлью получить такимъ тайнымъ путемъ наживы болѣе цѣнные. Русскіе замѣтили это, наконецъ, и, въ бытность нашу, возвратили нѣкоторымъ изъ состоявшихъ при посольствѣ ихъ подарки, съ изрядною нѣкою придачею. Пройдя ворота, христіане входятъ далѣе во внутренніе покои, иною дверью, нежели магометане и язычники, сквозь тѣсную стражу тѣлохранителей (*praetoriani*): тутъ важно сидятъ много, внушительнаго вида, пожилыхъ мужей, занимающихъ различныя должности при Царѣ, въ высокихъ, башнеподобныхъ шапкахъ и великолѣпныхъ, золотомъ расшитыхъ, одеждахъ. Каждый разъ какъ послы входили въ какую-либо комнату, двери за ними запирались, пока, наконецъ, пройдя ихъ нѣсколько, и, снявъ предварительно съ себя пшаги (*gladio deposito prius*), они предстали предъ Царемъ, сидящемъ на пышномъ тронѣ; передъ нимъ стоялъ длинный рядъ бояръ въ замѣчательно роскошныхъ одеждахъ. Позади Царя стояли два молодыхъ спальника (*subiculiarii*), въ одеждахъ изъ серебряной парчи, въ высочайшихъ шапкахъ, сшитыхъ изъ бѣлыхъ лисьихъ шкуръ: одинъ держалъ въ рукѣ сѣкиру, а другой — булаву. Послы пожелали Царю отъ имени своего государя, здоровья и передали привезенныя ими грамоты, при чемъ вкратцѣ изложили предметъ своего посольства, послѣ чего поцѣловали у Царя руку, которую въ прежнія времена Цари имѣли обыкновеніе обмывать послѣ сего, считая всякое прикосновеніе со стороны иновѣрцевъ осквернительнымъ. За-

тѣмъ Царь, съ своей стороны, спрашивалъ, чрезъ такъ называемаго Думнаго дьяка (*cellarium*), о здоровьи иноземнаго (*extranei*) государя, и обыкновенно откладывалъ дѣло до дальнѣйшаго разсмотрѣнія, а, пока, приглашалъ пословъ къ обѣду, изобильно въ ихъ помѣщеніи приготовленному. Если же посламъ доводилось обѣдать вмѣстѣ съ Царемъ, то они сидѣли за столами, немного пониже. Царь, одѣтый, по большей части, въ бѣлую одежду (что служить знакомъ расположенія) предлагалъ каждому изъ нихъ кубки съ пѣнящимся виномъ и пилъ даже самъ вино въ честь и во здравіе ихъ государя, своего друга. Переговоры о мирѣ или войнѣ ведутъ съ послами нѣсколько, на то избранныхъ, бояръ, а Царь очень часто слушаетъ ихъ изъ со-сѣдняго тайника (*ex vicina latēbra*). Тотчасъ же послѣ перваго приема (такъ называемой аудіенціи) посламъ и ихъ слугамъ дозволяется, однако въ сопровожденіи военной стражи, походить по городу, разрѣшается также и постороннимъ приходить къ нимъ, объявивъ предварительно стражѣ свое имя и причину прихода. Въ числѣ таковыхъ весьма часто посѣщаютъ пріѣзжихъ знатныя, подъяченныя лица и, бесѣдуя о разныхъ обстоятельствахъ русскихъ, представляютъ все въ превосходномъ видѣ и сообщаютъ все, что угодно, кромѣ истины. Поэтому большинство изъ побывавшихъ въ Россіи привозятъ съ собою поверхностныя свѣдѣнія и общераспространенныя басни объ этомъ государствѣ, такъ какъ въ тайны московскія имъ не удастся проникнуть вполнѣ удовлетворительно, никопми, даже окольными, путями ¹⁾.

Г Л А В А 19.

О Царской казнѣ и отдѣльныхъ его доходахъ.

Долгое время Московиты славились между многими другими народами добровольною бѣдностью и простотою образа жизни, но потомъ ими также овладѣли жажда золота и неудержимая страсть къ стяжанію, и они начали насильно отнимать чужое имущество, чеканить монету и собирать сокровища. А такъ какъ все право и власть надъ подданными принадлежать въ настоящее время Князю, то всѣ богатства стекаются къ нему одному, такъ что Московскій Царь справедливо считается однимъ изъ богатѣйшихъ правителей на свѣтѣ, такъ какъ ежегодный его доходъ, по достовѣрному счету, въ общей сложности, значительно превышаетъ два милліона рублей, или венгерскихъ червонцевъ; одинъ Архангельскій портъ, говорятъ, до-

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно: „ибо въ тайники московскія (*arcana moschovitica*) они даже и подаянными ходами проникнуть не могли (*per cupiculos*)“.

ставляетъ ежегодно 300.000 червонцевъ. Бóльшая часть этихъ денегъ идетъ на расходы по содержанію Двора, на потребности государства и благоустройство Сибири въ особенности, и другихъ восточныхъ областей. Остальная же часть идетъ либо на приобрѣтеніе драгоценныхъ вещей, либо вносится на храненіе въ казначейство, такъ что доходовъ гораздо болѣе, нежели необходимыхъ расходовъ. Не упоминая здѣсь вторично о тѣхъ, поражавшихъ своимъ количествомъ, богатствахъ, собранныхъ на Бѣлоцерковномъ островѣ, при чемъ столько областей и городовъ подвергались кровопролитному разоренію, и нынѣ уже истраченныхъ, я не нахожу нужнымъ, однако, скрывать, что такое же, а, можетъ быть, и еще больше, богатство нынѣшняго Царя. Часть его сокровищъ хранится въ такъ называемой, Золотой Палатѣ, гдѣ возвышаются, въ порядкѣ расположенія, груды драгоценныхъ камней и жемчуга, при чемъ ежедневно нѣсколько искуснѣйшихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и другихъ художниковъ заботливо ихъ перепищаютъ и тѣмъ увеличиваютъ ихъ цѣнность. Источники доходовъ крайне разнообразны и почти безчисленны. Изъ наследственныхъ дворцовыхъ помѣстьевъ, называемыхъ оброчными вотчинами, которыя занимаютъ около половины всего государства (другая половина распредѣлена между духовенствомъ и знатію) доставляется Царю не только хлѣбъ, медъ, скоть и многое другое въ этомъ же родѣ, но и громадное количество чеканной монеты. Изъ повинностей, которыя онъ единолично, по желанію, то увеличиваетъ, то уменьшаетъ, двѣ въ особенности, приносятъ Царю доходъ—*тягло* (Tagla), взимаемое по всему государству съ каждаго четверика (modium) муки, и *подать*—т.е. ежегодный взносъ, уплачиваемый всѣми подданными безъ исключенія, смотря по величинѣ состоянія, хотя въ столь обширномъ государствѣ гораздо болѣе денегъ собирается отъ пошлинъ портовыхъ и, такъ называемыхъ, конфискованныхъ, товаровъ. Въ немалой степени замѣняютъ сокровища и дорогіе разнаго рода мѣха, которые, какъ-бы по недостатку денегъ, одинаково служатъ вмѣсто денегъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ, такъ что знаменитый французскій географъ Сансонъ (Sansonius) и многіе другіе, кажется, весьма удачно, думали видѣть въ этихъ мѣхахъ, золотое руно Аргонатовъ, ибо и Фазисъ ¹⁾, нынѣ называемый Фассомъ, въ сосѣдней съ Русскими Колхидѣ, славился нѣкогда какъ всемірный рынокъ, да и Севастіанополь въ той же Грузіи, въ которомъ обыкновенно собирались одновременно 300 народовъ съ Сѣвера, ради торговыхъ цѣлей ²⁾, пользовался не меньшею извѣстностью. Мало того, и тутъ и тамъ

¹⁾ Нынѣшній Ріонъ.

²⁾ На ярмарку, говоря современнымъ языкомъ.

упоминаются, между прочими товарами, особенно мѣха, которые тогда необходимо было доставлять туда, главнымъ образомъ, изъ Московскихъ земель, въ громадномъ количествѣ. Затѣмъ съ кабаковъ, т.-е. питейныхъ домовъ, въ которыхъ, по всему государству, исключительно одинъ лишь Царь продаетъ пиво, медъ и водку, получается такой доходъ, что трудно даже сказать. Не меньшій, ежедневный доходъ доставляютъ и общественныя бани, которыя также онъ одинъ повсюду содержитъ, такъ какъ частое купанье стало у Московъ не только обычаемъ, но даже закономъ, такъ что каждый изъ нихъ посѣщаетъ баню, по крайней мѣрѣ, раза два-три въ недѣлю. Но еще болѣе барышей получается съ постояннаго преимущественнаго права (monopolium) торговать всякаго рода товаромъ и въ присущемъ Царю правѣ первому покупать и продавать. То, что казна получаетъ также и половину взысканій по уголовнымъ дѣламъ и десятую часть по всѣмъ прочимъ судебнымъ дѣламъ, отъ продажи лошадей, изъ Татаріи выведенныхъ, и, наконецъ, указъ, которымъ запрещается не ввозъ въ государство, а вывозъ изъ него денегъ,—все это приносить громадный доходъ. Наконецъ, даже и имущество частныхъ лицъ Царь, въ случаѣ крайней нужды, считаетъ себя, болѣе, чѣмъ другіе властители, въ правѣ отдать на общественную пользу¹⁾. Нашъ Алексѣй, однако, до сей поры, совершенно справедливо, не рѣшался на это, и; дабы показать свое милостивое отношеніе къ подданнымъ, рѣшилъ, что достаточно въ военное время взимать десятину, т.-е. только десятую часть съ доходовъ имущества, по строгой оцѣнкѣ, тогда какъ отецъ его, Михаилъ, повелѣлъ платить себѣ пятину, т.-е. пятую часть.

Г Л А В А 20.

О нѣкоторыхъ должностныхъ лицахъ.

Хотя обязанности должностныхъ лицъ у Московъ носятъ почти одинаковыя названія, какъ и въ Польшѣ, однако, въ самомъ отправленіи ббльшей части ихъ видна, съ той и другой стороны, разница. У Поляковъ все направлено къ свободѣ знати, въ Московіи же, вообще говоря, все находится въ жалкомъ, рабскомъ подчиненіи. Нѣкоторыя, высшія должности, когда-то обладавшія нѣкоторымъ подобіемъ свободы, либо совершенно отмѣнены Царями, или же власть и могущество ихъ до того ограничены, что даже сами бояре, именовав-

¹⁾ Чрезвычайно неясное мѣсто, которое можно понять и такъ:... „Царь считаетъ себя болѣе прежнихъ властителей т.-е. бывшихъ, до него, князей, въ правѣ“ и т. д.

шіеся правителями (*senatores regni*) государства, нынѣ едва-едва могутъ быть считаться наравнѣ съ частными, простыми совѣтниками (*consiliaris privatis*). Но, кажется, многихъ (и далеко отъ того, чтобы сказать „всѣхъ“), одновременно съ ихъ обезсиленіемъ, одолѣло сильное любостяжаніе, которымъ они, хоть отчасти, удовлетворяютъ, если не честолюбію своему, то жадности. Такъ сильно господствуютъ нынѣ обманъ, подкупъ, до того стало обычнымъ развращать и развращаться! Изъ числа знатныхъ должностныхъ лицъ, воеводы или намѣстники (*palatini*), получаютъ въ управленіе ту или другую область, (*provincia*) приблизительно на три года. Они, хотя и являются представителями и подражателями Царя, очень ограничены въ своей власти. Они обязаны наиболѣе важныя дѣла (*gravioris momenti causae*) представлять на разбирательство Царю и не могутъ лишить кого-либо жизни, не донеся сперва объ этомъ въ Москву. Въ остальномъ, они отправляютъ правосудіе болѣе свободно, но такъ однако, что никогда не забываютъ себя, измѣнически выговаривая себѣ за разборъ дѣла, такъ какъ они не получаютъ отъ Царя никакого годового жалованья, кромѣ взысканной съ преступниковъ пени. При отъѣздѣ на воеводство Царь обыкновенно вручаетъ имъ жезль (*baculum*), въ знакъ власти, а, можетъ-быть, и въ видѣ напоминанія о предстоящемъ наказаніи, ибо они легко лишаются не только своего сана и свободы, но въ видѣ роковой отместки, и жизни, какъ только возникаетъ малѣйшее подозрѣніе или жалоба на дурное веденіе ими дѣлъ. Раньше они должны были оставлять женъ и дѣтей въ Москвѣ, дабы Царь могъ оказывать имъ болѣе довѣріе, нынѣ же, вмѣстѣ съ ними, отправляются въ области, въ качествѣ спутниковъ, послы (*legati*) и дьяки (*secretarii*), дабы взаимный страхъ и дѣятельное соревнованіе могущественнѣе удерживали каждого изъ нихъ отъ несправедливыхъ поступковъ.

Г Л А В А 21.

О приказахъ, или присутственныхъ мѣстахъ.

Дабы въ столь обширномъ государствѣ отдѣльныя дѣла (*singula negotia*) велись болѣе подобающимъ образомъ (*decentius*) и въ болѣе порядкѣ, Мосхи препоручили много присутственныхъ мѣстъ, въ простонародьи называемыхъ Приказами, или Канцеляріями (*seu Cancellarias*), почти безчисленному количеству дьяковъ или писцовъ для тщательнаго вѣденія. Изъ нихъ, слѣдующіе четыре почитаются какъ бы главенствующими между остальными.

Посольская Четверть, гдѣ ведутся дѣла съ чужеземными государями, послами и, даже, купцами иностранцами, въ которомъ, въ наше

время, съ великою славой предсѣдательствоваль Артамонъ Сергѣевичъ. *Разрядная Четверть*, гдѣ ведутся записи о состояніи бояръ и дворянъ и ихъ службъ, а также отмѣчаются мирныя и военныя пріобрѣтенія и потери, и владѣнія всего государства. Изъ него же получаютъ предписаніе отправляться и наказъ, воеводы, предъ отъѣздомъ ихъ въ области и царства (регна). *Помѣстная Четверть* ведетъ списокъ помѣстьямъ, пожалованнымъ отъ Царя за заслуги и разбираетъ споры, возникшіе изъ-за купли, продажи и наслѣдства. *Казанскій и Сибирскій Дворецъ* вѣдаетъ дѣла Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго царствъ, богатый доходъ отъ мѣховъ и благоустройство не населенныхъ ¹⁾ странъ, число коней съ каждымъ днемъ увеличивается. Эти присутственныя мѣста, въ совокупности взятыя (если прибавить къ нимъ еще три главнѣйшихъ, вышеназванныхъ), соотвѣтствуютъ вполне семеричному (septuplo) сенату въ Китаѣ,—мало того, если кто внимательно присмотрится къ сути дѣла, то увидитъ безконечное количество китайскихъ обычаевъ у Московъ, чему, кажется, причина двойная: та, что весьма многіе обычаи всѣхъ азіатскихъ народовъ схожи между собой, и та, что многіе обычаи были переняты Русскими у Татаръ, которые одинаково владычествовали надъ Китайцами и надъ Московіей.—За этими приказами слѣдуетъ большое количество таковыхъ-же, приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ: *Дворцовой приказъ*—обсуждаетъ дѣла, вообще касающіяся Дворца, *Иноземской*—распоряжается иностранцами, служащими въ военной службѣ и другими, кои, почему-либо, не подчинены другимъ приказамъ. *Рейтарскій*—завѣдываетъ конницею, набранною, болѣею частью, изъ туземцевъ дворянъ, и уплачиваютъ имъ жалованье. *Большой Приходъ*, куда сборщики (quaestores) или гости представляютъ отчеты о доходахъ съ пошлинъ въ гаваняхъ и т. п. ²⁾, гдѣ устанавливаются цѣны, вѣсъ и мѣра, и уплачивается мѣсячное и годичное жалованье многимъ служащимъ. *Судный Володимирскій Приказъ*, который бояре считаютъ своимъ исключительнымъ, судилищемъ по древнимъ установленіямъ. *Судный Московскій*, куда призываются на судъ стольники, стряпчие и прочіе придворные (aulici) служащіе, и граждане (cives). *Разбойный*—судитъ разбойниковъ, воровъ и всякаго рода преступниковъ, подвергаетъ ихъ пыткамъ и постановляетъ приговоръ, сообразно съ преступленіями. *Пушкарскій*—завѣдываетъ литейщиками колоколовъ и пушекъ для войны, кузнецами и всѣми мастерами, изготовляющими, что нужно для вооруженія, заготовляетъ впередъ все необходимое и заботится вообще о военныхъ снарядахъ. *Ямской* откуда, по приказа-

¹⁾ Собственно „негостепримныхъ, дикихъ (inhospitus)“.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ: „etc“.

нію Царя, быстро рассылаются, по всѣмъ направленіямъ, гонцы, скороходы и ямщики, что весьма схоже съ древне-персидскими анга-рами ¹⁾. *Челобитный*—принимаетъ письменныя прошенія и возвращаетъ ихъ съ надписаннымъ рѣшеніемъ. *Земской*, куда жители города Москвы отправляются на судъ, гдѣ утверждаются купчія и другіе договоры, а также принимаются пошрины съ домовъ, заставъ (*portagium*), мостовъ и т. п.

Холопій — заботится о рабахъ, записываетъ имена тѣхъ, которые отдають самихъ себя на извѣстное время, или совсѣмъ продающихся другимъ, въ рабство, что у Русскихъ называется кабалою. *Большой красный* ²⁾—въ которомъ хранится Царская казна, излишекъ доходовъ, золотая и серебряная парчи, шелковыя ткани, разнаго рода одежды, ковры, и дорогія палатки (*tentoria*). *Казенный* (*Casanoi*)—вѣдаетъ дѣла, касающіяся торговли, откупщиковъ (*publicanos*) и купцовъ, изъ туземцевъ, и, въ особенности, тѣхъ, кто заключаетъ какой-либо договоръ съ Царемъ ³⁾.

Монастырскій—чинитъ судъ (*administrat justitiam*) надъ священниками, монахами и всѣмъ духовенствомъ въ свѣтскихъ дѣлахъ. *Каменный*—которому подчинены мастера, плотники и каменщики и все, что касается городскихъ построекъ, и который доставляетъ гражданамъ необходимое количество лѣса, желѣза и камня. *Новгородскій* — вѣдаетъ дѣла и доходы того и другаго Новгорода ⁴⁾. *Галицкій* — куда направляются дѣла по правовымъ и судебнымъ вопросамъ ⁵⁾, Галиции, бывшей нѣкогда царствомъ. *Новый*—куда всѣ питейные дома (*saurones*), продающіе водку, пиво и медъ, представляютъ свои отчеты и вырученныя деньги и откуда имъ отпускаются напитки. *Костромской*—который разбираетъ дѣла Устюжской и Холмогорской областей. *Золотой* и *Алмазный*, или Златая хранина (*sive domus aurea*), въ которомъ хранятся сокровища Царя, сосуды и украшенія изъ золота и серебра и громадное количество драгоценныхъ камней. Во время нашего пребыванія въ Москвѣ, Царь къ этимъ сокровищамъ присоединилъ еще одинъ алмазъ, необыкновенной величины, вывезенный изъ Восточной Тартаріи, и стоимость котораго торговцы съ трудомъ могли опредѣлить. *Ружейный*, въ которомъ изготовляется и хранится всякое оружіе, знамена и все прочее, необходимое для пышныхъ военныхъ торжествъ. *Аптекарскій*, въ которомъ собираются, для испол-

¹⁾ Персидское слово, означающее верховаго курьера; по-нашему „эстафетный почтарь“.

²⁾ Т.-е. Большой Казны.

³⁾ Т.-е. поставщиковъ Царскихъ (?).

⁴⁾ Нижняго и Великаго.

⁵⁾ *Jura et causae*.

ненія своихъ обяванностей, Царскіе лѣкари, хирурги и аптекари. *Таможенный*, гдѣ собирается пошлина съ разныхъ товаровъ въ городѣ Москвѣ, и который ежегодно даетъ объ этомъ отчетъ приказу Большаго Прихода. *Сбора Десятой денги*, въ которомъ производится сборъ десятой денги съ имущества на необходимыя военныя издержки. *Сыскной*, наконецъ, разбираетъ новыя тяжбы (lites), въ точности неподходящія ни къ какому иному приказу. Но, кромѣ этихъ приказовъ, есть еще нѣсколько, менѣе важныхъ, во-первыхъ, по военнымъ дѣламъ, а также и тѣ три, которыми завѣдуетъ Патріархъ и которые мы опишемъ нѣсколько ниже. По приведеннымъ же образцамъ правленія, управляются и всѣ остальные Русскія царства (regna) и области.

Г Л А В А 22.

О разборѣ тяжбъ.

Московія, по счастію, до сей поры не знаетъ того, что у насъ вошло въ общеизвѣстную поговорку, именно, что богатство, жизнь и вѣра, по бѣльшей части, находятся въ рукахъ лицъ, которымъ бы никогда не слѣдовало ихъ поручать. Дѣйствительно, Мосхи не ввѣряютъ своей жизни лѣкарямъ, которыхъ, за исключеніемъ дворца, нигдѣ нѣтъ во всемъ государствѣ. Не позволяютъ они своимъ богословамъ терзать вѣру упорными, какъ какая болѣзнь, и неразумными спорами: собираться и разсуждать какъ бы то ни было о вѣрѣ, считается преступленіемъ, достойнымъ казни. Не допускаютъ они, наконецъ, и того, что бы ходатаи по дѣламъ (которыхъ они никакъ не терпятъ) обращались бы легкомысленно ¹⁾ съ законными правами и имуществомъ гражданъ въ безконечныхъ тяжбахъ (что почти во всей Европѣ служить основаніемъ великаго бѣдствія). У Московъ, дѣйствительно, безъ всякой лишней траты словъ и времени, такъ какъ никакіе споры законниковъ ²⁾ не допускаются, въ часъ времени разбираются запутаннѣйшія жалобы и тяжбы, которыя въ другой странѣ тянулись бы цѣлое столѣтіе. Самыя мѣста для судебного производства распределены въ городахъ такъ, что менѣе важныя недоразумѣнія и споры представляются на судъ губныхъ и сотскихъ старостъ, стоящихъ во главѣ своихъ сотенъ, болѣе важныя—воеводамъ (ad urbium graefectos), наиважнѣйшія — Царю. Порядокъ, такъ называемаго, судебного

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно: „не расточали бы“ (prodigant).

²⁾ Въ подлинникѣ стоитъ „leguleius“, что означаетъ челоѣка, придерживающагося строго буквы закона, законника — педанта и крючкотвора.

дѣйствія, установленъ слѣдующій, безъ всякихъ, бесполезныхъ, длинныхъ, съ той и другой стороны, краснорѣчивыхъ обсужденій: истецъ, въ письменной просьбѣ, излагаетъ начальнику (*praesidi*), которому подлечь спорное дѣло, кратко, кѣмъ и на сколько (*quantum*) онъ обиженъ и, получивъ выписъ (*Vipis*), т.-е. разрѣшеніе, немедленно приводитъ, чрезъ приставовъ (*arragatores*), обвиняемаго. За симъ каждый изъ нихъ (уплативъ прежде поруку, т.-е. вѣрное обезпеченіе, если дѣло того требуетъ) отстаиваетъ свое дѣло безъ замѣстителей, и передъ судьей, на окончательномъ рѣшеніи котораго они безусловно успокаиваются (*descretoria sententia*). Если, по случаю дальности разстояній, или по какой-либо другой причинѣ, дѣло не можетъ быть кончено съ перваго же собранія, то дается нѣкоторый добавочный срокъ для защиты, по истеченіи котораго, дѣло прекращается безповоротнымъ рѣшеніемъ.

Если дѣло не можетъ быть разъяснено свидѣтелями, или иными доказательствами, то оно рѣшается присягою и крестнымъ цѣлованіемъ. Если же не успокоятся на этихъ способахъ доказательства, то каждой изъ тяжущихся сторонъ предоставляется, позвать на кнутъ, т.-е. къ доказательству посредствомъ сего ужаснаго орудія¹⁾, однако съ тѣмъ, что она уплачиваетъ противнику, выдержавшему это истязаніе, и ни въ чемъ не сознавшемуся, по справедливости, большое денежное вознагражденіе за перенесенную терпѣливо боль, или же получаетъ столько же ударовъ кнутомъ, чѣмъ дѣло тотчасъ же и кончается. Въ древности, если обвиняемый опровергалъ на судѣ свидѣтелей истца, то, по указу Царя Ивана Васильевича, дѣло рѣшалось въ открытомъ полѣ поединкомъ. За исключеніемъ лука, разрѣшалось биться всякаго рода оружіемъ, при чемъ, съ обѣихъ сторонъ, стояли друзья тяжущихся съ дубинами, дабы все происходило правильнѣе. Нынѣ этотъ способъ рѣшенія тяжбъ очень мало примѣняется, ибо считается недостаточно справедливымъ. А для того, чтобы сильнѣе уменьшить общераспространенныя, пагубнѣйшія ссоры, начальствующія лица учредили присяжныхъ надзирателей (*tutores*) которые, какъ и восприемники при св. крещеніи, клятвенно обязаны строго сдерживать всѣхъ прочихъ, а также тщательно записывать имена тѣхъ, кто чаще тягается и кто, въ какомъ преступленіи, былъ найденъ виновнымъ. Дабы легче можно было отличить безпокойныхъ и испорченныхъ людей, они обязываютъ ихъ дать поруку въ томъ, что они обижать не будутъ. И если кому-нибудь неожиданно приключится какая-либо неприятность, и виновникъ ея не будетъ извѣстенъ, то предають жестокой пыткѣ того, со стороны котораго онъ когда-то опасался обиды и заявилъ о томъ судѣ.

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно „хлыста“ или „бича“ (*flagrum*).

Г Л А В А 23.

О разнаго рода судебныхъ допросахъ, наказаніяхъ и казняхъ.

Не упоминая здѣсь, изъ воспоминаній о давно быломъ, о тѣхъ жесточайшихъ казняхъ, которыми Русскіе внушали отвращеніе къ себѣ во времена язычества, я не могу достаточно подивиться тому, что, будучи уже озарены свѣтомъ христіанскаго закона, они все еще нѣкоторое время были столь безчеловѣчны. Всякому, пишущему объ нихъ, поѣтому, приходится сознаваться въ своемъ сомнѣніи: безчеловѣчность ли эта народа выработала жестокихъ властителей, или же народъ сталъ столь жестокимъ и безчеловѣчнымъ чрезъ жестокосердіе своихъ властителей? Дѣйствительно, повторяются вѣдь вновь, одна за другой, и нѣкоторыя государственныя болѣзни, благодаря тому, что пороки, какъ Антоновъ огонь, такъ распространяются по всѣму тѣлу, что ихъ нельзя ни выжечь, ни вырѣзать. Не станетъ также никто легкомысленно обвинять и властителя въ чрезмѣрной строгости законовъ, такъ какъ законы должны соответствовать духу народа. А московскія племена, будучи, дѣйствительно, за отсутствіемъ у нихъ мира и за непрощаніемъ у нихъ наукъ, совершенно неразвитыми, а скорѣе одичалыми, благодаря постояннымъ войнамъ, погрязли, посему, съ издавна въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ, не только кражахъ и убійствахъ, но безбоязненно совершали даже многое такое, чего нельзя и назвать честному человѣку,—такъ безчестно оно—и вполнѣ, кажется, заслужили—страдать отъ суровыхъ властителей. Зачастую, правда, ихъ властители были болѣе жестоки, чѣмъ, по справедливости, слѣдовало бы, въ родѣ знаменитаго всякими гнусными пороками обезображеннаго Нерона, который считалъ, что лишать жизни посредствомъ вскрытія жилъ не столь справедливо, полезно и необходимо, сколь пріятно, и убивалъ даже невинныхъ, ради своего удовольствія. О тогдашнемъ времени нѣкто выразился, нисколько не преувеличивая, такимъ образомъ: въ Москвѣ людей убиваютъ легче, нежели въ другихъ странахъ собакъ. Но Царь Иванъ Васильевичъ вовсе не злоупотреблялъ казнями или, вѣрнѣе, жестокостью своею, какъ говорили. Ибо, когда онъ приказалъ нѣкому нѣмцу, живущему въ Москвѣ, сказать, какъ отзываются о немъ чужеземные властители, и этотъ (хотя и отговаривался долго, изъ страха, незнаціемъ) получивъ, наконецъ, отъ Царя обѣщаніе въ безнаказанности, что бы онъ ни сказалъ, объявилъ: «ты слынешь у всѣхъ чужестранцевъ за тирана», то Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что они ошибаются, не зная въ точности обстоятельствъ, ибо, говоря о положеніи другихъ, имѣютъ въ виду лишь

свое собственное: тѣ, де, повелѣвають людямъ, а онѣ — скотамъ. Но несправедливо было бы, по моему мнѣнію, умолчать о томъ, что въ царствованіе кротчайшаго Алексѣя ничего подобнаго уже Мосхи не боятся, развѣ что, какъ нибудь, наитягчайшими преступленіями они навлекутъ на себя наказаніе построже, ибо, на случай таковыхъ, въ Россіи существуютъ еще и понынѣ сильнѣйшія наказанія и пытки. Между орудіями пытки, служащими, обыкновенно, для вывѣдыванія истины или для наказанія, кромѣ дыбы, употребляемой также и въ другихъ странахъ, необходимо упомянуть о знаменитомъ, смертоносномъ орудіи—кнутѣ, т.-е. широкомъ ремнѣ, проваренномъ въ молокъ, дабы удары имъ были бы болѣе люты. Палачъ бьетъ имъ по обнаженной спинѣ наказуемаго, котораго его помощникъ держитъ за руки у себя за плечами въ висячемъ положеніи, при чемъ судья при каждомъ ударѣ восклицаетъ: „скажи“, т.-е. „признавайся“. Бьютъ еще снѣхъ несчастныхъ нѣкими плетеными изъ гибкаго дерева жгутами, называемыми батогамы (ими наказываютъ иногда и за незначительные проступки), по способу, несомнѣнно заимствованному отъ Евреевъ. Растянувъ преступника на землѣ и раздѣвъ его до рубашки, два заплечныхъ мастера садятся, одинъ въ головахъ, а другой на ноги, и попеременно колотятъ его по спинѣ своими палками,—мало того, нѣкоторыхъ, за болѣе тяжкія преступленія, они бьютъ этими же дубинками по животу, пока они не испустятъ духа. Это наказаніе, вызывая подкожное нагноеніе, несравненно болѣе жестоко, нежели кто-либо думаетъ. За симъ, они подвергаютъ другихъ смертоносному копченію (*infumatione*), т.-е. жгутъ ихъ на медленномъ огнѣ (*lento igne*), другимъ, крайне мучительно, проводятъ по тѣлу, что крайне больно на ощущеніе, раскаленнымъ до бѣла желѣзомъ, иныхъ, наконецъ, посредствомъ ледяной воды, падающей каплями на бритое темя, приводятъ въ такое изступленіе, что они, не вынеся невообразимой боли, лишаются жизни и разсудка, отрекаясь иногда даже отъ Бога. Примѣняютъ они различнаго рода наказанія и казни во многихъ случаяхъ также совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Кнутъ и дубины, о которыхъ я выше упомянулъ, общеупотребительны, и знакомы даже боярамъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойная Царица приказала всенародно наказать одного боярина знаменитымъ, ужаснымъ кнутомъ за то, что онъ изнасиловалъ снѣную дѣвушку (*virginem aulicam*); не говорю уже, какъ бы съ намѣреніемъ, о нѣкоторыхъ, недавно тѣмъ же награжденных¹⁾. У нихъ именно, существуетъ торжественный обычай называть наказанье, какъ бы жестоко оно ни было,

¹⁾ Т.-е. Рейтенфельсъ не хочетъ назвать ихъ, дабы не подумали, что онъ намѣренно указываетъ на наказанныхъ недавно бояръ.

Царской милостью, и, отбывъ его, они благодарятъ за него Царя, судью и господина, кланаясь до земли. Впрочемъ, въ настоящее время, большая часть преступниковъ, коихъ нынѣ насчитывается десять тысячъ во всей Россіи, на всю жизнь заключаются въ темницы, судилища и башни, или же отправляются въ Сибирь, въ изгнаніе, съ большими казенными издержками, гдѣ одни изъ нихъ опредѣляются въ военную службу, другимъ поручается охота на соболей и обработываніе почвы, и откуда они, по большей части, если получаютъ прощеніе отъ Царя, возвращаются къ себѣ, гораздо болѣе богатыми. Ибо, при уходѣ оттуда, имъ разрѣшается ваять съ собою столько собольихъ шкурокъ, сколько они могутъ обернуть вокругъ тѣла, вмѣсто одежды; въ Москвѣ же они продаютъ ихъ съ громаднымъ барышомъ. Положеніе должниковъ въ Москвѣ въ высшей степени плачевно, такъ какъ они, по старинному суровому закону, расплачиваются своимъ тѣломъ за пустоту въ кошелькѣ ¹⁾. Однимъ, отягченнымъ цѣпями и замурованнымъ въ темницахъ, черезъ каждые два дня напоминаютъ имена тѣхъ, которымъ они не смогли заплатить, посредствомъ докучливой (*molesto*) ругательницы (*compellatoge*) палки, бьющей по голенимъ, другіе, коимъ дана законная отсрочка, находятся на полной свободѣ и занимаются своими домашними дѣлами, но, являются сами въ назначенные сроки къ судѣ и расплачиваются тѣмъ же способомъ, т.-е. терпѣливо принимаютъ побои. Это мученіе продолжается либо до конца жизни должниковъ, либо до окончанія, опредѣленнаго судьей, срока. Женщины, обвиненныя въ убійствѣ мужей, также лишаются жизни различными способами, но наиболѣе употребляемый, это—зарываніе живыми въ землю. Мы видѣли въ Москвѣ по истинѣ потрясающую картину: двухъ такихъ мужеубійцъ, закованныхъ по шею въ землѣ, коимъ днемъ священники читали молитвы и утѣшенія, зажегши вокругъ этихъ живыхъ покойницъ восковыя свѣчи, на ночь ожидала другая стража. Проведя три дня въ своихъ могилахъ, эти живыя покойницы, благодаря просьбамъ Царицы, наканунѣ смерти, вернулись къ жизни и, почти совершенно здоровыя ²⁾, поступили въ монастырь. Тѣхъ, которые возбуждаютъ какія-либо сомнѣнія относительно вѣры, заключаютъ въ небольшіе деревянные домики и сжигаютъ живыми и выглядывающими оттуда. Къ прочимъ преступникамъ примѣняются: висѣлица, колъ, колесованіе, топоры, а также иныя, новые способы, умерщвленія. Ужасный

¹⁾ Собственно: „за то, чего у нихъ не достаетъ, въ видѣ монеты“.

²⁾ Собственно: „ни въ какой части тѣла не пострадавшія“. Ср. рассказъ Кемфера о Дунькѣ-окопачкѣ, въ книгѣ Аделунга—Баронаъ Мейербергъ и его путешествіе по Россіи, стр. 369—370.

образецъ необыкновеннаго рода казни мы видѣли въ Москвѣ, примѣненнымъ къ Стенькѣ, т.-е. Степану, Разину, забунтовавшемуся казаку. Этого измѣнника ввезли въ городъ прикованнымъ цѣпями къ висѣлицѣ, на возвышеніи, точно въ триумфальной колесницѣ, такъ, чтобы всѣ его видѣли. За колесницей слѣдовали, беспорядочной толпой, солдаты и плѣнники, улицы всѣ были заполнены невѣроятнымъ количествомъ зрителей, которыхъ, отовсюду, привлекло изъ домовъ, однихъ—необыкновенное зрѣлище или негодование, а многихъ даже и сожалѣніе. Въ темницѣ его били кнутомъ, жгли огнемъ, капали ледяную воду на голову и подвергали еще многимъ другимъ, утонченнымъ пыткамъ. Тѣло его было уже все изъязвлено, такъ что удары кнута ¹⁾ падали на обнаженныя кости, а онъ, все-таки, такъ пренебрегалъ ими, что не только не кричалъ, но даже не стоналъ и упрекалъ брата, раздѣлявшаго съ нимъ страданія и менѣе выносливаго, въ малодушіи и измѣженности. Когда, наконецъ, они на четвертый день прибыли оба на мѣсто казни, то послѣдній ²⁾, пообѣщавъ указать Царю кладъ, закрытый имъ гдѣ-то вмѣстѣ съ братомъ, Стенькою, и котораго де никто не найдетъ, если онъ его не укажетъ, получилъ взаменъ смерти пожизненное заключеніе въ темницѣ. А Стенька, выслушавъ сперва длинный перечень своихъ преступленій и смертный приговоръ, во всеуслышаніе (*palam*) объявленный судьей, перекрестился, легъ на смертную плаху (*ferale tabulum*) и, послѣдовательно, былъ лишенъ правой и лѣвой, рукъ и ногъ, и наконецъ, головы ³⁾.

Вотъ, точно, какъ погибъ медленною смертью, чтобы онъ чувствовалъ, что умираетъ по заслугамъ, тотъ, который незадолго до сего внезапно перебилъ много тысячъ людей. Части трупа были затѣмъ выставлены на высокихъ шестахъ, а торсъ (*truncus*) валялся на землѣ. А дабы предупредить волненія, которыхъ Царь опасался со стороны уцѣлѣвшихъ случайно заговорщиковъ, площадь, на которой преступникъ понесъ свое наказаніе, была, по приказанію Царя, окружена тройнымъ рядомъ преданнѣйшихъ солдатъ, и только иностранцы допускались въ средину огороженнаго мѣста, а на перекресткахъ по всему городу стояли отряды войскъ.

Конецъ второй книги.

¹⁾ Въ подлинникѣ стоитъ „flagrum“ т.-е. кнутъ со многими ремешными полосами (вродъ такъ называемой „кошки“), на концѣ коихъ находились металлические шипки.

²⁾ Братъ Стеньки.

³⁾ Въ подлинникѣ собственно такъ: „легъ на смертную плаху и чувствовалъ, какъ его укорачивали: сперва на правую и лѣвую руку, затѣмъ на ноги, и наконецъ на голову“.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Сословіе подданныхъ и нравы.

Г Л А В А 1.

О многочисленности народонаселенія.

Всѣмъ въ достаточной степени, и даже болѣе, извѣстно, какъ много разноименныхъ народностей, и сколь обширныя пространства пространныхъ областей, заключаетъ въ себѣ Московское государство. Нельзя однако скрывать и того, что количество обитателей гораздо меньше, въ сравненіи съ этимъ большимъ количествомъ земли, ибо оно, во-первыхъ, также покрыто крайне густыми лѣсами, рядомъ непроходимыхъ болотъ по направленію къ Востоку, незаселенными равнинами и ледяными пустынями на Сѣверѣ. Мало того: многія мѣста наводятъ тоску своимъ необработаннымъ видомъ и понынѣ, вслѣдствіе постоянныхъ боевыхъ схватокъ и гибельныхъ набѣговъ Татаръ, а въ особенности, вслѣдствіе многократныхъ грабежей и уводовъ людей въ рабство, и чумы, которая во времена Дмитріевъ, гибельно свирѣпствовала. Если духовенство обладаетъ третьєю частью поверхности всего государства, то монастыри, въ свою очередь, отнимаютъ не малое количество людей отъ общества. Не мало способствовали малочисленности жителей также и, до сей поры еще не достаточно правильно установленныя, внѣшнія сношенія, и строжайшее изгнаніе чужестранцевъ, хотя, въ настоящее время, по всей Московіи, говорятъ, разсыяно, кромѣ Поляковъ и Грековъ, около восемнадцати тысячъ Нѣмцевъ. Весьма значительную часть людей отнимаютъ стражи, повсюду отъ набѣговъ многочисленныхъ, злѣйшихъ враговъ расположенныя, а также и тѣ громадныя колоніи, которыя Царь съ достойной столь великаго Государя заботливостью, посылаетъ въ Сибирь и другія, еще болѣе отдаленныя мѣста, освободившіяся въ послѣднее

время, вслѣдствіе ухода Татаръ. Это дѣло и понынѣ ведется съ такимъ усердіемъ, что не такъ давно Мосхи предложили духовенству на обсужденіе вопросъ: можно ли, не преступая Христіанской вѣры, разрѣшить колонистамъ въ Сибиріи сожителство съ двумя женами одновременно? Духовенство, однако, завѣсивъ тщательно всякіе доводы, сочло это, никоимъ образомъ, не благоразумнымъ. Какъ бы то ни было, все-таки, кажется, число жителей въ Московіи достаточно велико, ибо они, безъ всякаго затрудненія, по первому же призыву могутъ вывести въ поле триста тысячъ солдатъ. Однихъ татаръ у нихъ ¹⁾ находится подъ властью болѣе двѣнадцати ордъ, или племенъ, значительно различествующихъ, по языку, даже между собою. Что столько же и различныхъ нарѣчій существуетъ у столь же многочисленныхъ народностей Московскихъ—это недавно неосновательно выдуманно нѣкимъ Французомъ. Правда, Пермь, Устюгъ, Печора, Обдорія, Мордва и Югорія (отъ которыхъ происходитъ народъ и языкъ Венгерскій) и другія нѣкоторыя области имѣли, нѣкогда, каждая свое особое нарѣчіе, подобно тому какъ и, нынѣ Мосхамъ подвластные, Татары и Лапландцы, хотя, даже и послѣдніе, такъ начали учиться русскому языку, что забываютъ мало по малу родной. Такъ какъ Царь прилагаетъ всяческое стараніе къ установленію одного языка, то и общераспространенная о Русскихъ поговорка (единъ Царь, едина одежда, едина вѣра, одни деньги и одинъ языкъ) въ высшей степени, кажется, справедлива.

Г Л А В А 2.

О боярахъ и знатныхъ людяхъ.

Вслѣдствіе того, что Царь пользуется высшей и снисходительной властью надъ подчиненными, права дворянъ и народа почти одинаковы. Всѣ зовутъ себя его рабами и смиренно прикрѣпощенными къ землѣ. Длинныя родословныя записи (*stemma*) не выставляются ими, ни въ домахъ, ни снаружи ²⁾; имъ даже не дозволяется иначе, какъ по особой милости, имѣть у себя дома изображеніе Царя. Съ пользою для себя никто, въ Московіи, не выставляетъ заботливо древность своего происхожденія, ибо самый послѣдній въ родѣ легко можетъ достигнуть высшихъ, какихъ только пожелаетъ, почестей, если проявить особыя достоинства, по одному, исключительно, рѣшенію Царя,

¹⁾ Московъ.

²⁾ Рейтенфельсъ имѣетъ въ виду обычай древнихъ выставлять такія записи въ атриумахъ.

не прибѣгая къ происхожденію, или покровителямъ. Впрочемъ, въ частномъ кругу, а особенно, въ глубинѣ души, они гордятся длиннымъ рядомъ знатныхъ предковъ, если таковой у нихъ есть, усердно справляются о томъ, даже у иностранцевъ, и превозносятся ихъ хвалами. Поэтому занятіе торговлею или какими-либо иными пристойными ремеслами, дворяне почитаютъ ниже своего достоинства.— Такъ какъ ихъ имущество и земельныя владѣнія, какъ наслѣдственныя, такъ и, въ новѣйшее время Государемъ пожалованныя, и составляющія третью часть государства, оцѣниваются точно такъ же, какъ и прочіи, то ежегодныя подати и налоги платятъ всѣ одинаково, всѣ одинаково поставляютъ для войны, каждый смотря по своему состоянію, солдатъ, иногда даже и сами бывають обязаны двинуться въ походъ. Царь предоставилъ имъ только право завѣщанія, дабы они не умирали совсѣмъ какъ безправныя, и право суда, въ, такъ называемыхъ, гражданскихъ дѣлахъ, надъ своими рабами, но, впрочемъ, до извѣстной степени, ограниченное. Право ловить рыбу и охотиться на дичь дано немногимъ, но преслѣдовать хищныхъ звѣрей могутъ одинаково всѣ. Въ остальномъ, дворяне не пользуются никакими, хотя бы малѣйшими, преимуществами, кромѣ развѣ того, что держать многочисленную прислугу, носить болѣе пышную одежду, нежели прочіе граждане, да еще то, что слуга, когда они ѣдутъ верхомъ по городу, несетъ впереди кожаный чапракъ, или когда они ѣдутъ въ саняхъ, то кругомъ нихъ стоятъ, торжественности ради, нѣсколько слугъ. Обыкновенно дворяне подраждѣляются на слѣдующіе: Князья, называемые также и удѣльными, т. е. особо стоящими (*Udelni, hoc est divisi*), ведущіе свой родъ по ббльшей части отъ старинныхъ Московскихъ мелкихъ князей, но утратившіе прежнее богатство и могущество. Они служатъ нынѣ Царю совершенно наравнѣ съ другими. Бояре—совѣтники (*senatores*), сидящіе, также, выше и ниже: первые участвуютъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ Царя, вторые—почти что носятъ только названіе этой должности. Сыны Боярскіе, т. е. дѣти и внуки бояръ занимають часть, разныя должности при Дворѣ, или же въ областяхъ, въ военное и мирное время, частью же служатъ за жалованье у Царя во время войны. Они то собственно и носятъ названіе Дворянъ, или, придворныхъ солдатъ (*dvorani, seu milites aulici*). Всѣ они, въ знакъ своего дворянскаго достоинства, по вошедшей въ общее употребленіе, привычкѣ, оканчивають послѣдній слогъ своего проименованія ¹⁾ не на „овъ“, какъ прочіе граждане, а на „вичъ“. Это проименованіе есть только „отчество“ (*patronymicum*), хотя нѣкоторые болѣе древніе роды имѣють, кромѣ него, еще и другія про-

¹⁾ Т. е. отчества (*cognominis*).

званія. Но въ письменныхъ прошеніяхъ, назначаемыхъ ими для подачи Царю, они, ради бѣльшей почтительности, подписываются собственными, уменьшительными именами, признавая себя вполне зависящими отъ согласія или отказа его одного. Въ наше время изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ выдавались слѣдующіе: князь Юрій Ромодановскій, князь Воротынскій, князь Яковъ Синкелевичъ Черкасскій, Милославскій, Проскуровъ, Кирилла Полуэктовичъ, тестъ Царя, Артамонъ Сергѣевичъ, Салтыковъ, Богданъ Матвѣевичъ, Куденетовичъ (Chudonekevicz), Морозовъ, Собакинъ, Колосовъ, Хитровъ, Хованскій, Нацокинъ, происходящій изъ нашей Курляндіи, изъ стариннаго рода фонъ-Сакенъ, и Долгорукій, главный начальникъ надъ войсками. Названіе это дано было роду слѣдующимъ, какъ рассказываютъ, по-истинѣ, удивительнымъ образомъ: Царь Иванъ Васильевичъ отправился какъ-то, ночью, переодѣвшись въ чужое, простое платье, съ цѣлю лично, будучи не узнаваемымъ, вывѣдать мнѣніе приближенныхъ къ нему лицъ, и нечаянно попалъ въ какой-то гнусный притонъ воровъ. Обходясь съ ними по дружески, онъ (самъ Царь) сталъ отпускать на счетъ Царя непристойныя шутки. Одному изъ воровъ эти его остроты не понравились и онъ закатилъ злословящему увѣсистую пощечину (*alarum non levem impexit*). Иванъ Васильевичъ, столь тяжко проученный за свою отвагу, благоразумно поспѣшилъ домой и велѣлъ тотчасъ же схватить этихъ воровъ. На другой день онъ ихъ, заключенныхъ въ темницѣ, по одиночкѣ осматрѣлъ и, узнавъ своего вчерашняго наставника ¹⁾, промолвилъ: „долга, по истинѣ, у тебя рука, что досталъ вчера вечеромъ до главы Царя твоего и далъ ему пощечину. Не падай, впрочемъ, духомъ! Повелѣваю—да будетъ навсегда имя тебѣ и твоему потомству—Долгорукіе“. Послѣ сего онъ его возвелъ въ дворянское званіе, пожаловалъ богатства и осыпалъ почестями. Не менѣе достойный удивленія случай, положилъ начало знаменитому роду Дохтуровыхъ, принадлежащему къ наиболѣе выдающимся въ Москвѣ. Нѣкій лѣкарь, изъ Нѣмцевъ, при дворѣ Царя, собралъ несмѣтныя богатства и пожелалъ вернуться на родину, дабы спокойно наслаждаться ими. Когда Царь, чрезъ доносчиковъ, узналъ объ этомъ, то пожелалъ воспрепятствовать его отъѣзду, упредивъ его закономъ, и издалъ слѣдующій указъ: если онъ хочетъ уѣзжать, то пусть оставитъ въ Москвѣ, либо всѣ свои богатства, либо одного изъ сыновей заложникомъ. А такъ какъ тотъ, стремясь къ богатству и отдыху, продолжалъ настаивать на выѣздѣ изъ Россіи, то и предпочелъ оставить Царю сына, который и былъ воспитанъ по московски,

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно „исправителя“ (*corrector*), т. е. человѣка, наказавшаго за какую-либо провинность.

при Царскомъ Дворѣ, достигъ въ послѣдствіи высшихъ почестей и сталъ основателемъ новаго, далеко не безславнаго, рода.

Г Л А В А 3.

О войскѣ и способѣ веденія войны.

Объ отважныхъ дѣяніяхъ Русскихъ подробно и послѣдовательно рассказываютъ не только ихъ собственныя, но и иноземныя, лѣтописи, и, дѣйствительно, они, совершенно справедливо, приравниваютъ своихъ героевъ и героинь, принадлежащихъ, вообще говоря, къ невоинственному полу, къ болѣе прославившимся у другихъ народовъ. Это какъ нельзя болѣе ясно доказали Визинніи ¹⁾ (Visinni), Владиміры, Василии, Иваны и другіе, отличавшіеся богатырскимъ сложеніемъ тѣла и отважнымъ духомъ, мужи, и тѣ знаменитыя покорительницы мужей, мужеподобныя амазонки, Ольги и другія женщины давно прошедшихъ временъ. Я не буду говорить здѣсь о давнихъ, равно какъ и о новѣйшихъ, военныхъ походахъ Русскихъ противъ отдаленныхъ Скивовъ, Литовцевъ, Поляковъ, Турокъ, Шведовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ, въ которыхъ они всегда сражались весьма храбро. По истинѣ, они ни сколько ²⁾ не ставши менѣе отважными, и по сию пору такъ усердно поддерживаютъ войною свою прежнюю славу, что, кажется, питаются боевыми стычками и болѣе занимаются суровыми ³⁾ военными дѣлами, нежели златоносными мирными занятіями. Не вполне, дѣйствительно, успокоились еще они послѣ послѣднихъ волненій, и не достаточно еще побѣжденные дикіе Татары и казаки, прославившіеся чуть не ежегодными возмущеніями, предались мирнымъ, занятіямъ и образу жизни, такъ, что Московское государство можетъ скорѣе пострадать отъ мирнаго положенія, нежели отъ военнаго. При такихъ обстоятельствахъ, Русскіе, даже въ мирное время, содержатъ болѣе 100000 войска. Большая часть его несетъ службу въ пограничныхъ городахъ, въ видѣ охраны, много войска расположено постоянными лагерями на границахъ. Пятнадцать тысячъ изъ нихъ, называемые Опричниками, отправляютъ караульную службу въ Москвѣ, охраняя Царя. Почти всѣ они женаты, и дѣти, рожденные ими, получаютъ отъ Царя ежегодно вспомошествованіе, дабы воспитанные, такимъ образомъ, наставленіями и примѣромъ отцовъ, молодые солдаты, со временемъ, могли бы замѣнить стариковъ.

¹⁾ См. выше, книга I, гл. 5.

²⁾ Въ подлинникѣ собственно: „ни на волосъ (ne hilum)“.

³⁾ Въ подлинникѣ собственно: „желѣзными (ferrea)“.

Главная сила Русскихъ заключается въ пѣхотѣ и, совершенно справедливо, можетъ быть уподоблена турецкимъ янычарамъ. Солдаты женятся, болѣе, впрочемъ, по приказанію Царя, нежели по собственному желанію, и, будучи посланы въ отдаленныя и незаселенныя области, не только несутъ тамъ охранную службу, но и основываютъ тамъ поселенія (colônias), по образцу римскихъ военныхъ поселенцевъ. Кромѣ нихъ, почти постоянно пребываютъ въ Москвѣ, много отрядовъ (cohortes) той могущественнѣйшей конницы, состоящей изъ дворянъ, которая, по одному знаку Царя, можетъ выставить болѣе 100.000 вооруженныхъ, а равно и большіе и средніе дворяне, а также и дѣти, т.-е. сыновья, боярскіе и жильцы, которыхъ можно уподобить турецкимъ тимариотамъ (Timariotis). Къ нимъ присоединяются, за симъ, и тѣ, весьма значительные отряды, которые, обыкновенно, составляются духовенствомъ и боярами изъ ихъ рабовъ. Дворяне, впрочемъ, особенно, болѣе богатые, въ случаѣ войны, во избѣжаніе военныхъ тягостей, подъ благовиднымъ предлогомъ, ссылаются по болѣе части, на мнимую болѣзнь, но тщетно: ибо Царь поручаетъ все дѣло придворнымъ лѣкарямъ, честность коихъ никакими никто подарками не можетъ подкупить, пусть-де они рѣшаютъ—пригоденъ ли такой-то или нѣтъ. Третій родъ войска—двокосражающіеся, обучены, по нѣмецкому образцу, конной и пѣхотной боевой службѣ, и ихъ ставятъ на одну доску съ лучшими войсками, гдѣ бы то ни было. Ибо будучи обучены Нѣмцами, они, благодаря лучшему, теоретическому военному образованію, а можетъ быть и вслѣдствіе долготѣняго упражненія, такъ усовершенствовались, что кажется, превзошли самихъ себя¹⁾. Тѣ же иностранцы поставили и пѣшее войско у Московъ и артиллерію въ настоящее время такъ, что Русскіе уже сами ежегодно отливаютъ пушки въ большомъ количествѣ и весьма ловко управляютъ ими. Видя таковую пользу отъ иностранцевъ, Царь съ благодарностью поведѣлъ имъ никогда не служить въ Московіи рядовыми, но занимать исключительно почетныя мѣста, въ награду за эти услуги. Раньше, иностранцы получали также и громаднѣйшее жалованье, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оно, по завистливому ревнованію нѣкихъ купцовъ, было сильно урѣзано и сокращено. Царь, правда, извлекъ изъ сего обстоятельства себѣ пользу, но оба ревнивца потерпѣли убытокъ. Русскіе солдаты получаютъ жалованье деньгами, также гораздо меньшее, но зато Царь обильно снабжаетъ ихъ одеждою, хлѣбомъ и иными, нужными для войны, припасами. Каждому роду войска назначенъ свой, совершенно особый приказъ, или управленіе. Въ случаѣ же крайней необходимости, Царь, обыкно-

¹⁾ Въ подлинникѣ собственно: „оставили далеко самихъ себя за собою“.

венно, призываетъ къ оружію десятого, седьмого, иногда даже и третьяго, человекѣ изъ всего числа подданныхъ, а также набираетъ несмѣтное количество солдатъ изъ Калмыковъ и Татаръ, питающихся исключительно сырымъ мясомъ, изъ Черемисовъ, у которыхъ оба пола одинаково воинственны, изъ Черкесовъ, кои никакой опасности не страшатся и, наконецъ, изъ казаковъ, частью находящихся подъ его властью, частью же, союзныхъ съ нимъ, преимущественно, ради ихъ проворства, достойныхъ высшей похвалы.

Вслѣдствіе разнообразія въ способахъ сражаться, всѣ эти войны употребляютъ и разнаго рода оружіе: большинство конницы вооружено кривыми короткими саблями, стрѣлами, копьями, и одѣто въ желѣзныя кольчуги. Въ пѣхотѣ, стрѣльцы не даютъ врагу приблизиться, посредствомъ сабель и самопаловъ (*bombarda*), называемыхъ ими, колесчатыми ¹⁾ (*rotulatas*); остальные вступаютъ въ бой съ легче переносимыми огнестрѣльными орудіями (*sclopetum*) ²⁾, какія въ большомъ ходу и у насъ. Зимомъ, у нихъ въ большомъ употребленіи деревянныя лыжи, загнутыя къ верху спереди и сзади; подвязавъ ихъ къ подошвамъ ногъ, они съ неимовѣрною быстротою несутся по глубокому снѣгу и по льду и нападаютъ на врага, который не въ состояніи двигаться. Четыре тысячи человекъ солдатъ, изъ Норботніи ³⁾ и Сѣверной Московіи дѣйствовали успѣшно такимъ образомъ въ 1610 г., когда были призваны шведскимъ военачальникомъ Яковомъ Делагарди противъ Поляковъ. Дѣлая общую оцѣнку Московскому воинству, должно считать его пѣхоту несомнѣнно лучшею, нежели конницу, ибо она болѣе старается о завоеваніи и защитѣ городовъ, нежели объ удачныхъ стычкахъ въ открытомъ полѣ. Вполнѣ справедливо выразился Царь Иванъ Васильевичъ, что для Русскихъ на войнѣ нужны шпоры, а для Поляковъ—узда, такъ какъ онъ, во-очію, убѣдился, что они болѣе обладаютъ способностью къ повиновенію и перенесенію невзгодъ, нежели страстью къ сраженіямъ. Хотя они, въ началѣ нападенія, дѣйствуютъ горячо, какъ большинство народовъ Скиискаго происхожденія, однако не могутъ долго устоять въ сраженіи, и если бѣгство гдѣ либо началось, то ихъ нельзя удержать никакою высшею властью.

Поэтому они, скрывая свои намѣренія, охотно прибѣгаютъ къ сраженіямъ на разстояніи, притворнымъ отступленіямъ, раздѣленіямъ,

¹⁾ Повидимому здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ старинныхъ ружьяхъ, въ которыхъ курокъ, вызывающій искру изъ кремня ударомъ, замѣнялся стальнымъ кружкомъ, который заводился посредствомъ пружины и, вращаясь около кремня, высѣкалъ искры.

²⁾ Фузеями (?).

³⁾ Норботтенъ.

разстройствамъ рядовъ, засадамъ, хитростямъ и обманамъ. Значки или военные знамена они употребляютъ съ разными на нихъ изображеніями — орловъ, драконовъ, всадниковъ и креста. На томъ изъ нихъ, которое есть собственно Царское знамя, находится изображеніе Иисуса Навина, останавливающего своими молитвами бѣгъ солнца, какъ бы наложивъ на него руки. Главные начальники войскъ, въ знакъ своей власти, привѣшиваютъ конскіе хвосты и гривы, окрашенные въ красный цвѣтъ, къ копьямъ (этотъ обычай существуетъ въ Польшѣ и понинѣ). Изъ средствъ, возбуждающихъ къ бою, главнымъ образомъ, употребляются многочисленные трубачи, которые дуютъ, по азіатски, въ рога и трубы, похожія на пастушескія, издають для изнѣженнаго Европейскаго слуха ¹⁾ крайне нестройные звуки, преимущественно въ то время, когда солдаты, съ дикими криками бросаются на непріятеля, дабы утратить его. Употребляютъ они также и бубны, деревянные и металлическіе, обтянутые кожей, очень небольшого размѣра. Нѣкоторые всадники берутъ ихъ съ собой, привязанными къ сѣдлу, какъ это дѣлають Татары. Разсѣявшись по лѣсу, они бьютъ по деревьямъ стрѣлами (*sagittis*) и тѣмъ подають другъ другу вѣсть о себѣ. Съ собою они не берутъ никакой тяжелой поклажи и носятъ за плечами, только на одинъ день рассчитанное, пропитаніе—сухари ²⁾, сушеную рыбу и толокно, т.е. овсяную муку, которую они смѣшиваютъ съ молокомъ или сырою водою въ густую кашу (*in pul-tem*). Благодаря, однако, слишкомъ длинной и неудобной для ходьбы одеждѣ, они подвигаются впередъ только шагомъ. Отличившихся Царь, по большей части, награждаетъ золотой медалью съ своимъ изображеніемъ, и какимъ либо наряднымъ платьемъ; болѣе знатнымъ предоставляется иногда прибавлять себѣ прозвище по побѣжденнымъ непріятелямъ ³⁾. Нѣкогда они праздновали побѣду неслыханнымъ образомъ и пятнали, добытую доблестно славу, жестокимъ кровопролитіемъ, но, въ настоящее время, отъ этихъ неистовствъ не осталось и слѣда. Состоящіе на службѣ, иностранцы носятъ тѣ же военные чины, которые въ употребленіи внѣ Московіи, да и Русскіе не много отличаются отъ нихъ въ этомъ. Полуголова (*Polgolova*)—я опускаю здѣсь болѣе низшіе чины—значить то же, что Прохиліархъ, т.е. подполковникъ (какъ любятъ выражаться новѣйшіе писатели), а Голова—Хиліархъ. И тотъ и другой имѣетъ подъ своимъ начальствомъ нѣсколько тысячъ солдатъ. Остальныхъ, слѣдующихъ за этими, главными, военачальниковъ зовутъ воеводами. Главный начальникъ всего войска

¹⁾ Въ подлинникъ собственно: „по отазву изнѣженныхъ Европейскихъ ушей“.

²⁾ Собственно: „дважды печеный хлѣбъ“ (*panem bis coctum*).

³⁾ Собственно: „болѣе знатныхъ ожидаетъ иногда впереди прозвище по побѣжденнымъ непріятелямъ“.

имѣть ближайшаго себѣ помощника, который называется, такъ какъ онъ завѣдываетъ выборомъ мѣста и разбитіемъ лагеря, Гулевымъ, отъ слова Гуляй—или подвижной—городъ, т.-е. того деревяннаго укрѣпленія, которымъ Моски обыкновенно окружаютъ свое войско, главнымъ образомъ, противъ нападеній Татаръ и ихъ стрѣлъ. Тоже самое, нѣчто вродѣ переносныхъ стѣнъ, было, говорятъ, нѣкогда въ употребленіи у Персовъ. Особому, далѣе, начальнику, опытному въ военномъ дѣлѣ, поручаются пушки и всѣ нужныя къ нимъ принадлежности, а четыре вождя, имѣющіе, каждый, при себѣ два помощника, предводительствуютъ, каждый, надъ одной четвертой частью войска. Первая часть носитъ названіе праваго крыла, вторая—лѣваго, третья—развѣдочнаго и запаснаго, четвертая—сторожеваго; послѣднее охраняетъ остальные, выставляя со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ караульныхъ. Военную дисциплину, главное условіе для успѣшнаго веденія войны, Русскіе поддерживаютъ столь строгими законами, что во время похода имъ никогда не приходится прибѣгать къ наказаніямъ, кромѣ развѣ, что это случится, по достиженіи ими непріятельской страны, или же, наказывать слегка за небольшіе проступки. Дорогія, всякаго рода принадлежности, оружіе, палатки, могущія возбудить у непріятеля желаніе завладѣть ими и придать ему храбрости, русскіе держатъ какъ можно далѣе отъ лагеря, хотя, если присутствуетъ, случайно, Царь, то они являются въ пышномъ уборѣ. Мы, съ великимъ изумленіемъ, видѣли превосходный образецъ этой военной пышности, въ 1670 году, на, окружающихъ Москву, поляхъ, когда Алексѣй Михайловичъ, во время бунта Стеньки Разина, въ теченіи восьми дней, производилъ смотръ 60.000 дворянъ. По истинѣ, едва-ли кто, не видавшій сего собственными глазами, можетъ себѣ вѣрно представить видъ воиновъ, блиставшихъ, одинаково, богатою одеждою и оружіемъ. Въ двухъ миляхъ ¹⁾ отъ города, близъ рощи, предназначенной для охоты, среди обширнаго поля, возвышался домъ, весь обтянутый внутри пурпурными и златотканными, настѣнными коврами а снаружи краснымъ сукномъ. Съ трехъ сторонъ, устланныя также драгоцѣннѣйшими коврами, крыльца въ 12 ступеней вели ко входу въ него, а все это сооруженіе было ограждено на большомъ разстояніи кругомъ, для сдерживанія толпы, деревянными перилами, обернутыми красною тканью, а около нихъ, также кругомъ стояли въ большомъ количествѣ пушки; въ видѣ, какъ бы подкрѣпленія, была протянута еще цѣпь солдатъ. Недалеко отъ сего бросалась въ глаза нѣкая круглая, искусно изъ дерева выстроенная, съ окнами во всѣ стороны, и обитая разноцвѣтнымъ шелкомъ, башня, въ которой весело играли тру-

¹⁾ Мили разумѣются здѣсь римскія, т.-е. равныя каждая тысячѣ шаговъ.

III.
ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

КЪ НАШЕЙ ПОЛЕМИКЪ

СЪ

СТАРООБРЯДЦАМИ

(ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ КЪ ПОЛЕМИКЪ ОТНОСИТЕЛЬНО
ОБЩЕЙ ЕЯ ПОСТАНОВКИ И ОТНОСИТЕЛЬНО ГЛАВНѢЙШИХЪ
ЧАСТНЫХЪ ПУНКТОВЪ РАЗНОГЛАСІЯ МЕЖДУ НАМИ И СТА-
РООБРЯДЦАМИ).

Е. Голубинскаго,

ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ (бывшаго заслуженнаго ординарнаго
профессора Московской Духовной Академіи).

МОСКВА.—1906.

КЪ НАШЕЙ ПОЛЕМИКЪ

СЪ

СТАРООБРЯДЦАМИ.

Побужденіемъ къ написанію предлагаемыхъ статей служило для меня желаніе указать на необходимость нѣкоторыхъ поправокъ въ постановкѣ полемики со старообрядцами, а также желаніе сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія въ области и самой полемики.

Современное, значительное противъ прежняго, расширеніе относящихся къ полемикѣ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній дѣлаетъ неизбѣжными нѣкоторыя поправки въ ея постановкѣ. А поэтому я позволяю себѣ питать увѣренность, что оказываю ей своими статьями благовременную и и добрую услугу

(Относительно совершенно-несправедливаго и по качеству далеко не красиваго обвиненія, взведеннаго на меня нѣкоторыми присяжными полемистами противъ раскола, будто свои статьи я писалъ въ пользу старообрядцевъ, сдѣланы мною объясненія въ отвѣтахъ на статьи священника С. Ледовскаго и покойнаго о. протоіерея І. Г. Виноградова, которые перепечатаваю ниже).

Е. Голубинскій.

12 апрѣля 1905.

А.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ.

І.

Что было причиною возникновенія у насъ раскола старообрядства? *)

Въ половинѣ XVII вѣка, передъ восшествіемъ на патріаршій престолъ Никона, мы—русскіе нѣсколько разнились съ греками относительно церковныхъ обрядовъ и обычаевъ, а равнымъ образомъ и богослужебныя книги наши не совсѣмъ согласны были съ книгами греческими. Никонъ по своемъ восшествіи на патріаршій престолъ рѣшилъ привести насъ къ соглашенію или въ согласіе съ греками относительно обрядовъ и обычаевъ, а равно и богослужебныя книги наши исправить по книгамъ греческимъ. Это рѣшеніе патріарха Никона и вызвало у насъ расколъ такъ-называемаго старообрядства: нашлись люди, которые подняли протестъ противъ соглашенія насъ съ греками въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ и противъ исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ по книгамъ греческимъ и которые въ концѣ-концовъ и отдѣлились отъ церкви, чтобы образовать свое особое схизматическое или раскольническое общество **).

*) Эта статья была напечатана въ издаваемомъ Московской Духовной Академіей журналѣ Богословскій Вѣстникъ, въ январской книжкѣ 1892-го года.

**) Раскольники наши протестуютъ противъ названія ихъ раскольниками и требуютъ, чтобы ихъ называли старообрядцами. Но ихъ протестъ и требованіе вовсе неосновательны. Такъ какъ раскольникъ (*σχιζματικός*, схизматикъ) есть названіе общее или родовое, означающее всѣхъ людей, отдѣляющихся отъ церкви изъ-за какихъ-нибудь частныхъ причинъ извѣстнаго свойства и характера или извѣстной важности (Василія Великаго каноническое правило 1): то, конечно, они не просто раскольники, а раскольники старообрядцы (точнѣе было бы—инообрядцы, особообрядцы, а не было бы совсѣмъ неправильно и несправедливо

Что же значилъ этотъ протестъ противъ соглашенія насъ съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ и противъ исправленія нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ? Неужели у насъ были люди, которые требовали, чтобы мы, будучи одной вѣры съ греками и замѣствовавъ вѣру и книги именно отъ нихъ, имѣли особые отъ нихъ обряды и обычаи и чтобы богослужебныя книги наши были несогласны съ ихъ книгами? Такихъ людей у насъ вовсе не было, напротивъ всѣ у насъ вполне признавали, что мы должны быть согласны съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ, а что книги наши должны быть согласны съ книгами греческими, и какъ Никонъ предпринялъ свое исправленіе нашихъ обрядовъ и книгъ во имя того принципа, что въ отношеніи къ однимъ и другимъ мы должны быть согласны съ греками, такъ и поднявшіе протестъ противъ исправленія сдѣлали это во имя того же самаго принципа нашего согласія съ греками. Такое весьма странное и непонятное съ перваго взгляда явленіе, что во имя одного и того же принципа и предпринято было Никономъ исправленіе обрядовъ и книгъ и поднять былъ противъ его исправленія протестъ, поведшій къ образованію раскола старообрядства, объясняется тѣмъ, что Никонъ и протестовавшіе не одними и тѣми же, а совсѣмъ разными глазами, смотрѣли на современныхъ имъ грековъ. Нѣкоторое несогласіе наше съ греками въ обрядахъ было дѣломъ давнишнимъ и у насъ очень хорошо знали о немъ и прежде Никона; но у насъ давно составилось и вплоть до него—Никона существовало убѣжденіе, что вина въ семъ случаѣ не на насъ русскихъ, а на грекахъ. У насъ составилось убѣжденіе, будто мы—русскіе неизмѣнно сохранили обряды и обычаи, а равно и книги, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получили ихъ вмѣстѣ съ христіанской православной вѣрой отъ древнихъ грековъ, и будто напротивъ сами позднѣйшіе греки, отступивъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, привнесли въ обряды съ обычаями и въ книги еретическія и погрѣшительныя новшества, которыя отчасти заимствовали отъ латинянъ, а отчасти создали себѣ сами, своимъ произволомъ, или же подъ вліяніемъ ига турецкаго. Убѣжденіе это было у насъ до Никона общепринятымъ убѣжденіемъ. Никонъ при-

они дѣйствительно раскольники, и если у насъ принято и вошло въ обычай называть ихъ просто этимъ послѣднимъ именемъ безъ прибавленія старообрядцы, то понятная причина сего есть та, что у насъ нѣтъ другихъ раскольниковъ, что дѣлало бы нужнымъ частнѣйшее обозначеніе. А если раскольники заявляютъ претензію, чтобы мы, называя ихъ старообрядцами, не соединяли съ этимъ понятіемъ раскольникъ или не считали ихъ за раскольниковъ: то претензія равносильна тому, чтобы самихъ себя мы признали за раскольниковъ (ибо между нами двоими кто-нибудь да раскольникъ, а не обои мы одинаково православны, что невозможно).

веденъ былъ и пришолъ къ сознанию ошибочности и неосновательности убѣжденія, и во имя того принципа, что мы должны быть согласны съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ, равно какъ и въ книгахъ, онъ и предпринялъ свое исправленіе, т. е. исправленіе обрядовъ и обычаевъ по современнымъ ему обрядамъ и обычаямъ греческимъ и исправленіе книгъ по современнымъ ему книгамъ греческимъ. Вслѣдствіе заявленій и представленій Никона было перемѣнено убѣжденіе о грекахъ и признана была необходимость его исправленія большинствомъ представителей русской церкви, а за большинствомъ представителей церкви послѣдовало большинство ея членовъ. Но нашлись отдѣльные люди, которые не хотѣли и не могли перемѣнить убѣжденія о современныхъ имъ грекамъ; эти-то отдѣльные люди во имя того же самаго принципа, что мы должны быть согласны съ греками, при чемъ подъ греками, отдѣляя древнихъ грековъ отъ позднѣйшихъ, они думали разумѣть первыхъ, и подняли протестъ противъ Никонова исправленія.

Но какимъ же образомъ могло случиться это, повидимому, совершенно непонятное, чтобы безъ всякой дѣйствительной причины предки наши составили себѣ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и заразились еретическими и погрѣшительными новшествами?;

Причину кажущагося непонятнымъ и до такой степени своеобразно характеризующаго нашу исторію и нашу церковную жизнь явленія составляетъ то, что предки наши, вслѣдствіе отсутствія у нихъ просвѣщенія, составили себѣ особые взгляды на обычаи церковные и что къ тому времени, какъ эти особые ихъ взгляды соарѣли, нѣкоторые обычаи оставались еще многообразными (собственно — двуобразными) у грековъ, а вслѣдъ за ними и у насъ, а что другіе обычаи, бывъ единообразными у грековъ, не успѣли еще сдѣлаться таковыми именно у насъ.

Обычай есть то, что входитъ въ употребленіе и остается въ употребленіи безъ [положительнаго письменнаго закона (у юристовъ: *Lex non scripta*, обычай—неписанный законъ)]. Но относительно чего нѣтъ положительнаго письменнаго закона, то можетъ существовать въ употребленіи (какъ не определенное прямо письменнымъ закономъ) однообразно, можетъ существовать и не однообразно*). Такъ и обычаи церковные, представляя собою именно обычай, существовавшіе въ употребленіи безъ письменныхъ относительно нихъ уза-

*) Относительно чего напр. есть письменный законъ у насъ въ Россіи, то на всемъ пространствѣ государства существуетъ однообразно, а относительно чего нѣтъ письменнаго закона, то въ однихъ мѣстахъ можетъ быть такъ, въ

коненій (которыя уже превращали бы ихъ изъ обычаевъ въ дѣло узаконенное), могли существовать въ употребленіи однообразно, т. е. въ одной только формѣ или одномъ видѣ, а могли существовать и не однообразно, т. е. не въ одной формѣ или одномъ видѣ, а въ нѣсколькихъ. На самомъ дѣлѣ было такъ, что иные обычаи существовали однообразно, другіе не однообразно. Церковная власть посредствомъ своихъ письменныхъ узаконеній, конечно, могла бы придать однообразіе тѣмъ обычаямъ, которые существовали въ употребленіи не однообразно. Но неоднобразіе формы или вида иныхъ обычаевъ представляло собою дѣло безразличное, такъ какъ одинаково пріемлемы были однѣ и другія вошедшія въ употребленіе формы; регламентировать же нарочитымъ образомъ то, что было дѣломъ безразличнымъ, церковная власть не поставляла своей задачей *).

Между тѣмъ предки наши, вслѣдствіе отсутствія у нихъ просвѣщенія, составили себѣ такой взглядъ на обычаи церковные, который не допускалъ, чтобы какой-либо обычай могъ существовать не въ одной формѣ, а въ нѣсколькихъ формахъ. Простой, необразованный человѣкъ обыкновенно придаетъ внѣшне-обрядовымъ церковнымъ обычаямъ преувеличенное значеніе, приравнивая ихъ къ догматамъ вѣры: догматы вѣры онъ мало знаетъ или совсѣмъ не знаетъ, а обрядовые обычаи составляютъ то, что онъ самъ обязательно исполняетъ или видитъ обязательно исполняемымъ, и онъ привыкаетъ полагать въ обычаяхъ самое существо вѣры или принимать ихъ за это существо, при чемъ обыкновенно производитъ ихъ отъ самого Христа и апостоловъ и представляетъ дѣло такъ, будто Христосъ и апостолы установили ихъ въ одномъ, навсегда имѣющемъ оставаться неизмѣннымъ, видѣ. У всѣхъ народовъ низшая необразованная часть людей приравниваетъ обычаи относительно ихъ важности къ догматамъ вѣры **). Но если не имѣть просвѣщенія цѣлый народъ, тогда цѣлый народъ и впадаетъ въ ту становящуюся его характерною чертою крайность, чтобы приравнивать обычаи къ догматамъ вѣры. Этотъ послѣдній случай и имѣлъ мѣсто съ нашими предками. Если же обычаи суть то же, что догматы и имѣютъ одинаковыя съ ними важность и значеніе: то недопустимо, чтобы какой-либо обычай могъ одновременно существовать въ нѣсколькихъ формахъ. Какъ всякій догматъ, выражая собою какую-нибудь истину христіанскаго вѣроученія, содержитъ въ себѣ единое и неизмѣнное ученіе, ибо истина

*) Ниже мы ведемъ нарочитыя и обстоятельныя рѣчи объ одновременномъ разнообразіи и постепенной измѣняемости обычаевъ церковныхъ.

**) Такъ это было напр. и у грековъ, простой народъ которыхъ потому именно, что приравнивалъ обычаи къ догматамъ вѣры, насчитывалъ у латинявъ величайшее множество ересей.

одна и неизмѣняема, иначе—какъ всякій догматъ не можетъ имѣть нѣсколькихъ видовъ, чтобы утверждать не одно что-нибудь, а одно и другое и третье, напр. что Иисусъ Христосъ есть Богъ и не Богъ, что Онъ есть Богочеловѣкъ и не Богочеловѣкъ: такъ и обычай, по мнѣнiю людей, которые приравниваютъ ихъ къ догматамъ, очевидно, могутъ имѣть только одну неизмѣнную форму. А такимъ образомъ, съ точки зрѣнiя людей, приравнивающихъ обычай къ догматамъ, только одна извѣстная форма какого-нибудь обычая можетъ быть истинною и православною, всѣ же другiя формы неистинны и неправославны и совершенно такъ же, какъ несогласiе и разногласiе по отношенiю къ догматамъ, представляютъ изъ себя ересь.

Превратный, сейчасъ указанный, взглядъ на обычай церковные составили себѣ наши предки вслѣдствiе отсутствiя у насъ просвѣщенiя. Между тѣмъ, какъ сказали мы, взглядъ этотъ, созрѣвъ или установившись, нашель въ дѣйствительности то, что нѣкоторые обычай продолжали еще оставаться неединообразными у грековъ, а за ними и у насъ, а что другiе обычай, бывъ единообразными у грековъ, не успѣли еще стать таковыми у насъ самихъ; именно—возглашенiе пѣсни аллилуiя продолжало еще совершаться у грековъ, а за ними и у насъ, въ двухъ безразлично формахъ сугубленiя и трегубленiя или двоенiя и троенiя, а сложенiе перстовъ для крестнаго знаменiя, существовавъ у грековъ въ единообразномъ видѣ троеперстiя, у насъ употреблялось еще въ двухъ видахъ двоеперстiя и троеперстiя. Эта двойственность формы или вида въ одномъ и другомъ случаѣ представляла собою нѣчто невозможное по тѣмъ понятiямъ, которыя составились у предковъ нашихъ объ обычаяхъ, и они должны были одну форму въ обоихъ случаяхъ признать за правильную и православную, а другую форму за неправильную и еретическую. Такъ дѣйствительно они и сдѣлали, какъ должны были сдѣлать по своимъ понятiямъ объ обычаяхъ. Но поднятые у насъ при этомъ споры о томъ, которая въ обоихъ случаяхъ форма есть правильная и православная и которая неправильная и еретическая, кончились тѣмъ, что въ первомъ случаѣ, въ отношенiи къ пѣсни аллилуiя, была признана неправильною и еретическою та форма, которая у грековъ впослѣдствiи стала общеупотребительною, а во второмъ случаѣ, въ отношенiи къ сложенiю перстовъ, была признана неправильною и еретическою та форма, которая, не ставъ еще общеупотребительною у насъ, уже была, какъ и осталась, общеупотребительною у грековъ. Такимъ образомъ, и составилось у предковъ нашихъ убѣжденiе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они, отступивъ отъ чистоты православiя древнихъ грековъ, привнесли еретическiя и погрѣшительныя новшества. При этомъ, на первыхъ порахъ дѣло устроилось такъ, что какъ

будто представители самой греческой церкви давали предкамъ нашимъ право обвинять позднѣйшихъ грековъ въ ихъ мнимыхъ еретическихъ и погрѣшительныхъ новшествахъ, а случившіяся обстоятельства дали имъ кажущіяся основанія производить мнимыя новшества позднѣйшихъ грековъ именно отъ латинянъ.

Своеобразныя взгляды нашихъ предковъ на церковныя обычаи или, иначе сказать, ихъ своеобразныя богословскія воззрѣнія сложились не вдругъ. Постепенно слагавшись въ теченіе столѣтій, они наконецъ заявили себя и выступили за себя въ началѣ XV вѣка. Со времени принятія нами христіанства и до начала XV вѣка, въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, пѣснь аллилуія была возглашаема у насъ, такъ же какъ и у грековъ, безразличнымъ образомъ двугубо и трегубо, но наконецъ представителями нашихъ, успѣвшихъ созрѣть, богословскихъ воззрѣній поднять былъ вопросъ: который изъ двухъ способовъ возглашенія есть истинный и православный и который неистинный и неправославный.

Вопросъ впервые поднять былъ во Псковѣ, въ правленіе митрополита Фотія *). Не предполагая по своему новообразовавшемуся взгляду на предметъ, чтобы у грековъ могло быть то же, что было у насъ, то-есть чтобы пѣснь аллилуія безразличнымъ образомъ возглашалась у нихъ сугубо и трегубо, псковичи обратились за рѣшеніемъ вопроса къ митрополиту, и этотъ въ посланіи отъ 12 августа 1419 г. приказалъ имъ троить пѣснь аллилуія **). Приказывая псковичамъ троить пѣснь аллилуія, Фотій не хотѣлъ сказать того, чтобы двоеніе было неправильно и неправославно, ибо это значило бы ему самому сказать нѣчто неправославное; не хотѣлъ сказать и того, чтобы троеніе было тогда господствующимъ обычаемъ въ Греціи, ибо мы положительно знаемъ, что въ Греціи были тогда въ одина-

*) Что русскія воззрѣнія относительно возглашеній пѣсни аллилуія впервые и прежде всего были заявлены именно во Псковѣ, это, какъ должно думать, было не безъ значенія. Заявлять русскія воззрѣнія и возбуждать соотвѣтственные споры, что представляло своего рода протестъ противъ существовавшаго порядка, въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, препятствовала и не позволяла епископская власть, которой естественно было стоять за *statu quo*. Псковъ же находился только въ весьма слабой зависимости отъ архіепископа новгородскаго, *vetu* котораго было здѣсь безсилно.

***) Посланіе у *преосв. Макарія* въ Исторіи, IV, 379, и у *Павлова* въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права, I, № 48, col. 408 („А еже о аллилуіи на славахъ, — писалъ Фотій псковичамъ, — сиче глаголи: Слава Отцю и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь: аллугія (такая форма слова была у насъ употребительна), аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже; аллугія, аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже; аллугія, аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже; аллугія, аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже“).

ковомъ употребленіи какъ троеніе, такъ и двоеніе: онъ хотѣлъ только дать псковичамъ отвѣтъ, который бы успокоилъ и удовлетворилъ ихъ и прекратилъ у нихъ споры. Находя съ своей точки зрѣнія, что двѣ формы одного и того же обычая не могутъ быть одинаково правильными и православными, они спрашивали митрополита: которую употреблять имъ одну; сказать имъ, что употребляйте обѣ, не значило дать имъ отвѣтъ на ихъ вопросъ, и Фотій указываетъ имъ употреблять одну форму, только, не предвидя печальныхъ слѣдствій отъ своего упущенія, не дѣлаетъ при этомъ надлежащаго разъясненія относительно обѣихъ формъ (а приказываетъ именно троеить, а не двоить какъ нужно думать, потому, что троеніе въ его время было преобладающимъ у грековъ въ самомъ Константинополѣ или же, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ въ той монемвасійской епархіи, изъ которой былъ онъ самъ и въ томъ южномъ Пелопоннесѣ, въ которомъ находится монемвасійская епархія). Послѣ отвѣта Фотіева въ Псковѣ и псковской области утвердился единообразный обычай троеить пѣснь аллилуія, причемъ на продолжавшееся въ другихъ мѣстахъ безразличное употребленіе троенія и двоенія псковичи, конечно, начали смотрѣть какъ на весьма большую неправильность. Но если во Псковѣ утвердилось мнѣніе (и вѣрованіе), что правильный способъ возглашенія пѣсни есть троеніе, то могли найтись односторонніе защитники и двоенія, и естественно было, чтобы защитники нового односторонняго мнѣнія вступили въ борьбу съ защитниками прежняго односторонняго мнѣнія. Такъ это и случилось. Спустя лѣтъ тридцать пять или сорокъ послѣ того, какъ во Псковѣ, на основаніи посланія Фотіева, начали единообразно троеить пѣснь аллилуія, явился нѣкій монахъ Аеанасій, бывшій прежде на Востокѣ, который началъ укорять и обличать псковичей за ихъ троеніе, утверждая, что на Аеонѣ и отъ патріарха константинопольскаго Іосифа онъ на ученъ тому, чтобы двоить пѣснь, а не троеить *). Что на Аеонѣ Аеанасій нашелъ если не исключительно господствующимъ, то преобладающимъ обычай двоенія пѣсни аллилуія, это весьма возможно, ибо мы имѣемъ позднѣйшія данныя, дѣйствительно заставляющія предполагать, что

*) По записямъ на рукописяхъ извѣстенъ тверской іеромонахъ Аеанасій который былъ на Аеонѣ въ 1430—32 годахъ и который возвратился въ Россію не позднѣе 1436 г., см. у *Строева* въ Библиологическомъ Словарѣ стр. 5 (прим.), 19, 27—28. Считаемъ за весьма вѣроятное признать, что этому-то Аеанасію и принадлежали споры съ псковичами о пѣсни аллилуія, именно — что онъ построилъ монастырь, какъ сіе послѣднее извѣстно объ Аеанасіи, спорившемъ съ псковичами, въ псковской области (примѣры того, чтобы, по разнымъ причинамъ, люди строили монастыри не въ своихъ, а въ чужихъ областяхъ, очень

тамъ если не исключительно господствовало, то преобладало двоеніе *); очень можетъ быть даже, что Аѳанасій встрѣчалъ на Аѳонѣ и такихъ монаховъ, которые, бывъ по своимъ богословскимъ воззрѣніямъ однимъ и тѣмъ же съ нашими предками, то-есть не выше ихъ, сильно порицали троеніе; но чтобы патриархъ Іосифъ сказалъ ему, что должно двоить пѣснь аллилуія, это совсѣмъ невѣроятно: патриархъ могъ только сказать ему, что аѳонское двоеніе столько же православно и приемлемо какъ и троеніе, каковой отвѣтъ ему патриарха и могъ быть понятъ имъ неправильно. Какъ бы то ни было, но Аѳанасій выступилъ противъ троенія псковичей за свое двоеніе, ссылаясь на Аѳонъ и на патриарха Іосифа. Онъ былъ человекъ весьма уважаемый, пустынноподвижникъ и строитель собственнаго общежительнаго монастыря, такъ что псковичи не могли заподозрить его, чтобы онъ лгалъ на грековъ или чтобы его ссылка на нихъ представляла какое-нибудь недоразумѣніе. Но, конечно, не могли они думать и о митрополитѣ Фотіи, предписаніе котораго о пѣсни аллилуія было понято у нихъ такъ, что единственно правильный и должный способъ ея возглашенія есть троеніе, предписывалъ имъ какой-либо иной способъ возглашенія, а не тотъ, который былъ въ его время у грековъ. Такимъ образомъ, ссылку Аѳанасія на грековъ въ защиту двоенія пѣсни аллилуія псковичи необходимо должны были понять такъ, что у грековъ послѣ митрополита Фотія принята новизна относительно возглашенія пѣсни аллилуія. Оставалось, слѣдовательно, рѣшить только вопросъ: откуда могла быть взята греками новизна. Въ промежутокъ времени между митрополитомъ Фотіемъ и выступленіемъ Аѳанасія противъ псковичей съ его заявленіемъ, будто греки двоятъ пѣснь аллилуія, имѣлъ мѣсто флорентійскій соборъ (1438—39), на которомъ греки приняли было унію съ папою: какъ было не подумать псковичамъ, что эти соборъ и унія и были виновными въ новизнѣ грековъ или что греки заимствовали послѣднюю отъ латинянъ? Правда, они знали, что патриархъ Іосифъ, на котораго ссылался Аѳанасій, не возвратился съ собора въ Константинополь, чтобы имѣть возможность

не малочисленны), — что онъ ввелъ въ своемъ монастырѣ двоеніе пѣсни и что затѣмъ или самъ началъ обличать псковичей за ихъ троеніе или наоборотъ отъ нихъ подвергся укорижанамъ за свое нововведеніе. Споръ Аѳанасія съ псковичами имѣлъ мѣсто послѣ взятія Константинополя турками въ 1453 г., ибо препирающіеся говорятъ объ этомъ событіи, между 1455—60 годами, такъ какъ митрополитъ Іона убѣждалъ псковичей прекратить какіе-то бывшіе у нихъ споры, по всей вѣроятности, — наши споры о пѣсни аллилуія, въ посланіи отъ 1461 г. (у Павлова въ Памятникахъ каноническаго права, № 90, col. 677), причемъ митрополитъ могъ скоро, а могъ и не очень скоро узнать о спорахъ.

*) Объ этомъ — въ особой статьѣ о пѣснѣ аллилуія, которую см. ниже.

вводитъ въ немъ латинскія новизны, а умеръ на самомъ соборѣ (о чемъ прямо они сами говорили въ спорахъ съ Аѳанасіемъ); но не придумывая другаго источника, изъ котораго бы могла быть заимствована греками новизна, и въ то же время нисколько ни сомнѣваясь, что дѣло идетъ о новизнѣ, вѣроятно, они представляли дѣло такимъ образомъ, что Іосифъ началъ заимствовать отъ латинянъ новизны еще до собора и до принятія формальной съ ними уни. Такъ или иначе, но защитнику двоенія пѣсни аллилуія, сославшемуся на патріарха константинопольскаго Іосифа и на аѳонскихъ монаховъ, псковичи рѣшительно и самымъ рѣзкимъ тономъ отвѣчали, что онъ ссылается на людей, которые относительно вѣры уже развратились и отъ истины отвернулись (отвергнулися). Патріархъ Іосифъ,—говорили псковичи Аѳанасію,—съ русскимъ митрополитомъ Исидоромъ и съ папою римскимъ на этихъ годахъ („на сихъ лѣтахъ“) учинили во фряжскомъ городѣ Флоренціи 8-й (вселенскій) соборъ, которому вовсе не подобало быть, и за это патріархъ вскорѣ получилъ отмщеніе отъ праведнаго суда Божія, не возвратился на свой столъ; на этомъ соборѣ и было начало пагубы греческой земли, ибо на немъ греки къ своей погибели отвернулись отъ истины; а что ты приводишь слова Писанія: „яко отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима“, то слова сіи относятся къ апостоламъ и ихъ преемникамъ—святымъ патріархамъ, нынѣ же нужно ожидать изъ Іерусалима только антихриста съ его пагубнымъ ученіемъ; ты развратился отъ греческія земли, но не подобало тебѣ принимать новаго ученія и вѣрить развращеннымъ грекамъ, а надлежало вѣрить святымъ отцамъ и киръ митрополиту Фотію, который написалъ намъ въ домъ св. Троицы во Псковъ (то-есть относительно того, что должно троить пѣснь аллилуія) *).

Въ первой половинѣ XV вѣка, когда псковичи на основаніи превратно понятаго ими указа Фотіева, стояли за троеніе пѣсни аллилуія, какъ за единственно правильную и православную форму ея

*) См. посланія неизвѣстнаго псковича къ монаху Аѳанасію о пѣсни аллилуія, напечатанныя въ православномъ Собесѣдникѣ 1866 г., часть II, стр. 140—166 (Посланія эти, помѣщенные въ Четь-Минейхъ митрополита Макарія, были усвояемы, какъ усвоятся и надателями, самому митрополиту Макарію, по какому-то весьма странному недораазумѣнію).—Если бы псковичи обратили свое вниманіе на то, что у нихъ самихъ передъ 1419 годомъ было троеніе и двоеніе пѣсни аллилуія, велѣдствіе чего они обращались съ своимъ вопросомъ къ митрополиту Фотію, то, нужно думать, они затруднились бы производить двоеніе отъ латинянъ и отъ флорентійскаго собора. Но они не обратили на это вниманія... (впрочемъ, можетъ быть, и на двоеніе, бывшее у нихъ, они смотрѣли какъ на заимствованіе отъ латинянъ).

возглашенія, а монахъ Аеанасій, на основаніи составленнаго имъ ошибочнаго убѣжденія, выступилъ защитникомъ двоенія пѣсни, какъ таковой же единственно правильной и православной формы ея возглашенія, у грековъ на самомъ дѣлѣ оставались еще въ безразличномъ одновременномъ употребленіи обѣ формы возглашенія. Впослѣдствіи у грековъ вошла въ общее или единообразное употребленіе та форма, которая утвердилась было во Псковѣ на основаніи указа Фотіева, т.-е. троеніе. Если бы послѣ Пскова эта форма вошла въ общее единообразное употребленіе и во всей Россіи: тогда обвиненіе псковичей на грековъ, будто относительно пѣсни аллилуія они заразились еретической новизной отъ латинянъ, оказалось бы простымъ недоразумѣніемъ. Но споры о пѣсни аллилуія кончились у насъ тѣмъ, что на основаніи свидѣтельства монаха Аеанасія, которому посредствомъ фальсификаціи приданъ былъ гораздо большій авторитетъ, нежели какой имѣло оно въ устахъ его, и посредствомъ выдумки сверхъестественныхъ откровеній *), а всего болѣе потому, что въ данномъ случаѣ не выказалъ должной твердости духа для свидѣтельства о правдѣ преп. Максимъ Грекъ, за правильную и православную форму ея возглашенія было признано не троеніе, а двоеніе. Такимъ образомъ, неправильной и неправославной была признана у насъ та форма, которая напротивъ у грековъ вошла въ общее употребленіе. А такимъ образомъ и случилось, что въ отношеніи къ пѣсни аллилуія греки оказались въ нашихъ глазахъ зараженными еретической новизной. Псковичи обвиняли грековъ въ заимствованіи ими отъ латинянъ ереси двоенія пѣсни. Но когда было у насъ рѣшено и принято, что ересь составляетъ не двоеніе, а троеніе: то, перемѣнивъ мнѣніе относительно вида ереси, но не перемѣняя мнѣнія относительно ея источника, у насъ начали обвинять грековъ въ заимствованіи ими отъ латинянъ троенія пѣсни **).

Что касается перстосложенія для крестнаго знаменія, то, какъ мы сказали, это послѣднее, бывъ ко времени обнаруженія нашихъ своеобразныхъ взглядовъ на обычаи церковные единообразнымъ у грековъ, не успѣло еще стать таковымъ у насъ самихъ.

Въ минуту принятія нами христіанства отъ грековъ, у сихъ послѣднихъ было въ общемъ употребленіи для крестнаго знаменія двоеперстіе, которое, разумѣется, заимствовали отъ нихъ и мы. Но въ

*) Разумѣемъ житіе преп. Евфросина псковскаго, которое есть поддѣлка въ болѣе обширномъ смыслѣ, нежели какъ это обыкновенно принимается. Рѣчь объ этомъ ниже, въ особой статьѣ о пѣсни аллилуія.

**) Стоглавый соборъ, окончательно рѣшившій споръ между троеніемъ и двоеніемъ въ пользу послѣдняго,—Стоглавника гл. 42.

продолженіе времени съ конца XII по вторую половину XIII вѣка вмѣсто двоеперстія у нихъ вошло въ общее употребленіе троеперстіе *). Послѣ своего водворенія у грековъ троеперстіе начало распространяться и у насъ, чтобы замѣнить собою, какъ и у нихъ, бывшее дотолѣ двоеперстіе. Если бы оно успѣло войти у насъ въ общее употребленіе и сполна замѣнить собою двоеперстіе прежде, чѣмъ соарѣли и начали заявлять себя у насъ наши своеобразные взгляды на церковные обычаи: то эта смѣна у грековъ одной формы обычая другою ничѣмъ не отразилась бы у насъ и прошла бы или осталась бы не замѣченною, просто имѣвъ у насъ мѣсто, какъ и у нихъ. Но указаннаго не случилось, потому что не успѣло случиться, и къ тому времени, какъ соарѣли наши своеобразные взгляды на обычаи, дѣло съ сложеніемъ перстовъ для крестнаго знаменія оказалось у насъ въ такомъ же положеніи, въ каковомъ было и съ возглашеніемъ пѣсни аллилуія, именно—что одновременно находились у насъ въ употребленіи два способа сложенія перстовъ — двоеперстіе и троеперстіе. Опять имѣлъ быть поставленъ и дѣйствительно былъ поставленъ вопросъ: которое изъ двухъ перстосложеній есть истинное и православное, которое есть неистинное и еретическое. Но и опять, какъ въ отношеніи къ пѣсни аллилуія, случилось, что отчасти на основаніи неправильно понятыхъ свидѣтельствъ только археологическихъ, а не историческихъ (относившихся къ минувшему времени), отчасти на основаніи свидѣтельствъ выдуманыхъ, вопросъ рѣшенъ былъ не въ пользу того способа сложенія, который былъ господствующимъ у грековъ. Благодаря этой второй случайности явилась у насъ вторая мнимая ересь грековъ, легкое объясненіе относительно источника которой заключалось въ томъ же, чтобы производить ее отъ латинянъ. Если не во всей Россіи, то во Псковѣ, вопросъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія рѣшенъ былъ въ пользу двоеперстія, уже къ тому времени, какъ происходили споры съ монахомъ Аванасіемъ о пѣсни аллилуія, и псковичи говорили послѣднему, что какъ въ отношеніи къ пѣсни греки на сихъ лѣтѣхъ отвернулись отъ истины, чтобы не исповѣдывать Троицы (черезъ употребленіе, какъ послѣдній утверждалъ о нихъ, двоенія), такъ и относительно крестнаго знаменія приняли печать антихристову на чело и на десницу **).

*) Объ этомъ—въ особой статьѣ о перстосложеніи, которую см. ниже.

**) Въ одномъ изъ посланій неизвѣстнаго псковича къ монаху Аванасію говорится: „печать антихристову (греки) на челѣ и на десници прища, нѣсть (бо) сіе ино что печать антихристова, развѣ не полагаги десници на челѣ и не знаменовати честнаго и животьворящаго креста Христова“, стр. 143 нач. Такъ какъ обвиненіе на грековъ, будто они не полагали десници на челѣ и не знаменовались честнымъ крестомъ, было бы совершенною несообразностію: то не-

Итакъ, предки наши, вслѣдствіе отсутствія у нихъ просвѣщенія, образовали себѣ такой своеобразный взглядъ на церковные обычаи, который, приравнивая обычаи по ихъ важности и значенію къ догматамъ вѣры, допускалъ для каждаго изъ нихъ только одну форму, какъ истинную и православную форму. Между тѣмъ, къ тому времени, какъ созрѣлъ своеобразный взглядъ нашихъ предковъ на обычаи *), у грековъ, а въ слѣдъ за ними и у насъ, оставались еще въ безразличномъ употребленіи для возглашенія пѣсни аллилуія двѣ формы—двоеніе и троеніе, а отдѣльно у насъ самихъ находились еще въ одновременномъ употребленіи двѣ формы перстосложенія для крестнаго знаменія — двоеперстіе и троеперстіе. Сообразно своему взгляду на обычаи предки наши должны были въ обоихъ случаяхъ признать и провозгласить одну форму за истинную и православную, а другую за неистинную и еретическую. Случилось такъ, что въ отношеніи къ пѣсни аллилуія за истинную они признали ту форму, которая была потомъ оставлена у грековъ, а за неистинную признали ту форму, которая вошла у нихъ въ общее употребленіе, и что въ отношеніи къ сложенію перстовъ для крестнаго знаменія за истинную признали ту форму, которая уже давно была оставлена у грековъ, а за неистинную признали ту форму, которая была принята у нихъ въ употребленіе на мѣсто оставленной. По взгляду предковъ нашихъ это значило, что въ обоихъ случаяхъ греки усвоили себѣ еретическія новшества, а при этомъ обстоятельства времени дали имъ поводъ видѣть еретиковъ, отъ которыхъ греки будто бы заразились своими новшествами, въ латинянахъ.

Относительно двухъ частныхъ случаевъ предки наши составили себѣ убѣжденіе, будто въ этихъ двухъ случаяхъ позднѣйшіе греки отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и усвоили себѣ

обходимо понимать рѣчь, намѣреннымъ или ненамѣреннымъ образомъ усиленную (а можетъ быть, извѣстную намъ въ поврежденномъ чтеніи, съ пропускомъ при глаголахъ: „не полагати“ и „не знаменати“ нарѣчія: „право“) о крестномъ знаменіи неправильномъ. А подѣ этимъ неправильнымъ крестнымъ знаменіемъ должно разумѣть троеперстіе, ибо оно было тогда у грековъ въ общемъ употребленіи.

*) Мы сказали выше, что своеобразный взглядъ нашихъ предковъ на обычаи церковные впервые заявилъ себя въ началѣ XV вѣка. Это начало XV в. должно быть принимаемо не за время общаго распространенія взгляда между нашими богословами, а за время его перваго между ними обнаруженія, за которымъ уже послѣдовало распространеніе. Окончательно созрѣлъ и утвердился у насъ нашъ своеобразный взглядъ, представлявшій собою нашу своеобразную богословію, къ половинѣ XVI вѣка. При этомъ, что касается до исторіи его провозглашенія, то впереди шли частные богословы и только уже за ними церковная власть съ своимъ официальнымъ голосомъ.

латинскія еретическія новизны. Но мы разрознились съ греками не въ отношеніи только къ двумъ помянутымъ случаямъ. Съ одной стороны, мы приняли отъ нихъ христіанство, когда еще вся вообще обрядность не имѣла у нихъ полнаго единообразія и находилась еще въ состояніи образованія, по каковой причинѣ, при дальнѣйшемъ водвореніи единообразія и законченности у нихъ и у насъ, нѣкоторое разрозненіе между ними и нами въ обрядовыхъ частностяхъ было дѣломъ неизбѣжнымъ; а съ другой стороны, у насъ допущены были нѣкоторыя и прямыя новизны противъ нихъ, равно какъ и нѣкоторыя непохвальныя вольности. Во всемъ этомъ, придавая съ нашей точки зрѣнія и неважнымъ разностямъ весьма важное значеніе, мы должны были винить кого-нибудь, себя или грековъ, и, конечно, обвиняли не себя, а грековъ, послѣ того какъ допущеніе ими мнимыхъ еретическихъ новшествъ относительно двухъ указанныхъ случаевъ было признано у насъ за несомнѣнное. А такимъ образомъ, предки наши начали обвинять позднѣйшихъ грековъ въ отступленіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ не только въ отношеніи къ двумъ указаннымъ пунктамъ, но и къ довольно многому другому. Вообще, у насъ дѣло начало быть представляемо такъ, что все, чѣмъ греки рознятся отъ насъ, составляетъ ихъ еретическія и погрѣшительныя новизны; иначе сказать, дѣло начало быть представляемо у насъ такъ, что мы—русскіе неизмѣнно хранимъ чистоту православія древнихъ грековъ, а позднѣйшіе греки болѣе или менѣе отступили отъ этой чистоты *).

*) Что касается до богослужебныхъ книгъ съ порядкомъ и составомъ ихъ чинопослѣдованій и ихъ текстомъ: то здѣсь вопросъ о разрозненіи грековъ съ нами и обвиненія на нихъ въ допущеніи ими новшествъ могли подняться у насъ только гораздо позднѣе, при чемъ было не такъ, чтобы это разрозненіе было причиной, по которой мы обвинили грековъ въ отступленіи отъ чистоты православія, а такъ, что, уже имѣя прежде составленное или готовое убѣжденіе въ отступленіи грековъ отъ чистоты православія, мы объясняли себѣ его (разрозненіе) этимъ послѣднимъ. Въ минуту принятія нами христіанства богослужебныя книги грековъ отличались большимъ разнообразіемъ относительно частностей, каковое разнообразіе и оставалось у нихъ до самаго начала печатанія книгъ, при помощи котораго введено было въ нихъ единообразіе. Отъ грековъ разнообразіе частностей въ значительной мѣрѣ перешло и къ намъ и конецъ этому разнообразію и у насъ могъ быть положенъ только посредствомъ книгопечатанія. Пока отсутствовало единообразіе въ самыхъ русскихъ книгахъ, до тѣхъ поръ, очевидно, не могло имѣть мѣста и обвиненіе на грековъ въ отступленіи по отношенію къ книгамъ отъ чистоты православія, потому что у насъ самихъ не было того, въ недостатокъ чего можно было бы ихъ обвинять (т.-е. этого единообразія). Посредствомъ книгопечатанія греки ввели у себя одинъ видъ единообразія, а мы, дѣйствовавъ независимо отъ нихъ, ибо были уже предубѣждены противъ нихъ,—нѣсколько другой. Тогда, при установившейся дѣйствительной розни между нашими и греческими книгами, мы и на-

Взводя на позднѣйшихъ грековъ такое тяжкое обвиненіе, какъ измѣна чистотѣ православія древнихъ грековъ, люди, повидимому, должны были смущаться слишкомъ большою невѣроятностью предположенія, чтобы позднѣйшіе греки допустили и способны были допустить подобную измѣну. Но при своемъ взглядѣ на церковныя обычаи и при сложившихся обстоятельствахъ русскіе необходимо должны были обвинять грековъ за измѣну православію (ибо иначе они должны были бы признавать еретиками самихъ себя); къ успокоенію же смущенія и разрѣшенію недоумѣнія служилъ для предковъ нашихъ ихъ особенный и своеобразный взглядъ на другой предметъ, разумѣемъ—христіанское благочестіе. Отсутствіе у насъ просвѣщенія имѣло по отношенію къ вѣрѣ своимъ слѣдствіемъ то, что обряды и обычаи церковныя мы приравняли къ догматамъ вѣры; но оно имѣло свои особенныя слѣдствія и по отношенію къ благочестію, а именно—что мы вдались въ крайность такъ называемой наружной набожности и начали главнымъ образомъ полагать благочестіе, въ ущербъ истинному благочестію—христіанской жизни, въ усердіи къ наружной молитвѣ и къ благоукрашенію мѣстъ общественной наружной молитвы—храмовъ, въ строгомъ наблюденіи постовъ и въ прилежномъ посѣщеніи святыхъ мѣстъ *), причемъ съ нашей точки зрѣнія на благочестіе мы дѣйствительно стали людьми весьма благочестивыми. Но греки никогда не впадали въ нашу крайность и относительно наружной набожности далеко отставали и отстаютъ отъ насъ, въ чемъ и сами вполне сознавались и сознаются (называвъ и называя, отчасти съ уваженіемъ, а больше съ ироніей, нашу Москву благочестивою Москвою). Не видя у современныхъ себѣ грековъ въ достаточной мѣрѣ своего благочестія, предки наши, не считавшіе, конечно, этого своего благочестія за собственное созданіе, а производившіе его вмѣстѣ съ вѣрою именно отъ грековъ же, заключили, что позднѣйшіе греки утратили благочестіе древнихъ грековъ. Если же люди способны были утратить древнее благочестіе своихъ отцовъ (какъ думали о грекахъ наши предки), то, конечно, возможно было для нихъ и отъ нихъ и то, чтобы они утратили чистоту древняго отеческаго православія. При этомъ, сами позднѣйшіе греки какъ бы нарочно постарались до послѣдней степени уронить себя въ глазахъ предковъ нашихъ со стороны въ точномъ смыслѣ нравственной. Поставленіе въ 1380 г. въ митрополиты московскіе самозванца Пимина (весьма неправильно и очень

чали объяснять эту рознь въ отношеніи къ книгамъ съ помощью уже готоваго, прежде составленнаго, убѣжденія въ поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ.

*) Пусть припомнитъ читатель обличенія этому нашему благочестію со стороны преп. Максима Грека.

наивно у насъ понимаемое, при чемъ въ дѣйствительности главная вина была не на нашихъ послахъ, а на нихъ — грекахъ) составляло такое вопіющее съ ихъ стороны дѣяніе, что самая патріархія константинопольская должна была представляться предкамъ нашимъ не иначе, какъ глубоко въ нравственномъ отношеніи упавшею противъ древняго времени *).

Но если это было такъ по отношенію къ грекамъ, то наоборотъ вѣрованіе предковъ нашихъ, что они суть неизмѣнные хранители чистоты православія древнихъ грековъ, находило себѣ подтвержденіе и укрѣпленіе въ случившихся политическихъ событіяхъ и въ тѣхъ взглядахъ, которые образовались у нашихъ предковъ по поводу событій. Разумѣемъ взятіе Константинополя турками и тотъ взглядъ, который, въ слѣдствіе этого взятія, образовался у предковъ нашихъ на свою Москву. Послѣ взятія турками Константинополя, который принимаемъ былъ за второй православный Римъ, имѣвшій своею миссією охранять на землѣ православіе, предки наши начали смотрѣть на Москву, какъ на третій Римъ, на который перенесена была съ Константинополя сейчасъ указанная миссія (извѣстный взглядъ, о которомъ не считаемъ нужнымъ распространяться). И если Москвѣ сужденъ и ввѣренъ былъ жребій быть охранительницею на землѣ православія: то, конечно, уже черезъ это признавалось и свидѣтельствовалось, что она сохраняла чистоту православія (ибо какъ было бы ввѣрено ей охраненіе православія, еслибы сама она не сохраняла его?).

Своеобразный взглядъ на церковные обычаи, какъ мы сказали, сталъ у насъ взглядомъ не только низшей части общества, составляющей такъ называемый простой народъ, но и всего вообще общества, потому что у насъ не только былъ необразованъ простой народъ но отсутствовало просвѣщеніе и во всемъ обществѣ. Слѣдовательно, и вытекавшее изъ нашего взгляда на церковные обряды убѣжденіе относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, должно было стать у насъ общимъ убѣжденіемъ. Этимъ общимъ убѣжденіемъ дѣйствительно оно и стало. Но флорентійскій соборъ создалъ такія церковныя обстоятельства, а вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее взятіе Константинополя турками созидало такія церковныя и вмѣстѣ государственныя обстоятельства, что правительство наше не только не старалось задерживать заявленія

*) Сынъ и преемникъ Дмитрія Ивановича Донскаго, при которомъ упомянутое дѣяніе имѣло мѣсто, Василій Дмитріевичъ, какъ доносилъ въ Константинополь митр. Кипріанъ, пренебрегалъ (презиралъ, *περιεφρόνει*) и императора и патріарха, см. Acta Patriarchatus Constantinopolitani *Митлошича*, т. II. р. 189, съ русскимъ переводомъ у *Паллова* въ Памятн., втораго счета col. 269.

нашими богословами ихъ новообразовавшихся взглядовъ, но, побуждаемое своими практическими цѣлями, даже восхитило у нихъ инициативу въ семь случаевъ и, успѣвъ уже или не успѣвъ еще искреннимъ образомъ усвоить ихъ взгляды, нѣсколько прежде нихъ начало утверждать и проповѣдывать о грекахъ, будто флорентійскій соборъ и взятіе Константинополя турками повредили и изрушили у нихъ православіе.

Послѣ бѣгства Исидора изъ Москвы новый митрополитъ св. Іона былъ поставленъ русскими въ самой Москвѣ и безъ дозволенія отъ патріарха. Причиной самоволія было то, что патріархъ былъ униатъ *). Но русскимъ казалось не достаточнымъ сослаться только на одну эту причину и они въ оправданіе допущеннаго ими своеволія представляли дѣло такъ, будто послѣ флорентійскаго собора въ Константинополь вообще изрушилось православіе. Митрополитъ Іона въ своемъ извѣстительномъ посланіи въ Литву о своемъ поставленіи въ митрополиты, оправдывая то, что онъ поставленъ въ самой Москвѣ и безъ дозволенія патріарха, говоритъ, что „коли было въ Цариградѣ православіе, (до тѣхъ поръ) и (великіе князья московскіе) оттуда принимали благословеніе и митрополита“, а что нынѣ, когда — подразумевается — въ Цареградѣ православіе изрушилось, великій князь самъ приказаль поставить его въ митрополиты **). Въ посланіи собора московскихъ епископовъ къ собору литовскихъ епископовъ по случаю прихода въ Литву митрополита-униата Григорія, въ объясненіе и оправданіе того же самовольнаго поставленія Іоны въ митрополиты самимъ великимъ княземъ, утверждается, будто „нынѣ царяградская церковь поколебалася, отъ нашего православія отступила“ ***).

Попытка Исидора ввести на Москвѣ флорентійскую унию кончи-

*) Объявивъ еретикомъ и свергнувъ Исидора, русскіе должны были бы объявить еретикомъ и патріарха-униата, съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ признанія его власти. Но на это послѣднее предки наши не рѣшились. Не отвергая власти патріарха-униата, они только хотѣли, чтобы ихъ православный митрополитъ не былъ поставленъ руками этого патріарха, по ихъ мнѣнію, впаваго въ ересь (хотя ими и признаваемого!). Не успѣвъ получить отъ патріарха дозволеніе поставить митрополита самимъ, они рѣшились наконецъ на самоволіе.

***) Посланіе въ Памятнн. Павлова, № 64, col. 540, слѣ другое посланіе Іоны къ литовскимъ епископамъ. *ibid.* № 87, col. 646, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ путешествіи въ Константинополь до поставленія Исидорова: „достигохъ Царствующаго града цвѣтущаго въ *прежнемъ* благочестіи греческаго православія“. А что у насъ очень хорошо было извѣстно дѣйствительное положеніе дѣлъ въ Константинополь послѣ флорентійскаго собора, т.-е. что униа вовсе не была принята тамъ духовенствомъ и народомъ, см. еще посланіе Іоны въ Литву, *ibid.* № 66, col. 558 fin.

***) Въ Памятнн. Павлова № 84, col. 633 fin.

дась тѣмъ, что онъ съ позоромъ долженъ былъ бѣжать изъ нея въ Римъ къ папѣ. Но папа не пришолъ въ совершенное отчаяніе отъ такого исхода дѣла. Выждавъ времени и дождавшись благопріятныхъ обстоятельствъ, спустя 17 лѣтъ послѣ бѣгства Исидорова, въ 1458 г. онъ поставилъ въ митрополиты кievскіе и всея Руси ученика Исидорова сейчасъ помянутаго Григорія, съ тѣмъ, чтобы этотъ занялъ если не всю русскую митрополию, то по крайней мѣрѣ подвѣдомую королю польскому литовскую ея часть. Въ виду такихъ, неожиданно явившихся, опасностей, какъ потеря каедрою митрополіи всея Россіи ея литовской половины и водвореніе въ литовской Руси униі, съ чѣмъ являлась бы опасность отъ послѣдней и для самой Руси московской, на Москвѣ митрополитомъ всея Россіи Іоною приняты были самыя усиленныя старанія о томъ, чтобы убѣдить литовскихъ русскихъ не признавать Григорія. Съ этою цѣлію Іона написалъ въ Литву цѣлый рядъ посланій и отъ своего собственнаго лица и отъ собора московскихъ епископовъ. Въ этихъ посланіяхъ, какъ одно изъ рѣшительныхъ средствъ убѣжденія не намѣнять православію, находимъ указаніе на то, какому бѣдствію подвергся Царствующій градъ или Константинополь, когда отступилъ отъ благочестія, т. е. отъ православія, подразумеваются—на флорентійскомъ соборѣ. Въ одномъ изъ собственныхъ посланій Іоны читаемъ: „сами вѣсте, сынове, колику прежде бѣду подъя Царствующій градъ отъ болгаръ, такоже отъ персь: яко въ мрежахъ дрѣжаще (—ху) его семь лѣтъ; но донелѣже дрѣжаху, сынове, благочестіе, ничтоже градъ не пострада; егда же своего благочестія отступи(ша), вѣсте, что пострадаше (—а, т. е. отъ турокъ), какова плѣвенія и смерти различна быша, о душахъ же ихъ Богъ вѣсть единъ“... *)

Св. Іона былъ поставленъ въ митрополиты у себя на Москвѣ и своими епископами потому, что въ Константинополѣ каедрю патриаршую занимали униаты; но при этомъ еще не было рѣшено, чтобы и всегда такъ поступать на будущее время. Когда же, въ его бытность митрополитомъ, Константинополь ваяли турки (1453 г.), русскими немедленно было принято это послѣднее рѣшеніе. Побужденія при этомъ были у нихъ двухъ родовъ, заключавшіяся, съ одной стороны, въ томъ, чтобы устранить нежелаемое, а съ другой стороны — чтобы удовлетворить собственнымъ притязаніямъ. Какъ императоръ греческій былъ мірскимъ главою патриарха константинопольскаго, утверждалъ его въ его званіи и возлагалъ на него отличія (инсигни) послѣдняго, такъ этимъ же мірскимъ главою сталъ по отношенію къ нему и указанное началъ дѣлать и султанъ, въ слѣдствіе чего па-

*) Въ Памятн. Павлова № 81, col. 623.

тріархъ превратился теперь въ раба христоненавистнаго бусурмана. Но у русскихъ не могло быть желанія, чтобы ихъ митрополитъ получалъ посвященіе отъ этого раба бусурмана, — чтобы бусурманская скверна, которую султанъ сообщалъ своими руками патріарху, переходила и на митрополита и чтобы черезъ рабство патріарха султану и они сами до нѣкоторой степени становились рабами этого ненавистника креста Христова. И дѣло шло тутъ не объ однихъ отвлеченныхъ понятіяхъ и мнѣніяхъ, но и объ осязаемой дѣйствительности, ибо митрополитъ русскій, имѣвшій отправляться — предполагая, что онъ былъ бы избираемъ дома — для посвященія въ Константинополь, обладаемый турками, долженъ былъ бы имѣть непосредственныя сношенія съ чиновниками турецкими, въ вѣдѣніи которыхъ находился патріархъ съ церковію, могъ бы быть требуемъ для непосредственныхъ представленій самому султану, который могъ видимымъ образомъ поставить дѣло такъ, чтобы онъ — митрополитъ казался такимъ же рабомъ его, какъ и самъ патріархъ, чрезъ что могли бы быть изъявляемы султаномъ нѣкоторыя притязанія на верховенство и надъ самимъ великимъ княземъ. Такимъ образомъ, русскіе должны были гнущаться мыслью, чтобы ихъ митрополитъ ходилъ для посвященія въ Константинополь, послѣ того какъ послѣдній достался въ невѣрныя и скверныя руки мусульманъ-турокъ, и должны были находить это невозможнымъ по весьма важнымъ соображеніямъ и осязаемо практическимъ. Другое и противоположнаго свойства побужденіе желать, чтобы послѣ взятія Константинополя турками митрополиты наши стали фактически независимыми отъ патріарховъ константинопольскихъ, заключалось для предковъ нашихъ въ явившемся у нихъ послѣ паденія Константинополя указанномъ взглядѣ ихъ на свою Москву, какъ на третій православный Римъ, предназначенный охранять на землѣ Христову церковь. Если послѣ паденія Константинополя Москва заняла это высокое положеніе въ христіанскомъ мірѣ: то какъ же ея митрополиты могли оставаться зависимыми отъ нѣ и получать себѣ посвященіе именно тамъ, гдѣ водворился врагъ креста Христова? Предки наши при своемъ мнѣніи о новомъ высокомъ положеніи ихъ государства должны были бы желать совершенной независимости своей церкви, съ учрежденіемъ въ ней самостоятельнаго патріаршества. Но это послѣднее желаніе вовсе еще не приходило имъ на умъ. Они не шли на этомъ пути далѣе желанія фактической независимости ихъ митрополита отъ патріарха. Таковую фактическую независимость отъ патріарха, по указаннымъ нами побужденіямъ, русскіе и рѣшили доставить своему митрополиту послѣ взятія Константинополя турками. Первоначально у насъ не хотѣли было самостоятельнымъ образомъ присвоить митрополитамъ фактической неза-

висимости или права поставляться имъ въ самой Россіи и обращались было съ просьбою объ этомъ къ патріарху, и только, не получивъ отъ патріарха удовлетворенія своей просьбы, увидѣли себя вынужденными поступить самовольно *). Но необходимо думать, что правительство смущалось своимъ своеволіемъ, что оно видѣло или предполагало неодобреніе своему поведенію со стороны самихъ русскихъ **), и оно сочло за нужное оправдать себя передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, и вмѣстѣ дать ему тонъ или направить его желаемымъ для себя образомъ. Это сдѣлало оно такъ, что по поводу поставленія преемника Іонина митрополита Θεодосія оно выдало списаніе, подъ заглавіемъ: „Слово избранно отъ святыхъ писаній, еже на латыню“ и пр. (заглавіе очень длинное), которое представляетъ своего рода политическую брошюру оффиціального или оффиціознаго происхожденія, имѣющую свою цѣлю и задачей показать, что русскіе законно и по уважительнымъ причинамъ поступили такъ, какъ они поступили. Право русскихъ имѣть митрополита фактически независимаго отъ патріарха или такъ сказать—автокефальнаго, хотя бы то, подразумѣвается, и вопреки грековъ, въ словѣ доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что русскій государь, будучи постоянно называемъ въ немъ благовѣрнымъ и боговѣнчаннымъ царемъ ***) и будучи величаемъ въ немъ титулами споспѣшника благочестію истиннаго православія, высочайшаго исходатая благовѣрія, хотя и не совсѣмъ открытою, но несомнѣнно—вполнѣ понятною для современниковъ, рѣчию, выдается за преемника императоровъ византійскихъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что въ словѣ говорится о просіявшемъ въ русской землѣ благочестіи и что ей, русской землѣ, подобаетъ во вселеннѣй и подъ солнечнымъ сіяніемъ радоваться, поелику она одѣялась свѣтомъ благочестія, имѣетъ покровъ Божій на себѣ, многосвѣтлую благодать Господню и исполнилась цвѣтовъ благообразнѣ цвѣтущихъ Божиихъ храмовъ, якоже звѣздъ сіяющихъ святыхъ церквей, якоже солнечныхъ лучъ блестящихся, благолѣпіемъ украшаемыхъ и соборомъ святаго пѣнія величаемыхъ (при чемъ читатель молча приглашается производить сравненіе между нами и греками, подпавшими власти турокъ), и на-

*) Съ просьбою обращался митр. Іона къ патр. Геннадію; что со стороны Геннадія не послѣдовало удовлетворенія просьбы, видно изъ послѣдующаго заявленія патр. Діонисія, о которомъ ниже.

**) Что св. Іону, поставленнаго въ митрополиты въ самой Россіи и безъ дозволенія патріарха, нѣкоторые русскіе не признавали законнымъ митрополитомъ, это мы знаемъ положительно (изъ разсказа преп. Іосифа Волоколамскаго о ссорѣ Іоны съ Пафнутіемъ Боровскимъ).

***) И митр. Іона въ одномъ изъ своихъ посланій называетъ вел. кн. Василія Васильевича царемъ,—въ Памятн. Павл. № 90, col. 673.

конецъ, въ-третьихъ, тѣмъ, что открыто заявляется, будто въ Россіи— „большее православіе и высшее христіанство“, при чемъ хотя и не прибавляется прямо: чѣмъ въ Греціи, но ясно дается знать это послѣднее *).

Поставленный по приказанію папы митрополитъ-уніатъ Григорій, о которомъ говорили мы выше, прибывъ въ Литву въ 1458 или 1459 г., въ продолженіе 11 или 12 лѣтъ оставался въ ней уніатомъ, неизвѣстно—насколько бывъ признаваемъ литовско-русскими православными епископами; но въ 1470 году онъ рѣшился возвратиться къ православію и отправилъ въ Константинополь къ патріарху своего посла съ изъявленіемъ своего желанія и съ просьбою, чтобы патріархъ призналъ и утвердилъ его въ санѣ митрополита русскаго. Патріархъ Сумеонъ Трапезундскій, къ которому отправленъ былъ посоль, или отказалъ въ просьбѣ или, можетъ быть, не успѣлъ исполнить ее, такъ какъ занималъ каеэдру патріаршую весьма недолгое время. Но преемникъ Сумеона Діонисій, склоненный, какъ увѣряютъ наши извѣстія, великими дарами Григорія, воссоединилъ его съ православіемъ, утвердилъ въ санѣ митрополита не только литовскаго, но и всея Руси, и отправилъ за него своего посла не только въ Литву, но и въ Москву и въ Новгородъ, съ повелѣніемъ и въ эти два послѣднія мѣста, чтобы его признали своимъ митрополитомъ, а чтобы митрополита, поставленнаго въ самой Москвѣ, отстранили, какъ незаконнаго и непризнаваемаго Константинопольскою церквію **). Когда вел. кн. Иванъ Васильевичъ узналъ о дѣяніи патріарха и что его посоль идетъ на Русь, то немедленно созвалъ въ Москвѣ соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего священства, и на соборѣ было приговорено, чтобы посоль патріаршаго и Григоріева не пускать и въ московскую землю и чтобы имѣть самаго патріарха, не заботясь объ его благословеніи или неблагословеніи, „чужа отъ себя и отреченна“. Въ оправданіе своего формальнаго отреченія отъ патріарха великій князь приводитъ то, что будто бы по признанію самихъ патріарховъ православіе у грековъ въ слѣдствіе взятія Константинополя турками уже изрушилось. Въ своемъ посланіи къ новгородскому архіепископу по поводу нашего дѣла великій князь увѣряетъ, будто патріархъ Сумеонъ (называемый въ посланіи Симономъ), къ которому прибылъ посоль Григоріевъ, отказывая послу въ просьбѣ, мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что „язъ самъ живу въ убожествѣ, въ бесерменскихъ рукахъ, въ чужой неволѣ, а наше ся уже православіе изрушило“ ***).

*) Слово напечатано въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ *А. Н. Попова*, стр. 360 sqq..

**) См. у *проев. Макарія* въ Ист., IX, 36 sqq..

***) Въ Памятн. *Павлова* № 100, col. 711.

Въ 1474 или 1475 г. патріархъ Константинопольскій Рафаиль, бывъ ли самъ подкупленъ или исполняя приказаніе подкупленнаго султана, поставилъ въ митрополиты литовскіе, на мѣсто умершаго Григорія, самозваннаго, не прошеннаго литовскими русскими, кандидата, нѣкоего тверскаго монаха, по имени Спиридона Сатану (авантюриста очень умнаго и ловкаго и, вѣроятно, богатаго). Когда московскіе русскіе узнали объ этомъ поставленіи, то у нихъ возникло опасеніе, чтобы патріархъ съ султаномъ не вздумали навязывать своихъ митрополитовъ и имъ и противъ возможности сего принята была на Москвѣ та мѣра, что въ такъ называемыя повольныя (собственно: общительныя въ смыслѣ: давать обязательство) грамоты, которыя даваемы были новопоставленными епископами митрополиту, внесено было формальное обязательство не принимать митрополитовъ, посвященныхъ въ Константинополь, какъ утратившемъ—подразумѣвалось—православіе. Спиридонъ прибылъ въ Литву, облеченный отъ патріарха саномъ ея митрополита, въ 1476 г., а въ повольной грамотѣ митрополиту Геронтію тверскаго епископа Вассіана, поставленнаго 6 декабря 1477 г., читается: „а къ Спиридону, нарицаемому Сатанѣ, взыскавшаго (—шему) во Цариградѣ поставленіа, во области безбожныхъ турокъ, отъ поганнаго царя, или кто будетъ иной митрополитъ поставленъ отъ латыни или отъ турскаго области, не приступати мнѣ къ нему, ни приобщеніа ни соединеніа ми съ нимъ не имѣти никакова“ *).

Вызванная обстоятельствами намѣренная проповѣдь правительства, будто послѣ собора флорентійскаго и ваятія турками Константинополя изрушилось у грековъ православіе, какъ мы сказали, нѣсколько предупредила собою убѣжденную проповѣдь нашихъ богослововъ, будто послѣ собора греки заразились отъ латинянъ ихъ еретическими новшествами въ отношеніи къ пѣсни аллилуія и къ сложенію перстовъ для крестнаго знаменія. Очень можетъ быть, что проповѣдь правительства дала нашимъ богословамъ мужество впервые высказать ихъ убѣжденіе. Но во всякомъ случаѣ эта проповѣдь, хотя и прекратившаяся по минованіи въ ней нужды, должна была весьма сильно содѣйствовать тому, чтобы укрѣпить дѣйствительное или искреннее мнѣніе русскихъ о поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ.

Повидимому, совершенно несостоятельно было утверждать, будто турки изрушили у грековъ православіе, ибо турки, будучи не христианами, а мусульманами или иновѣрцами, могли заставить грековъ принять свою вѣру вмѣсто христианства, но не могли изрушить у

*) См. у Павлова въ Памятн. col. 683, прим. 2.

нихъ, т.-е. исказить, заразить ересями само православное христіанство. Но турки дѣйствительно изрушили у грековъ православіе въ томъ смыслѣ, что отняли у нихъ ихъ благолѣпныя церкви, дозволивъ имъ строить новыя церкви только въ видѣ сараевъ и лачугъ, не имѣющихъ на себѣ крестовъ, и что стѣснили у нихъ свободу богослуженія, запретивъ имъ торжественныя и открытыя церемоніи (и, какъ утверждалъ Иванъ Васильевичъ въ упомянутомъ выше посланіи въ Новгородъ, будто бы запретивъ имъ звонъ, котораго у нихъ однако не было, такъ какъ звонъ составляетъ у насъ своего рода латинскую ересь, бывъ заимствованъ нами съ Запада), и вотъ, заставляя людей, дѣйствительно склонныхъ поставлять сейчасъ указанное въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ самымъ существомъ вѣры, думать такъ, что съ этимъ могло погибнуть и все, правительство и утверждало, будто турки нарушили у грековъ православіе и въ собственномъ смыслѣ этого слова...

Представляется въ свою очередь, повидимому, недоумѣнною и убѣжденная проповѣдь нашихъ богослововъ относительно объясненія послѣдними того, какъ исчезла у позднѣйшихъ грековъ чистота православія древнихъ грековъ. Богословы наши объясняли это исчезновеніе не однимъ чѣмъ-нибудь, но однимъ, и другимъ, и третьимъ: сначала они ссылались на флорентійскій соборъ, потомъ начали ссылаться—съ одной стороны, на это, указанное правительствомъ, взятіе Константинополя турками, съ другой стороны—на то, что греки печатали свои книги въ латинскихъ земляхъ и что латиняне будто бы получили при этомъ возможность вмѣщать въ ихъ книги свои ереси, а также ссылались и на кое-что другое. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Предки наши составили себѣ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, не на основаніи какихъ-нибудь дѣйствительныхъ данныхъ, на которыя однѣ въ такомъ случаѣ они и указывали бы, а вслѣдствіе того, что у нихъ образовался своеобразный взглядъ на обычаи церковныя и что относительно послѣднихъ мы разрознились съ греками, иначе сказать, что они составили себѣ убѣжденіе путемъ теоретическимъ и апіорическимъ, внѣ всякой зависимости отъ какой-либо дѣйствительности. На основаніи ихъ своеобразнаго взгляда на обычаи, съ присоединеніемъ того обстоятельства, что мы разрознились съ греками относительно послѣднихъ, для нихъ составляло несомнѣнный фактъ, что отъ кого-то и какъ-то позднѣйшіе греки разились еретическими новшествами и что кто-то и какъ-то изрушилъ у нихъ чистоту древняго православія (обычай можетъ имѣть только одну православную форму; но у грековъ нѣкоторые обычаи имѣли другую форму противъ насъ; слѣдовательно — эту другую, еретиче-

скую, форму греки заимствовали отъ кого-нибудь и какъ-нибудь). Несомнѣнный самъ по себѣ фактъ нужно было объяснять какъ-нибудь, т.-е. чѣмъ-нибудь внѣшнимъ: оказалось возможнымъ ссылаться на флорентійскій соборъ, и предки наши ссылались на него; явилась возможность ссылаться на взятіе Константинополя турками, на печатаніе греками книгъ въ латинскихъ земляхъ, — и предки наши начали ссылаться на то и на другое. Не будь собора флорентійскаго, не будь взятія Константинополя турками и печатанія греками книгъ въ латинскихъ земляхъ, поврежденіе чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ оставалось бы для предковъ нашихъ все равно и все таки несомнѣннымъ фактомъ и только въ объясненіе его они ссылались бы на что-нибудь другое. Однимъ словомъ, несомнѣнный для предковъ нашихъ самъ по себѣ фактъ поврежденія чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ нужно было объяснять чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, поэтому они и готовы были и искали объяснить его всѣмъ, чѣмъ представлялось возможнымъ, т.-е. болѣе или менѣе вѣроятнымъ.

Итакъ, въ половинѣ XV вѣка, по поводу пѣсни аллилуія и сложенія перстовъ для крестнаго знаменія, у предковъ нашихъ составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Это убѣжденіе съ половины XV вѣка и осталось твердымъ и общимъ убѣжденіемъ нашихъ предковъ до самаго патріарха Никона.

Существованіемъ именно этого убѣжденія объясняется то недомѣнное, что представляетъ исторія бывшихъ у насъ послѣ половины XV вѣка споровъ о церковныхъ обычаяхъ и упорядоченія у насъ обрядовой стороны богослуженія церковною властію, а также исторія нашего дониконовскаго исправленія богослужебныхъ книгъ.

Въ 1479 г. между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и митрополитомъ Геронтіемъ возникъ весьма горячій споръ о томъ, какъ совершать крестные ходы — по солнцу или противъ солнца. Естественно было бы ожидать, что для рѣшенія спора, котораго никакъ не могли рѣшить сами, обратятся за спросомъ къ грекамъ. Однако этого вовсе не сдѣлали и напротивъ ссылку на грековъ одного изъ лицъ, участвовавшихъ въ спорѣ, оставили безъ всякаго вниманія. Это значитъ, что тогдашнимъ грекамъ у насъ уже не довѣряли и что уже не считали ихъ компетентными для рѣшенія спора.

Одну изъ задачъ Стоглаваго собора составляло упорядоченіе у насъ церковной обрядности и богослужебныхъ чиновъ. Естественно было бы ожидать, что у насъ въ семь случаевъ будетъ поставлень себѣ передъ глазами примѣръ грековъ. Однако этого вовсе не было, такъ что для собора греки какъ будто и не существовали. Причиною сего

было то, что во времена собора уже вовсе не считали у насъ грековъ обязательнымъ для себя примѣромъ *).

Великій князь Василій Ивановичъ поручилъ было Максиму Греку исправить наши богослужебныя книги по книгамъ греческимъ; но когда Максимъ, исполняя порученіе, открылъ въ книгахъ важныя погрѣшности, то привлекъ на себя своимъ открытіемъ тяжкій гнѣвъ и великаго князя и всѣхъ русскихъ. Это значить, что великій князь допускалъ только нѣкоторое неважное несогласіе нашихъ книгъ съ книгами греческими (подразумѣвается, т.-е. какъ подразумѣвалъ государь—древними) **) и что открытіе Максима посягало на вѣру русскихъ въ то, что они суть хранители неповрежденной чистоты православія древнихъ грековъ (и для того-то между прочимъ, чтобы подорвать авторитетъ Максима, какъ исправителя книгъ, и старались какъ можно болѣе навискивать противъ него обвиненій, какъ противъ развратителя книгъ).

Когда введено было у насъ книгопечатаніе и начато было печатаніе богослужебныхъ книгъ, такъ называемые книжные справщики наши встрѣтили великое затрудненіе въ приготовленіи подлинниковъ для печати, т.-е. въ приготовленіи списковъ, съ которыхъ печатають книги, потому что въ рукописяхъ книги представляли большое разнообразіе (объ этомъ разнообразіи нарочитая рѣчь будетъ ниже) и справщики не знали, что чему предпочитать и что выбирать. При такомъ затрудненіи естественно было бы обратиться къ помощи греческихъ печатныхъ книгъ. Но этого мы вовсе не видимъ до Никона, и причина сего есть та, что у насъ не вѣрили печатнымъ, какъ и вообще новымъ, греческимъ книгамъ ***).

*) Есть основанія полагать, что митрополита Макарія очень занималъ вопросъ о томъ, справедливо ли наше русское мнѣніе о поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ, и что лично онъ какъ будто склонялся къ тому, чтобы считать мнѣніе несправедливымъ. Объ этомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

**) Великій князь допускалъ существованіе погрѣшностей потому, что о неисправности нашихъ книгъ говорили ему нѣкоторые изъ грековъ, пріѣхавшихъ въ Россію съ его матерью и служившихъ при дворѣ.

***) Патріархъ Филаретъ Никитичъ по поводу споровъ о словѣ „и огнемъ“ въ богоявленскомъ освященіи воды обращался къ восточнымъ патріархамъ съ просьбою справиться въ греческихъ книгахъ, читается или не читается въ нихъ спорное слово. Но Филаретъ просилъ патріарховъ справиться не въ новыхъ книгахъ, которымъ онъ со всѣми русскими не вѣрилъ, а въ древнихъ: еслибы дѣло шло о новыхъ книгахъ, то Филарету нечего было просить патріарховъ справиться въ книгахъ, а просто нужно было спросить, какъ читается (ибо что было въ новыхъ книгахъ, патріархи хорошо знали и безъ справокъ), а затѣмъ въ извѣстіяхъ прямо говорится, что просилъ справиться въ древнихъ книгахъ.

Прямыхъ заявленій со стороны русскихъ послѣ половины XV вѣка, что у позднѣйшихъ грековъ повреждена чистота православія и что только одни они-русскіе остаются хранителями этой чистоты, до настоящего времени приведено въ извѣстность не особенно много. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ одинъ, содержащій эти заявленія, памятникъ или документъ, цѣль котораго какъ бы нарочитымъ образомъ составляетъ то, чтобы устранить всякія наши сомнѣнія и представить намъ дѣло съ совершенной ясностью. Разумѣемъ „Преніе“ съ греками о вѣрѣ Арсенія Суханова *). Преніе это, съ одной стороны, несомнѣнно доказываетъ, что подлежащій рѣчамъ взглядъ русскихъ на грековъ и на самихъ себя твердо содержимъ былъ ими непосредственно до Никона; а съ другой стороны—въ немъ изображается нашъ взглядъ съ такою опредѣленностію и такою обстоятельностью, что не остается желать ничего большаго **).

Итакъ, съ половины XV вѣка, вслѣдствіе указанныхъ нами при-

*) Напечатано С. А. Бѣлокуровымъ въ 11 и 12 №№ Христіанскаго Чтенія за 1883-й годъ и во 2-й книгѣ Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1894-го года; подробное изложеніе содержанія у *проесс. Макарія* въ Ист., XI, 142 sqq..

**) Изъ предшествующаго времени, послѣ [приведенныхъ выше рѣчей псковскаго духовенства монаху Аванасію, извѣстны заявленія: митр. Филиппа 1-го, который въ посланіи къ новгородцамъ отъ 1471 г. пишетъ: „нынѣча въ лѣта наша великій царьствующій прежде благочестіемъ градъ Костянтинополь ради латиньскыя прелести погыбе и отъ великого благочестія истребися“, — въ Памятн. *Павл.* col. 723 fl., cfr Собр. лѣтт. VI, 7 sub fl.; писателя житій святыхъ при митрополитѣ Макаріи священника Василія, который въ житіи Саввы Крыпецкаго, сравнивая греческую землю съ русскою, говоритъ: „тамо вѣра православная испроказися Махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же въ рустѣй земли паче просія святыхъ отецъ нашихъ 'ученіемъ (см. у *Ключевскаго* въ Житіяхъ, стр. 228); царя Михаила Ѡдоровича, который въ грамотѣ въ Новгородъ 1617 г., по случаю заключенія мира со шведами и возвращенія Новгорода къ Россіи, говоря о развращеніи вѣры у римлянъ, кстати говоритъ, что и у греческихъ людей мусульманскіе народы „вѣру ихъ, прежде держимую отцы ихъ, развратиса“ (Собр. госуд. грам. и догов. III, стр. 152, col. 2); Богоявленскаго игумена Иліи съ справщикомъ Григоріемъ при патр. Филаретѣ и священника Іоанна Насѣдки при патр. Іосифѣ заявленія о томъ, что печатныя греческія книги, какъ перепорченныя латинянами, въ земляхъ которыхъ печатаются, у насъ на Москвѣ не принимаются (преніе Иліи и Григорія съ Лаврентіемъ Зизаніемъ напечатано во II томѣ Лѣтописей русской литературы и древности Тихонравова и особо Обществомъ любителей древней письменности, № издд. XVII; о Насѣдкѣ см. Опис. свнодд. ркпн. *Горск. и Невостр.* № 279, л. 381, стр. 375 fl.); неизвѣстнаго составителя русскихъ святцевъ, относящихся къ началу второй половины XVII вѣка и читаемыхъ въ одной изъ рукописей библиотеки нашей Академіи (въвроятно — Симона Азарьина, — фундамент. № 201, по новой перемѣтѣ л. 339 об.) слова, что греки „насилія ради отъ безбожныхъ благочестіе свое все погубиша“. (Англичанинъ Джеромъ или Іеронимъ Горсей, жившій въ Россіи

чинъ, у насъ составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили⁷ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, причемъ дѣло было понимаемо такъ, будто все, чѣмъ греки отличались отъ насъ въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ и богослужебныхъ книгахъ, составляло ихъ еретическія и погрѣшительныя новшества. Это совершенно несправедливое, но долговременное и твердое убѣжденіе и было причиной возникновенія у насъ раскола старообрядства *). Патріархъ Никонъ созналъ несправедливость и неосновательность убѣжденія, вслѣдствіе чего и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и книгъ. Рѣшительное большинство общества признало и приняло Никоново исправленіе, перемѣняя вслѣдъ за нимъ свой взглядъ на грековъ. Но среди цѣлаго общества нашлись отдѣльные люди, которые, во имя прежняго взгляда на грековъ возстали противъ Никонова исправленія. Отъ этихъ-то отдѣльныхъ людей и пошолъ расколъ старообрядства **).

при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ и при Ѳѣдорѣ Ивановичѣ, говорить въ своихъ Запискахъ о Московіи, что Грозный и современные ему Русскіе были плохаго мнѣнія о православіи грековъ, см. русскій переводъ Записокъ во 2-й мартовской книжкѣ или въ 6-мъ № Библиотеки для Чтенія за 1865-й годъ, стр. 5). Преп. Максимъ Грекъ въ опроверженіе русскаго взгляда на грековъ написалъ „Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая, аще и много лѣта обладаеми суть отъ поганыхъ“ (отчасти имѣеть ту же цѣль и его „Сказаніе ко отрицающимся на поставленіи и клянущимся своимъ рукописаніемъ“ и пр.).

*) За исправленіемъ Никона послѣдовала реформа Петра Великаго, представлявшая собою перенесеніе къ намъ съ Запада такъ сказать еретичества государственнаго и бытоваго, и она рѣшительнымъ образомъ послужила къ тому, чтобы придать расколу его крѣпость.

**) Можетъ казаться (недоумѣннымъ, что русскіе считали грековъ за еретиковъ и въ то же время находились въ общеніи съ ними и признавали юридическія за ними права и духовную въ нихъ благодать (учрежденіе нашего патріаршества и поставленіе патріархомъ Іереміемъ нашего перваго патріарха Іова, поставленіе патріархомъ Теофаномъ патріарха Филарета), какъ будто они были православные. Но русскіе не признавали грековъ за настоящихъ еретиковъ, какъ напр. латинянь, а за православныхъ, только съ поврежденнымъ православіемъ, или за православныхъ, которые только внѣшнимъ, такъ сказать, образомъ, болѣе или менѣе заражены были ересями (подобно тому какъ, вступивъ въ сношенія съ грузинами и нашедши у нихъ многія обрядовыя разности съ собой, русскіе признали ихъ за православныхъ, но съ поврежденнымъ и исполненнымъ еретическихъ новшествъ православіемъ). Для нихъ дѣло состояло въ томъ, чтобы считаемы были за ереси не наши обрядовыя равности съ греками, а напротивъ ихъ разности съ нами, и чтобы мнимыя ереси грековъ насколько не касались насъ самихъ и не были намъ навязываемы, а помимо своихъ ересей (представлявшихся ими—русскими какъ бы чѣмъ то внѣшнимъ и какъ бы лишь механическою прибавкою къ православію или механическимъ на него наслоеніемъ, нагроможденіемъ) греки были для нихъ все-таки православными. Обстоятельныя рѣчи объ этомъ ниже.

Изъ сказаннаго нами видно, что нашъ расколъ старообрядства есть слѣдствіе взаимодѣйствія двухъ причинъ: разрозненія нашего съ греками въ нѣкоторыхъ обычаяхъ церковныхъ и отсутствія у насъ просвѣщенія, что было причиною образования у насъ своеобразныхъ взглядовъ на церковные обычаи. Если бы мы не разрознились съ греками въ обычаяхъ: то и при отсутствіи просвѣщенія не возникло бы у насъ раскола старообрядства, потому что тогда мы не имѣли бы поводовъ обвинять грековъ въ еретическихъ новшествахъ. Если бы мы имѣли просвѣщеніе: то и при разрозненіи нашемъ съ греками не возникло бы у насъ раскола старообрядства, потому что тогда мы не смотрѣли бы на ихъ разности съ нами какъ на еретическія новшества. Но при существовавшихъ условіяхъ въ отношеніи къ обрядности (разумѣемъ то, что греческое разнообразіе послѣдней перешло и къ намъ и что единообразіе у нихъ и у насъ водворилось независимо другъ отъ друга) весьма трудно было не случиться тому, чтобы въ чемъ-нибудь да не разрознились мы съ греками. Слѣдовательно, главную причину возникновенія у насъ раскола старообрядства составляетъ отсутствіе у насъ просвѣщенія, при существованіи котораго уже во всякомъ или ни въ какомъ случаѣ расколъ не имѣлъ бы у насъ мѣста *), такъ какъ тогда не создалося бы у насъ своеобразныхъ взглядовъ на обычаи церковные.

II.

Какъ явилась у Никона мысль объ исправленіи обрядовъ и книгъ и что такое было или въ чемъ состояло его исправленіе книгъ? **)

До патріарха Никона русскіе объясняли свои разности съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ и несогласіе своихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ съ книгами греческими такимъ образомъ, что они—русскіе неизмѣнно сохраняютъ чистоту православія древнихъ грековъ, а будто позднѣйшіе греки, отступивъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества. Патріархъ Никонъ созналъ несправедливость существовавшаго у насъ мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, почему и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и книгъ. Но какъ

*) Какъ онъ вовсе не нашелъ себѣ мѣста въ Руси юго-западной или кievской.

**) Эта статья была напечатана въ февральской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892-й годъ.

случилось, что Никонъ созналъ несправедливость этого мнѣнія, послѣ того какъ оно господствовало у насъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій и въ продолженіе столѣтій было содержимо у насъ со всею твердостью?

Наше русское мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и заразились еретическими новшествами, было, вопіющею несправедливостью по отношенію къ этимъ позднѣйшимъ грекамъ. Вопіющей несправедливости когда-нибудь долженъ былъ настать конецъ, и Никонъ былъ призванъ къ тому, чтобы положить ей конецъ. Самъ собою онъ едва ли былъ бы въ состояніи возвыситься до сознанія несправедливости нашего мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, потому что самъ собою онъ ничѣмъ не могъ бы быть возбужденъ къ этому. Но онъ способенъ былъ внимать и внять представленіямъ относительно сего людей стороннихъ, что и дѣйствительно имѣло мѣсто: переворотъ мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ произвели въ немъ іерусалимскій патріархъ Паисій и кievскіе ученые.

Іерусалимскій патріархъ Паисій прибылъ въ Москву за милостыней 27 января 1649 г. и оставался въ ней въ продолженіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ до 10 іюня того же 1649 г. Совершенно естественно было, чтобы, побуждаемый желаніемъ получить отъ государя возможно щедрую милостыню, онъ постарался пріобрѣсти расположеніе людей, находившихся въ наибольшемъ приближеніи къ государю. Однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Алексѣю Михайловичу людей былъ въ то время Никонъ, котораго Паисій засталъ архимандритомъ новоспасскимъ и который при немъ 11 марта 1649 г. былъ поставленъ въ митрополиты новгородскіе. И дѣйствительно Паисій постарался сблизиться съ Никономъ. Дней черезъ пять — черезъ шесть по своемъ прибытіи въ Москву, предъ наступленіемъ великаго поста (который въ 1649 г. начался 4 февраля), онъ подалъ черезъ Посольскій приказъ свой „листъ“ государю, въ которомъ, высказавъ ему пожеланія провести время поста здраво и невредимо и пр., обращался къ нему съ просьбой: „пребывая при вашей милости говорилъ я въ прошлые дни съ преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ и полюбила съ мнѣ бесѣда его,—онъ есть мужъ благоговѣйный, досужій (пріятный, серьезный, назидательный *) и вѣрный царствію вашему: прошу, да будетъ имѣть свободу приходить къ намъ бесѣдовать подосугу, безъ запрещенія великаго вашего царствія“ **). И вотъ въ своихъ бе-

*) Переводъ котораго-либо изъ греческихъ: *χαρίεις, σπουδαίος, διδακτικός.*

***) Паисій обращается къ царю съ приводимой просьбой потому, что въ то время у насъ не дозволялось никому имѣть сношеній съ важными пріѣзжими иностранцами, въ томъ числѣ и съ греческими патріархами, безъ вѣдома и

сѣдахъ съ Никономъ „подосугу“ патріархъ и успѣлъ поколебать въ немъ его прежнее, общее со всѣми русскими, мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ. Съ начала XVI вѣка греки начали пріѣзжать въ Москву за милостыней въ очень большомъ количествѣ, такъ что до Паисія ихъ перебывало въ Москвѣ великое множество; если пребываніе въ Москвѣ никого изъ прежнихъ грековъ не сопровождалось тѣми послѣдствіями, которыми сопровождалось пребываніе Паисія: то съ одной стороны, это, можетъ быть, значить, что ни у кого изъ прежнихъ грековъ не хватало мужества, чтобы говорить русскимъ о несправедливости ихъ мнѣнія о нихъ—позднѣйшихъ грекахъ*), а съ другой стороны—это во всякомъ случаѣ значить, что до Никона у русскихъ вовсе не находилось охоты слушать подобныя рѣчи. Какъ мало было у прежнихъ русскихъ охоты слушать помянутыя рѣчи, это мы видимъ на примѣрѣ ихъ поведенія съ патріархами Іереміей и Теофаномъ: удовлетворяя неразумному со стороны русскихъ требованію, основанному на ихъ своеобразномъ московскомъ пониманіи дѣла, будто патріархи обладаютъ преизлишествомъ архіерейской благодати, Іеремія долженъ былъ поставить въ патріархи Іова, а Теофанъ — Филарета, съ повтореніемъ полного архіерейскаго рукоположенія**), и затѣмъ первый изъ двоихъ посредствомъ собственноручной подписи долженъ былъ подтвердить русское мнѣніе о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, и что она „благочестіемъ всѣхъ превызде“, ибо это читается въ уложенной грамотѣ объ учрежденіи патріаршества, подписанной Іереміемъ***), а второй безъ церемоніи учимъ былъ (и смиренно позволялъ учить себя) русскимъ обычаямъ и порядкамъ совершенія богослуженія****). Если Паисій рѣшился повести съ Никономъ рѣчи о несправедливости мнѣнія русскихъ относительно позднѣйшихъ грековъ: то необходимо понимать это такъ, что, имѣя мужество и желаніе поднимать рѣчь объ этомъ, онъ примѣтилъ въ Никонѣ готовность ее слушать. Относительно мужества Паисія, конечно, должно пред-

разрѣшенія правительства (а „въ прошлые дни“, т.-е. тотчасъ по пріѣздѣ Паисія въ Москву, Никонъ „говорилъ“ съ нимъ, т.-е. имѣлъ съ нимъ свиданіе и бесѣду, какъ нужно думать, по приказанію государя, который, вѣроятно, поручилъ Никону лучше высмотрѣть патріарха).

*) Въмѣстѣ съ отсутствіемъ мужества Оларій указываетъ еще другую причину, почему греки не говорили русскимъ о несправедливости ихъ мнѣнія, это—опасеніе лишиться значительныхъ приношеній, которыя они ежегодно получали отъ послѣднихъ,—русскій переводъ Путешествія въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1868 г., кн. 4, стр. 387.

**) *Пресса. Макарія* Ист. X, 36 нач. и XI, 6.

***) Собр. госудд. грамм. и договв. II, 97 col. 2.

****) См. у *архим. Леонида* въ Описаніи рукописей Московской Духовной Академіи приложение къ № 32 (202), перваго выпуска стр. 165.

полагать, что онъ надѣленъ былъ имъ отъ природы и что по этому свойству своего характера онъ представлялъ изъ себя человѣка нерядоваго; а что касается до желанія, то оно совершенно понятно: нѣтъ сомнѣннй, оно было давнимъ желаніемъ грековъ. Готовность Никона слушать рѣчи Паисія, само собою разумѣется, должна была зависѣть отъ свойствъ и качествъ его ума. Нужна была терпимость, которая бы дозволила Никону слушать доводы противъ того, что составляло на Москвѣ твердое убѣжденіе; нужна была сила ума, чтобы признать основательность доводовъ, и наконецъ нужна была смѣлость ума, чтобы не смущаться передъ мыслию о необходимости измѣнить существовавшее дотолѣ убѣжденіе. Что Никонъ отличался силою и смѣлостью ума, это есть фактъ общепризнанный. Повидимому, онъ вовсе не отличался терпимостію. Но если въ послѣдствіи онъ съ нетерпимостію проводилъ свое новое убѣжденіе, то всегда бываетъ такъ, что люди новоубѣжденные не отличаются терпимостію, и это нисколько не отрицаетъ въ нихъ присутствія терпимости за то, такъ сказать — нормальное для нихъ, время, пока они держатся стараго убѣжденія: терпимость есть свойство сильныхъ умовъ, какъ несмущаемость предъ мыслию о возможности перемѣнить взглядъ, иначе при упорномъ „не хочу слушать“ невозможенъ былъ бы для нихъ переходъ отъ предубѣжденій къ убѣжденіямъ. Приведенный доводами Паисія къ болѣшему или меньшему сомнѣнію въ справедливости господствовавшаго на Москвѣ убѣжденія, будто у позднѣйшихъ грековъ повреждена чистота православія, Никонъ долженъ былъ сообщить о своемъ сомнѣніи царю Алексѣю Михайловичу. Алексѣй Михайловичъ, вовсе не имѣвшій твердаго характера Никонова, былъ, какъ извѣстно, человѣкъ исключительнаго ума, которымъ онъ во всякомъ случаѣ равнялся съ Никономъ, а можетъ быть и въ значительной степени превосходилъ его. Слѣдовательно, если доводы Паисія въ пользу грековъ подѣйствовали на сего послѣдняго: то столько же и еще болѣе они могли подѣйствовать и на государя. Кромѣ Никона были у Алексѣя Михайловича, въ 1649 г. 20-лѣтняго юноши, еще два человѣка, безъ совѣта съ которыми онъ не давалъ мыслямъ своимъ никакого опредѣленнаго направленія, это — воспитатель его бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ и его духовникъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Оба эти послѣдніе представляли изъ себя людей весьма выдающихся, способныхъ внимать голосу истины, и оба они стали на сторону сомнѣній государя и Никона. Приведенный къ сомнѣнію, царь Алексѣй Михайловичъ съ своими совѣтниками рѣшилъ подвергнуть вопросъ своему изслѣдованію, дабы, въ виду великой его важности, не оставаться при одномъ сомнѣніи, а остановиться на чемъ-нибудь положительномъ. Съ сею цѣлью на первыхъ порахъ рѣ-

шено было имъ отправить на Востокъ надѣжнаго русскаго человѣка, который привезъ бы возможно обстоятельное донесеніе, насколько греки разнятся съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ и въ чинахъ церковныхъ. Въ исполненіе такого рѣшенія и посланъ былъ на Востокъ вмѣстѣ съ самимъ патріархомъ Паисіемъ извѣстный Арсеній Сухановъ, который представилъ потомъ государю въ видѣ донесенія свой Проскинитарій *).

Со всею и совершенною вѣроятностью слѣдуетъ думать, что это первое изслѣдованіе вопроса было дѣломъ частнымъ и тайнымъ у царя съ его тремя названными совѣтниками и что въ тайну не былъ посвященъ и самъ патріархъ Іосифъ. Разумѣемъ подъ тайною не то, чтобы Арсеній былъ отправленъ на Востокъ секретно,—онъ отправленъ былъ совершенно открыто, а то, что составляла тайну истинная цѣль, для которой понадобилось государю имѣть свѣдѣнія о чинахъ и обрядахъ греческихъ. Въ самое время пребывания Паисія въ Москвѣ между духовникомъ царя и патріархомъ Іосифомъ произошла такая сильная ссора, которая дѣлала совершенно невозможнымъ привлеченіе послѣдняго къ тайнѣ, а поводъ къ которой даетъ знать, что не могли имѣть и охоты привлекать его къ ней. Дѣло было въ слѣдующемъ. Относительно совершенія богослуженія, съ цѣлью его ускоренія, у насъ съ весьма давняго времени ввелся безобразнѣйшій обычай пѣть заразъ на обоихъ клиросахъ и читать заразъ въ нѣсколько голосовъ—въ пять, въ шесть и даже больше **). Противъ этого обычая напрасно писалъ митр. Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій

*) Можетъ показаться недоумѣннымъ, что для описанія греческихъ богослужебныхъ чиновъ и обычаевъ Сухановъ посланъ былъ въ Іерусалимъ, а не въ Константинополь и не на Аѳонъ. Но въ Москвѣ, какъ это необходимо думать, предполагали существованіе у грековъ повсюднаго единообразія въ богослужебныхъ чинахъ и обычаяхъ, а между тѣмъ, посылая Суханова въ Іерусалимъ, хотѣли достигнуть двухъ цѣлей — получить описаніе греческихъ богослужебныхъ чиновъ и вмѣстѣ описаніе палестинскихъ святыхъ мѣстъ.

**) Память патріарха Іоасафа 1-го тіуку Манойлову въ Акт. Эксп., III, № 264, стр. 401, сгг челобитную патр. Іосифу одного неизвѣстнаго, относительно церковныхъ безпорядковъ, напечатанную въ 1-мъ выпускѣ сочиненія *Н. Ѡ. Каптерева*: Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ, стр. 168 (неизвѣстный говоритъ, что благодаря многогласному пѣнію службы совершаются въ церквахъ Божіихъ образомъ неистоваго пьянства. — Позднѣйшія греческія церковныя власти многогласно совершали церковныя службы, находясь въ дорогѣ (см. статью Арсенія Суханова: „О чинѣхъ греческихъ вкратцѣ“): должно думать, что это дорожное многогласіе мы и заимствовали отъ грековъ къ всегдашнему употребленію. Но и дорожное греческое многогласіе не представляло того безобразія, какое представляло наше многогласіе всегдашнее: у грековъ не пѣли или не читали заразъ громко въ нѣсколько голосовъ, но одинъ пѣлъ или читалъ громко, а другіе нѣсколько читали тайно).

въ Псковъ (въ томъ же самомъ, въ которомъ о троеніи пѣсни аллилуія *), напрасно сдѣлалъ свое постановленіе Стоглавый соборъ **) и напрасно подтверждалъ постановленіе собора патр. Гермогенъ ***). Спустя 24 года послѣ смерти Гермогена обратилъ свое вниманіе на возмутительное безобразіе непосредственный предшественникъ патріарха Іосифа Іоасафъ 1-й и пытался было хотя нѣсколько ограничить его посредствомъ компромисса, а именно — предписать было, чтобы многогласіе не шло далѣе двухъ-трехъ заразъ голосовъ ****) Стефанъ Вонифатьевичъ, представлявшій собою не только человѣка какъ сказали мы выше, весьма выдающагося, но и церковнаго нашего дѣятеля истинно замѣчательнѣйшаго, ставъ духовникомъ одушевленнаго наилучшими намѣреніями по отношенію къ государству и къ церкви Алексѣя Михайловича съ самаго начала его царствованія *****) и тотчасъ же пріобрѣтши величайшее на него влияніе, задался мыслью о широкой и серьезной церковной у насъ реформѣ,—объ исправленіи нравовъ духовенства и мірянъ, о приведеніи въ надлежащій видъ безобразнаго дотолѣ богослуженія и о возобновленіи въ церквахъ ученія къ народу (посредствомъ положеннаго по уставу чтенія твореній отеческихъ и житій святыхъ, какъ это послѣднее предписывалъ-

*) „А еже ми писасте о канонахъ: аще случится два или три, и единъ попь поеть канонъ, а другой попь поеть другій канонъ, а третій попь поеть третій канонъ: и не вѣмъ, откуда пріясте таковой обычай и преданіе, еже есть отинудъ неподобно и козлогласованно, сему убо своимъ гласомъ поюще свой канонъ, овому же другимъ гласомъ, и бещинно сіе есть“... Въ Памятн. Павлова col. 412.

**) Стоглавника главы 16-й вторая половина, Казанск. изд. стр. 105—99.

***) Въ грамотѣ ко всѣмъ людемъ, паче же священникомъ и діакономъ, о исправленіи церковнаго пѣнія, о которой см. въ статьѣ Сахарова: „Исслѣдованія о русскомъ церковномъ пѣніи“, помѣщенной въ февральской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв. 1849 г., стр. 157 (упоминается въ царской грамотѣ о единоголасномъ пѣніи отъ 25 мая 1651 г., Акт. Эксп. т. IV, № 327, стр. 487, col. 2 fl.). „По преданію святыхъ апостолъ и по уставу святыхъ отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ и говорятъ-де голоса въ два и въ три и въ четыре, а индѣ въ пять и въ шесть“... у Сахарова (въ наказной памяти патр. Іоасафа: „говорять голосовъ въ пять и въ шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ“).

****) Указанная память тіуны Манойлову.

*****) Предшественникъ Стефана въ качествѣ благовѣщенскаго протопопа и царскаго духовника Никита Кавадъевъ упоминается въ маѣ 1644 г. (какъ одинъ изъ участниковъ въ преніяхъ съ пасторомъ королевича Вольдемара); Стефана находимъ благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ царскимъ въ сентябрѣ 1645 г., — Вивліое. VII, 242: когда въ промежуточное время онъ сталъ благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ царскимъ, остается неизвѣстнымъ. Если Алексѣй Михайловичъ не наслѣдовалъ его отъ отца († 12 іюля 1645 г.), а самъ выбралъ: то необходимо будетъ думать, что остановилъ на немъ выборъ велѣдствіе его выдающихся качествъ. Біографическихъ свѣдѣній о Стефанѣ мы никакихъ не имѣемъ (Въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ есть рукопись, содер-

было и предшественникъ Іосифа Іоасафъ)*). Но, не говоря объ исправленіи нравовъ духовенства и мірянъ, приведеніе въ надлежащій видъ безобразнаго дотолѣ богослуженія или введеніе единогогласія вмѣсто многогласія было дѣломъ вовсе не шуточнымъ. Такъ какъ введеніе единогогласія составляло то же, что значительное удлинненіе богослуженія: то противъ него самымъ рѣшительнымъ образомъ были всѣ міряне, и серьезнымъ образомъ поставленный вопросъ о немъ возбуждалъ цѣлую настоящую революцію въ обществѣ. Стефанъ Вонифатьевичъ собралъ около себя въ Москвѣ кружокъ сочувствовавшихъ ему людей, которые горячо пропагандировали его мысль о необходимости единогогласія; привлекая (на свою сторону нѣкоторыхъ провинціальныхъ протопоповъ (или же при посредствѣ государя ставилъ на протопопскія мѣста людей себѣ единомысленныхъ): но безъ оффиціального и дѣятельнаго участія патріарха и архіереевъ цѣль не могла быть достигнута. Между тѣмъ, патріархъ Іосифъ, угождая ли боярамъ, которымъ вовсе нежелательно было единогогласіе, или какъ говоритъ Шушеринъ, по тупой привязанности къ старинѣ, стоялъ за многогласіе. Это отстаиваніе патріархомъ стараго безобразія и было причиной ужасной ссоры между нимъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ. 11 февраля 1649 г., въ сборное воскресенье, патріархъ и бывшіе въ Москвѣ архіереи пришли послѣ службы въ царскія палаты. Во время представленія ихъ государю Стефанъ выступилъ съ публичною жалобой на нихъ послѣднему, которая по своему характеру была жестокой противъ нихъ бранью: они названы были волками и губителями, а не пастырями**). Послѣ такой сильной ссоры между

жащая русскій переводъ бѣлорусской книги „О образѣхъ и о крестѣ“, сдѣланный, какъ значится въ записи на рукописи, въ Великомъ Новгородѣ, „нѣкоторымъ нашимъ доброразсуднымъ и смысленнымъ мужемъ“ и изъ начальныхъ буквъ написаннаго виршами предисловія къ которой составляется акростихъ: „многогрешни поп Стефанъ словяномъ (вмѣсто: словянномъ) радоватися“. Покойный архим. Леонидъ полагаетъ, что новгородскій попъ Стефанъ, переводчикъ книги „О образѣхъ и о крестѣ“, есть именно Стефанъ Вонифатьевичъ, см. его статейку: Замѣтка объ одной старопечатной книгѣ, напечатанную въ 1 кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1880 г., и его же Описаніе рукописей Московской Духовной Академіи, вып. 2, № 12 (178), стр. 208. Нельзя сказать ничего рѣшительнаго о предположеніи ни за, ни противъ. То обстоятельство, что Стефанъ Вонифатьевичъ основалъ пустыню въ честь Зосимы и Савватія (Марчуковскую, близъ Москвы) и что въ монашествѣ самъ принялъ имя Савватія позволяетъ съ нѣкоторою вѣроятностію предполагать общее, что онъ былъ откуда-то съ сѣвера, на которомъ особенно чтились Зосима и Савватій соловецкіе).

*) Рѣчи о Стефанѣ Вонифатьевичѣ, дающія достаточное о немъ понятіе, можно читать въ указанномъ сочиненіи г. Каптерева (гл. VI).

**) См. челобитную патр. Іосифа государю на Стефана Вонифатьевича въ

духовникомъ и патриархомъ, въ которой, какъ необходимо думать, и самъ Алексѣй Михайловичъ принималъ косвенное и скрытое участіе *), не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы пытаться привлечь патриарха къ тайнѣ, о которой говоримъ. Что дѣло дѣйствительно составляло тайну, это видно изъ поведенія Арсенія Суханова по отношенію къ грекамъ: въ своихъ навѣстныхъ преніяхъ съ ними онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаиваетъ московскій взглядъ на нихъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ обличаетъ ихъ въ еретическихъ новшествахъ; но если бы онъ зналъ, по какому побужденію и съ какою цѣлю онъ посланъ былъ царемъ для описанія чиновъ и обрядовъ греческихъ, то говорилъ бы съ греками значительно инымъ тономъ, и очень можетъ быть, что и самыя его пренія съ ними не имѣли бы мѣста.

Но прежде, чѣмъ Арсеній возвратился съ Востока съ своимъ Проскинитаріемъ, въ Москвѣ совершился окончательный переворотъ мнѣнія о грекахъ. Дѣло, начатое Паисіемъ, докончили, какъ мы сказали, кievскіе ученые, которые прибыли въ Москву непосредственно въ слѣдъ затѣмъ, какъ выбылъ изъ нея патриархъ іерусалимскій. Между учеными должно разумѣть собственно одного, это — знаменитаго Епифанія Славинецкаго.

Кіевскіе ученые были вызваны царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для двухъ цѣлей: для риторскаго ученія и для справки Библіи греческія на славянскую рѣчь, т.-е. для заведенія въ Москвѣ настоящаго училища съ научнымъ образованіемъ и для повѣрки и исправленія славянскаго текста Библіи по греческому подлиннику. Первое, до нѣкоторой степени настоящее, училище было открыто въ Москвѣ при Михаилѣ Теодоровичѣ и патриархѣ Филаретѣ въ концѣ 1632 г., благодаря прибытію въ нее грека, способнаго быть учителемъ; но, просуществовавъ не много болѣе года, оно закрылось за смертію учителя (протосинкеллъ александрійскаго патриарха Іосифъ)**). Въ на-

приложеніяхъ къ указанному сочиненію г. Каптерева. Что причиной жалобы и брани Стефана, о чемъ прямо не говорится въ челобитной, было именно отставаніе патриархомъ многогласія, см. ниже.

*) По своему крайне мягкому характеру Алексѣй Михайловичъ не могъ самъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствовать противъ патриарха; но необходимо думать, что Стефанъ затѣялъ ссору съ патриархомъ съ предварительнаго согласія царя. Можно предполагать, что патриархъ и архіереи и пришли во дворецъ не по существовавшему относительно даннаго дѣя обычаю, а бывъ нарочно повзваны (сгг Выходы государей; и патриархъ говоритъ въ челобитной, что царь *указалъ* ему и архіереямъ быть у себя).

***) Впрочемъ, существованіе этого перваго училища неизвѣстно совершенно достовернымъ образомъ. Іосифъ оставленъ былъ въ Москвѣ между прочимъ затѣмъ, чтобы „учити на учительскомъ дворѣ малыхъ робятъ греческому языку

чалъ 1646 г., т.-е. уже въ правленіе Алексѣя Михайловича и при патріархѣ Іосифѣ, нѣкоторые греки, желавшіе водворить у насъ просвѣщеніе, прислали было другаго учителя (константинопольскаго архимандрита Венедикта); но этотъ учитель не понравился въ Москвѣ, главнымъ образомъ, кажется, патріарху съ его ближайшими совѣтниками, своимъ дѣйствительнымъ, или только такъ найденнымъ у насъ, ученымъ высокоуміемъ, и, проживъ въ Москвѣ годъ, былъ отпущенъ изъ нея назадъ *). Между тѣмъ, если Михаилъ Феодоровичъ съ своимъ отцомъ только не прочь были завести въ Москвѣ настоящее училище, когда представлялась къ тому возможность, то Алексѣй Михайловичъ, идя далѣе своихъ отца и дѣда и представляя собою истиннаго предтечу своего великаго сына, одушевленъ былъ положительнымъ и страстнымъ желаніемъ ввести въ Москвѣ „риторское ученіе“, т.-е. настоящее научное образованіе **). Послѣ неудачи съ учителемъ грекомъ рѣшено было обратиться къ малоруссамъ ***). Въ 1640 г. кievскій митрополитъ Петръ Могила предлагалъ Михаилу Феодоровичу, чтобы онъ въ царствующемъ своемъ градѣ казною своею царскою повелѣлъ монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кievскаго Братскаго монастыря живучи дѣтей боярскихъ и простаго чина грамотъ греческой и словенской учили. Согласно съ этимъ представленіемъ и рѣшено было поступить, только на первыхъ порахъ повести дѣло не какъ дѣло царское, а какъ дѣло

и грамотъ: но училъ ли онъ дѣйствительно, относительно этого положительныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

*) Не невозможно, что Венедиктъ имѣлъ смѣлость укорять русскихъ за ихъ мнѣніе о грекахъ.—Письмо, присланное въ Посольскій Приказъ (вѣроятно, отъ патріарха) для врученія архим. Венедикту и имѣющее своимъ содержаніемъ обличеніе послѣдняго въ высокоуміи и поученіе смиренію, см. у Н. Ѡ. Каптерева въ сочиненіи: Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 484, прим., сгг Описание ркп. Царск., № 404, л. 227, стр. 485 (Посланіе самого Венедикта къ Борису Ивановичу Морозову о семи апокалипсическихъ фіалахъ, дающее нѣкоторое основаніе предполагать, что партія царя относилась къ нему благосклонно, — у *Вострова* въ Опис. Румянц. Муз., № 380, л. 406, стр. 568).

**) Объ этомъ страстномъ желаніи Алексѣя Михайловича прямо свидѣтельствуетъ патріархъ Пайсіій въ посланіи къ нему съ обратнаго пути изъ Путивля, — Акт. южн. и западн. Россіи т. 3, № 262, стр. 328, col. 1 („о учителяхъ, что имѣли великое хотѣніе“).

***) Въ началѣ 1648 г. была напечатана въ Москвѣ грамматика Смотрискаго, „въ наученіе православнымъ, паче же дѣтямъ сущимъ“, въ началѣ 1649 г. была напечатана въ Москвѣ такъ называемый Малый катихизисъ, „ради наученія и вѣдѣнія во всемъ православнымъ христіанамъ, наипаче же дѣтемъ учащимся“: не слѣдуетъ ли это понимать такъ, что первоначально хотѣли было съ заимствованными учебниками устроить въ Москвѣ училище собственными силами?

частное. Въ 1647—48 г. приближенный къ Алексѣю Михайловичу челоуѣкъ, извѣстный Ѳѣдоръ Михайловичъ Ртищевъ, построилъ при одной церкви, находившейся на востокѣ Москвы, общежительный монастырь и созвалъ въ него до 30 малорусскихъ ученыхъ монаховъ *). Эти монахи и начали въ Москвѣ то риторское ученіе, котораго страстно желалъ Алексѣй Михайловичъ. Но скоро оказалось, что ученость монаховъ, собравшихся въ монастырь Ртищева (по всей вѣроятности: „кто съ борку, кто съ сосенки“), очень не велика и что между ними нѣтъ настоящихъ ученыхъ **). Тогда государь уже отъ своего лица обратился въ Кіевъ съ просьбой о присылкѣ настоящихъ ученыхъ. Другое, для чего нужны были Алексѣю Михайловичу кіевскіе ученые, т.-е. настоящіе ученые, это, какъ мы сказали,—повѣрка и исправленіе славянскаго текста Библии по греческому подлиннику. У насъ существовали въ печати уже всѣ богослужебныя книги, но еще не было Библии: Алексѣй Михайловичъ захотѣлъ напечатать и ее (вмѣстѣ съ Кормчею книгою, которая также оставалась еще не напечатанною). Текстъ для печати хотѣли приготовить возможно удовлетворительнымъ образомъ, повѣривъ и исправивъ его по греческому подлиннику ***); а такъ какъ въ Москвѣ не было людей, знающихъ греческій языкъ, то для нашего дѣла и требовались кіевскіе ученые. Вѣроятно, по указанію одного москвича, постригшагося въ монахи въ Кіевѣ и прибывшаго въ Москву за милостыней ****), царь просилъ кіевскія духовныя власти двумя, одна за другой, грамотами, отъ неизвѣстнаго

*) Когда именно Ртищевъ построилъ свой Андреевскій монастырь, положительно остается неизвѣстнымъ. Но мы знаемъ, что нѣкоторые ученики монаховъ его монастыря не позднѣе начала 1650 г. уѣхали въ Кіевъ доучиваться тамъ по-латыни.—*Соловьева* Ист. т. X, 2 изд., стр. 150; у *Каптерева* въ сочиненіи: „Патріархъ Никонъ и его противники“, стр. 140, прим. (Въ Очеркѣ собранія рукописей Ундольскаго, принадлежащемъ покойному Викторову, говорится, что въ одной изъ рукописей собранія есть историческія свѣдѣнія о Ртищевскомъ братствѣ, — стр. 5. По наведеннымъ нами справкамъ, свѣдѣнія не заключаютъ въ себѣ ничего новаго).

***) Слич. предыдущее примѣчаніе. Представлять дѣло такъ, какъ мы его представляемъ, нѣтъ положительныхъ основаній; но необходимо представлять его такъ на основаніи очевидныхъ соображеній: еслибы между монахами Андреевскаго монастыря были настоящіе ученые, то Алексѣю Михайловичу не было бы никакой нужды обращаться въ Кіевъ съ просьбою о новыхъ ученыхъ.

****) За время, пока русскіе не перемѣнили мнѣнія о грекахъ, подъ греческимъ подлинникомъ долженъ быть разумѣемъ подлинникъ древнихъ рукописей.

*****) Нѣкоего старца Марка. Съ первой грамотой, адресованной, за небытностью въ Кіевѣ митрополита Сильвестра Коссова, къ епископу черниговскому Зосимѣ, былъ посланъ этотъ старецъ Маркъ (у *Каптерева*, стр. 20); но что онъ отправился изъ Москвы не ранѣе начала 1649 г., см. Акты южн. и западн. Россіи, т. 3, дополн. № 15, VII.

начала 1649 года и отъ 14-го мая того же года, прислать ему учителей Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, изъ которыхъ первый былъ монахомъ Братскаго, а второй Печерскаго монастыря. Дамаскинъ Птицкій не былъ посланъ (онъ пріѣхалъ въ Москву нѣсколько послѣ, въ концѣ 1650 года), а вмѣсто него съ Арсеніемъ Сатановскимъ былъ посланъ іеромонахъ того же Братскаго монастыря Епифаній Славинецкій. Арсеній и Епифаній прибыли въ Москву 12 іюля 1649 г. *).

Два прошенныхъ учителя, — Арсеній и Дамаскинъ, ничѣмъ не ознаменовали себя на Москвѣ и тотчасъ же по прибытіи въ нее канули въ безвѣстность, но третій, не прошенный и случайно присланный, т. е. Епифаній, помимо своей весьма обширной дѣятельности литературной (преимущественно посвященной переводамъ съ греческаго и латинскаго, какъ того требовали обстоятельства и нужды времени), помимо своей дѣятельности въ качествѣ исправителя богослужебныхъ книгъ, помимо того, что для одной и для другой дѣятельности приготовилъ и оставилъ такого по себѣ продолжателя, какъ монахъ Евѣимій, наконецъ — помимо своего участія въ дѣлахъ церковныхъ въ качествѣ человѣка, подающаго свой компетентный голосъ, имѣеть еще и ту весьма важную и всего ббльшую заслугу, что окончательно совершилъ на Москвѣ перемѣну взгляда на позднѣйшихъ грековъ и что такимъ образомъ косвенно былъ однимъ изъ виновниковъ никоновскаго исправленія книгъ. Если изъ троихъ присланныхъ выдвинулся и сталъ вліятельнымъ дѣятелемъ именно онъ, — Епифаній: то, само собою понятно, потому, что онъ возвышался надъ остальными двумя и что онъ способенъ былъ стать вліятельнымъ дѣятелемъ **). Сейчасъ мы выразились, что Епифаній окончательно совершилъ на Москвѣ перемѣну взгляда на позднѣйшихъ грековъ: не безъ причины выразились мы такъ общо, не указывая на Никона, какъ на лицо, въ которомъ совершилъ Епифаній перемѣну. Первые сомнѣнія въ справедливости прежняго взгляда пошли отъ Никона, бывъ плодомъ его бесѣдъ съ патріархомъ Паисіемъ; но что касается до окончательнаго признанія неосновательности взгляда, то существуетъ вся вѣроятность думать, что дѣло происходило не такъ, чтобы Епифаній успѣлъ достигнуть этого по отношенію къ Никону, а Никонъ по отно-

*) Встрѣтившись съ возвращавшимся изъ Москвы патріархомъ Паисіемъ въ Путивлѣ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вызывать кіевскихъ ученыхъ, московское правительство воспользовалось случаемъ приобрести и греческаго ученаго: разумѣемъ оставленіе въ Москвѣ спутника Паисіева извѣстнаго Арсенія грека.

***) Первоначально онъ выдвинулся случайнымъ образомъ. Въ кіевскихъ ученыхъ нужны были люди, знающіе греческій языкъ, между тѣмъ спутникъ его Арсеній Сатановскій не зналъ этого языка, а зналъ одинъ латинскій языкъ.

шенію къ царю и другимъ. Въ минуту прїѣзда въ Москву, 12 іюля 1649 года, кіевскихъ ученыхъ Никонъ находился въ Новгородѣ, на митрополичью кафедру котораго онъ былъ поставленъ четыре мѣсяца назадъ, и не прїѣзжалъ въ Москву по крайней мѣрѣ до зимы 1649—50 г. *). Слѣдовательно, до этой зимы не могъ онъ видѣть и Епифанія. Между тѣмъ, мы имѣемъ основаніе полагать, что въ Москвѣ окончательная перемѣна взгляда если не вполне совершилась, то по крайней мѣрѣ началась прежде, чѣмъ Никонъ могъ видѣть Епифанія. Сильвестръ Медвѣдевъ въ своемъ „Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ“ утверждаетъ, что послѣдній перевелъ литургію Іоанна Златоустаго съ греческаго языка на славянскій лѣта 7157, что должно быть разумѣемо объ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ 1649 г., ибо сентябрь 1649 г. по тогдашнему сентябрьскому счету былъ уже лѣтомъ 7158. Данное Епифанію тотчасъ послѣ его прибытія въ Москву порученіе перевести литургію Златоустаго съ греческаго языка на славянскій несомнѣнно и ясно находится въ связи съ вопросомъ о нашемъ взглядѣ. По всей вѣроятности, дѣло нужно понимать не такъ, чтобы Епифаній тотчасъ же по своемъ прибытіи въ Москву успѣлъ убѣдить, кого надлежало, въ томъ, что должно исправлять славянскія книги по греческому подлиннику, а такъ, что въ Москвѣ тотчасъ послѣ его прибытія въ нее пожелали узнать и видѣть, насколько наша славянская литургія разнится отъ современной греческой или наоборотъ насколько современная греческая литургія разнится отъ нашей славянской. Но во всякомъ случаѣ это желаніе и крайнее нетерпѣніе, съ которымъ хотѣли удовлетворить себя относительно него, ясно показываютъ, что вопросомъ, который первоначально возбужденъ былъ Никономъ, живѣйшимъ образомъ интересовались и помимо него. А если живѣйшимъ образомъ интересовались вопросомъ, то ясно, что нисколько не были противъ возможности того, чтобы онъ рѣшенъ былъ въ пользу грековъ, ибо иначе разслѣдованію дѣла предпочитали бы невѣдѣніе. Заинтересованныхъ вопросомъ и посвященныхъ въ его предварительную тайну людей, кромѣ Никона, какъ сказали мы выше, должно быть предполагаемо

*) Что послѣ своего прибытія въ Новгородъ 24 марта 1649 г. Никонъ оставался въ немъ лѣто нашего года, это мы знаемъ положительно,—см. у *Соловьева* въ Ист. т. X, 2 изд., стр. 164 фп.. Прїѣздъ Никона въ Москву зимой 1649 — 50 г. долженъ быть предполагаемъ на основаніи показанія Шушерина, который говоритъ, что бывъ митрополитомъ новгородскимъ, Никонъ, по приказанію государя, каждую зиму прїѣзжалъ въ Москву, при чемъ въ этотъ разъ, какъ видно изъ одной грамоты Алексѣя Михайловича къ Никону, — Акт. Экспед. т. IV, № 42, если только въ грамотѣ для соблюденія принятой формы и къ присутствующему не пишется какъ къ отсутствующему, раннимъ срокомъ прїѣзда можетъ быть полагаемо лишь самое Рождество 1649 г..

еще трое: самъ царь Алексѣй Михайловичъ, духовникъ его протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ и его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Самъ царь, сколько знаемъ, не имѣлъ личныхъ сношеній съ Епифаніемъ, и слѣдовательно—первый, кто велъ съ нимъ непосредственныя рѣчи о грекахъ, съ цѣлью рѣшенія вопроса о нихъ, и кто тотчасъ же болѣе или менѣе былъ расположенъ имъ въ пользу грековъ, чтобы расположить и остальныхъ двоихъ, былъ или Стефанъ Вонифатьевичъ или Борисъ Ивановичъ. Между двумя лицами — духовникомъ и свѣтскимъ, конечно, вся вѣроятность думать о первомъ, а не о второмъ, а такимъ образомъ Стефану Вонифатьевичу должна быть усвоена вмѣстѣ съ Никономъ честь перваго двигателя нашего весьма важнаго вопроса къ тому его рѣшенію, которое онъ получилъ. Отъ сентября 1649 г. по конецъ іюля 1652 г., когда Никонъ былъ поставленъ въ патріархи, прошло времени два года безъ мѣсяца. Мы имѣемъ основаніе утверждать, что Никонъ ставился въ патріархи уже съ рѣшоннымъ намѣреніемъ предпринять исправленіе обрядовъ и книгъ, а слѣдовательно — и съ измѣненнымъ взглядомъ на грековъ; но когда въ продолженіе нашего времени онъ вмѣстѣ съ государемъ, названными двоими и можетъ быть и нѣкоторыми другими совѣтниками государя, посвященными въ тайну (между которыми весьма вѣроятно думать по крайней мѣрѣ объ одномъ — Фѣдорѣ Михайловичѣ Ртищевѣ), окончательно измѣнили взглядъ на грековъ, положительно сказать этого мы не въ состояніи. Очень можетъ быть, что это имѣло мѣсто въ первый же пріѣздъ его изъ Новгорода въ Москву, который по нашимъ свѣдѣніямъ долженъ быть относимъ къ зимѣ 1649—50 г. *). Но если мягкій Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ навязывать новаго взгляда на грековъ престарѣлому патріарху Іосифу, съ тѣмъ чтобы заставить его предпринять исправленіе обрядовъ и книгъ, а предпочиталъ ожидать его смерти: то не могло быть для него и побужденій заявлять свой новый взглядъ какими-нибудь совершенно ясными дѣйствіями. Напротивъ, онъ долженъ былъ таить отъ патріарха свой новый взглядъ и соединенное съ нимъ или необходимо вытекавшее изъ него рѣшеніе предпринять исправленіе обрядовъ и книгъ, чтобы не огорчать патріарха напраснымъ и безцѣльнымъ образомъ. Такъ это дѣйствительно и было **). А поэтому и мы поставлены въ невозмож-

*) Показаніе Шустерина.

**) Что Алексѣй Михайловичъ и его совѣтники дѣйствительно хранили въ тайнѣ до смерти патр. Іосифа свою перемѣну взгляда на грековъ, относительно этого мы имѣемъ прямыя указанія. Стефанъ Вонифатьевичъ несомнѣнно былъ одинъ изъ числа перемѣнившихъ взглядъ и однимъ изъ главныхъ въ этомъ числѣ; между тѣмъ люди, возставшіе потомъ противъ исправленія Никонова, хлопотали было, чтобы онъ былъ поставленъ въ патріархи на мѣсто Іосифа.

ность указать,—что впрочем и не особенно важно, когда именно въ продолженіе указаннаго нами времени случилось, что государь вмѣстѣ съ Никономъ и другими своими совѣтниками окончательно перемѣнилъ свой взглядъ на позднѣйшихъ грековъ *).

Но какимъ образомъ Епифанію удалось достигнуть того, чтобы окончательно перемѣнить въ Москвѣ взгляды на грековъ? Когда относительно какого-либо дѣла мы не знаемъ прямо, какъ оно происходило, то, конечно, въ отвѣтъ на вопросъ о немъ могутъ имѣть съ нашей стороны мѣсто только рѣчи, которыя представляются намъ наиболѣе вѣроятными. Прибывъ въ Москву и узнавъ про здѣшніе взгляды на грековъ, услышавъ здѣшнія рѣчи о нихъ, Епифаній долженъ былъ придти въ величайшее изумленіе, ибо ничего подобнаго не было въ кievской Руси. Можетъ быть, и тамъ начинали было одно временно съ Москвой слагаться тѣ своеобразные взгляды на обычаи церковные, слѣдствіемъ которыхъ были московскіе взгляды на позднѣйшихъ грековъ; но тамъ явилось просвѣщеніе, которое должно было подавить зачатки взглядовъ. И не только во времена Епифанія не было ничего подобнаго въ кievской Руси, но напротивъ тамъ, ведя борьбу съ латинянами и уніатами, самымъ нарочитымъ и самымъ настоятельнымъ образомъ доказывали неповрежденность православія у грековъ (ибо латиняне, привлекая къ папѣ югозападныхъ русскихъ, старались доказывать имъ, съ одной стороны, будто греки приняли было флорентійскую унію, а съ другой стороны—будто у грековъ подъ игомъ турецкимъ пало христіанство). Въ Кіевѣ горячо

*) Въ послѣсловіи къ Шестодневу (собранію дневныхъ службъ недѣли), напечатанному въ концѣ 1650 г., дѣлается новое противъ того, какое положено въ самомъ текстѣ книги, предписаніе относительно гнѣнія кондаковъ на павечерницахъ и полуночницахъ по трисвятомъ и на заутрени по шестой гнѣсни, и въ объясненіи предписываемой поправки говорится: „понеже и въ греческихъ переводахъ (спискахъ, экземплярахъ) по сему же уставу (какъ предписывается въ послѣсловіи) обрѣтохомъ, сего ради и послѣдующе сему также указахомъ и положихомъ на концѣ книги сея; на ряду же (въ самомъ текстѣ Шестоднева) указанному не дивится никто же, ниже смущается о семъ, зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ“. Дополнительное предписаніе, содержащее поправку, несомнѣнно принадлежитъ Епифанію Славинецкому, относительно участія котораго въ печатаніи богослужебныхъ книгъ въ 1650 г. мы имѣемъ и положительное свидѣтельство (см. у Медвѣдова въ Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ, § 23, св. Аванасій). Но заключать отъ этого предписанія, чтобы къ концу 1650 г. уже окончательно совершилась въ Москвѣ перемѣна взгляда на грековъ, нѣтъ достаточнаго основанія. Поправка, которая дѣлается предписаніемъ, весьма могла быть допущена и при существованіи стараго взгляда на грековъ подъ условіемъ, что за нее говорили древнія греческія книги (такъ, патріархъ Іоасафъ I-й на основаніи между прочимъ греческихъ книгъ выключилъ изъ Требника 1636 г. чинъ священническаго погребенія).

доказывали неповрежденность православія у грековъ и ихъ твердую преданность ему, а въ Москвѣ держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они измѣнили чистотѣ православія древнихъ грековъ и напринимали еретическихъ новшествъ! Совершенно естественно было, чтобы Епифаній выступилъ самымъ жаркимъ апологетомъ грековъ, и такъ какъ люди уже имѣли уши отверстыя и приготовленныя къ слушанію апологіи (разумѣемъ патр. Паисія), то и случилось, что она возымѣла свое полное дѣйствіе и что послѣ начала, положеннаго патр. Паисіемъ, привела къ концу, т. е. чтобы на Москвѣ окончательно перемѣнили взглядъ на позднѣйшихъ грековъ. Наше московское убѣжденіе относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они заразились еретическими новшествами, проистекало изъ нашего своеобразнаго взгляда на церковные обычаи; но, разумѣется, мы этого не еознавали (ибо никто не сознаетъ своего недоразумѣнія, иначе послѣднее не можетъ имѣть и мѣста) и искали объяснять дѣло внѣшними причинами. Какъ на внѣшнія причины мы указывали именно на то, что было опровергаемо въ кievской Руси (т. е. будто бы греки принимали флорентійскую унію, будто бы пало у нихъ христіанство подъ игомъ турецкимъ), и слѣдовательно — Епифанію оставалось только пользоваться уже готовыми (уже разработанными и надлежаще поставленными) доказательствами. Должно думать, что собственный живой примѣръ кievской Руси представлялся для московскихъ людей (тѣхъ немногихъ, о которыхъ идетъ рѣчь) особенно убѣдительнымъ доказательствомъ. Не трудно было доказать отъ простаго здраваго смысла, что турки, какъ иновѣрцы, не могли повредить у грековъ православія; но недостаточно было одного здраваго смысла, чтобы доказать, что греки не заимствовали ересей отъ латинянъ, ибо тутъ было нѣчто само по себѣ возможное, и въ этомъ-то случаѣ живой примѣръ кievской Руси и могъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ. Если кievскіе русскіе, ведя упорнѣйшую и кровавую борьбу съ латинянами, въ то же время горячо защищали неповрежденность православія у грековъ, то съ слишкомъ большою наглядностью ясно было, что они не признавали справедливости того, будто греки заражены были латинскими ересями. Слѣдовательно, для московскихъ Русскихъ могъ возникать только вопросъ: не ошибались ли кievскіе Русскіе относительно грековъ? Но въ то именно самое время московскіе русскіе сознали превосходство кievскаго просвѣщенія надъ своимъ невѣжествомъ; а такимъ образомъ они должны были допускать и признавать, что имъ—московскимъ русскимъ съ ихъ невѣжествомъ естественнѣе было ошибаться на счетъ грековъ, чѣмъ кievскимъ русскимъ. При этомъ должна была возставать передъ глазами людей великая тѣнь только что умершаго Петра Могилы (31 декабря 1646 г.).

Петръ Могила торжественно призналъ неповрежденность православія у грековъ чрезъ то, что представилъ на ихъ соборное разсмотрѣніе и утвержденіе составленный имъ катихизисъ (Православное исповѣданіе вѣры): неужели и онъ, человекъ такого разума и такой ревности о православіи, могъ ошибаться относительно грековъ *)? Это обстоятельство, что тогда именно московскіе русскіе возвысились до того, чтобы сознать превосходство просвѣщенія надъ невѣжествомъ, доставляло Епифанію возможность ближайшимъ образомъ убѣждать ихъ въ ошибочности ихъ взгляда на позднѣйшихъ грековъ. На разности съ нами грековъ въ церковныхъ обычаяхъ у насъ смотрѣли какъ на допущенныя ими еретическія новшества. Но ясно, что новшества легче было допустить людямъ невѣжественнымъ, каковы были мы, нежели людямъ образованнымъ, каковы были греки; а такимъ образомъ, опираясь на это, признанное тогда московскими русскими, превосходство просвѣщенія надъ невѣжествомъ, Епифаній и имѣлъ возможность убѣдить ихъ, что еретическія новшества допущены не греками, а наоборотъ нами самими, вслѣдствіе нашего невмѣняемаго невѣжества **).

Мы сказали выше, что Никонъ вступилъ на патриаршій престолъ уже съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ произвести исправленіе обрядовъ и книгъ. Это ясно видно изъ его поведенія при восшествіи на престолъ. Прежде чѣмъ изъяснить свое согласіе на принятіе сана

*) А что Петръ Могила былъ весьма почитаемъ на Москвѣ еще и при патр. Іосифѣ, видно изъ того, что въ 1649 г. напечатанъ въ Москвѣ его Краткій катихизисъ и что въ томъ же 1649 г. сдѣланы нѣкоторыя заимствованія изъ его Требника для здѣшней печатной Кормчей книги (глава Кормчей 51, О тайнѣ супружества, сіестъ законнаго брака).

***) Въ предисловіи къ первоисправленному служебнику 1655 г. дѣло о принятіи Никономъ рѣшенія исправлять обряды и богослужебныя книги представляется такъ, что будто бы самъ онъ самостоятельнымъ образомъ принялъ это рѣшеніе. Почему дѣло не представляется такъ, какъ оно было, это совершенно понятно: представлять его такъ, какъ оно было, т. е. что почти все зависѣло отъ прихода въ Москву кievскаго монаха, должно было бы казаться оскорбительнымъ для чести московскихъ русскихъ и для чести самого Никона и вообще было бы не удобно (а если Никонъ долженъ былъ приписать инициативу самому себѣ, то, конечно, должны были явиться и объясненія, какъ это случилось; относительно дѣянія константинопольскаго собора объ учрежденіи нашего патриаршества, рѣчи котораго о потребленіи изъ церковныхъ огражденій всякой новины будто бы подали Никону первую мысль объ исправленіи, необходимо думать, что оно найдено было имъ вовсе не случайно, а намѣренно, для той первоначальной цѣли, чтобы переводъ его помѣстить въ прибавленія къ Кормчей книгѣ, и что только уже потомъ сдѣлано имъ изъ него новое употребленіе; что прибавку къ символу Никонъ не узялъ на саккосѣ Фотія, а узналъ о ней изъ указанія константинопольскаго патриарха Паисія, это мы знаемъ положительно, — посланіе Паисія къ Никону, и объ этомъ, въ

патріаршаго, онъ потребоваль, чтобы ему дано было всѣми торже- ственное обѣщаніе, что будутъ слушаться его какъ пастыря и отца во всемъ, что онъ будетъ возвѣщать о догматахъ Божіихъ и о пра- вилахъ *). Предъявлять это необычное требованіе Никонъ не имѣлъ никакихъ побужденій для себя въ прошедшемъ, ибо прошедшее во- все не представляло примѣровъ того, чтобы не слушались патріарха, и очевидно, что онъ имѣлъ въ виду не прошедшее, а будущее, т. е. что онъ опасался неповиновенія и сопротивленія себѣ относительно уже рѣшеннаго имъ исправленія обрядовъ и книгъ.

Прежде чѣмъ обращаться къ другому, поставленному нами, во- просу, мы должны сказать о новомъ, не особенно давно явленномъ, мнѣніи относительно предшествоващаго вопроса. Новое мнѣніе при- надлежитъ нашему бывшему достопочтенному сотоварищу Н. Ѡ. Кап- тереву и состоитъ въ томъ, что существовавшій у насъ погрѣши- тельный взглядъ на позднѣйшихъ грековъ перемѣнилъ не Никонъ, а еще его предшественникъ Іосифъ и что „Никонъ въ своей дѣя- тельности только продолжалъ то, начало чему было положено при его предшественникѣ“ (см. нѣсколько разъ упомянутое нами выше изслѣдованіе г. Каптерева: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“).

Оправдывая себя извѣстнымъ: *magnus amicus Plato, sed magis*

странное противорѣчіе себѣ, прямо говорится и въ самомъ предисловіи къ слу- жебнику). Для тѣхъ, кто не хочетъ знать никакого „дѣло такъ должно было быть“, т. е. не признаетъ никакой исторической вѣроятности или правдоподоб- ности самой по себѣ и вѣрить только прямымъ и яснымъ свидѣтельствамъ, мы имѣемъ, къ счастью, и это прямое и ясное свидѣтельство: существуетъ записка объ исправленіи Библии при Алексѣѣ Михайловичѣ, авторъ которой не назы- ваетъ себя по имени, но очевидно есть современникъ и болѣе чѣмъ вѣроятно— ученикъ Епифаніевъ Евемій; въ запискѣ этой прямо и ясно говорится, что Никонъ началъ исправлять богослужебныя книги вслѣдствіе представленій Епифанія, см. въ Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина подъ сл. Епифаній 2 изд. I, 179. Мы сказали выше, что кіевскіе ученые и въ числѣ ихъ Епифаній были вызваны въ Москву для риторскаго ученія и для справки Библии съ греческаго на славянскую рѣчь. Въ слѣдствіе предпринятаго исправленія богослужебныхъ книгъ, при чемъ Епифаній сталъ однимъ изъ главныхъ работниковъ, и то и другое отошло на задній планъ.

*) Что дѣло дѣйствительно было такъ, это несомнѣнно доказывается однимъ изъ писемъ Никона къ Алексѣю Михайловичу, въ которомъ онъ говоритъ о полученіи имъ помянутаго обѣщанія: лгать и сочинять Никону предъ самимъ царемъ было бы нѣчто невозможное. Равнымъ образомъ, фактъ былъ признанъ и самимъ государемъ во время производства суда надъ Никономъ (только съ заявленіемъ спора противъ той широты обѣщанія, которую придавалъ послѣд- нему Никонъ въ посланіи къ патр. Діонисію). См. также у *преосв. Макарія* въ Ист., т. XII, стр. 6—7 и стр. 241, прим..

amica veritas, мы должны рѣшительнымъ образомъ высказаться противъ справедливости новаго мнѣнія г. Каптерева. Перемѣна взгляда на грековъ, какъ говорили мы выше, дѣйствительно совершалась у насъ въ послѣдніе годы патріаршества Іосифа; но она совершилась помимо него и даже какъ бы тайкомъ, въ секретѣ отъ него, при враждебномъ къ нему отношеніи указаннаго выше кружка людей, съ царемъ во главѣ, который возвысился до того, чтобы переимѣнить взглядъ. Что же касается до самого Іосифа, то несомнѣнно, что ранѣе того, какъ началась независимая отъ него переимѣна взгляда на грековъ, онъ вовсе не переимѣнялъ этого взгляда и продолжалъ оставаться при томъ же взглядѣ, что и его предшественники. Если бы еще патр. Іосифъ ранѣе Никона переимѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ: то имъ бы еще и предпринято было исправленіе обрядовъ и книгъ: одно столько же необходимо предполагаетъ другое, сколько необходимымъ образомъ предполагается, что если я созналъ ошибку и если я имѣю добрую волю и возможность исправить ее, то я тотчасъ же ее и исправляю. Дѣло имѣетъ себя именно такимъ образомъ, и какъ предполагать о комъ-нибудь, что онъ созналъ свою ошибку, имѣетъ желаніе и возможность исправить ее и въ то же время не исправляетъ ее, есть совершенная несообразность по существу и логическое противорѣчіе: такъ предполагать и о патріархѣ Іосифѣ, чтобы онъ переимѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ и однако не предпринялъ исправленія обрядовъ и книгъ, было бы такою же несообразностью. Старый взглядъ нашъ на позднѣйшихъ грековъ состоялъ въ томъ, что ихъ обрядовыя разности съ нами были признаваемы у насъ за ихъ еретическія и погрѣшительныя новшества; переимѣнить взглядъ на нихъ значило признать, что еретическія и погрѣшительныя новшества не у нихъ, а у насъ самихъ. Но если это такъ, то патріархъ Іосифъ, сознавъ, что русская церковь заражена (безсознательно для себя) еретическими и погрѣшительными новшествами, конечно, вмѣстѣ съ симъ и неотдѣлимо отъ сего долженъ бы былъ возимѣть желаніе устранить новшества и тотчасъ же на самомъ дѣлѣ предпринять ихъ устраненіе; а слѣдовательно,—если онъ не сдѣлалъ или не предпринималъ дѣлать этого послѣдняго, то и предполагать о немъ, будто онъ переимѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ, тогда какъ онъ не предпринималъ исправленія обрядовъ и книгъ, значить допускать относительно него указанныя нами поспехи и несообразность, что человекъ созналъ ошибку, имѣлъ желаніе и возможность исправить ее и въ тоже время не исправилъ ее. Такимъ образомъ, если патріархомъ Іосифомъ не было предпринимаво исправленія обрядовъ и книгъ, то изъ сего необходимо слѣдуетъ или этимъ необходимо предполагается, что онъ не переимѣнялъ и взгляда

на позднѣйшихъ грековъ *). Г. Каптеревъ не обратилъ вниманія на бросающіяся въ глаза частности. Главную еретическую новизну позднѣйшихъ грековъ составляло, по мнѣнію русскихъ, то, что для крестнаго знаменія они употребляли троеперстіе, а не двуперстіе. Если бы патріархъ Іосифъ перемѣнилъ взглядъ на грековъ и слѣдовательно призналъ православной стариной это троеперстіе, а бывшее у насъ двуперстіе—еретической новизной, то онъ долженъ былъ бы озаботиться, чтобы ввести у насъ первое въ общее употребленіе вмѣсто втораго. Но что же видимъ на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ видимъ какъ разъ обратное, а именно — что патріархъ Іосифъ приложилъ усерднѣйшія старанія, чтобы ввести у насъ въ общее употребленіе именно тотъ способъ перстосложенія, который въ случаѣ перемѣны взгляда на грековъ онъ долженъ бы считать за еретическое у насъ нововведеніе, т. е. двоеперстіе. Позабылъ г. Каптеревъ и про Арсенія Суханова. Если уже патріархъ Іосифъ перемѣнилъ свой взглядъ на грековъ, то какая была цѣль отправлять Суханова на Востокъ и съ какой стати патріархъ, перемѣнившій свой взглядъ на грековъ, захотѣлъ бы послать человѣка, который такъ фанатически держался стараго взгляда? Конечно, г. Каптеревъ не представляетъ дѣла такъ, что патріархъ Іосифъ перемѣнилъ взглядъ на грековъ, но что еще не перемѣнялъ его царь Алексѣй Михайловичъ (а эта подача Сухановымъ царю и патріарху, послѣ того какъ въ Москвѣ произошла перемѣна взгляда на грековъ, своего „Пренія“, въ которомъ онъ такъ беспощадно обличаетъ послѣднихъ съ точки зрѣнія стараго взгляда, была бы ничѣмъ инымъ, какъ дерзкимъ и тяжкимъ оскорбленіемъ царя и патріарха! **). Наконецъ, г. Каптеревъ или считаетъ патр. Никона за наглого лжеца и хвастуна, чего мы,

*) Правда, въ настоящей своей книгѣ г. Каптеревъ утверждаетъ, будто взглядъ на мнимыя новшества грековъ какъ на ереси не былъ у насъ взглядомъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ. Но, во-первыхъ, онъ долженъ при этомъ противорѣчить себѣ такимъ образомъ, чтобы признавать и не признавать Стоглавый соборъ за представителя нашей церкви (стр. 26); во-вторыхъ, отвѣтимъ ему слѣдующее: патріархъ Никонъ, перемѣнивъ свой взглядъ на позднѣйшихъ грековъ, но не перемѣнивъ своего взгляда на обычаи церковные, по отношенію къ нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ разностямъ нашимъ съ греками велъ себя такъ, что несомнѣнно признавалъ ихъ за ереси (см. объ этомъ ниже); въ-третьихъ, мы напомнимъ ему, что соборъ 1666 г. началъ свои дѣянія съ вопросовъ: „какъ должно есть нещевати о святѣйшихъ патріарсѣхъ греческихъ, суть ли они православни?.. что о книгахъ греческихъ печатныхъ и древнихъ рукописныхъ держати годствуеть, суть праведныя и достовѣрныя“?

**) И еслибы уже патріархъ Іосифъ перемѣнилъ взглядъ на грековъ, то какъ бы Арсеній не отъ своего собственнаго лица, а отъ лица всѣхъ русскихъ, постоянно твердилъ грекамъ, что у насъ на Москвѣ смотреть на нихъ такъ-то и такъ-то?

разумѣется, не думаемъ, или онъ упустилъ изъ виду то, какъ Никонъ представляетъ задуманное имъ исправленіе обрядовъ и книгъ въ своихъ извѣстныхъ возглашеніяхъ къ собору 1654 г., т. е. что Никонъ представляетъ его какъ дѣло совершенно новое, предпринимаемое и начинаемое именно имъ *).

Что патр. Іосифъ не перемѣнялъ взгляда на позднѣйшихъ грековъ, это составляетъ (по вышесказанному) нѣчто безусловно и такъ сказать математически несомнѣнное. Если же такъ, то, очевидно, не можетъ существовать доказательствомъ противнаго и приводимое въ качествѣ таковыхъ доказательствъ, какъ противорѣчащее несомнѣнному, есть или что либо невѣрное и несуществующее или же что либо требующее иного объясненія, нежели какое дается. Г. Каптеревъ приводитъ слѣдующія доказательства того, будто патр. Іосифъ прежде Никона перемѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ: 1) при Іосифѣ напечатаны въ Москвѣ замствоваанные изъ кievской Руси два полемическіе сборника противъ латинянъ съ униатами и противъ лютеранъ (Кириллова книга и Книга о вѣрѣ), въ которыхъ настоятельно доказывается неповрежденность православія позднѣйшихъ грековъ; 2) самъ патр. Іосифъ въ своихъ посланіяхъ къ королевичу Вольдемару прямо и ясно говоритъ объ этой неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ; 3) патр. Іосифъ самымъ дѣломъ засвидѣтельствовалъ то, что онъ не считалъ поврежденнымъ православіе у позднѣйшихъ грековъ: онъ обращался къ константинопольскому патриарху съ особою грамотою, въ которой просилъ у него разрѣшенія нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ; 4) Іосифовскіе справщики ясно высказывали мысль, что наши русскія богослужебныя книги должно исправлять по книгамъ греческимъ. Три первыя изъ этихъ доказательствъ представляютъ собою то, чему долженъ быть придаваемъ иной смыслъ, нежели какой придается, а четвертое доказательство или составляетъ невѣрную (недоумѣнную) ссылку на то чего на самомъ дѣлѣ не было или же подходитъ подъ одну категорію съ тремя первыми доказательствами. Если въ Москвѣ при патриархѣ Іосифѣ были напечатаны два южнорусскіе полемическіе сборника, въ которыхъ настоятельно защищается неповрежденность православія у позднѣйшихъ грековъ, то московскіе русскіе, печатая у себя сборники и не выпуская изъ нихъ рѣчей о неповрежденности православія у грековъ, могли понимать эти послѣднія не въ безусловномъ, а ограниченномъ смыслѣ, а именно—признавать, что неповреждено православіе у грековъ, насколько они согласны съ нами,

*) А свидѣтельства, что самъ Никонъ до востествія на патриаршіи престолъ смотрѣлъ на грековъ такъ же, какъ и тѣ, которые воиставили противъ его исправленія?

но при этомъ подразумѣвать, что оно у нихъ повреждено, насколько они съ нами несогласны *). Самые сборники должны были оправдывать такой образъ пониманія московскихъ русскихъ и заставлятъ ихъ думать, что и южные русскіе понимаютъ дѣло такъ же: въ нихъ защищается неповрежденность православія у грековъ и въ то же время сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія предписывается не греческое, а московское, не троеперстіе, а двоеперстіе **). Что такой образъ пониманія былъ возможенъ со стороны московскихъ русскихъ, это доказывается намъ дѣйствительнымъ примѣромъ такого пониманія: филаретовскіе справщики—игуменъ Илія и Григорій Онисимовъ оставили въ катихизисѣ Лаврентія Зизанія неприкосновенными его слова, что „греки и до сего времени цѣлу и нерушиму сохраняютъ вѣру Христову“ и въ то же время сдѣлали ему свое извѣстное заявленіе о неприемлемости на Москвѣ греческихъ печатныхъ книгъ, какъ болѣе или менѣе поврежденныхъ. Патр. Іосифъ въ своихъ посланіяхъ къ королевичу Вольдемару прямо и ясно говоритъ о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ именно въ сейчасъ указанномъ нами смыслѣ, т. е. разумѣя его неповрежденность въ отношеніи къ тѣмъ пунктамъ, которые составляли предметъ спора между нами и лютеранами и въ отношеніи къ которымъ православіе позднѣйшихъ грековъ и на самомъ дѣлѣ признавалось на Москвѣ неповрежденнымъ. Но что патр. Іосифъ признавалъ неповрежденность православія позднѣйшихъ грековъ (по колику въ собственномъ вѣрученіи мы были согласны съ ними) и не признавалъ ея (насколько они разнились съ нами въ обрядахъ), видно изъ того, что самъ онъ писалъ королевичу о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, а что одинъ изъ его представителей въ спорахъ съ пасторомъ королевича, Иванъ Насѣдка, говорилъ о поврежденности православія у позднѣйшихъ грековъ. Если патр. Іосифъ въ 1650 г. обращался къ константинопольскому патриарху Пареевию съ просьбой дать отвѣтъ на нѣкоторые вопросы: то опять это можетъ быть понимаемо не такъ, чтобы онъ перемѣнилъ мнѣніе о грекахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ обязательный авторитетъ патриарха константинопольскаго въ вопросахъ вѣро-и-обрядо-ученія. Дѣло шло тутъ главнымъ образомъ объ единогласномъ чтеніи и пѣніи.

*) Полагаемъ, что такъ именно понимаютъ дѣло и старообрядцы, весьма уважающіе наши сборники.

***) Объ этомъ согласіи южной Руси съ Москвою относительно перстосложенія, причѣмъ въ южной Руси вовсе не было усвоено ему того значенія, какое было усвоено ему въ Москвѣ, см. ниже въ особой статьѣ о перстосложеніи.

Будучи страшно удержимъ своими противниками за нерасположеніе къ введенію единогласія, патріархъ Іосифъ, естественно, желалъ оправдать себя ссылкой на какой-нибудь авторитетъ, который былъ признаваемъ его противниками, и такъ какъ онъ зналъ, что его противники склоняются къ тому, чтобы признавать авторитетъ патріарха константинопольскаго (ибо тайна, которою царь покрывалъ дѣло съ своими совѣтниками, конечно, не утаилась отъ него), то онъ и могъ обратиться къ патріарху въ тщетной (можетъ быть, внушенной ему какимъ-нибудь греческимъ проходимцемъ) надеждѣ, что получитъ отъ послѣдняго отвѣтъ, на который можно будетъ ему сослаться въ свое оправданіе *). Что іосифовскіе справщики ясно высказывали мысль о необходимости исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ по книгамъ греческимъ, это утверждается на томъ основаніи, что въ предисловіи къ грамматикѣ Смотрицкаго, напечатанной ими въ 1648 г., приводятся обширныя выписки изъ словъ Максима Грека, которыми онъ оправдываетъ себя въ исправленіи нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ. Но выписки изъ словъ Максима приводятся въ предисловіи не съ тою цѣлію, чтобы показать необходимость исправленія нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ, а чтобы показать необходимость намъ—русскимъ ученія, просвѣщенія. Все обширное предисловіе къ грамматикѣ, которая есть начальная мудрость изъ семи свободнымъ мудростей или первая наука въ кругѣ школьныхъ

*) Патр. Іосифъ обращался къ константинопольскому патр. Паренію съ просьбою дать отвѣты на четыре вопроса, именно: 1) если совершаютъ литургію многіе архіереи и священники, то можно ли служить двумя потирами; 2) въ службѣ по мірскимъ церквамъ и монастырямъ можно ли читать единогласно; 3) если жены оставляютъ по нелюбію своихъ мужей и постригаются въ монашество и если дѣлаютъ тоже и по тому же мужья, то остающаяся въ мірѣ сторона имѣетъ ли право вступить въ другой бракъ; 4) подобаетъ ли священствовать (быть поставляемымъ въ священники) тому, кто женится на вдовѣ, на рабыни или на дочери своей рабыни или на блудницѣ или на скомрахинѣ, или кто женится во второй разъ. Два послѣдніе вопроса, какъ со всею вѣроятностію нужно думать, заданы были только для счета, чтобы не обращаться къ константинопольскому патріарху съ слишкомъ малымъ количествомъ двухъ вопросовъ, ибо отвѣты на нихъ находились въ Кормчей книгѣ (отвѣтъ на первый вопросъ, состоящій въ томъ, что остающаяся въ мірѣ сторона имѣетъ право вступить въ другой бракъ,—въ 81-мъ параграфѣ 42-й главы Кормчей, что есть 40-я глава 123-й новеллы Юстиніана; отвѣтъ на второй вопросъ, отрицательный, въ 17-мъ и 18-мъ апостольскихъ правилахъ). Что касается двухъ первыхъ вопросовъ, составляющихъ дѣйствительные вопросы, то относительно перваго изъ нихъ должно думать, что введеніи двухъ потировъ желалъ Никонъ, что патр. Іосифъ съ своей стороны противился этому и что, задавая вопросъ константинопольскому патріарху, онъ (патріархъ) надѣялся, какъ это и на самомъ дѣлѣ было, получить отрицательный отвѣтъ на вопросъ

наукъ, посвящено доказанію этой необходимости для насъ ученія, просвѣщенія. Послѣ длиннаго ряда свидѣтельствъ въ пользу необходимости просвѣщенія, заимствованныхъ изъ житій святыхъ отцовъ и изъ твореній отеческихъ, въ пользу того же приводятся свидѣтельства и изъ многословущаго въ Россіи Максима Грека. „Максимъ Грекъ,—говоритъ предисловіе,—во своей книзѣ своими списаніями хулящихъ ученіе и не требующихъ сего укоряетъ, паче же и обличаетъ, прочее же и не не молить, да искусни будутъ и учени божественнымъ писаніямъ“, и съ сейчасъ указанною цѣлю и приводитъ мѣста изъ Максима; а если приводитъ ихъ именно изъ словъ Максима, которыми онъ оправдываетъ себя въ исправленіи нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ, такъ это потому, что именно въ этихъ словахъ находятся желаемыя автору предисловія мѣста (говорящія, что погрѣшности въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ произошли отъ невѣжества нашихъ переводчиковъ и переписчиковъ и что для хорошаго перевода съ греческаго требуется быть человѣкомъ образованнымъ). Но если даже и согласиться, что іосифовскіе справщики дошли до сознанія необходимости исправлять наши книги по книгамъ греческимъ, то подъ греческими книгами нужно будетъ разумѣть не новыя или современныя, а древнія *); что же касается до первыхъ,

спустя нѣсколько времени съ тѣмъ же вопросомъ, въ числѣ другихъ вопросовъ, обращался Арсеній Сухановъ къ александрійскому патріарху, а вопросы Суханова къ этому послѣднему патріарху должны быть считаемы за вопросы, порученные ему Никономъ съ кружкомъ тѣхъ людей, которые начали перемѣнять взглядъ на грековъ). На свой собственный вопросъ: „подобаеть ли въ службѣ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единоголасно“, Іосифъ получилъ отъ константинопольскаго патріарха отвѣтъ: „не только подобаеть, но и непремѣнно должно“ (Что Іосифъ обращался къ константинопольскому патріарху съ своими вопросами тайно отъ людей противнаго съ нимъ образа мыслей относительно многогласія, это видно изъ сейчасъ указаннаго обстоятельства, что съ вопросомъ о потирахъ Сухановъ снова обращался къ александрійскому патріарху. Если бы Никонъ, которому должны быть усвоены вопросы, предложенные Сухановымъ александрійскому патріарху, зналъ о Пареевномъ отвѣтѣ Іосифу относительно потировъ, то не сталъ бы задавать въ другой разъ вопроса о нихъ.—Съ грамотой отъ Іосифа къ Пареевию ѣздилъ константинопольскій грекъ Ѡма Ивановъ. Этотъ Ѡма Ивановъ былъ близкій человѣкъ къ Пареевию (см. въ 1-ой за 1891 г. книжкѣ Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ статью Н. Ѡ. Каптерева: Пріѣздъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, стр. 235 прим.), и онъ-то, вѣроятно, и обнадежилъ нашего патріарха, что привезетъ ему отъ константинопольскаго патріарха отвѣтъ объ единоголасіи желательный для него).

*) Причемъ они держались бы ошибочныхъ представленій относительно возможности исправленія славянскихъ книгъ по этимъ древнимъ греческимъ книгамъ, о чемъ сейчасъ ниже.

то мы имѣемъ прямой отзывъ о нихъ одного изъ справщиковъ (Ивана Насѣдки), какъ о книгахъ поврежденныхъ *).

Если бы еще патр. Іосифъ измѣнилъ взглядъ на грековъ, съ тѣмъ, чтобы предпринять соотвѣтственную сему измѣненію взгляда дѣятельность по отношенію къ обрядамъ и книгамъ: то еще противъ него и долженъ былъ бы подняться тотъ протестъ, который мы видимъ поднятымъ противъ Никона. Г. Каптеревъ утверждаетъ, будто такъ дѣйствительно и было. Но это съ его стороны есть странное недоразумѣніе. Къ патр. Іосифу питали сильную вражду члены кружка протопопа Стефана Вонифатьевича; г. Каптеревъ полагаетъ, что питали вражду не всѣ члены кружка, а только нѣкоторые, именно— что это были тѣ самые члены кружка, которыхъ послѣ мы видимъ протестующими противъ Никона, и что они, отдѣлившись отъ Стефана Вонифатьевича (котораго, по послѣдующимъ свѣдѣніямъ о немъ, должно было бы считать перемѣнившимъ взглядъ вмѣстѣ съ патриархомъ) возстали противъ Іосифа за тоже, за что послѣ возставали на Никона. На самомъ дѣлѣ враждовали противъ Іосифа не нѣкоторые только, а всѣ вообще члены Стефанова кружка (не распадавшагося во все правленіе Іосифа), съ нимъ самимъ во главѣ, а дѣйствительная причина вражды состояла не въ перемѣнѣ патриархомъ взгляда на грековъ (тогда Стефанъ былъ бы не противъ патриарха, а съ нимъ, какъ послѣ былъ съ Никономъ), а въ его сопротивленіи введенію единогласія. На соборѣ объ единогласіи, бывшемъ 9 февраля 1651 г., патриархъ Іосифъ жаловался, что онъ „третіе се лѣто есть біемъ отъ свадникъ, терпя клеветныя раны“: третіе лѣто назадъ отъ 1651 г. есть 1649 годъ, и ясно, что Іосифъ говоритъ о біеніи отъ свадникъ, начавшемся сценой 11 февраля 1649 г., о которой мы говорили выше **).

*) Г. Каптеревъ указываетъ и на дѣйствительныя попытки исправленія славянскихъ книгъ по книгамъ греческимъ, имѣвшимъ мѣсто въ послѣднее время патриаршества Іосифа. Но Іосифъ въ послѣднее время своего патриаршества, какъ это знаетъ и г. Каптеревъ, былъ не столько дѣйствительнымъ, сколько номинальнымъ патриархомъ, и нѣкоторыя попытки исправленія книгъ, начавшіяся при немъ со времени пріѣзда кievскихъ ученыхъ и принадлежація симъ послѣднимъ, должны быть усвоены инициативѣ не его, а тѣхъ, кого Епифаній Славинецкій успѣлъ склонить на сторону грековъ (разумѣется исправленіе Шестоднева, указанное выше, которое впрочемъ не имѣетъ и значенія, усвояемаго ему г. Каптеревымъ; а послѣсловіе въ Кормчей книгѣ, на которое онъ еще ссылается, принадлежитъ не іосифовской, а никоновской редакціи послѣдней, и понимается имъ объ іосифовомъ времени неправильно; притомъ же это послѣсловіе говоритъ о греческой Кормчей книгѣ, *древними писцы* написанной).

**) Сfr. статью С. А. Бялковскаго: „Дѣяніе Московскаго собора 1649 года“, напечатанную въ IV кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. за 1894 годъ. Правленіе патр.

Обращаемся къ другому, поставленному нами, вопросу: что такое было или въ чемъ состояло Никоново исправленіе богослужебныхъ книгъ?

На основаніи предисловія къ служебнику 1655 г., который представляетъ собою первую исправленную Никономъ богослужебную книгу, отвѣчаютъ на вопросъ, что онъ—Никонъ исправлялъ напечатанныя до него богослужебныя книги по древнимъ рукописямъ славянскимъ и греческимъ. Но какъ именно понимать это исправленіе? Въ предисловіи къ служебнику говорится, что въ новыхъ московскихъ печатныхъ книгахъ обрѣтаются многія несходства съ древними греческими и славянскими рукописями, а прямѣе сказать—погрѣшенія противъ нихъ, но что эти послѣднія „единъ купно чинъ и уставъ показываютъ“, во всемъ однѣ съ другими согласуясь, и обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, болѣею частью дѣло понимается такъ, будто Никоново исправленіе богослужебныхъ книгъ состояло въ точномъ и настоящемъ воспроизведеніи древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей или было ничѣмъ инымъ, какъ этимъ точнымъ воспроизведеніемъ. Такое пониманіе дѣла, основанное на ошибочномъ толкованіи недостаточно опредѣленныхъ словъ предисловія къ служебнику, есть пониманіе совершенно неправильное, ибо представляемое въ подобномъ видѣ исправленіе богослужебныхъ книгъ было дѣломъ вовсе невозможнымъ и было бы со стороны Никона дѣломъ, лишеннымъ смысла.

Іосифа называется и обывается темнымъ временемъ за то, что при немъ употреблены были усердѣйшія старанія о введеніи у насъ въ общее употребленіе двоеперстнаго крестнаго знаменія. Это, конечно, совершенно неосновательно (и если угодно, даже болѣе, чѣмъ неосновательно). Люди употребляли усердныя старанія вовсе не потому, чтобы они были сравнительно темны или невѣжественны, а совсѣмъ по другой причинѣ: двоеперстіе давно было признано у насъ тѣмъ правильнымъ и православнымъ способомъ перстосложенія, который долженъ былъ употребляемъ всѣми (опредѣленіе Стоглаваго собора); но оно не входило у насъ въ общее употребленіе и до временъ патр. Іосифа (такъ какъ и до его времени вмѣстѣ съ двоеперстіемъ продолжало оставаться троеперстіе); а по этому онъ и предпринялъ старанія къ достиженію того, чему, по тогдашнему пониманію дѣла, которымъ однимъ, конечно, онъ могъ и долженъ былъ руководствоваться, давно надлежало быть; иначе сказать, эти заботы Іосифа о введеніи двоеперстія въ общее употребленіе свидѣтельствуютъ не объ его темнотѣ, которая тутъ не причемъ, а объ его особенной ревности къ устраненію,—подразумѣвается, какъ онъ понималъ дѣло, продолжавшей оставаться погрѣшности (употребленія троеперстія). Какъ за симъ думать о патр. Іосифѣ, разувѣемъ—лично о немъ, это составляетъ не совсѣмъ рѣшонный вопросъ и во всякомъ случаѣ рѣчи объ этомъ потребовали бы такого длиннаго отступленія, котораго здѣсь мы не можемъ себѣ позволить. Несомнѣнно только то, что „новыя вѣянія“, которыя начались въ послѣднее время его правленія, шли все-

Въ минуту принятія нами христіанства отъ грековъ, о чемъ мы отчасти говорили выше, богослуженіе у нихъ еще вовсе не достигло конца своего образованія и еще вовсе не приходило къ совершенному единообразію, напротивъ оно продолжало образовываться и продолжало сохранять ббльшее или меньшее разнообразіе относительно частныхъ весьма долгое время и послѣ принятія нами христіанства. Все то новое, чтб по мѣрѣ теченія времени являлось въ богослуженіи у грековъ, было заимствуемо отъ нихъ и нами, и почти все то разнообразіе, которое, несмотря на теченіе времени, оставалось въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ, перешло изъ этихъ послѣднихъ книгъ и въ наши славянскія книги *). А по сей причинѣ древнія греческія и древнія славянскія рукописи богослужебныхъ книгъ, разумѣя въ нихъ „все“ не въ особенномъ и частномъ смыслѣ, какъ это разумѣется въ предисловіи къ служебнику и о чемъ ниже, а въ смыслѣ обыкновенномъ и общемъ, не только не представляютъ совершеннаго согласія между собой, а напротивъ представляютъ такое разногласіе, что, говоря безъ преувеличенія, трудно найти двѣ рукописи, которыя были бы совершенно между собой согласны **).

не отъ него, а отъ самого царя съ Никономъ, Стефаномъ Вонифатьевичемъ и другими государевыми совѣтниками. Въ послѣднее время своего правленія, когда между нимъ и царемъ сталъ крайне непріязненный ему духовникъ, онъ былъ, какъ мы уже говорили, болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, патріархомъ, думалъ и говорилъ единственно о томъ, что „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ“, намѣреваясь отъ срама самъ добровольно оставить кафедру (Книжные справщики времени патр. Юсіфа, не имѣвшіе ничего общаго съ Аввакумами и Лазарями и представлявшіе изъ себя цѣлую корпорацію ученыхъ въ тогдaшнемъ смыслѣ, несомнѣнно, были люди очень замѣчательные; въ своемъ товариществѣ и своимъ кружкомъ они дошли до признанія необходимости просвѣщенія,—не какъ-нибудь впрочемъ внезапно, а прогрессируя въ томъ направленіи, которое уже началось ранѣе, о чемъ говорить здѣсь было бы также неумѣстно,—и не есть дѣло невозможное, что страстное желаніе, которымъ одушевленъ былъ царь Алексѣй Михайловичъ завести на Москвѣ риторское ученіе, хотя отчасти было плодомъ вліянія печатнаго двора на царскій дворець. — О томъ, что они—справщики не были людьми слѣпой вѣры, а достаточно смѣлыми критиками предлагавшагося имъ повѣстнаго, читай предисловіе Симона Азарина къ книгѣ о новыхъ чудесахъ преп. Сергія Радонежскаго и въ самой книгѣ разсказъ о чудѣ 22-мъ).

*) Относительно сего сравнивай нашей Исторіи русской церкви т. I полов. 2, гл. V, отдѣлъ второй.

**) Относительно рукописей славянскихъ см. Описанія рукописей синодальной бібліотеки *Горскаго* и *Невоструева* отдѣлъ третій, содержащій книги богослужебныя (и читай предисловіе); относительно рукописей греческихъ см. Евхологій *Гоара* (*Εὐχολόγιον* sive *Rituale Graecorum, opera Jacobi Goar* — первое изданіе въ Парижѣ въ 1647 г., второе изданіе въ Венеціи въ 1730 г.; въ частности см. *In sacram Chrysostomi liturgiam variae lectiones*, самое начало, парижск. изд. р. 87).

сейчасъ указанномъ положеніи дѣла съ древними рукописями греческими и славянскими, какимъ образомъ возможно было бы такое исправленіе по нимъ книгъ, которое составило бы точное и настоящее ихъ воспроизведеніе? Тутъ возможно было бы одно изъ двухъ: или чтобы взята была въ качествѣ оригинала какая-либо одна греческая либо славянская рукопись или чтобы изъ многихъ рукописей сдѣланъ былъ сводъ. Но въ первомъ случаѣ какими бы основаніями могъ руководиться Никонъ, чтобы остановить свой выборъ на извѣстной рукописи, а во второмъ случаѣ какими бы основаніями могъ онъ руководиться, чтобы брать въ свой сводъ изъ рукописей одно и не брать другаго? Но положимъ, что невозможное было возможнымъ. Древнія рукописи греческія и славянскія представляютъ богослуженіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало во времена написанія каждой изъ нихъ; но позднѣйшее богослуженіе ушло отъ древняго времени впередъ, получивъ тѣ или другія прибавки, потерпѣвъ тѣ или другія измѣненія: съ какой же бы стати Никонъ, подвергая живую жизнь археологической реставраціи, захотѣлъ возвращать наше богослуженіе къ древнему времени и какой смыслъ могло имѣть это его желаніе? А при семъ и здѣсь, какъ выше, какія бы имѣлъ онъ основанія, чтобы остановиться на одномъ древнемъ времени, а не на другомъ, на третьемъ? Чтобы дѣло было совсѣмъ наглядно, возьмемъ чинъ проскомидіи. Въ древнихъ служебникахъ Никонъ нашолъ бы одну просфору, двѣ просфоры, три просфоры: на которомъ же бы изъ этихъ служебниковъ онъ остановился и съ какой стати онъ возстановилъ бы единопросфоріе, дву-или-трепросфоріе, когда одно, другое и третіе представляло давно оставленную старину?

Никонъ предпринялъ свое исправленіе богослужебныхъ книгъ потому, что перемѣнилъ свой взглядъ на позднѣйшихъ и на современныхъ себѣ грековъ,—что, отказавшись отъ прежняго нашего мнѣнія о нихъ, будто они утратили чистоту православія, началъ смотрѣть на нихъ, какъ на неизмѣнно и неповрежденно сохраняющихъ эту чистоту. Что же изъ сего слѣдовало по отношенію къ богослужебнымъ книгамъ? Очевидно—то, чтобы онъ захотѣлъ и предпринялъ исправить наши книги по современнымъ книгамъ греческимъ, дабы

Слг новыя русскія изслѣдованія: *Катанскаго* Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви, Спб., 1868, *Одинцова* Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в., Спб. 1881, *Дмитріевскаго* Богослуженіе въ русской церкви въ первые пять вѣковъ, Казань, 1882, *Мансветова*—Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности, М. 1882, и Церковный уставъ (типикъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской цер-

привести насъ относительно нихъ въ полное согласіе съ современными себѣ греками. Что относительно богослуженія мы должны быть согласны съ греками, отъ которыхъ мы приняли христіанство, или что богослуженіе должно быть у насъ по сейчасъ указанной причинѣ одно и то же съ ними, это составляло такое же общепризнанное у насъ положеніе, какъ то, что, принявъ вѣру отъ нихъ, мы должны быть одной съ ними вѣры, то-есть, выражая дѣло въ общей отвлеченной формулѣ, какъ то, что мы должны быть тѣмъ, чѣмъ должны быть. Когда предки наши заподозрили позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ, они, естественно, начали учить, что мы должны быть въ согласіи относительно богослуженія съ древними греками, у которыхъ еще не было повреждено православіе. Но если Никонъ перемѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ и началъ смотрѣть на нихъ какъ на неизмѣнно и неповрежденно сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ: то изъ этого само собою и необходимо слѣдовало, что мы должны быть въ согласіи относительно богослуженія съ этими послѣдними греками: ибо иначе признавать чистоту православія позднѣйшихъ грековъ и не хотѣть того, чтобы быть въ согласіи съ ними относительно богослуженія было бы нелѣпостью, логическимъ *contradictio in adjecto*. Но и наконецъ, приступая къ исправленію книгъ, что провозглашалъ Никонъ на соборѣ 1654 г., въ своихъ извѣстныхъ „возглашеніяхъ“, какъ не то, что онъ желаетъ привести русскую церковь относительно обрядовъ и богослуженія къ согласію и единенію съ современною церковью греческой? *)

Чему необходимо надлежало быть и что одно только и могло быть, то и на самомъ дѣлѣ было. Первоисправленный Никономъ служебникъ и всѣ послѣдующіе новые служебники вплоть до настоящаго не составляютъ какихъ-нибудь книгъ секретныхъ, относительно которыхъ была бы невозможна повѣрка. Эта повѣрка документальнымъ образомъ и доказываетъ, что Никонъ исправилъ служебникъ не по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ, а по современному себѣ печатному греческому евхологію **) и по современному живому

*) Замѣчательно, что, ссылаясь въ этихъ возглашеніяхъ на книги греческія и славянскія, Никонъ ссылается на славянскія книги: древнія, старыя, древнія (старыя) харатейныя, а къ греческимъ книгамъ не прилагаетъ этихъ эпитетовъ („въ греческихъ служебникахъ, переводахъ, и въ нашихъ старыхъ,... якоже греческія и наши старыя книги и уставы повелѣваютъ,... противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ“ и пр.)

**) У грековъ нѣтъ нашихъ служебниковъ въ отдѣльномъ видѣ, но служебникъ всегда соединенъ у нихъ съ требникомъ, что и составляетъ евхологію (молитвословъ у насъ въ древнее и старое время—молитвенникъ).

чину греческой церкви. Въ библиотекѣ московской синодальной типографіи до настоящаго времени сохраняется экземпляръ греческаго печатнаго евхологія, съ котораго, по указанію Сильвестра Медвѣдова, былъ правленъ служебникъ 1655 года *).

Но какъ же понимать увѣренія предисловія къ служебнику, что книги предположено было Никономъ исправлять, а самый служебникъ на самомъ дѣлѣ былъ исправленъ по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ? Что увѣренія эти должно понимать не въ смыслѣ обыкновенномъ, а особенномъ, не общемъ, а частномъ, это совершенно ясно видно изъ самаго же предисловія. Оно само прямо и настойчиво говоритъ, что Никонъ предпринялъ свое исправленіе книгъ съ тою цѣлью, чтобы относительно нихъ привести рус-

*) Было бы напраснымъ трудомъ искать древній рукописный служебникъ, который могъ бы быть принятъ за оригиналъ Никонова служебника 1655 года, а для убѣжденія себя въ томъ, что служебникъ этотъ дѣйствительно правленъ по печатному греческому евхологію, слѣдуетъ только взять евхологію Гоара и сравнить съ нимъ служебникъ (снося основной текстъ евхологія, который не совсѣмъ современной редакціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ разнится отъ служебника, съ *Variæ lectiões*, въ которыхъ приводятся чтенія печатныхъ венеціанскихъ служебниковъ. Девять частицъ изъ третьей просфоры на проскомидіи вмѣсто одной есть особенность между греческими евхологіями печатныхъ венеціанскихъ евхологіевъ, а между славянскими служебниками — кievскихъ печатныхъ служебниковъ). Печатный греческій евхологія, съ котораго, по указанію Сильвестра Медвѣдова, правленъ служебникъ 1655 г., до настоящаго времени сохраняется въ Типографской библиотекѣ (нынѣшній № его есть 3092, прежніе №№ 81 и 2619). По надписи на немъ, онъ принадлежалъ Арсенію греку. Онъ не имѣетъ (какъ еще и во времена Медвѣдова не имѣлъ) сорочки или титула и выходнаго листа, почему годъ его печати остается неизвѣстнымъ. На внутренней сторонѣ задней переплетной доски его наклеены отрывокъ титула какой-то книги, на которомъ находится изображеніе дерева, съ буквами по сторонамъ ствола послѣдняго: *S. P.* и съ подписью подъ нимъ: *Ἐκτίσις, παρὰ τῷ Ἀντωνίῳ τῷ Πινέλλῳ, ἀχβ',* т. е. въ Венеціи, въ типографіи Антонія Пинелла-1602 года. Полагая, что это отрывокъ титула самаго евхологія, относятъ его къ 1602-му году; но возможно, что это отрывокъ титула не самаго евхологія, а какой-нибудь другой книги, наклеенный на него случайно или ошибочно. Объ евхологіи см. въ сочиненіи Медвѣдова „Извѣстіе истинное“, напечатанномъ въ 4-й книгѣ Чтеній Общества Исторіи и Древностей за 1885 г. С. А. Бѣлокуровымъ, и въ предисловіи, предпосланномъ сочиненію издателемъ (Медвѣдовъ представляетъ дѣло такъ, будто Никонъ и послѣдующія власти приказывали справщикамъ исправлять книги по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ и будто справщики, обманывая Никона и послѣдующія власти, производили исправленіе по печатнымъ греческимъ книгамъ, — представляетъ, конечно, несправедливо, для тѣхъ полемическихъ цѣлей, съ которыми написано имъ сочиненіе).—Профессоръ Кіевской Духовной Академіи А. А. Дмитріевскій въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора лѣтописца, бывшихъ въ 1894-мъ году, сдѣлалъ сообщеніе, въ которомъ утверждаетъ, что Никоновскіе справ-

скую церковь въ полное согласіе съ современною церковью греческою *); а если такъ, то уже вовсе не можетъ быть разумѣемо исправленія книгъ по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ въ обыкновенномъ и общемъ смыслѣ слова. Въ какомъ именно особенномъ и частномъ смыслѣ должны быть понимаемы увѣренія предисловія, что книги предположено было исправлять, а служебникъ дѣйствительно исправленъ былъ по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію и само собою ясно. Перебѣнивъ взглядъ на современныхъ грековъ, Никонъ призналъ наши разности съ ними въ книгахъ за наши погрѣшительныя новшества, и вотъ, утверждая, что это дѣйствительно такъ, предисловіе къ служебнику и ссылается на рукописи греческія и славянскія, т.-е. хочетъ сказать, что относительно разностей между нами и греками тѣ и другія рукописи свидѣтельствуютъ, что древность у грековъ, а у насъ дѣйствительно погрѣшительныя новшества **). Въ са-

щики исправляли книги главнымъ образомъ не по греческимъ оригиналамъ, а по кievскимъ славянскимъ книгамъ, правленнымъ съ греческихъ оригиналовъ, см. въ IX книгѣ Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца свѣдѣнія о засѣданіяхъ, стр. 30. Что вмѣстѣ съ греческими оригиналами Никоновскіе справщики имѣли у себя подъ руками и кievскія славянскія книги, правленныя съ греческихъ оригиналовъ (въ Кievской Руси началось это правленіе съ 1604 г., съ Срятинскаго служебника Гедеона Болобана, а въ самомъ Кievѣ съ 1620 г., съ служебника, напечатаннаго въ семь году въ Печерской Лаврѣ), это не только весьма вѣроятно, но и болѣе чѣмъ вѣроятно. Однако, касательно ихъ подлинной роли при исправленіи нужно ожидать болѣе точныхъ свѣдѣній.

*) Приводимыя въ предисловіи слова изъ посланія патр. Паисія къ Никону: „да совершаютъ (всѣ священныя лица въ Россіи) послѣдованіе и всякое священнодѣяніе по чину великія церкви, да ни едино разнство имама, яко чада истинная единыя и тояжде матере восточныя апостольскія соборныя великія церкви Христовы...; сего ради мы отъ многія любве и еже къ Богу желанія, еже имама быти во всѣхъ соединени и подобии, яко едино тѣло церковное, желаемъ, да исправятся (несогласія въ церковныхъ вещехъ), да не пребудетъ нѣкое слово у еретиковъ осудити насъ, яко имама разнства между нами“... , и собственныя слова предисловія: „да всякъ православный, невѣдѣнія и сопротивныхъ благочестію погрѣшеній и иже оттуду находящія казни убѣгнувъ, во истинномъ разумѣніи и въ незазорномъ съ греческими православными законы согласія поживетъ“... См. также „Сказаніе вкратцѣ, како и кѣмъ исправися чинъ проскомидіи божественныя литургіи“, въ которомъ говорится, что Никонъ, „аще и малѣ видѣвъ разстоящую церковь (русскую) отъ восточныя (разумѣется—современныя) церкви, подвигся соединити ю (съ послѣднею).

**) Не всѣ греческія и славянскія древнія рукописи одинъ чинъ и уставъ являли въ томъ смыслѣ, чтобы относительно разностей между нами и греками единогласно говорить въ пользу грековъ и противъ насъ. Рукописи раздѣлялись въ этомъ отношеніи на три класса: одни не говорили ни за грековъ, ни противъ нихъ за насъ, потому что составлявшее предметъ спора между греками и нами въ нихъ было еще иначе, въ болѣе древнемъ видѣ, нежели какъ это у

момъ началѣ предисловія къ служебнику говорится, что онъ „исправился съ древнихъ греческихъ книгъ св. горы Аѳона и прочихъ и харатейныхъ словенскихъ“; но потомъ, въ поясненіе дѣйствительнаго смысла этихъ словъ, въ немъ говорится объ исправленіи служебника, что исправленіе сдѣлано или произведено чрезъ *избраніе истиннаго* отъ греческихъ и славянскихъ рукописей („отъ греческихъ и славянскихъ древнихъ книгъ истинное избраше и сію святую книгу служебникъ... повелѣша напечатати“ *).

грековъ и у насъ; другія говорили за грековъ противъ насъ, третьи за насъ противъ грековъ. Предисловіе не имѣетъ въ виду рукописей перваго класса, какъ не имѣлись онѣ въ виду и при исправленіи книгъ, потому что онѣ не служили къ рѣшенію спора и, будучи такъ сказаны въ сторонѣ отъ него, представляли собою только памятники оставленной старины. Разумѣя рукописи втораго и третьаго классовъ, предисловіе, повидимому, говоритъ неправду, что онѣ одинъ чинъ и уставъ являли въ указанномъ нами смыслѣ. Но исправители книгъ, а ргіогі (на основаніи общаго положенія, что современные греки православны) признававшіе, что наши разности съ греками суть наши погрѣшительныя новшества, смотрѣли на тѣ рукописи, которыя говорили въ нашу пользу противъ грековъ, какъ на рукописи поврежденныя. А такимъ образомъ, когда въ предисловіи говорится, что всѣ древнія греческія и славянскія рукописи одинъ чинъ и уставъ являютъ: то подразумѣвается, что всѣ рукописи, которыя должны быть признаны неповрежденными (ибо, говоря, что всѣ рукописи одинъ чинъ и уставъ являютъ, оно въ то же время говоритъ и о рукописяхъ поврежденныхъ, съ которыхъ до Никона печатались московскія книги). Съ нашей теперешней точки зрѣнія такое отношеніе исправителей книгъ къ рукописямъ, конечно, представляетъ собою нѣчто произвольное, но оно нисколько не было произвольнымъ съ тогдашней точки зрѣнія: при тогдашнемъ состояніи у насъ археологій и при тогдашнемъ пониманіи у насъ дѣла разности между нами и греками могли быть объясняемы у насъ только такимъ образомъ, чтобы на той или на другой сторонѣ были признаваемы новшества, а слѣдовательно—чтобы были признаваемы поврежденными или тѣ или другія рукописи; перемѣнивъ взглядъ на грековъ, Никонъ призналъ новшества на нашей сторонѣ, а такимъ образомъ онъ а ргіогі долженъ былъ признать поврежденными и тѣ рукописи, которыя говорили за насъ.

*) Въ предисловіи къ служебнику и къ нѣкоторымъ другимъ исправленнымъ книгамъ (тріодъ постная 1656 г.) говорится, что исправленіе было произведено по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ: но въ предисловіяхъ къ другимъ книгамъ говорится, что онѣ — книги новопреложены съ греческихъ текстовъ (преводовъ,—ирмологія 1657 г.) или что онѣ исправлены съ греческихъ книгъ (слѣдованная псалтырь 1658 года), при чемъ, какъ это ясно дается знать (въ предисловіи къ ирмологію), подъ книгами должны быть разумѣемы новыя книги. Рукописи не называются въ предисловіи къ служебнику, какъ и въ другихъ предисловіяхъ, рукописями (какое названіе употребляемъ только мы сами), но древними книгами и преводами, т. е. списками, и очень можетъ быть, что подъ греческими древними книгами и преводами разумѣются въ немъ именно печатныя книги, ибо въ предисловіи къ часослову 1653 г., который нѣсколько

(Исправленный Никономъ служебникъ, бывъ напечатанъ при немъ три раза,—въ 1655, 1656 и 1658 гг., укоряемъ былъ за то, что изданія не имѣли совершеннаго согласія между собой, но что всѣ три представляли большую или меньшую взаимную рознь,—см. у *Соловьева* т. XI, изд. 2 стр. 287, сѣг стр. 281, также Медвѣдева „Извѣстiе истинное“. Сами справщики книгъ, по словамъ Медвѣдева, объясняли эту рознь тѣмъ, что въ первомъ изданiи гораздаго ради поспѣшенiя они „не осмотрелись“, то-есть допустили ошибки, и что въ послѣдующихъ двухъ изданiяхъ эти ошибки были исправляемы, сѣг собственныя слова справщиковъ въ предисловіи къ ирмологію 1657 г. Но можетъ быть предполагаема и другая, болѣе существенная, причина нѣкоторой розни, а именно—что, съ одной стороны, печатный евхологiй, бывшій подъ руками у справщиковъ, болѣе или менѣе расходился или не сходился съ современной живою практикою великой или константинопольской церкви и св. горы, которой хотѣли слѣдовать, а съ другой стороны—что самая эта практика въ великой церкви и на св. горѣ не была еще совершенно тождественна *) и что поэтому и не могъ быть сразу установленъ возможно удовлетворительный текстъ служебника **).

III.

Необходимо ли было Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ и сдѣланное Никономъ не нуждается ли въ настоящее время въ какихъ либо поправкахъ ***)?

Передъ патріархомъ Никономъ между нашими предками и современными греками существовали нѣкоторыя разности относительно обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, а также и богослужебныя книги наши были не совершенно согласны съ современными имъ книгами греческими. Но эти разности и это несогласіе, отъ чего бы и какъ бы онѣ не произошли, не представляли ничего существеннаго и важнаго ничего такого, чтó касалось бы догматовъ вѣры и повреждало ихъ, а

„противъ древнихъ греческихъ печатныхъ переводовъ“. Соборъ 1666 г. уже довольно прямо даетъ знать, что исправленіе нашихъ книгъ было производимо по греческимъ печатнымъ книгамъ („что о книгахъ греческихъ печатныхъ и древнихъ рукописныхъ держати годствуетъ, суть ли праведныя и достовѣрныя?“ — дѣяніе 1-е).

*) Сѣг Описанiя свно. д. рукоп. *Горск.* и *Невостр.* ММ 368 и 369.

***) Сѣг послѣсловіе къ изданію служебника 1667 г..

***) Эта статья была напечатана въ мартовской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892 голь.

равнымъ образомъ и ничего такого, что составляло бы нарушение положительныхъ узаконеній вселенской церкви (за однимъ и особаго рода исключеніемъ въ послѣднемъ случаѣ *)). Слѣдовательно, и при существованіи разностей и несогласія русская церковь была столько же совершенно православною, какъ и церковь греческая, и столько же, какъ и послѣдняя, хранящею положительныя узаконенія вселенской церкви. Если же такъ, то, повидимому, не было никакой нужды въ Никоновомъ исправленіи обрядовъ и книгъ, ибо существованіе разностей между частными церквами относительно обрядовъ и богослуженія, насколько и поколику онѣ суть разности безразличныя, всегда признавалось какъ нѣчто совершенно допустимое и терпимое, согласно съ древне-отеческимъ, что *in una fide nihil officit sanctae ecclesiae consuetudo diversa* (при единствѣ вѣры нисколько не вредитъ святой церкви различный обычай **)). О ненужности исправленія представлялъ Никону и константинопольскій патріархъ Паисій въ своихъ извѣстныхъ отвѣтахъ на его вопросы. Паисій писалъ Никону: „жалится зѣло (преблаженство твое) о несогласіи нѣкихъ чиновъ, иже бываютъ въ нѣкихъ церквахъ, и нещуетъ, яко ти различніи чинове растлѣвають вѣру нашу; о немже хвалимъ мысль, ибо который боится преступленія малыхъ погрѣшеній, сохраняется отъ великихъ, но исправляемъ намѣреніе, ибо, елико о еретицѣхъ, имама велѣніе отъ апостоловъ, да бѣгаемъ ихъ по первомъ и второмъ наказаніи, яко развращенныхъ, подобно и раздорниковъ, иже аще и являются, яко согласуютъ въ вѣщныхъ догматѣхъ православныхъ, но имуть нѣкая и своя чуждая отъ соборныя мысли церковныя; но аще случится и нѣкоей церкви разньствовати отъ другія въ нѣкихъ чинѣхъ не нужныхъ и существенныхъ вѣры, сирѣчь не прикасающихся свойственнымъ составомъ вѣры, но малыхъ, якоже есть время литургіи (о чемъ между прочимъ спрашивалъ Никонъ) и подобныхъ, сіе ни единое разлученіе творить, токмо егда сохраняется таяжде вѣра непреложно, ибо не вять церковь наша изначала образъ сей послѣдованіе, еже держитъ нынѣ, но по малу“... и затѣмъ, указавъ на разности относительно богослуженія, существовавшія между частными церквами въ древнее время и не производившія между ними раздѣленія, заключаетъ: „не подобаетъ убо ниже нынѣ нещевати, яко развращается вѣра наша православная, аще единъ творить послѣдо-

*) Разумѣемъ прибавку въ 8-мъ членѣ символа вѣры, которая представляла собою не прибавку въ собственномъ смыслѣ, а соединеніе въ одно мѣсто двухъ разныхъ переводовъ одного и того же слова *Κρίστος*.

**) Слова св. папы Григорія Великаго (Двоеслова), см. у *Витамы* въ *Origines sive Antiquitates Ecclesiasticae*, vol. VII, p. 52, lib. XVI, cap. 1, § XV, гдѣ и вообще о безразличности разностей въ обрядахъ и обычаяхъ.

ваніе свое мало различное отъ другаго въ вещѣхъ, яже не суть существительныя, сирѣчь составы вѣры, токмо да согласить въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковью“...

Что же побудило Никона предпринять исправленіе обрядовъ и книгъ, въ которомъ, повидимому, не было никакой нужды?

Всякій человѣкъ всегда дѣйствуетъ и поступаетъ соотвѣтственно своей точкѣ зрѣнія на предметъ или сообразно тому, какъ онъ понимаетъ дѣло: иначе быть этого не можетъ (потому что точка зрѣнія есть основаніе для дѣйствія). Нужно или не нужно было Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ, о чемъ ниже, но во всякомъ случаѣ самъ Никонъ съ своей точки зрѣнія на данный предметъ долженъ былъ находить исправленіе совершенно необходимымъ. Русскіе XV вѣка составили себѣ убѣжденіе о современныхъ имъ грекахъ, будто греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, какъ мы много разъ говорили, вслѣдствіе того, что, образовавъ себѣ своеобразный взглядъ на обычаи церковныя, именно — придавъ имъ преувеличенное значеніе и приравнявъ ихъ къ догматамъ вѣры, начали смотрѣть на разности грековъ съ ними относительно обычаевъ, какъ на еретическія и погрѣшительныя новшества со стороны послѣднихъ. Прямой обратный путь къ истинному мнѣнію о позднѣйшихъ грекахъ, что они неизмѣнно хранятъ чистоту православія древнихъ грековъ, былъ тотъ, чтобы усвоить себѣ настоящій или надлежащій взглядъ на обычаи церковныя, какъ на нѣчто такое, разности относительно чего не составляютъ ересей и погрѣшеній, а дѣло безразличное, съ тѣмъ, конечно, добавленіемъ къ сему, чтобы признавать, что въ разностяхъ были виновны не греки, а мы сами (ибо само собою надлежало предполагать, что разрознились не они съ нами, а мы съ ними, такъ какъ не мы для нихъ, а они для насъ составляли примѣръ послѣдованія и подражанія). Но Никонъ перемѣнилъ свой взглядъ на позднѣйшихъ грековъ не сейчасъ указаннымъ путемъ. Чтобы усвоить настоящій взглядъ на обычаи церковныя, нужно было имѣть общеправославное научное образованіе и болѣе или менѣе достаточныя свѣдѣнія археологическія, между тѣмъ какъ Никонъ не имѣлъ ни одного, ни другихъ. Онъ нисколько не измѣнилъ прежняго русскаго взгляда на обычаи церковныя и твердо продолжалъ содержать его, но при этомъ онъ перемѣнилъ мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ такимъ образомъ, что началъ считать виновниками привнесенія еретическихъ и погрѣшительныхъ новшествъ не ихъ, а насъ самихъ, или — что онъ началъ смотрѣть какъ на еретическія и погрѣшительныя новшества не на ихъ разности съ нами, а на наши разности съ ними. Нѣкоторыми оспаривается справедливость того, что Никонъ смотрѣлъ на наши разности съ греками, какъ на ереси и на погрѣшенія; но

это несомнѣнно такъ. Въ посланіи къ константинопольскому патріарху Паисію Никонъ весьма „жалился“ (жаловался, точно съ греческаго подлинника: плакался), что существующія у насъ съ греками разности *растлѣваютъ* нашу вѣру *), а о книгахъ епископа коломенскаго Павла и протопopa Іоанна Неронова, т.-е. иначе сказать, вообще о прежнихъ печатныхъ нашихъ книгахъ отзывался, какъ о книгахъ, наполненныхъ ересями **); въ предисловіи къ первоисправленному служебнику 1655 г. наши разности съ греками съ нарочитомъ необиновенностію называются погрѣшеніями; наконецъ, составлявшее нашу главную разность съ греками двуперстное крестное знаменіе было предано Никономъ торжественному проклятію (на соборѣ 1656 г.) ***). Но если Никонъ смотрѣлъ на наши разности съ греками, какъ на ереси и погрѣшенія, то само собою понятно, что онъ долженъ былъ

*) См. выше.

***) Посланія Паисіева отвѣты 8-й и 9-й.

***) Преосв. Макарій, ссылаясь на то, что Никонъ одинъ разъ сказалъ Неронову: „обои-де (книги, старыя и новыя) добры, все-де равно, по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь“, и что въ угоду послѣднему онъ допустилъ, чтобы въ Успенскомъ соборѣ (московскомъ) въ продолженіе нѣсколькихъ дней наравнѣ съ троеніемъ пѣсни аллилуія было употребляемо и двоеніе, утверждаетъ, будто Никонъ готовъ былъ разрѣшить своимъ противникамъ употребленіе и такъ называемыхъ ими старыхъ обрядовъ, если только эти противники будутъ въ единовѣрїи съ церковію и въ покорности ея богоучрежденной іерархіи (Ист. XII, 218 sqq). Но если бы Никонъ дѣйствительно готовъ былъ разрѣшить своимъ противникамъ употребленіе старыхъ обрядовъ на указанныхъ условіяхъ, то онъ не ограничился бы приведенными, одинъ разъ сказанными Неронову, словами, а обратился бы съ формальнымъ предложеніемъ относительно сего ко всѣмъ возставшимъ противъ его исправленія, потому что это было бы средствомъ примиренія со всѣми ими и улаженія всего дѣла, и его весьма важная мысль объ „единовѣрїи“ не была бы и не могла бы быть оставлена послѣ него. Нельзя думать, чтобы Никонъ способенъ былъ въ одно и то же время одну и ту же вещь называть и черною и бѣлою, и если онъ провозгласилъ наши разности съ греками за ереси и погрѣшенія, то, конечно, не могъ онъ допустить, чтобы на указанныхъ условіяхъ люди содержали ереси и погрѣшенія. Что въ данномъ случаѣ дѣло шло вовсе не объ „единовѣрїи“, видно изъ того, что въ угоду Неронову Никонъ допустилъ двоеніе пѣсни аллилуія въ своемъ Успенскомъ соборѣ, ибо нельзя же думать, чтобы онъ расположенъ былъ допустить единовѣрїе въ стѣнахъ этого послѣдняго. Что касается до истиннаго смысла словъ и поступка Никонова, то, во-первыхъ, мы знаемъ о нихъ изъ показанія самого же Неронова и очень можетъ быть, что дѣло было существенно не такъ, какъ онъ представляетъ его; во-вторыхъ, если дѣйствительно было такъ, то надлежитъ видѣть тутъ со стороны Никона простую особаго рода любезность къ Неронову, допущенную имъ изъ желанія умягчить сердце послѣдняго и примирить его съ собой (и что касается въ частности до словъ, то надлежитъ видѣть въ нихъ, если только онѣ дѣйствительно были сказаны, лишь одинъ изъ образцовъ свойственнаго Никону поспѣшнаго беамѣрїя въ выраженїяхъ).

смотрѣть на исправленіе обрядовъ и книгъ какъ на дѣло столько же необходимое, сколько вообще необходимо очищеніе православія отъ ересей и погрѣшеній. Повидимому, должны были бы произвести свое дѣйствіе на Никона представленія патріарха константинопольскаго, послѣ чего онъ могъ бы усвоить настоящей взглядъ на предметъ съ помощью кіевскихъ и греческихъ ученыхъ, которые были около него и которые, нѣтъ сомнѣнія, смотрѣли на предметъ болѣе или менѣе надлежащимъ образомъ, ибо настоящей въ большей или меньшей степени взглядъ на предметъ былъ взглядомъ всей вообще просвѣщенной части общества у грековъ и у кіевлянъ или у южно-русскихъ. Но на Москвѣ свой собственный и своеобразный взглядъ на внѣшнюю, обрядовую сторону вѣры, какъ на нѣчто почти такое же и столько же важное, какъ и догматы вѣры, укоренялся вѣками и былъ укорененъ такъ крѣпко, что люди не въ состояніи были вдругъ разстаться съ нимъ, чтобы усвоить болѣе правильный взглядъ.

Говоря о Никонѣ, мы вовсе не разумѣемъ въ данномъ случаѣ его одного, но и всѣхъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ перемѣнилъ убѣжденіе о грекахъ. Какъ онъ, перемѣнивъ это убѣжденіе, остался при своемъ прежнемъ взглядѣ на обряды и обычаи церковные: такъ и всѣ другіе, вмѣстѣ съ нимъ перемѣнившіе убѣжденіе, остались подобно ему при своемъ прежнемъ взглядѣ на обряды и обычаи или подобно ему не въ состояніи были возвыситься до настоящаго взгляда на эти послѣдніе. А такимъ образомъ, когда мы говоримъ, что Никонъ съ своей точки зрѣнія долженъ былъ находить исправленіе обрядовъ и книгъ совершенно необходимымъ: то мы хотимъ сказать, что это должны были находить совершенно необходимымъ и всѣ другіе, иначе — что это было необходимо съ общей московской точки зрѣнія и что на его мѣстѣ и всякій другой и кто бы то ни было (подразумѣвается—изъ числа перемѣнившихъ убѣжденіе о грекахъ) поступилъ такъ-же бы, какъ поступилъ онъ.

Итакъ, повторяемъ, Никонъ съ своей точки зрѣнія на предметъ долженъ былъ находить исправленіе обрядовъ и книгъ совершенно необходимымъ. Но на самомъ дѣлѣ не было ли это его исправленіе дѣломъ напраснымъ и не только напраснымъ, но, такъ какъ оно произвело расколъ старообрядства, и достойнымъ сожалѣнія? Исправленіе обрядовъ и книгъ не было безусловнымъ образомъ необходимо,—необходимость эта могла быть признана только за нѣкоторыми частными поправками въ книгахъ *); но оно было весьма, и не только

*) Разумѣемъ такіа поправки, какъ исключеніе изъ символа вѣры слова „истиннаго“, исключеніе изъ служебника разрѣшительныхъ молитвъ священника „за ся“.

весьма, но самымъ рѣшительнымъ, можно сказать — безусловнымъ образомъ, желательно. Нѣкоторая рознь наша съ греками относительно обычаевъ церковныхъ и нѣкоторое несогласіе нашихъ богослужебныхъ книгъ съ книгами греческими нисколько не препятствовали намъ быть совершенно православными: но для розни и несогласія не только не было никакой благословной вины, а напротивъ вина ихъ была прямо и положительно крайнимъ образомъ неблагословная. Мы разрознились съ греками въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ и въ богослужебныхъ книгахъ единственно въ слѣдствіе того, что, благодаря своему невѣжеству, составили себѣ совершенно неосновательное убѣжденіе, будто позднѣйшіе греки отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Не будь составлено нами этого убѣжденія относительно позднѣйшихъ грековъ, не произошло бы и разрозненія между нами и ими. Коль скоро эта единственная причина устранялась, т. е. коль скоро было сознано и признано нами, что наше убѣжденіе относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, вовсе неосновательно: чтѣ оставалось дѣлать, за совершеннымъ отсутствіемъ другой причины къ розни, какъ не возстановить согласія? Заимствовавъ отъ грековъ христіанскую православную вѣру, мы заимствовали отъ нихъ вмѣстѣ съ вѣрою и обряды и богослуженіе. Мы могли бы затѣмъ воспользоваться своимъ правомъ быть самостоятельными въ обрядахъ и богослуженіи, насколько это право предоставлено каждой частной церкви. Но, не говоря о томъ, что мы вовсе не въ состояніи были воспользоваться этимъ правомъ, ибо, при своемъ невѣжествѣ, далеко были мы несильны, чтобы быть творцами въ богослуженіи, мы вовсе не хотѣли имъ (правомъ) пользоваться, потому что совсѣмъ не было побужденій и цѣли, съ которыми и для которой мы имъ воспользовались бы. А поэтому, всегдашнее непремѣнное желаніе наше состояло въ томъ, чтобы быть въ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія, точнѣе — чтобы имѣть обряды и богослуженіе одни и тѣ же съ греками или именно греческіе, такъ чтобы одни и другое у насъ представляли ни что иное, какъ воспроизведеніе и точную копію однихъ и другаго у грековъ, иначе и ближе сказать: всегда признавали мы за безусловно обязательное для себя то, чтобы столько же быть однихъ обрядовъ и одного богослуженія съ греками, сколько были мы одной съ ними вѣры. Если же, несмотря на все свое желаніе быть въ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія, мы разрознились съ ними относительно тѣхъ и другаго: то причина сего была столько же неблагословна, сколько неосновательно было убѣжденіе, составленное нашими предками, будто позднѣйшіе греки отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, ибо это

именно убѣжденіе (бывшее плодомъ нашего невѣжества) составляло причину происшедшей розни *). Не было ли не только весьма, но и самымъ рѣшительнымъ, безусловнымъ образомъ желательно, чтобы согласіе, необходимость котораго столько нами признавалась, но которое нарушено было по такой неблагословной причинѣ, по такому прискорбнѣйшему недоразумѣнію, было возстановлено? Никонъ предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ потому, что онъ придавалъ обрядамъ и чинопослѣдованіямъ богослуженія преувеличенное значеніе. Но положимъ, что онъ стоялъ бы на настоящей или должной точкѣ зрѣнія на обряды и чинопослѣдованія. Мы непремѣнно желали находиться въ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія; между тѣмъ вопреки своему желанію мы разрознились съ ними вслѣдствіе прискорбнѣйшаго съ нашей стороны недоразумѣнія: не долженъ ли бы былъ онъ (Никонъ) считать за свою непремѣнную обязанность возстановить согласіе послѣ того какъ недоразумѣніе обнаружилось и разъяснилось? Въ наглядное поясненіе дѣла представимъ себѣ житейскій примѣръ. Положимъ, что съ кѣмъ-нибудь вы непремѣнно желали бы находиться въ дружбѣ и что не смотря на ваше желаніе у васъ выйдетъ съ этимъ кѣмъ-нибудь ссора изъ-за прискорбнѣйшаго съ вашей стороны и по вашей винѣ недоразумѣнія: послѣ того какъ разъяснится для васъ недоразумѣніе, не постараетесь ли вы тотчасъ же возстановить дружбу и это возстановленіе желаемой вами дружбы, послѣ того какъ исчезнутъ въ вашихъ глазахъ мнимыя причины къ ссорѣ, не будетъ ли необходимымъ съ вашей стороны дѣяніемъ? Такимъ образомъ, повторяемъ, и съ надлежащей точки зрѣнія на обряды и чинопослѣдованія богослуженія, предпринятое Никономъ исправленіе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, хотя не можетъ быть признано за дѣло безусловнымъ образомъ необходимое, тѣмъ не менѣе долженствуетъ быть признано за дѣло самымъ рѣшительнымъ образомъ желаемое. А такимъ образомъ очевидно, что предпринятое Никономъ исправленіе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ было дѣломъ вовсе и нисколько

*) До начала печатанія греками богослужебныхъ книгъ мы имѣли одно съ ними богослуженіе, но съ заимствованіемъ отъ нихъ разнообразія въ частностяхъ, которое у нихъ существовало. Послѣ того, какъ съ помощью книгопечатанія они водворили у себя единообразіе въ богослуженіи, и мы должны были бы усвоить отъ нихъ это установленное ими или установившееся у нихъ единообразіе. Но когда греки начали печатать богослужебныя книги, у насъ уже смотрѣли на нихъ какъ на отступившихъ отъ чистоты древняго православія, и мы, приступивъ въ свою очередь къ печатанію богослужебныхъ книгъ, водворяли у себя единообразіе въ богослуженіи независимо отъ нихъ, при чемъ въ этомъ единообразіи и разрознились съ ними (такъ что у нихъ оказалось одно единообразіе, у насъ другое).

не напраснымъ. Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ произвело расколъ старообрядства. Это, конечно, очень прискорбно. Но, во-первыхъ, не могъ же Никонъ предвидѣть, что это дѣйствительно случится такъ, а во-вторыхъ что было бы, еслибы съ совершеніемъ всякихъ, сколько-нибудь желаемыхъ, дѣлъ люди оставались предъ неразумными возраженіями противъ нихъ со стороны нѣкоторыхъ?

Перемѣнивъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ, но оставаясь при прежнемъ взглядѣ на обычай церковные, Никонъ въ своемъ исправленіи обрядовъ и книгъ совершилъ дѣло хотя не безусловно необходимое, какъ онъ на него смотрѣлъ, но тѣмъ не менѣе самымъ рѣшительнымъ и, можно сказать, безусловнымъ образомъ желаемое. Однако, сохраненный Никономъ прежній преувеличенный взглядъ на обычай церковные дѣйствительно имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что онъ допустилъ при этомъ одну прискорбную погрѣшность. Эту прискорбную погрѣшность составляетъ произнесенное имъ на соборѣ 23 апрѣля 1656 г. торжественное проклятiе на двуперстное крестное знаменіе *). Впрочемъ, на эту прискорбную погрѣшность, извиняемую и искупаемую до нѣкоторой степени противоположной погрѣшностью Стоглаваго собора, который предалъ проклятiю всякое недвуперстное крестное знаменіе, не имѣютъ никакого права жаловаться раскольники, ибо вовсе не она была причиной ихъ отдѣленія отъ церкви, и они все равно отдѣлились бы отъ послѣдней, еслибы и не было произнесено проклятiя на двуперстіе. Что же касается до тѣхъ раскольниковъ, которые желали бы воссоединиться съ церковью, но подъ условіемъ сохраненія двоеперстія, то съ допущеніемъ церковію единовѣрія погрѣшительное Никоново проклятiе снимается съ нихъ **).

*) Главная вина за эту погрѣшность должна быть возлагаема на патріарха антиохійскаго Макарія, который, потворствуя изъ корыстнаго раболѣвства ошибочному взгляду Никона, не только не удержалъ его отъ проклятiя, но и самъ сначала произнесъ его (въ недѣлю православія, 24 февраля) и далъ ему свое рукописаніе, которымъ прямо уполномочивалъ его вторично и болѣе торжественно сдѣлать то же самое.

**) Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ высшей степени странны и не основательны желанія и домогательства раскольниковъ, чтобы снята была съ нихъ клятва собора 1667 года. Конечно, достойно большаго сожалѣнія, что соборъ не предложилъ возставшимъ противъ Никонова исправленія обрядовъ и книгъ остаться въ церкви на условіяхъ нынѣшняго единовѣрія (ср. Краткую церковную русскую исторію *митр. Платона*,—II, 234 стр., въ которой настоятельно высказывается это сожалѣніе); но почему бы не сдѣлалъ этого соборъ,—потому ли, что не хотѣлъ, или потому, что при своихъ взглядахъ на дѣло не могъ сдѣлать, во всякомъ случаѣ это есть уже прошлое. Что же касается до настоящаго времени, то теперь, съ допущеніемъ единовѣрія, это униженіе уже исполнено и съ тѣхъ, которые изъявляютъ готовность воссоединиться съ церковью подъ условіемъ сохраненія дониконовскихъ обрядовъ и книгъ, клятва со-

Нѣкоторые имѣютъ наклонность представлять себѣ Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ, какъ единоличное дѣло Никона: онъ-де задумалъ исправленіе обрядовъ и книгъ, онъ предпринялъ и онъ совершалъ его, а другіе были только простыми исполнителями его приказаній добровольными или невольными. Такое представленіе дѣла вовсе несправедливо и неосновательно. Первая мысль объ исправленіи усвоится исключительно и единоличному вдохновенію Никона въ предисловіи къ первоисправленному служебнику 1655 г.; но мы уже говорили выше, что въ предисловіи къ служебнику точная историческая истина жертвуется въ семь случаѣ до нѣкоторой степени удобству представленія дѣла. Первая мысль объ исправленіи принадлежала вовсе не одному Никону, хотя дѣйствительно пошла отъ него (не какъ плодъ его вдохновенія, а какъ плодъ его бесѣды съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ), а сколько ему, столько же и царю Алексѣю Михайловичу съ другими ближайшими совѣтниками послѣдняго, и не будь государь, подобно Никону, способенъ внять представленіямъ о несправедливости нашего мнѣнія относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они утратили чистоту православія древнихъ грековъ, не могло бы имѣть мѣста и самое Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ, ибо veto государя могло бы остановить дѣло въ самомъ началѣ (и даже могло бы быть такъ, что Никонъ, проникшійся мыслию о необходимости исправленія, не былъ бы избранъ и въ патріархи). Предпринятіе исправленія обрядовъ и книгъ и его веденіе усвоится единолично Никону уже вопреки положительно и безспорно извѣстной намъ исторіи дѣла. Пришедши вмѣстѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и другими ближайшими совѣтниками государя къ сознанію необходимости исправленія обрядовъ и книгъ, Никонъ предпринялъ и повелъ его съ соборнаго одобренія и подъ соборнымъ смотрѣніемъ представительства русской церкви: соборъ 1654 г. одобрилъ предпринятіе исправленія, соборъ 1655 г. раз-

бора снимается, а снять ее съ самихъ раскольниковъ значило бы ничто иное, какъ признать расколъ за нерасколъ (а если есть нѣкоторые православные, сочувствующіе желанію раскольниковъ, то тутъ — сочувствіе, по невѣдѣнію простирающееся за предѣлы долгаго), сгъ въ „Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу“ митр. Филарета „Отвѣты на вопросы глаголемаго старообрядца по случаю бесѣды о Стоглавомъ соборѣ“, § 3 вѣн. (Впрочемъ, желаніе не только раскольниковъ, но, если не ошибаемся, отчасти и единовѣрцевъ, чтобы равносильная собору 1667 г. церковная власть дала удостовѣреніе, что клятва проинесена на людей, отдѣлившіхся отъ церкви, но не простирается на обряды, изъ-за которыхъ произошло раздѣленіе, не слѣдовало бы оставлять совершенно безъ вниманія. Какъ извѣстно, и митр. Филаретъ былъ за исполненіе этого желанія, — Собраніе мнѣній и отзывовъ т. IV, стр. 311—313, и тома дополнит. 507—508).

смотрѣлъ и одобрилъ сдѣланное исправленіе важнѣйшей изъ всѣхъ богослужебныхъ книгъ—служебника. Утверждать, будто соборы эти имѣли значеніе лишь одной простой комедіи, которою Никонъ хотѣлъ прикрывать свое своеволие, и будто они вовсе не свидѣтельствовали о дѣйствительномъ согласіи предстоятелей русской церкви на исправленіе, было бы не болѣе, какъ тенденціознымъ или намѣреннымъ произволомъ: подлѣ деспотическаго (положимъ, что это такъ) Никона сидѣлъ на соборѣ 1654 г. вовсе недеспотическій царь Алексѣй Михайловичъ и если высказываться противъ исправленія не были на соборѣ заграждены уста Павлу коломенскому, то, конечно, не были бы заграждены онѣ и кому-либо другому изъ архіереевъ, и самый деспотизмъ Никона на примѣрѣ Павла проявилъ себя только уже послѣ этого собора (и проявилъ себя слишкомъ жестоко, какъ нужно или, по крайней мѣрѣ, можно думать, именно потому, что всѣ были слишкомъ рѣшительнымъ образомъ противъ него одного). Но положимъ, что Никонъ былъ страшенъ *); ясное однако свидѣтельство въ пользу того, что всѣ архіереи, за исключеніемъ одного Павла коломенскаго, высказались за исправленіе не изъ страха передъ Никономъ, а по добровольному искреннему сознанію, къ которому были приведены сдѣланными имъ вразумленіями (на соборѣ и, какъ это вѣроятно предполагать, и ранѣе его), представляетъ намъ послѣдующая исторія. Если бы люди дѣйствовали изъ страха передъ Никономъ, то они должны были бы воспользоваться скоро возвращенной имъ свободой, ибо удаленіе Никона съ престола имѣло мѣсто и всего спустя четыре года послѣ приступа къ исправленію обрядовъ и книгъ (10 іюля 1658 г.); между тѣмъ мы знаемъ, что и послѣ удаленія Никона съ престола только одинъ изъ архіереевъ (Александръ вятскій) питалъ временное предубѣжденіе противъ его исправленія, такъ что имѣемъ все право предполагать между архіереями то единодушіе и единосовѣтіе за исправленіе, о которомъ они торжественно и нарочито засвидѣтельствовали на соборѣ 1666 г. Такимъ образомъ, такъ называемое Никоновское исправленіе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ несправедливо представляется нѣкоторыми, какъ единоличное дѣло Никона; напротивъ, оно было общимъ дѣломъ всѣхъ представителей русской церкви (за исключеніемъ одного), а слѣдовательно черезъ представителей церкви—общимъ дѣломъ сей послѣдней **).

*) Каковымъ дѣйствительно представляетъ его извѣстный Павель алеппскій.

**) Недавно высказано величайшей крайности мнѣніе, будто исправленіе обрядовъ и книгъ не только было единоличнымъ дѣломъ Никона, но будто Никонъ, не заботясь о серьезныхъ побужденіяхъ, предпринялъ его потому, что легкомысленнымъ образомъ поддался вліянію всякихъ, хорошихъ и худыхъ, греховъ. Несостоятельность этого мнѣнія настолько очевидна, что мы не счи-

Напрасно было бы оспаривать справедливость мнѣнія, что характеръ Никона былъ изъ очень несчастныхъ и далеко не изъ свѣтлыхъ характеровъ. Но тѣмъ не менѣе вовсе несправедливо было бы полагать, будто виной раскола былъ именно этотъ несчастный характеръ и что будь на мѣстѣ Никона другой человѣкъ съ инымъ характеромъ, раскола могло бы не быть. Рядомъ съ несчастнымъ по характеру Никономъ стоялъ человѣкъ, надѣленный счастливейшимъ характеромъ, это—царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Будучи горячимъ поборникомъ Никона въ дѣлѣ исправленія обрядовъ и книгъ, онъ успѣлъ сохранить все уваженіе къ себѣ и людей, возставшихъ противъ исправленія. Но и кроткія увѣщанія Стефана, восполнявшія и возмѣщавшія собою строптивыя приказанія Никона, не имѣли никакого дѣйствія на возставшихъ: они продолжали сохранять свое уваженіе къ Стефану, но что касается до отношенія къ исправленію, то въ этомъ случаѣ вовсе не хотѣли слушаться его *).

таемъ нужнымъ опровергать его. До недавняго времени наша противураскольниковская полемика хотѣла видѣть главную причину возникновенія раскола въ личномъ оскорбленномъ самолюбіи тѣхъ лицъ, которыя возстали противъ исправленія Никонова, утверждая, что люди эти были при Іосифѣ книжными справщиками и что Никонъ съ позоромъ отстранилъ ихъ отъ ихъ почетныхъ должностей. Это оказывается несправедливымъ, потому что, какъ въ настоящее время дознано, никто изъ людей, возставшихъ противъ исправленія Никонова, книжнымъ справщикомъ не бывалъ. Однако, есть дѣйствительное основаніе если не утверждать, то отчасти заподозривать, что личному оскорбленному самолюбію принадлежала нѣкоторая доля участія въ созданіи раскола. Въ последнее время патріаршества Іосифа дѣлами церкви фактически завѣдывалъ Стефанъ Вонифатьевичъ съ кружкомъ приближенныхъ къ нему людей, главнымъ между которыми послѣ него самого былъ Иванъ Нероновъ и не безъ голоса между которыми былъ и Аввакумъ; къ кружку принадлежалъ и Никонъ, бывъ весьма любезенъ и хорошъ и даже (будто бы искателемъ) съ остальными его членами. Но когда онъ (Никонъ) поставленъ былъ въ патріархи, то, мстя ли Неронову съ братіей за ихъ старанія склонить государя къ избранію въ преемники Іосифу Стефана Вонифатьевича (что дѣлалось безъ вѣдома и воли послѣдняго, который вовсе не помышлялъ о патріаршествѣ и былъ рѣшительно въ пользу Никона) или же просто не желая видѣть ихъ своими навязчивыми совѣтниками, тотчасъ же совершенно порвалъ съ ними прежнюю близость. Можно подозрѣвать, что обманутыя ожиданія Неронова и Аввакума быть наперсниками Никона, какъ патріарха, и играть при немъ видную роль, и были отчасти причиной, что они выступили противниками предпринятаго Никономъ исправленія обрядовъ и книгъ. Впрочемъ, повторяемъ, можно только подозрѣвать, и никакъ не болѣе; а прямо хотѣть видѣть главную причину возникновенія раскола ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ этомъ оскорбленномъ самолюбіи Неронова и Аввакума (ср. преосв. Макарія Ист. XII, 120) было бы такъ же малоосновательно, какъ и утверждать, будто исправленіе обрядовъ и книгъ было единоличнымъ и насильственнымъ, дѣломъ Никона.

*) Стефанъ Вонифатьевичъ, въ монашествѣ Савватій, скончался въ Нико-

статки характера Никонова, которые касаются насъ въ данномъ случаѣ, принадлежали къ числу тѣхъ недостатковъ, которые бываютъ свойственны людямъ съ сильными характерами: недостатки характера Никонова не были причиной, произведшей расколъ, но положительной сторонѣ его характера мы обязаны тѣмъ, что имъ было предпринято возможное только для человѣка съ сильнымъ характеромъ исправленіе обрядовъ и книгъ. Что же касается до раскола старообрядства, то его возникновеніе представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ печальныхъ историческихъ случаевъ, что въ цѣлыхъ массахъ людей, когда имъ приходится отказываться отъ заблужденій, нерѣдко находятя отдѣльные люди, которые, являя изъ себя упорныхъ и закоренѣлыхъ поборниковъ старины (старовѣровъ въ общемъ смыслѣ этого слова), выступаютъ защитниками заблужденій.

IV.

О надлежащей постановкѣ полемики съ старообрядцами *).

Наша полемика съ старообрядцами до настоящаго времени объясняетъ происхожденіе разностей въ церковныхъ обычаяхъ и въ чинопослѣдованіяхъ богослужебныхъ книгъ, которыя были до Никона у насъ съ греками и которыя въ настоящее время составляютъ разности старообрядцевъ съ нами-православными, такимъ же образомъ, какъ объясняли ихъ самъ Никонъ, а именно—смотреть на нихъ какъ на наши новшества, явившіяся въ отношеніи къ обычаямъ и привнесенныя въ книги, благодаря нашему невѣжеству. Poleмика дѣлаетъ только ту поправку противъ Никона, что тогда какъ этотъ нѣкоторыя по крайней мѣрѣ разности наши съ греками считалъ и объявлялъ за ереси, она видитъ во всѣхъ разностяхъ однѣ лишь погрѣшности **). Но археологія обрядовъ и богослуженія, которая въ послѣднее время начала быть у насъ серьезнымъ образомъ изучаема и на которую въ отношеніи къ богослуженію пролить новый свѣтъ описаніемъ рукописей московской синодальной библіотеки, совершеннымъ покойными А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ, открываетъ, что это остающееся со времени Никона представленіе дѣла не соотвѣтствуетъ дѣйствительности,—что большая часть нашихъ бывшихъ

новомъ Иверскомъ монастырѣ 11 ноября 1655 или 1656 г., см. письмо Никона къ Алексѣю Михайловичу въ Письмахъ государей, № 388, стр. 350 (объ отношеніяхъ Стефана къ Никону *сfr* еще *ibid.* № 383).

*) Эта статья была напечатана въ одной книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ съ предшествующей статьей.

***) *Сfr* Исторіи *прессе*. *Макарія* т. XII, стр. 221.

разностей съ греками не суть новшества, а именно только разности, происшедшія отъ случайнаго разрозненія нашего съ греками, — что другія разности хотя дѣйствительно суть новшества, но въ смыслѣ весьма относительномъ, такъ что усвоятъ имъ названіе погрѣшностей было бы несправедливо, и что только немногія разности должны быть признаваемы за дѣйствительныя новшества погрѣшительныя.

Въ отношеніи къ церковнымъ обычаямъ важнѣйшія бывшія разности наши съ греками суть: двоеперстіе, сугубая аллилуія, седмипросфоріе и хожденіе посолонь. Но двоеперстіе не только не есть новшество, а и древность, даже болѣе древняя, чѣмъ троеперстіе, ибо исторія формы перстосложенія для крестнаго знаменія состояла въ томъ, что первоначально было употребляемо единоперстіе и пятиперстіе, потомъ двоеперстіе и наконецъ уже, какъ форма оставшаяся навсегда, троеперстіе *). Сугубая аллилуія есть такая же древность, какъ и трегубая, и она не только употреблялась у грековъ совмѣстно съ трегубой аллилуіей до весьма поздняго времени, но отчасти употребляется и до сихъ поръ **). Седмипросфоріе есть новшество, но именно новшество весьма относительное, ибо и пятипросфоріе есть новшество противъ четверопросфорія (которое у грековъ въ патріархатѣ константинопольскомъ было употребляемо еще во второй половинѣ XVI вѣка ***), а въ патріархатѣ іерусалимскомъ даже еще въ половинѣ XVII вѣка ****) и такъ далѣе до одной просфоры, съ которой началась и на которой очень долгое время была совершаема проскомидія. Притомъ еще, седмипросфоріе должно быть признано новшествомъ и не въ совершенно строгомъ смыслѣ этого слова: въ частномъ употребленіи (зависѣвшемъ отъ воли ктиторовъ монастырей и церквей) оно находилось у грековъ съ весьма древняго времени *****). Хожденіе посолонь какъ будто дѣйствительно составляетъ наше новшество, и при томъ какое-то загадочное *****) , но во всякомъ случаѣ новшество не особенно важное.

*) Снова отсылаемъ читателя къ нарочитой статьѣ о перстосложеніи, которая печатается ниже.

***) Смъ въ нынѣшнемъ евхологіи чинъ священническаго погребенія.

****) Въ греческомъ подлинникѣ Никоновской Скрижали, напечатанномъ въ 1574 г., не пять просфоръ, а четыре просфоры (1. агнецъ, 2. въ честь Богородицы, 3. въ честь Предтечи и святыхъ, 4. за живыхъ и за мертвыхъ).

*****) Проескинитарій Суханова (просфоры тѣ же, чтѣ выше).

*****) См. моей Исторіи русской церкви т. I, 2, 1-го изд. стр. 310, 2-го изд. стр. 357, и у Мансестова въ сочиненіи: „Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности“, прилож. стр. XXXVII.

*****) Вел. кн. Иванъ Васильевичъ, неожиданно заявившій митр. Геронтію мнѣніе, что съ крестами при освященіи церковей должно ходить посолонь, и упорнѣйшимъ образомъ стоявшій на своемъ мнѣніи съ весьма немногими изъ духов-

Положительный отвѣтъ на вопросъ относительно богослужбныхъ книгъ, что въ нихъ новшества и что разности, происшедшія отъ случайнаго разрозненія съ греками, очень труденъ или, лучше сказать, совсѣмъ невозможенъ, потому что для этого требовалось бы произвести такое сличеніе славянскихъ рукописей съ греческими, котораго еще вовсе не произведено и которое, вѣроятно, будетъ произведено весьма не скоро. Въ минуту принятія нами христіанства отъ грековъ, богослужбныя книги послѣднихъ представляли весьма значительное разнообразіе относительно частныхъ, потому что это весьма значительное разнообразіе еще существовало у нихъ тогда въ самомъ богослуженіи. По мѣрѣ теченія дальнѣйшаго времени разнообразіе постепенно у нихъ уменьшалось, но все таки оставалось болѣе или менѣе значительнымъ до самаго начала печатанія богослужбныхъ книгъ, которое собственно ввело дѣйствительное однообразіе. Если не сполна, то въ весьма значительной степени разнообразіе греческихъ богослужбныхъ книгъ перешло и въ наши славянскія книги. Когда началось печатаніе богослужбныхъ книгъ у насъ, нужно было составлять изъ существовавшихъ разнообразныхъ книгъ единообразныя своды для печати, и такъ какъ дѣло велось у насъ при этомъ независимо отъ грековъ (поелику ихъ уже считали у насъ отступившими отъ чистоты древняго православія) и безъ справки съ печатными книгами греческими, то и весьма легко было нашимъ печатнымъ книгамъ до нѣкоторой степени разрозниться съ печатными книгами греческими. Что одною изъ причинъ разногласія нашихъ дониконовскихъ печатныхъ книгъ съ печатными книгами греческими было сейчасъ указанное случайное разрозненіе, это есть положительно извѣстный и несомнѣнный фактъ *). На вопросъ: отъ которой болѣе причины произошло разногласіе — отъ случайнаго разрозненія или отъ своеволія нашихъ переписчиковъ книгъ, позволявшихъ себѣ вносить въ книги свои новшества, какъ мы сказали, положительнаго отвѣта не можетъ быть дано; что же касается до отвѣта предположительнаго, то со всею и рѣшительною вѣроятностію должно думать, что главнѣйшею причиною разногласія было именно случайное разрозненіе и что своеволіе переписчиковъ было этою причиною развѣ только въ самой незначительной степени. Наши книжные писцы весьма не рѣдко, а если имѣли возможность, то и большею частію, были не только

*) См. Описанія синодальныхъ рукописей *Горскаго* и *Невоструева* отдѣлы третій, содержащій описаніе богослужбныхъ книгъ, въ которомъ не рѣдко указывается, что читаемое въ древнихъ и старыхъ нашихъ богослужбныхъ книгахъ, но не читаемое въ нынѣшнихъ, находится на греческомъ.

писцами, но вмѣстѣ и редакторами книгъ, именно,—что, переписывая книги съ однихъ списковъ, они дополняли и поправляли свои копии по другимъ спискамъ (если имѣли таковыя подъ руками); но чтобы они отъ себя привносили въ книги новшества въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. нѣчто своего собственнаго сочиненія, это представляется крайне мало вѣроятнымъ и такое своеволие или своевольное творчество со стороны писцовъ можетъ быть допустимо или не можетъ быть отрицаемо только въ видѣ крайне рѣдкихъ, а по своему свойству—весьма незначительныхъ, исключеній. Такимъ образомъ, относительно разностей въ нашихъ печатныхъ дониконовскихъ книгахъ съ печатными книгами греческими необходимо думать, что въ наибольшей ихъ части и въ наиболѣе важныхъ между ними онѣ представляютъ не наши новшества въ собственномъ смыслѣ, а взятое изъ тѣхъ же книгъ греческихъ, только при этомъ случайнымъ образомъ взятое такъ, что наши печатныя книги разрознились съ печатными книгами греческими (т. е. представляютъ то, взятое изъ рукописей, чего нѣтъ въ печатныхъ книгахъ греческихъ или что не вошло въ послѣднія). Какъ бы то ни было, но дѣйствительныхъ погрѣшностей между разностями мы знаемъ и всего двѣ: это—прибавка въ 8-мъ членѣ символа слова „истиннаго“ (представляющая совмѣщеніе двухъ разныхъ переводовъ греческаго слова *Κύριος* и молитвы „за ся“ священника передъ служеніемъ, причемъ относительно второй погрѣшности весьма не невозможно думать, что она есть погрѣшность уже греческая и перешла въ наши книги изъ греческихъ книгъ, какъ уже готовая *).

*) Молитвы „за ся“ читаются уже въ служебникѣ XII в., усвоенномъ преп. Антонію Римлянину, см. Опис. синод. ркп. Горск. и Невостр. № 342 сначала. За весьма важную погрѣшность дониконовскихъ печатныхъ служебниковъ преосв. Макарій считаетъ то, что по всѣмъ этимъ служебникамъ въ чинѣ литургіи Василія Великаго не читается словъ: „преложивъ Духомъ твоимъ Святымъ“ (Исторія раскола, стр. 128). На самомъ дѣлѣ это вовсе не погрѣшность (въ смыслѣ у насъ сдѣланнаго опущенія). Словъ этихъ въ чинѣ литургіи Василія Великаго не читается во многихъ древнихъ греческихъ служебникахъ и за ихъ нечтеніе (именно въ литургіи Василія Великаго, но не Златоустаго) горячо стоятъ и нѣкоторые новые греческіе ученые, см. въ Пидаліонѣ примѣчаніе къ 19 правилу лаодикійскаго собора (ср. Описание славянскихъ рукописей синод. библ. Горск. и Невостр., отд. 3-й, предисл. стр. VII). Если въ служебникѣ іовлевскомъ положено большихъ младенцевъ крестить въ тѣплой водѣ чрезъ обливаніе: то принимаемый преосв. Макаріемъ за обливаніе (ibid. стр. 128) особый видъ погрусненія (по шею безъ головы, которая поливается) не есть наше новшество, а составляетъ обычный у грековъ способъ крещенія дѣтей съ древняго и до настоящаго времени, — о древнемъ и старомъ времени см. апологію Григорія Маммы противъ письма Марка Ефесскаго, — въ Патрол. Миня t. 160, p. 137, номоканонъ при требникѣ, по изд. Павлова прр. 200 и 201, и въ Преніи Арсенія Суханова бесѣду 6-го іюня, ср. нашей И. Р. Ц. 2 полов. I т., 1-го изд.

Въ подтвержденіе того, что наши дониконовскія печатныя богослужебныя книги неисправны, ссылаются на преп. Максима Грека и на послѣловія къ самымъ книгамъ: но и одна и другая ссылки не могутъ быть признаны основательными и представляютъ собою недоразумѣніе. Максимъ нашелъ въ нашихъ книгахъ нѣсколько (сравнительно съ объемомъ книгъ очень немного) грубыхъ погрѣшностей, которыя отчасти допущены были переводчиками, отчасти, можетъ быть, зависѣли отъ описокъ въ тѣхъ греческихъ рукописяхъ, которыя служили для переводчиковъ оригиналами, отчасти составляли описки писцовъ только нѣкоторыхъ рукописей, и всѣ встрѣченныя имъ погрѣшности исправилъ. Что изъ этого слѣдуетъ кромѣ того, что до Максима были въ нашихъ книгахъ нѣкоторыя грубыя погрѣшности, происшедшія такъ или иначе *), и что онъ ихъ исправилъ? Очень можетъ быть, что Максимъ исправилъ не всѣ погрѣшности (ибо, какъ кажется, онъ исправлялъ не всѣ безъ изыятія богослужебныя книги); но чтобы въ печатныхъ дониконовскихъ книгахъ встрѣчались погрѣшности подобныя тѣмъ, которыя исправилъ Максимъ: то ни одной подобной погрѣшности (привносящей еретическія мысли или являющейся совершенною безсмыслицей) никто въ нихъ не указалъ, и слѣдовательно—необходимо думать, что если и оставались послѣ Максима подобныя погрѣшности, то онѣ были исправлены и отстранены справщиками книгъ при печатаніи послѣднихъ **). Въ послѣловіяхъ къ печатнымъ дониконовскимъ книгамъ читаются жалобы на то, что въ божественныхъ писаніяхъ находитея по рукописямъ многое нѣкое и прензалищенное разгласіе, которое усвоится ими переводчикамъ и писцамъ книгъ. Но подъ разгласіемъ послѣловія разумѣютъ не ка-

стр. 365 fin. 2-го изд. стр. 423, (до патр. Филарета была у насъ погрѣшность, составлявшая дѣйствительное наше новшество и состоявшая въ прибавкѣ въ богоявленскомъ чинѣ освященія воды слова: „и огнемъ“).

*) А когда Максимъ дѣлаетъ такіе общіе отзывы о нашихъ книгахъ, что будто бы онѣ преисполнены были погрѣшностей (при чемъ къ дѣйствительнымъ погрѣшностямъ, находившимся во всѣхъ или многихъ спискахъ какой-либо книги и зависѣвшимъ отъ перевода, несправедливо причисляетъ и случайныя погрѣшности отдѣльныхъ рукописей, надѣланныя безграмотными или небрежными писцами, каковыя писцы часто бывали и у грековъ): то несомнѣнно, что въ интересахъ самозащиты онъ впадаетъ въ сильное преувеличеніе (до насъ сохранилось достаточное количество рукописей и мы имѣемъ полную возможность видѣть, насколько справедливы слова Максима; безпристрастіе и сравненіе съ нашимъ собственнымъ временемъ требуютъ отзываться о переводахъ не съ порицаніемъ, а съ особенной похвалой).

***) А что справщики книгъ, каковыя они были со времени патр. Филарета, въ состояніи были исправить всѣ подобныя погрѣшности (за тѣмъ возможнымъ исключеніемъ, что что-нибудь какъ-то ускользнуло отъ вниманія всѣхъ), это не можетъ подлежать сомнѣнію.

кія-либо дѣйствительныя новшества, привнесенныя въ книги у насъ, а разгласіе, которое, бывъ въ богослужебныхъ книгахъ у грековъ, перенесено было и къ намъ и которое у насъ еще болѣе было умножено писцами чрезъ составленіе ими новыхъ редакцій изъ нѣсколькихъ рукописей (о чемъ выше). Хотѣли, напримѣръ, книжные справщики напечатать служебникъ; для приготовленія оригинала, съ котораго печатать, они брали нѣсколько рукописей; но между рукописями (какъ новыми, такъ и древними харатейными) оказывалось разгласіе или разногласіе, которое нужно было объединять: на это-то именно разгласіе и жалуются книжные справщики въ послѣсловіяхъ къ книгамъ.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что наша полемика съ старообрядцами должна быть поставлена иначе, нежели какъ она поставлена до сихъ поръ. Въ чемъ должна состоять иная постановка полемики, это мы указывали выше.

Большая часть нашихъ дониконовскихъ разностей съ греками не составляли нашихъ погрѣшительныхъ новшествъ, таковыми погрѣшительными новшествами были только немногія изъ разностей. Но тѣмъ не менѣе необходимо было не только частное устраненіе многихъ дѣйствительныхъ погрѣшностей, а и то общее соглашеніе насъ съ греками въ обрядахъ и книгахъ или то исправленіе обрядовъ и книгъ, которое совершилъ Никонъ. Разности, не представлявшія изъ себя новшествъ, хотя бы и непогрѣшительныхъ, а бывшія только простыми разностями, происшедшими въ слѣдствіе случайнаго разрозненія нашего съ греками, и разности, представлявшія изъ себя новшества, которыя не могутъ быть названы погрѣшительными, явились не вслѣдствіе какой-либо причины уважительной или даже только извинительной, а по самой неблагословной нашей винѣ, въ слѣдствіе прискорбнѣйшаго съ нашей стороны недоразумѣнія*), а поэтому и ихъ устраненіе, хотя при ихъ существованіи церковь наша нисколько и не утрачивала чистоты православія, было столько же для насъ обязательно, сколько несправедливо и несообразно было то, что предки наши заподозрили позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ.

Мы всегда признавали обязательнымъ для себя находиться въ полномъ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія. Не смотря на это признаніе мы разрознились съ позднѣйшими греками относительно обрядовъ и богослуженія вслѣдствіе того, что за-

*) Вслѣдствіе того же нашего невѣжества, которымъ объясняетъ дѣло и теперешняя наша полемика, только чрезъ иное его проявленіе, нежели какое видятъ послѣдняя.

подозрили этихъ позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ *). Но заподозрѣніе было совершенно несправедливо и неосновательно. Слѣдовательно, послѣ того, какъ была признана нами несправедливость и неосновательность заподозрѣнія, къ такому сознанию пришелъ Никонъ, необходимо должно было быть восстановлено между нами и позднѣйшими греками согласіе относительно обрядовъ и богослуженія. Эти краткія положенія болѣе подробнымъ образомъ изложены нами выше и мы считаемъ за излишнее повторять ихъ.

Того положенія, что мы должны быть въ полномъ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія, поколику послѣдніе суть православны, нисколько не оспариваютъ старообрядцы. Напротивъ, самый расколъ старообрядства возникъ именно какъ защита этого положенія. Основатели раскола возстали противъ Никонова исправленія именно какъ поборники нашего согласія въ обрядахъ и богослуженіи съ греками, поколику послѣдніе суть православны, такъ какъ на позднѣйшихъ грековъ, привести насъ въ согласіе съ которыми предпринялъ Никонъ, они смотрѣли какъ на отступивш ихъ отъ чистоты православія. Слѣдовательно, въ нашей полемикѣ съ старообрядцами требуетъ быть доказаннымъ собственно одно положеніе, именно—что позднѣйшіе греки вовсе не отступали отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Какъ скоро будетъ доказано это, то будетъ доказано и все, ибо если позднѣйшіе греки не отступали отъ чистоты православія древнихъ грековъ, то изъ сего необходимо будетъ слѣдовать, что мы должны быть въ согласіи съ этими позднѣйшими греками относительно обрядовъ и богослуженія.

Но при сей часъ сказанномъ подразумѣвается еще нѣчто, составляющее *conditionem, sine qua non*. Старообрядцы смотрятъ на дѣло неправильными глазами, придавая обрядамъ и обычаямъ церковнымъ, равно какъ и богослужебнымъ чинопослѣдованіямъ, то преувеличенное значеніе, о которомъ говорили мы выше. Какъ всякій споръ между кѣмъ-нибудь возможенъ только въ томъ случаѣ, если спорящіе стоятъ на одной и той же точкѣ зрѣнія на предметъ: такъ и полемика съ старообрядцами необходимо предполагаетъ это же самое,

*) Подразумѣвается при этомъ посредствующая мысль, что, заподозривъ позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ, мы уединились и устранились отъ нихъ въ отношеніи къ обрядамъ и богослуженію и, такъ сказать, начали относительно послѣднихъ жить сами о себѣ, самостоятельно устанавливая для себя формы или виды обычаевъ и при введеніи у насъ книгопечатанія самостоятельно приводя бывшее дотолѣ разнообразіе богослужебныхъ книгъ къ единообразію (и такимъ образомъ введши у себя иное единообразіе, нежели какое установилось или было принято у грековъ).

т. е. чтобы послѣдніе заставлены (разумѣемъ—убѣждены) были признать настоящій или правильный взглядъ на обряды и обычаи церковныя съ чинопослѣдованіями богослуженія.

V.

Дополнительныя рѣчи о происхожденіи раскола старообрядства *).

Отвѣтъ на статью свящ. С. Ледовскаго: „О грековосточномъ православіи“, помѣщенную въ „Братскомъ Словѣ“.

Въ „Братскомъ Словѣ“ 1894 г., въ книжкѣ, содержащей №№ 16—18, напечатана статья священника Сергія Ледовскаго, подъ заглавіемъ: „О греко-восточномъ православіи (Письмо къ ревнителю православія М. И. И—ву)“, направленная противъ одной изъ моихъ статей, носящихъ общее заглавіе: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ и напечатанныхъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1892-го года.

Нисколько я не въ претензіи на о. Ледовскаго, что онъ несогласенъ со мною относительно нѣкоторыхъ пунктовъ полемики съ старообрядцами. Такъ какъ я устанавливаю новый до извѣстной степени взглядъ на полемику: то желать, чтобы всѣ тотчасъ согласились со мной, было бы съ моей стороны странно и смѣшно. Прямо благодаренъ я о. Ледовскому, что онъ, будучи несогласенъ со мною, взялъ на себя трудъ писать противъ меня: это даетъ мнѣ поводъ обстоятельнѣе высказаться по одному изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ полемики съ старообрядцами. Но прискорбно мнѣ, что, послѣдуя недоброму примѣру людей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ личнаго самолюбія, онъ желаетъ чернить мои намѣренія и расположенія съ нравственной стороны и что побуждаемый симъ желаніемъ онъ очень нехорошо начинаетъ и очень нехорошо кончаетъ свою статью.

Статья написана о. Ледовскимъ по просьбѣ какого-то М. И. И—ва, передачей отрывка изъ письма котораго къ нему и начинается онъ свои рѣчи. Вотъ это начало статьи о. Ледовскаго, передающее отрывокъ изъ письма къ нему М. И. И—ва: „Въ письмѣ своемъ отъ 25 іюня 1893 года, вы, любезнѣйшій М. И., жалуетесь на то обстоятельство, что ваши собесѣдники-старообрядцы за послѣднее время сильно „жмутъ“ васъ статьями Е. Голубинскаго, отпечатанными за прошедшій 1892 годъ въ новоиздающемся академическомъ журналѣ „Богословскомъ Вѣстникѣ“. Вы пишете: „Мѣстные старообрядческіе

*) Эта статья была напечатана въ мартовской и апрѣльской книжкахъ „Богословскаго Вѣстника“ за 1895-й годъ.

пачетчики, вооружившись за послѣднее время книжками „Богословскаго Вѣстника“, прежде всего съ дерзостью требуютъ отъ меня объясненія тѣхъ положеній г. Голубинскаго, въ которыхъ доказывается, будто предки наши съ половины XV вѣка и вплоть до самаго патріаршества Никона были твердо убѣждены въ неправославіи позднѣйшихъ грековъ, совершенно отвергали ихъ авторитетъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ. Чувствуя свое безсиліе противъ ученыхъ доказательствъ г. Голубинскаго, я вообще пока стараюсь не заходить далеко по данному вопросу; но, сознавая за собой священную обязанность защищать церковь православную отъ дерзкихъ нападеній ея враговъ, я убѣждаюсь, что такое мое отношеніе къ вопросу о православіи греческой церкви, по крайней мѣрѣ, не должно продолжаться болѣе. Поэтому покорнѣйше прошу васъ, батюшка, сообщить мнѣ при первомъ возможномъ случаѣ, дѣйствительно ли изъ положеній г. Голубинскаго слѣдуетъ, что убѣжденіе въ неправославіи грековъ было *общепринятымъ* убѣжденіемъ нашихъ предковъ въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ предъ временемъ окончательнаго исправленія богослужебныхъ книгъ, возбужденнаго патріархомъ Никономъ“ *)?

О. Ледовскій говоритъ, что онъ передаетъ отрывокъ изъ письма своими словами, и мы не знаемъ, измѣняетъ или не измѣняетъ онъ смыслъ письма. Но то или другое, т. е. хотя бы и второе, во всякомъ случаѣ онъ отвѣтственъ за него, ибо, помѣщая его у себя, онъ, очевидно, одобряетъ его. Что же хочеть сказать письмо? Авторъ его говоритъ, что онъ чувствуетъ свое безсиліе противъ ученыхъ доказательствъ г. Голубинскаго, но что въ то же время онъ сознаетъ за собой священную обязанность защищать церковь православную (подразумѣвается—греческую) отъ дерзкихъ нападеній ея враговъ... Изъ сопоставленія этихъ двухъ положеній, съ принятіемъ во вниманіе того обстоятельства, что статья адресуется „ревнителю православія“, если не всѣ вообще читатели, то читатели, имѣющіе нѣкоторое предубѣжденіе противъ меня, не сдѣлаютъ ли заключенія, будто мои ученые доводы таковы, что не только по злоупотребленію, въ расчетъ на невѣжество противника, враги церкви, т. е. раскольники, могутъ пользоваться ими для дерзкихъ на нее нападеній, а что они и на самомъ дѣлѣ служатъ для сей позорной цѣли? Но вотъ что у меня въ статьяхъ. Сказавъ о возникновеніи у насъ раскола старообрядства, я говорю въ заключеніе: „Итакъ, съ половины XV вѣка, вслѣдствіе указанныхъ нами причинъ, у насъ составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древ-

*) „Братскаго Слова“ стр. 437—438.

нихъ грековъ, при чемъ дѣло было понимаемо такъ, будто все, чѣмъ греки отличались отъ насъ въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ и богослужебныхъ книгахъ, составляло ихъ еретическія и погрѣшительныя новшества. Это совершенно несправедливое, но долговременное и твердое убѣжденіе и было причиной возникновенія у насъ раскола старообрядства. Патріархъ Никонъ созналъ несправедливость и неосновательность убѣжденія, вслѣдствіе чего и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и книгъ *). Въ слѣдъ за этимъ я задаю вопросъ: „Но какъ случилось, что Никонъ созналъ несправедливость мнѣнія (о позднѣйшихъ грекахъ) послѣ того какъ оно господствовало у насъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій и въ продолженіе столѣтій было содержимо у насъ со всею твердостью“,—и отвѣчаю на вопросъ: „Наше русское мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и заразились еретическими новшествами, было вопіющею несправедливостью по отношенію къ этимъ позднѣйшимъ грекамъ. Вопіющей несправедливости когда-нибудь долженъ былъ настать конецъ, и Никонъ былъ призванъ къ тому, чтобы положить ей конецъ“ **)... Въ заключеніе моихъ рѣчей о надлежащей постановкѣ полемики съ старообрядцами я говорю: „Въ нашей полемикѣ съ старообрядцами требуетъ быть доказаннымъ собственно одно положеніе, именно — что позднѣйшіе греки вовсе не отступали отъ чистоты православія древнихъ грековъ; какъ скоро будетъ доказано это, то будетъ доказано и все“ ***)... Итакъ, я говорю что мнѣніе предковъ нашихъ о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, было вопіющею несправедливостію,—что доказать несправедливость этого мнѣнія есть то главнѣйшее, что требуется отъ нашей полемики съ старообрядцами. А противъ меня инсинуируютъ, будто мои ученые доводы служатъ оружіемъ для дерзкихъ враговъ позднѣйшей греческой церкви въ ихъ нападеніяхъ на эту церковь!

Кончаетъ свою статью о. Ледовскій семи словами: „Удивительно, а еще болѣе прискорбно видѣть, что нынѣ служители духовной науки, гг. профессора, въ родѣ Голубинскаго, примкнули къ расколоучителямъ, — опираясь на тѣхъ же свидѣтельствахъ, какъ (sic) и эти послѣдніе, проповѣдуютъ, что будто бы убѣжденіе въ неправославіи грековъ съ XV вѣка сдѣлалось всеобщимъ на Руси“ ****)... Не обижаюсь на то, что нѣкій, не совсѣмъ вѣдомый міру, отецъ трактуетъ меня свн-

*) Выше стр. 26. („Богосл. Вѣстн.“ 1892-го года, январь, стр. 74—75).

**) Стр. 28. (ibid., февраль, стр. 277).

***) Стр. 75 (ibid., мартъ, стр. 505).

****) „Братск. Слово“, стр. 457 вл..

сока и презрительно; не хочу понимать его словъ, хотя, думается мнѣ, и имѣлъ бы право, въ смыслѣ той мерзкой клеветы на меня, будто я писалъ свои статьи: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ въ пользу раскольниковъ и противъ церкви: но да будетъ ему стыдно за то обвиненіе на меня, составляющее по свойству своему нѣчто едва ли меньшее и едва ли лучшее клеветы, будто я примкнулъ къ расколоучителямъ и въ своемъ ученіи о происхожденіи раскола опираюсь на тѣхъ же свидѣтельствахъ, что и эти послѣдніе. Существуетъ статья, принадлежащая ни кому иному, какъ самому редактору „Братскаго Слова“, которая, бывъ направлена противъ расколоучителей, трактуетъ о томъ же самомъ, о чемъ трактуетъ о. Ледовскій въ своей статьѣ, направленной противъ меня, и которая, нося почти то же заглавіе, что статья о. Ледовскаго, а именно: „О православіи греческой церкви (противъ раскольниковъ)*“, напечатана въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1865 года *). Сличите свидѣтельства расколоучителей, которыя указываетъ г. Субботинъ въ своей статьѣ, съ моими свидѣтельствами, и вы увидите, что нѣтъ буквально ни одного общаго!

Устанавливая новый до нѣкоторой степени взглядъ на происхожденіе раскола и указывая на необходимость нѣсколько новой постановки полемики съ старообрядцами, я, разумѣется, говорю противъ прежняго взгляда и противъ прежней постановки полемики. Люди, которые считаютъ себя представителями прежняго взгляда, чувствуя себя оскорбленными въ своемъ самолюбіи, и прибѣгаютъ къ простѣйшему средству опровергать меня — къ недостойной инсинуаціи противъ меня, будто я пишу за расколъ и противъ церкви (разумѣю, конечно, не М. И. И-ва и не о. Ледовскаго, которые только поютъ съ чужаго голоса или въ чужой тонъ, а другихъ нѣкоторыхъ людей которые именно считаютъ себя представителями прежняго взгляда). Въ своемъ отвѣтѣ о. протоіерею І. Г. Виноградову **) я говорю слѣдующее: „Статьи: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ я писалъ не въ интересѣ старообрядцевъ, а напротивъ въ интересѣ нашей православной полемики съ старообрядцами. Наша полемика съ старообрядцами основывается на церковной греко-русской археологіи. Противустарообрядческіе полемисты изучаютъ археологію какъ средство для своей цѣли; но есть у насъ профессиональные и непрофессиональные археологи, для которыхъ археологія служитъ не средствомъ, а цѣлью, которые изучаютъ ее для нея самой, безъ всякаго отношенія къ полемикѣ и безъ всякой заботы о сей послѣдней. Этими археоло-

*) Части второй стрр. 150—186 и части третьей стрр. 311—346.

**) Который см. ниже.

гами нашими пролить въ послѣднее время на исторію богослуженія и богослужебныхъ обрядовъ новый свѣтъ, при которомъ оказывается, что наша полемика съ старообрядцами должна быть поставлена нѣсколько иначе, нежели какъ она поставлена до сихъ поръ. Такъ вотъ, указаніе необходимости нѣсколько иной постановки полемики противъ нынѣшней и показаніе, въ чемъ именно должна состоять эта иная постановка, и составляли мою цѣль при написаніи моихъ статей. Никто не станетъ отрицать возможности появленія между старообрядцами человѣка, подобнаго Андрею Денисову. Но явись такой человѣкъ, то онъ, пользуясь свѣдѣніями нашей археологій и, такъ сказать, съ нашими же книгами въ рукахъ, заставилъ бы насъ измѣнить постановку полемики съ старообрядцами. Не дожидаясь, чтобы это случилось и чтобы насъ принудили къ перемѣнѣ постановки полемики, а находя по всякимъ соображеніямъ и побужденіямъ, что это гораздо лучше сдѣлать намъ самимъ, я и рѣшился написать мои статьи "... *). Въ настоящей моей статьѣ я представляю такое убѣдительное частное доказательство необходимости того, чтобы постановка полемики съ старообрядцами была нѣсколько измѣнена, что будутъ спорить противъ него развѣ только люди, которые изъ побужденій личнаго самолюбія готовы спорить и противъ того, что дважды два есть четыре. А такъ какъ поводъ представить такое доказательство даетъ мнѣ о. Ледовскій, то я и приношу ему за это искреннюю благодарность.

Послѣ довольно длиннаго вступленія обращаюсь къ самому дѣлу.

Нисколько не примыкаю я къ расколоучителямъ и вовсе не опираюсь на тѣхъ же свидѣтельствахъ, что и эти послѣдніе; но самъ по себѣ я дѣйствительно проповѣдую, что „съ половины XV вѣка у насъ составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ“, и что „это совершенно несправедливое, но долговременное и твердое, убѣжденіе и было причиной возникновенія у насъ раскола старообрядства **).

Расколъ старообрядства возникъ у насъ изъ-за того, что патр. Никонъ предпринялъ исправленіе нашихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, желая привести эти чины, обряды и книги въ согласіе или къ единству съ чинами, обрядами и книгами современной ему церкви греческой (съ которою дотолѣ была у насъ относительно однихъ съ другими и третьихъ нѣкоторая рознь). Какимъ же образомъ Никоново исправленіе чиновъ, обрядовъ и книгъ. предпринятое съ сейчасъ указанною цѣлю, могло подать поводъ къ

*) „Богословск. Вѣстника“ 1893 года августъ, стр 325, см. ниже.

**) Мѣсто приведено выше.

возникновенію у насъ раскола старообрядства, т. е. съ какой же стати нѣкоторые у насъ люди возстали противъ Никонова исправленія чиновъ, обрядовъ и книгъ, провозгласивъ его дѣломъ еретическимъ, и отдѣлились изъ-за него отъ церкви, чтобы образовать свое раскольническое общество?

На вопросъ этотъ наши полемисты противъ старообрядства отвѣчаютъ въ слѣдъ за покойнымъ преосвященнымъ Макаріемъ, что причиной возстанія нѣкоторыхъ людей противъ предпринятаго Никономъ исправленія чиновъ, обрядовъ и книгъ была личная вражда этихъ нѣкоторыхъ людей къ патріарху. Что касается до причины личной вражды, то преосв. Макарій указывалъ сначала одну причину, потомъ другую. Въ Исторіи русскаго раскола, напечатанной въ 1855 году, онъ указывалъ причину личной вражды къ Никону епископа Коломенскаго Павла въ томъ, что первый восхитилъ патріаршество у близкаго родственника епископа, при которомъ этотъ могъ надѣяться на большое значеніе, а причину личной вражды протопоповъ Іоанна Неронова, Аввакума, Даниїла и Логгина—въ томъ, что Никонъ съ безчестіемъ устранилъ ихъ отъ должности справщиковъ, доставлявшей имъ столько почету *). Когда было дознано, что Никонъ вовсе не восхищалъ патріаршества у близкаго родственника епископа Павла и что ни одинъ изъ названныхъ протопоповъ вовсе не бывалъ справщикомъ, преосвящ. Макарій, умалчивая о причинѣ личной вражды къ Никону епископа Павла, указалъ какъ на причину личной вражды къ нему протопоповъ Іоанна Неронова, Аввакума и другихъ, на то, что при патріархѣ Іосифѣ протопопы эти были самые авторитетные люди въ московскомъ духовенствѣ, что они надѣялись быть тѣмъ же и при Никонѣ, но что совершенно обманулись въ своей надеждѣ **). Есть, какъ кажется, между полемистами нашими упорные люди, которые, давно усвоивъ себѣ первое объясненіе дѣла, хотятъ держаться за него и доселѣ, несмотря на отказъ отъ него, по причинѣ его несомнѣнной несостоятельности, самаго преосв. Макарія, а люди неупорные, конечно, принимаютъ второе или позднѣйшее объясненіе преосв. Макарія.

О причинѣ возникновенія раскола старообрядства, которую указываетъ преосв. Макарій, должно быть сказано, что нѣкоторое, второстепенное, значеніе можетъ быть ей усвоено, но что считать ее главной причиной было бы далеко неосновательно. Сдѣлавъ ту поправку въ словахъ преосв. Макарія, что протопопы были весьма авторитетные люди въ московскомъ духовенствѣ во время правленія патр. Іосифа, но не при немъ самомъ или не передъ нимъ самимъ, ибо съ нимъ

*) Стр. 163.

**) См. статью: „Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ“, напечатанную въ 29-й части Прибавленій къ твореніямъ свв. отцевъ, стр. 16—17, и Исторіи русской церкви т. XII, стр. 120--121.

самимъ находились во враждебныхъ отношеніяхъ *), можно и не невѣроятно будетъ допускать, что личное оскорбленное самолюбіе болѣе или менѣе содѣйствовало тому, чтобы Нероновъ и Аввакумъ выступили съ своимъ протестомъ противъ Никонова исправленія чиновъ, обрядовъ и книгъ. Но чтобы, возставая противъ Никонова исправленія чиновъ, обрядовъ и книгъ, они дѣйствовали главнымъ образомъ изъ личнаго оскорбленнаго самолюбія, тѣмъ болѣе, чтобы весь расколъ старообрядства создавался благодаря ихъ личному оскорбленному самолюбію, этого невозможно допустить. Возьмите дѣятельность Неронова и Аввакума по удаленіи Никона съ кафедры (читая о ней у самого преосв. Макарія въ XII т. Исторія русской церкви), и вы, если будете смотрѣть на дѣло безъ предубѣжденія, ясно увидите, что они дѣйствовали, какъ люди искренно убѣжденные **). А предполагать далѣе относительно всего раскола, что три — четыре оскорбленные Никономъ въ своемъ личномъ самолюбіи протопопа (съ Нероновымъ и Аввакумомъ подразумѣваемъ Даніила и Логгина), кликнули противъ него кличъ и что подъ ихъ знамя потекли люди, не имѣвшіе сами по себѣ ничего противъ Никона, значитъ предполагать нѣчто совсѣмъ неудобопріемлемое.

Не знаемъ мы, есть ли въ исторіи примѣры, чтобы такія крупныя религіозно-бытовыя явленія, какъ нашъ расколъ старообрядства, были обязаны своимъ существованіемъ такой причинѣ, какъ личное оскорбленное самолюбіе. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что расколъ нашъ не принадлежитъ къ числу подобныхъ явленій. А несомнѣнно это потому, что мы положительно знаемъ о дѣйствительной причинѣ, которая его вызвала.

Что говорили люди, возставшіе противъ предпріятія Никона исправить церковныя чины, обряды и книги, въ объясненіе и оправданіе своего протеста и своего отдѣленія изъ-за него отъ церкви? Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ словами редактора „Братскаго Слова“ въ его статьѣ О православіи греческой церкви: „Какъ скоро восточная церковь, въ лицѣ Константинопольскаго патріарха Паисія, Антиохійскаго Макарія и другихъ греческихъ пастырей выразила полное сочувствіе къ (sic) предпріятію патріарха Никона исправить погрѣшности въ россійскихъ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, приверженцы мнимой старины, недовольные этимъ предпріятіемъ, стали гласно проповѣдывать, будто церковь восточная утратила древнее православіе и благочестіе, уклонилась въ латинство и другія ереси и потому

*) Смотри выше стр. 50.

***) А въ объясненіе протеста Павла Коломенскаго, послѣ того какъ оказалось неосновательнымъ первое предположеніе о руководившихъ имъ личныхъ побужденіяхъ, не могло быть указано новыхъ личныхъ побужденій.

согласіе Восточныхъ патріарховъ не можетъ служить оправданіемъ для Никона, и править славянскія книги по греческимъ значить не исправлять ихъ, а портить“ *). Что же такое представляли собою эти рѣчи расколоучителей,—было ли выдумано ими содержащееся въ рѣчахъ обвиненіе противъ восточной церкви лишь послѣ того, какъ церковь эта въ лицѣ патріарховъ и другихъ пастырей выразила свое сочувствіе предпріятію Никона, или же оно (обвиненіе) имѣло какое-нибудь основаніе въ прошломъ? Редакторъ „Братскаго Слова“ и о. Ледовскій отвѣчаютъ, что содержащееся въ приведенныхъ рѣчахъ расколоучителей обвиненіе противъ восточной церкви было выдумано ими лишь послѣ того, какъ церковь эта выразила свое сочувствіе предпріятію Никона. Но на самомъ дѣлѣ обвиненіе представляло собою вовсе не выдумку расколоучителей, а нѣчто совсѣмъ другое. Оно представляло собою, какъ я говорю въ первой статьѣ „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, совершенно несправедливое, но долгоевременное и твердое убѣжденіе нашихъ дониконовскихъ предковъ,—убѣжденіе, несправедливость котораго созналъ Никонъ, почему и предпринялъ свое исправленіе чиновъ, обрядовъ и книгъ, но несправедливости котораго не сознали люди, возставшіе противъ его исправленія, и которое (убѣжденіе) и было именно причиною возникновенія у насъ раскола старообрядства **).

Въ доказательство того, что сейчасъ указанное убѣжденіе господствовало между нашими предками непосредственно предъ приступомъ Никона къ исправленію чиновъ, обрядовъ и книгъ, я сослался на такое свидѣтельство, котораго невозможно оспаривать. И однако о. Ледовскій не только оспариваетъ его, но и совсѣмъ не признаетъ его силы. Писавъ для людей болѣе или менѣе знающихъ дѣло (не столько для обыкновенной публики, сколько для настоящихъ полемистовъ), я только указалъ на свидѣтельство, но не привелъ его въ подлинности и съ подробностію. Этимъ и пользуется о. Ледовскій, чтобы увѣрять читателей „Братскаго Слова“, будто свидѣтельство вовсе не содержитъ того, что я ему усвою. Я говорю: „Прямыхъ заявленій со стороны русскихъ послѣ половины XV вѣка, что у позднѣйшихъ грековъ повреждена чистота православія и что только одни они—русскіе остаются хранителями этой чистоты, до настоящаго времени приведено въ извѣстность не особенно много. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ одинъ, содержащій эти заявленія, памятникъ или документъ, цѣль котораго какъ бы нарочитымъ образомъ составляетъ то, чтобы устранить всякія наши сомнѣнія и представить намъ дѣло съ совершенной ясностію. Разумѣемъ „Преніе“ съ греками о вѣрѣ

*) „Душеполезн. Чтен.“ 1865 г., ч. 2, стр. 150.

**) Выше стр. 26.

Арсенія Суханова. Преніе это, съ одной стороны, несомнѣнно доказываетъ, что подлежащій рѣчамъ взглядъ русскихъ на грековъ и на самихъ себя твердо содержимъ былъ ими непосредственно до Никона; а съ другой стороны—въ немъ изображается нашъ взглядъ съ такою опредѣленностію и такою обстоятельностью, что не остается желать ничего большаго *)». О. Ледовскій противъ сейчасъ приведенныхъ моихъ словъ пишетъ: „Какъ на самое рѣшительное доказательство своего взгляда, г. Голубинскій указываетъ на извѣстное „Преніе“ съ греками Арсенія Суханова. Вамъ, уважаемый М. И., какъ я знаю, хорошо извѣстно содержаніе названнаго сочиненія; вы не могли не видѣть въ немъ, что Арсеній Сухановъ, какъ ни предубѣжденно смотрѣлъ на обычаи тогдашнихъ грековъ, однако очень далекъ былъ отъ того, чтобы употребляемая ими троеперстіе и трегубое аллилуія называть ересями латинскими, тѣмъ паче объявлять всѣхъ грековъ утратившими православіе. Съ утратившими православіе, съ еретиками, онъ, какъ истинный русскій человѣкъ, не имѣлъ бы общенія ни въ молитвѣ, ни въ ястіи и питіи; между тѣмъ Арсеній находился въ полномъ общеніи съ греками. Итакъ, и этотъ представитель общепринятаго мнѣнія современныхъ ему россіянъ не подтверждаетъ того, чтобы таковымъ было именно мнѣніе о неправославіи грековъ“ **).

Прежде всего, о. Ледовскій какъ въ приведенномъ мѣстѣ, такъ и во всей своей статьѣ далеко непохвальнымъ образомъ и, очевидно, не съ благою цѣлію переиначиваетъ меня. Я нигдѣ не говорю, чтобы предки наши считали позднѣйшихъ грековъ утратившими православіе, какъ вездѣ въ своей статьѣ онъ утверждаетъ обо мнѣ, а постоянно говорю, что считали ихъ утратившими чистоту православія. А одно и другое—вещи совсѣмъ различныя, о чемъ нарочитая рѣчь будетъ ниже. Затѣмъ, когда о. Ледовскій находитъ возможнымъ утверждать, будто во время своихъ преній съ греками Сухановъ „очень далекъ былъ отъ того, чтобы употребляемая ими троеперстіе и трегубое аллилуія называть ересями латинскими“: то онъ даетъ видѣть въ себѣ одного изъ тѣхъ жалкихъ полемистовъ противъ раскола и наоборотъ за расколъ противъ православія, которые, бывъ побуждаемы желаніемъ выйдти побѣдителями изъ спора въ данную минуту, готовы утверждать что угодно. Пока Сухановъ вмѣстѣ съ Никономъ не перемѣнилъ взгляда на грековъ и не призналъ правильными трегубой аллилуіи и троеперстія, до тѣхъ поръ онъ несомнѣнно смотрѣлъ на первую, какъ на латинскую ересь, ибо таковою называлъ ее Стоглавній соборъ, а на второе, какъ на латинскую или какъ просто на ересь, ибо противъ него изречено было: „аще кто двѣма персты не

*) Выше стр. 25.

**) Стр. 454—455.

воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, святїи отцы рекоша“ (если бы о. Ледовскій и еще сталь настаивать на своемъ, то единственный отвѣтъ, который мы въ состоянїи были бы дать ему, это—посовѣтовать ему выписаться изъ сословія полемистовъ).

Но сейчасъ сказанное нами есть отступленіе или уклоненіе въ сторону, а дѣйствительный нашъ вопросъ состоитъ въ томъ: правда или неправда, что взгляды дониконовскихъ русскихъ на позднѣйшихъ грековъ, какъ на отступившихъ отъ чистоты древняго православія, изображается въ „Пренїи“ Суханова съ совершенною ясностію? Прежде чѣмъ дѣлать выписки изъ „Пренїя“, доказывающія, что это есть несомнѣнная и несомнѣннѣйшая правда, не можемъ не выразить нашего удивленія, что о. Ледовскій позволяетъ себѣ утверждать, будто это неправда. Въ виду почти такой же неожиданности, какъ та, что человѣкъ на глазахъ у васъ называетъ черное бѣлымъ, мы заподозриваемъ, что о. Ледовскій, хотя и выражается о Пренїи: „извѣстное Пренїе“ и хотя вообще выдаетъ себя за человѣка, хорошо знакомаго съ нимъ, на самомъ дѣлѣ не знаетъ его и принимаетъ за него Проскинитарій Суханова (а если это такъ, при чемъ подозрѣніе наше подкрѣпляется и однимъ положительнымъ даннымъ, которое укажемъ ниже: то, не имѣя свѣдѣній, зачѣмъ было и соваться куда не слѣдуетъ, и зачѣмъ было браться не за свое дѣло?). Въ Пренїи съ такою ясностію говоритъ Сухановъ о поврежденности чистоты православія у современныхъ ему грековъ, что пока не сталъ извѣстнымъ его подлинникъ, свидѣтельствующій о несомнѣнной принадлежности его Суханову (каковая несомнѣнная принадлежность доказывается впрочемъ и внутренними его признаками), не только православные считали его за раскольникую поддѣлку, но даже и раскольники - поповцы считали его за поддѣлку раскольниковъ - безпоповцевъ. „Эти пренїя,—говоритъ преосв. Макарій, признавшій въ позднѣйшее время вмѣстѣ съ другими ихъ подлинность послѣ прежняго мнѣнія о нихъ, какъ о раскольникчей поддѣлкѣ, представляютъ одно изъ самыхъ яркихъ свидѣтельствъ о тогдашнемъ религіозномъ настроенїи умовъ въ нашемъ отечествѣ“ *), т. е. употребляя нѣсколько прикровенную рѣчь, которую впрочемъ раскрываетъ въ другомъ мѣстѣ **), именно говоритъ, что пренїя представляютъ одно изъ самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ о томъ, что дониконовскїе предки наши считали позднѣйшихъ грековъ людьми, утратившими чистоту древняго православія. Сообщать обстоятельныя свѣдѣнія о Пренїи (въ единственномъ: Пренїе—запись о пренїяхъ, которыхъ было четыре; во множественномъ:

*) Ист. русск. церкви т. XI, стр. 159 fn..

**) Ibid. стр. 142 fn..

пренія—самыя пренія) было бы очень долго, и мы просимъ читателя обратиться за ними къ Исторіи русской церкви преосв. Макарія (т. XI, стрр. 142—159). А кратко дѣло вотъ въ чемъ. Въ 1649-мъ году, въ правленіе патр. Іосифа, пріѣзжалъ въ Москву за милостыней іерусалимскій патріархъ Паисій. Во время четырехъ съ половиною—мѣсячной бытности въ Москвѣ Паисію удалось болѣе или менѣе въ значительной степени поколебать предубѣжденіе русскихъ противъ современныхъ грековъ, какъ противъ людей, будто бы утратившихъ чистоту древняго православія *), и поэтому для собранія точнѣйшихъ свѣдѣній о состояніи вѣры у грековъ рѣшено было послать съ патріархомъ къ нимъ на Востокъ одного изъ московскихъ книжныхъ и способныхъ къ дѣлу людей, въ каковыя и выбранъ былъ именно Арсеній Сухановъ (состоявшій тогда строителемъ принадлежавшаго Троицкому Сергіеву монастырю московскаго Богоявленскаго подворья). Доѣхавъ на возвратномъ пути изъ Россіи домой до Молдавіи съ Валахіей, патріархъ имѣлъ въ послѣднихъ очень продолжительную остановку. Отсюда Арсеній два раза возвращался въ Москву, съ политическими отъ него порученіями, и здѣсь же, во время проживанія при немъ, въ промежутокъ между первою и второю поѣздками въ Москву, въ апрѣлѣ—іюнѣ 1650 года, въ тогдашней столицѣ Валахіи Торговищѣ, имѣлъ пренія о вѣрѣ отчасти съ нимъ самимъ (патріархомъ), отчасти съ лицами его свиты, отчасти съ однимъ и другими вмѣстѣ **).

Обращаемся къ выпискамъ изъ преній тѣхъ мѣстъ, которыя представляютъ собою ясныя свидѣтельства, что тогдашніе русскіе смотрѣли на современныхъ имъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ. *Первое преніе* происходило 24-го апрѣля. Сидѣвъ за трапезою, патр. Паисій показалъ Суханову свою руку со сложенными тремя перстами и спросилъ его: такъ ли вы креститесь? Сухановъ, сложивъ свои персты, какъ писано въ Кирилловой книгѣ, т. е. двоеперстно, сказалъ: такъ мы крестимся. Послѣ этого начался споръ о крестномъ знаменіи между патріархомъ и лицами его свиты съ одной стороны и Сухановымъ съ другой: первые защищали троеперстіе, а второй—двоеперстіе. Обязанность русскихъ имѣть одно и то же съ греками перстосложеніе для крестнаго знаменія патріархъ и его спутники доказывали Суханову тѣмъ, что вѣдь русскіе приняли вѣру отъ грековъ. На это Сухановъ отвѣчалъ: „А се вы

*) См. выше стр. 28—31.

**) „Преніе“ или записка о преніяхъ напечатана С. А. Блжковскимъ въ 11 и 12 №№ „Христіанскаго Чтенія“ за 1883-й годъ и вторично во 2-й кн. „Чтеній Общ. Ист. и Древн.“ за 1894-й годъ.

вѣру приняли отъ апостолъ, и мы такожъ отъ апостола Андрея; а хотя бы (и) отъ грекъ, но отъ тѣхъ, которыя непорочно сохраняли правила святыхъ апостолъ и седми вселенскихъ соборовъ, а не отъ нынѣшнихъ, которыя не соблюдаютъ [правиль святыхъ апостолъ, — въ крещеніи обливаются вси и кропятся, а не погружаются въ купели, и книгъ своихъ и науки у себя не имѣютъ, но отъ нѣмецъ пріимаютъ“. *Второе преніе* происходило 9-го Мая. Сухановъ изъявилъ желаніе поговорить съ греками „о лѣтописцѣ“, именно — о той, бывшей тогда у насъ розни съ ними въ хронологіи, что они принимали уже 5508 лѣтъ отъ сотворенія міра до рождества Христова, а мы еще по старому 5500 лѣтъ *)—и просилъ патріарха, чтобы онъ велѣлъ поговорить съ нимъ — Арсеніемъ кому нибудь изъ своихъ архимандритовъ. Патріархъ сначала самъ вступилъ въ собесѣдованіе съ Сухановымъ, а потомъ предоставилъ говорить съ нимъ и своимъ спутникамъ. Въ записи объ этомъ второмъ преніи между прочимъ читаемъ: „Патріархъ говоритъ: Арсеней, невозможно четыремъ патріархомъ погрѣшить въ такомъ дѣлѣ, что ты говоришь о лѣтописцѣ, что будто у насъ съ вами не сходится; то у васъ потеряно, а у насъ у четырехъ патріарховъ у всѣхъ единогласно. Арсеней говоритъ: владыко святыи, мнится ми, что у васъ погрѣшено, понежъ по взятіи Царяграда отъ турка латиняцы книги греческія всѣ выкупили и, у себя переправя, печатали погречески и вамъ раздавали.—Патріархъ говоритъ: Арсеней, вѣдь вѣра изыде отъ Сіона и что есть добраго, то все отъ насъ изыде, ино—мы корень и источникъ всѣмъ (въ) вѣрѣ и вселенскія соборы у насъ же были. Арсеней говоритъ: владыко святыи, истинну глаголешь, что законъ изыде отъ Сіона и соборы у васъ же были,—тое и мы вѣру держимъ и проповѣдуемъ, которая отъ Сіона изыде и вселенскими соборы подкрѣплена; а вы, греки, тое вѣры не держите, которая отъ Сіона изыде, но токмо словомъ говорите (т. е. только на словахъ увѣряете, будто держите).—Арсеней же говоритъ: вы, греки, называетея источникъ всѣмъ вѣрнымъ, якоже и папа называетъ себя глава всей церкви, и мы глаголемъ вамъ: ни папа—глава церкви, ни вы, греки, — источникъ всѣмъ, а естли и былъ, толко нынѣ пересохъ и сами жаждою стражете, не жели (а не то, чтобы) вамъ весь свѣтъ напоивати своимъ источникомъ, а инья ваши греки пьютъ изъ бусорманскаго источника“. *Третье преніе* происходило 3-го Іюня. Сначала говорили о сожженіи на Аѳонѣ греческими монахами московскихъ печатныхъ книгъ, въ кото-

*) Въ мѣсяцесловѣ съ лѣтописью не только нашей славянской Слѣдованной псалтири, но и греческаго Орологія или Часослова до сихъ поръ значится подъ 25-мъ Декабря, что Спаситель родился въ 5500-мъ году отъ сотв. міра.

рыхъ содержалось предписаніе о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія двоеперстномъ и которыя найдены были у одного сербскаго монаха (извѣстное событіе, случившееся не задолго передъ тѣмъ), потомъ о печатныхъ книгахъ греческихъ и славянскихъ московскихъ, при чемъ Сухановъ, доказывая неисправность первыхъ, настаивалъ на исправности вторыхъ, и наконецъ, о крестномъ знаменіи. „Митрополитъ Власій (бывшій однимъ изъ греческихъ даскаловъ или учителей въ Торговицѣ) старцу Арсенію говорилъ: Арсеніе, о крестномъ знаменіи ни евангелистъ, ни апостоль, никто не писалъ, какъ персты складывать, — то (это) есть самоизволеніе, токмо подобаеть крестообразно креститься, а то все добро ꙗ ереси и хулы на Бога никакой нѣтъ: мы складываемъ великій перстъ з (съ) двумя верхними во образъ Троицы и тѣми крестимся, а вы складываете великій перстъ з двумя нижними во образъ Троицы, а двумя верхними креститесь, тожъ добро, однако (одинаково) крестъ Христовъ воображается, но толко намъ мнится, наше лучше, что (потому что) мы старѣе. Арсенеи старецъ говорилъ: вѣмъ, владыко, что вы старѣе, но старая одежда требуетъ покрѣпленія, или егда полата или церковь каменная попортится, то треба починить, и паки нова будетъ и крѣпка; а у васъ и много есть развалилось преданія апостольская и святыхъ отцевъ, сирѣчь творите не по древнему преданію, а починить, сирѣчь справить, не хсцете, гордостію надувся, ходите (и) называется всѣмъ источникъ (въ) вѣрѣ, и вмѣсто погруженія обливааетея и кропяетесь, а о крестномъ знаменіи, оставя преданіе блаженнаго Феодорита и прочихъ, и держите новаго своего учителя Дамаскина иподьякона“. Четвертое и послѣднее преніе происходило 6-го Іюня. Греки защищали свое обливательное крещеніе, а Сухановъ сильно порицалъ его, какъ „папиной ереси часть“, и говорилъ, что если на Москвѣ узнають про ихъ обливаніе, то и ихъ такъ же, какъ бѣлорусцевъ, стануть пеѣкрещивать; греки говорили, что всѣ четыре патріарха будутъ писать въ Москву противъ перекрещиванія крещенныхъ обливательнымъ крещеніемъ, а Сухановъ отвѣчалъ: „будетъ добро станите писать, ино послушаютъ, а станите писать противно святымъ апостоломъ, и на Москвѣ о томъ и четырехъ патріарховъ не послушаютъ: знаютъ на Москвѣ древнее преданіе, какъ предано святыми апостолами и отцы, и безъ четырехъ патріарховъ“; греки доказывали безусловно обязательный для русскихъ авторитетъ четырехъ патріарховъ, а Сухановъ весьма оспаривалъ это, говоря, что какъ греки живутъ безъ папы, такъ и русскіе могутъ обходиться и безъ ученія грековъ („тако-же и мы можемъ нынѣ и безъ вашего ученія быть“). Наконецъ, Сухановъ, укоривъ грековъ, что они мало не соединачилися съ римлянами, сказалъ имъ: „что у васъ не (ни) было добраго, то все къ

Москвѣ перешло*, подтвердилъ эти свои слова частнѣйшими указа- ніями (сравнивь цвѣтущее государственное и церковное состояніе Москвы съ бѣдственнымъ состояніемъ ихъ—грековъ въ томъ и другомъ отношеніи, а также сказавъ о томъ, что у нихъ мощей теперь нѣтъ, такъ какъ всѣ разносили они по чужимъ землямъ, „а у насъ много, да и нашей земли многихъ Богъ прославилъ угодниковъ своихъ,— мощи ихъ нетлѣнны лежать и чудеса творять, и риза Спасителя нашего, Бога Христа, у насъ же“) и въ заключеніе пренія прочелъ имъ всю сполна извѣстную повѣсть о бѣломъ клубукѣ, въ которой между прочимъ содержится предсказаніе: „Якоже отъ Рима благодать и слава и честь отъята бысть, такоже и отъ Царствующаго града благодать Святаго Духа отъимется въ плѣненіе агарянское и вся святая предана будетъ отъ Бога велицей рустей земли во времена своя, и царя рускаго возвеличитъ Господь надъ многими языки и подо властію его мнози царіе будутъ отъ иноязычныхъ, и патріаршескій чинъ отъ Царствующаго града такоже данъ будетъ рустей земли во времена своя, и страна наречется свѣтлая (святая?) Росія, Богу тако изволившу прославити тацѣми благодаренія (благодѣяніи?) рускую землю, исполнити православія величествомъ и честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ (разумѣется грековъ)“ *).

Итакъ, вотъ передъ читателемъ выписки изъ Пренія Суханова съ греками о вѣрѣ. Теперь онъ можетъ судить, справедливо или несправедливо я утверждаю, что взгляды дониконовскихъ русскихъ на позднѣйшихъ грековъ, какъ на отступившихъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, изображается въ Преніи съ совершенною ясностію. Говорится, что мы — русскіе держимъ и проповѣдуемъ ту вѣру, которая изошла отъ Сіона и подкрѣплена вселенскими соборами, а что греки этой вѣры не держатъ, а только на словахъ увѣряютъ, будто держатъ; говорится, что у грековъ „много есть развалилось преданія апостольская и святыхъ отцевъ“, т. е. что они творять не по древнему преданію, а исправить не хотятъ; говорится, что, бывъ прежде для всѣхъ источникомъ въ вѣрѣ, теперь греки представляютъ изъ себя источникъ пересохшій и страдающій отсутствіемъ воды; говорится, что они содержатъ книги, которыя переправили по своему и имъ—грекамъ раздавали латинницы и что они—греки мало не соединились съ римлянами, а что иные изъ нихъ пьютъ изъ бусурманскаго источника. Если все это не совершенно ясно, то я не знаю, наконецъ, что же такое ясность. Но я увѣренъ, что для обыкновеннаго читателя это совершенно ясно. А что касается до о. Ледовскаго,

*) Повѣсть напечатана въ 1-мъ выпускѣ Памятниковъ старинной русской литературы Кушелева-Безбородко. Приведенное мѣсто на стр. 298, col. 1 sub fin.

то, вѣроятно, мнѣ не скоро удалось бы заставить его признать, что дважды два есть четыре, но, къ счастью, я располагаю для этого особеннымъ средствомъ. Авторитетъ редактора „Братскаго Слова“ онъ, нѣтъ сомнѣнія, признаетъ: такъ вотъ, преклоняясь предъ этимъ-то авторитетомъ, онъ и долженъ будетъ признать, что дважды два есть четыре. Въ помянутой выше статьѣ своей „О православіи греческой церкви“ г. Субботинъ говоритъ какъ о раскольничьихъ свидѣтельствахъ (т. е. какъ о свидѣтельствахъ, приводимыхъ будто бы только раскольниками) о томъ увѣреніи Суханова, будто по взятіи Константинополя турками латинницы выкупили всѣ греческія книги и, переправя ихъ у себя, печатали и грекамъ раздавали *), и о пророчествѣ, содержащемся въ Повѣсти о бѣломъ клубукѣ, которая была прочитана Сухановымъ грекамъ въ заключеніе всѣхъ преній **). Пусть же смотритъ о. Ледовскій у г. Субботина, и онъ увидитъ, что послѣдній признаетъ въ обоихъ свидѣтельствахъ совершенно яснымъ тотъ смыслъ, который мы придаемъ имъ (и кромѣ котораго, впрочемъ, имъ и придавать нельзя, такъ какъ онѣ принадлежатъ къ числу свидѣтельствъ, имѣющихъ одинъ ясный смыслъ, а не подлежащихъ разнотолкованію). Относительно пророчества, читаемаго въ Повѣсти о бѣломъ клубукѣ, г. Субботинъ говоритъ: „Свидѣтельство это, дѣйствительно, вполне благоприятствуетъ раскольничьему мнѣнію о греческой церкви“...

Такимъ образомъ, въ Преніи съ греками о вѣрѣ, принадлежащемъ Арсенію Суханову и относящемся къ 1650-му году, содержится неоспоримо и неперетолкуемо ясное свидѣтельство, что между русскими того времени, т. е. времени, которое непосредственно предшествовало приступу Никона къ исправленію чиновъ, обрядовъ и книгъ, господствовало твердое убѣжденіе о позднѣйшихъ и современныхъ имъ грекахъ, будто греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Положимъ, что убѣжденіе начало слагаться не такъ рано, какъ я принимаю, хотя я принимаю на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ ***); положимъ, что оно было и не общимъ, какъ я утверждаю, о чемъ рѣчь будетъ ниже: но несомнѣнно то, что передъ приступомъ Никона къ исправленію чиновъ, обрядовъ и книгъ оно было убѣжденіемъ нѣкоторыхъ и что оно было убѣжденіемъ твердымъ. А если это такъ, то за симъ съ необходимостію должно быть принимаемо,

*) „Душепол. Чтеніе“ 1865-го года ч. 2-я, стр. 174 (говоритъ какъ о мнимомъ свидѣтельствѣ преп. Максима грека).

***) Ibid. стр. 162.

***) И хотя я,—доведу до свѣдѣнія о. Ледовскаго, согласенъ въ этомъ случаѣ съ программой ученія о русскомъ расколѣ, выданной для семинарій отъ Учебнаго Комитета при св. Синодѣ.

что расколъ старообрядства обязанъ былъ своимъ возникновеніемъ существованію у нѣкоторыхъ дониконовскихъ русскихъ именно этого, совершенно ложнаго и вопіюще несправедливаго, но твердаго убѣжденія. Утверждать, чтобы люди, возставшіе противъ исправленія Никонова, дѣйствовали по личнымъ побужденіямъ, значить утверждать нѣчто такое, что не можетъ быть принято; напротивъ должно быть принимаемо, что люди дѣйствовали по искреннему убѣжденію (хотя нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, и съ нѣкоторой примѣсью личныхъ побужденій). Но что же говорили они въ оправданіе своего протеста противъ Никонова исправленія чиновъ, обрядовъ и книгъ, которое состояло въ томъ, чтобы привести насъ относительно чиновъ, обрядовъ и книгъ въ согласіе съ современной церковью греческой? Они говорили о грекахъ то же самое, что говорилъ грекамъ о нихъ Арсеній Сухановъ въ своемъ Преніи съ ними, веденномъ прежде приступа Никона къ исправленію чиновъ, обрядовъ и книгъ. Изъ этого совершеннаго тожества рѣчей съ необходимостію слѣдуетъ, что искреннее убѣжденіе людей, поднявшихъ протестъ противъ Никонова исправленія чиновъ, обрядовъ и книгъ составляло то, что было искреннимъ убѣжденіемъ Суханова въ 1650-мъ году, т. е. будто позднѣйшіе греки, согласить насъ съ которыми въ чинахъ, обрядахъ и книгахъ предпринялъ Никонъ, отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Арсеній Сухановъ, въ 1650-мъ году искренно и твердо бывшій убѣжденнымъ (вмѣстѣ со всѣми русскими) въ поврежденіи чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ, потому призналъ и принялъ Никоново исправленіе, перемѣнивъ въ слѣдъ за Никономъ и вмѣстѣ съ большинствомъ русскихъ свой взглядъ на этихъ грековъ; но нашлись другіе люди, которые не въ состояніи были, не могли и не хотѣли перемѣнить прежняго взгляда на позднѣйшихъ грековъ. Эти люди и возстали противъ исправленія Никонова; эти люди и стали расколуучителями.

Итакъ, расколъ старообрядства, какъ должно быть принимаемо за несомнѣнное, обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ тому, что, когда Никонъ предпринялъ свое исправленіе чиновъ, обрядовъ и книгъ, состоявшее въ соглашеніи насъ относительно послѣднихъ съ современными греками, нѣкоторые русскіе люди не хотѣли перемѣнить своего прежняго взгляда на грековъ, какъ на отступившихъ будто бы отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Если же это такъ, то вотъ съ совершенною очевидностію и слѣдуетъ необходимость того, чтобы относительно даннаго вопроса измѣнена была постановка полемики съ старообрядцами. Вы будете утверждать вмѣстѣ съ редакторомъ „Братскаго Слова“, что приверженцы мнимой старины, недовольные предпріятіемъ патр. Никона исправить книги и

обряды, начали гласно проповѣдывать, будто церковь восточная утратила древнее православіе и благочестіе и уклонилась въ латинство и другія ереси, лишь послѣ того какъ увидѣли, что восточная церковь, въ лицѣ Константинопольскаго патріарха Паисія, Антиохійскаго Макарія и другихъ греческихъ пастырей выразила полное сочувствіе къ предпріятію Никона *); или — вы будете утверждать съ о. Ледовскимъ, что расколоучители, возставшіе противъ предпринятаго исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ по греческимъ подлинникамъ, Аввакумъ, Ѳеодоръ, Авраамій и др. начали кричать, что у грековъ православіе повреждено, что ихъ книги, чины и обряды еретическіе и при этомъ начали ссылаться и на повѣсть о бѣломъ клобукѣ **) и на Суханова и на другихъ подобныхъ свидѣтелей, лишь послѣ того какъ предпринято было Никономъ его исправленіе ***). Но вамъ укажутъ на Преніе о вѣрѣ съ греками Арсенія Суханова, и что вы будете отвѣчать? Будете отвѣчать то, что отвѣчаетъ о. Ледовскій и что мы привели выше. Но вамъ скажутъ, что или вы слишкомъ смѣло утверждаете совершенную неправду или что вы не читали Пренія и за тѣмъ прочитаютъ вамъ тѣ мѣста изъ него, которыя выписаны выше. Для спасенія чести вамъ останется утверждать старое, что Преніе не принадлежитъ Арсенію Суханову, а есть раскольничья поддѣлка. Но вамъ сошлутся на Соловьева и на преосв. Макарія, изъ которыхъ второй говоритъ: „Подлинность сего сочиненія, т. е. Пренія или записи о преніяхъ, сохранившагося въ подлинникѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію“ ****); вамъ укажутъ на это, полагающее конецъ всякому спору, обстоятельство, что Преніе сохранилось въ подлинникѣ.

Истину о происхожденіи раскола старообрядства составляетъ то, что у насъ образовалось и существовало убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, — что когда Никонъ предпринялъ свое исправленіе чиновъ, обрядовъ и книгъ, состоявшее въ томъ, чтобы привести насъ относительно послѣднихъ въ согласіе съ современными ему греками, то нашлись люди, которые не въ состояніи были перемѣнить прежняго взгляда на позднѣйшихъ грековъ, и что люди эти и возстали про-

*) „Душепол. Чтеніе“ 1865-го года, ч. 2-й стр. 150.

**) Значитъ, о. Ледовскій не знаетъ, что на повѣсть о бѣломъ клобукѣ ссылается Сухановъ въ Преніи. Это и служитъ положительнымъ основаніемъ для подозрѣнія, что о. Ледовскій незнакомъ съ Преніемъ Суханова и принимаетъ за него Проскинитарій послѣдняго.

***) „Братское Слово“, стр. 457.

****) Соловьева — въ XI т., 2-го изд. стр. 249, преосв. Макарій — въ XI же т., стр. 159 нач.

тивъ исправленія, какъ противъ соглашенія насъ съ отступниками отъ чистоты древняго православія. А такимъ образомъ, измѣняя постановку полемики съ старообрядцами по данному вопросу, необходимо доказывать имъ, что совершенно ошибочно было убѣжденіе предковъ нашихъ, отъ котораго отказался Никонъ, но при которомъ остались расколоучители, будто позднѣйшіе греки отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ.

Но скажутъ, что я на самомъ дѣлѣ примкнулъ къ расколоучителямъ, въ чемъ обвиняетъ меня о. Ледовскій: какъ же я говорю, что у дониконовскихъ русскихъ существовало убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, когда имѣются совершенно ясныя свидѣтельства, что вплоть до самаго Никона русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ? Дѣйствительно, имѣются такія свидѣтельства и суть двухъ родовъ: читаемыя въ книгахъ и состоящія въ дѣйствіяхъ. Что касается до свидѣтельствъ, читаемыхъ въ книгахъ, то въ Большомъ катихизисѣ, правленномъ и напечатанномъ въ Москвѣ при патр. Филаретѣ въ 1627-мъ году, въ Извѣстїи о началѣ патріаршества въ Россїи, составленномъ при томъ же патріархѣ въ неизвѣстномъ году, въ такъ называемой Кирилловой книгѣ, напечатанной въ Москвѣ при патр. Іосифѣ въ 1644-мъ году и въ Книгѣ о вѣрѣ, напечатанной въ Москвѣ при томъ же патріархѣ въ 1648-мъ году, читаются совершенно ясныя свидѣтельства, что греки и до сего времени цѣлу и нерушиму сохраняютъ вѣру. — въ Большомъ катихизисѣ *), Извѣстїи о началѣ патріаршества **) и въ Кирилловой книгѣ ***) краткія, а въ Книгѣ о вѣрѣ ****) очень пространное и обстоятельное. Свидѣтельства, состоящія въ дѣйствіяхъ, суть слѣдующія: царь Иванъ Васильевичъ въ 1557-мъ году обращался къ константинопольскому патріарху съ просьбою о соборномъ благословенїи его царскаго вѣнчанія; задумавъ учредить у себя патріаршество, русскіе искали благословенія на сіе у греческихъ патріарховъ, первый патріархъ русскій поставленъ былъ руками константинопольскаго патріарха Іеремїи и потомъ патріаршество наше утверждено было двумя

*) Раскольничьей редакціи гл. 4, вопросъ послѣдній, Гродненск. четверточн. изд. л. 26.

**) Дополн. къ Акт. Ист. т. II. № 76, стр. 191, col. 2.

***) Гродненск. изд. лл. 27 об., 28 об. и 29 об. (рѣчи ненарочныя, хотя впрочемъ и ясныя).

****) Главы книги 1-я и 2-я и отчасти 18-я и 19-я (прямые рѣчи именно о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ въ гл. 1-й лл. 10 об., 11 об., 12 и об. 13—15, и въ гл. 2-й, лл. 27 об.—29 об.).

греческими соборами; патр. Филаретъ Никитичъ поставленъ былъ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ и потомъ обращался ко всѣмъ патріархамъ съ вопросомъ о словѣ: „и огнемъ“; патр. Іосифъ, предшественникъ Никона, обращался къ константинопольскому патріарху за разрѣшеніемъ нѣсколькихъ церковныхъ вопросовъ. Какъ же понимать эти совершенно ясныя свидѣтельства, что вплоть до самаго Никона русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ?

Положимъ, что свидѣтельствамъ принадлежало бы все ихъ значеніе: вытекало ли бы изъ нихъ то слѣдствіе, что мое требованіе измѣнить постановку полемики съ старообрядцами неосновательно? Нисколько, напротивъ требованіе вполне сохраняло бы свою силу. Признавая за свидѣтельствами все ихъ значеніе, мы имѣли бы: съ одной стороны, въ Преніи съ греками о вѣрѣ Арсенія Суханова несомнѣнное и совершенно ясное свидѣтельство, что допиконовскіе русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ; съ другой стороны, въ сейчасъ указанныхъ нами свидѣтельствахъ несомнѣнныя и совершенно ясныя свидѣтельства, что вплоть до самаго Никона русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ. Т. е. имѣли бы объ одномъ и томъ же двой одинаково несомнѣнныя и совершенно ясныя, но диаметрально противоположныя, свидѣтельства; иначе сказать—имѣли бы такія противоположныя свидѣтельства, которыя необходимо было бы примирять (такъ какъ ни одного свидѣтельства ни другихъ свидѣтельствъ, принимая одно и другія за свидѣтельства несомнѣнныя, нельзя было бы отвергать). Но какъ же можно было бы примирить свидѣтельства? Единственная возможность примирить свидѣтельства состояла бы въ томъ, чтобы допустить, что предъ вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона были, съ одной стороны, такіе русскіе, которые смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ, а съ другой стороны — такіе русскіе, которые смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія. А если это такъ, то и при условіи признавать все значеніе свидѣтельствъ, которыя говорятъ, что вплоть до Никона русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ, наше требованіе измѣнить постановку полемики съ старообрядцами оставалось бы въ своей полной силѣ. Составляло бы несомнѣнный фактъ, что предъ вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона были у насъ въ томъ или другомъ количе-

ствѣ люди, которые смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ; по сказанному выше, необходимо было бы принимать, что лица возставшія противъ исправленія Никонова или расколоучители были изъ числа этихъ людей: а такимъ образомъ и являлась бы необходимость доказывать, что лица возставшія противъ исправленія Никонова или расколоучители совершенно несправедливо смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ.

Итакъ, говоримъ, пусть существующія свидѣтельства о томъ, что русскіе вплоть до патр. Никона смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ, имѣли бы все свое значеніе: наше требованіе измѣнить полемику съ старообрядцами указаннымъ выше образомъ и при этомъ оставалось бы въ своей полной силѣ. Но несомнѣнно, что свидѣтельства не имѣютъ усвояемаго имъ значенія дѣйствительныхъ свидѣтельствъ и что все дѣло должно быть представляемо именно такъ какъ я его представляю въ моихъ статьяхъ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“. Первое сейчасъ я и покажу, а для чего это сдѣлаю, о томъ скажу ниже.

Преніе съ греками о вѣрѣ Арсенія Суханова содержитъ въ себѣ совершенно и безспорно ясныя свидѣтельства, что въ то время, какъ вести споры съ греками, или въ 1650-мъ году, Сухановъ держался твердаго убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ (вполнѣ признающимъ это, какъ видѣли мы, долженъ быть считаемъ и редакторъ „Братскаго Слова“, который говоритъ, что свидѣтельство Повѣсти о бѣломъ клубукѣ, читанной Сухановымъ грекамъ, „дѣйствительно вполнѣ благопріятствуетъ раскольничьему мнѣнію о греческой церкви“). Но въ то время, какъ спорить съ греками о вѣрѣ, Сухановъ былъ официальнымъ представителемъ русскаго правительства и спорилъ какъ таковой представитель правительства, а записку свою о спорахъ онъ составилъ именно для правительства и представилъ сему послѣднему. Не слѣдуетъ ли изъ этого съ необходимостію того заключенія, что правительство было одного убѣжденія съ Сухановымъ о позднѣйшихъ грекахъ или иначе — что убѣжденіе это было общимъ убѣжденіемъ тогдашнихъ русскихъ? Не имѣя предзанятыхъ мыслей, вы, конечно, отвѣчали бы на вопросъ утвердительно; а имѣя эти предзанятія мысли, вы, можетъ быть, отвѣтите, что указаннаго съ необходимостію еще не слѣдуетъ, а слѣдуетъ только то, что Сухановъ считалъ правительство согласнымъ съ собой относительно мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ. Если это такъ, то должно быть сказано, что помянутое за-

правительства по отношенію къ Суханову. Будь правительство не согласнo съ Сухановымъ относительно мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, оно должно было бы увидѣть въ тѣхъ рѣчахъ, которыя адресоваль Сухановъ патр. Паисію и его спутникамъ въ спорахъ съ ними, тяжкое оскорбленіе грекамъ,—ибо развѣ это было не тяжкое оскорбленіе говорить людямъ, что они уже не держатъ той вѣры, которая отъ Сіона изыде, а только на словахъ увѣряють, будто держатъ?—и должно было подвергнуть его (Арсенія) своему строгому наказанію и отстранить его отъ исполненія порученія, которое на него возложило. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не случилось. Представивъ правительству свою записку о спорахъ съ греками, Сухановъ вовсе не навлекъ на себя его гнѣва, а напротивъ вполне сохранилъ его благорасположеніе и по прежнему оставленъ былъ исполнять порученіе, которое было на него возложено.

Какъ извѣстно, расколуучители укоряли Никона, что до патріаршества онъ самъ былъ одного съ ними мнѣнія о грекахъ и самъ многократно говорилъ имъ, что греки потеряли вѣру *). И что укоръ этотъ былъ справедливъ, т. е. что Никоноу первоначально предъубѣжденъ былъ противъ грековъ вмѣстѣ со всѣми, а потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе о нихъ, въ слѣдствіе чего и предпринялъ свое исправленіе, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Объ его первоначальномъ вмѣстѣ со всѣми предъубѣжденіи противъ грековъ свидѣтельствуешь то, что много времени послѣ перемѣны имъ взгляда на нихъ предъубѣжденіе это всплыло изъ глубины его души, идѣ оно было погружено и погребено. Когда въ 1667-мъ году судили его греческіе патріархи и въ осужденіе его поступковъ ссылались на правила Кормчей, онъ отвѣчалъ, что правилъ, на которыя ссылались, въ русской Кормчей нѣтъ, а греческія правила непрямыя, что ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики **). Даже иностранецъ, бывшій въ Россіи въ царствованіе Михаила Феодоровича, знаетъ и сообщаетъ о похвальбѣ русскихъ, что они заимствовали вѣру отъ старыхъ грековъ, и даетъ знать объ ихъ предъубѣжденіи противъ новыхъ грековъ тѣмъ, что этимъ послѣднимъ усвоетъ взглядъ на нихъ самихъ (русскихъ), какъ на раскольниковъ ***). Но, наконецъ, если бы мы и не имѣли свидѣтельствъ, изъ которыхъ само собою слѣдуетъ или въ которыхъ прямо говорится, что убѣжденіе относительно позднѣйшихъ

*) См. у *преосв. Макарія* въ Исторіи русской церкви, т. XII, стр. 215.

**) См. у *Соловьева* въ Ист., т. XI, 2-го изд. стрр. 323 и 324, у *преосв. Макарія* въ Ист. русской церкви, т. XII, стрр. 734 и 735, и у *Субботина* въ сочиненіи: Дѣло патріарха Никона, стр. 167.

***) Адамъ Олеарій, см. русскій переводъ его путешествія въ Чтен. Общ. Ист. и Прав. 1868 г. кн. IV, стр. 287

грековъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, было общимъ убѣжденіемъ дониконовскихъ или передниконовскихъ русскихъ: то необходимо было бы предполагать это на основаніи той разности, которая была у нихъ съ греками въ церковныхъ обычаяхъ, и на основаніи того взгляда, который они имѣли на эту разность, или того значенія, которое они придавали послѣдней. Стоглавый соборъ узаконилъ, чтобы для крестнаго знаменія употребляемо было двоеперстіе, а относительно троеперстія изрекъ: „аще ли кто двѣма персты не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, святіи отцы рекоша“, т. е. провозгласилъ его за ересь. Стоглавый соборъ узаконилъ, чтобы употребляема была сугубая аллилуія, а трегубую аллилуію прямо назвалъ латинскою ересью. Согласно узаконенію Стоглаваго собора дониконовскіе русскіе употребляли двоеперстіе и сугубую аллилуію, а въ троеперстіи и трегубой аллилуіи видѣли ереси; въ то же время они знали о грекахъ, что эти послѣдніе употребляютъ троеперстіе и трегубую аллилуію, которыя были принимаемы ими за ереси: какъ же иначе могли и должны были они смотрѣть на современныхъ имъ грековъ, какъ не на людей, утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ? Но послѣ Стоглаваго собора двоеперстіе и сугубая аллилуія стали общепринятыми у русскихъ, какъ узаконенныя самою властію русской церкви; а слѣдовательно и взглядъ на позднѣйшихъ грековъ, какъ на отступившихъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, долженъ былъ стать общимъ взглядомъ русскихъ. А если бы кому подумалось, что отъ Стоглаваго собора до патр. Никона прошло много времени и что-де постановленія собора могли быть забыты: тому мы напомнимъ,—отмѣчая напоминаніе, такъ сказать, „нотой бене“, что именно въ правленіе предшественника Никонова патр. Іосифа приняты были церковною властію нарочитыя и усердныя старанія, чтобы окончательнымъ образомъ ввести въ силу постановленіе собора относительно двоеперстнаго крестнаго знаменія.

На основаніи сейчасть сказаннаго нами должно быть принимаемо за несомнѣнную истину то, что мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ, какъ объ утратившихъ будто бы чистоту православія древнихъ грековъ, было у дониконовскихъ русскихъ общепринятымъ мнѣніемъ. Если же это такъ, то очевидно, что и относящіяся къ дониконовскому времени ясныя свидѣтельства о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ нужно понимать какъ-нибудь особеннымъ образомъ, не придавая имъ значенія дѣйствительныхъ свидѣтельствъ. Иначе выходило бы непримиримое противорѣчіе, что въ одно и то же время русскіе и считали и не считали позднѣйшихъ грековъ утратившими чистоту православія древнихъ грековъ. Какъ же можно

и нужно понимать свидѣтельства? Мы сказали выше, что свидѣтельства, читаемая въ книгахъ, находятся въ Большомъ катихизисѣ, въ Извѣстїи о началѣ патріаршества въ Россїи, въ такъ называемой Кирилловой книгѣ и въ Книгѣ о вѣрѣ. Три книги изъ четырехъ сейчасъ названныхъ — Большой катихизисъ, Кириллова книга и Книга о вѣрѣ, какъ всякій знаетъ, представляютъ собою книги чрезвычайно уважаемыя раскольниками, составляютъ, такъ сказать, ихъ каноническія книги. Не видитъ ли читатель, что выходитъ нѣчто весьма странное и загадочное: раскольники проповѣдуютъ относительно позднѣйшихъ грековъ ученіе, противъ котораго читаются ясныя свидѣтельства въ ихъ каноническихъ книгахъ, или наоборотъ — раскольники считаютъ своими каноническими книгами такія книги, въ которыхъ читаются ясныя свидѣтельства противъ ихъ ученія о позднѣйшихъ грекахъ. Что же можетъ быть отвѣчаемо на вопросъ объ этой странности и загадочности? Можетъ быть отвѣчаемо то, что хотя свидѣтельства читаются и въ московскихъ книгахъ, но онѣ суть не московскія свидѣтельства, а бѣлорусскія или южно-русскія, кievскія. Названныя книги, какъ извѣстно, южно-русскаго происхожденія. Въ южной или кievской Руси, представлявшей собою въ отношеніи къ характеру религіозныхъ воззрѣній, — разумѣемъ именно воззрѣнія на обрядовую сторону вѣры, нѣчто совсѣмъ особое отъ московской Руси, вовсе не слагалось московскаго убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, какъ объ утратившихъ будто бы чистоту православія древнихъ грековъ, а между тѣмъ тамъ, защищая позднѣйшихъ грековъ отъ навѣтовъ и клеветъ на нихъ со стороны латинянъ, имѣли нужду защищать неповрежденность ихъ православія, почему въ тамошнихъ книгахъ и обычны были рѣчи объ этой неповрежденности. Такъ, въ помянутыхъ книгахъ читаются рѣчи о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, потому, что онѣ суть южно-русскія книги, а остались въ нихъ эти рѣчи и по московскимъ ихъ изданіямъ лишь потому, что московскіе издатели не хотѣли и не отваживались дѣлать въ нихъ надлежащихъ выпусковъ и воспроизводили ихъ, какъ есть, даже и съ тѣмъ, что говорило противъ нихъ самихъ. Книги чрезвычайно уважаются раскольниками за то, что въ нихъ читается предписаніе слагать персты для крестнаго знаменія двоеперстно. Но если въ книгахъ читается это предписаніе, то несомнѣнно, что московскіе издатели ихъ смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ, ибо на Москвѣ, усвоивъ догматическое значеніе тому или иному сложенію перстовъ для крестнаго знаменія, смотрѣли на троеперстіе, которое содержали эти греки, какъ на ересь. А такимъ образомъ, относительно рѣчей о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, которыя

воспроизводятся въ московскихъ изданіяхъ трехъ книгъ, нужно думать, что или московскіе русскіе не дерзая посягать на нихъ, не усвоили имъ никакого смысла и смотрѣли на нихъ какъ на нѣчто чужое и до нихъ самихъ (московскихъ русскихъ), такъ сказать, не касающееся, или же—что они усвоили имъ смыслъ только условный, считая позднѣйшихъ грековъ хранящими православіе потолику, по колпку они сверхъ настоящихъ догматовъ вѣры не расходились съ нами въ чинахъ и обычаяхъ церковныхъ. Что рѣчи южно-русскихъ книгъ о неповрежденной цѣлости православія у позднѣйшихъ грековъ въ московскихъ изданіяхъ этихъ книгъ не имѣютъ своего подлиннаго смысла, а или только смыслъ неизмѣннаго, цѣлостнаго, воспроизведенія оригинала, или сейчасъ указанный смыслъ условный, это, кромѣ того, что въ противномъ случаѣ являлось бы непримиримое противорѣчіе съ положительно извѣстнымъ фактомъ, что московскіе русскіе держались твердаго убѣжденія о поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ, а также и сейчасъ указанное внутреннее непримиримое противорѣчіе въ самыхъ книгахъ, видно еще и изъ тѣхъ, относящихся къ данному вопросу, частныхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о московскихъ редакторахъ и издателяхъ южно-русскихъ книгъ. Московскіе редакторы Большаго катихизиса, книжные справщики, Богоявленскій игуменъ Ілія и Григорій Онисимовъ оставили неприкосновенными въ катихизисѣ слова о грѣкахъ его автора, Лаврентія Зизанія: „начало вѣрѣ Христовѣ отъ Іерусалима, идѣже и до сего времени греки цѣлу и нерушиму сохраняютъ ея“ *), и въ то же время говорили Лаврентію въ своемъ преніи съ нимъ: „Всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ (списковъ) добрыхъ правила у насъ есть, а новыхъ переводовъ греческаго языка всякихъ книгъ не приедемъ, потому что греки нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными и по своимъ волямъ печатати имъ книгъ не умѣтъ, и для тово вводятъ (люди?) инья вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ, и намъ такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобно, хотя что и есть въ нихъ отъ новаго обычая напечатано, и мы той новой вводъ не приедемъ“ **). Въ московскомъ изданіи Кирилловой книги и Книги о вѣрѣ сохранены подлинныя рѣчи о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ,

*) Цитата выше.

**) См. въ лѣтописяхъ русской литературы и древности *Тихонравова*, т. II, отд. II, стр. 87 вп. — Игуменъ Ілія и Григорій Онисимовъ говорили сейчасъ приведенное нами Лаврентію Зизанію, державъ преніе съ нимъ по порученію патр. Филарета. Найдеть ли о. Ледовскій возможнымъ утверждать, чтобы они рѣшились говорить о новыхъ греческихъ книгахъ противное тому, что думалъ о нихъ патріархъ?

и въ то же время одинъ изъ издателей обѣихъ книгъ, извѣстный Иванъ Насѣдка, говоритъ, что „книги греческіе всѣ перепорчены въ Римѣ отъ латынскихъ еретиковъ, которые вмѣщали въ нихъ свои ереси“ *).

Четвертое книжное или письменное свидѣтельство о неповрежденной цѣлости православія у позднѣйшихъ грековъ, читаемое въ Извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи, есть свидѣтельство настоящее московское. Если бы можно было положиться на его достовѣрность, то оно представляло бы собою важное свидѣтельство. Доказывало бы оно не то, что у дониконовскихъ русскихъ не существовало убѣжденія о поврежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, — существованіе убѣжденія, по сказанному выше, не можетъ подлежать сомнѣнію, а то, что по временамъ и при томъ въ весьма торжественныя минуты русскіе забывали про это убѣжденіе, каковое его забвеніе не мало говорило бы противъ него. Но пока очень можно подозрѣвать, что свидѣтельство представляетъ собою позднѣйшую вставку въ Извѣстіи, ибо это послѣднее напечатано по рукописи не современной, а конца XVII вѣка, и такой, относительно которой издатели ея даютъ знать, что въ ней могутъ быть предполагаемы значительныя отиѣны противъ подлинника, распространенія и переименованія **).

Дѣйствія, на которыя указываютъ въ доказательство того, что дониконовскіе русскіе не держались о позднѣйшихъ грекахъ убѣжденія, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, какъ я сказалъ, суть слѣдующія: царь Иванъ Васильевичъ въ 1557-мъ году обращался къ константинопольскому патріарху съ просьбою о соборномъ благословеніи его царскаго вѣнчанія; принявъ рѣшеніе учредить у себя патріаршество, русскіе искали благословенія на сіе у греческихъ патріарховъ, первый русскій патріархъ поставленъ былъ константинопольскимъ патріархомъ Іеремією, и потомъ патріаршество наше было утверждено двумя греческими соборами; патр. Филаретъ Никитичъ поставленъ былъ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ и потомъ обращался ко всѣмъ патріархамъ со спросомъ о словѣ „и огнемъ“; патр. Іосифъ обращался къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ нѣсколькихъ церковныхъ вопросовъ.

*) См. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1892 г., кн. II, стр. 337.

**) См. на концѣ 2-го тома Дополн. къ Акт. Ист., въ которомъ напечатано Извѣстіе, примѣч. подъ № 29, стр. 6.

Какъ же смотрѣть на этотъ новый рядъ свидѣтельствъ въ пользу того, что дониконовскіе русскіе признавали православіе позднѣйшихъ грековъ? Такъ какъ фактъ, что дониконовскіе русскіе держались о позднѣйшихъ грекахъ убѣжденія, будто они утратили чистоту православія древнихъ грековъ, по вышесказанному, есть фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію: то очевидно, что и этимъ новымъ свидѣтельствамъ не можетъ быть усвоено такого значенія, при которомъ бы онѣ оказывались въ непримиримомъ противорѣчій съ несомнѣннымъ фактомъ. Дѣйствительное значеніе этихъ свидѣтельствъ, при которомъ онѣ не оказываются находящимися въ непримиримомъ противорѣчій съ несомнѣннымъ фактомъ, есть то, что хотя дониконовскіе русскіе держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, какъ объ утратившихъ будто бы чистоту православія древнихъ грековъ, но что въ то же время они вовсе не считали ихъ за еретиковъ, а за православныхъ христіанъ, только утратившихъ чистоту древняго православія, и что какъ съ таковыми православными, несмотря на утрату чистоты православія, сохранившими духовную благодать и юридическія права, они и продолжали находиться съ ними въ общеніи братства и братскаго младшинства и искали отъ нихъ признанія и санкціи такимъ своимъ учрежденіямъ, какъ царство и патріаршество. Православные съ поврежденною чистотою православія или православные не совсѣмъ православные, это—какъ будто нѣкоторое *contradictio in adjecto* или противорѣчіе въ сказуемомъ и нѣчто такое, что затруднится признать богословская наука. Но несомнѣнно, что это именно такъ. Съ одной стороны, русскіе держались мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, будто у нихъ повреждена чистота православія, а съ другой стороны—они вовсе не считали ихъ и за еретиковъ, а за православныхъ: сложеніе въ одно мѣсто этихъ двухъ положеній, очевидно, даетъ то, что они (русскіе) считали ихъ (грековъ) за православныхъ съ поврежденною чистотою православія. Въ подтвержденіе возможности такого взгляда со стороны русскихъ на грековъ я указывалъ въ моей статьѣ: „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“, въ которой говорю объ этомъ, на то, что именно такимъ образомъ начали смотрѣть русскіе на грузинъ, когда въ концѣ XVI вѣка вступили съ этими послѣдними въ церковныя сношенія. Они признали и признавали грузинъ православными, но, находя у нихъ многія разности съ собой въ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ, признали ихъ православными съ очень поврежденнымъ православіемъ. Патр. Іовъ, привѣтствуя митрополита грузинскаго въ своемъ посланіи къ нему, говоритъ ему, что русскіе благодатію Божіею изначала знаютъ ихъ христіанами (подразумѣвается—православными), но что нынѣ они не во всемъ исполнено христіанскую

вѣру держать, а во многомъ съ ними — русскими раздѣляются *), и потомъ объ отправленіи изъ Россіи въ Грузію прошенныхъ учительныхъ людей „для исправленія христіанскія вѣры“ пишетъ, что посылаетъ имъ „учительныхъ людей, старцовъ и священниковъ, могущихъ исторгнути у нихъ корень нечестія и возрастити плодъ благовѣрія, по истинному извѣщенію православныя вѣры истинныхъ церковныхъ преданій и просвѣтити свѣтомъ богоразумія и (дабы) единовѣрнымъ быти имъ (грузинамъ) съ ними (русскими) во благочестивой и непорочной христіанской вѣрѣ во всякомъ исправленіи по благовѣстію Христову и апостольскому ученію и по святыхъ отецъ преданію“ **).

Какимъ образомъ случилось, что дониконовскіе русскіе начали смотрѣть на позднѣйшихъ грековъ, какъ на такихъ православныхъ, у которыхъ повреждена чистота древняго православія, объ этомъ я обстоятельно говорю выше въ статьѣ I. Случилось, что русскіе разрознились съ греками въ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Съ своей точки зрѣнія на дѣло и при своемъ мнѣніи о самихъ себѣ, русскіе поняли это такъ, что они сохраняютъ чины, обряды и обычаи неизмѣнно въ томъ правильномъ и православномъ видѣ, въ какомъ получили ихъ отъ древнихъ грековъ, а что будто позднѣйшіе греки позволили себѣ погрѣшительныя и еретическія новшества или— что то же—большія или меньшія отступленія отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Насколько греки были согласны съ нами въ вѣрѣ, настолько, по мнѣнію предковъ нашихъ, были они православны, и насколько они рознились отъ насъ въ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ, настолько, по мнѣнію предковъ нашихъ, была повреждена у нихъ чистота православія. Царь Иванъ Васильевичъ искалъ у константинопольскаго патріарха соборнаго благословенія своему царскому вѣнчанію; но предположите, что тотъ же патріархъ потребовалъ бы отъ него, чтобы предписанныя Стоглавымъ соборомъ двоеперстіе и сугубую аллилуію онъ замѣнилъ у себя троеперстіемъ и трегубой аллилуіей: что бы было? Несомнѣнно, что онъ отказалъ бы патріарху, ссылаясь на то, что русскіе приняли свои обычаи отъ древнихъ грековъ, а о современныхъ греческихъ обычаяхъ продолжалъ бы сохранять мнѣніе, которое высказалъ о нихъ Стоглавый соборъ, т.-е. что троеперстіе и трегубая аллилуія суть ереси или еретическія у грековъ новшества. Патр. Іовъ былъ поставленъ константинопольскимъ патріархомъ Іереміей; но въ уложенной грамотѣ объ его поставленіи и объ учрежденіи у насъ патріаршества было сказано, что

*) См. въ Христіанск. Чтен. 1869 г., ч. II, стр. 870.

***) См. въ изданіи С. А. *Блюкурова*: Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. 1-й, М. 1869 г., стрр. 91—92.

„великое російское царствіе, третей Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде“, при чемъ подъ всѣми, какъ это ясно изъ контекста рѣчи, разумѣлись и греки, и причѣмъ подъ благочестіемъ разумѣлось не только благочестіе въ собственномъ смыслѣ слова, но и вѣра въ томъ обширномъ смыслѣ, въ которомъ говорить о ней патріархъ Іовъ въ приведенныхъ выше словахъ своего посланія въ Грузію... Патр. Филаретъ былъ поставленъ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ; но въ вопросѣ о прибавкѣ слова: „и огнемъ“ онъ не положился на его личное свидѣтельство, а просилъ его справиться вмѣстѣ съ другими патріархами въ старыхъ греческихъ книгахъ *).

Я сказалъ выше, что мое требованіе, измѣнить полемику съ старообрядцами, въ отношеніи къ занимаемому насъ пункту оставалось бы во всей своей силѣ и въ томъ случаѣ, если бы существующія свидѣтельства, что русскіе вплоть до патр. Никона смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ, имѣли бы значеніе дѣйствительныхъ свидѣтельствъ. Тогда нужно было бы понимать дѣло такъ, что были русскіе, которые вплоть до самаго Никона смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно соблюдающихъ чистоту православія древнихъ грековъ, и что были другіе русскіе, которые держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, и изъ среды которыхъ и возстали расколотчики. Такимъ образомъ, я могъ бы предложить полемистамъ противъ старообрядцевъ, такъ сказать, компромиссъ: доказывать бы справедливость своего требованія измѣнить полемику и въ то же время оставлять имъ (полемистамъ) помянутыя свидѣтельства, допуская, что они имѣютъ значеніе относительно большей или меньшей части дониконовскихъ русскихъ. Если я не нахожу возможнымъ остановиться на компромиссѣ и считаю нужнымъ доказывать, что свидѣтельства совсѣмъ (и въ отношеніи къ какой-либо части дониконовскихъ русскихъ) не имѣютъ значенія: такъ это потому, что допущеніе компромисса было бы съ моей стороны завѣдомой фальшью,

*) Что касается до обращенія патр. Іосифа съ вопросами къ константинопольскому патріарху, то см. объ этомъ выше, стр. 47—49.—А слова патр. Іосифа въ посланіи къ датскому королевичу Вольдемару о согласіи въ вѣрѣ русскихъ съ греками (Памятники преній о вѣрѣ, стрр. 117, 132 и 140) должны быть понимаемы въ томъ условномъ смыслѣ, который мы указали, т. е. что русскіе считали грековъ согласными съ собой въ вѣрѣ, насколько послѣдніе, сверхъ настоящихъ догматовъ вѣры, не расходились съ ними въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Тотъ же патр. Іосифъ, который говоритъ о согласіи въ вѣрѣ русскихъ съ греками, былъ рѣшительнымъ образомъ противъ греческаго троеперстія (и тому же королевичу Вольдемару говорилъ, что у насъ церковные чины и преданія на основаніи *древнихъ*, греческихъ книгъ,—*ibid.* стр. 26).

за которую мнѣ было бы стыдно, но отъ которой не было бы пользы полемикѣ, ибо не мной, такъ другими она была бы обнаружена. Оправдывая себя въ писаніи статей: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, въ которыхъ доказываю необходимость измѣнить постановку полемики съ ними, я говорю, что иначе они заставятъ насъ сдѣлать это съ нашими же книгами въ рукахъ. Что касается до пункта полемики съ старообрядцами, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, то уже и въ настоящее время довольно некоротокъ списокъ нашихъ, т.-е. принадлежащихъ нашимъ православнымъ писателямъ, книгъ, въ которыхъ утверждается и доказывается, что убѣжденіе въ поврежденности чистоты православія позднѣйшихъ грековъ было общимъ убѣжденіемъ дониконовскихъ русскихъ *).

Итакъ, происхожденіе раскола старообрядства должно быть объясняемо не личнымъ, оскорбленнымъ отъ патр. Никона, самолюбіемъ трехъ - четырехъ протопоповъ, а тѣмъ, что дониконовскіе русскіе держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Сообразно съ симъ, измѣнивъ полемику съ старообрядцами относительно вопроса о происхожденіи раскола, должно доказывать имъ, что убѣжденіе дониконовскихъ предковъ нашихъ относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, было совершенно неосновательно и совершенно несправедливо.

Я знаю, что съ моимъ представленіемъ дѣла о происхожденіи раскола старообрядства я вдвойнѣ или двоякимъ образомъ вооружаю противъ себя полемистовъ. Во-первыхъ, тѣмъ, что, предлагая новый взглядъ на происхожденіе раскола противъ того взгляда, котораго они держатся, я оскорбляю ихъ личное самолюбіе; во-вторыхъ, тѣмъ, что, придавая происхожденію раскола нѣсколько большій смыслъ, нежели какой имѣетъ оно по ихъ представленію, я дѣлаю болѣе трудною въ данномъ случаѣ полемику съ старообрядцами, чѣмъ это теперь. Относительно личнаго самолюбія, которое не хочетъ пожертвовать собою высшему интересу дѣла, я ничего не могу сказать, кромѣ того, чтобы посовѣтовать ему, не мстить за свое оскорбленіе такимъ недостойнымъ образомъ, какъ инсинуаціи и клеветы. Что касается до большей трудности полемики при моемъ представленіи дѣла, то до нѣкоторой степени это правда. Говорить старообрядцамъ, что-де вашъ расколъ возникъ изъ-за того, что патр. Никонъ прогналъ отъ себя протопоповъ Іоанна Неронова и Аввакума, навязывавшихся ему въ совѣтники, очень легко; а доказывать старообрядцамъ, что

*) Въ числѣ книгъ можно указать и такія, которыя имѣютъ довольно давнюю „официальную“ апробацію.

мнѣніе дониконовскихъ русскихъ о поврежденности православія позднѣйшихъ грековъ, которое составляло дѣйствительную причину возникновенія раскола, было совершенно неосновательно и совершенно несправедливо, конечно, нѣсколько труднѣе. Но что же дѣлать, если болѣе справедливое иногда оказывается и болѣе труднымъ. Мнѣніе, будто расколъ старообрядства возникъ изъ-за оскорбленнаго самолюбія двухъ протопоповъ, не только несправедливо, но въ настоящее время вовсе и не имѣетъ уже адептовъ, за исключеніемъ профессиональныхъ полемистовъ, которые держатся за него ради его такъ сказать полемической доброкачественности. И хотя съ того времени, какъ преосв. Макарій поддерживалъ его въ послѣдній разъ, прошло не болѣе 13-ти лѣтъ *), но и въ эти 13-ть лѣтъ по отношенію къ нашему вопросу утекло много воды, такъ что въ настоящее время отстаивать это, завѣдомо несправедливое, мнѣніе, значитъ собственно лишь выказывать упорство, достойное лучшей участи. При томъ же большая трудность полемики при новомъ представленіи дѣла о возникновеніи раскола старообрядства не Богъ знаетъ какая, а главное—профессиональный полемистъ во всякомъ случаѣ долженъ быть въ состояніи доказать старообрядцамъ, что это мнѣніе о поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ, кому бы оно не принадлежало и когда бы не возникло, есть мнѣніе совершенно неосновательное и совершенно несправедливое.

Расколъ старообрядства возникъ у насъ изъ-за того, что дониконовскіе предки наши держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Именно—дѣло было такъ, что патр. Никонъ, признавъ сейчасъ указанное убѣжденіе неосновательнымъ и несправедливымъ, предпринялъ свое исправленіе церковныхъ чиновъ, обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, состоявшее въ томъ, чтобы относительно чиновъ, обрядовъ и книгъ привести насъ въ согласіе съ современными ему греками, и что, тогда какъ за Никономъ послѣдовало большинство русскаго общества, нашлись въ послѣднемъ отдѣльные люди, которые не перемѣнили убѣжденія и которые поэтому и подняли протестъ противъ Никонова исправленія. Такимъ образомъ, въ полемикѣ съ старообрядцами, необходимо доказывать, что убѣжденіе дониконовскихъ русскихъ о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, было совершенно неосновательно и несправедливо.

Но дониконовскіе русскіе составили себѣ убѣжденіе о позднѣй-

*) XII томъ Исторіи, въ которомъ о патр. Никонѣ, оконченъ преосв. Макаріемъ въ началѣ 1882-го года.

шихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, въ слѣдствіе того, что произошло разрозненіе между нами и ими въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ: все, чѣмъ они разрознились съ нами, было у насъ признано за ихъ погрѣшительныя и еретическія новшества (почему и составлено было указанное о нихъ мнѣніе, какъ объ утратившихъ будто бы чистоту православія древнихъ грековъ). Такимъ образомъ, въ полемикѣ съ старообрядцами необходимо доказывать, что разрозненіе грековъ съ нами или собственно—насъ съ греками означало вовсе не отступленіе послѣднихъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, а нѣчто совсѣмъ другое.

Послѣ напечатанія статьи о Ледовскаго и прежде, чѣмъ я отвѣтилъ на нее, редакторъ „Братскаго Слова“ самъ лично и черезъ своихъ сотрудниковъ нѣсколько разъ повторилъ свое обвиненіе на меня, будто настоящія статьи „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ писаны мною въ защиту раскола и противъ православной церкви. Поэтому мною приписанъ былъ къ отвѣту нижеслѣдующій постскриптумъ.

Р. S. (перепечатаваемый, какъ напечатанъ былъ въ 1895 году). Редакторъ „Братскаго Слова“ продолжаетъ своими и чужими устами лжесвидѣтельствовать на меня, будто статьи „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ писаны мною въ защиту раскола и противъ православной церкви *). Но, наконецъ, если бы статьи писаны были мною въ защиту раскола и противъ православной церкви, то могъ ли бы я быть согласенъ съ Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ и съ самимъ св. Синодомъ? А между тѣмъ это есть такъ. Я говорю, что у насъ съ половины XV вѣка составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, по поводу чего написана моя настоящая статья; но то же самое говоритъ Программа ученія о Русскомъ расколѣ, выданная Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ для семинарій. Въ отдѣлѣ о важнѣйшихъ причинахъ, подготовившихъ расколъ въ Русской церкви, находится въ ней параграфъ, посвященный одной изъ этихъ важнѣйшихъ причинъ: „в) *Горделивое и преувеличенное мнѣніе русскихъ книжниковъ о значеніи православной Русской церкви и неповрежденности ея не только въ ученіи, но и въ обрядахъ, соединенное съ презрительнымъ отношеніемъ не только къ иновѣрцамъ, но и къ единовѣрнымъ грекамъ.* Историческія объ этомъ свидѣтельства. Усиленіе подозрѣній относительно мнимаго неправославія грековъ со времени Флорентійскаго собора и взятія турками Константинополя: Сказаніе о Тихвинской

*) См. вышедшія книжки „Братскаго Слова“ за нынѣшній 1895 годъ.

иконъ; повѣсть о бѣломъ клобукѣ, и др.“ Расходясь съ прежними полемистами противъ раскола и, поправляя ихъ, я говорю, что патр. Никонъ предпринялъ свое исправленіе нашихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ и богослужебныхъ книгъ съ цѣлю привести эти чины, обряды и книги въ согласіе и ликъ единству съ чинами, обрядами и книгами современной ему (а не древней, какъ утверждалось прежде) церкви греческой; но то же говоритъ и св. Синодъ въ своемъ „Изъясненіи о содержащихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старыя обряды“, изданномъ въ 1886 году. Въ Изъясненіи читается, что при патр. Никонѣ принято было у насъ исправленіе богослужебныхъ книгъ между прочимъ съ тою цѣлю, „дабы чины и обряды церкви российской привести въ согласіе съ общеупотребляемыми въ православной восточной церкви“ *). По поводу негодованія на меня со стороны редактора „Братскаго Слова“ и другихъ за указаніе новаго свидѣтельства о двоеперстіи, которое будто бы наноситъ ущербъ нашей полемикѣ съ старообрядцами, я далъ объясненіе въ моемъ отвѣтѣ о. протоіерею І. Г. Виноградову, напечатанномъ въ августовской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1893-й годъ **).

VI.

О несправедливомъ мнѣніи дониконовскихъ русскихъ, будто повреждена была чистота православія у позднѣйшихъ грековъ, и о причинѣ этого мнѣнія—неправильномъ усвоеніи помянутыми русскими обрядами и обычаями церковнымъ значенія догматовъ вѣры, что въ совокупности было причиной возникновенія у насъ раскола старообрядства ***).

Расколъ старообрядства возникъ у насъ изъ-за того, что патр. Никонъ предпринялъ исправленіе нашихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ и текста нашихъ богослужебныхъ книгъ, состоявшее въ томъ,

*) См. Изъясненіе въ августовской книжкѣ „Православнаго Обзорнія“ за 1886 годъ.

**) См. его ниже. Въ настоящее время къ постскриптому можемъ прибавить слѣдующее. Есть брошюра: „О сущности и значеніи раскола въ Россіи“, напечатанная по опредѣленію св. Синода и принадлежащая, какъ оказывается изъ Каталога книгъ, продающихся въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ (у насъ подъ руками Каталогъ 1892 г.), профессору Субботину (№ Каталога 518). Въ этой брошюрѣ говорится о цѣли, съ которою предпринято было патр. Никонъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, то же самое, что и въ помянутомъ „Изъясненіи“,—изд. 1888-го года, стр. 13 и 14

***) Статья эта была напечатана въ I книгѣ Чтеній въ Обществѣ Исторія и Древностей за 1896-й годъ.

чтобы въ отношеніи къ обрядамъ и обычаямъ и къ тексту богослужебныхъ книгъ привести насъ въ согласіе съ современными ему—патріарху греками, съ которыми относительно обрядовъ и обычаевъ и текста богослужебныхъ книгъ была у насъ дотолѣ нѣкоторая рознь. Эта нѣкоторая рознь между нами и греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ и въ текстѣ богослужебныхъ книгъ началась съ того, что, установляя у себя единообразіе въ обычаяхъ церковныхъ, которые первоначально были не единообразны, мы случайнымъ образомъ приняли въ общее единообразное употребленіе не тѣ формы ихъ, которыя были приняты въ общее единообразное употребленіе у грековъ (сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія двоеперстное, тогда какъ у грековъ принято было троеперстное; двоеніе пѣсни аллилуія, тогда какъ у грековъ принято было троеніе; см. выше, статью I). Подобная случайность не означала ничего иного, кромѣ того, что у грековъ принята была въ общее единообразное употребленіе одна православная форма обычаевъ, а у насъ другая православная форма, и намъ, какъ заимствовавшимъ вѣру съ обрядами и обычаями отъ грековъ, оставалось сдѣлать только поправку, т. е. отказавшись отъ своего единообразія, принять ихъ греческое единообразіе. Но у насъ дѣло было понято совсѣмъ иначе. При отсутствіи просвѣщенія предки наши въ своемъ богословствованіи вдалились въ ту крайность, чтобы приравнять обряды и обычая церковные къ догматамъ вѣры и чтобы придать имъ тѣ же значеніе и важность, которыя принадлежать послѣднимъ. Но какъ всякій догматъ, выражая собою какую-нибудь истину христіанскаго вѣроученія, содержитъ въ себѣ единое и неизмѣнное ученіе, ибо истина одна и неизмѣняема: такъ и о формѣ обрядовъ и обычаевъ, приравнявъ ихъ къ догматамъ вѣры, предки наши должны были начать думать, будто правильною и православною формою всякаго обряда и обычая можетъ быть только одна форма, а никакъ не нѣсколькія (см. ту же I статью). Дѣйствительно, такъ и начали думать наши предки и, видя у себя и у грековъ разныя формы нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, они поняли это такъ, что которыми-то изъ двоихъ обряды содержатся въ правильной и православною, идущей отъ древности, формѣ, а у которыхъ-то изъ двоихъ форма ихъ (обрядовъ) представляетъ еретическое и погрѣшительное нововведеніе, и само собою разумѣется, что вводителемъ еретическихъ и погрѣшительныхъ нововведеній или новшествъ они признали не самихъ себя, а грековъ. Такимъ образомъ, предки наши начали думать о позднѣйшихъ грекахъ, будто греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ сего было то, что когда начали у насъ печатать богослужебныя книги и чрезъ

печатаніе вводитъ въ нихъ единообразіе, а также и изготовляютъ при семъ возможно удовлетворительныя ихъ редакціи: то не обратились къ грекамъ, чтобы дѣлать дѣло вмѣстѣ и въ полномъ согласіи съ ними, но дѣлали дѣло совершенно независимо отъ нихъ и совершенно самостоятельно. А поэтому и въ книгахъ, какъ и въ обычаяхъ, мы до нѣкоторой степени разрознились съ ними. Патр. Никонъ созналъ и призналъ несправедливость мнѣнія русскихъ о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и ввели у себя еретическія и погрѣшительныя новшества, почему и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и обычаевъ, равно какъ и богослужебныхъ книгъ, состоявшее въ томъ, чтобы привести насъ относительно обрядовъ и обычаевъ, равно какъ и богослужебныхъ книгъ, въ согласіе съ современными ему — патріарху греками. Но тогда какъ большинствомъ русскихъ, отказавшимся въ слѣдъ за патріархомъ отъ прежняго взгляда на позднѣйшихъ грековъ, принято было его исправленіе: нашлось нѣкоторое количество отдѣльныхъ людей, которые остались при прежнемъ взглядѣ и которые и протестовали противъ его — Никонова исправленія, чтобы образовать расколъ старообрядства.

Такимъ образомъ, расколъ старообрядства возникъ у насъ изъ-за того, что предки наши приравняли обряды и обычаи церковныя къ догматамъ вѣры и что это приравненіе дало имъ (указаннымъ выше образомъ) основаніе думать о позднѣйшихъ грекахъ, будто греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества. Изъ сказаннаго слѣдовало бы, что въ полемикѣ съ старообрядцами надлежитъ доказывать несправедливость приравненія обрядовъ и обычаевъ церковныхъ къ догматамъ вѣры и что вмѣстѣ съ этимъ будетъ доказана и несправедливость мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Но на самомъ дѣлѣ должно доказывать бѣльшее. Дониконовскіе предки наши составили себѣ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, на томъ основаніи, что увидѣли у нихъ рознь съ собою въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Но, составивъ себѣ убѣжденіе, они не стали доказывать его, какъ выводъ изъ сейчасъ указаннаго, а наоборотъ, выдавая его за убѣжденіе самостоятельное, они на основаніи его начали утверждать, будто разности грековъ съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ суть еретическія и погрѣшительныя новшества. Такимъ образомъ, въ полемикѣ съ старообрядцами надлежитъ доказывать: во-первыхъ, что дониконовскіе предки наши несправедливо утверждали о позднѣйшихъ грекахъ, какъ несправедливо въ слѣдъ за ними утверждаютъ старообрядцы,

будто греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества; во-вторыхъ, что дониконовскими предками нашими неосновательно приравнивались, какъ послѣ нихъ неосновательно приравняются старообрядцами, обряды и обычаи церковные къ догматамъ вѣры. А такъ какъ и разность между нашими дониконовскими и греческими богослужебными книгами предки наши объясняли, а старообрядцы теперь объясняютъ, тѣмъ же отступленіемъ позднѣйшихъ грековъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, то, въ-третьихъ, должно быть дано объясненіе относительно происхожденія и дѣйствительнаго значенія сей послѣдней разности. Все это мы и сдѣлаемъ въ настоящей нашей статьѣ.

I.

Утверждая о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества, дониконовскіе предки наши говорили, а теперь старообрядцы говорятъ, будто чистоту православія позднѣйшихъ грековъ повредили — главнымъ образомъ латиняне, а отчасти и поработители ихъ турки. Что касается до того, какъ отъ латинянъ могли позднѣйшіе греки заразиться ихъ еретическими и погрѣшительными новшествами, то говорилось и говорится: во-первыхъ, что греки соединились съ латинянами на Флорентійскомъ соборѣ; во-вторыхъ, будто послѣ взятія Константинополя турками латиняне выкупили всѣ греческія рукописи, содержащія учительныя отеческія творенія, и, переправя ихъ по своему, печатали ихъ въ искаженномъ видѣ и раздавали грекамъ; въ-третьихъ, что греки не имѣли возможности печатать у себя дома богослужебныхъ книгъ и что-де книги эти были печатаемы для нихъ неисправно и съ злонамѣренными поврежденіями въ Венеціи типографщиками еретическими и, наконецъ, въ-четвертыхъ, что дидаскалы или учителя ихъ ходили учиться въ западную Европу и тамъ-де на Западѣ заражались латинскими ересями.

На Флорентійскомъ соборѣ греки дѣйствительно соединились съ латинянами, принявъ ихъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о совершеніи литургіи на опрѣснокахъ и о чистилищѣ и признавъ надъ собою верховную власть папы. Но соединеніе, исключая отдѣльныхъ, весьма немногихъ людей, было не дѣйствительнымъ или искреннимъ, а лишь наружнымъ или притворнымъ, и, продолжавшись весьма короткое время, не только ни малѣйше не

повредило православія у грековъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпило ихъ въ немъ.

Изложимъ, какъ было дѣло *). Имперія Византійской суждено было погибнуть отъ меча Турокъ, которые, начавъ ея завоеваніе въ концѣ XIII вѣка, къ концу слѣдующаго XIV вѣка довели послѣднее до того, что имперія начала ограничиваться лишь самымъ Константинополемъ съ весьма ничтожной его окрестностью, небольшимъ побережьемъ Чернаго моря и небольшими владѣніями въ Македоніи съ Фессаліей и Пелопоннесѣ **). Безсильные бороться съ турками сами собой, императоры Византійскіе, естественно, должны были обратиться къ мысли о томъ, чтобы искать себѣ помощи противъ нихъ у государей западныхъ. Но помощь государей западныхъ можно было получить схизматическимъ императорамъ (каковыми были въ глазахъ западныхъ людей Византійскіе императоры) только съ соизволенія на сіе и только при содѣйствіи сему со стороны папъ. А такъ какъ соизволеніе и содѣйствіе папъ можно было пріобрѣсти только посредствомъ церковнаго союза съ ними или униі: то императоры и должны были хлопотать о сей униі, къ которой, до появленія на сценѣ ихъ несчастной исторіи турокъ, они уже прибѣгали для

*) На русскомъ языкѣ есть „Исторія Флорентійскаго собора“, напечатанная въ Москвѣ, въ 1847-мъ году, и представляющая собою одну изъ магистерскихъ диссертаций, писанныхъ въ Московской Духовной Академіи.

**) Въ минуту смерти императора Іоанна V, Палеолога, въ 1391-мъ году имперія Византійская состояла: изъ самаго Константинополя съ ничтожною его окрестностью, которая заключалась внутри Анастасіевой великой стѣны, шедшей отъ Селимврии или Силиврии на Мраморномъ морѣ до Деркоса близъ Чернаго моря; изъ побережья Чернаго моря отъ Деркоса до Месембрии; изъ небольшого владѣнія въ Македоніи и Фессаліи съ главнымъ городомъ Фессалоникой и изъ небольшого владѣнія въ южномъ Пелопоннесѣ съ главнымъ городомъ Спартой. Сынъ и преемникъ Іоанна императоръ Мануиль не задолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 1425 мѣ году имѣлъ, по справедливому замѣчанію современнаго историка (и государственнаго челоуѣка) Георгія Францы, — *Chronic. lib. I, p. 40.* (въ Патрол. *Мина t. 156, col. 736*), великое неблагоурауміе раздѣлить эти жалкіе остатки имперіи между шестью своими сыновьями на особыя владѣнія или деспотіи (удѣлы), такъ что послѣ сего самая имперія начала ограничиваться однимъ Константинополемъ съ прилежащей къ нему, указанной выше, крохотной мѣстностью. Дальнѣйшія территоріальныя перемѣны до паденія имперіи и до подпаденія власти турокъ всѣхъ греческихъ владѣній состояли въ томъ, что Фессалоника продана была Венеціанцамъ еще при жизни Мануила (въ 1423-мъ году) и что деспотъ Пелопоннесскій Константинъ, съ 1449-го года послѣдній императоръ, овладѣлъ было всѣмъ Пелопоннесомъ (подъ латинскими владѣтелями) и даже нѣкоторыми частями Аттики и Беотіи. — Султанъ Турецкій Мурадъ I, занимавшій престолъ съ 1359-го по 1389-й годъ, завоевавъ всю европейскую часть имперіи за исключеніемъ того, что указано, уже въ 1366-мъ году перенесъ свою столицу изъ азіатской Врусы въ европейскій Адрианополь.

огражденія себя отъ самихъ латинянъ (Лионская унія 1274-го года, о которой скажемъ ниже). Очень долгое время тянулись у императоровъ переговоры съ папами относительно унії, не приводившіе ни къ чему *); наконецъ, послѣ довольно продолжительной остановки бывъ возобновлены въ 1415-мъ году, они привели къ тому, что по соглашенію между императоромъ Іоанномъ VII, Палеологомъ, и папою Евгениемъ IV для заключенія унії устроенъ былъ соборъ въ Италіи, который открытъ былъ въ городѣ Феррарѣ 9-го апрѣля 1438-го года и который, бывъ перенесенъ изъ Феррары во Флоренцію въ январѣ—февралѣ 1439-го года, окончилъ свои засѣданія въ этомъ послѣднемъ городѣ 6-го іюля 1439-го года, именно—соборъ Ферраро-Флорентійскій или просто Флорентійскій, о которомъ у насъ рѣчь. Греческіе епископы, въ числѣ 22-хъ и съ патриархомъ Константинопольскимъ Иосифомъ во главѣ, отправились на соборъ вовсе не съ-предрѣшеннымъ намѣреніемъ намѣнить православію и признать латинскія новшества и заблужденія, а съ твердою надеждою, что имъ удастся убѣдить латинянъ отказаться отъ ихъ новшествъ и заблужденій для возвращенія къ истинѣ православія, и если бы они предвидѣли то, что дѣйствительно случилось и что они сами сдѣлали, такъ несомнѣнно, что они вовсе не поѣхали бы на соборъ. Продолжительныя, веденныя на соборѣ въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, пренія между греками и латинянами о главныхъ пунктахъ разногласія между ними: объ исхожденіи Св. Духа, о хлѣбѣ въ евхаристіи, о чистилицѣхъ и о главенствѣ папы, не привели ни къ чему: латинянамъ, конечно, не удалось убѣдить грековъ признать ихъ новшества и заблужденія, но и грекамъ вовсе не удалось заставить латинянъ отказаться отъ ихъ новшествъ и заблужденій. Послѣ того, какъ пренія окончились ничѣмъ, папа объявилъ грекамъ (въ концѣ марта 1439-го года), что или пусть принимаютъ они ученіе Римской церкви или же пусть отправляются къ себѣ домой, — подразумѣвается: безъ надежды получить помощь противъ турокъ его — папы и западныхъ государей. Уѣхать домой безъ надежды получить помощь противъ турокъ было для императора Константинопольскаго ужасно, ибо его положеніе въ виду этихъ послѣднихъ было тогда уже истинно отчаянное: и императоръ, не уѣжая изъ Флоренціи, рѣшился во что бы то ни стало заключить унію съ папою. Сначала онъ пытался было достигнуть соглашенія посредствомъ уступокъ легкихъ, кото-

*) Пока опасность отъ турокъ не была слишкомъ настоятельною, императоры вели переговоры съ папами объ унії не столько для дѣйствительнаго устроенія послѣдней, сколько для самыхъ переговоровъ, чтобы устрашать ими турокъ, которые очень опасались помощи грекамъ со стороны западныхъ народовъ.

рья бы не очень тяготили его совѣсть, какъ защитника православія, и которья бы навлекали на него не очень сильныя укоры за измѣну православію. Когда папа остался непреклоненъ и требовалъ всего, императоръ, жертвуя неприкосновенностью православія спасенію отечества, рѣшился и на все. Между епископами нашлись двое, которые объявили себя за соединеніе съ папою: это были—Исидоръ, митрополитъ русскій, который водился, по всей вѣроятности, тѣмъ же побужденіемъ, что и императоръ, т.-е. желаніемъ спасти погибавшее отечество, и Виссаріонъ, митрополитъ Никейскій, водившійся, какъ можно думать, личной суетностію и личными расчетами. Къ двоимъ епископамъ присоединился въ качествѣ единомышленника духовникъ императора, іеромонахъ-протосинкеллъ, Григорій Мама. Наконецъ троимъ удалось привлечь на свою сторону еще четвертаго—Дороея митрополита Митиленскаго. Противъ четверыхъ сейчасъ названныхъ объявили себя за сохраненіе православія, чего бы то ни стоило и къ чему бы то ни повело, всѣ остальные члены собора, числомъ до 28-ми (кромѣ епископовъ разумѣются сановники патріаршіе и настоятели монастырей). Но императору съ его помощниками, между которыми главнымъ былъ нашъ русскій митрополитъ Исидоръ, пользовавшійся, очень большимъ авторитетомъ въ средѣ членовъ собора, удалось постепенно, посредствомъ убѣжденія и принужденія, а отчасти, можетъ быть, и посредствомъ подкупа, достигнуть того, чтобы всѣ члены собора, хотя наружно и неискренно, признали унію съ папою на требуемыхъ послѣднимъ условіяхъ *). 5-го іюля 1439-го года греки подписали актъ уніи съ папою, въ которомъ признавали: латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; дѣйствительность совершенія таинства евхаристіи на опрѣснокахъ; латинское ученіе о чистилищѣ и главенство папы въ церкви.

Итакъ, греки дѣйствительно соединились съ латинянами на Флорентійскомъ соборѣ; но соединеніе это, какъ мы сказали, было не искреннее, а только притворное или наружное и, продолжавшись весьма недолгое время, не только не повредило православія у грековъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпило ихъ въ привязанности къ нему.

Одинъ изъ сановниковъ патріарха Константинопольскаго, присутствовавшій на соборѣ и написавшій его исторію, свидѣтельствуетъ, что большинство членовъ собора подписалось подъ актомъ уніи съ стenanіемъ и плачемъ въ глубинѣ сердца (*ἐν μυθοῖς καρδίας στένοντες*

*) Главнымъ средствомъ преклоненія членовъ собора, какъ объ этомъ да-
етъ знать Сиропуль, о которомъ сейчасъ ниже, было представленіе имъ, что
унія будетъ только наружною, а что между тѣмъ иначе невозможно спасеніе
отечества.

καὶ ἀκρόβουτες οἱ πλείους ἐπελάφομεν *). На другой день послѣ подписанія акта уніи, 6-го іюля, совершено было торжественное обнаруженіе его во Флорентійскомъ соборномъ храмѣ, послѣ чего папа служилъ въ храмѣ торжественную литургію. Но ни одинъ греческій епископъ, несмотря на желаніе папы, не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ латинянами и никто изъ грековъ не приобщался опрѣсноковъ **). Когда греческіе епископы на возвратномъ пути изъ Флоренціи прибыли въ Венецію, то дожъ Венеціанскій изъявилъ желаніе видѣть чинъ греческаго богослуженія. Императоръ, удовлетворяя желаніе дожа, только послѣ многихъ просьбъ могъ принудить старшаго между епископами митрополита Ираклійскаго совершить литургію въ соборѣ св. Марка. Митрополитъ согласился, но служилъ литургію на греческомъ антиминосѣ и съ греческими церковными сосудами; папскаго имени не было на ней упомянуто и символъ вѣры читанъ былъ безъ прибавленія ***). Когда епископы возвратились съ собора въ Константинополь (1-го февраля 1440-го года): то первымъ вопросомъ къ нимъ жителей столицы послѣ того какъ они, сошедъ съ галеръ, ступили на берегъ, было: „Чѣмъ кончился соборъ, одержали ли мы верхъ“ (какъ того надѣялись всѣ греки, а равно и всѣ епископы, ѣздившіе на соборъ)? Митрополитъ Ираклійскій и за нимъ всѣ прочіе отвѣчали: „Мы продали нашу вѣру, промѣняли благочестіе на нечестіе, и, предавъ чистую жертву, сдѣлались азимитами: да отсѣчется рука, подписавшая, да исторгнется языкъ, изрекшій исповѣданіе!“ ****).

Такъ епископы и прочіе духовные, ѣздившіе на Флорентійскій соборъ, засвидѣтельствовали, что ими дано было согласіе на унію не искреннимъ, а только притворнымъ образомъ и такъ скоро большинство ихъ отказалось отъ этой уніи! Императоръ Іоаннъ Палеологъ, видѣвшій въ уніи единственную надежду спасенія для имперіи, не отказывался отъ ней до самой своей смерти, которая послѣдовала 31-го октября 1448 года: на мѣсто патріарха Іосифа, умершаго во Флоренціи 10-го іюня 1439 года, былъ избранъ имъ въ патріархи, 4-го мая 1440 года, изъявившій согласіе признавать унію Митрофанъ, митрополитъ Кизическій, а на мѣсто Митрофана, умершаго 1-го ав-

*) Великій епископъ и дикофилакъ Сильвестръ Сиропуль (неправильно называемый Сгуропуломъ). Написанная имъ Исторія Флорентійскаго собора издана въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ въ 1660-мъ году Англичаниномъ Робертомъ Крейтеномъ (Creighton) подъ заглавіемъ: *Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive Concilii Florentini exactissima narratio*. Приведенныя слова у Сиропула—sect. X, cap. VIII, p. 292.

**) См. русскую Исторію Флорентійскаго собора, стр. 175.

***) Сиропуль, sect. XI, cap. IV, p. 318.

****) См. у современнаго историка Дукки,—Hist. Bysant. cap. XXXI (въ Патрол. Миня t. 157, col. 1013: 'Ο 'Ιρακλείας 'Αντώνιος καὶ οἱ πάντες ἀπεκρίνοντο).

густа 1443 года, помянутый нами выше іеромонахъ-протосинкеллъ Григорій Мамма. Но императоръ содержалъ унію,—несомнѣнно притворнымъ образомъ *), лишь съ своими патріархами, съ нѣсколькими епископами, которыхъ могли поставить послѣдніе, и съ немногими изъ своихъ приближенныхъ; что же касается до большинства духовенства и до народа, то ни одно, ни другой вовсе не хотѣли знать уніи. Когда епископы возвратились съ собора домой, то духовенство Константинопольское не соглашалось служить даже съ тѣми изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своемъ согласіи на соединеніе, представляли въ свое оправданіе, что были увлечены къ тому неволею **). А съ какою величайшею враждою встрѣтилъ унію народъ, объ этомъ мы можемъ заключить по той величайшей враждѣ, съ которою встрѣтилъ онъ ея возобновленіе спустя 12 лѣтъ и о чемъ ниже. Патріархи Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій, узнавъ о принятіи епископами, ѣдившими на соборъ, уніи съ папою и о томъ, что возведенный императоромъ на Константинопольскую патріаршую кафедру приверженецъ уніи Митрофанъ ставитъ въ епископы своихъ единомысленниковъ, въ началѣ 1443 года собрались на соборъ въ Іерусалимѣ и на соборѣ произнесли свое осужденіе на унію и объявили всѣхъ митрополитовъ, епископовъ и прочихъ духовныхъ, поставленныхъ отъ Митрофана по единомыслию съ нимъ въ ереси, лишенными своихъ церковныхъ степеней и всякаго права священнодѣйствовать ***). И въ весьма странномъ положеніи находилась унія въ Константинополѣ! Импер. Іоаннъ не рѣшался отказаться отъ нея, но съ другой стороны, въ виду общей величайшей вражды къ ней, онъ не рѣшался и на то, чтобы формально и торжественно обнародовать или провозгласить ее, такъ что во все время его правленія она не была торжественнымъ образомъ обнародована и была содержима имъ какъ бы подъ рукою и какъ бы по секрету; преемникъ папы Евгенія IV Николай V писалъ преемнику импер. Іоанна Константину отъ октября 1451-го года: *Esse jam tot annos transiere, ex quo ista facta sunt*,—заключена унія, *et tamen apud Graecos unionis hujusmodi decretum silentio tegitur* (вотъ уже столько лѣтъ прошло, какъ это сдѣлано,—заключена унія, и однако у грековъ постановленіе о сей уніи покрывается молчаніемъ) ****). Что въ Константинополѣ унія съ папою была содержима только императоромъ и патріархомъ съ весьма немногими

*) Какъ ясно даетъ знать это *Сиропулъ*—sect. X, cap. VI, p. 288 нач.

**) *Сиропулъ*, sect. XII, cap. I; см. также въ Туркогреціи *Крусія* гражданской исторіи п. 18', p. 4.

***) См. русскую Исторію Флорентійскаго собора, стр. 190.

****) Посланіе папы Николая въ латинскомъ подлинникѣ съ греческимъ переводомъ въ 160-мъ томѣ греческой серіи Патрологіи *Минья*, col. 1208—1209.

это хорошо было известно и у насъ въ Москвѣ. Св. митрополитъ Іона писалъ Кіевскому князю Александру Владимировичу: „Самъ, сыну, вѣси, чтоже Божіею милостію и благодатію опрично зборныя церкви святыя Софѣя и царевы палаты въ Цариградѣ ни въ монастырѣхъ, ни въ единой ни въ которой Божьей церкви, во всемъ Цариградѣ и во всей Святѣй горѣ, вигдѣже не поминается имя папино, а держатъ вси милостію Божьею ту добрую старину, еже по Божью повелѣнію отъ святыхъ апостолъ и отъ богоносныхъ отецъ, по священнымъ правиломъ и по всему божественному писанію, намъ преданную“ *).

О преемникѣ Іоанна, послѣднемъ Византійскомъ императорѣ Константинѣ, который вступилъ на императорскій престолъ 6-го января 1449 года, принято думать, что тотчасъ по занятіи престола онъ объявилъ себя за православіе противъ уніи и что въ 1451-мъ году, въ виду рѣшительнаго приготовленія турокъ къ овладѣнію Константинополемъ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ, для полученія помощи противъ турокъ, обратиться къ папѣ съ предложеніемъ о возобновленіи или о восстановленіи уніи. На самомъ дѣлѣ гораздо вѣроятнѣе думать о Константинѣ, что первоначально онъ подобно брату держался уніи,—что въ 1451 году, вынуждаемый требованіемъ духовенства и народа, онъ отказался было отъ нея и восстановилъ православіе и что почти тотчасъ послѣ восстановленія православія, по указанной выше причинѣ, онъ обратился къ папѣ съ предложеніемъ объ ея (уніи) восстановленіи **). Какъ бы то ни было, но въ 1451-мъ

*) Акт. Ист. т. I, № 47, стр. 94 fin., Памятн. канонич. права Павлова ч. I, № 66, col. 558 fin.—Нѣкоторые принимаютъ, что въ 1440-мъ году составлялся въ Константинополѣ соборъ изъ архіереевъ и многихъ клириковъ, который подалъ императору *'Απολόγια καὶ ἀναφορὰν περὶ τῆς ἐν Φλωρεντία συνόδου*, напечатанную патр. Іерусалимскимъ Нектаріемъ въ его *Περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πατριᾶρχῆτος* ъ, стр. 233—236 (напр. архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ въ книгѣ *Ορθόδοξος Ἑλλάς*, стр. 107). Но *'Απολόγια* и *ἀναφορά* принадлежитъ не небывалому Константинопольскому собору 1440-го года, а группѣ архіереевъ, патриаршихъ сановниковъ и настоятелей Константинопольскихъ монастырей, не признававшихъ уніи отъ которыхъ въ концѣ правленія патр. Митрофана и по рѣшительному настоянію сего послѣдняго требовано было императоромъ признаніе уніи и которые подали императору *'Απολόγια καὶ ἀναφορὰν* въ объясненіе и оправданіе своего упорства, сfr у *Сиропула* *vest. XII, cap. XI*.

**) Если бы Константинъ тотчасъ по вступленіи на престолъ объявилъ себя за православіе: то тотчасъ же и долженъ бы былъ извести съ каведры патриарха—уніата Григорія Мамму. А между тѣмъ низведеніе Григорія со всею вѣроятностію должно быть относимо къ 1451-му году. Въ этомъ послѣднемъ году, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ бѣжалъ или изгнанъ былъ изъ Константинополя (Франца говоритъ о немъ: *διέβη ἀπὸ τῆς πόλεως ὡς φευγὰς*,—lib. III, п. β', у *Миня* въ Патрол. col. 818; Дука употребляетъ о немъ выраженіе: *ἔξοριστος πατ-*

году импер. Константинъ обратился къ преемнику папы Евгенія IV Николаю V съ предложеніемъ о возстановленіи униі, слѣдствіемъ каковаго предложенія было то, что въ ноябрѣ 1452 года прибылъ въ Константинополь отъ папы бывшій русскій митрополитъ Исидоръ, который 12-го числа слѣдующаго декабря торжественно и возстановилъ въ храмѣ св. Софій унию съ папой (не вводившюся прежде, какъ мы сказали, официально и торжественнымъ образомъ *).

Современный греческій историкъ Дука сообщаетъ намъ свѣдѣнія, какъ было принято греками это возстановленіе униі. Прежде всего онъ говоритъ, что и тѣ немногіе, которые желали ея возстановленія и приняли ее возстановленную, желали и приняли, со включеніемъ и самого императора, только наружнымъ или притворнымъ образомъ, изъ-за нужды получить отъ папы и при его посредствѣ помощь противъ турокъ **). Затѣмъ, мы находимъ у него слѣдующее. 12-го декабря, въ то время, какъ Исидоръ совершалъ въ храмѣ св. Софій церемонію возстановленія униі, народъ, воодушевленный противъ послѣдней знаменитымъ монахомъ Геннадіемъ, бывшимъ сановникомъ Георгіемъ, Схоларіемъ, ходилъ по городу и кричалъ анаемеу принявшимъ и имѣющимъ принять унию,—кричалъ, что не хочетъ помощи латинянъ ни соединенія съ ними и что пусть исчезнетъ служба азимитовъ ***). Послѣ 12-го декабря народъ пересталъ ходить въ храмъ св. Софій, чтобы не оскверняться, и началъ смотрѣть на него какъ на приближище демоновъ (*ὡς καταβύσιον δαιμόνων*), какъ на языческое капище и какъ на іудейскую синагогу ****). Священники, бывшіе противъ униі, строжайше воспрещали мірянамъ имѣть общеніе съ священниками, принимавшими унию, говоря, что они не священники и что приносимая ими евхаристія не есть евхаристія; если священникъ униатъ являлся на похороны или на поминовеніе усоп-

ριόχης.—сар. XXXVI, у *Миня* въ Патрол. col. 1060; папа Николай V въ упомянутомъ выше посланіи къ императ. Константину употребляетъ о немъ выраженіе: *abjectus Sacerdos*.—у *Миня* col. 1210) и со всею вѣроятностью должно думать, что послѣ своего низложенія онъ оставался или оставляемъ былъ въ Константинополь очень не долго. Нашъ Московскій великій князь Василій Васильевичъ Темный, поставившій въ концѣ 1448-го года въ митрополиты русскіе св. Іону безъ спроса у патріарха—униата, рѣшился извѣщать импер. Константина о своемъ поступкѣ только въ 1451-мъ году (см. грамоту въ Акт. Ист., т. I, №№ 41 и 262 и въ Памятникахъ канонич. права *Паглова* № 71). Но если бы Константинъ тотчасъ по вступленіи на престоль объявилъ себя за православіе: то и великій князь долженъ былъ бы извѣстить его о своемъ поступкѣ тотчасъ послѣ его вступленія на престоль.

*) Дука, сар. XXXVI, въ Патрол. *Миня* t. 157, coll. 1057 и 1060.

**) Сар. XXX, у *Миня* coll. 1057, 1060—61.

***) Сар. XXXVI, у *Миня* coll. 1057 и 1060.

****) Сарр. XXXVII и XXXIX, у *Миня* coll. 1065, 1072 и 1104

шихъ, то священники неуніаты тотчасъ, сбросивъ ризы, бѣжали какъ отъ огня^{*)}). Самъ народъ не хотѣлъ причащаться отъ священниковъ уніатовъ, говоря, что это значило бы получать не освященіе, а оскверненіе, и смотрѣлъ на церкви, въ которыхъ они служили, какъ на языческія капища ^{**}). На представленіе, что уніа съ папой есть единственное средство спасенія Константинополя отъ Турокъ, народъ отвѣчалъ, что лучше желаетъ видѣть господствующую въ немъ чалму турецкую, чѣмъ шляпу латинскую (*Κρείττοτέρον ἔστιν εἶδέναι ἐν μέσῳ τῆ πόλει φακίλιον βασιλεύον Τούρκων ἢ χαλύπτραν λατινικήν*) ^{***}). Наконецъ, чтобы показать всю необычайную и непоборимую силу отвращенія грековъ къ латинянамъ, Дука говоритъ, что когда по взятіи Константинополя турками народъ, ища спасенія отъ ихъ меча, сбѣжался въ храмъ св. Софіи, то если бы и тогда сошелъ ангелъ съ неба и сказалъ: „примите унію и прогоню враговъ изъ города“, народъ не принялъ бы уніи ^{****}).

Необычайное отвращеніе грековъ къ латинянамъ, проявленное ими по поводу Флорентійскаго собора, не было съ ихъ стороны какой-нибудь мимолетной вспышкой, условленной чѣмъ-нибудь временнымъ и случайнымъ, а было выраженіемъ давняго и закоренѣлаго чувства, свидѣтельства о чемъ идутъ весьма издалека, равно какъ имѣются и изъ времени, непосредственно предшествовавшаго собору. Въ 1098-мъ году одинъ изъ вождей крестоносцевъ писалъ другому вождю (Бозмундъ Тарентскій Готтфриду Буильѣнскому) относительно грековъ, съ которыми послѣднему предстояло имѣть дѣло, какъ герцогу Антиохійскому: „Знай, лучшій изъ людей, что тебѣ предлежитъ имѣть дѣло противъ злѣйшаго звѣря и съ человѣкомъ негоднымъ, котораго помысль состоитъ въ томъ, чтобы всегда обманывать и до самой смерти всякими способами преслѣдовать весь латинскій родъ, ибо я знаю злобу и упорно-непобѣдимую ненависть грековъ къ латинянамъ“; а второй изъ вождей отвѣчалъ первому, что, зная прежде о ненависти грековъ къ латинянамъ по слуху, онъ ежедневно убѣждается теперь въ этомъ надѣлѣ ^{*****}). По поводу взятія въ 1186-мъ году сицилійцами Θεσσαλονικи, при чемъ подверглась величайшему поруганію святыня грековъ, Никита Хоніатъ говоритъ: „Между нами и ими (проклятыми латинянами) утвердилась величайшая пропасть

*) Сар. XXXVII, у *Миня* col. 1065.

***) Сар. XXXVI, у *Миня* col. 1062.

****) Сар. XXXVII, у *Миня* col. 1072.

*****) Сар. XXXIX, у *Миня* col. 1104.

*****) См. у *Вильгельма Тирскаго* въ *Historia rerum transmarinarum*, lib. II, cap. 10—въ Патрол. *Миня* t. 201, col. 260; выписка у *Пизлера* въ *Kirchliche Trennung*, I, 281—282.

вражды, мы не можемъ соединиться душами и совершенно расходимся другъ съ другомъ, хотя и бываемъ во виѣшнихъ сношеніяхъ и часто живемъ въ одномъ и томъ же домѣ“ *). Первый латинскій императоръ Константинополя Балдуинъ писалъ папѣ Иннокентію III о грекахъ: „Это такой народъ, который не удостоивалъ всѣхъ латинянъ имени людей и называлъ (ихъ) собаками и который проливать ихъ кровь считалъ почти заслугой“ **). Латеранскій соборъ 1215-го года говоритъ: „Послѣ того какъ греческая церковь свергла съ себя повиновеніе апостольскому сѣдалищу, греки до такой степени начали гнушаться латинянами, что между другимъ, чинимымъ къ ихъ униженію (дѣлали и то), что въ случаѣ если на ихъ (греческихъ) престолахъ совершали службу священники латинскіе, не прежде хотѣли тамъ служить на нихъ, какъ, считая ихъ яко бы оскверненными чрезъ сіе, измывали ихъ“ ***). Греческій императоръ Михаилъ Палеологъ, отнявшій въ 1261-мъ году Константинополь у латинянъ, опасаясь новаго отнятія ими у него города, увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ защитѣ папы и заключилъ съ нимъ унію на Ліонскомъ соборѣ 1274-го года. Когда несмотря на прямыя и ясныя заявленія, что требуется унія лишь на словахъ и притомъ съ самыми легкими обязательствами по отношенію къ папѣ ****), императоръ встрѣтилъ рѣшительное себѣ сопротивленіе, то онъ обрушился на сопротивляющихся жестокими казнями. А эти казни, нисколько не помогши дѣлу фиктивной уніи, кончившейся со смертью Михаила Палеолога въ 1282-мъ году, должны были сильно увеличить вражду грековъ къ латинянамъ. Митрополитъ Солунскій Ниль Кавасила говоритъ въ своемъ сочиненіи „О причинахъ раздѣленія церквей“, написанномъ около 1340-го года, что вражда между греками и латинянами столь велика, что безъ чрезвычайной помощи Божіей нельзя и думать о примиреніи, а одинъ западный паломникъ писалъ въ 1428-мъ году, что греки открыто признаются, что они лучше примутъ вѣру турецкую, нежели латинскую *****).

Послѣ взятія Константинополя турками 29-го мая 1453-го года, греки, какъ бы нарочито показывая свою непримиримую вражду къ ставшей теперь совсѣмъ бесполезною для нихъ уніи, избрали себѣ въ

*) Царствованія Андроника Комнина кн. I, п. 8 (русск. перев. I, 383).

**) Въ Патрол. *Мина* t. 215, col. 452; выписка у *Лихлера*, *ibid.* I, 308.

***) Сапон 4.

****) См. Пахимера кн. V, пп. 18 и 20 (русск. перев. стрр. 355 и 364).

*****) См. у *архим. Арсенія* въ Лѣтописи церковныхъ событій, 2-го изд. стрр. 500 и 539 (Нарочитыя рѣчи о враждѣ грековъ къ латинянамъ можно читать въ сочиненіи *А. П. Лебедева*: Очерки исторіи Византийскаго-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка, стр. 79 sqq).

патріархи (на освободившееся такъ или иначе патріаршее мѣсто, о чемъ нѣсколько словъ ниже) помянутаго выше знаменитаго Геннадія Схоларія, который до взятія Константинополя турками, самымъ настоятельнымъ образомъ вооружалъ и возбуждалъ ихъ противъ уніи *).

Изъ представленнаго нами краткаго историческаго изложенія дѣла объ уніи Флорентійской, надѣмся, совершенно ясно видно, что при посредствѣ этой уніи греки вовсе не могли заразиться латинскими ересями и погрѣшеніями: ибо какъ могли они заразиться, когда на самомъ дѣлѣ вовсе не принимали уніи и когда встрѣтили ее съ самой ожесточенной враждой? Но, наконецъ, если бы кто сталъ упорно настаивать, что это зараженіе имѣло мѣсто, то для совершеннаго загражденія устъ подобному упорному мы имѣемъ документальное свидѣтельство. До насъ дошелъ актъ Флорентійской уніи **). Изъ этого акта, въ которомъ прописано, чего именно требовалъ папа отъ грековъ и на что они согласились, видно, что папа вовсе не посягалъ на какіе-либо обряды и обычаи грековъ, а требовалъ отъ нихъ признанія и они съ своей стороны изъявили готовность на признаніе, во-первыхъ, римскаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о совершеніи литургіи на опрѣснокяхъ и о чистилищѣ, а во-вторыхъ, главенства папы въ церкви. Но рѣшится ли кто-нибудь утверждать, чтобы греки когда-нибудь послѣ Флорентійскаго собора принимали тотъ или другой изъ сейчасъ указанныхъ пунктовъ латинскаго ученія и чтобы они когда-нибудь послѣ собора признавали главенство папы въ церкви ***).

Увѣреніе, будто послѣ взятія Константинополя турками латиняне выкупили всѣ греческія рукописи, содержащія учительныя отеческія творенія, и, переправя ихъ по своему, печатали ихъ въ искаженномъ

*) О горячей и неустанной проповѣди Геннадія противъ уніи говоритъ Дука,—сарр. XXXVI и XXXVII, у *Миля* coll. 1057 fin., 1065, 1072.

**) Актъ изданъ нѣсколько разъ. Последнее и лучшее, извѣстное намъ, изданіе его въ *Monumenta, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae, edita ab Augustino Theiner et Francisco Miklosich, Vindobonae, 1872, pp. 46—56.*

***) Сохранилось до настоящаго времени посланіе патр. Митрофана къ духовенству одной епархіи. Изъ этого посланія оказывается, что греки-уніаты не соблюдали и всего того, къ чему обязывались въ актѣ уніи. Патріархъ говоритъ въ посланіи: „Должны вы знать, что всѣ наши церковные обычаи, въ священнослужбѣ святаго Тѣла Христова и въ прочихъ послѣдованіяхъ, и чтеніе священнаго сѣмвола мы сохраняемъ, какъ прежде, совершенно ничего не измѣнивши“ (*Πρώσειν δε οφείλετε, ότι πάντα ἡμῶν τὰ ἐκκλησιαστικὰ ἔθνη ἐν τῇ τε ἱερᾷ τελετῇ τοῦ ἁγίου σάματος τοῦ Χριστοῦ καὶ ταῖς ἄλλαις ἀκολουθίαις καὶ τὴν τοῦ ἱεροῦ σμβόλον ἀιάνωσιν τηροῦμεν ὡς πρότερον, οὐδὲν τὸ σύνολον ἐνάλλαξαντες*) см. посланіе въ книгѣ *J. G. Pétisier's a L'Eglise Orientale, II, 48.*

видѣ и раздавали грекамъ, у Арсенія Суханова въ извѣстномъ Преніи съ греками читается такъ: „По взятіи Царяграда отъ турка латинницы книги греческія всѣ выкупили и у себя переправя печатали по гречески и вамъ (грекамъ) раздавали“. Очень вѣроятно думать, что увѣреніе и принадлежитъ самому Арсенію Суханову, какъ его автору. Но если такъ, то Арсеній рѣшился высказать его или не зная дѣла или же позволяя себѣ недобросовѣстность. На Западѣ дѣйствительно были попытки, особенно со стороны іезуитовъ, исказить восточныхъ отцевъ съ цѣлію благопріятствованія латинскому ученію. Но попытки, какъ дѣло безчестное, встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны самихъ же западныхъ ученыхъ, которые нещадно обличали ихъ, такъ что онѣ никого не могли ввести въ заблужденіе и никому не могли причинить никакого вреда. А вообще творенія восточныхъ отцевъ изданы западными учеными вполне добросовѣстно и такъ хорошо, какъ самимъ грекамъ, а равно и намъ—русскимъ, никогда бы ихъ не издать, такъ что отъ грековъ и отъ насъ—русскихъ они заслуживаютъ величайшей благодарности (безъ западныхъ ученыхъ мы даже и не особенно хорошо не издали бы всѣхъ твореній отеческихъ). Когда Арсеній говоритъ, будто латинницы выкупили всѣ греческія книги, то въ опроверженіе его достаточно напомнить, что самъ же онъ привезъ въ Москву съ Афона большое количество греческихъ книгъ и что книгъ этихъ и до сихъ поръ остается на Афонѣ чрезвычайно большее количество. Есть еще легенда или сказка, которая не утверждаетъ, чтобы латиняне переправили по своему греческія книги, но которая утверждаетъ, будто благодаря злонамѣренности латинянь „конечное оскудѣ“ у грековъ философія. Въ одномъ изъ сказаній о преп. Максимѣ Грекѣ читается, что, объясняя вел. кн. Василию Ивановичу, почему онъ ходилъ для образованія въ западную Европу Максимъ говорилъ государю: „Сего ради, православный самодержче государь, изъ греческія земли въ западныя страны отъ молодыхъ ногтей вдахся на ученіе, понеже не обрѣтохъ въ гречестей странѣ философскаго ученія, ради великія скудости книжныя, егда убо безбожніи турки обладаша Царствующимъ градомъ, тогда нѣщци благочестивіи взяша множественное множество греческихъ книгъ, хотяще соблюсти благочестія вѣру, да не до конца угаснетъ свѣтило греческое православіе отъ безбожныхъ и богомерзкихъ турокъ, и тако отплыша моремъ въ Римъ; латинстїи же люди, тщеславни зѣло и отъ многихъ лѣтъ желашу восточныхъ учителей списанія видѣти, но гречестїи цари не изволиша сему быти ради отступленія ихъ отъ православія; егда же улочиша время, принесенныя убо отъ грекъ книги въ свой римскій языкъ преложиша, и греческія же книги отнюдь всѣ огнемъ сожгоша, и такъ конечное оскудѣ у грековъ фи-

лософія“ *). Это мнимое показаніе преп. Максима Грека, не говорящее прямо, что у грековъ погнбло православіе, но такъ сказать инсинуирующее и заставляющее подозрѣвать это, взято у извѣстнаго князя Андрея Михайловича Курбскаго изъ его предисловія къ переводу словъ Іоанна Златоустаго, названнаго имъ Новымъ Маргаритомъ, и тенденціознымъ образомъ передѣлано такъ, чтобы утверждать совсѣмъ противное или обратное тому, что утверждается въ подлинникѣ. Курбскій пишетъ, что онъ спрашивалъ своего, учителя, преп. Максима Грека: всѣ ли творенія отеческія переведены на славянскій языкъ и что получилъ отъ него въ отвѣтъ: „Не преведены суть во словенскій, но въ грецкомъ всѣ обрѣтаются, а не токмо во словенскій, но ни въ латинскій языкъ не дозволенны были преложитися, аще и зѣло ихъ римляня желали и многія прошенія о томъ чинили, но грецкими цесарми было забраняемо сіе имъ и никакожь попускаемо, не вѣмъ, рекль, чего ради **), даже до Царствующаго града ваятія; егда же, грѣхъ ради христіанскихъ, Константиновъ градъ по Божію праведному суду преданъ былъ подъ власть безбожныхъ турковъ и святилище великое Божія Премудрости оскверненно суще и олтарь великій опроверженъ, патріархъ Анастасій ***) и презвитери и вси клирици отъ церкви отогнанны и въ плѣнъ и въ работу взяты,

*) Троицк. Лаврск. ркп. № 201, гл. 134, л. 553 об. О преложеніи латинянами греческихъ книгъ въ свой римскій языкъ и о сожженіи ими послѣ сего всѣхъ греческихъ книгъ говорится и въ повѣсти о бѣломъ клубукѣ, см. Памятники старинн. русск. литературы *Кушелева-Безбородко*, I, 288.

**) Или Курбскій перетолковалъ преп. Максима Грека, или же преп. Массимъ Грекъ говорилъ Курбскому нѣчто такое, чего мы объяснить не въ состояніи. На Западѣ дѣйствительно мало знакомы были съ твореніями восточныхъ отцовъ (и съ классической греческой литературой) до ваятія Константинополя турками, но не по указанной причинѣ, представляющей собою *non sens*, а по другой.

***) Извѣстно весьма сомнительное дѣяніе собора, будто бы бывшаго въ Константинополѣ при импер. Константинѣ, въ которомъ говорится, что на мѣсто низведеннаго соборомъ патріарха—уніата Григорія Маммы поставленъ былъ православный патріархъ, по имени Аванасій (дѣяніе напечатано Алляціемъ въ его сочиненіи: *De Ecclesiae Orientalis et Occidentalis perpetua concensione*, pp. 1380—1389, и потомъ въ обширнѣйшей редакціи патріархомъ Іерусалимскимъ Досиеемъ въ его изданіи: *Τόμος καταλλαγής*, стр. 457—521). Но что на мѣсто Григорія Маммы соборомъ или не соборомъ дѣйствительно поставленъ былъ православный патріархъ, представляющій собою предшественника Геннадію Схоларію, относительно этого кромѣ показанія Курбскаго извѣстны и другія наши русскія свидѣтельства. Повѣсть о ваятіи Царяграда турками, читаемая въ Никоновской и Воскресенской лѣтописяхъ, въ Степенной книгѣ и въ Царственномъ лѣтописцѣ (въ первой—V, 231—277, во-второй—Собр. лѣтт. VIII, 125—144, въ третьей—II, 56—65, въ четвертомъ—стр. 317 вѣд. утверждаетъ, что у грековъ во время осады Константинополя турками былъ и потомъ на то

послѣди же патріархъ отъ рукъ ихъ утече съ нѣкоими презвитеры и діяконы до Венаціи и зъ собою газофилякію (либрарію, або книгохранилищницу, какъ поясняетъ на полѣ самъ Курбскій) церковную изнесе; Венеты же, видѣвъ давно желательное въ рукахъ ихъ, все оставя, яшася вседушне за книги учителей вѣсточныхъ церквей, и посаждаютъ двухъ презвитеровъ Софійскихъ и Петра архидіаконамужей не точію въ священныхъ писаніяхъ искусныхъ, но и внѣшнюю философію навывшихъ, и ктому придаютъ имъ въ помощь своихъ премудрыхъ и преводятъ книги всѣхъ учителей нашихъ, елико ихъ обрѣли, отъ еллинскіе бесѣды на римскую, по чину и разуму грамотическому, не отмѣняяще не (ни) малѣйше; и предложивше ихъ на языкъ свой даютъ въ друкъ (на печатаніе) и размножаютъ много и посылають, продающе ихъ лехкою (дешевой) цѣною не точію въ Италиі, но и по всѣмъ странамъ западнымъ, на исправленіе и просвѣщеніе народовъ христіанскихъ“ *).

Что греки долгое время печатали свои богослужебныя книги въ Венеціи, это совершенная правда; но чтобы венеціанскіе латинскіе типографщики, печатавшіе для нихъ книги, повреждали послѣднія во время печатанія и вносили въ нихъ свои латинскія ереси и погрѣшенія, это совершенная неправда.

Греки сознали великую пользу книгопечатанія и его рѣшительное превосходство надъ рукописаніемъ гораздо ранѣ насъ—русскихъ, такъ что первая греческая книга была напечатана въ 1486-мъ году **), за 78 лѣтъ до напечатанія въ Москвѣ первой славянской книги. Но типографское мастерство есть мастерство очень подозрительное, легко и почти неизбежно возбуждающее мысль о злоупотребленіяхъ, а поэтому греки, въ виду опасности привлекать на себя подозрѣнія ту. рокъ, долгое время и не находили возможнымъ заводить у себя

или другое время пережилъ осаду православный патріархъ Анастасій. Новгородская 3-я лѣтопись говоритъ, что Царьградъ ваятъ турками при императорѣ Константинѣ и патріархѣ Аѳанасіи (Собр. лѣтт. III, 240 лп.).

*) См. Предисловіе къ новому Маргариту въ сочиненіи—изданіи: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, Кіевъ, 1849, т. II, стрр. 308—310, также въ I кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. за 1888 г., въ приложеніяхъ къ статьѣ А. С. Архангельскаго: Очерки исторіи западно-русской литературы, стр. 11 нач.). Должно, впрочемъ, оговориться и прибавить, что извѣстна другая запись Курбскаго, въ которой утверждается, будто о греческихъ книгахъ, относящихся къ наукамъ словеснымъ, — физикѣ, метафизикѣ и логикѣ или діалектикѣ, Максимъ дѣйствительно говорилъ ему (Курбскому), что когда достались онѣ латинянамъ, то послѣдніе перевели ихъ на свой языкъ, а ихъ (греческія книги), многія зависти ради, пожгли, см. въ Описаніи рукописей Хлудова составл. А. Поповымъ, № 60, л. 68, стр. 118.

**) См. *Νεοελληνικήν Φιλολογίαν* Андрея Пападопула Врето, ч. I, № 1.

своихъ типографій, а хотѣли пользоваться типографіями заграничными, именно — ближайшаго къ нимъ и наиболѣе знакомаго имъ западнаго города Венеціи *). Но дѣло было не такъ, чтобы греки заказывали венеціанскимъ типографщикамъ (между которыми, не мѣшаетъ замѣтить, было нѣсколько и собственныхъ православно-греческихъ) и печатать книги и вмѣстѣ изготовлять текстъ книгъ для печати, а такъ, что они заказывали типографщикамъ только печатать, а текстъ для печати изготовляли сами. Обыкновенно было такимъ образомъ, что какой-нибудь образованный грекъ, побуждаемый желаніемъ оказать услугу своимъ соотечественникамъ или надеждою денежной выгоды, изготовлялъ текстъ какой-нибудь богослужебной книги и изготовленный имъ текстъ отдавалъ въ типографію для напечатанія. Но типографіи обязываются печатать съ совершенно неизмѣнною точностію то, что имъ доставляется для печатанія: такъ это есть теперь, такъ это было съ самаго начала книгопечатанія, ибо такъ это должно быть по существу дѣла. А если бы и предположить совершенно невѣроятное, что венеціанскіе типографщики, ревнуя о своемъ католичествѣ, хотѣли рѣшиться на подлоги и искаженія въ поручавшихся имъ для печатанія греческихъ книгахъ: то хотѣніе не могло бы осуществляться по той простой причинѣ, что корректуру печатавшихся книгъ обыкновенно держали сами тѣ греки, которые заказывали типографіямъ печатаніе книгъ. Вообще, какъ въ настоящее время у насъ и гдѣ бы то ни было намѣренное искаженіе типографщиками какихъ бы то ни было книгъ есть дѣло невозможное и не могущее имѣть мѣста: такъ и въ XV—XVII в. оно было для венеціанскихъ типографщиковъ дѣломъ невозможнымъ и не могшимъ имѣть мѣста по отношенію къ греческимъ богослужебнымъ книгамъ, которыя они печатали. Но если бы даже наконецъ и допустить, что венеціанскіе типографщики злонамѣренно вносили въ греческія книги латинскія ереси: то ересями этими могли бы заражаться только нѣкоторые изъ народа, не свѣдущіе въ вѣрѣ, но не могъ бы заразиться ими никто изъ людей, свѣдущихъ въ вѣрѣ, и никакъ не могла бы заразиться ими вся греческая церковь, ибо люди свѣдущіе въ вѣрѣ и представители церкви смотрѣли бы на ереси какъ на ереси и изглаждали бы ихъ изъ книгъ. (Пусть старообрядцы возьмутъ въ примѣръ самихъ себя: можно ли было бы подобнымъ способомъ навязать имъ отвергаемые ими наши православные обряды и обычаи?) *).

*) Въ 1627-мъ году патр. Кирилль Лукарисъ завелъ было типографію въ Константинополь, но инсинуаціи на него по поводу нея турецкому правительству со стороны іезуитовъ заставили его отказаться отъ собственнаго книгопечатанія въ слѣдующемъ же 1628-мъ году, см. *Νεοελληνικὴ Φιλολογία* Константины Савы, стр. 275 вѣр.

(У Арсенія Суханова въ Преніи указаніе на тотъ способъ передачи латинянами грекамъ ихъ ересей и погрѣшеній, о которомъ у насъ рѣчь, читается: „Вамъ (грекамъ) книги печатаютъ въ Венеціи и во Англіи по еллинскому писанію“. Указаніе вмѣстѣ съ Венеціей на Англію служитъ съ одной стороны доказательствомъ подлинной принадлежности Пренія Суханову, ибо у позднѣйшаго поддѣльвателя Англія, конечно, не могла бы явиться; а съ другой стороны оно (указаніе) отъ недостаточнаго знанія ошибочно: въ 1624-мъ году завелъ было въ Лондонѣ типографію греческій монахъ Никодимъ Метакса, но, во-первыхъ, типографія принадлежала не кому-либо изъ еретиковъ, англичанъ, а православному греку, во-вторыхъ—она существовала весьма недолго и, сколько извѣстно, въ ней не было напечатано ни одной богослужебной книги)**). — Въ преніяхъ съ греками Сухановъ опровергалъ ссылку своихъ противниковъ на то, что ихъ книги готовятъ для печати ихъ же православные гречане указаніемъ, что у одного изъ дидаскаловъ, присутствовавшихъ на преніяхъ, была печатная грамматика, въ которой символъ вѣры былъ напечатанъ съ прибавленіемъ: „и отъ Сына“. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта неизвѣстная грамматика была изданіемъ не православнаго грека. А если православный человѣкъ пользовался книгою, которая содержала въ себѣ ереси, такъ изъ этого ничего не слѣдуетъ: пользуясь книгою, православный человѣкъ смотрѣлъ на державшіяся въ ней ереси именно какъ на ереси.

Совершенно вѣрно, что греческіе дидаскалы или учителя отправлялись для полученія образованія въ западную Европу; но совершенно невѣрно, что слѣдствіемъ сего было зараженіе греческой церкви латинскими ересями и погрѣшеніями.

Мы—русскіе обходились безъ настоящаго просвѣщенія и не чувствовали нужды въ немъ до времени Петра Великаго. Но у грековъ было иное. Хотя послѣ блестящихъ въ отношеніи къ просвѣ-

*) Въ 1645-мъ году одинъ греческій архіерей, убѣждавшій наше правительство завести въ Москвѣ греческую типографію и училище учить русскихъ дѣтей философіи и богословію на греческомъ языкѣ и по рускому, увѣрялъ, что латиняне и лютеране, печатая у себя греческія книги, вмѣщаютъ въ нихъ лютое зелье, поганую свою ересь,—*Муравьева* Сношенія съ Востокомъ, II, 334, и *Кантарева* Характеръ отношеній, стр. 483. Но, во-первыхъ, архіерей разумѣлъ книги не богослужебныя, а учительныя, о попыткахъ фальсификаціи которыхъ мы сказали выше; во-вторыхъ, на его увѣреніе со всею вѣроятностію должно смотрѣть, какъ на благочестивое присочиненіе (p^{ia} graua), вызванное желаніемъ сильнѣе подѣйствовать на русскихъ.—Справедливо лишь то, что въ картинкахъ, которыми украшаются богослужебныя книги, примѣчается иногда латинскій до нѣкоторой степени характеръ.

***) См. въ сейчасъ указанномъ сочиненіи *К. Саты*, стр. 274—275.

щенію древнихъ временъ потомъ оно и значительно у нихъ упало, но никогда не пропадала у нихъ жажда его и никогда не исчезало у нихъ и оно само. Послѣ взятія Константинополя турками настали тяжелыя времена для просвѣщенія въ самой Греціи, между тѣмъ на Западѣ, не говоря о полной свободѣ и величайшемъ покровительствѣ, которыми пользовались науки, начались времена такъ называемаго ихъ (наукъ) возрожденія: и греческіе юноши, жаждавшіе и желавшіе просвѣщенія, устремились для его пріобрѣтенія на Западъ. Главное учебное заведеніе, въ которомъ греки искали себѣ западнаго образованія, составлялъ Падуанскій университетъ, такъ какъ Падуа была ближайшимъ университетскимъ городомъ къ Венеціи, мѣсту преимущественной высадки грековъ на итальянскомъ берегу. Но въ Падуанскомъ университетѣ, равно какъ и въ другихъ обыкновенныхъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, вовсе не занимались нарочитою пропагандою; а поэтому и неприкосновенность православной вѣры грековъ, учившихся въ университетѣ и другихъ обыкновенныхъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, вовсе не подвергалась опасности. Впрочемъ, были, вѣроятно, отдѣльные случаи измѣны православію и отпаденія въ латинство, имѣвшіе своей причиною не то, что юноши учились въ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, а то, что, живя въ Италіи, они поддавали вліянію вѣшкольныхъ ревнителей католичества, которые увлекали ихъ въ послѣднее. Затѣмъ, было въ Италіи учебное заведеніе, которое имѣло нарочитую свою цѣлю воспитывать греческихъ юношей въ католичествѣ съ тѣмъ, чтобы они по возвращеніи домой посвящали себя пропагандѣ католичества между своими соотечественниками, это—греческая collegія, основанная въ Римѣ въ 1577-мъ году папою Григоріемъ XIII и дѣйствительно приготовившая изъ грековъ-рenegатовъ нѣсколько ревностныхъ слугъ католичества, какъ: Петръ Аркудій, Матей Каріофиллъ, Левъ Алляціи и другіе. Но если такимъ образомъ составляетъ дѣйствительный фактъ, что благодаря ученію и пребыванію грековъ въ Италіи были между ними отдѣльные случаи отпаденія въ католичество: то эти отдѣльные случаи вовсе не означаютъ того, чтобы греческая церковь, благодаря своимъ дидаскаламъ, учившимся въ Италіи, заразилась латинскими ересями и погрѣшеніями. Отдѣльные люди между греками отпадали отъ православія въ католичество и даже становились ревностными слугами послѣдняго: но церковь греческая, какъ таковая, въ неприкосновенной цѣлости сохраняла все свое православіе и терпѣла только тотъ ущербъ, что лишалась нѣсколькихъ своихъ членовъ. Люди, отпадавшіе отъ православія въ католичество или эти ренегаты могли увлекать въ католичество другихъ отдѣльныхъ, и даже болѣе или менѣе многихъ, людей: но опять вредъ для церкви, нисколько не

утрачивавшей чистоты православія, былъ лишь тотъ, что она теряла болѣе или менѣе значительное количество своихъ членовъ. Чтобы извинить грековъ, отправлявшихся для пріобрѣтенія просвѣщенія въ католическо-схизматическую Италію, достаточно напомнить, что древніе знаменитые отцы церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый искали себѣ просвѣщенія у языческихъ учителей, а что наприм. Василій Великій прямо совѣтуетъ христіанскимъ юношамъ читать сочиненія языческихъ писателей (Бесѣда къ юношамъ о томъ, какъ получить пользу изъ языческихъ сочиненій) *) А какіе прекрасные учителя и какіе горячіе ревнители православія могли выходить изъ грековъ, учившихся въ Италіи, достаточно напомнить, что преп. Максимъ Грекъ провелъ въ Италіи, для изученія въ ней наукъ, около десяти лѣтъ.

(У Суханова это заявленіе о дидаскалахъ греческихъ, ходившихъ учиться въ Италію, читается: „Дидаскалы ваши ходятъ учиться въ Римъ и въ Венецію и отъ тѣхъ наукъ приходятъ къ вамъ, и тамъ они будучи, якоже въ коростовомъ стадѣ здравая скотина окоростоваетъ, и тако (такъ и) ваши дидаскалы приходятъ къ вамъ“... Подъ Римомъ Сухановъ, по всей вѣроятности, разумѣетъ римскую коллегію Григорія XIII, а подъ Венеціей, должно думать, разумѣетъ находящійся по близости ея Падуанскій университетъ).

Итакъ, всѣмъ тѣмъ, на что указывали дониконовскіе русскіе и на что указываютъ старообрядцы въ подтвержденіе своего мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, будто греки эти утратили чистоту православія древнихъ грековъ и заразились отъ латинянъ ихъ еретическими новшествами, нисколько не подтверждается справедливости мнѣнія: все это совершенно несостоятельно и представляетъ собой — если дѣйствительные факты, то такіе, изъ которыхъ создаются свидѣтельства въ пользу мнѣнія безъ всякаго основанія, а если не факты, то нелѣпыя сказки и выдумки.

Исторія Флорентійскаго собора свидѣтельствуетъ не о томъ, будто чрезъ посредство этого собора греки заимствовали отъ латинянъ ихъ еретическія и погрѣшительныя новшества, но о томъ, что въ его время греки питали величайшее отвращеніе къ латинству. А что касается дальнѣйшаго времени послѣ Флорентійскаго собора, то

*) Пусть старообрядцы читаютъ предисловіе къ грамматикѣ, напечатанной въ Москвѣ при патр. Іосифѣ въ 1648-мъ году. Въ немъ обстоятельно и настоятельно, свидѣтельствами и примѣрами отцевъ церкви и писателей церковныхъ, доказывается необходимость просвѣщенія и сильно порицаются тѣ христіане, которые ненавидятъ и отсмѣютъ внѣшнее ученіе, т.-е. ученіе, касающееся не христіанской православной вѣры, а обыкновенныхъ человѣческихъ знаній, заимствуемыхъ и не у христіанскихъ учителей.

всякій, кто хоть сколько-нибудь знает исторію грековъ за дальнѣйшее послѣ собора время, очень хорошо знаетъ, что не только вовсе не являлось въ это дальнѣйшее время такихъ обстоятельствъ, которыя бы могли превратить вражду грековъ къ латинянамъ въ расположеніе къ нимъ, но что напротивъ были только обстоятельства, которыя должны были довести вражду до самой послѣдней и до самой возможной степени напряженія,—разумѣемъ католическую пропаганду на Востокъ. Не отсутствуютъ и внѣшнія свидѣтельства о православіи грековъ послѣ Флорентійскаго собора. Спустя 45-ть лѣтъ послѣ него въ 1484-мъ году собираемъ былъ соборъ въ Константинополѣ, на которомъ подтвердительно торжественнымъ образомъ осуждена была Флорентійская унія и на которомъ составленъ былъ чинъ принятія обращающихся въ православіе изъ латинства (черезъ мѣропозаманіе *). Въ первой половинѣ XVI вѣка громко свидѣтельствовали о православіи грековъ преп. Максимъ Грекъ **). Во второй половинѣ XVI вѣка греки ясно засвидѣтельствовали о своемъ православіи своимъ поведеніемъ въ дѣлѣ введенія уніи въ нашей югозападной Руси. Наконецъ, непрерывный за все время рядъ свидѣтелей представляютъ изъ себя тѣ весьма многіе греческіе писатели, которые писали противъ латинства и въ его опроверженіе ***).

Но если бы и отсутствовали всякія внѣшнія свидѣтельства, то совершенная несправедливость мнѣнія, будто позднѣйшіе греки заразились отъ латинянъ ихъ еретическими и погрѣшительными новшествами, съ рѣшительностью доказывается свидѣтельствомъ внутреннимъ: Если бы позднѣйшіе греки заразились отъ латинянъ еретическими и погрѣшительными новшествами: то, конечно, были бы извѣстны эти новшества. Но такихъ новшествъ вовсе неизвѣстно. Правда, старообрядцы указываютъ на заимствованіе греками отъ латинянъ троеперстія для крестнаго знаменія. Но это вовсе неосновательно. Троеперстіе употребляется у латинянъ не для крестнаго знаменія, а для благословенія, и по формѣ своей отлично отъ тросперстія греческаго (три первые перста не соединяются пушками или концами въ одно мѣсто, какъ въ нашемъ троеперстіи, по протягиваются, именно — протягиваются указательный и большой персты, а палець или прижимается къ нимъ или же отводится въ сторону. На извѣстныхъ Корсунскихъ вратахъ Новгородскаго Софійскаго собора, представляющихъ собою произведеніе мастеровъ западныхъ, есть изо-

*) См. въ Синагмѣ каноновъ *Ралли и Потли*, V, 143.

***) Сочиненій Максима Казанск. изд. ч. III, стр. 154 и 156.

****) См. книгу *архимандрита Андроника Димитракопула Орѳодоѳосъ Ελλάς ητοι περι των Ελληνων, υραφατων κατα Λατινων* (Православная Греція или о Грекахъ писавшихъ противъ латинянъ), *Έν Λεσβῶν* 1872.

браженія Спасителя и епископовъ западныхъ съ благословляющею троеперстно рукою. Троеперстіе такъ мало похоже на наше, что принимается раскольниками за ихъ двоеперстіе *)).

*) Указывали еще дониконовскіе русскіе, а за ними указываютъ старо-обрядцы, будто Греки заимствовали отъ латинянъ обливаніе въ таинствѣ крещенія. Но это есть недоразумѣніе: Греки не заимствовали отъ латинянъ обливанія, а при крещеніи младенцевъ употребляли и до сихъ поръ употребляютъ (?) такое погруженіе, которое можетъ быть смѣшиваемо съ латинскимъ обливаніемъ и принимаемо за послѣднее. Греки всегда твердо учили, какъ и до сихъ поръ учать, что крещеніе должно быть совершаемо чрезъ погруженіе (о времени Флорентійскаго собора см. у Сумеона Солунскаго De sacramentis, cap. 63, въ Патрол. *Миня*, t. 155, col. 228: о новомъ времени—изданіе *Иліи Тамталида Палистики елехои*, томъ III, *Еν Κωνσταντινουπ.*, 1853, содержащій трактатъ *Περὶ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος*). Но чрезъ настоящее или полное погруженіе они крестили и крестятъ только взрослыхъ. Что же касается до младенцевъ, то въ виду опасности утопленія или, какъ выражаются наши славянскіе служебники, залитія, они большею частію крестили, какъ и до сихъ поръ крестятъ (?), ихъ чрезъ погруженіе неполное или не совсѣмъ настоящее: младенецъ поставляется въ купели, погруженный въ воду по шею, а на голову его священникъ трижды возливаеъ воду горстію правой руки (у латинянъ крещеніе совершается такъ, что одѣтаго младенца держитъ на рукахъ воспріемникъ или воспріемница, что священникъ открываетъ голову младенца и трижды крестообразно льетъ на нее немного освященной, принесенной имъ съ собой, воды изъ малаго сосуда. По-гречески латинское малое ляніе воды или окропленіе—*φαντισμός*). Патриархъ Григорій Мамма въ своей Апологіи противъ Марка Ефесскаго пишетъ: *Ὅδ' ἡμεῖς (греки) καταδύομεν τὰ νήπια μέχρις ὅλης κορυφῆς, διότι οὐ δυνάμεθα παραγγέλλειν αὐτοῖς φυλάττειν εἰσπνοὴν καὶ ἐκπνοὴν τῆς ὕδατος, ἵνα ταύτης φυλαττομένης καὶ ἡ δεῖ ὕδων τοῦ ἱεροῦ ὕδατος εἰσοδος φυλάττηται. ἀλλ' οὐδὲ τὸ στόμα τοῦ νηπίου κλείειν δυνάμεθα ἀλλ' ἐμβάλλομεν αὐτὰ εἰς τὴν κολυμβήθραν, ὡς πάνν ἀναγκαῖον καὶ παραδεδομένον ολονεὶ τῆς κολυμβήθρας μήτραν εἰκονίζουσης καὶ τὴν ἀναγέννησιν διὰ τοῦτου δηλοούσης· καὶ ἵνα μὴ ἡ κεφαλὴ, ἐνθα ἡ τῶν αἰσθήσεων ξυνωρὶς καὶ τὸ τῆς ψυχῆς ὄχημα, ἀμοιρος γένηται τοῦ θείου βαπτίσματος, ἕποκοιλαινόντες τὴν χεῖρα καὶ ταύτην ἐκ τοῦ ἁγίου ὕδατος ἐμπλήσαντες ἐπιχέωμεν ἐπάνω αὐτῆς, τὸ θεῖον ἐκφωοῦντες ὄνομα καὶ ἐκάστης ὑποστάσεως ἰδίωμα, т.-е. И мы (Греки) не погружаемъ младенцевъ со всею головою, потому что не можемъ приказать имъ беречь вдыханіе и выдыханіе носа, чтобы при сохраненіи сего предотвращенъ былъ входъ священной воды и чрезъ уши, а также не можемъ запереть и уста младенца; но погружаемъ ихъ (младенцевъ) въ купель, что есть дѣло совершенно необходимое и преданное, такъ какъ купель изображаетъ матернія ложесна и чрезъ сіе означаетъ возрожденіе; а дабы и голова, гдѣ кони чувствъ и колесница души, не была безпричастна святому крещенію, сдѣлавъ горсть изъ руки и наполнивъ ее святой водой, льемъ поверхъ ея (головы), возглашая божественное имя и собство каждой ипостаси,—въ Патрол. *Миня*, t. 160, col. 137. Въ греческомъ подлинникѣ номоканона, печатаемаго при большомъ требникѣ, предписаніе священнику относительно совершенія крещенія читается: *Καὶ βαπτίζεις τὸ παιδίον εἰς τρεῖς καταδύσεις, ἧσουν εἰς τρία καταβάσματα ἐν τῷ ὕδατι, λέγων οὕτως· βαπτίζεται ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς, ἀμῆν, καὶ καταβάσεις αὐτὸ εἰς τὴν κολυμβήθραν, ὅπου ἔχει τὸ ἅγιασμα, καὶ βρέχεις τὸ ὅλον καθ' ἐν. Καὶ πάλιν ἴστασαι ὀλίγων οὐθῶς, ἀνάγων τὸ παιδίον, καὶ καταβάσεις αὐτὸ δευτέραν φορὰν εἰς τὸ ὕδωρ καὶ βρέχεις αὐτὸ**

Что касается увѣренія дониконовскихъ русскихъ, повторяемаго старообрядцами, будто вѣру у грековъ повредили турки, то оно просто нелѣпо. Если бы турки были христіанами другого исповѣданія, они могли бы повредить вѣру у грековъ, навязавъ имъ свои ереси и погрѣшенія. Но турки — совсѣмъ другой вѣры, не христіане, а магометане. Могли они принуждать грековъ къ перемѣнѣ вѣры, къ принятію ихъ магометанства вмѣсто христіанства, но этого они вовсе не дѣлали: а какая бы была цѣль для нихъ принуждать грековъ къ принятію кой-чего изъ ихъ вѣры и какой бы былъ смыслъ въ этомъ? Турки вѣдшимъ образомъ весьма унизили греческую церковь, отнявъ у грековъ и обративъ въ мечети ихъ великолѣпные храмы, а

ὁμοίως λέγων καὶ τοῦ Υἱοῦ, ἀμήν. Καὶ πάλιν ἴστασαι ὀρθῶς καὶ καταβάσεις τὸ πάλιν τὸ τρίτον, ὁμοίως λέγων καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, ἀμήν, καὶ τότε βρέχεις τὸ τέλειον, εἶτα τὸ ἐπαίρεις ἀπὸ τὴν κολυμβήθραν καὶ τὸ δίδεις τῷ ἀναδόχῳ. — И крещаетъ дитя въ три погруженія, то есть (именно) въ три низвожденія въ водѣ, говоря такъ: крещается рабъ Божій во имя Отца, аминь, и низводишь его въ купели, въ которой находится освященная вода, и поливаешь всего его одинъ разъ, и опять немного выпрямляешься, возводя дитя, и низводишь его во второй разъ въ воду и поливаешь его равнымъ образомъ говоря: и Сына, аминь, и опять становишься прямо и низводишь его опять въ третій разъ, равнымъ образомъ говоря: и Святаго Духа, аминь, и тогда поливаешь его окончательно; потомъ вынимаетъ его изъ купели и даетъ его восприемнику, см. ученое изданіе А. С. Павлова: Номоканонъ при большомъ требникѣ, Одесса, 1872, стр. 170, пр. 200. Въ преніяхъ съ Арсеніемъ Сухановымъ греки говорили послѣдному о своемъ крещеніи: „Мы въ крещеніи обливаемся, а не погружаемся въ купели, тако мы изначала пріяли и держимъ, а у насъ то именуется и погруженіе, что трижды на крещаемого святитель руку возводитъ и низводитъ, егда воду лить на него“ (а указаніе на существующія злоупотребленія см. въ Пидалонѣ, въ примѣч. къ 50-му апост. правилу, Закинск. 1864 г. изд. стр. 65, col. 1 fin.). И у насъ въ Россіи это крещеніе дѣлается чрезъ неполное погруженіе было болѣе или менѣе распространено съ древняго до позднѣйшаго времени. О древнемъ времени см. Вопросаніе Кирика Новгородскаго въ Памятникахъ словесности XII вѣка *Калайдошча*, стр. 198, п. 16, и въ Памятникахъ каноническаго права Павлова col. 55, п. 16. Относительно позднѣйшаго времени см. многіе рукописные служебники и требники XV—XVI вѣка, указанные въ Опытѣ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій, по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ Московской печати, изданныхъ первыми пятью Россійскими патріархами, *иеромон. Филарета*, втор. изд. стр. 38—39, и печатные, имъ же указываемые, служебники Іовлевскій и междупатріаршій и требникъ Болобановскій (также въ Выпискахъ *Оверскаго*, ч. 2, изд. 4, стр. 400). Рукописные служебники и требники и Болобановскій печатный требникъ говорятъ: „Аще младенецъ есть убо крещаемый, и посаждаетъ его долѣ въ крестилници водѣ сущи, и по шію куплетъ, придержа лѣвою рукою, десною рукою примъ теплую воду возливаетъ на главу его, занеже, младенцу слабу сущу, блжстися залитіа“ (текстъ синодал. служебника XVI в., по Опис. *Горск. и Невостр.* № 358, л. 179 об.), а печатные служебники Іовлевскій и междупатріаршій, ограничивая нашъ способъ крещенія чрезъ неполное погруженіе случаями болѣзни крещаемыхъ младенцевъ, говорятъ: „Аще ли болѣнь (младенецъ крещаемый), то подобно

вмѣсто отнятыхъ дозволивъ имъ строить храмы жалкіе по виду и не имѣющіе на себѣ крестовъ, запретивъ имъ внѣхрамовыя торжественныя церемоніи, каковы крестныя ходы и пр. *): но они ни малѣйше не посягали на вѣру грековъ. А въ концѣ концовъ и здѣсь тотъ же вопросъ, что выше: если бы турки повредили вѣру у грековъ, то поврежденія эти были бы извѣстны, какія же это поврежденія? (О нелѣпости мнѣнія, будто турки повредили вѣру у грековъ писалъ еще митр. Филаретъ въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу, — бесѣда 1, изд. 6, которое имѣемъ подъ руками, стр. 19 лп. **).

быти въ купели водѣ теплой, и погрузить его въ водѣ по выю, и возливаетъ ему на главу воду отъ купели десною рукою трижды, глаголя "... и пр. (Филаретовскій требникъ, устраняя существовавшій у насъ дотолѣ обычай неполнаго погруженія младенцевъ, предписываетъ; „и еще убо младенецъ крещаемый, и погружаетъ его іерей въ купели, поддерживая уста ему рукою искуснѣ отъ залитія воды, занеже младенцу слабу сущу“).—Выше мы сказали съ ограниченіемъ, что греки большею частію крестили и крестятъ младенцевъ чрезъ погруженіе неполное, имѣя въ виду свидѣтельство Христофора Ангела въ его *‘Ευχεριστίον’* въ *περὶ τῆς καταστάσεως τῶν σήμερον ἐβρισκομένων Ἑλλήνων*, который въ первый разъ напечатанъ былъ въ Кембриджѣ въ 1619-мъ году. Христофоръ Ангелъ, разумѣя, вѣроятно, тѣ или иныя мѣстности Пелопоннеса, изъ котораго онъ былъ родомъ, говорить, что греки крестятъ младенцевъ чрезъ погруженіе ихъ въ воду и съ головой: *λαμβάνει ὁ ἱερεὺς τὸ νήπιον ταῖς χερσὶν αὐτοῦ καὶ κρατεῖ ταῖς δυοῖν χερσὶν ἐκ τῶν ὤμων καὶ εἰσβάλλει ἕσω τοῦ ὕδατος ὄλον νήπιον σὺν κεφαλῇ, λέγων βαπτίζεται ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ ὁ δεῖνα, εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς, καὶ ἀνέλκει νήπιον, ἕπειτα πάλιν*, и пр., т. е. беретъ священникъ младенца въ свои руки и держитъ его обѣими руками за плечи и погружаетъ въ воду всего младенца съ головой, говоря: крещается рабъ Божій такой-то во имя Отца, и возвлекаетъ (возводитъ) младенца, потомъ опять...,—гл. 24.

*) Арсеній Сухановъ | въ Преніяхъ съ греками говоритъ объ этомъ: „Не могутъ патріархи ваши по граду съ кресты ходити и на главѣ крестъ носити и на церкви крестъ имѣти и надъ мертвымъ у церкви отпѣвать (?) и по граду нести или въ колокола звонити и на осляти ѣздитъ (разумѣется: въ вербное воскресеніе)“.

**) Въ повѣсти о ваятіи Константинополя турками, находящейся въ Никоновской лѣтописи и хронографахъ, читается легенда (усвояемая въ хронографахъ нѣкоему Ивану Семенову Пересвѣтову, потомуку будто бы знаменитаго Троицкаго инока-воителя Пересвѣта), что султанъ Магометъ „списалъ книги христіянскія потурски слово въ слово, да помыслилъ съ своими сенты (магометанскими высшими духовными) и съ молнами (т. е. муллами).. со всею своею вѣрною думою и хотѣлъ греческихъ книгъ Настасію патріарху не отдати и христіанскую вѣру, греческій законъ, подернути до тла во Іерусалимѣ и во Цареградѣ“, но что по молитвѣ патріарха Господь Богъ напустилъ на султана великій страхъ и онъ возвратилъ патріарху книги,—Никон. лѣт. т. V, стр. 261—262; изъ хронографовъ легенда напечатана А. Н. Поповымъ въ Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, стр. 165; ср. *Строева* Библиологич. Словарь, стр. 137 и *Порфирьева*

II.

Изъ всего сказаннаго нами съ несомнѣвностію слѣдуетъ, что у позднѣйшихъ грековъ никто не повреждалъ чистоты православія, — что ни отъ кого не заимствовали они еретическихъ и погрѣшительныхъ новшествъ и что они постоянно содержали, какъ и до сихъ поръ содержатъ, православіе древнихъ грековъ во всей его неповрежденной цѣлости. Если же это такъ, то откуда же взялась и какъ произошла нѣкоторая рознь ихъ съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ? Съ точки зрѣнія людей, которые приравниваютъ обряды и обычаи церковные къ догматамъ вѣры, каковы были дониконовскіе русскіе и каковы суть старообрядцы, это есть дѣло необъяснимое безъ предположенія, что которому-либо стороною допущены новшества. Если обряды и обычаи церковные суть то же, что догматы вѣры или имѣютъ одно съ ними значеніе: то всегда и неизмѣнно должны существовать въ одной и той же формѣ, какъ всякій догматъ всегда и неизмѣнно есть одинъ и тотъ же. А если такъ, то и существованіе обряда или обычая въ нѣсколькихъ формахъ не можетъ означать ничего иного, какъ допущеніе къмъ-либо новшества. На самомъ дѣлѣ обряды и обычаи церковные могли существовать и дѣйствительно существовали въ нѣсколькихъ, одинаково правильныхъ и православныхъ, формахъ и наше нѣкоторое разрозненіе съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ произошло такъ, что у насъ вошли въ общее употребленіе однѣ формы нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, а у грековъ другія. Слѣдовательно, въ полемикѣ съ старообрядцами необходимо показать, что приравниваніе обрядовъ и обычаевъ церковныхъ къ догматамъ вѣры совершенно несправедливо и неосновательно, что они могли существовать и дѣйствительно существовали въ нѣсколькихъ формахъ и что отдѣленіе отъ церкви изъ-за той или иной формы ихъ совершенно неблагословно и неизвинительно.

Сдѣлаемъ мы это такимъ образомъ, что приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ извѣстные намъ примѣры существованія въ церкви разныхъ обычаевъ, а равно извѣстныя намъ свидѣтельства отцовъ и писателей о томъ, что обряды и обычаи имѣютъ совсѣмъ иное зна-

Исторію русской словесности, 4 изд. стр. 598. Раскольники передѣляли эту легенду такъ, что турки испортили греческія книги (турки обобрали у грековъ всѣ ихъ книги, вписали во всѣ книги свои ереси и возвратили ихъ грекамъ; греки не замѣтили въ книгахъ внесенныхъ турками ересей и усвоили послѣднія: таково нелѣпое и ребячески смѣшное представленіе дѣла! Любопытно было бы знать, что отвѣчали бы раскольники, если бы отъ нихъ прямо потребовано было указать находящіяся въ греческихъ книгахъ турецкія ереси).

ченіе, чѣмъ догматы вѣры, и что ихъ разнообразіе нисколько не нарушаетъ единства церкви.

Въ продолженіе первыхъ трехъ съ четвертью вѣковъ, до Никейскаго вселенскаго собора, церкви Малоазійскія (а въ продолженіе меньшаго перваго времени и многія другія церкви восточныя) праздновали Пасху несогласно съ церковію Римскою и другими западными церквами, именно—тогда какъ Римская церковь праздновала Пасху въ тотъ день, въ какой празднуемъ ее теперь мы, т.-е. въ первое воскресеніе послѣ полнолунія, бывающаго въ весеннее равноденствіе,—церкви Малоазійскія (съ другими восточными) праздновали ее въ одинъ день съ Іудеями, т.-е. 14-го числа еврейскаго мѣсяца Нисана, на какой бы день недѣли оно ни пало *). Въ концѣ втораго вѣка былъ поднятъ споръ объ этой разности и Римскій епископъ Викторъ (193—208) требовалъ было отъ епископовъ Малоазійскихъ принять западный обычай, а когда встрѣтилъ отъ нихъ (съ Поликратомъ епископомъ Ефесскимъ во главѣ) рѣшительный отпоръ себѣ, то своими грамотами объявилъ было ихъ лишенными общенія. „Но, говоритъ Евсевій Кесарійскій въ своей церковной исторіи, изъ которой мы сдѣлаемъ выписку относящагося до насъ **),—это не всѣмъ епископамъ нравилось; многіе изъ нихъ напротивъ совѣтовали ему позаботиться лучше о мирѣ, единеніи и любви съ ближними. Извѣстны и донинѣ ихъ (епископовъ) посланія, въ которыхъ они сильно порицаютъ Виктора. Изъ числа сихъ посланій одно написано Иринеемъ (Ліонскимъ) отъ лица Галльскихъ, подчиненныхъ ему, братій***). Въ немъ Иринея хотя и утверждаетъ, что таинство воскресенія Господня должно праздновать только въ день воскресный, однакожь и Виктору, какъ должно, совѣтуетъ не отлучать отъ общенія цѣлья церкви Божіи за то, что онѣ сохраняютъ преданный имъ древній обычай, и къ симъ словамъ присоединилъ слѣдующія: „Разногласятъ не только объ этомъ днѣ, но и о самомъ образѣ поста (недѣли, предшествующей празднику Пасхи или страстной): ибо одни думаютъ, что должно поститься одинъ день, другіе—два, а иные больше. Такое различіе въ соблюденіи поста произошло не въ наше время, но гораздо прежде,

*) Объ этой разности въ празднованіи христіанами Пасхи до перваго вселенскаго собора говорить и преп. Іосифъ Волоколамскій въ статьѣ о вдовствующихъ попѣхъ, составляющей 79-ю главу Стоглавника.

**) Выписку изъ Евсевія, равно какъ ниже выписки изъ Сократа и Созомена, дѣлаемъ по русскому переводу Санктпетербургской Духовной Академіи.

***) Св. Иринея Ліонскій, ученикъ Поликарпа, епископа Смирнскаго, и Папія, епископа Іерапольскаго, учениковъ Іоанна Богослова, занималъ катедру епископскую съ 178-го года по 202-й годъ, въ которомъ потерпѣлъ мученическую смерть.

у нашихъ предковъ, которые, вѣроятно, не соблюдали въ этомъ большой точности и простой частный свой обычай передавали потомству. Тѣмъ не менѣе однакожъ всѣ они сохраняли миръ, и мы живемъ между собою въ мирѣ, и разногласіемъ касательно поста утверждается согласіе вѣры“, (*καὶ ἡ διαφωνία τῆς ἡσυχίας τὴν ὁμόνοιαν τῆς πίστεως συνίστησι* *). Къ этому Иринею присовокупилъ еще повѣствованіе, которое хорошо будетъ предложить здѣсь. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: „Пресвитеры, жившіе до Сотира и управлявшіе тою церковію, которою ты нынѣ управляешь, именно: Аникита, Пій, Игинъ, Телесфоръ и Ксисъ, какъ сами не соблюдали этого обычая (Малоазійскаго) въ празднованіи Пасхи, такъ и своимъ не позволяли соблюдать его; несмотря однакоже на это несоблюденіе они тѣмъ не менѣе сохраняли миръ съ братіями, приходившими къ нимъ изъ тѣхъ церквей, въ которыхъ тотъ обычай былъ соблюдаемъ, хотя соблюденіе его для несоблюдавшихъ должно было казаться весьма страннымъ. За этотъ обычай никто и никогда не былъ отвергаемъ: напротивъ, тѣ самые, не соблюдавшіе его и предшествовавшіе тебѣ, пресвитеры, послали евхаристію братіямъ, приходившимъ изъ другихъ, соблюдавшихъ его, епархій. Когда блаженный Поликарпъ (Смирнскій) при Аникитѣ (167—175) приходилъ въ Римъ, то оба они и касательно другихъ предметовъ немного спорили между собою, но тотчасъ согласились, а объ этомъ вопросѣ и спорить не хотѣли: потому что ни Аникита не могъ убѣдить Поликарпа не соблюдать того, что онъ всегда соблюдалъ, живя съ Іоанномъ, ученикомъ Господа нашего, и обращаясь съ другими апостолами, ни Поликарпъ не убѣдилъ Аникиту соблюдать, ибо Аникита говорилъ, что онъ обязанъ сохранять обычай предшествовавшихъ ему пресвитеровъ. Несмотря на такое состояніе дѣла, они однакожъ находились во взаимномъ общеніи, такъ что Аникита, по уваженію къ Поликарпу, позволилъ ему совершать (въ своей церкви) евхаристію, и оба они разстались въ мирѣ, равно какъ въ мирѣ со всею церковію находились и соблюдавшіе тотъ обычай и не соблюдавшіе“ **).

Въ началѣ прошлаго вѣка было найдено нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ неизвѣстныхъ сочиненій какого-то Иринея, который съ весьма большою вѣроятностію принимается за св. Иринея Лионскаго. Одинъ отрывокъ, содержащій укоризны кому-то за споры о празднованіи праздниковъ, т.-е. если дѣйствительно принадлежащій

*) Мысль та, что если, несмотря на различіе въ отношеніи къ посту, у всѣхъ одна и та же вѣра, то изъ сего ясно, что установители разныхъ обычаевъ проповѣдывали вездѣ одну и ту же вѣру, и слѣдовательно—что эта единая вездѣ вѣра имѣетъ своимъ источникомъ единого Христа.

**) Кн. V, гл. 24.

св. Иринею Лионскому, то представляющей собою отрывокъ изъ посланія Иринея къ папѣ Виктору,—того ли, выдержки изъ котораго приводитъ Евсевій, или другаго, читается: „Апостолы постановили, что не должно судить насъ въ пищѣ и питіи и за какой-нибудь праздникъ или новомѣсячіе или субботы (Колосс. 2, 16). Итакъ, откуда эти брани, откуда раздѣленія? Мы празднуемъ, но въ квасѣ злости и лукавства (1 Кор. 5, 8), разрывая церковь Божию, и наблюдаемъ внѣшнее, чтобы отвергнуть лучшее—вѣру и любовь (Мѣ. 23, 23). Мы слышали пророческія слова, что таковыя праздники и посты неуютны Господу“ (Исаіа 58, 4)... *).

Въ третьемъ вѣкѣ церковь Кареагенская расходилась съ церковію Римскою относительно способа принятія еретиковъ въ нѣдра православія, именно—въ Кареагенѣ перекрещивали еретиковъ, а въ Римѣ принимали ихъ безъ перекрещиванія. Когда по нѣкоторому поводу возбуждены были въ Кареагенѣ сомнѣнія относительно существовавшего тамъ способа принятія еретиковъ и когда на двухъ соборахъ, 255-го и 256-го годовъ, подтвержденъ былъ древній обычай: то папа Стефанъ (257—260), узнавъ о рѣшеніяхъ соборовъ, писалъ къ св. Кипріану Кареагенскому повелительныя посланія, требуя принятія римскаго обычая, и кончилъ тѣмъ, что прервалъ общеніе съ Кареагенскою церковію. Отъ одного изъ епископовъ, стоявшихъ на сторонѣ св. Кипріана, именно—Фирмилиана Кесаріи Каппадокійской, сохранилось посланіе къ нему (Кипріану), въ которомъ между прочимъ читаемъ: „И живущіе въ Римѣ (т.-е. папа) не во всемъ соблюдаютъ то, что предано отъ начала; и напрасно кто-нибудь сталъ бы претендовать на знаніе апостольскаго авторитета, основываясь на томъ, что видитъ у нихъ относительно дней празднованія Пасхи и относительно многихъ другихъ божественныхъ таинствъ нѣкоторыя разности и что не наблюдаютъ тамъ (въ Римѣ) одинаково всего, что наблюдается въ Іерусалимѣ, почему и въ другихъ весьма многихъ провинціяхъ многое, по различію мѣстъ и людей, пестрѣтъ разнообразіемъ (*multa diversitate variantur*), и однако изъ-за сего никогда не было отступаемо отъ мира и отъ единства каеологической церкви **).

Самъ св. Кипріанъ на одномъ изъ соборовъ, созванныхъ имъ для разсужденій о принятіи еретиковъ въ церковь, приглашалъ присутствовавшихъ епископовъ высказать свои мнѣнія такими словами: „Выскажемъ каждый объ этомъ предметѣ, что думаемъ, никого не

*) Отрывки, найденные въ 1715-мъ году Тюбингенскимъ профессоромъ *Матеемъ Пфаффомъ*, мы имѣемъ въ греческой Патрологіи *Константина Кондогора*, I, стр. 310.

**) Въ Патрол. *Миня*, латинск. серіи t. 3, col. 1159, § VI.

осуждая или не устрояя кого-нибудь, если думает несогласное (съ другими), отъ права общенія; ибо никто изъ насъ не поставилъ себя епископомъ надъ епископами или не принуждаетъ товарищей своихъ тиранническимъ терроромъ къ необходимости послѣдованія (ему), поелику каждый епископъ, въ силу свободы и власти своей, имѣетъ собственное мнѣніе (подразумѣвается: относительно сего предмета) и какъ не можетъ быть судимъ отъ другаго, такъ и самъ не можетъ судить "... *)

Въ церквахъ восточныхъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ съ половиною столѣтій праздники Рождества Христова и Богоявленія Господня были прааднуемы въ одинъ день—6-го января, и только въ началѣ второй половины IV вѣка принятъ былъ западный обычай праадновать Рождество Христово отдѣльно отъ Богоявленія, — 25-го декабря **). И однако, изъ-за этой разности не было никакихъ споровъ между Востокомъ и Западомъ.

Василій Великій въ 1-мъ каноническомъ правилѣ своемъ, разсуждая о способахъ принятія въ церковь еретиковъ и раскольниковъ, говорить, что надлежитъ въ семъ случаѣ слѣдовать обычаю каждой страны.

Кареагенскій соборъ въ 81-мъ правилѣ своемъ, сдѣлавъ постановленіе о томъ, чтобы епископы, пресвитеры и діаконы воздерживались отъ своихъ женъ, присоединяетъ къ постановленію оговорку „но надлежитъ поступать по обычаю каждой церкви“.

Блаженный Іеронимъ († 420) въ одномъ посланіи своемъ пи-

*) Въ изданіи *Baseregia Synodicon sive Pandectae canonum*, I, 368, также у *Вингана* въ *Origines sive Antiquitates Ecclesiasticae*, I, 122. Въ греческомъ переводѣ слова: каждый епископъ... читаются *εις έκαστος єπίσκοπος εξουσίαν έχει πράττειν ελευθερίως, & φρονεί*.

**) У Григорія Богослова есть слово „на богоявленіе или на рождество Спасителя“, въ которомъ о самомъ праздникѣ говорится: нынѣ праздникъ Богоявленія или Рождества, ибо такъ или иначе называется день сей и два наименованія даются одному торжеству.—русск. перев. т. III, изд. 3 стр. 193—94. Іоаннъ Златоустый въ словѣ на Рождество Христово, сказанномъ въ Антиохіи около 380-го года говорить: „еще нѣтъ и десятаго года, какъ день этотъ сдѣлался извѣстенъ и знакомъ намъ“,—по изд. *Монфокона*—II, 355 (самое слово надписывается: *λόγος πανηγυρικός εις την γενέθλιον ημέραν του Σωτήρος ημών Ιησού Χριστού, άδηλον μεν έτι τότε οδσαν, πρό δε όλίγων έτών γνωρισθείσαν παρά τινων των από της Δύσεως έλθόντων και άναγγελάντων*, т. е. Слово торжественное въ день рождества Спасителя нашего Иисуса Христа, еще тогда (до тѣхъ поръ) бывший неизвѣстнымъ, но немного лѣтъ назадь узанный отъ нѣкоторыхъ, пришедшихъ и возвѣстившихъ (о немъ), западныхъ).—А въ іерусалимской церкви, въ видѣ исключенія, Рождество Христово было прааднуемо вмѣстѣ съ Богоявленіемъ даже еще и въ первой половинѣ VI вѣка, см. свидѣтельство Космы Индикоплевста у *преосв. Сергія* въ *Мѣсяцесловѣ Востока*, II, 400.

шетъ: „Преданія церковныя (особенно тѣ, которыя не вредятъ вѣрѣ) должно соблюдать такъ, какъ преданы отъ предковъ: не разрушать обычая однихъ противнымъ обыкновениемъ другихъ..., но пусть каждая область избыточествуетъ въ своемъ разумѣ (abundet in suo sensu,—водится своимъ разумомъ, поступаетъ по своему усмотрѣнiю) и предписанія предковъ считаетъ законами апостольскими“ *).

Блаженный Августинъ († 430) въ одномъ посланiи своемъ пишетъ: „Въ сихъ вещахъ, относительно которыхъ ничего опредѣленнаго не постановило Божественное Писанiе, обычай народа Божiя или установленiя предковъ должны быть почитаемы закономъ. Если бы мы хотѣли спорить о нихъ и на основанiи обычая однихъ людей порицать другихъ людей, то родилась бы безконечная борьба, которая трудомъ словопрениа не внушила бы (не доставила бы) никакихъ подлинныхъ документовъ истины; почему и должно опасаться, чтобы бурей препирательства не омрачить ясной погоды любви... Да будетъ одна вѣра по всей, всюду простирающейся, церкви, какъ бы внутри въ членахъ, хотя самое единство вѣры прославляется нѣкоторыми различными обыкновениями (etiam si ipsa unitas fidei quibusdam diversis observationibus celebratur **), которыми нисколько не наносится ущерба тому, что есть истиннаго въ вѣрѣ. Ибо *вся красота дочери царевой внутри* (Псал. 44, 14), а оныя обыкновения, которыя состоятъ въ различныхъ празднованiяхъ, понимаются какъ ея одежда. Почему тамъ говорится: *ряски златыми одяна и преиспещрена*. Но и сiя одежда пусть такъ разнообразится различными празднованiями, чтобы не быть разодранной враждебными спорами“ ***).

Въ другомъ посланiи своемъ блаженный Августинъ пишетъ: „Часто примѣчалъ я съ скорбiю и болию сердечною, что многiя смущенiя причиняются немощнымъ чрезъ спорливое упрямство или суетвѣрную боязливостъ нѣкоторыхъ братiй, которые въ вещахъ, относящихся къ тому роду, что ни на основанiи авторитета Священнаго Писанiя, ни на основанiи преданiя вселенской церкви, ни соображенiемъ пользы къ исправленiю жизни не можетъ быть постановлено о нихъ опредѣленнаго рѣшенiя, возбуждаютъ столько споровъ, такъ какъ не считаютъ ничего правильнымъ кромѣ того, что сами наблюдаютъ... Различно по разнымъ мѣстамъ и по странамъ наблюдаемое, какъ то: что одни постятся въ субботу, а другiе нѣтъ, что одни ежедневно приобщаются Тѣла и Крови Господней, а другiе принимаютъ

*) Въ Патрол. *Миня* t. 22, col. 672 (ad. Lucinium Boeticum); выписка у *Бингема* въ *Origines*, vol. VII, p. 52.

**) Мысль та же, что выше у св. Иринея Лионскаго.

***) Патрол. *Миня* t. 33, col. 136 и 146 (ad Casulanum pp. 2 и 22); выписка у *Бинг.* въ *Origin.*, vol. VII, p. 52.

ихъ въ извѣстные дни, что въ иныхъ мѣстахъ не пропускается ни одного дня, чтобы не совершалось приношенія, а въ другихъ—только въ субботу и въ воскресенье, и если что другое сего рода можетъ быть указано *), весь этотъ родъ (отдѣлъ обычаевъ) подлежитъ свободному соблюденію и не можетъ быть относительно сего лучшей дисциплины для настоящаго и мудраго христіанина, чтобы поступать такъ, какъ поступаютъ въ той церкви, въ которой ему случится быть. Ибо что ни возстаетъ ни противъ вѣры, ни противъ добрыхъ нравовъ, должно быть почитаемо за безразличное и должно быть соблюдаемо согласно съ тѣми, среди которыхъ живемъ (*Quod enim neque contra fidem neque contra bonas mores injungitur, indifferenter habendum et pro eorum, inter quos vivitur, societate servandum est* **).

Продолжатель Евсевія Кесарійскаго, церковный историкъ Сократъ, жившій въ послѣдней четверти IV—первой половинѣ V вѣка, пишетъ по поводу разности въ празднованіи Пасхи, о которой сказали мы выше: „Ни апостолы ни евангелисты не возлагали ига рабства на послѣдователей проповѣди евангельской, но чтить праздникъ Пасхи и другіе праздничные дни предоставили признательности облагодѣтельствованныхъ... Каждое христіанское общество, по областямъ, совершало воспоминаніе о спасительныхъ страданіяхъ, согласно принятому обычаю, когда хотѣло; ибо ни Спаситель ни апостолы не предписали намъ закономъ соблюдать это, равно какъ ни евангеліе ни апостолъ не грозили осужденіемъ, наказаніемъ или проклятіемъ, какъ угрожалъ Иудеямъ законъ Моисеевъ... Цѣль апостоловъ была не та, чтобы предписывать время праздниковъ, но чтобы дать руководство къ правой жизни и благочестію“... Послѣ рѣчей о разности времени въ празднованіи Пасхи Сократъ предлагаетъ краткія рѣчи вообще о разности обычаевъ въ разныхъ церквахъ. Здѣсь у него читаемъ: „Съ самаго перваго взгляда легко замѣтить, что посты предъ Пасхою [въ разныхъ мѣстахъ соблюдаются различно. Именно, въ Римѣ передъ Пасхою постятся непрерывно три недѣли, кромѣ субботы и дня Господня. А въ Иллиріи, во всей Греціи и Александріи держать постъ шесть недѣль до Пасхи и называютъ его четыредесятницей. Другіе же начинаютъ поститься за семь недѣль до праздника, и хотя, исключая промежутки, постятся только три пятнадцатидневія, однако свой постъ называютъ также четыредесятницей... Разногласіе касается не только числа постныхъ дней, но и понятія о воздержаніи

*) Въ посланіи, выдержку изъ котораго мы привели выше, блаж. Августина говорить, что обычай этого рода, т. е. въ разныхъ мѣстахъ разные, весьма многочисленны, такъ что трудно ихъ исчислить (*enumerare difficile est*).

**) У *Мишя* *ibidd.*, col. 200—201 (*ad Jannuarium*, nn. 2 и 3); выписка у *Бинг.* *ibidd.*, p. 41.

ни отъ яствъ, потому что одни воздерживаются отъ употребленія въ пищу всякаго рода животныхъ, другіе изъ всѣхъ одушевленныхъ употребляютъ только рыбу, а нѣкоторые вмѣстѣ съ рыбою ѣдятъ и птицъ, говоря, что птицы, по сказанію Моисея, произошли также изъ воды. Одни воздерживаются даже отъ плодовъ и яицъ, другіе питаются только сухимъ хлѣбомъ, нѣкоторые и того не принимаютъ, а иные, постясь до девятаго часа, вкушаютъ потомъ всякую пищу. Такимъ образомъ, у разныхъ племенъ бываетъ различно и представляются на то безчисленныя причины. И такъ какъ никто не можетъ указать на письменное касательно сего повелѣніе, то явно, что апостолы предоставили все это волѣ и выбору cadaго, чтобы всякій дѣлалъ доброе не по страху и принужденію. Таково по церквамъ разногласіе въ разсужденіи постовъ. Есть также различіе и въ церковныхъ собраніяхъ. Тогда какъ всѣ церкви въ мірѣ совершаютъ тайны и въ день субботній каждой недѣли, александрійцы и римляне, на основаніи какого-то древняго преданія, не хотятъ дѣлать этого; а сосѣди александрійцевъ египтяне и жители Фиваиды, хотя дѣлаютъ собранія въ субботу, но принимаютъ тайны не тогда, какъ это бываетъ вообще у христіанъ, но приносятъ жертву и приобщаются таинъ уже по насыщеніи всякими яствами, около вечера“... Указавъ и еще на разности въ отношеніи къ церковнымъ собраніямъ, Сократъ говоритъ въ заключеніе: „Вообще между всѣми обществами вѣрныхъ едва ли можно найти и двѣ церкви, которыя въ совершеніи молитвъ были бы вполне согласны одна съ другою“. И потомъ о разностяхъ между церквами въ обычаяхъ: „Трудно, даже невозможно, описать всѣ церковные обычаи, соблюдаемые въ разныхъ городахъ и областяхъ“... *).

Другой церковный историкъ, Созоменъ, писавшій вслѣдъ за Сократомъ, говоритъ о различіи обычаевъ въ церквахъ по поводу тѣхъ же споровъ о празднованіи Пасхи: „Мнѣ кажется, что Викторъ (нужно: Аникита) епископъ Римскій и Поликарпъ Смирнскій весьма мудро рѣшили возникшій въ древности объ этомъ споръ: ибо когда западные іереи думали, что не должно уничтожать преданія Петра и Павла, а Азіійскіе утверждали, что надобно слѣдовать евангелисту Іоанну, то упомянутые епископы съ общаго согласія опредѣлили, чтобы тѣ и другіе, прааднуя Пасху по своему обычаю, не отдѣлялись отъ взаимнаго общенія. Они весьма справедливо думали, что безумно было бы христіанамъ, согласнымъ въ главныхъ пунктахъ вѣры, раздѣляться между собою изъ-за обычаевъ, ибо во всѣхъ церквахъ, хотя онѣ исповѣдуютъ одно и то же ученіе, нельзя найти однихъ и тѣхъ же

*) Церк. ист. кн. V, гл. 22.

по всему сходныхъ преданій. Извѣстно, что въ Скиѣи много городовъ, но у всѣхъ скиевовъ одинъ епископъ, между тѣмъ какъ у другихъ народовъ священствуютъ епископы иногда и въ селеніяхъ... Діаконовъ у римлянъ еще и донынѣ не болѣе семи, потому что римляне имѣютъ въ виду число рукоположенныхъ апостолами, между которыми находился первомученикъ Стефанъ, а у другихъ число ихъ неопредѣленно. Сверхъ того, въ Римѣ каждый годъ только однажды поютъ аллилуіа, именно — въ первый день пасхальнаго праздника, такъ что многіе римляне даже клянутся тѣмъ, чтобы имъ сподобиться услышать или пѣть эту пѣснь. Тамъ же ни епископъ ни другой кто не говоритъ въ церкви поученій, а у александрійцевъ проповѣдуетъ одинъ только городской епископъ, — обычай, котораго прежде не было и который вошелъ, говорятъ, съ того времени, какъ Аріѳ, будучи пресвитеромъ, началъ бесѣдовать о предметахъ вѣры и вводить новости. У александрійцевъ странно и то, что при чтеніи евангелія епископъ не встаетъ, чего у другихъ я не видѣлъ и не слышалъ. Тамъ эту святую книгу читаетъ одинъ архидіаконъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ діаконъ, а во многихъ церквахъ одни священники, въ знаменитые же праздники епископы, какъ напр. въ Константинополѣ въ первый день Пасхи "... Далѣе Созоменъ говоритъ подобное тому, что читается у Сократа, о различіи въ разныхъ мѣстахъ обычая въ отношеніи къ посту четырехдесятницы, и потомъ: „Не всѣтакже совершаютъ однѣ и тѣ же молитвы и псалмопѣнія или чтенія и не въ одно и то же время... По городамъ и селеніямъ много и другихъ обычаевъ, свято соблюдаемыхъ воспитанными въ нихъ людьми, изъ уваженія къ лицамъ, которые вначалѣ предали ихъ или впоследствии сохраняли“... *).

Папа Григорій Великій, извѣстный у насъ подъ именемъ Двоеслова и Бесѣдовника (590—604), въ посланіи къ одному испанскому епископу пишетъ: „При единой вѣрѣ нисколько не вредитъ святой церкви различный обычай (*in una fide nihil officit sanctae ecclesiae consuetudo diversa* **), и потомъ въ посланіи къ крестителю Англовъ епископу Августину пишетъ: „Мнѣ желательно, чтобы ты заботливо избиралъ, если въ Римской или Галльской или въ какой-либо церкви наполь нѣчто, что можетъ быть наиболѣе угоднымъ Всемогущему Богу, и чтобы въ церкви Англовъ, которая еще нова въ вѣрѣ, вливалъ (насаждалъ) посредствомъ нарочитаго наставленія, что могъ ты собрать во многихъ церквахъ. Ибо должно любить не вещи ради

*) Церк. ист. кн. VII, гл. 19.]

**) Въ Патрол. *Миня* t. 77, col. 497 ff. (ad Leandrum); выписка у Бинг. въ *Origin.*, vol. VII, p. 53.

мѣсть, но мѣста ради добрыхъ вещей. Итакъ, въ отдѣльныхъ, какихъ бы то ни было церквахъ выбирай то, что благочестиво, что свято, что надежно, и это, соединивъ какъ бы въ связку, полагай въ умахъ Англовъ, какъ обычай"... *).

Изъ 50-го правила Кареагенскаго собора и 29-го правила Трулльскаго собора (692 г.) мы узнаемъ, что въ африканской церкви существовать очень долгое время мѣстный обычай совершать въ великій четвергъ литургію послѣ принятія пищи.

Извѣстный греческій лѣтописецъ Георгій Амартолъ, которымъ пользовался нашъ русскій первоначальный лѣтописецъ, сказавъ о происхожденіи частнаго обычая Римской церкви поститься въ субботу, прибавляетъ: „и другія нѣкоторыя церкви хранятъ различные обычай, какъ пишутъ историки“, и потомъ, приведши рѣчи историковъ (Созомена), замѣчаетъ о своемъ времени: „нынѣ же наибольшую частію произошла въ обычаяхъ перемѣна“ **).

Патріархъ Константинопольскій Фотій въ посланіи къ папѣ Римскому Николаю, написанномъ въ 861-мъ году съ цѣлію защитить его—Фотія поставленіе въ патріархи, говоритъ о различіи обычаевъ въ разныхъ церквахъ: „Каждый содержится и управляется собственнымъ уставомъ и правиломъ. Многія правила однимъ преданы, а другимъ даже и неизвѣстны; принявшій и нарушающій подлежитъ наказанію, а не знающій или не принявшій какъ будетъ отвѣтственъ? Многія законоположенія были соблюдены тѣми, кому были положены и показали хранителей (ихъ) слугами Божиими; но и не получавшіе (законоположеній), а поэтому даже не обращавшіе къ нимъ ума (не думавшіе о нихъ), тѣмъ не менѣе познаны какъ боголюбезные... И подлинно, есть общее всѣмъ, что необходимо всѣмъ хранить, и преимущественно предъ другимъ то, что относится къ вѣрѣ, гдѣ и малое уклоненіе значитъ согрѣшать смертнымъ грѣхомъ. Но есть и отдѣльно касающееся нѣкоторыхъ, нарушеніе чего тѣми, кому дано для соблюденія, подлежитъ осужденію, а кѣмъ не принято, тѣми и несоблюденіе не подлежитъ осужденію. И установленное вселенскими и общими приговорами надлежитъ соблюдать всѣмъ, а что изложилъ кто-либо изъ отцевъ отдѣльно или опредѣлилъ помѣстный соборъ, то не сдѣлаетъ болѣе благочестивою мысль хранящихъ и несоблюденіе того не будетъ опаснымъ для непринявшихъ“ ***).

Феофилактъ, архіепископъ Болгарскій, составитель извѣстнаго Благовѣстника, жившій во второй половинѣ XI—началѣ XII вѣка,

*) У *Миня* *ibid.*, col. 1187; выписка у *Винк.* *ibid.*

**) По изд. *Муральта* р. 277—278.

***) По изданію посланій Фотія, сдѣланному *Валеттой*, Lond. 1864, стрр. 153 *fin.*—155.

говоря о разностяхъ между греческою и латинскою церквами, высказываетъ положеніе, что „не всякій обычай имѣетъ силу раздѣлять церкви, но только тотъ, который ведетъ къ различію въ догматы“ (*οὐ πᾶν ἔθος ἀποχίζειν ἐκκλησίας ἰσχύει, ἀλλὰ τὸ πρὸς διαφορὰν ἄγον δόγματος* *).

Извѣстный толкователь канонѡвъ церковныхъ Іоаннъ Зонара, написавшій свои толкованія въ третьей четверти XII вѣка, говоритъ въ толкованіи на 11-е правило Лаодикійскаго собора, которымъ запрещается поставлять въ церкви такъ называемыхъ пресвитеридъ: „Бяху въ древнихъ (у древнихъ),—приводимъ слова по славянскому переводу, читаемому въ Іосифовской Кормчей,—нѣции обычаи, въ церквахъ бываеміи, отъ ниже убо временемъ ови забвени быша, иніи же отиудъ престаша, другія же правила отсѣкоша“. А въ толкованіи на 19-е правило того же собора, въ которомъ говорится о подаваніи мира на литургіи или о цѣлованіи между собою присутствовавшихъ на богослуженіи, замѣчаетъ: „Еже нынѣ не бываетъ, упразднибося, яко и иная многа, творимая прежде“ **).

Выше мы привели свидѣтельства св. Иринея Ліонскаго, Сократа и Созомена о большемъ разнообразіи, существовавшемъ въ древнее время, относительно того, сколько времени и какъ соблюдать постъ четырехдесятницы. Что касается до прочихъ трехъ годовыхъ постовъ, то относительно нихъ существовало очень большое разнообразіе не менѣе, какъ до первой половины XV вѣка ***). Одни соблюдали эти посты, другіе не только не соблюдали, но даже и укоряли соблюдавшихъ; одни соблюдали ихъ всѣ три, другіе не всѣ; въ отношеніи къ продолженію одни соблюдали ихъ такъ, какъ это нынѣ, другіе сокращали до двѣнадцати дней, до шести, до четырехъ и даже до одного дня ****).

Итакъ, вотъ что такое суть обряды и обычаи церковные по ученію древнихъ отцевъ церкви и писателей церковныхъ и что такое они были въ практикѣ древней церкви.

1. Апостолы не заботились объ установленіи обычаевъ церковныхъ, предоставляя устанавливать ихъ самимъ вѣрующимъ разныхъ мѣстъ.

2. Если же устанавливали обычаи, то не по соглашенію другъ съ

*) Въ Синагмѣ канонѡвъ *Ралли* и *Потли*, V, 432.

**) Еще примѣры измѣненія церковныхъ обычаевъ см. у *митр. Платона* въ Увѣщаніи во утвержденіе истины, 10-го, 1885-го года, изданія стр. 129 вѣр.

***) См. Апологію Григорія Маммы противъ Марка Ефесскаго въ *Патрол. Миня*, т. 160, col. 140.

****) См. моей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов., стр. 399.

другомъ, такъ чтобы установленные ими обычаи были единообразны, а каждый самъ по себѣ и разнообразно.

3. Обычаи, установленные апостолами, послѣ были отмѣняемы (установленный ап. Іоанномъ Малоазійскій обычай празднованія Пасхи).

4. Изъ-за различія обычаевъ церкви не раздѣлялись между собою, а предстоятели церквей, хотѣвшіе производить изъ-за нихъ раздѣленіе, были сильно порицаемы за это.

5. Въ разныхъ частныхъ церквахъ обычаи были весьма разнообразны.

6. Въ однихъ и тѣхъ же частныхъ церквахъ и вообще во всей церкви обычаи съ теченіемъ времени подвергались измѣненію.

Изъ сказаннаго ясно, что обычаи церковные представляютъ собою нѣчто совсѣмъ отличное отъ догматовъ вѣры, что тогда какъ послѣдніе всегда едины и неизмѣнны, они (обычаи) могли быть и были разные, могли съ теченіемъ времени измѣняться и дѣйствительно измѣнялись. Изъ сказаннаго ясно, что по отношенію къ обычаю слагать персты для крестнаго знаменія очень могъ имѣть мѣсто тотъ случай, чтобы съ теченіемъ времени онъ нѣсколько разъ измѣнялся въ своей формѣ, а по отношенію къ обычаю возглашать пѣснь аллилуія очень могъ имѣть мѣсто тотъ случай, чтобы онъ одновременно существовалъ въ нѣсколькихъ формахъ. Оба случая дѣйствительно имѣли мѣсто, и благодаря этому-то и произошло наше разрозненіе съ греками въ отношеніи къ одному и другому обычаю: у нихъ принято было къ общему единообразному употребленію троеперстіе, а у насъ было принято къ такому же употребленію предшествующее ему по времени двоеперстіе; у грековъ стало господствующимъ троеніе пѣсни аллилуія, а у насъ было принято къ общему употребленію существовавшее одновременно съ нимъ двоеніе пѣсни.

Изъ сказаннаго съ ясностію видно, что наше разрозненіе съ греками въ отношеніи къ сложенію перстовъ для крестнаго знаменія и пѣсни аллилуія означало не то, будто позднѣйшіе греки утратили чистоту православія древнихъ грековъ, а нѣчто совсѣмъ другое, нисколько не касавшееся чистоты православія позднѣйшихъ грековъ, которой они на самомъ дѣлѣ не утрачивали.

Но въ заключеніе всего старообрядцы могутъ сказать, что вышеприведенныя наши рѣчи о значеніи обрядовъ и обычаевъ церковныхъ говорятъ не противъ нихъ за насъ, а наоборотъ противъ насъ за нихъ. Если разность между частными церквами въ обрядахъ и обычаяхъ совершенно допустима: то будетъ слѣдовать, что при существованіи передъ Никономъ нѣкоторой разности въ обрядахъ и обычаяхъ между греческою и русскою церквами вовсе не было нужды въ его — Никоновомъ исправленіи обрядовъ и обычаевъ. На это воз-

можное возраженіе старообрядцевъ мы уже отвѣчали прежде (въ статьѣ: Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, напечатанной въ мартовской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892-й годъ и которая выше есть статья III). Если бы русская церковь была происхожденія апостольскаго и вообще древняго и сама установила свои обычаи: тогда она имѣла бы полное право соблюдать ихъ (насколько бы они не были отмѣнены властію вселенской церкви). Но мы—русскіе заимствовали вѣру, а съ вѣрою готовые обряды и обычаи, въ позднѣйшее время отъ грековъ и поэтому всегда считали своею обязанностію быть съ ними въ полномъ согласіи относительно обрядовъ и обычаевъ или держаться именно тѣхъ самыхъ обрядовъ и обычаевъ, которыхъ держатся они. Этого положенія, что мы—русскіе должны быть согласны съ греками относительно обрядовъ и обычаевъ или держаться однихъ и тѣхъ съ ними обрядовъ и обычаевъ, вовсе не отрицаютъ и старообрядцы. Но они несправедливо считаютъ позднѣйшихъ грековъ утратившими чистоту православія древнихъ грековъ. Если же позднѣйшіе греки православны, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, то мы и должны находиться въ согласіи съ ними относительно обрядовъ и обычаевъ церковныхъ. Сознавъ несправедливость составившагося у насъ мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они утратили чистоту православія древнихъ грековъ, Никонъ на основаніи или по требованію сейчасъ указаннаго положенія и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и обычаевъ. А изъ этого ясно и видно, что его исправленіе обрядовъ и обычаевъ было вполне благословно.

III.

Дониконовскіе предки наши заподозрили позднѣйшихъ грековъ въ отступленіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ вслѣдствіе того, что мы—русскіе нѣсколько разрознились съ этими греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Но когда оказалось, что и богослужебныя книги наши не совершенно согласны съ книгами греческими, то, имѣя уже убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, и о позднѣйшихъ богослужебныхъ греческихъ книгахъ у насъ начали думать будто онѣ повреждены, именно—будто ихъ повредили, о чемъ говорили мы выше, венеціанскіе типографы. О несправедливости этого послѣдняго увѣренія или утвержденія мы уже сказали. Но должно показать въ полемикѣ съ старообрядцами, какъ могла произойти эта разность между книгами славянскими и греческими, не означающая поврежденія ни однѣхъ книгъ ни другихъ.

Если бы представлять себѣ дѣло о чинахъ богослуженія такъ, что они въ полномъ и законченномъ видѣ даны апостолами, съ тѣмъ, чтобы навсегда потомъ оставаться неизмѣнными: то, конечно, разность богослужебныхъ книгъ греческихъ и нашихъ славянскихъ означала бы, что въ которыхъ-то изъ нихъ допущены погрѣшности. Но въ дѣйствительности дѣло съ чинами богослужебными было не такъ. Богослуженіе постепенно слагалось у грековъ въ теченіе очень долгого времени и имѣло очень большое помѣстное разнообразіе, которое и выразилось въ богослужебныхъ греческихъ книгахъ. Разнообразіе въ чинахъ богослуженія изъ греческихъ богослужебныхъ книгъ перешло и въ наши славянскія книги и продолжалось въ однѣхъ и другихъ книгахъ до начала у грековъ и у насъ книгопечатанія, которое у нихъ и у насъ должно было ввести однообразіе. Но у насъ началось книгопечатаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установленіе единообразія въ богослужебныхъ книгахъ, когда уже составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. А поэтому у насъ и устанавливали единообразіе независимо отъ грековъ, вовсе не обращаясь къ нимъ съ справками о томъ, какое они установили у себя единообразіе. Но при такомъ способѣ веденія дѣла совершенно естественно было случиться тому, чтобы единообразіе, установленное нами, оказалось нѣсколько отличнымъ отъ единообразія, установленнаго у себя греками, или чтобы оказалась нѣкоторая разность между греческими печатными богослужебными книгами и нашими таковыми же книгами времени дониконскаго.

Сообщимъ кратко свѣдѣнія о постепенномъ образованіи и долговременномъ разнообразіи литургій и прочихъ общественныхъ службъ *).

*) Для обстоятельнаго знакомства съ дѣломъ см. книги, указанныя выше на стр. 52—53, и кромѣ того еще: *Θ. Α. Смирнова* Богослуженіе христіанское со времени апостоловъ до IV вѣка, Кіевъ, 1876; *Н. Θ. Красносельцева* Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ (греческихъ и славянскихъ) Ватиканской бібліотеки, съ замѣчаніями о составѣ и особенностяхъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, въ нихъ содержащихся, и съ приложеніями, Казань, 1885, *его же* Богослуженіе іерусалимской церкви въ концѣ IV вѣка, Казань, 1886, *его же* Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургіи св. Іоанна Златоустаго, вып. I, Казань, 1889, *его же* Къ исторіи православнаго богослуженія, — матеріалы и изслѣдованія по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, Казань, 1889, *его же* Типикъ церкви св. Софій въ Константинополѣ IX в., Одесса, 1892, *его же* Патриархъ Фотій и византійское богослуженіе его времени, Одесса, 1892; *А. А. Дмитриевскаго* Евхологіонъ IV вѣка Сарациона, епископа Тмуитскаго, Кіевъ, 1894, *его же* Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в., Казань, 1894, *его же* Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ

Литургія есть общественная служба, на которой совершается таинство евхаристіи или приносятся Тѣло и Кровь Христовы. Въ первые, тѣ или иные, годы времени апостольскаго не было литургіи, а таинство евхаристіи совершалось такъ, какъ совершилъ его Самъ Спаситель, т. е. безъ предшествующей службы прямо предлагались хлѣбъ и вино, которые краткими молитвами благословлялись и предлагались въ Тѣло и Кровь Христовы и затѣмъ преподавались вѣрующимъ для вкушенія и питія *). Къ концу вѣка апостольскаго явились литургіи, ибо преданіемъ усвоется ихъ составленіе нѣкоторымъ изъ апостоловъ (литургія ап. Іакова, литургія еванг. Марка **).

библіотекахъ православнаго Востока, т. I, *Толка*, ч. 1-я, Кіевъ, 1895; и томъ II, *Вѣхолоуи*, Кіевъ, 1901; С. Д. Муретова Историческій очеркъ чинопослѣдованія проскомиди до „устава литургіи“ Константинопольскаго патріарха Филовея, Москва, 1895, его же Къ матеріаламъ для исторіи чинопослѣдованія литургіи, Сергіевъ Посадъ, 1895; А. В. Петровскаго Апостольскія литургіи восточной церкви: литургіи ап. Іакова, Фаддея, Марія и евангел. Марка, Спб., 1897; А. Л. Катанскаго Очеркъ исторіи обрядовой стороны таинства елееосвященія (статья въ Христіанск. Чтеніи 1880-го года); А. И. Алмазова Исторія чинопослѣдованій крещенія и миропомазанія, Казань, 1884. (Двадцать слишкомъ древнихъ литургіи въ подлинномъ ихъ видѣ см. въ изданіи Санктпетербургской Духовной Академіи „Собраніе древнихъ литургіи восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ“, пять выпусковъ, Спб., 1874—1878).

*) Что въ первые, тѣ или иные, годы апостольскаго времени не было литургіи, это видно изъ словъ ап. Павла въ 1-мъ посланіи къ Коринтянамъ, гл. XI, стг. 20 и 21. Если бы существовала литургія, какъ служба, то она предваряла бы совершеніе таинства евхаристіи, а между тѣмъ у апостола мы видимъ, что таинство евхаристіи предварялось вечерію любви (см. также Дѣян. апост. гл. XX, стг. 7 и 11). И по *Λίβαχη των δώδεκα ἀποστόλων* (Ученіе двѣнадцати апостоловъ) евхаристія совершалась безъ всякой службы, единственно съ краткими молитвами предъ благословеніемъ чаши и предъ преломленіемъ хлѣба и съ краткою молитвою послѣ приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ, см. въ Правосл. Обоар. 1886 г. т. II, стрр. 507—509, глг. 9 и 10. Греческій писатель начала XII вѣка Іоаннъ Фурнъ въ одномъ трактатѣ, посвященномъ исторіи богослуженія, говоритъ: „И благословенный хлѣбъ освящается отъ апостоловъ только оными словами: „сіе есть тѣло Господа нашего Іисуса Христа, которое преломляется для васъ во оставленіе грѣховъ“, какъ приняли они отъ самаго Учителя, безъ нынѣшняго священносовершительнаго послѣдованія призваній, которыя, частію изъ пророческихъ, частію изъ апостольскихъ и евангельскихъ выраженій, и священныхъ молитвъ, произносятся предъ освященіемъ и постѣ“, см. у арабск. Арсенія въ Лѣтописи церковныхъ событій, 2 изд. стр. 416.

**) Если бы усвоить точность показанію Плинія въ письмѣ къ импер. Траяну, то слѣдовало бы думать, что явились не вездѣ, ибо Плиній, сказавъ о собраніяхъ христіанъ въ опредѣленный день (воскресный) для утренней молитвы, объ ихъ вторичныхъ собраніяхъ для совершенія таинства евхаристіи выражается: *ritusque (sunt soliti) sociandi ad capiendum cibum*, и опять собираются для принятія пищи.

Что такое были эти апостольскія литургіи, остается совершенно неизвѣстнымъ, такъ какъ въ своемъ подлинномъ или первоначальномъ видѣ онѣ не дошли до насъ. Софроній Іерусалимскій говоритъ о нихъ, что образъ совершенія таинства евхаристіи во всѣхъ ихъ былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же, но что въ молитвахъ и возглашеніяхъ онѣ различались между собою, поелику каждый апостольскій составлялъ литургію для того народа, къ которому былъ назначенъ, независимо отъ другихъ апостоловъ*). Первыя обстоятельныя свѣдѣнія о литургіи находимъ въ апологіи Іустина мученика къ импер. Антонину, которая написана въ 150-мъ году. У св. Іустина читается о литургіи его времени слѣдующее: „Въ такъ называемый день солнца (т. е. воскресный) бываетъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ живущихъ по городамъ и селеніямъ и читаются сказанія апостоловъ или писанія пророковъ, сколько оказывается возможнымъ; потомъ, когда чтеніе переставляетъ, председатель посредствомъ слова дѣлаетъ увѣщаніе и приглашеніе къ подражанію симъ добрымъ (мужамъ, образцамъ); затѣмъ встаемъ всѣ вмѣстѣ и воссылаемъ молитвы; и когда окончимъ молитвы, приносятся хлѣбъ и вино и вода, и председатель равнымъ образомъ воссылаетъ молитвы и благодаренія, сколько можетъ (сколько его сила, — *ὡς ἂν δύναμις αὐτοῦ*), а народъ выражаетъ свое одобреніе, говоря: аминь; и бываетъ раздаяніе каждому и причащеніе (даровъ), надъ которыми совершенно благодареніе, а къ неприсутствовавшимъ они посылаются съ діаконами“ **). Послѣ образца литургіи половины II вѣка знаемъ образецъ литургіи конца III вѣка, читаемый во 2-й книгѣ Постановленій апостольскихъ (гл. 57). Составъ этой второй литургіи есть слѣдующій: 1) чтеніе на какомъ-нибудь возвышеніи читаетъ Священное Писаніе Ветхаго Заветъ; 2) послѣ двухъ чтеній (*ἀνά δύο ὑπερέκειν ἀνακλιματίων*) кто-нибудь другой поетъ Давидовъ псаломъ, а народъ подпѣваетъ концы (*τὰ ἀκρόατιχα*); 3) читается апостольскій, а послѣ апостола читается евангеліе (во время чтенія котораго всѣ стоятъ); 4) пресвитеры обращаются съ увѣщаніемъ къ народу, — одинъ за однимъ, а не всѣ вмѣстѣ, а послѣ всѣхъ тоже дѣлаетъ епископъ; 5) всѣ вмѣстѣ встаютъ и по выходѣ оглашенныхъ и кающихся молятся на востокъ Богу, восшедшему на небо небесное; 6) діаконъ, предстоящій архіерею, обращается съ увѣщаніемъ къ народу, чтобы никто не имѣлъ противъ кого, чтобы никто — въ лицемѣрїи, и бываетъ лобызаніе мужчинъ съ мужчинами и женщинъ съ женщинами; 7) діаконъ молится о всей церкви и о всей вселенной, о плодахъ (плодоношеніи), объ іереяхъ и начальникахъ, объ

*) Въ толкованіи литургіи, см. въ Патрол. *Миня* t. 87, col. 3981, п. α'.

**) Апологіи гл. 67, у *Миня* въ 6-мъ томѣ.

архіереѣ и царѣ и о всеобщемъ мирѣ; 8) архіерей молятся о мирѣ народа и благословляютъ его; 9) бываетъ жертва въ предстояніи всего, тихо молящагося, народа, и когда будетъ она принесена, всѣ причащаются *).

Сохранившіяся до насъ и переданныя нами извѣстія о литургіяхъ половины II-го и конца III-го вѣковъ показываютъ, чѣмъ была литургія въ половинѣ II и въ концѣ III вѣка въ отношеніи къ своему общему составу; что же касается до частныхъ, то должно быть предполагаемо большое ихъ разнообразіе и большая ихъ неустойчивость: за исключеніемъ образа совершенія таинства евхаристіи, который, какъ говоритъ Софроній Іерусалимскій, твердо установленъ былъ еще во времена апостольскія, все остальное находилось въ полномъ распоряженіи настоятеля каждой отдѣльной церкви или епископа. Конечно, далеко не всѣ епископы пользовались своимъ правомъ составлять себѣ свои собственныя литургіи, такъ какъ не у всѣхъ могло хватать на это и умственныхъ средствъ и такъ какъ многіе могли не находить въ этомъ никакой нужды. Но если допустить, что каждая частная церковь имѣла одну собственную литургію: то и тогда разнообразіе въ частностяхъ будетъ необыкновенно большимъ. Послѣ того, какъ явилась въ церковномъ управленіи централизація и образовались митрополичьи или митрополитанскіе округа, епископіи, нѣтъ сомнѣнія, начали усвоить себѣ литургіи своихъ митрополій **): но и число митрополій было очень велико. Что и дѣйствительно было написано большое число литургій, не говоря о литургіяхъ, сохранявшихся безъ письмени, это подтверждаетъ св. Прокль, патріархъ Константинопольскій († 446 или 447 г.), который въ своемъ словѣ о преданіи божественной литургіи говоритъ: „многіе божественные пастыри и учителя церкви, преемствовавшіе священнымъ апостоламъ, оставивъ письменное изложеніе таинственной литургіи, предали (его) церкви“ ***). И это же говорятъ, какъ мы видѣли выше, церковные историки Сократъ и Созомень.

Ко второй половинѣ IV вѣка литургіи достигли такой обширности, что Василій Великій († 379) и Іоаннь Златоустый (низведенъ съ каедры 404, † 407), снисходя къ человѣческой слабости своихъ пасомыхъ, тяготившихся продолжительностію службы, сократили литургіи, употреблявшіяся въ ихъ церквахъ, приготовивъ свои ихъ ре-

*) Въ Патрол. *Миня* t. I, col. 724, sqq. въ изданіи *Литра*: *Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*, t. I, p. 293 sqq.

**) На Западѣ это прямо было предписываемо, см. *Битана* *Origines*, vol. V, p. 114.

***) Въ Патрол. *Миня* t. 65, col. 849-

дакціи *). Какъ принадлежавшія знаменитымъ отцамъ церкви, литургіи Василия Великаго и Іоанна Златоустаго постепенно начали входить въ общее употребленіе, вытѣсняя мѣстныя, дотолѣ бывшія въ разныхъ церквахъ, литургіи. Такимъ образомъ, появленіе литургіи Василия Великаго и Іоанна Златоустаго составило эпоху въ исторіи литургіи, замѣнивъ очень большое количество ихъ лишь двумя. Однако, не случилось и того, чтобы на послѣдующее время начали существовать и быть употребляемыми въ церквахъ только двѣ совершенно единообразныя литургіи. Литургіи начали существовать только двѣ **), но не такъ, чтобы каждая изъ нихъ сохраняла полное единообразіе во всѣхъ церквахъ и во всѣхъ употреблявшихся церквами ихъ спискахъ, а такъ, чтобы въ церквахъ и по употреблявшимся въ нихъ спискамъ каждая изъ нихъ получила большее или меньшее разнообразіе въ частностяхъ. Литургіи Василия Великаго и Іоанна Златоустаго принимаемы были въ общее употребленіе, но при этомъ принимавшіе ихъ въ употребленіе предстоятели разныхъ церквей позволяли себѣ относиться къ нимъ съ нѣкоторою свободою: кое-что вносили въ нихъ изъ прежнихъ литургіи, кое-что измѣняли по собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, та и другая литургія болѣе или менѣе и оразнообразились по частнымъ церквамъ. Дальнѣйшее ихъ разнообразіе производили писцы рукописей, которые на основаніи нѣсколькихъ несогласныхъ списковъ литургіи составляли свои новыя ихъ редакціи. Во второй половинѣ XIV вѣка Константинопольскій патріархъ Филовей, бывъ, вѣроятно, побуждаемъ желаніемъ ввести въ литургіяхъ единообразіе, приготовилъ свою ихъ редакцію. Однако, и эта редакція Филовеева вовсе не положила конца разнообразію литургіи, которое оставалось до самаго начала книгопечатанія.

Разнообразіе литургіи, существовавшее у грековъ, перешло въ большей или меньшей степени и въ наши славянскія рукописи и у насъ самихъ должно было еще умножиться отъ того, что писцы нашихъ рукописей, подобно писцамъ греческимъ, составляли изъ разныхъ, несогласныхъ между собою, списковъ литургіи новыя редакціи послѣднихъ. Чтобы ознакомиться съ разнообразіемъ славянскихъ списковъ литургіи, должно читать тотъ томъ Описанія славянскихъ ру-

*) Одна изъ обширныхъ литургіи, предшествующихъ Василию Великому читается въ 8-й книгѣ Постановленій апостольскихъ, гл. 6—15.

**) Это должно быть сказано, впрочемъ, съ оговоркой. Изъ вопросовъ Марка, патріарха Александрійскаго, къ Феодору Вальсамону, относящихся къ 1208-му году, видно, что въ предѣлахъ Іерусалимскихъ и Александрійскихъ даже до того времени были въ употребленіи литургіи апостола Іакова и евангелиста Марка,—у *Ралли* и *П. IV*, 448.

копией Московской синодальной библиотеки, принадлежащаго покойнымъ А. В. Горскому и К. И. Невоструеву, въ которомъ содержится описаніе книгъ богослужбныхъ (№ 342 и слѣдующіе).

О прочихъ общественныхъ службахъ мы не можемъ сообщить послѣдовательныхъ свѣдѣній, что впрочемъ для нашей цѣли и не нужно. Въ первые, тѣ или иные, годы времени апостольскаго не было литургій: но совершать общественную молитву христіане, разумѣется, начали съ самаго перваго времени, какъ о томъ и свидѣтельствуется книга Дѣяній апостольскихъ,—2, 42. Христіане изъ іудеевъ первоначально молились вмѣстѣ съ іудеями въ ихъ храмъ и ихъ синагогахъ (Дѣян. 2, 46; 3, 1; 21, 20), а христіане изъ язычниковъ, какъ, вѣроятно, потомъ и христіане изъ іудеевъ, имѣли общественное богослуженіе только первому времени свойственное и отличное отъ послѣдующаго, по присутствію въ церкви апостольской особыхъ, сверхъестественныхъ, дарованій,—1 Коринѳ. 14, 28 (Колосс. 3, 16; Ефес. 5, 19). Спустя много времени послѣ вѣка апостольскаго мы находимъ три класса иныхъ общественныхъ службъ кромѣ литургій, именно: службы церковей каѳедрально-епископскихъ, службы церковей приходскихъ и службы монастырей *), при чемъ дѣло относительно ихъ появленія должно быть представляемо такъ, что сначала явились службы церковей каѳедрально-епископскихъ,—что когда отдѣлились отъ каѳедрально-епископскихъ церковей приходскія церкви, явились службы сихъ послѣднихъ, и что наконецъ явились службы монастырей, которыя, какъ вѣроятно думать, первоначально взяты были монахами у приходскихъ церковей, но потомъ были расширены и умножены **). Въ продолженіе неизвѣстнаго времени до начала XIII вѣка службы церковей каѳедрально-епископскихъ вышли изъ употребленія и остались службы церковей приходскихъ и монастырей ***). То или иное отношеніе имѣли службы приходскихъ церковей къ службамъ монастырей въ древнее время, но въ позднѣйшее время онѣ являются сокращеніемъ вторыхъ службъ, такъ что во всѣхъ церквахъ службы стали однѣ и тѣ же, только въ однѣхъ церквахъ—

*) См. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов. стр. 299 sqq.

***) Въ Греціи европейской и азіатской приходскія церкви явились, кажется, уже послѣ появленія монастырей, но въ Греціи африканской,—въ Египтѣ, какъ даетъ знать Епифаній,—Наегес. LXIX, Агіам. с. 1 (въ Патрол. *Миня* т. 42, col. 201, у *Бенедикта* въ *Origines*, III, 568), онѣ явились разѣе монастырей. И у монаховъ египетскихъ дѣйствительно было общественныхъ службъ, подобно тому, какъ въ приходскихъ церквахъ, только двѣ,—вечерня и утренняя, см. *Кассіана* въ Патрол. *Миня* т. 49, col. 160, у *Бенедикта* *ibid.* V, 303, у *П. С. Каванекаго* въ Исторіи монашества, I, 137.

***) См. въ нашей Исторіи *ibid.*, стр. 300 sqq.

въ полномъ видѣ, въ другихъ церквахъ — въ болѣе и менѣе сокращенномъ видѣ. А слѣдовательно, у грековъ и у насъ могли явиться въ печати и при этомъ болѣе или менѣе разрозниться между собой только эти, ставшія общими всѣмъ церквамъ, службы монастырскія.

Въ древнѣйшее время монастырскія службы были весьма разнообразны: извѣстный Іоаннъ Кассіанъ, монахъ палестинско-египетскій и игумень Марсельскій (Кассіанъ Римлянинъ нашихъ святцевъ, † послѣ 482-го года), говоритъ, что заутреня въ монастыряхъ было въ его время почти столько же много, сколько было самыхъ монастырей и монашескихъ келій *). Въ уставной записи Студійскаго Монастыря говорится о разнообразіи монастырскихъ службъ, что „многія и различныя утвердились въ честныхъ монастыряхъ отъ древнихъ временъ преданія“ **). Съ теченіемъ времени относительно монастырскихъ службъ случилось то же, что относительно литургій, — вошли въ общее употребленіе уставы этихъ службъ, принадлежавшія двумъ знаменитымъ монастырямъ: Палестинскому Саввы Освященнаго и сейчасъ помянутому Студійскому Константинопольскому. А потомъ наконецъ сталъ общимъ уставомъ одинъ только уставъ, именно — первый, Саввы Освященнаго ***). Но какъ въ литургіяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго, принятыхъ въ общее употребленіе, явилось собственное болѣе или мѣньшее разнообразіе, такъ это же самое случилось и съ принятыми въ общее употребленіе службами монастырей Саввина и Студійскаго. Извѣстно свидѣтельство объ этомъ Никона Черногорца, читаемое въ его Тактиконѣ ****), о томъ же свидѣтельствуя и наши славянскія рукописи *****).

Изъ сказаннаго ясно, какимъ образомъ при введеніи единообра-

*) Tot prope modum typos ac regulas vidimus usurpatas, quod monasteria cellaque consprehimus, — въ сочиненіи De coenotiorum institutis, Lib. II, cap. II, въ Патрол. Мина t. 49 col. 78; выписка у Винама въ Origines, vol. V, 385.

**) См. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов., стр. 671 сл..

***) Уставъ Саввы Освященнаго сталъ господствующимъ на востокѣ Греціи, уставъ Студійскій — на западѣ; а затѣмъ и на западѣ Греціи былъ принятъ первый уставъ, по словамъ Сумеона Солунскаго (см. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов., стр. 303 sqq), въ первой половинѣ XIII вѣка. У насъ въ Россіи первоначальный Студійскій уставъ, введенный преп. Феодосіемъ Печерскимъ, началъ смѣняться Іерусалимскимъ уставомъ съ послѣдней четверти XIV вѣка, со времени митр. Кипріана.

****) „Различны типики Студійскія же и Іеросалимскія прочтохъ и собрахъ, и не согласихася единъ ко другому, ниже Студійскій со друзъмъ Студійскимъ, ни Іеросалимскій со другимъ Іеросалимскимъ“, предисл. л. 11, тоже въ словѣ 6-мъ, л. 44 об.

*****) См. въ Описаніи синодальныхъ рукописей Горск. и Невостр. съ № 880-го.

зія въ богослужебныхъ книгахъ греками и нами—русскими отдѣльно и независимо одними отъ другихъ могло случиться, чтобы наше русское единообразіе оказалось нѣсколько отличнымъ отъ единообразія греческаго или нѣсколько роанымъ съ нимъ.

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами слѣдуютъ вотъ какія заключенія:

никто никогда не повреждалъ чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ и они постоянно сохраняли, какъ и до сихъ поръ сохраняютъ, его во всей его неприкосновенной цѣлости;

если между греками и нами — русскими произошло нѣкоторое разрозненіе въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ и въ богослужебныхъ книгахъ: то причину сего составляло не отступленіе позднѣйшихъ грековъ отъ чистаго православія древнихъ грековъ, чего вовсе не было, а нѣчто совершенно другое и имѣющее совершенно другой смыслъ;

исправленіе обрядовъ и обычаевъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, предпринятое патр. Никономъ и состоявшее въ томъ, чтобы въ отношеніи къ обрядамъ и обычаямъ церковнымъ и къ богослужебнымъ книгамъ привести насъ въ согласіе съ современными ему—патріарху греками, было дѣломъ вполне благословнымъ.

В.

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ.

І.

О перстосложеніи для крестнаго знаменія и для благословенія *).

1) Для крестнаго знаменія.

Обычай изображать на себѣ крестное знаменіе восходитъ у христіанъ къ глубокой древности. Уже Тертуллианъ за свое время, т.-е. за послѣднюю четверть II—первую четверть III вѣка, говоритъ о немъ, какъ о принятомъ и общемъ обычаѣ **), а Василій Великій прямо и положительно относитъ его къ числу преданій апостольскихъ ***).

Обычай имѣетъ свою исторію не только въ отношеніи къ сложенію перстовъ руки, но и къ части тѣла, на которой изображать крестъ, и къ способу изображенія креста.

Въ настоящее время мы изображаемъ крестъ на верхней части своего тѣла такимъ образомъ, что онъ ложится своими концами на челѣ (лбу), нижней груди или верхнемъ животѣ и на плечахъ, иначе сказать—обнимаетъ собою площадь указанныхъ частей тѣла. Самый способъ изображенія креста въ настоящее время состоитъ въ томъ, что перстосложенной рукой мы прикасаемся къ челу, нижней груди или верхнему животу ****) и къ плечамъ, т.-е. что на самомъ тѣлѣ

*) Эта статья была напечатана въ апрѣльской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892 г.

**) De corona militis, cap. III fin.,—въ Патрол. Мима, t. 2, col. 80.

***) Каноническое правило 91-е, представляющее собою мѣсто изъ книги о Св. Духѣ къ еп. Амфилохію.

****) Новѣйшіе греческіе ученые стоятъ за то, чтобы прикасаться рукой къ животу, а не къ груди, см. въ Пидалионѣ примѣчаніе къ 91-му правилу Василія Великаго (преп. Максимъ Грекъ и иподіаконъ Дамаскинъ въ XVI в. и Христофоръ Ангелъ въ XVII в. также говорятъ о прикосновеніи рукой къ животу).

дѣйствительнымъ образомъ мы означаемъ только конечныя точки креста, а его линіи (продольную и поперечную) проводимъ рукою въ воздухѣ. Очень долгое время то и другое было не такъ, какъ это теперь. Что касается части тѣла, то крестъ изображаемъ былъ на одномъ только челѣ. Что касается до способа изображенія, то онъ въ буквальномъ смыслѣ былъ начертываемъ на тѣлѣ, а именно — изображаемъ былъ такъ, что рукою проводились на челѣ или по челу сначала продольная линія, потомъ поперечная *).

*) Всѣ древніе отцы до Іоанна Дамаскина включительно [(† между 750—780 годами), которые, говоря о знаменіи креста, прямо указываютъ мѣсто тѣла, на которомъ оно полагается, называютъ этимъ мѣстомъ чело, см. сводъ рѣчей отцовъ о знаменіи креста въ сочиненіи *Іакова Гретзера* (Gretserus) De sancta cruce (три тома, Ratisbonae, 1734), Tom. I, lib. IV, cap. X, XVIII, XXXI, XXXII, XXXIX, XLIII, а менѣе полный у *Свицера* въ Словарѣ (Thesaurus ecclesiast.) подъ сл. *σταυρός*. У нѣкоторыхъ отцовъ читаются нарочитыя рѣчи о томъ, почему знаменіе креста полагается именно на челѣ, напр., у Кипріана Кароагенскаго въ сочиненіи De unitate ecclesiae (по другому надписанію: De simplicitate praelatorum), у Августина въ отрывкѣ слова 27-го на слова апостола въ посланіи къ Галатамъ гл. 6, у Іоанна Златоустаго въ словѣ или трактатѣ противъ иудеевъ и язычниковъ, что Христосъ есть Богъ, у Іоанна Дамаскина въ Точномъ изложеніи православной вѣры, гл. 84 (Златоустый даетъ знать, что крестъ, долженствовавшій быть начертываемымъ на челѣ, иногда начертывался на всемъ лицѣ, т. е. что продольная черта его проводилась съ чела на носъ и далѣе, а поперечная черта проводилась не по серединѣ чела, а по нѣму его, по глазамъ или ниже глазъ, ибо употребляетъ выраженіе „начертывать крестъ на лицѣ“, *σφραγίζον τὸ πρόσωπον, ἐπιπέτον σταυρὸν τῷ ὄψει*, — противъ иудеевъ слово 8-е и на евангеліе отъ Маттея слово 54 или по другому счету 55, на гл. 16, ст. 13). Что крестъ изображаемъ былъ на челѣ посредствомъ дѣйствительнаго начертанія его на послѣднемъ или чрезъ проведеніе рукою по челу продольной линіи и поперечной, а не посредствомъ обозначенія концовъ его точками или не чрезъ прикосновеніе рукою къ челу въ четырехъ мѣстахъ, это, во-первыхъ, необходимо предполагать само собою: съ одной стороны, изображать малый крестъ на челѣ посредствомъ точекъ или посредствомъ четырехкратнаго прикосновенія къ челу рукою, какъ мы теперь изображаемъ большой крестъ на верхней части тѣла, было бы дѣломъ неестественнымъ и несообразнымъ; съ другой стороны, въ данномъ случаѣ, какъ и всегда бываетъ, люди, конечно, начали съ менѣе искусственнаго и потомъ уже перешли къ болѣе искусственному, а менѣе искусственный способъ изображенія креста есть именно первый. Во-вторыхъ, отцы и писатели употребляютъ объ изображеніи креста такія выраженія, которыя ясно даютъ знать, что онъ именно начертывался чрезъ проведеніе по челу рукою продольной и поперечной линіи; выраженія эти суть: *ἐυχαράτω* — начертываю, вычерчиваю, *ἐπιγράφω* — надписую, написую, *σφραγίζω* (наиболѣе употребительное) — отпечатлѣваю, напечатлѣваю, т. е. изображаю крестъ такъ, чтобы это его изображеніе было какъ бы дѣйствительнымъ и настоящимъ его отпечаткомъ; *τεγο-τρο*, т. е. изображаю крестъ посредствомъ тренія, вычерчиванія рукою по челу (Тертуллианъ: *frontem crucis signaculo terimus*), *inscribo*, *conscribo* — надписую, написую, *pingo* — живописую, *presso*, *imprimo* — выдавливаю, вы-

Обращаемся къ исторіи перстосложенія.

Въ продолженіе первыхъ семи столѣтій вѣковъ христіане изображали или начертывали на себѣ крестъ преимущественно однимъ перстомъ, но отчасти и нѣсколькими перстами. Изъ приведенныхъ до настоящаго времени въ извѣстность свидѣтельствъ, которыя прямо говорятъ о перстахъ, всѣ свидѣтельства за исключеніемъ одного говорятъ въ единственномъ числѣ о перстѣ, а одно во множественномъ числѣ о перстахъ. О начертаніи креста перстомъ, т. е. однимъ перстомъ, говорятъ: Іоаннъ Златоустый, Епифаній Кипрскій, блаж. Іеронимъ, Феодоритъ Кирскій, Савоменъ, Григорій Двоесловъ, Іоаннъ Москъ и Андрей Критскій; о начертаніи креста перстами говоритъ Кириллъ Іерусалимскій *). Подъ однимъ перстомъ, которымъ былъ

тискиваю.—Когда вмѣсто начертанія малаго креста на челѣ вошло въ обычай полагать большой крестъ на челѣ, груди, плечахъ, сказать не можемъ. Но если писатели даже второй половины XII в. употребляютъ объ изображеніи креста выраженіе: „полагать печать Христову на челѣ“ (см. ниже слова Θεορίαν), то въ словахъ этихъ должно видѣть простую, такъ сказать, археологическую неточность, ибо отъ конца XI—начала XII вѣка имѣемъ ясное свидѣтельство объ употребленіи большого креста, рѣзавшемъ обличіе латинскаго способа полагать на себѣ крестъ въ статьѣ *Περὶ τῶν Φράσεων καὶ τῶν λογῶν Λατίνων*, — О фразѣхъ и о прочихъ латинѣхъ (статьей еще не пользуется нашъ митр. Георгій, упоминаемый подъ 1072 и 1073 годами и уже пользуется ею нашъ митр. Никифоръ I, занимавшій кафедру съ 1108 по 1123 годъ, см. моей Исторіи русской церкви, т. I, полов. 2, стр. 712; статья въ греческомъ подлинникѣ съ древнимъ славянскимъ переводомъ у А. И. Ломова въ Историко-литературномъ обзорѣ полемиическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 58). Преп. Феодоръ Студитъ въ сейчасъ ниже приводимыхъ словахъ какъ будто даетъ знать, что уже въ его время, т. е. въ послѣдней четверти VIII—первой четверти IX вѣка, началъ входить въ употребленіе большой крестъ; то же какъ будто дается знать въ дѣяніяхъ константинопольскаго собора 879—80 г., бывшаго въ храмѣ св. Софій (греки укоряли на соборѣ латинянъ, что они ἐκὶ τοῦ χαρακτῆρος τοῦ σταυροῦ ἀρχαίου ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ μέρου, въ изображеніи креста начинаютъ отъ лѣвой стороны, см. у Соулера въ *Thesaurus* въ подъ сл. *σταυρός*, col. 1011); однако константинопольскій патріархъ Алексѣй въ своемъ уставѣ, написанномъ въ 1084 году, какъ будто говоритъ еще о двухъ отдѣльныхъ крестахъ на челѣ и на персяхъ, см. нашей Исторіи русской церкви, т. I, полов. 2, стр. 513 прим. (Пока существовало начертаніе креста на челѣ, весьма обычно было, чтобы вмѣстѣ съ этимъ крестомъ былъ начертываемъ крестъ на груди, какъ представляющей собою сѣдалище человѣческихъ вождѣлѣній,—у *Грессера*, t. I, pp. 862, 869 и 891; весьма вѣроятно потому думать, что отъ малаго креста перешли къ большому съ тою мыслию или по тому побужденію, чтобы, вмѣсто начертанія двухъ отдѣльныхъ крестовъ на челѣ и на груди, заравъ ограждать ихъ однимъ крестомъ).

*) Всѣ свидѣтельства, за исключеніемъ принадлежащаго Андрею Критскому, указаны и приведены у *трѣска. Макарий* въ Исторіи, т. VIII, стр. 101. Андрей Критскій говоритъ о начертаніи креста перстомъ въ похвальному слову преп. Патапію, именно — въ разсказѣ о чудѣ исцѣленія преподобнымъ одного

начертываемъ крестъ, должно разумѣть или указательный перстъ или—что вѣроятнѣе,—преимущественнымъ образомъ указательный, а отчасти такъ называемый палецъ (крайній перстъ большой, противоположный мизинцу), т.-е. понимать дѣло такъ, что главнымъ образомъ крестъ былъ начертываемъ указательнымъ перстомъ, но отчасти (иногда, иными) пальцемъ. При начертаніи креста однимъ перстомъ можетъ быть съ удобностію употребляемъ какъ таковой одинъ перстъ только или указательный или палецъ, слѣдовательно—и могутъ быть разумѣмы или одинъ который-нибудь изъ нихъ, или же одновременно тотъ и другой. Такъ какъ начертаніе креста указательнымъ перстомъ гораздо удобнѣе, чѣмъ пальцемъ: то съ вѣроятностію и долженъ быть разумѣмъ преимущественно онъ. Но что и пальцемъ могъ быть начертываемъ крестъ у грековъ, представляется не невѣроятнымъ думать это на основаніи существующихъ свидѣтельствъ о начертаніи имъ креста не у грековъ *). Какіе и сколько персты разумѣетъ Кириллъ Іерусалимскій, говоря о начертаніи креста перстами, а не перстомъ, остается неизвѣстнымъ. Но чтобы онъ разумѣлъ наши теперешніе три перста, какъ хочеть предполагать преосв. Макарій **), это весьма мало вѣроятно: определенное перстосложение,

бѣсноватаго юноши: Патапій исцѣлилъ бѣсноватаго тѣмъ, что перстомъ начерталъ надъ нимъ въ воздухѣ крестъ; когда исцѣленный припалъ къ его ногамъ, онъ начерталъ перстомъ анаменіе креста на его челѣ,—Патрол. *Миня*, t. 97, col. 1228 (Снимки съ древнихъ памятниковъ скульптуры, на которыхъ Спаситель представленъ начертывающимъ крестъ однимъ указательнымъ перстомъ, см. у *Мартини* въ *Dictionnaire des antiquités chrétiennes*, pp. 64, 97 и 497).

*) Что латиняне начертывали крестъ пальцемъ, видно изъ того, что они, сохранивъ до настоящаго времени древній малый крестъ при позднѣйшемъ большомъ, и до сихъ поръ начертываютъ его пальцемъ (латиняне крестятся не однимъ крестомъ, — позднѣйшимъ большимъ, какъ мы православные, а двумя крестами,—позднѣйшимъ большимъ и вмѣстѣ древнимъ малымъ; это дѣлается такъ, что, положивъ на себѣ большой крестъ, они въ слѣдъ за тѣмъ начертываютъ на себѣ и малый крестъ; первый крестъ полагается всѣми пятью перстами, собранными въ некрѣпкую горсть, второй крестъ начертывается пальцемъ. Этоть именно двойной крестъ разумѣется въ статьѣ „О фряжѣхъ и о прочихъ латинѣхъ“, когда въ ней говорится, что латиняне „пятью персть страну нѣкакю (*платуіасъ пѣс*) благословляютъ (*катаффрауіѣонтал*) и послѣди пальцемъ лице прекрещаваютъ“). Латинскіе епископы и священники, если не благословляютъ, а начертываютъ на комъ или на чемъ-нибудь крестъ (на крещаемыхъ младенцахъ или на всѣхъ присутствующихъ въ церкви за богослуженіемъ въ извѣстныхъ дни года, на стѣнахъ церквей при ихъ освященіи, на престолахъ при совершеніи каждаго богослуженія): то и до сихъ поръ начертываютъ его пальцемъ. Свидѣтельства, что начертаніе креста пальцемъ было (если не остается и до сихъ поръ) въ употребленіи у Несторіанъ и Коптовъ, см. у *Морини* въ *De sacris ordinationibus*, Pars II, ed. Antverp., 1635, pp. 386, 399, 444 и 446.

**) Ibid. VIII, 102 нач.

съ усвоеннымъ ему символическимъ значеніемъ, для второй и третьей четвертей IV вѣка, когда жилъ Кириллъ Іерусалимскій († въ 385 или въ 386 г.), слишкомъ рано и если бы явилось уже въ его время, то не было бы причинъ исчезнуть ему послѣ него, тогда какъ всѣ позднѣйшія извѣстныя свидѣтельства, каковы всѣ указан- ные выше, говорятъ объ единоперстіи (и между ними свидѣтельство Іоанна Мосха говоритъ объ единоперстіи именно въ Іерусалимской церкви). Гораздо вѣроятнѣе разумѣть у Кирилла Іерусалимскаго всѣ пять перстовъ или то пятиперстіе, иначе всеперстіе, которое у лати- нянъ сохранилось отъ древняго времени до позднѣйшаго *). Будучи предстоятелемъ Іерусалимской церкви, св. Кириллъ, конечно, говорить о перстосложеніи, которое было при немъ господствующимъ въ этой церкви; а слѣдовательно—и изъ единственнаго, принадлежащаго ему, свидѣтельства о многоперстіи выводъ есть тотъ, что въ продолженіе нѣкотораго времени это многоперстіе, подъ которымъ съ вѣроятностію должно разумѣть пятиперстіе или всеперстіе, было господствующимъ на Востокъ въ цѣлой частной церкви.

Позднѣйшее извѣстное въ настоящее время свидѣтельство объ единоперстіи принадлежитъ Андрею Критскому, который скончался въ первой четверти VIII вѣка. Черезъ столѣтіе послѣ него у преп. Феодора Студита находимъ указаніе, что въ продолженіе этого стол- лѣтія вмѣсто единоперстія явилось опредѣленное нѣсколькоперстіе. Въ одной изъ своихъ эпиграммъ или стихотворныхъ надписей къ кресту онъ говоритъ отъ самаго креста: „Кто изображаетъ меня (на себѣ) и какъ-нибудь только (однимъ) перстомъ, тотчасъ обращаетъ въ бѣгство враждебнаго демона“ **). Если при Феодорѣ Студитѣ изо- браженіе креста однимъ перстомъ было какимъ-нибудь, то ясно, что изображеніемъ не какимъ-нибудь, а настоящимъ и истовымъ, приня- тымъ, было изображеніе извѣстными нѣсколькими перстами. Вмѣстѣ

*) Преосв. Макарій хочетъ разумѣть у Кирилла Іерусалимскаго наше те- перешнее троеперстіе на томъ основаніи, что по современному свидѣтельству преп. Ефрема Сирина крестное знаменіе совершалось тогда во имя Св. Троицы. Но имѣемъ свидѣтельства, что при начертаніи креста исповѣданіе Троицы вы- ражалось тогда чрезъ утроеніе самаго крестнаго знаменія (какъ это и до сихъ поръ имѣетъ мѣсто при всякомъ освященіи священникомъ воды): у самого преосв. Макарія слова Іоанна Мосха, затѣмъ см. у *Гретзера*, Tom. I, lib. IV, pp. 341 col. 1, 378 col. 1 и 391 col. 1 (*vitale signum in sacro numero Trinitatis pressit in frontibus*,—слова въ житіи Антонія Великаго, принадлежащемъ Аеанасію Ве- ликому) и у *Дюканжа* въ *Glossarium*'ѣ *Graecitatis* подъ сл. *σφραγῖς* (у Іоанна Мосха есть и другое свидѣтельство о троекратномъ начертаніи креста, кромѣ приводимаго преосв. Макаріемъ,—Лука гл. 8).

**) *Τὸν μὲ τις καὶ μόνον ἔμπον* (читаемъ: *εἴ' ποὺ δαχτύλῳ, εὐθὺς τὸν ἐχθραίνοντα δαίμονα στρέφει*, — въ Патрол. *Миня*, t. 99, col. 1796, п. 57.

съ тѣмъ однако Феодоръ Студитъ даетъ знать въ своихъ словахъ, что съ появленіемъ нѣсколькоперстія единоперстіе въ его время еще не выходило совсѣмъ изъ употребленія.

Съ конца IX вѣка начинаются свидѣтельства, изъ которыхъ мы подождительно узнаемъ, что такое было нѣсколькоперстіе, которое явилось за то или другое время до Феодора Студита, именно — узнаемъ, что это было двоеперстіе. Давно извѣстно свидѣтельство о двоеперстіи, принадлежащее Петру Дамаскину и относящееся къ половинѣ XII вѣка. Пресв. Филаретъ указалъ свидѣтельство несторіанскаго митрополита Іліи Гевери, относящееся къ концу IX вѣка *). Н. Θ. Каптеревъ недавно указалъ свидѣтельство извѣстнаго іаковитскаго писателя второй половины XIII вѣка Григорія Абулфараджа или Ваг-Небраецъ'a, относящееся къ первой половинѣ XI вѣка, т.е. говорящее объ этой первой половинѣ XI вѣка **). Всѣ указаннныя свидѣтельства можно было бы допускать такъ, что онѣ говорятъ о господствѣ двоеперстія на одномъ Востокѣ — въ Сиріи и что относительно Запада — Константинополя съ его патріархатомъ онѣ не лишаютъ насъ права предполагать другое ***). Но есть и еще свидѣтельство, которое уже не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ Константинополѣ было употребляемо двоеперстіе или, иначе сказать, что оно было повсюднымъ и общимъ у грековъ. Въ 1170 г. константинопольскій императоръ Мануиль Комнинъ предпринялъ церковныя сношенія съ армянами въ надеждѣ примирить ихъ съ православіемъ ****). Къ армянамъ былъ посланъ императоромъ для богословскихъ собесѣдованій съ ними одинъ изъ ученыхъ константинопольскихъ, по имени Феоріанъ. Этотъ Феоріанъ описалъ два свои собесѣдованія съ армянами, и въ описаніи одного изъ собесѣдованій мы и находимъ у него свидѣтельство, что въ его время въ Константинополѣ было

*) Въ статьѣ: Богослуженіе русской церкви домонгольскаго времени, напечатанной въ 1846—1847 г., Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. № 7, стр. 31.

**) Въ статьѣ: Патріархъ Никонъ, какъ церковный реформаторъ и его противники, напечатанной въ январской, февральской и апрѣльской книжкахъ Православнаго Обзорнія въ 1887 г. (февральск. кн. стр. 352. Въ отдѣльномъ изданіи заглавіе статьи нѣсколько замѣнено и есть: Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ).

***) Свидѣтельство Абулфараджа, что въ 1029 г. константинопольскій патріархъ требовалъ отъ яковитовъ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, а двумя перстами, можно было бы понимать такъ, что патріархъ требовалъ отъ яковитовъ, чтобы они крестились, какъ крестятся православные въ области ихъ жительства Сиріи (причемъ оставалась бы возможность предположенія, что въ Константинополѣ крестились иначе).

****) См. объ этихъ сношеніяхъ въ 5-й части Прибавл. къ творр. свв. отцовъ статью: „Сношеніе армянской церкви съ восточною православною въ XII вѣкѣ“.

употребляемо двоеперстіе. Въ описаніи 2-го собесѣдованія онъ говорить, что подъ конецъ рѣчей всталъ одинъ сирскій священникъ *) и скаазалъ ему: „зачѣмъ вы изображаете крестъ двумя перстами? не раздѣлены ли (между собою) персты, какъ особые одинъ отъ другаго, слѣдовательно—по вашему и два естества Христовы раздѣлены между собою?“ — Далѣе Θεορίανъ передаетъ свой отвѣтъ священнику и въ отвѣтъ подтверждаетъ, что греки константинопольскіе, которыхъ онъ былъ представителемъ, дѣйствительно крестились двумя перстами, только, какъ бы шуткой желая отдѣлаться отъ вопроса, о чемъ самъ замѣчаетъ, говоритъ священнику, что у грековъ два перста означаютъ не два естества во Христѣ, а совсѣмъ другое **).

Побужденіемъ къ тому, чтобы вмѣсто единоперстія было усвоено двоеперстіе, должно быть считаемо желаніе выражать нагляднымъ образомъ исповѣданіе двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ въ прѣтивоположность монофизитамъ, для которыхъ одинъ

*) Участвовавшій въ преніяхъ какъ одинъ изъ представителей сирійскихъ яковитовъ, родственныхъ съ армянами по вѣрѣ.

**) Вотъ въ полномъ видѣ мѣсто у Θεορίана: *Τούτων οὕτω ῥηθέντων, ἀναστὰς ἱερεὺς τις τῶν Σύρων εἶπε πρὸς τὸν Θεοριανόν διὰ τί σφραγίζετε δακτύλοις δύοσι; οὐκ εἶδιν οἱ δάκτυλοι διακεχωρισμένοι ἀνὰ μέρος; λοιπὸν καὶ αἱ δύο φύσεις τοῦ Χριστοῦ κεχωρισμένα εἰσὶ καθ' ἑμᾶς; Ὁ δε Θεοριανός, οἷον ἀστεϊζόμενος, εἶπεν· οὐ τὰς δύο φύσεις τοῦ Χριστοῦ σημαίνοντες ὅτω θρώμεν, ἀλλὰ τῆς τυραννίδος τοῦ διαβόλου ἀπαλλαγέντες ἐδιδάχθημεν παρά ταυτι ποιεῖν κατ' ἑκείνου καὶ πόλεμον, ταῖς μὲν χερσὶν ἐσφραγίζομεθα δικαιοσύνην καὶ ἐλεημοσύνην καὶ ταῖς λοιπαῖς ἀρεταῖς, ὅπερ ἑστὶν ἡ παράταξις, διὰ δὲ τῶν δακτύλων, τοῖς μετόποις ἐπιτεθέντες τὴν τοῦ Χριστοῦ σφραγίδα, αὐτιστῶμεν τὸν πόλεμον καὶ οὕτω τοῦτον καταγωνιζόμεθα, καὶ μετὰ τοῦ λαβῆθ' εὐλογοῦμεν τὸν Κύριον, εὐλογοῦτός Κύριος ὁ Θεὸς μου, λέγοντες ἕκαστος, ὁ διδάσκων τὰς χεῖράς μου εἰς παράταξιν καὶ τοὺς δακτύλους μου εἰς πόλεμον. οὐ τὸν δάκτυλον, ἀλλὰ τοὺς δακτύλους, т. е. когда это (предшествующее) такъ было сказано, всталъ одинъ сирскій священникъ и скаазалъ Θεορίану: для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами? не раздѣлены ли (между собою) персты, какъ особые одинъ отъ другаго? слѣдовательно — по вашему раздѣлены (между собою) и два естества Христовы (мысль та, что если признавать два отдѣльных естества, не содѣлавшіяся единымъ естествомъ, какъ учили армяне, то нужно будто бы признавать и два лица, а это будетъ несто-rianство). Но Θεορίанъ, какъ бы прибѣгая къ шуткѣ (отдѣлываясь шуткой), скаазалъ: не знаменуя два естества Христовы такъ дѣлаемъ мы, но, бывъ избавлены отъ мучительства діавола, мы научены творить противъ него ополченіе (уготованіе) и брань, ибо руками содѣлываемъ мы правду, милостыню и прочія добродѣтели и это есть ополченіе (уготованіе), а перстами, полагая на чель печать Христову, мы составляемъ брань, и такимъ образомъ побѣждаемъ его и съ Давидомъ благословляемъ Господа, говоря каждый: *благословенъ Господь Богъ мой, научаяя руку мою на ополченіе и персты моя на брань* (Пс. 143, 1) — не персть (т. е. не одинъ персть, какъ у васъ — яковитовъ), но персты, — у Мимы въ Патрол., т. 133, col. 296 sub fin.*

персть сдѣлался символомъ ихъ ученія объ одномъ ествѣ Иисуса Христа *).

Не невозможно, что то двоеперстіе, которое было принято, т.-е. состоявшее въ протяженіи указательнаго и большаго середняго перстовъ, было заимствовано отъ иконографіи или представляло собою воспроизведеніе двоеперстія, съ которымъ Спаситель и святые изображались на иконахъ. Но самое это иконографическое двоеперстіе, которое мы находимъ на иконахъ съ самаго перваго времени ихъ появленія и несравненно ранѣе, нежели начало быть употребляемо двоеперстіе для изображенія крестнаго знаменія, вовсе не означало собой этого послѣдняго двоеперстія, о чемъ нарочито скажемъ ниже.

Итакъ, въ продолженіе столѣтія съ начала VIII по начало IX вѣка первоначальное единоперстіе для изображенія крестнаго знаменія замѣнено было у грековъ двоеперстіемъ.

Но и двоеперстіе не было формою перстосложенія для крестнаго знаменія, при которой греки остались бы затѣмъ навсегда. Въ продолженіе столѣтія, обнимающаго послѣднюю четверть XII и три первыя четверти XIII вѣка вмѣсто двоеперстія у нихъ вошло въ употребленіе троеперстіе, и только уже это послѣднее стало ихъ окончательнымъ перстосложеніемъ. Второе собесѣдованіе Теоріана съ армянами, въ описаніи котораго читается свидѣтельство о господствѣ или употребленіи при немъ въ Константинополѣ двоеперстія, имѣло мѣсто въ 1172 г.; но въ извѣстномъ такъ называемомъ Преніи панагіота съ азимитомъ, которое написано послѣ 1274 и до 1282 года, мы находимъ свидѣтельство, что въ данное время господствовало въ Константинополѣ или было тамъ въ употребленіи уже не двоеперстіе, а троеперстіе **).

*) Петръ Дамаскинъ говоритъ: „Два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Иисуса Христа, во двою естеству, а во единомъ составѣ познаваема“. Объ единоперстіи яковитовъ говоритъ Димитрій, митрополитъ княжескій, что они придумали знаменоватъ лицо однимъ перстомъ, *ὡς τῆρ μιαν ἐν Χριστῷ φύσιν προεβέβητες*, т. е. чтобы проповѣдывать единое естество во Христѣ, см. у *Свицера* въ *Thesaurus ecclesiast.* подъ сл. *σταυρός*, II, 1010; объ единоперстіи армянъ говоритъ одинъ неизвѣстный писатель, что они начертываютъ на лицѣ крестъ однимъ перстомъ, *ὡς ἐν κῆν τοῦτω μιαν φύσιν τοῦ σταυροῦθέντος στυλῶσι*, т. е. что бы хотя симъ означить (провозвѣщать) единое естество Распятаго, см. въ сочиненіи *И. Троицкаго* „Изложеніе вѣры церкви армянскія“, Спб., 1875, стр. 198, прим.

**) Обстоятельныя рѣчи о Преніи и оно само у *А. Н. Потова* въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 238 sqq (греческій подлинникъ Пренія недавно напечатанъ *А. Васильевымъ*: *Anecdota Graeco-Byzantina*, — pars prior, Mosquae, 1893, — р. 179; мѣсто о перстахъ — р. 186). Преніе представляетъ собою не какое-нибудь серьезное и

Что было причиной замѣны у грековъ двоеперстія троеперстіемъ, относительно этого мы не имѣемъ ни указаній, ни намековъ. Но необходимо думать, что причиной былъ расширенный символизмъ перстовъ. Замѣняя первоначальное единоперстіе двоеперстіемъ, греки хотѣли выразить двумя перстами православное ученіе о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ вопреки монофизитамъ, которые съ однимъ перстомъ начали соединять свое еретическое ученіе объ одномъ ествѣ въ Иисусѣ Христѣ; но при этомъ остальнымъ тремъ перстамъ не было придаваемо никакого значенія. Съ теченіемъ же времени и остальнымъ тремъ перстамъ было придано символическое значеніе, именно — значеніе трехъ лицъ св. Троицы *). Когда это послѣднее случилось, то и могли найти, что три перста въ сложеніи двоеперстнымъ недостаточно удовлетворительнымъ образомъ выражаютъ св. Троицу, а поэтому и замѣнили двоеперстіе троеперстіемъ. Наши

авторитетное сочиненіе, а анонимную сатиру на латинянь и отчасти на импер. Михаила Палеолога, который вступилъ въ церковный союзъ съ послѣдними, принадлежащую своеобразному мудрецу изъ народа (сатиру лубочнаго, такъ сказать, характера). Но это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы свидѣтельство Пренія о перстосложеніи для крестнаго знаменія было принимаемо за вполне достовѣрное свидѣтельство (ибо въ нашемъ случаѣ и несерьѣзный авторъ, такъ же какъ серьезный, могъ говорить только о томъ, что было у грековъ въ дѣйствительности, т.-е., хотимъ мы сказать, въ нашемъ случаѣ серьезность или несерьезность автора не имѣетъ значенія). Латиняне несправедливо укоряются въ Преніи, будто слагаютъ крестъ двумя перстами. Эту несправедливую укоризну можно понимать такъ, что авторъ хочетъ навязывать латинянамъ перстосложеніе, которое отчасти оставалось еще у самихъ грековъ и которое было считаемо уже за неправильное. Троеперстіе есть и въ западной церкви, въ которой оно явилось гораздо ранѣе восточной, ибо о немъ говоритъ уже папа Левъ IV, занимавшій престоль съ 847-го по 855-й годъ; въ настоящее время оно употребляется тамъ для благословеній, а въ древнее время употреблялось, или по крайней мѣрѣ предписывалось къ употребленію и для крестнаго знаменія, см. у *пресв. Макара*. въ Ист., VIII, 108, прим. Но восточное троеперстіе, отличное отъ западнаго и по своей формѣ (о формѣ западнаго троеперстія см. ниже), не есть его воспроизведеніе, а явилось независимо отъ него и представляетъ собою обрядовой обычай Востока самостоятельный (латинское троеперстіе по своей формѣ таково, что можетъ быть принимаемо и за двоеперстіе; а поэтому укоризну латинянь въ Преніи, что они крестятся двумя перстами, можно понимать еще и такъ, что латинское троеперстіе принималось греками за двоеперстіе).

*) Какъ это видно изъ сдѣланной въ XII вѣкѣ приписки въ статьѣ „О фрязвѣхъ и о прочихъ латинѣхъ“, къ пункту, обозначающему пятиперстіе латинянь, которая читается: „должно располагать персты въ знаменованіяхъ такимъ образомъ, чтобы ими означались два естества во Христѣ и три лица (Св. Троицы), какъ показалъ Христосъ, когда, возносясь на небо, благословилъ учениковъ поднятыми руками“, — у *пресв. Макарія* въ Ист., VIII, 110 (Патрол. *Миня* t. 140 col. 542 fin.).

старообрядцы въ своемъ двуперстїи слагаютъ три послѣдніе перста такъ, что палець упираетъ своей пушкой въ пушки малаго середняго перста и мизинца; но это сложеніе трехъ перстовъ, очевидно, есть искусственное, имѣющее въ виду достигнуть той цѣли, чтобы перстами по возможности удовлетворительно выражалось равенство и единство лицъ св. Троицы. Пока же тремъ перстамъ не было придаваемо символическаго значенія, они, конечно, должны были полагаться или располагаться естественно (какъ это имъ удобно); естественное же положеніе или расположеніе ихъ есть то, чтобы малый середній персть и мизинець были пригнуты къ ладони (не плотно), а палець былъ положенъ на нихъ, и необходимо думать, что въ такомъ именно видѣ они и были располагаемы въ древнемъ двуперстномъ сложеніи. Когда усвоено было тремъ перстамъ символическое значеніе лицъ св. Троицы, то и могло быть найдено, что сейчасъ указаннымъ расположеніемъ ихъ неудовлетворительно изображается равенство и единство лицъ св. Троицы, а поэтому, вмѣсто двоеперстія и могло быть принято троеперстіе, въ которомъ указанный недостатокъ совершенно устраняется. Цѣль могла быть достигнута двумя путями: или принятіемъ троеперстія вмѣсто двоеперстія, или же поправкою въ самомъ двоеперстіи, именно—расположеніемъ въ немъ трехъ перстовъ такъ, какъ они расположены въ позднѣйшемъ нашемъ двоеперстіи и какъ они располагаются въ нынѣшнемъ двоеперстіи старообрядцевъ (т. е. чтобы палець упирался своей пушкой въ пушки малаго середняго перста и мизинца). Не было сдѣлано этого послѣдняго, какъ должно думать, потому, что сейчасъ указанное расположеніе перстовъ, какъ мы сказали, есть не натуральное (насильственное) и затруднительное, —что при этомъ ихъ расположеніи очень не удобно (не ловко) полагать на себѣ крестное знаменіе. Что же касается до троеперстія, то мысль усвоить его, послѣ того какъ съ измѣненіемъ взгляда на персты (съ приданіемъ символическаго значенія и тремъ перстамъ) оказалось неудовлетворительнымъ двоеперстіе, должна была явиться, такъ сказать, сама собой. Сложите персты двоеперстно по древнему (т. е. чтобы палець лежалъ на маломъ среднемъ перстѣ) и полагайте на себѣ крестъ: протянутые персты указательный и большой средній нѣсколько нагнутся, палець подопретъ ихъ и само собою образуется троеперстіе *).

Итакъ, въ продолженіе столѣтія съ послѣдней четверти XII вѣка

*) Можетъ быть, что образцомъ для троеперстія послужило и діаконское держаніе орары тремя перстами, сгг въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу продолженіе 9-й бесѣды о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія, § 13.

по третью четверть XIII вѣка вмѣсто двоеперстія у грековъ вошло въ употребленіе троеперстіе, которое и осталось у нихъ навсегда *).

Мы—русскіе заимствовали отъ грековъ христіанство въ то время, какъ у нихъ было въ употребленіи двоеперстіе. Само собою понятно, что вмѣстѣ съ христіанствомъ мы усвоили себѣ отъ нихъ это двоеперстіе, а не какое-нибудь другое перстосложеніе. Когда у грековъ вмѣсто двоеперстія вошло въ употребленіе троеперстіе, это послѣднее начало распространяться и у насъ, чтобы замѣнить собою первое. Но у насъ не случилось того, чтобы замѣна дѣйствительно произошла или дѣйствительно имѣла мѣсто. Напротивъ, у насъ двоеперстіе вступило въ борьбу съ троеперстіемъ и борьба кончилась тѣмъ, что перстосложеніе, оставленное греками, одержало побѣду надъ перстосложеніемъ, которое было ими принято.

Какъ въ Греціи троеперстіе не было введено вмѣсто двоеперстія путемъ формальнаго законодательства или прямыхъ предписаній со стороны церковной власти, а вошло путемъ обычая; такъ и у насъ оно имѣло водворяться на мѣсто двоеперстія не первымъ, а вторымъ путемъ. Но противъ того, что прямо не санкціонировано церковною властью, а входитъ въ употребленіе путемъ обычая, пока оно не приобрѣтетъ авторитета обязательности чрезъ всеобщее признаніе и пока отъ долговременности не станетъ ненарушимымъ преданіемъ, возможны возраженія и протесты. Эти возраженія и протесты были подняты противъ троеперстія и въ Греціи, когда оно тамъ вводилось или входило на мѣсто двоеперстія. Позднѣйшіе, XII столѣтія, греки начали принимать двоеперстіе, употреблявшееся въ крестномъ знаменіи, за то двоеперстіе, съ которымъ Іисусъ Христосъ изображался на иконахъ и которое будто употреблялъ Онъ Самъ **). Но мнимый примѣръ Самого Іисуса Христа былъ слишкомъ обязательнымъ, чтобы люди, смотрѣвшіе у грековъ сейчасъ указаннымъ образомъ на дѣло, вовсе не захотѣли и не попытались возвысить въ его защиту своего голоса. И они дѣйствительно возвысили свой голосъ такимъ образомъ, что произнесли проклятіе на тѣхъ, которые не крестятся двумя перстами, какъ крестился, по ихъ мнѣнію, Христосъ; наше знаменитое: „аще кто не знаменается (не креститъ) двѣма перстома, якоже и Христосъ,

*) Когда православные вмѣсто единоперстія усвоили двоеперстіе, ихъ примѣру послѣдовали Несторіане. Можетъ быть, что и желаніе имѣть особое отъ Несторіанъ перстосложеніе отчасти содѣйствовало принятію троеперстія вмѣсто двоеперстія.

**) Въ приведенной выше припискѣ XII в. къ статьѣ „О фразѣхъ“ слова: „какъ показаль Христосъ, когда, возвосясь на небо, благословиль учениковъ“, очевидно, значать: какъ (какими перстами) благословляющимъ изображается Христосъ на иконахъ.

да будетъ проклятъ* представляеть собою именно этотъ протестъ противъ троеперстія, заявленный въ Греціи защитниками двоеперстія *). Выраженный въ столь грозной формѣ протестъ никого не смутилъ у грековъ и остался у нихъ безъ всякаго дѣйствія. Но перенесенный отъ грековъ къ намъ онъ приобрѣлъ у насъ двоеперстію горячихъ сторонниковъ. Проклятiе указываетъ на примѣръ Христа; для повѣрки смотрѣли на иконы Спасителя, и на иконахъ дѣйствительно находили, что Спаситель изображается на нихъ съ перстосложеніемъ двуперстнымъ. На самомъ дѣлѣ было, что если Спаситель изображался на иконахъ съ перстосложеніемъ двуперстнымъ, то перстосложеніе это не было перстосложеніемъ для благословенія, а имѣло другое значеніе (о чемъ ниже), а если изображался съ перстосложеніемъ для благословенія, то перстосложеніе не было двуперстнымъ, а лишь настолько похожимъ на него, чтобы быть за него принимаемымъ (о чемъ также ниже). Но у насъ, не обладавъ надлежащимъ знаніемъ дѣла, двуперстное сложеніе на иконахъ Спасителя принимали за перстосложеніе для благословенія и перстосложеніе для благословенія только похожее по виду на двуперстное принимали за это послѣднее. А такимъ образомъ, мнимое свидѣтельство иконъ Спасителя въ пользу двоеперстія и придало у насъ проклятiю значеніе голоса истины, чтобы приобрѣсть двоеперстію горячихъ защитниковъ. Но люди, ставшіе защитниками двоеперстія, не остановились на томъ, что дѣйствительно принимали за истину. Человѣческая исторія полна примѣрами, какъ желающіе защитить и отстоять то, что принимается ими за истину, нисколько не затрудняются прибѣгать ко лжи. Такъ было и въ нашемъ случаѣ. Къ проклятiю на некрестящихся двумя перстами сочинено было новое свидѣтельство въ пользу двоеперстія чрезъ извѣстную передѣлку сказанія о Мелетіи Антиохійскомъ **). Люди, усвоившіе отъ грековъ общепринятое у нихъ

*) Мы считаемъ за вѣроятнѣйшее принимать, что наше: „аще кто не знаменается...“ дѣйствительно есть переводъ греческаго: *εἰ τις οὐκ ἀφραγίσεται μετὰ δύο δάκτυλα ὡς καὶ Χριστός, οὐ εἶναι ἀφραγισμένους*, какъ указалъ Андрей Денисовъ въ Поморскихъ отвѣтахъ. *Νὰ εἶναι* нисколько не будетъ языкомъ новымъ для грека XII—XIII вѣка, притомъ для грека малообразованнаго, каковаго даетъ видѣть въ себѣ челоуѣкъ, произносящій проклятiе на некрестящихся двумя перстами (Необходимо думать, что проклятiе первоначально явилось въ отдѣльномъ видѣ и что въ чинѣ: „Аще кто въ ереси бывъ“ внесено уже послѣ. Чинъ оставленъ представителями церковной власти: но представители церковной власти не могли быть до того невѣжественными, чтобы произносить проклятiе на некрестящихся двоеперстно).

**) Въ подлинникѣ читалось: „Показа три переты..., потомъ два совокупль, а единъ протягнувъ“ (какъ это и читается въ нѣкоторыхъ Прологахъ, въ которыхъ мѣсто сохранилось безъ передѣлки.—пресов. *Макарія* Ист., VIII,

троперстіе, написали было отъ себя наставленіе о сложеніи трехъ перстовъ (такъ называемое *Θεοδωριτου* слово), но защитники двоеперстія, пользуясь несовершенною опредѣленностію наставленія, поспѣшили и его обратить въ свою пользу *). Сверхъ этихъ трехъ свидѣтельствъ въ пользу двоеперстія существовало еще четвертое— Петра Дамаскина, относительно котораго предки наши, конечно, не знали, что оно представляло изъ себя свидѣтельство только археологическое, говорившее уже о прошломъ времени.

118), т. е. показать три перста, а потомъ два пригнуть, каковой смыслъ имѣетъ слово „совокупль“ (греческ. *συναγαυών*—сведши, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ у насъ употребляется выраженіе: „свелъ пальцы“), а одинъ протянулъ. Защитники двоеперстія переправили „протягнувъ“ въ „пригнувъ“ и слово „совокупль“ получило тотъ смыслъ, что два перста оставилъ протянутыми.

*) Что такъ называемое *Θεοδωριτου* слово (можетъ быть—дѣйствительно принадлежащее какому-нибудь русскому *Θεοδωριτου*, а по всей вѣроятности окрещенное именемъ блаженнаго *Θεοδωριτου* однимъ изъ его первыхъ переписчиковъ на томъ основаніи, что ваято было имъ или изъ рукописи, содержащей творенія бл. *Θεοδωριτου* (толкованіе на псалтирь), или изъ рукописи, въ которой читалось въ слѣдъ за выписками изъ бл. *Θεοδωριτου*, первоначально написано въ защиту троеперстія, это не можетъ подлежать сомнѣнію. „Три персты равны имѣти вкупѣ... два перста имѣти наклонена, а не простерта... согбеніе персту толкуется“... Когда говорится о трехъ перстахъ безъ прямого или нарочитаго указанія—какихъ именно, то само собою рааумѣются три первые перста; согбеніе перстовъ („персту“—двойственное число) имѣетъ мѣсто въ троеперстномъ сложеніи, и нѣтъ его въ двуперстномъ. Мысль слова есть та, что сложеніемъ трехъ первыхъ перстовъ хорошо (подрааумѣвается: гораздо лучше, чѣмъ въ двоеперстіи) выражается единство трехъ лицъ Св. Троицы и ихъ равенство, а пригнутіемъ двухъ перстовъ хорошо выражается тайна сошествія Иисуса Христа на землю (редакторъ дѣяній Стоглаваго собора, находя несообразнымъ въ приложеніи къ двоеперстію: „согбеніе“, дѣйствительно, употребляетъ вмѣсто него „гбеніе“, при чемъ рааумѣетъ или легкое наклоненіе двухъ протянутыхъ перстовъ или же нѣкоторое согбеніе одного изъ нихъ, именно—большаго середняго,—гл. 31 *fl.*). Если *Θεοδωριτου* слово заповѣдуетъ не только креститься двумя перстами, но и благословлять, то это значитъ, что авторъ его, какъ нѣкоторые и въ Греціи, неправильно думалъ, будто должно употреблять одно и то же перстосложеніе и для крестнаго знаменія и для благословенія (см. приведенную выше приписку къ статьѣ „О фразѣхъ и о прочихъ латинѣхъ“). Когда слово повелѣваетъ „два перста имѣти наклонена, а не простерта“, то имѣетъ въ виду употребленіе такого троеперстія, въ которомъ два послѣдніе перста не пригибаются, а протягивались (какъ въ двоеперстіи два первые): изображеніе такого троеперстія, ваято съ одного греческаго памятника, см. у *митр. Григорія* въ „Истинно древней и истинно православной Христовой церкви“, ч. II, 2-го изд. стр. 131, послѣднее изображеніе (Относительно усвоенія статьи бл. *Θεοδωριту* представлялось бы не невѣроятнымъ думать еще слѣдующее: первоначально статья явилась безыменною, но потомъ, когда была переправлена на двоеперстіе, она была усвоена бл. *Θεοδωριту* потому, что у послѣдняго въ толкованіи псалтири (Пс. 22, 4) между прочимъ говорится о крестѣ, что онъ

Такимъ образомъ, въ пользу двоеперстія у насъ явилось цѣлыхъ четыре свидѣтельства и во главѣ ихъ грозное проклятіе на крестящихся недвоеперстно, а въ пользу троеперстія по передѣлкѣ слова Θεодоритова не было ни одного свидѣтельства. Естественно, что при устахъ болѣе чѣмъ трехъ свидѣтелей въ пользу двоеперстія и при совершенномъ отсутствіи свидѣтелей въ пользу троеперстія, споръ между двумя перстосложеніями былъ рѣшонъ у насъ въ пользу перваго. По старымъ взглядамъ нашимъ на обычаи церковные, о чемъ нарочито говорили мы выше, рѣшеніе спора о двухъ перстосложеніяхъ имѣло для предковъ нашихъ тотъ смыслъ, что двоеперстіе есть перстосложеніе единственно истинное и единственно православное, а что троеперстіе есть еретическая новизна. Видя эту мнимо-еретическую новизну господствующую у грековъ, предки наши рѣшили, что позднѣйшіе греки заимствовали ее отъ латинянъ *). Когда окончательно составилось у насъ сейчасъ указанное мнѣніе о двоеперстіи и троеперстіи и когда оно было принято у насъ самими представителями церковной власти, не можемъ сказать **). Но этими представителями церковной власти двоеперстіе было предписано у насъ, въ качествѣ перстосложенія единственно истиннаго и православнаго, къ общему употребленію сначала въ лицѣ митропол. Даніила, а потомъ Стоглаваго собора ***).

„отъ двою палиць составляется“, при чемъ разумѣемое толкователемъ о крестѣ вещественномъ, что онъ слагается изъ двухъ древъ (палиць, палица) у насъ понято было о крестѣ, который полагается человѣкомъ на себѣ, что онъ изображается двумя пальцами (палиць превращено было въ противуграмматическое палиць. Но это вѣроятное объясненіе дѣла устраняется тѣмъ, что статья усвоается бл. Θεодориту уже въ подлинномъ своемъ видѣ).

*) Какъ латиняне крестились и крестятся, это мы указывали выше. Что касается до благословенія, то оно совершалось и совершается у нихъ посредствомъ троеперстія, но троеперстія не нашего православнаго, а своего особаго: два послѣдніе перста пригибаются къ ладони, а три первые протягиваются, и именно—или всѣ три раздѣльно, или большой персть и указательный сжимаются вмѣстѣ, а отдѣльно (оттопырясь) одинъ палець. Такъ какъ въ случаѣ прижатія пальца къ двумъ перстамъ это троеперстіе превращается въ двоеперстіе: то иногда оно и принимается за двоеперстіе и называется этимъ послѣднимъ именемъ. На такъ называемыхъ Корсунскихъ вратахъ новгородскаго Софійскаго собора благословляющія руки латинскихъ епископовъ весьма отчетливо изображены съ нашимъ троеперстіемъ (принимаемымъ старообрядцами за свое двоеперстіе!).

***) Начало оно у насъ составляется, какъ указывали мы выше,—не позднѣе первой половины XV вѣка (а по увѣренію нѣкоторыхъ, уже въ XIV вѣкѣ начинаеть являться въ русскихъ Кормчихъ статья о двуперстіи вмѣстѣ съ проклятіемъ на не соблюдающихъ сего обряда, см. *Ил. Блжяева* Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. или Стоглава. М. 1863, стр. 41).

***) Предполагать, будто митр. Даніиль и Стоглавыи соборъ не знали,

Итакъ, окончательно принятое у грековъ троеперстіе не входило у насъ въ общее употребленіе и въ концѣ концовъ было формальнымъ образомъ отвергнуто. Но представлять дѣло такимъ образомъ, будто до времени Никона оно совсѣмъ или почти что совсѣмъ оставалось у насъ неизвѣстнымъ, было бы совершенно неосновательно. Напротивъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что, распространившись у насъ болѣе или менѣе въ значительной степени непосредственно послѣ своего утвержденія у грековъ, оно постоянно оставалось у насъ въ той же значительной степени распространенности вплоть до патр. Іосифа, причемъ вовсе не повели къ его исчезновенію у насъ и формальныя запрещенія на него со стороны митр. Давиіла и Стоглаваго собора. Заимствованное отъ грековъ проклятiе на некрестящихся двумя перстами необыкновенно часто встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ, будучи повторяемо въ нихъ и къ мѣсту и не къ мѣсту. Конечно, подвергаются его громамъ враги дѣйствительные, а не воображаемые (ибо иначе значило бы понапрасну бить проклятiемъ воздухъ); а если оно повторяется необыкновенно часто, то ясно дается этимъ знать, что количество враговъ было вовсе не такъ ничтожно, чтобы не стоило обращать на нихъ вниманія. Сказаніе о Мелетіи Антиохійскомъ передѣлано у насъ такъ, чтобы служило свидѣтельствомъ въ пользу двоеперстія, конечно, съ какою-нибудь реальной цѣлію; но эта цѣль, очевидно, есть борьба съ троеперстниками *). Если у насъ

какое перстосложеніе находится въ общемъ употребленіи у современныхъ имъ грековъ, было бы вовсе не основательно. Равнымъ образомъ, предполагать, что митрополитъ и соборъ предписывали двоеперстіе къ общему употребленію съ какимъ-то умысломъ, въ родѣ умысла приуготовить расколъ, было бы въ высшей степени странно (митрополитъ и соборъ предписываютъ двоеперстіе къ общему употребленію потому, что, считая эту форму перстосложенія истинною и правильною, они желаютъ водворить у насъ относительно перстосложенія полное единообразіе). Другое дѣло—совершенно несправедливое мнѣніе митрополита и собора о поврежденности чистоты православія у современныхъ имъ грековъ. Если въ двухъ мѣсяцахъ Макарьевскихъ Миней,—Декабрѣ и Іюнѣ, Преніе панагіота написано безъ передѣлки чтенія о перстахъ: то нужно понимать это не такъ, будто до Стоглаваго собора Макарій самъ держался троеперстія, а такъ, что онъ приказывалъ писать памятники безъ передѣлокъ (замѣтимъ здѣсь кстати, что и въ Кирилловой книгѣ, гл. 26, Преніе напечатано съ сохраненіемъ подлиннаго чтенія о перстахъ). А если сокращеніе Пренія, помѣщенное въ Августѣ мѣсяцѣ, читается съ передѣлкою о перстахъ, то должно думать, что передѣлка принадлежитъ не самому Макарію, который былъ человѣкъ неспособный на передѣлки, а уже произведена ранѣе. Всѣ мѣсяцы Макарьевскихъ Миней Московскаго Успенскаго собора написаны послѣ Стоглаваго собора, ибо на всѣхъ мѣсяцахъ подпись 1553 года.

*) Поддѣланнымъ или передѣланнымъ сказаніе читается въ Прологахъ уже XIV в.,—*проесс. Макаар.* Ист. VIII, 118.

было написано наставленіе объ употребленіи въ крестномъ знаменіи троеперстія, каково такъ называемое Феодоритово слово, то, конечно, были у насъ и люди, которые содержали это перстосложеніе. Преосв. Макарій нашель въ одномъ Кирилло-Бѣлозерскомъ сборникѣ XV в. статью: „Како подобаеть крестити (т.-е. креститься) рукою“, написанную въ защиту двоеперстія *). Въ статьѣ этой прямо и ясно говорится о существованіи у насъ людей, которые держались троеперстія и защищали его; а если авторъ статьи говорить, что это были только „нѣщїи“, т.-е. немногіе, то извѣстно, что у людей, борющихся о мнѣніяхъ, служить обычнымъ пріемомъ представлять число защитниковъ противнаго мнѣнія только очень незначительнымъ. Бывшій Троицкій игумень Артемій отзывался между прочимъ о постановленіи Стоглаваго собора относительно крестнаго знаменія: „да и на соборѣ деи о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего“. Отзывъ этотъ, толкуемый такъ и сякъ, совершенно ясно и несомнительно значить то, что на соборѣ сдѣлано было предписаніе всѣмъ креститься единообразно двумя перстами, но что съ предписаніемъ вовсе не достигли цѣли, т.-е. что употреблявшіе троеперстіе и послѣ предписанія собора остались при своемъ. Артемій держался того воззрѣнія, что совсѣмъ не нужно и не должно было дѣлать предписанія объ единообразномъ употребленіи перстосложенія, а предоставить каждому слагать персты, какъ хочетъ, потому что „нѣтъ деи въ томъ ничего“, т. е. что въ различномъ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія нѣтъ никакой важности **),—„прежде деи сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ большіе на себѣ кресты кладуть“, т.-е. поелику въ разное время изображали на себѣ крестное знаменіе различно. Порицая соборъ за напрасное, по его мнѣнію, предписаніе, Артемій и указывалъ на то, что это напрасное предписаніе все равно не достигло цѣли. Такимъ образомъ, если Стоглавый соборъ съ своимъ предписаніемъ о двоеперстіи не успѣлъ достигнуть того, чтобы всѣ его приняли, то ясно, что были люди, державшіеся не двоеперстія, иначе—троеперстія; а если можно было примѣчать по наглядкѣ, смотря на сложеніе перстовъ молящимися (какъ примѣчалъ Артемій), что предписаніе собора не имѣло силы, то ясно, что державшихся троеперстія было очень не мало ***). Поло-

*) Ibid. стр. 118, прим. 144.

**) За такой взглядъ на различіе перстосложенія Артемій и осужденъ былъ какъ за „хулу о крестномъ знаменіи“.

***) Преосвященный Макарій хочетъ доказывать значительную распространенность у насъ троеперстія до Стоглаваго собора словами царя къ собору: „христіане крестятся не по существу“,—Ист. VIII, 125. Но подъ „не по существу“ должно разумѣть не неправильное сложеніе перстовъ, а неладное

жительное свидѣтельство, что послѣ Стоглаваго собора у насъ продолжало оставаться троеперстіе, содержитсяъ въ житіи преп. Александра Ошевенскаго († 1479), которое написано монахомъ Александрова монастыря Феодосіемъ въ 1567 г. С писатель житія рассказываетъ въ заключеніе сего послѣдняго о бывшемъ ему видѣніи преп. Александра и говоритъ: „азъ же возбнувъ отъ видѣнія и никого же видѣ и наипаче начахъ плакати и рыдати, понеже много пререковахъ святому; и увѣдѣ (древняя форма вмѣсто: увѣдѣхъ) бывшаа надъ собою, яко деснаа рука моя ослабѣ, длань же о запястіи согнуса, три же перста верхнихъ едва возмогохъ вмѣсто содвинутти, иже (вмѣсто: еже,—чтобы) на лицѣ своемъ крестное знаменіе вообразити, два же персти нижнихъ ко длани прикорчипаша* *)... Что и во времена Никона, послѣ усиленнѣйшихъ стараній, употребленныхъ въ патріаршество Іосифа ввести двоеперстіе въ общее употребленіе**), еще оставалось много людей, державшихся троеперстія, объ этомъ онъ свидѣтельствовалъ на соборѣ 1656 г. И что бы кто ни думалъ о Никонѣ, но допустить, чтобы онъ позволилъ себѣ не обинуясь гдѣть предъ лицомъ цѣлаго собора и—такъ какъ дѣяніе собора имѣло быть напечатано—предъ лицомъ всей русской земли, вовсе не представляется возможнымъ ***).

полаганіе на себѣ крестнаго знаменія (безсмысленное маханіе рукой по груди или положеніе перстовъ на груди и плечахъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуетъ, противъ чего у грековъ писалъ иподіаконъ Дамаскинъ въ извѣстномъ своемъ словѣ и о чемъ у насъ Вассіанъ Косой выражается въ одномъ сочиненіи, что „крестное знаменіе на лицѣ не все полно крестила“, а извѣстная Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ,—что „крестное знаменіе на лицѣ своемъ не сполна вообразали“). Это же должно разумѣть у старца Филовея и у другихъ, писавшихъ о крестномъ знаменіи до Стоглаваго собора.

*) Списковъ житія преп. Александра, написанныхъ до патр. Никона, когда бы могла быть сдѣлана поправка, извѣстно нѣсколько (см. въ Описаніи рукописей Ундольскаго выписку нашего мѣста изъ житія по рукописи XVI вѣка,—№ 276, л. 153, въ Описаніи рукописей бібліотеки Троицкой Сергіевой Лавры выписку по рукописи 1633 года,—№ 694, л. 196 и въ Описаніи рукописей Хлудова выписку по рукописи первой половины XVII вѣка,—№ 198, л. 232); вообще неповрежденность чтенія приведеннаго мѣста не можетъ подлежать сомнѣнію.

**) Значенія какого-нибудь недобраго умысла, какъ уже мы говорили прежде, эти старанія, конечно, вовсе не имѣли: считая двоеперстіе за истинное и правильное перстосложеніе, люди, по совершенно понятнымъ похвальнымъ побужденіямъ, и предприняли, усилія ввести наконецъ это перстосложеніе въ общее употребленіе.—Самыя эти усиленнѣйшія старанія представляютъ собою рѣшительное свидѣтельство въ пользу того, что до времени патр. Іосифа троеперстіе у насъ оставалось и находилось въ болѣе или менѣе значительномъ распространеніи.

***) Весьма замѣчательно, что Петрей и Олеарій, говоря объ употребленіи

Сейчасъ выше мы представили исторію или судьбу троеперстія въ сѣверной, московской Руси. Троеперстіе болѣе или менѣе значительно распространялось здѣсь, но по особымъ здѣшнимъ причинамъ, оно не только не вошло здѣсь въ общее употребленіе, но и было формальнымъ образомъ отвергнуто. Въ юго-западной или кievской Руси особыя московскія причины вовсе не имѣли мѣста: здѣсь вовсе не составляли себѣ мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, а напротивъ постоянно смотрѣли на нихъ какъ на неизмѣнно хранящихъ эту чистоту православія. Повидимому, надлежало бы ожидать, что здѣсь мы найдемъ троеперстіе вошедшимъ въ такое же общее употребленіе, какъ и у самихъ грековъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы находимъ, что во всѣхъ здѣшнихъ учительныхъ книгахъ, начиная съ конца XVI вѣка и до половины XVII вѣка, предписывается къ употребленію не греческое троеперстіе, а московское двоеперстіе *). Что же это значитъ и какъ это понимать? Если въ кievской Руси нисколько не сомнѣвались въ чистотѣ православія грековъ (а это несомнѣнный и безспорный фактъ, какъ свидѣтельствуютъ кievскія учительныя книги и исторія сношеній тамошнихъ русскихъ съ греками) и въ то же время хотѣли держаться перстосложенія не греческаго, а московскаго: то очевидно, что здѣсь съ формою перстосложенія не соединяли вопроса о чистотѣ или нечистотѣ православія,— что смотрѣли на нее, какъ на дѣло безразличное, и что только по какимъ-то особымъ побужденіямъ предпочитали держаться перстосложенія московскаго. Эти особыя побужденія должно видѣть въ томъ, что кievскіе русскіе были приведены къ ошибочному мнѣнію, будто троеперстное перстосложеніе есть у грековъ очень новое, явившееся не ранѣе половины XVI вѣка, и что они не хотѣли жертвовать стариной такой новизнѣ. Около 1585 года въ кievской Руси было напечатано слово Максима Грека о крестномъ знаменіи **), говорящее, какъ

шемся русскими ихъ времени (Петрей—первой четверти, Олеарій—второй четверти XVII в.) перстосложеніи, говорятъ именно о троеперстіи и только о немъ одномъ, какъ будто бы оно было ихъ единственнымъ перстосложеніемъ,—русскій переводъ перваго въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1867 г. кн. II, стр. 402 нач., русскій переводъ втораго *ibid.*, 1868 г. кн. IV, стр. 380.

*) См. сочиненіе Н. Ѳ. Кантерева: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“, выпускъ первый, стр. 64 sqq. Съ немалою вѣроятностію надлежитъ принимать за исключеніе Большой катихизисъ, въ которомъ начальное предписаніе о сложеніи трехъ перстовъ должно быть усвоено автору, а дальнѣйшее поясненіе, сводящее троеперстіе на двоеперстіе,—московскимъ редакторамъ.

**) Слово было напечатано въ отдѣльномъ видѣ, крошечной, состоящей изъ двухъ четверточныхъ листовъ, брошюркой на иждивеніе или по порученію

извѣстно, о перстосложеніи двоеперстномъ, а не троеперстномъ. Сіе-то слово и заставило кіевскихъ ученыхъ думать, будто троеперстіе явилось у грековъ не ранѣе половины XVI вѣка, и оно-то и побудило ихъ стать на сторону двоеперстія. Максимъ былъ родомъ грекъ и если онъ говоритъ о двоеперстіи, то ясный, повидимому, выводъ изъ сего былъ тотъ, что троеперстіе явилось у грековъ послѣ него. Этотъ ошибочный выводъ и сдѣлали кіевскіе ученые, ставшіе такимъ образомъ сторонниками двоеперстія вслѣдствіе простаго недоразумѣнія.

Въ кіевскихъ учительныхъ книгахъ съ конца XVI вѣка появляются наставленія о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и всѣ наставленія до Петра Могилы предписываютъ двоеперстіе. Но что касается того, какъ было въ кіевской Руси до и послѣ появленія наставленій на самомъ дѣлѣ, т.-е. какъ было здѣсь съ перстосложеніемъ въ народѣ или у народа, то мы имѣемъ свидѣтельства, которыя увѣряютъ, что всѣ крестились здѣсь троеперстно, и которыя даютъ намъ по крайней мѣрѣ право предполагать, что троеперстіе было здѣсь господствующимъ или преобладающимъ *).

(„накладомъ“) епископа луцкаго и острожскаго Кирилла Терлецкаго, который переведенъ былъ изъ епископовъ пинскихъ въ епископы луцкіе 29 мая 1585 г. Мѣстомъ печати, которое, такъ же какъ и годъ, не обозначено, считаютъ Острогъ (*Карташевъ* Хронологич. роспись, № 89). По всей вѣроятности, слово указалъ Кириллу Терлецкому и напечаталъ его для него московскій печатникъ діаконъ Иванъ Федоровъ, работавшій у князя Острожскаго въ Острогѣ († 5 декабря 1585 г. во Львовѣ).

*) Во-первыхъ, свидѣтельство діакона Павла Алеппскаго, которое см. у *преосв. Макарія* въ Ист., XII, 172; во-вторыхъ, свидѣтельство тѣхъ грековъ, которые держали съ Арсеніемъ Сухановымъ извѣстныя пренія и которые говорили Суханову: „Вы на Москвѣ одинъ такъ (двоеперстно) креститесь, а въ Польской землѣ Русь по нашему по греческому креститесь“. Въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу утверждается, что въ книгахъ кіевского изданія: Бесѣдахъ Златоустаго на Ап. Павла 1623 г., Бесѣдахъ Златоустаго на Дѣянія 1624 г. и толкованія Андрея Кесарійскаго на Апокалипсисъ 1625 г., изображено на картинкахъ троеперстіе (Дополненіе къ 9-й бесѣдѣ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія). Если это правда, то нужно будетъ понимать дѣло такъ, что учительные люди, по указанному выше недоразумѣнію, проповѣдывали двоеперстіе, а народъ, за представителей котораго въ нашемъ случаѣ должны быть принимаемы граверы или рѣзчики картинокъ, держался въ своемъ большинствѣ успѣвшаго издавна распространиться въ немъ троеперстія. Если принимать, что въ Большомъ катихизисѣ первоначально предписывалось употреблять троеперстіе, то нужно будетъ понимать это такъ, что авторъ катихизиса предписывалъ было перстосложеніе, которое на самомъ дѣлѣ употреблялось въ кіевской Руси. Кіевскіе учительные люди проповѣдывали двоеперстіе на основаніи московскаго источника; но на Москвѣ при патр. Іосифѣ свидѣтельство кіевскихъ учительныхъ книгъ въ пользу двоеперстія было принято за самостоятельное свидѣтельство малорусской церкви. Замѣтимъ здѣсь

Какъ смотрѣть на самое это слово Максима, имѣвшее такое важное значеніе по отношенію къ кievской Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ ставшее такимъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ въ пользу двоеперстія и на Руси московской *)?

Если бы Максимъ написалъ свое слово съ нарочитою цѣлію сказать, что должно креститься двоеперстно (съ каковою нарочитою цѣлію онъ написалъ слово о двоеніи пѣсни аллилуія) или хотя бы онъ написалъ слово и не съ этою нарочитою цѣлію, но именно такъ выражался въ немъ относительно формы или образа перстосложенія: тогда, конечно, было бы несомнѣнно и не подлежало бы никакому спору, что онъ личнымъ образомъ, по чему-то совершенно для насъ непонятному, предпочиталъ московское перстосложеніе принятому и общеупотребительному тогда греческому. Но въ словѣ Максима этого „должно“ вовсе нѣтъ. Слово написано имъ въ отвѣтъ на чью-то просьбу раскрыть силу образа крестнаго или обычая знаменаться крестомъ, и, не говоря предписательно, что персты для крестнаго знаменія должно слагать такимъ-то образомъ, онъ говоритъ повѣствовательно, что такое-то сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія,

кстати, что Угорцы или Угерце, въ которыхъ въ 1618 г. была напечатана одна книжка, говорящая о двоеперстіи („Събраніе вѣкратцѣ словесъ отъ бож. писанія и съ объясненіемъ изложенія св. апостоль дванадесяти артыкуловъ православнои вѣры“), находятся не въ Сербіи (на основаніи каковаго ошибочнаго мнѣнія заключаютъ о распространеніи двоеперстія въ послѣдней), а въ той же кievской Руси, собственно — въ Галиціи (въ Санокской округѣ, недалеко на востокъ отъ городка Лизко). А когда извѣстный сербобоенскій іеромонахъ Дамаскинъ, осужденный въ 1648—49 г. аеонскими монахами за двоеперстіе, ссылался въ защиту послѣдняго, кромѣ московскихъ книгъ, еще на сербскую рукопись, писанную 130 лѣтъ тому назадъ: то, какъ съ очень большою вѣроятностію можно думать, ссылался на рукопись, содержащую творенія Петра Дамаскина, переводомъ котораго мы обязаны именно сербамъ, см. Опис. свнодд. ркпп. Горск. и Велостр. № 140, л. 279, стр. 187 нач.

*) О подлинной принадлежности слова Максиму не можетъ быть никакого спора. Оно находится въ собраніи сочиненій Максима, которое принадлежитъ ему самому. Это есть то собраніе, предъ которымъ читается: „Предсловіе, сказующе вкратцѣ силу книжки сеа“, нач.: „Настоящаа новосъчиненнаа книжка даръ убо есть всесвятаго и поклоняемаго Духа“. Что авторъ предисловія есть самъ Максимъ, это ясно видно изъ того, что большую книгу онъ называетъ книжкой, а также и изъ всего вообще предисловія. Настоящаго собранія сочиненій Максима есть описки современные ему или почти современные, — нашей академической бібліотеки фундамент. № 42, принадлежавшій митр. Іоасафу, и Хлудовскій № 73, писанный въ 1563 г., и въ обоихъ спискахъ читается наше слово. Академическій, бывшій Іоасафовскій, списокъ несомнѣнно доказываетъ и то, что чтеніе мѣста въ словѣ о перстахъ не переправлено послѣ Максима, а дѣйствительно принадлежитъ ему.

именно — двоеперстное, значить то-то *). Повѣствовательная, а не предписательная, рѣчь Максима можетъ быть понимаема двояко; или что онъ дѣйствительно предпочиталъ двоеперстіе троеперстію или же что онъ только не отвергалъ перваго, какъ нашего русскаго обычая. Изъ двухъ возможныхъ объясненій рѣчи Максимовой за объясненіе истинное, безспорно, должно быть признано второе, а не первое. Относительно подверженнаго измѣненію обычая, каковъ—способъ сложенія перстовъ для крестнаго знаменія, дѣло состояло не въ какихъ-нибудь археологическихъ доказательствахъ (предполагая, что таковыя доказательства могли быть указаны Максиму въ пользу двоеперстія), а въ относительномъ авторитетѣ церковей, которыя расходились между собою касательно обычая; но, конечно, никто не найдетъ возможнымъ и вѣроятнымъ предположить, чтобы авторитетъ русской церкви Максимъ признавалъ высшимъ авторитета церкви греческой. Что же касается до того, что не по собственному побужденію, а будучи вынужденъ говорить о господствовавшемъ тогда въ Россіи перстосложеніи, Максимъ говоритъ о послѣднемъ, какъ о перстосложеніи, которое имъ признается: то въ этомъ на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ страннаго и непонятнаго. Двоеперстіе совершенно столько же православно, какъ и троеперстіе, и наша въ семъ случаѣ разность съ греками касалась обычая, принадлежащаго къ числу обычаевъ безразличныхъ **). Но въ отношеніи къ обычаямъ безразличнымъ русская церковь нисколько не обязана была непременно находиться въ полномъ согласіи съ церковію греческою; тутъ дѣло было исключительно въ собственной волѣ русскихъ: если они хотѣли находиться въ согласіи съ греками (слѣдствіемъ каковаго именно хотѣнія было Никоновское исправленіе, о чемъ мы говорили выше), никто имъ не препятствовалъ, но если не хотѣли и желали удерживать свои обычаи, греки не имѣли права посягать въ семъ случаѣ на ихъ свободу ***). Такимъ образомъ, Максимъ долженъ былъ признавать за

*) Въ подлинникѣ о перстахъ: „совокупленіемъ тріехъ перстей: сирѣчь: пальца и еже отъ средняго и малаго исповѣдуемъ....., протяженіемъ долгаго и средняго исповѣдуемъ“..... Въ сущности ничего нескладнаго тутъ нѣтъ: Максимъ употребляетъ выраженіе „средній“ не о взаимномъ положеніи перстовъ, а объ ихъ относительной величинѣ, и разумѣетъ подъ среднимъ въ первомъ случаѣ малый средній, во второмъ—указательный, а подъ долгимъ большой средній.

**) Для православныхъ, наклонныхъ мыслить пораскольничьи, замѣтимъ здѣсь кстати, что пусть смотрятъ они въ Бесѣдахъ къ глаголемому старобрядцу 9-ю бесѣду о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія.

***) Пусть припомнитъ читатель, что пишетъ относительно этого константинопольскій патріархъ Паисій въ своихъ отвѣтахъ Никону. Въ частности о

русскими право держаться ихъ особаго отъ грековъ обычая относительно перстосложенія, а слѣдовательно—и говорить объ этомъ обычаѣ, когда былъ къ тому вызванъ, какъ объ обычаѣ, который былъ имъ признаваемъ. Правда, что онъ выражается: совокупленіемъ трехъ перстовъ исповѣдуемъ то-то, а совокупленіемъ двухъ перстовъ исповѣдуемъ то-то, и не выражается: вы — русскіе исповѣдуете то-то и то-то. Но при весьма частномъ и незначительномъ случаѣ, по какому Максимъ говоритъ о господствовавшемъ въ его время у русскихъ перстосложеніи (вопросъ, обращенный къ нему какимъ-то частнымъ лицомъ) отдѣлять ему себя отъ нихъ, какъ грека, было бы въ высшей степени странно и неумѣстно. По тогдашнимъ московскимъ взглядамъ, одно изъ двухъ перстосложеній было неправославно; но Максимъ, разумѣется, держался не этого московскаго взгляда, а того настоящаго взгляда, что оба перстосложенія одинаково православны, и для него могло составлять вопросъ только то, который обычай имѣеть болѣе авторитета. Не можетъ подлежать сомнѣнію и само собою должно быть разумѣемо, что онъ усвоилъ болѣе авторитетъ обычая церкви греческой; но онъ признавалъ и за русскою церковію ея право держаться своего обычая, а поэтому, вызванный говорить о семь обычаѣ, онъ и говорить о немъ, какъ такомъ обычаѣ, который имъ признается.

2) Для влагословенія.

Въ первое время, какъ кажется, благословеніе преподавалось чрезъ возложеніе благословляющимъ своей руки или своихъ рукъ на голову благословляемаго, а если благословляемыхъ было много, чрезъ поднятіе надъ ними своихъ рукъ (какъ Іисусъ Христосъ благословлялъ дѣтей и какъ, возносясь на небо, Онъ благословилъ апостоловъ,—Матѣ. XIX, 13. 15, Лук. XXIV, 50), безъ начертанія на головѣ или надъ головами знаменія креста *). Но не позднѣе первой половины IV в. вошло въ обычай преподавать благословеніе чрезъ

сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія одинъ изъ ученыхъ сиутниковъ іерусалимскаго патріарха Пансія говорилъ Арсенію Суханову: „такъ (о томъ) никто не писалъ, какъ персты складывать.—ни евангеліе, ни апостолъ: то есть самовольное, кто какъ хочетъ, но токмо подобаеть крестообразно крестъ чинить; а то все добро и ереси и хулы на Бога нѣтъ никакой; мы слагаемъ верхній перстъ (палець) съ двѣма верхними во образъ Святыя Троицы и тѣми крестимся, а вы слагаете великій перстъ со двѣма нижними во образъ Святыя Троицы, а двѣма верхними креститесь также добро“...

*) Cfr у *Мартини* въ *Dictionnaire des antiquités chrétiennes* подъ сл. *Bénir*, p. 85 col. 2 sub fin., указаніе на свидѣтельства памятниковъ скульптурныхъ.

начертаніе благословляющимъ на головѣ благословляемаго или надъ головами благословляемыхъ знаменія креста *).

Отъ времени до начала VII в. имѣемъ свидѣтельства, что не для благословенія народа, а для огражденія себя отъ опасности епископы начертывали крестъ надъ предметами или на предметахъ, которые грозили опасностью, тѣмъ же однимъ перстомъ, которымъ всѣ начертывали крестъ на самихъ себѣ **). Съ вѣроятностію можно думать, что и при благословеніи народа епископы первоначально начертывали крестъ этимъ же однимъ перстомъ. Но затѣмъ, не позднѣе начала VII вѣка, предупреждая появленіе двоеперстія для крестнаго знаменія приблизительно на два столѣтія, явилось у епископовъ для благословенія народа извѣстное опредѣленное нѣсколькперстіе. Объ этомъ нѣсколькперстіи говоритъ Софроній, патріархъ іерусалимскій, скончавшійся между 634—644 годами ***). Свидѣтельство Софронія, высказанное особеннымъ образомъ, не совершенно ясно, именно — говоря о сложеніи перстовъ: пальца съ малымъ середнимъ ****), онъ не совсѣмъ ясно говоритъ о способѣ ихъ сложенія. Не совершенно ясное въ этомъ послѣднемъ отношеніи свидѣтельство Софроніево вполне объясняется для насъ позднѣйшимъ свидѣтельствомъ Іоанна Скилицы о патріархѣ Константинопольскомъ Михаилѣ Керуларіи. Скилица говоритъ, что когда патріархъ скончался (въ 1058 году), то персты правой его руки, сложенные крестовидно, какъ обычно благо-

*) Свидѣтельство историка Филосторгія о времени импер. Констанція, который занималъ престолъ съ 337 по 361 г., см. у Свиды въ Словарѣ подъ сл. *Λεόντιος*; свидѣтельство бл. Августина, который † 430, въ 118-мъ его трактатѣ на Іоанна и послѣдующія многія свидѣтельства см. у *Гретсера*, Т. 1, lib. IV, p. 372 sqq.

***) Свидѣтельства Созомена и Іоанна Мосха, — у *проесв. Макарія* въ Ист., VIII, 102, прим. 123.

****) Патр. Софроній въ своемъ толкованіи на церковныя службы пишетъ: „Благословеніе епископомъ народа послѣ чтенія евангелія указываетъ на будущее пришествіе (Господа) въ 6505 году, такъ какъ по числительному (счѣтному) употребленію персты (какъ они сложены для благословенія) означаютъ шесть разъ пять тысячъ“ (у *Миля* въ Патролог. t. 87 col. 400). Слова эти, очевидно, читаемыя въ поврежденномъ видѣ, должны быть исправлены по воспроизводящему Софронія патріарху константинопольскому Герману, у котораго находимъ: „Благословеніе архіереемъ народа указываетъ на будущее пришествіе Христова чрезъ числительное употребленіе перстовъ, означающее (т. е. въ которомъ персты, какъ они слагаются для благословенія, означаютъ) число шесть тысячъ пятисотное“ (ibid. t. 93, col. 417).

*****) О томъ, что для полученія въ ручномъ счетѣ числа шесть тысячъ пятьсотъ нужно сложить палецъ съ малымъ середнимъ, см. статью: „Свидѣтельство VIII вѣка о сложеніи перстовъ въ священническомъ благословеніи“, помѣщенную во 2-й части Православнаго Собесѣдника за 1858 г.

словлять при возгласеніи народу мира, въ этомъ положеніи и остались, не измѣнившись съ омертвѣніемъ тѣла *). Перстосложеніе крестовидное или крестовое, очевидно, есть такое перстосложеніе, въ которомъ тѣ или другіе персты складывались такъ, что изъ нихъ составлялся (образовывался) крестъ. Слѣдовательно, патр. Софроній говоритъ о крестовидномъ сложеніи пальца съ малымъ среднимъ перстомъ. А слѣдовательно, крестовидное перстосложеніе для благословенія, явившееся около или не пооднѣе начала VII в., было такое перстосложеніе, въ которомъ три перста: указательный, большой средний и мизинецъ протягивались, а два перста: палецъ и малый средний крестовидно полагались одинъ на другой, какъ это теперь въ благословеніи именованномъ.

Крестовидное перстосложеніе превращено въ именованное такимъ образомъ, что изъ двухъ протянутыхъ перстовъ—указательнаго и большаго средняго второй былъ нѣсколько нагнуть. Можно думать, что первоначально это измѣненіе было сдѣлано не съ тою мыслию, чтобы превратить перстосложеніе въ именованное, а съ тою мыслию, чтобы превратить его въ двукрестовое или двукрестное, и что только потомъ уже было усмотрѣно въ двухъ крестахъ съ на-

*) Подлинныя слова Скилицы: *Ἡ γὰρ χεὶρ τοῦ πατριάρχου σταυροειδῶς σχηματιθεῖσα, ἢ ἕθος εὐλογεῖν ἐπιφωνοῦντι τῷ λαῖ τὴν εἰρήνην, μεμίνηκεν ἄτρεπτος, μὴ συναλλιωθεῖσα τῇ νεκρώσει τοῦ σώματος*, — Патрол. *Мина* t. 122, col. 372 fin. — Въ славянскомъ глаголическомъ требникѣ конца X—XI вѣка, который открытъ на Синаѣ и наданъ въ кирилловской транскрипціи чешскимъ ученымъ Гейтлеромъ, въ чинѣ богоявленскаго освященія воды, въ молитвѣ: „Самъ убо челоуѣколюбче Царю“ послѣ словъ: „ангельскія крѣпости исполнену“ читается предписаніе: „и потомъ прѣкрѣститъ попъ воду в. прѣстомъ“, т.-е. и потомъ перекреститъ попъ воду трижды перстомъ (въ глаголическомъ счетѣ, который почему-то оставленъ г. Гейтлеромъ безъ перевода на кирилловскій, в значить не 2, а 3).—*Euchologium glagolski spomenik manastira Sinai brda, izdao Dr. L. Geitler*, p. 9 нач. Это „перекреститъ перстомъ“, т.-е. однимъ перстомъ, можетъ быть, понимаемо трояко: или что въ нашемъ требникѣ перстомъ вмѣсто перстами стоитъ такъ сказать археологически, какъ воспроизведеніе чтенія въ его время уже оставленнаго и не соотвѣтствующаго современной ему дѣйствительности; или что крестовидное перстосложеніе въ первое время послѣ своего появленія было употребляемо только епископами, а священники оставались при старомъ способѣ изображенія креста однимъ перстомъ; или что, наконецъ, первое время и епископами и священниками крестовидное перстосложеніе было употребляемо только для благословенія людей въ собственномъ смыслѣ перваго слова, а что начертаніе креста на предметахъ и тѣми и другими по прежнему дѣлалось однимъ перстомъ, какъ подобное имѣло и до сихъ поръ имѣетъ мѣсто у католиковъ, см. выше стр. 156 (начертаніе креста на водѣ однимъ перстомъ встрѣчаемъ и въ греческихъ повдвѣвшихъ евхологіяхъ, см. у Гоара въ чинѣ крещенія, по парижск. изд. стрр. 357. 360 и 363).

гнутымъ мизинцемъ именованіе, значеніе каковаго и было ему усвоено. Когда послѣ половины XI вѣка, послѣ патр. Михаила Керуларія, крестовидное перстосложеніе превращено или превратилось въ именованное, относительно этого пока мы знаемъ только то, что превращеніе имѣло мѣсто когда-то до половины XVI вѣка *).

Относительно перстосложенія для благословенія должна быть сдѣлана одна, впрочемъ нерѣшительная, оговорка. Такъ называемое Феодоритово слово повелѣваетъ и креститься и благословлять одними и тѣми же тремя перстами, и мы имѣемъ указаніе, что какъ будто священники дѣйствительно благословляли троеперстно, и что, слѣдовательно, именованно благословляли только епископы. Въ одной псалтири съ возслѣдованіемъ конца XV вѣка, находящейся въ Синодальной бібліотекѣ, помѣщенъ: „Уставъ святыхъ горы о панагії въ пути“. Въ уставѣ этомъ читается: „аще не случится понагѣи на пути, то вынеше хлѣбецъ на руку правую, глаголетъ: „благословенъ Богъ, милуя и питаа насъ“, порядку, та же учинитъ руку свою прѣсты три, якоже іереи крестъ дѣють“, и держа хлѣбецъ въ рукѣ полагаетъ съ нимъ на себѣ крестное знаменіе **).

*) Отъ половины XVI вѣка извѣстна статейка протопопа Навплийскаго (что въ Пелопоннесѣ) Николая Малакса *Περὶ τῆς σημασίας τῶν ἠνωμένων δακτύλων τῆς χειρὸς τοῦ ἱερέως ἐν τῷ εὐλογεῖν αὐτὸν τὸν χριστῶννομον λαόν*, т.-е. О значеніи соединенныхъ перстовъ руки священника при благословеніи имъ христоименитаго народа, въ которой говорится, что соединенные персты представляютъ сокращеніе или сокращенное изображеніе, начертаніе, имени Иисуса Христа: Іс Хс, т.-е. говорится объ именованномъ перстосложеніи для благословенія. Въ славянскомъ переводѣ статейка напечатана въ Никоновской Скрижали. Когда именно написана Малаксомъ статейка, неизвѣстно; но онъ жилъ въ продолженіе трехъ первыхъ четвертей XVI вѣка и писательская дѣятельность его относится къ концу второй и къ послѣдней изъ этихъ четвертей (въ 1540-мъ году, въ которомъ венеціане уступили Навплию туркамъ и въ которомъ онъ оставилъ послѣднюю, чтобы удалиться въ Венецію, онъ былъ уже протопопомъ и скончался затѣмъ послѣ 1573-го года, — архим. Арсенія Лѣтопись церковныхъ событій, 2 изд. стр. 598). А что касается до греческаго подлинника *Ἐπιμνηεῖα τῶν ζωγράφων*, на основаніи котораго въ первомъ изданіи статьи мы относимъ появленіе именованнаго перстосложенія ко времени до 1458-го года, то этотъ подлинникъ дѣйствительно долженъ быть относимъ къ позднѣйшему времени, къ началу XVIII в., см. письма *проеос. Порфирія Успенскаго* къ архим. Антонину о живописцѣ Паяселинѣ, напечатанныя въ Трудяхъ Кіевской Духовной Академіи за 1867-й годъ, — томъ IV, стрр. 128 и 140 sqq.

**) Опис. Синодд. ркшп. *Горск. и Невостр. № 407*, л. 195 об. Уставъ читается въ Церковномъ Уставѣ 1610 г. и въ Уставѣ Іоасафовскомъ, см. *проеос. Макарія* Исторію русскаго раскола, стр. 97 прим. 193 (приведенъ текстъ полный). Во всякомъ случаѣ это „персты три, якоже іереи крестъ дѣють“, читаемое въ Уставѣ св. Горы о панагії по рукописи XV в., составляетъ важное свидѣтельство противъ раскольниковъ въ пользу троеперстія, сѣгъ въ Бесѣдахъ къ глаго-

Что сложеніе перстовъ для благословенія крестовидное, явившееся у грековъ не позднѣе первой половины VII вѣка, переходило отъ нихъ и къ намъ—русскимъ, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и само собою очевидно. Почти всѣ наши митрополиты періода домонгольскаго были греки и, конечно, употребляли для благословенія то самое сложеніе перстовъ, которое употреблялось въ Греціи. Въ свою очередь епископы наши, родомъ русскіе, могли употреблять только то перстосложеніе, которое употребляли митрополиты, потому что принятіе ими какого-нибудь своего особаго перстосложенія представляло бы собою нѣчто совершенно немыслимое. Вообще, совершенно ясно, что если въ минуту принятія нами христіанства отъ грековъ было употребляемо этими послѣдними для благословенія сложеніе перстовъ крестовидное, то и къ намъ могло перейти отъ нихъ именно только это перстосложеніе, а не какое-нибудь другое *). Переходило ли къ намъ отъ грековъ перстосложеніе именованное, положительно сказать этого мы не можемъ, не зная, когда оно у нихъ явилось.

Со времени св. Іоны примѣръ современныхъ грековъ утратилъ въ глазахъ предковъ нашихъ свой авторитетъ; между тѣмъ, съ одной стороны, на основаніи „слова“ неизвѣстнаго Теодорита у насъ составилось мнѣніе, будто и для благословенія и для крестнаго знаменія должно быть употребляемо одно и то же перстосложеніе, а съ другой стороны—правильнымъ и должнымъ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія было признано не троеперстіе, а двоеперстіе: и дѣло относительно перстосложенія для благословенія имѣло тотъ конецъ, что двоеперстіе было признано у насъ и принято за таковое перстосложеніе, одинаково съ крестнымъ знаменіемъ.

лему старобрядцу Продолженіе бесѣды 9-й, о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и благословенія, § 14.

*) Патр. Паисій въ своемъ отвѣтѣ Никону на его вопросъ о перстосложеніи для благословенія говоритъ, что персты должно складывать такъ, чтобы изъ нихъ образовывались четыре буквы І и С, Х и С, и прибавляетъ: „а которыми персты начертываетъ кто сія четыре письмена, ничтоже разньствууетъ“ (отв. 25). Предполагая, что такъ было или что это имѣло силу и въ древнее время въ отношеніи къ перстосложенію крестовидному, т. е. что и въ немъ для изображенія креста не считались обязательными палець съ малымъ среднимъ перстомъ, мы будемъ имѣть на старыхъ иконахъ нашихъ немалочисленные примѣры перстосложенія крестовиднаго. Не рѣдки на старыхъ иконахъ примѣры такого перстосложенія, въ которомъ указательный и большой средній персть сложены крестовидно (какъ теперь въ именованномъ перстосложеніи), а палець и два послѣдніе перста соединены вмѣстѣ, плотно или не плотно. Православные принимаютъ это перстосложеніе за близкое къ именованному, раскольники—за двуперстное; на самомъ дѣлѣ со всею вѣроятностію должно видѣть въ немъ древнее перстосложеніе крестовидное.

Мы замѣчали выше, что перстосложенныя руки на иконахъ по своему происхожденію и первоначальному значенію не суть руки благословляющія или молебныя, за каковыя онѣ начали быть принимаемы въ позднѣйшее время, а нѣчто другое. Закончимъ нашу статью рѣчами объ этомъ.

По своему происхожденію и первоначальному значенію перстосложенныя руки на иконахъ составляютъ символъ или условный, принятый иконописцами, знакъ того, что лица, изображаемыя на иконахъ съ такими руками (Спаситель или какой-либо святой) говорятъ (благовѣствуютъ, проповѣдуютъ), т.-е. должны быть представляемы нами какъ говорящія (благовѣствующія, проповѣдующія).

Обычай употреблять перстосложенныя руки какъ символъ или условный знакъ того, что изображаемое лицо должно быть представляемо говорящимъ, или обычай изображать говорящія лица съ перстосложенными руками введенъ еще живописцами дохристіанскими и взятъ ими съ живой дѣйствительности. Ораторы греческіе и римскіе, восходя на каедру, приглашали слушателей къ молчанію и вниманію и вмѣстѣ привѣтствовали ихъ посредствомъ поднятія и потрясанія перстосложенной руки, а равнымъ образомъ и во время самаго произнесенія рѣчей жестикулировали посредствомъ разнообразнаго перстосложенія *). Сохранились до настоящаго времени списки клас-

*) Каковой обычай явился у ораторовъ, нѣтъ сомнѣнія, потому, что и въ обыкновенной жизни при какихъ-нибудь усиленныхъ, особенно оживленныхъ, рѣчахъ люди потрясаютъ перстосложенной рукой, а равнымъ образомъ и подаютъ знакъ къ молчанію среди шума если не перстосложенно, то просто поднятой рукой. Что касается до привѣтствія посредствомъ поднятія перстосложенной руки, то сравнивай употребленіе этого жеста въ настоящее время нашими военными. Объ обычаяхъ ораторовъ греческихъ и римскихъ предварять свои рѣчи поднятіемъ и потрясеніемъ перстосложенныхъ рукъ, равно какъ и о жестикуляціи посредствомъ разнообразнаго перстосложенія во время самаго произнесенія рѣчей, нарочито и довольно подробно говоритъ Квинтиліанъ въ своемъ сочиненіи *De institutione oratoria*,—lib. XI, cap. III,—*De pronuntiatione*, затѣмъ мимоходомъ и не нарочно говорятъ: Персей въ своихъ сатирахъ, sat. IV, de Alcibiade, v. 7, Апулей въ своихъ *Метаморфозахъ* или *De augeo asino*,—lib. II, cap. XXI, и другіе (Цицеронъ въ своемъ специальномъ сочиненіи *De oratore*, не говоря подробно, дѣлаетъ общее наставленіе о сообразованіи перстовъ руки, причѣмъ разумѣетъ различныя перстосложенія, съ содержаніемъ рѣчи,—lib. III, cap. 59). Простертіе руки и потрясаніе рукой, о которыхъ говорится въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ (XII, 17, XIII, 16, XIX, 33, XXI, 40, XXVI, 1), какъ знакахъ приглашенія къ молчанію, суть именно тѣ самыя ораторскія поднятіе руки и потрясаніе рукой, о которыхъ мы говоримъ (что по-русски переведено: „давъ знакъ рукою, далъ знакъ рукою“, по-гречески: *καταθείσας, καταβύσας τῆ χειρὶ, τὴν χεῖρα*). И въ позднѣйшее время, у ораторовъ христіанскихъ было въ обычаяхъ протягивать руку передъ началомъ рѣчей, см. напр. свидѣтельство грамматика Коринпа объ импер. Іустинѣ,—у *Гретзера* Т. I, p. 368 нач. (по

сических или языческих произведений, украшенных миниатюрами, на которых лица говорящая изображены съ поднятыми и перстосложенными руками совершенно такъ, какъ это на иконахъ и вообще на живописныхъ изображеніяхъ христіанскихъ: Мартини въ своемъ Словарѣ указываетъ на творенія Гомера, находящіяся въ Миланской амбросіанской бібліотекѣ, и на Энеиду Виргилія, находящуюся въ Ватиканской бібліотекѣ (подъ сл. *Bénir*, p. 85, col. 1); мы съ своей стороны можемъ указать на рукопись твореній Діоскорида, находящуюся въ Вѣнской императорской бібліотекѣ, рисунки которой напечатаны у Ламбеція и у Несселя въ Описаніи рукописей бібліотеки *). Извѣстны примѣры поднятыхъ и перстосложенныхъ рукъ на произведеніяхъ и скульптурныхъ **).

нынѣшнему чину крещенія, оглашаемый отрицается сатаамъ, „горѣ руцѣ имущѣ“, но Кирилль Іерусалимскій говоритъ объ этомъ: „слышишь повелѣніе, съ рукою простертою, какъ бы присутствующему, сказать ему: *отрицаюсъ тебя, сатаамъ*“, — тайноводств. сл. 1, § 4).—Для соображеній относительно разнообразнаго перстосложенія, которое находимъ на древнихъ памятникахъ христіанской иконографіи, считаемъ не неумѣстнымъ перечислить тѣ виды перстосложенія, которые извѣстны намъ какъ обычные ораторскіе жесты. У Квинтилиана въ качествѣ таковыхъ жестовъ указываются слѣдующіе виды перстосложенія: 1. Малый середній перстъ соединялся съ пальцемъ (подгибался подъ палець), остальные три перста протягивались (*medius digitus*, — изъ двухъ среднихъ перстовъ разумѣется именно малый середній, *in pollicem contrahitur, explicitis tribus*); объ этомъ перстосложеніи Квинтилианъ говоритъ, что оно есть наиболѣе употребительное, приличествуетъ въ началѣ рѣчи, а при дальнѣйшемъ произношеніи послѣдней—въ повѣствованіяхъ, порицаніяхъ и обвиненіяхъ; 2. два середніе перста подгибались подъ палець, а указательный и мизинець протягивались; объ этомъ перстосложеніи Квинтилианъ говоритъ, что оно есть жестъ болѣе настоятельный, чѣмъ предшествующій, въ началѣ рѣчей и при повѣствованіяхъ не идущій; 3. три послѣдніе перста пригибались къ ладони, палець прижимался къ нимъ, а указательный протягивался; по Квинтилиану, это—жестъ для порицанія и для указанія; 4. четыре первые перста слегка соединялись своими концами (а мизинець протягивался?); 5. малый середній перстъ и мизинець пригибались къ ладони, большой середній и указательный протягивались, палець прижимался къ двумъ послѣднимъ; 6. четыре перста слегка наклонялись, палець сгибался внутрь; 7. малый середній перстъ наклонялся (остальные протягивались?); 8. указательный перстъ упирался въ ноготь пальца съ боку, остальные персты протягивались разъединенно или сжато; 9. все персты пригибались, а палець отгибался въ сторону. Апулей говоритъ объ употреблявшемся ораторами перстосложеніи, въ которомъ два послѣдніе перста пригибались, а два первые и палець протягивались, при чемъ палець оттопыривался (отводился назадъ или въ сторону).

*) У перваго t. II, edition. alterae pp. 185 и 183, у втораго—t. I, pars III сначала.

**) Кортюмъ въ примѣчаніяхъ къ своему нѣмецкому переводу Павла Силенціарія указываетъ такихъ примѣровъ нѣсколько (прим. 56; переводъ при-

Что въ христіанской иконографіи перстосложенныя руки первоначально употреблялись съ тѣмъ же значеніемъ, съ какимъ онѣ употреблялись въ иконографіи дохристіанской, на это мы имѣемъ и словесныя свидѣтельства и свидѣтельства памятниковъ. Павелъ Силенціарій въ своемъ описаніи Юстиніановой св. Софіи говоритъ объ изображеніи Спасителя на одной изъ алтарныхъ завѣсъ, что Онъ представляется (изображенъ) протягивающимъ персты правой руки, какъ вѣщающій (въ знакъ того, что вѣщаетъ) присноживой глаголь, (а) въ лѣвой рукѣ имѣющимъ книгу, которая вѣдаетъ (содержитъ) божественныя глаголы (т. е. евангеліе *). Въ Вѣнской императорской библіотекѣ находится отрывокъ написаннаго въ IV—V вѣкѣ Пятокнижія Моисеева, украшеннаго миниатюрами, которыхъ сохранилось 24 и которыя всѣ воспроизведены у Ламбеція и у Несселя **). На миниатюрахъ этихъ, представляющихъ текстъ Пятокнижія въ лицахъ, очень не малое количество перстосложенно протянутыхъ рукъ, и нѣкоторыя изъ нашихъ рукъ, устраняя предположеніе, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ волею живописца, который ветхозавѣтнымъ лицамъ усвоилъ христіанскій образъ благословенія и молитвы, съ неоспоримою ясностію показываютъ, что онѣ не суть руки благословляющія или молебныя, а руки служащія знакомъ того, что лица, которымъ онѣ принадлежатъ, изображены какъ говорящія или должны быть принимаемы за говорящихъ, ибо видѣтъ въ большей части этихъ нѣкоторыхъ рукъ руки благословляющія или молебныя было бы несообразностію ***), а въ одной

ложенъ къ извѣстному изданію Зальценберга *Alt-christliche Baudenkmale von Constantinopel*, см. также Таблицы къ Исторіи древняго искусства *Panagari (Παναγες διὰ τὴν Ἱστορίαν τῆς ἀρχαίας καλλιτεχνίας)*,—табл. 8 № 3, табл. 9 № 4, табл. 11 № 5, и табл. 12 № 2. Въ знаменитой группѣ Лаокоона одинъ изъ сыновей Лаокоона изображенъ съ поднятой и перстосложенной рукой въ знакъ того, что онъ говоритъ, жалуется на боль, отцу.

*) Подлинныя слова: Спаситель изображенъ такъ, что *ἔοικε δὲ δάκτυλα τίπειν δεξιτερῆς, ἅτε μὶθον ἀειζῶοντα παραύσκων, λαίη βίβλον ἔχων ζαθέων ἐπίσταρα μύθων*,—*Патрол. Миня*, t. 86, pars posterior, col. 2149, vers. 776.

**) У перваго—t. III, pp. 3—29, у втораго—t. I, pars I. pp. 55—102.

***) Изображены Исавъ и Иаковъ, изъ которыхъ первый продаетъ второму свое первенство; Исавъ съ протянутой перстосложенно рукой,—у Несселя р. 69: ясно, что Исавъ не благословляетъ Иакова и не молится на него, а говоритъ ему. Изображенъ Иосифъ, рассказывающій своимъ братьямъ видѣнный имъ сонъ; Иосифъ съ протянутой перстосложенно рукой,—у Несс. р. 82: ясно, что онъ не благословляетъ братьевъ и не молится на нихъ, а говоритъ имъ. Изображенъ Иосифъ въ темницѣ съ злѣбодаромъ и виночерпѣемъ, а передъ темницей—стражъ ея съ своей женой; стражъ съ женой обращены другъ къ другу съ перстосложенно протянутыми руками,—р. 87: ясно, что они разговариваютъ. Изображены братья Иосифа, стоящіе передъ нимъ послѣ того, какъ у нихъ въ мѣшкахъ найдены были деньги; Иосифъ съ перстосложенно протянутой рукой,—р. 88: ясно,

—просто кощунством *). Извѣстны примѣры древнихъ скульптурныхъ и въ собственномъ смыслѣ иконографическихъ памятниковъ, на которыхъ первоначальное значеніе перстосложенно протянутыхъ рукъ какъ символа или условнаго знака, что лица изображены говорящими, представляется яснымъ съ совершенною безспорностію **).

На перстосложенныя руки на иконахъ и вообще священныхъ изображеніяхъ начали смотрѣть какъ на руки благословляющія не ранѣе XI вѣка. Изъ XII вѣка мы знаемъ свидѣтельство, которое усваиваетъ перстосложеннымъ рукамъ послѣднее значеніе,—разумѣемъ приписку къ статьѣ „О фрязѣхъ и прочихъ латинѣхъ“, приведенную нами выше. Но въ извѣстномъ Менологіи импер. Василія Болгаробойца, относя-

что онъ говоритъ братьямъ. См. также pp. 60, 65, 71, 73, 76, 83 (особенно крайняя фигура вправо отъ зрителя), 89 и 90.

*) См. миниатюру, изображающую паденіе Лота съ дочерьми,—р. 64.— Ни одной изъ перстосложенно протянутыхъ рукъ на миниатюрахъ нельзя было бы принимать за руки молебныя, а нѣкоторыя можно было бы принимать только за руки благословляющія; но благословеніе изображается на миниатюрахъ чрезъ возложеніе благословляющимъ своей руки на голову благословляемаго,—pp. 77, 78 и 99. На нашихъ миниатюрахъ ясно видно, что и перстосложенная рука изъ облака по своему первоначальному значенію не есть рука благословляющая, а рука, служащая знакомъ того, что Богъ говоритъ (Изображено грѣхопаденіе Адама и Евы и надъ ними рука изъ облака,—р. 55; ясно, что Богъ не благословляетъ Адама и Еву за грѣхопаденіе, а обличаетъ ихъ въ немъ. Изображено изгнаніе Адама и Евы изъ рая и надъ ними рука изъ облака,—р. 56: ясно, что Богъ не благословляетъ Адама и Еву, а повелѣваетъ имъ изойти изъ рая).— Пророки, до сихъ поръ изображаемые на иконахъ съ перстосложенно протянутыми руками, собственно не благословляютъ и не молятся, а пророчествуютъ, т. е. перстосложенныя руки—знакъ того, что они изображаются пророчествующими.

**) Вотъ нѣкоторые примѣры. Барельефъ на одномъ саркофагѣ изображаетъ исцѣленіе Спасителемъ двухъ слѣпыхъ; представлены Спаситель, слѣпые и два апостола; рука Спасителя на головѣ одного изъ слѣпыхъ; одинъ изъ апостоловъ съ перстосложенно протянутой рукой, обращенной къ Спасителю: ясно, что апостоль говоритъ Спасителю, а не благословляетъ Его. Барельефъ на другомъ саркофагѣ изображаетъ исцѣленіе Спасителемъ кровоточивой; представлены Спаситель, кровоточивая и одинъ изъ апостоловъ; у Спасителя и апостола, обращенныхъ другъ къ другу, руки перстосложенно протянуты: ясно, что они разговариваютъ. На одной фрескѣ изображено обличеніе Спасителемъ отрекшагося отъ Него апостола Петра; Спаситель съ перстосложенно протянутой рукой, обращенной къ Петру: ясно, что Онъ не благословляетъ Петра, а говоритъ ему, т. е. держитъ обличительную рѣчь къ нему, см. у *Мартини* въ Словарѣ pp. 64 (второе изображеніе), 288 и 577 (Импер. Юстиніанъ поставилъ на дворѣ построенной имъ св. Софіи свою статую съ протянутой къ востоку правой рукой; по объясненію Свида, это протяженіе руки означало то, что императоръ изображенъ былъ говорящимъ къ восточнымъ народамъ,—въ Словарѣ подъ сл. *Ἰουστινιανός*).

щемся къ концу X—началу XI вѣка, руки эти еще ясно употребляются съ своимъ первоначальнымъ значеніемъ символа или условнаго знака лицъ говорящихъ (проповѣдующихъ, благовѣствующихъ)*).

*) Подъ 9 октября, къ памяти діакониссы Поплии, изображено: императ. Юліанъ сидитъ на престолѣ, предъ нимъ Поплия съ протянутой 'къ нему перстосложенной рукой; ясно, что Поплия не благословляетъ Юліана, а держитъ къ нему обличительную рѣчь (какъ это говорится въ текстѣ сказанія о ней). Подъ 8 октября, къ памяти св. Пелагіи, изображеніе епископа Нонна, сидящаго на каедрѣ съ перстосложенно протянутой рукой: въ текстѣ сказанія ясно дается знать, что епископъ представленъ, какъ занимающійся ученіемъ народа. Подъ 12 октября изображеніе 7-го вселенскаго собора; одинъ изъ епископовъ (крайній слѣва) съ перстосложенно протянутой рукой: ясно, что епископъ не благословляетъ другихъ епископовъ, а говоритъ. Подъ 29 декабря—избѣніе вилеємскихъ младенцевъ; Иродъ сидитъ на престолѣ съ перстосложенно протянутой рукой; передъ нимъ воины избиваютъ младенцевъ: конечно, ясно, что Иродъ говоритъ воинамъ, т.-е. приказываетъ имъ избивать младенцевъ (ср. тоже изображеніе у *Мартини* въ Словарѣ, р. 299, и у *Лабарта* въ *Histoire des arts industriels au moyen age*, planche V). См. еще подъ 9 и 23 сентября, подъ 25 ноября и подъ 3 декабря (къ памяти муч. Ананіи). Что перстосложенныя руки въ Менологіи не суть руки благословляющія, а служація условнымъ знакомъ лицъ говорящихъ, это совершенно ясно видно и изъ слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ: 1) рисунки Менологія, какъ и его текстъ, представляютъ одно цѣлое, произведенное въ одно время и нѣсколькими немногими лицами подъ однимъ чѣмъ-либо смотрѣніемъ; между тѣмъ перстосложеніе въ немъ не одно и то же на всѣхъ рукахъ, а разное (такowymъ, конечно, не было бы перстосложеніе для благословенія: живописцы, дѣлавшіе рисунки, изображая благословенное перстосложеніе, употреблявшееся въ ихъ время, его одно или его однообразно и изображали бы); 2) есть рисунки, на которыхъ нѣсколько лицъ представлены съ перстосложенными руками и у всѣхъ лицъ перстосложеніе разное или у каждаго лица свое особое (напр. ч. II, стрр. 17 и 35). Что касается до этого разнообразія перстосложенія, какъ условнаго знака лицъ говорящихъ: то отчасти оно заимствовано было живописцами христіанскими у живописцевъ дохристіанскихъ, которыми въ свою очередь взято съ живой дѣйствительности, представляя собою воспроизведеніе разнообразнаго перстосложенія, употреблявшагося ораторами; отчасти могло быть заимствовано ими (христіанскими живописцами) у своихъ пѣвческихъ регентовъ (доместиковъ), которые при управленіи хорами давали знать пѣвчимъ о разнообразіи пѣнія посредствомъ различнаго перстосложенія протянутой руки, см. у Дюканжа въ *Glossar. Graecit.* подъ сл. *χειρονομείν*. Въ Менологіи импер. Василія преобладаютъ два перстосложенія: двуперстное и крестовидное (впрочемъ, ясно крестовидное только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ другихъ же случаяхъ—могущее быть принимаемымъ за крестовидное или за то ораторское перстосложеніе, которое у Квинтилиана подъ № 1-мъ). О первомъ скажемъ сейчасъ ниже; что же касается до втораго, то его употребленіе въ Менологіи должно быть понимаемо такъ, что живописцы, рисовавшіе изображенія для послѣдняго, берутъ какъ символъ для обозначенія лицъ говорящихъ то перстосложеніе, которое въ ихъ время употреблялось епископами для благословенія (что именно какъ символъ, а не съ подлиннымъ значеніемъ перстосложенія для благословенія, это совершенно ясно видно изъ

А что касается до того, когда начали смотрѣть на перстосложенныя руки, какъ на руки молебныя, и когда начали изображать съ перстосложенными руками молящихся людей: то, по всей вѣроятности, это случилось не ранѣе половины XV вѣка. По крайней мѣрѣ до этой половины XV вѣка молились посредствомъ воздѣянiя рукъ *), причемъ положенiе на себѣ креста было только добавочнымъ дѣйствиемъ, предварявшимъ или заканчивавшимъ руковождѣтельную молитву **): и необходимо полагать, что до того времени молящiеся и изображались съ воздѣтыми руками ***).

Мы видѣли выше, что справедливость проклятiя на некрестящихся двумя перстами у насъ повѣряли иконами Спасителя, на которыя ссылается проклятiе, и что на иконахъ находили или дѣйствительное двоеперстiе, которое не было перстосложенiемъ для благословенiя, или же перстосложенiе для благословенiя, которое, не бывъ двоеперстiемъ, могло быть принимаемо за это послѣднее. Перстосложенiе для благословенiя, которое не было двоеперстiемъ, но могло быть принимаемо за него, было перстосложенiе крестовидное. При нѣкоторой неотчетливости изображенiя, при наклоненiи вмѣстѣ съ малымъ среднимъ перстомъ и мизинца, какъ могли складываться персты для крестовиднаго благословенiя и въ дѣйствительности, потому что при этомъ крестъ сохранялся, оно легко могло быть принимаемо за двуперстное (а если сейчасъ указанное перстосложенiе писалось такъ, что рука своимъ лицомъ была обращена внутрь, а къ наружи задомъ,—что встрѣчается весьма не рѣдко и чуть не наибольшею частiю: то оно должно было казаться двуперстнымъ, ибо сзади видны были два первые перста протянутые и два послѣднiе пригнутые, а пальца не было видно); съ другой стороны, при предзанятой мысли, что перстосложенiе должно быть двуперстнымъ, и отчетливо написанное крестовидное перстосложенiе по своей близости къ двуперстному могло быть принимаемо за послѣднее. Двуперстное перстосложенiе, которое предки наши должны были встрѣчать на иконахъ

нѣсколькихъ изображенiй, на которыхъ крестовидно перстосложенныя руки не могутъ быть принимаемы за руки благословляющiя: ч. I, стрр. 63, 104, 123, ч. II стрр. 5, 56, 58, 91).

*) См. у *Мансветова* въ сочиненiи: „Митрополитъ Кипрiанъ въ его литературной дѣятельности“ выписки изъ славянскаго устава 1409 года, стр. 83 лп., и Марка Ефесскаго Изъясненiе церковнаго послѣдованiя,—въ Писанiяхъ св. отцевъ и учителей церкви, относящихся къ истолкованiю православнаго богослуженiя, т. III, стр. 123.

**) Сfr Студiйскiй уставъ патр. Алексѣя въ Синод. ркп. по Опис. Горск. и Невостр. № 380, л. 253 об. лп., о томъ, что монахи полагали на себѣ крестное знаменiе по окончанiи поклоновъ.

***) Какъ изображаются они въ Менологiи импер. Василия.

весьма не рѣдко, было перстосложеніемъ не для благословенія, каковое перстосложеніе никогда не употреблялось для благословенія въ дѣйствительности, а однимъ изъ перстосложеній символическихъ, служившихъ къ обозначенію лицъ говорящихъ и, будучи заимствовано какъ таковое живописцами христіанскими у живописцевъ дохристіанскихъ, является на иконахъ и на скульптурныхъ изображеніяхъ съ самаго перваго времени тѣхъ и другихъ. Такъ какъ въ числѣ символическихъ перстосложеній оно занимало первое мѣсто, будучи наиболѣе часто употребляемо, то оно и должно было весьма часто встрѣчаться на иконахъ, писанныхъ до того времени, какъ перстосложеннымъ рукамъ усвоено было значеніе рукъ благословляющихъ. Но и послѣ того, какъ это послѣднее случилось, оно могло еще болѣе или менѣе долгое время писаться на иконахъ, ибо многіе иконописцы могли смотрѣть на него какъ на усвоенную традицію и механически воспроизводить его съ старыхъ. По своему происхожденію это двоеперстіе есть собственно особаго рода троеперстіе, тождественное по виду съ тѣмъ троеперстіемъ, которое употребляется у латинянъ для благословенія и въ которомъ палецъ, указательный и большой средней персты раздѣльно протянуты, а два послѣдніе перста пригнуты (близкое къ тому или то самое ораторское перстосложеніе, о которомъ говоритъ Апулей). Но это троеперстіе весьма не рѣдко изображалось такъ, что палецъ, указательный и большой средней персты протягивались не раздѣльно, а сжато, и именно—сжато двоякимъ образомъ: или такъ, что указательный и большой средней сжимались между собой (подразумѣвается—протянутые), а палецъ прижимался къ нимъ, достигая своимъ верхомъ второго отъ низа сустава указательнаго (у Квинтиліана № 5-й), или такъ, что указательный и большой средней сжимались между собой, а палецъ протягивался отдѣльно отъ нихъ, ложась на сгибъ малаго середняго перста. Въ томъ и другомъ случаѣ и выходило двуперстіе (собственно въ одно и то же время и двуперстіе и особаго вида троеперстіе *).

*) Кромѣ двуперстія, о которомъ сказали мы сейчасъ, встрѣчается двуперстіе и совершенно тождественное съ нашимъ позднѣйшимъ или съ теперешнимъ старообрядческимъ двуперстіемъ, т.-е. въ которомъ палецъ упертъ своей пушкой или своимъ концомъ въ пушки или концы малаго середняго перста и мизинца (въ Менологіи импер. Василія нѣсколько разъ, затѣмъ см. еще напр. снимки съ миниатюръ одной, относимой къ VI—IX в., греческой рукописи въ Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ за 1866 годъ, отд. I, къ стр. 86, № 6). Это двуперстіе должно быть принимаемо не за древнее молитвенное двуперстіе, употребляемое въ качествѣ символа лицъ говорящихъ, ибо послѣднее, какъ указывали мы выше, должно быть представляемо иначе, а за самостоятельный символъ или за одинъ

Дополнительныя рѣчи о перстосложеніи.

Отвѣтъ о. протоіерееу І. Г. Виноградову *).

Отказаться отъ какого-нибудь научнаго мнѣнія, которое было твердо содержимо, горячо защищаемо и долгое время проповѣдуемо, конечно, не особенно легко и не весьма пріятно. Но бываетъ, что относительно подобнаго научнаго мнѣнія становятся извѣстными новыя данныя, изъ которыхъ оказывается, что оно было ошибочно. Что остается тогда дѣлать? Какъ это ни тяжело и какъ это ни непріятно, остается разстаться съ мнѣніемъ, потому что упорствовать въ защитѣ того, что оказывается ошибочнымъ, было бы дѣломъ страннымъ и напраснымъ. Въ нашей полемикѣ съ старообрядцами сейчасъ указанное нами случилось съ мнѣніемъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, и однако полемисты наши противъ старообрядцевъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, не хотятъ сдѣлать того, что надлежало бы сдѣлать, т. е. не хотятъ отказаться отъ мнѣнія, которое оказывается ошибочнымъ.

Полемистами противъ старообрядства принимается, что употребляемое нами — православными троеперстіе древнѣе употребляемаго старообрядцами двоеперстія. На самомъ дѣлѣ оказывается, что это не такъ, — что наоборотъ двоеперстіе старѣе троеперстія. Въ моей статьѣ „О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892-й годъ, я указалъ къ прежде извѣстнымъ свидѣтельствамъ въ пользу того, что двоеперстіе старѣе троеперстія, еще одно свидѣтельство, которое окончательно рѣшаетъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Прежде извѣстныя свидѣтельства можно было понимать такъ, что двоеперстіе находилось въ употребленіи ранѣе троеперстія только на востокѣ Греціи — въ патріархатѣ антиохійскомъ, а что на западѣ — въ па-

изъ самостоятельныхъ видовъ перстосложенія, служащаго символомъ лицъ говорящихъ. Такъ какъ этого двуперстія мы не встрѣчаемъ на иконографическихъ памятникахъ дохристіанскихъ: то можно думать, что оно взято живописцами въ сравнительно позднее время отъ тѣхъ пѣвческихъ domestikовъ, о которыхъ упоминали мы выше. Что касается до его тождества съ позднѣйшимъ нашимъ и съ теперешнимъ старообрядческимъ двуперстіемъ, то, можетъ быть, послѣднее есть простая случайность, а можетъ быть — древнее молитвенное двуперстіе было переправлено у насъ на позднѣйшее именно по образцу его (символическаго иконнаго двуперстія).

*) Эта статейка была напечатана въ августовской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1893-й годъ (въ настоящее время о. протоіерей — уже покойникъ; но мы оставляемъ статью, какъ она была написана).

тріархатъ константинопольскомъ издавна находилось въ употребленіи троеперстіе. Я указаль свидѣтельство, которое ясно говоритъ, что и въ Константинополѣ двоеперстіе употреблялось ранѣе троеперстія, изъ чего будетъ слѣдовать, что во всей греческой церкви двоеперстіе предшествовало троеперстію. Противъ вновь указаннаго мною свидѣтельства и написаль о. протоіерей Виноградовъ возраженіе, помѣщенное въ 9-мъ № „Братскаго Слова“ за 1893-й годъ.

Указанное мною новое свидѣтельство относится ко второй половинѣ XII вѣка. Императоръ константинопольскій Мануиль Комнинъ завязаль сношенія съ армянскимъ католикосомъ (патріархомъ), въ надеждѣ устроить соединеніе между православными и армянами. Для переговоровъ императоръ посылаль къ католикосу одного ученаго монаха, по имени Θεоріана. Θεоріанъ, два раза ѣдившій къ армянамъ, въ 1170 и 1172 г., самъ описаль собесѣдованія о вѣрѣ, веденныя имъ съ армянами во время обѣихъ поѣздокъ. Въ описаніи собесѣдованій второй поѣздки мы и читаемъ у него слѣдующее: разъ во время бесѣды всталъ одинъ сирскій священникъ (разумѣется священникъ сирскихъ яковитовъ, которые, будучи такими же монофизитами, какъ и армяне, участвовали въ переговорахъ, для каковой цѣли яковитскій патріархъ присылаль къ армянскому католикосу епископа со священниками) и обращаясь къ нему—Θеоріану сказалъ: „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами? Не раздѣлены ли между собою персты, какъ особые одинъ отъ другаго? слѣдовательно, по вашему раздѣлены и два естества Христовы (мысль та, что если признавать два отдѣльных естества, не содѣлавшіяся единымъ естествомъ, какъ учили монофизиты, то нужно будто-бы признавать и два лица, что будетъ несторіанствомъ). Θεоріанъ (въ отвѣтъ на это) сказалъ: не знаменуя два естества Христовы такъ дѣлаемъ мы, но“... и пр. (дальнѣйшее ниже).

Что можетъ быть яснѣе этого свидѣтельства? Человѣка, посланнаго константинопольскими императоромъ и патріархомъ, представителя константинопольской церкви, спрашиваютъ: „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами“: не совершенно ли безспорно, что вопросъ значитъ: для чего вы, константинопольскіе греки, изображаете крестное знаменіе двумя перстами, и можно ли понимать его какъ-нибудь иначе? Но не желающій отказать отъ прежняго мнѣнія о. протоіерей Виноградовъ находить, что свидѣтельство вовсе неясно и что оно вовсе будто бы не доказываетъ того, что у константинопольскихъ грековъ во второй половинѣ XII вѣка было господствующимъ двоеперстіе. Однако, совершенно яснаго не могъ же превратить о. протоіерей въ совершенно или сколько-нибудь неясное,

а потому и доводы его противъ приведеннаго мною свидѣтельства отличаются полной несостоятельностью.

Прежде всего о. протоіерей обвиняетъ меня, будто изъ приводимаго мною свидѣтельства я дѣлаю неправильное заключеніе, а именно—будто я, нарушая извѣстное логическое положеніе, что отъ частнаго не дѣлается заключенія къ общему, заключаю изъ приводимаго мною свидѣтельства, что „не только въ Константинополѣ, но даже и у всѣхъ грековъ повсюду сохранялся общій обычай для крестоизображенія слагать только два перста“. Но о. протоіерей вводитъ на меня обвиненіе совсѣмъ несправедливое. Я дѣйствительно дѣлаю заключеніе, что во второй половинѣ XII вѣка и ранѣе двоеперстіе было повсюднымъ и общимъ у грековъ, но дѣлаю заключеніе вовсе не изъ одного приводимаго мною новаго свидѣтельства, а изъ совокупности всѣхъ свидѣтельствъ о двоеперстіи или изъ соединенія приводимаго мною свидѣтельства съ прежде извѣстными свидѣтельствами. Относительно прежде извѣстныхъ свидѣтельствъ о двоеперстіи, при желаніи защищать древность троеперстія, можно было настаивать на томъ толкованіи, что въ нихъ разумѣется не вся греческая церковь, а только восточная ея часть,—патріархатъ антиохійскій, а относительно части западной,—патріархата константинопольскаго, оставалось возможнымъ утверждать, что въ немъ съ давняго времени господствовало троеперстіе. Изъ приводимаго мною новаго свидѣтельства оказывается, что и въ западной части греческой церкви или патріархатѣ константинопольскомъ также было въ употребленіи двоеперстіе. Изъ соединенія новаго приводимаго мною свидѣтельства о двоеперстіи съ прежде извѣстными свидѣтельствами о немъ я и дѣлаю заключеніе, что довольно продолжительное время двоеперстіе было повсюднымъ и общимъ у грековъ, и вовсе не нарушаю, какъ несправедливо обвиняетъ меня о. протоіерей, извѣстнаго логическаго положенія, что отъ частнаго не дѣлается заключенія къ общему.

Но о. протоіерей завелъ на меня несправедливое обвиненіе совершенно безцѣльнымъ образомъ, т. е. безъ всякой пользы для себя. Положимъ, что изъ частнаго свидѣтельства о патріархатѣ константинопольскомъ я сдѣлалъ несправедливое заключеніе обо всей греческой церкви; это несправедливое заключеніе (котораго въ дѣйствительности я вовсе не дѣлалъ) было бы въ данномъ случаѣ не при чемъ (не шло бы къ дѣлу) и вопросъ собственно въ томъ: что говорить новое приводимое мною свидѣтельство о патріархатѣ константинопольскомъ? О. протоіерей находитъ, что приводимое мною новое свидѣтельство „оставляетъ очень немалое сомнѣніе въ томъ, что и въ одномъ Константинополѣ было ли употребляемо всѣми двоеперстіе“, что „на основаніи новаго свидѣтельства довольно сказать, что дву-

перстіе употребляли *нѣкоторыя* (курсивъ автора) въ Константинополѣ въ половинѣ XII вѣка и нѣтъ *никакихъ основаній* (курсивъ его же) утверждать, чтобы оно въ данное время имѣло болѣе широкое употребленіе“. Читатель знаетъ свидѣтельство, и пусть онъ судить самъ: насколько основательно и насколько справедливо понимать свидѣтельство въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какой хотѣлъ бы придавать ему о. протоіерей. Къ представителю константинопольской церкви обращаются съ вопросомъ: „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами“: кто изъ людей, не заинтересованныхъ въ томъ, чтобы отрицать силу свидѣтельства, пойметъ вопросъ такъ, что въ немъ разумѣется употребленіе двоеперстія только нѣкоторыми въ Константинополѣ, а не всѣми или по крайней мѣрѣ не большинствомъ съ представителями церкви во главѣ? Задававшему вопросъ яковитскому священнику не было никакого дѣла до нѣкоторыхъ въ Константинополѣ, для него важны были обычаи представителей церкви и послѣдовавшаго имъ большинства и онъ именно спрашиваетъ: для чего *вы изображаете* крестное знаменіе двумя перстами? Если бы двоеперстіе во времена Θεоріана не было господствующимъ въ Константинополѣ, а было употребляемо въ немъ только нѣкоторыми, то Θεоріанъ такъ бы и отвѣчалъ, т. е. что двоеперстіе употребляется въ Константинополѣ только нѣкоторыми, но не представителями церкви съ большинствомъ народа, между тѣмъ какъ онъ ясно и опредѣленно отвѣчаетъ: да, мы употребляемъ двоеперстіе (*ὄψω δροβμεν*), только соединяемъ съ нимъ не тотъ смыслъ, который ты предполагаешь.

Не останавливаясь на томъ, чтобы придавать словамъ Θεоріана указанный ограниченный смыслъ, о. протоіерей высказываетъ предположеніе, что Θεоріанъ употреблялъ для крестнаго знаменія троеперстіе, которое могло быть только принято сирскимъ священникомъ за двоеперстіе (въ слѣдствіе того, что смотрящій на крестящагося видитъ его перстосложную руку совнѣ и при этомъ сложеными два перста, — указательный и большой средній, но не видитъ, въ какомъ положеніи находится палецъ): но это предположеніе крайне несостоятельно и само по себѣ, а во всякомъ случаѣ его совершенно устраняетъ (избавляя насъ отъ необходимости показывать его несостоятельность самого по себѣ) Θεоріанъ своими ясными словами, что константинопольскіе греки употребляли двоеперстіе.

Какъ на возраженія противъ приводимаго мною новаго свидѣтельства о. протоіерей указываетъ: 1) на то, что Θεоріанъ усваиваетъ двоеперстію необычное значеніе, 2) что, говоря о двухъ перстахъ, онъ употребляетъ множественное, а не двойственное число. Если бы на основаніи сейчасъ указанныхъ возраженій о. протоіерей заявлялъ сомнѣніе въ подлинной принадлежности приводимаго мною свидѣ-

тельства Феоріану, тогда возраженія были бы для меня понятны; но такъ какъ онъ сомнѣнія не заявляетъ, то возраженія остаются для меня совершенно непонятными. Какое намъ дѣло до того, что Феоріанъ усволяетъ необычное значеніе двоеперстію и что онъ употребляетъ множественное число, а не двойственное? Для насъ важно и намъ нужно только то, что онъ совершенно ясно свидѣтельствуетъ объ употребленіи въ его время константинопольскими греками двоеперстія. Что касается до значенія, которое усвоетъ Феоріанъ двоеперстію, то онъ говорилъ священнику: „не знаменуя два естества Христовы такъ дѣлаемъ мы (изображаемъ крестное знаменіе двумя перстами), но, бывъ избавлены отъ мучительства діавола, мы научены творить противъ него ополченіе и брань, ибо руками содѣлываемъ мы правду, милостыню и прочія добродѣтели, и это есть ополченіе, а перстами, полагая на челѣ печать Христову, мы составляемъ брань, и такимъ образомъ побѣждаемъ его и съ Давидомъ благословляемъ Господа, говоря каждый: *благословенъ Господь Богъ мой, научай руки мои на ополченіе и персты моя на брань* (Пс. 148, 1),—не персть (подразумѣвается: какъ у васъ—яковитовъ), но персты“. Почему Феоріанъ не хочетъ признать, что православные выражали двумя перстами ученіе о двухъ естествахъ Иисуса Христа и даетъ двоеперстію новое толкованіе, сказать положительнымъ образомъ, разумѣется, мы не можемъ, а за вѣроятнѣйшее предполагаемъ, что онъ хотѣлъ избѣгать бесполезнаго спора съ сирскимъ священникомъ о томъ, хорошо или не хорошо выражается двоеперстіемъ православное ученіе о двухъ естествахъ Иисуса Христа*). Что касается до употребленія Феоріаномъ множественнаго числа вмѣсто двойственнаго, то пусть о. протоіерей смотритъ большія и хорошія греческія грамматики, и онъ найдетъ отвѣтъ на свой вопросъ или разрѣшеніе своего недоумѣнія.

Наконецъ, послѣдній аргументъ о. протоіеря противъ приводимаго мною новаго свидѣтельства есть тотъ, что „далеко неосновательная“ статья моя о перстосложеніи полна весьма слабыхъ заключеній, которыя я дѣлаю на основаніи однихъ предположеній. Но если бы и справедливо обвинялъ меня о. протоіерей въ томъ, что я наполнилъ свою статью весьма слабыми заключеніями: то и это нисколько не ослабляло бы силы приводимаго мной новаго свидѣтельства, потому что всѣ мои весьма слабыя заключенія нисколько не касались бы его или нисколько бы къ нему не относились. Приводя новое свидѣтельство, я только привожу его и не дѣлаю никакихъ заключеній, такъ

*) О. протоіерей находитъ въ словахъ Феоріана нескладницу; но это только придирка съ его стороны (совершенно бесполезная для его цѣлей), а на самомъ дѣлѣ въ словахъ Феоріана нѣтъ никакой нескладницы.

какъ оно не нуждается ни въ какихъ заключеніяхъ, будучи само по себѣ совершенно яснымъ *). (Отъ обвиненій въ слабыхъ заключеніяхъ, признавая ихъ несправедливыми, не считаю нужнымъ оправдываться, такъ какъ это не относится къ дѣлу).

О. протоіерей укоряетъ меня за то, что я принялъ прежнія свидѣтельства о двоеперстїи на вѣру, безъ собственной критической ихъ провѣрки и подвергаетъ ихъ своему разбору, съ цѣлю показать ихъ малозначительность. Я принялъ прежнія свидѣтельства не на вѣру, а если не дамъ въ своей статьѣ критической ихъ провѣрки, такъ потому, что не считалъ этого нужнымъ. Я не сдѣлаю этой провѣрки и теперь, чтобы опровергать разборъ о. протоіерея, потому что это повело бы меня очень далеко, а между тѣмъ для нашихъ цѣлей это вовсе не нужно **). Коль скоро мы признаемъ одно свидѣтельство Θεоріана,—а не признавать его невозможно, то для насъ однимъ этимъ свидѣтельствомъ вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія несомнѣнно рѣшается въ томъ смыслѣ, что у грековъ константинопольскихъ, а за ними и у насъ—русскихъ, двоеперстіе старѣе троеперстія или что у нихъ и у насъ первое предшествовало второму. Невозможно представлять дѣла такимъ образомъ, чтобы у грековъ константинопольскихъ послѣ первоначальнаго единперстія вошло въ употребленіе троеперстіе, чтобы троеперстіе смѣнено было двоеперстіемъ и чтобы потомъ оно опять принято было вмѣсто двоеперстія. Но не признавая возможнымъ представлять дѣло такимъ образомъ и находя, что свидѣтельства говорятъ о предшествующемъ троеперстію господствѣ у константинопольскихъ грековъ двоеперстія, необходимо, какъ это очевидно, представлять дѣло такимъ образомъ, что перво-

*) Невозможно оспаривать того, что слова Θεоріана содержатъ ясное свидѣтельство о господствѣ въ Константинополѣ во второй половинѣ XII вѣка двоеперстія. Если бы Θεоріанъ не сдѣлалъ своего особаго толкованія двоеперстія, то, можетъ быть, оставалось бы у него неяснымъ: о которомъ перстосложеніи онъ говоритъ,—для крестнаго знаменія или благословенія, такъ что желающіе могли бы разумѣть его слова о послѣднемъ: но въ своемъ особомъ толкованіи двоеперстія онъ ясно даетъ знать, что говоритъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія.

***) Укажемъ о. протоіерею примѣръ того, какъ одно и то же свидѣтельство въ глазахъ людей предубѣжденныхъ и непредубѣжденныхъ можетъ имѣть совершенно различное значеніе. Онъ—о. протоіерей, будучи водимъ желаніемъ защитить древность троеперстія, признаетъ свидѣтельство Петра Дамаскина весьма неважнымъ; а издатели греческаго Пидалиона, не имѣющіе указаннаго желанія, безъ всякихъ оговорокъ принимаютъ на основаніи свидѣтельства, что современныя Петру греки (не только антиохійскаго патріархата, а всѣ вообще) крестились двоеперстно,—2-е примѣчаніе къ толкованію 91-го правила Василія Великаго.

начальное единоперстіе смѣнилось въ Константинополѣ двоеперстіемъ и что только уже послѣ двоеперстія водворилось въ немъ троеперстіе. А если это такъ и если мы положительно знаемъ, что двоеперстіе господствовало въ Константинополѣ по крайней мѣрѣ до 1172-го года (въ которомъ Теоріанъ велъ вторыя собесѣдованія съ армянами), то изъ сего необходимо будетъ слѣдовать, что и мы—русскіе заимствовали первоначально отъ грековъ константинопольскихъ двоеперстіе.

Итакъ, совершенно ясное свидѣтельство Теоріана, что во второй половинѣ XII вѣка у грековъ константинопольскихъ господствовало двоеперстіе, нисколько не опровергнуто о. протоіереемъ Виноградovýmъ, ибо вовсе и не могло быть опровергнуто. А изъ свидѣтельства необходимо слѣдуетъ, что у грековъ константинопольскихъ, а за ними и у насъ—русскихъ, двоеперстіе старѣе троеперстія.

Но если это такъ, то я съ своимъ указаніемъ новаго свидѣтельства о двоеперстіи не нанесъ ли вреда нашей полемикѣ съ старообрядцами? Отвѣчаю на вопросъ: 1) что съ указаніемъ какого бы то ни было свидѣтельства я не могъ нанести вреда полемикѣ съ старообрядцами, 2) что во всякомъ случаѣ съ моимъ указаніемъ даннаго свидѣтельства о двоеперстіи я не нанесъ ей ни малѣйшаго вреда. Наша полемика съ старообрядцами есть защищеніе и оправданіе противъ нихъ произведеннаго патр. Никономъ исправленія церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ. Но исправленіе книгъ, чиновъ и обрядовъ, произведенное патр. Никономъ, было дѣломъ вполне законнымъ и совершенно благословнымъ; а противъ того, что вполне законно и совершенно благословно, не можетъ быть найдено свидѣтельствъ (могутъ быть найдены свидѣтельства только противъ неправильныхъ представленій о дѣлѣ, какъ это уже и случилось и о чемъ я говорилъ въ моихъ статьяхъ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, напечатанныхъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ прошлаго [подразумѣвается: 1892-го] года [и которыя читаются выше, въ первомъ отдѣлѣ]). Во всякомъ случаѣ, повторяю, я не наносу ни малѣйшаго вреда нашей полемикѣ съ старообрядцами указаніемъ своего новаго свидѣтельства о двоеперстіи. Несомнѣнно, что двоеперстіе старѣе троеперстія: но что изъ этого слѣдуетъ въ его пользу? Совершенно ничего не слѣдуетъ, напротивъ изъ этого слѣдуетъ именно то, что перстосложеніемъ для крестнаго знаменія должно быть у насъ не оно, а троеперстіе. Церковно-богослужебные чины и благочестивые христіанскіе обычаи явились не такимъ образомъ, чтобы заразъ во всей полнотѣ даны были апостолами и чтобы со времени апостоловъ они остались навсегда неизмѣнными, а такимъ образомъ, что на весьма незначительной основѣ, положенной апостолами, они постепенно слагались и образовывались, переходя отъ формы къ

формѣ, или отъ вида къ виду, и отъ объема къ объему, пока наконецъ не остановились въ образованіи, чтобы оставаться на дальнѣйшее время неизмѣнными. Такъ было съ чиномъ литургіи и съ чинами всѣхъ прочихъ общественныхъ и всѣхъ частныхъ службъ; такъ было напр. съ благочестивымъ христіанскимъ обычаемъ постовъ; такъ было и съ обычаемъ полаганія на себѣ крестнаго знаменія. Въ какой же формѣ мы должны содержать чины и обычаи,—въ какой-либо изъ формъ бывшихъ и оставленныхъ или же въ той, на которой каждый изъ нихъ остановился окончательно? Если растолковать дѣло какъ слѣдуетъ самому тупому раскольнику, то, конечно, и онъ не отвѣтитъ на вопросъ, что должно содержать чины и обычаи въ одной изъ формъ прежде бывшихъ и потомъ оставленныхъ. Возьмите чинъ литургіи: въ какомъ видѣ содержать ее сами старообрядцы,—въ томъ ли прежнемъ, какой она имѣла во 2-мъ, 4-мъ вѣкѣ и т. д., или въ томъ окончательномъ, который она получила только въ весьма недавнее сравнительно время? Они содержатъ ее, равно какъ и всѣ другія чинопослѣдованія, не въ какой-либо изъ прежде бывшихъ и потомъ оставленныхъ формъ, а въ ея окончательной формѣ. То же самое требованіе, то же самое правило или тотъ же самый законъ употреблять перстосложеніе для крестнаго знаменія не которое-либо изъ бывшихъ и оставленныхъ, а которое осталось навсегда, вполне прилагается и къ обычаю полагать на себѣ крестное знаменіе. Сначала было въ обычаѣ не перстосложеніе, а единоперстіе, потомъ сложеніе двоеперстное и наконецъ троеперстное: ясно, что мы должны содержать не двоеперстіе, которое было и оставлено, а троеперстіе, которое принято окончательно всею церковью. Двоеперстіе дѣйствительно древнѣе троеперстія, но если старообрядцы въ отношеніи къ обычаямъ настаиваютъ на этомъ положеніи, что древнѣйшее есть правильнѣйшее, такъ пусть они употребляютъ не двоеперстіе, а единоперстіе, которое несомнѣнно древнѣе двоеперстія; пусть они кладутъ на себѣ не большой крестъ, начертываемый на челѣ, груди и плечахъ, а малый, начертываемый на одномъ челѣ, ибо несомнѣнно, что второй крестъ предшествовалъ первому и былъ въ обычаѣ значительно долгое время прежде него. У насъ въ Россіи отчасти по особымъ обстоятельствамъ, отчасти случайнымъ образомъ,—что я разъясняю въ своей статьѣ о перстосложеніи, двоеперстіе не уступило мѣста троеперстію, какъ бы этому надлежало быть у насъ въ слѣдъ за греками, а и послѣ водворенія у грековъ втораго осталось господствующимъ, давъ второму только нѣкоторое мѣсто. Но это было или это случилось какъ нарушеніе того правила или взгляда (въ нарушеніе того принципа), что въ богослужебныхъ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ мы—русскіе должны быть согласны съ греками. Водясь этимъ

взглядомъ (принципомъ), патр. Никонъ предпринялъ исправленіе нашихъ богослужебныхъ чиновъ, обрядовъ и обычаевъ: водясь этимъ взглядомъ (принципомъ) и дѣлая именно то, что и должно было сдѣлать, онъ замѣнилъ у насъ двоеперстіе троеперстіемъ.

О. протоіерей не инсинуируетъ противъ меня прямо, будто свою статью о перстосложеніи я написалъ въ пользу старообрядцевъ, какъ позволилъ себѣ весьма некрасивымъ образомъ инсинуировать это противъ меня по поводу всѣхъ моихъ статей: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ другой профессиональный представитель противустарообрядческой полемики *); однако онъ говоритъ, будто „въ общемъ у меня замѣтно желаніе доказать древность употребленія двоеперстія“, т. е. будто я не просто указываю свидѣтельства, говорящія о древности двоеперстія, но намѣренно хочу и стараюсь доказать эту древность, при чемъ, конечно, дается авторомъ подразумѣвать читателю, что мою заботу составляетъ интересъ не православныхъ, а старообрядцевъ. Въ виду инсинуацій прямыхъ и непрямыхъ считаю умѣстнымъ кратко отвѣтить здѣсь на вопросъ: зачѣмъ я писалъ свои статьи: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ и въ частности—зачѣмъ я писалъ статью о перстосложеніи. Я писалъ инкриминируемыя статьи не въ интересъ старообрядцевъ, а напротивъ въ интересъ нашей православной полемики съ старообрядцами. Наша полемика съ старообрядцами основывается на церковной греко-русской археологіи. Противустарообрядческіе полемисты изучаютъ археологію какъ средство для своей цѣли; но есть у насъ профессиональные и непрофессиональные археологи, для которыхъ археологія служитъ не средствомъ, а цѣлю, которые изучаютъ ее для нея самой. безъ всякаго отношенія къ полемикѣ и безъ всякой заботы о себѣ послѣдней. Этими археологами нашими пролить въ послѣднее время на исторію богослуженія и богослужебныхъ обрядовъ новый свѣтъ, при которомъ оказывается, что наша полемика съ старообрядцами должна быть поставлена нѣсколько иначе, нежели какъ она поставлена до сихъ поръ. Такъ вотъ, указаніе необходимости нѣсколько иной постановки полемики противъ нынѣшней и показаніе, въ чемъ именно должна состоять эта иная постановка, и составляли мою цѣль при написаніи моихъ статей. Никто не станетъ отрицать возможности появленія между старообрядцами человѣка, подобнаго Андрею Денисову. Но явись такой человѣкъ, то онъ, пользуясь свѣдѣніями нашей археологіи и такъ сказать съ нашими же книгами въ рукахъ, заставилъ бы насъ измѣнить постановку полемики противъ старообряд-

*) Не затруднившійся и не стѣснившійся додумать меня мелкими выходами смѣшнаго свойства.

цевъ. Не дожидаясь, чтобы это случилось и чтобы насъ принудили къ перемѣнѣ постановки полемики, а находя по всякимъ соображеніямъ и побужденіямъ, что это гораздо лучше сдѣлать намъ самимъ, я и рѣшился написать мои статьи. Что касается въ частности до статьи о перстосложеніи и именно до указанія мною въ ней новаго свидѣтельства о двоеперстіи, то я указалъ на свидѣтельство, которое, не будъ указано мной, могло быть указано другими, съ тою цѣлю, чтобы заставить полемистовъ нашихъ отказаться отъ защиты мнѣнія, которое оказывается ошибочнымъ, такъ какъ съ этою защитою мнѣнія, оказывающагося ошибочнымъ, они становятся въ фальшивое положеніе.

Свидѣтельство Θεоріана о двоеперстіи совершенно ясно и никакъ не можетъ быть ослаблено или перетолковано. Напоминая о протоіерею о прежнихъ печальныхъ примѣрахъ упорнаго непризнаванія профессиональными противураскольничьими полемистами того, что было дознано и признано учеными, не имѣющими отношенія къ профессиональной полемикѣ *), подаемъ ему (вмѣстѣ съ другими профессиональными полемистами) нашъ искренній совѣтъ перемѣнить мнѣніе. Въ этомъ случаѣ онъ (съ другими) послѣдуетъ благому примѣру покойнаго высокопреосвященнаго Макарія, который поступалъ именно такъ, чтобы, не колеблясь и не упорствуя, отказываться отъ мнѣній, которыя оказывались ошибочными **).

P. S. Дѣлая приписку къ нашей статейкѣ, должны мы сказать, что напрасно мы жаловались на прямыя и непрямыя инсинуаціи Москвы,—что Казань, какъ случайно открыли мы, въ лицѣ своего присяжнаго полемиста далеко оставила за собою Москву. Профессоръ по каедрѣ расколовѣдѣнія въ Казанской академіи, извѣстный собесѣдователь съ раскольниками, г. Ивановскій давалъ студен-

*) Разумѣемъ непризнаваніе подлинности Стоглава, признаваніе такъ называемаго Малаго проскинитарія или Статейнаго списка Арсенія Суханова за раскольничій подлогъ, увѣренія, будто заводчики раскола были справщиками книгъ при патр. Іосифѣ.

**) А что касается до высокаго и увѣреннаго тона, который держитъ о. протоіерей въ своей статьѣ, то мы укажемъ ему на печально-поучительный примѣръ высокаго и увѣреннаго тона, который въ подобномъ случаѣ держалъ покойный Добротворскій. Въ предисловіи къ изданію Стоглава Добротворскій писалъ: „Всѣ болѣе важные вопросы о Стоглавѣ уже рѣшены; теперь никто, кромѣ самыхъ темныхъ людей, не станетъ считать его ни канонической книгой православной русской церкви, ни подлинными—неповрежденными актами самаго собора; изслѣдовано, дознано и доказано, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, что эта книга составлена кѣмъ-нибудь, можетъ быть даже членомъ Стоглаваго собора, но уже послѣ собора“ и пр. А что было за этими высокими и увѣренными рѣчами?.. Что было, про то о. протоіерей, конечно, знаетъ...

тамъ академіи въ 1897—8 учебномъ году предложеніе для кандидатской диссертациі: „Какъ поступать пастырю церкви и миссіонеру по отношенію къ расколу въ виду статей Каптерева и Голубинскаго“!!! *) Курьезно тутъ по отношенію къ тогдашнему ректору Казанской академіи, теперешнему преосвященному Волынскому Антонію, который апробовалъ предложеніе, что мои статьи печатались въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, когда онъ былъ ректоромъ Московской академіи и что, слѣдовательно, онѣ печатались съ его одобренія...

II.

О пѣсни аллилуія **).

Пѣснь или пѣсенное возглашеніе „аллилуія“ перешло вмѣстѣ съ книгою псалмовъ изъ еврейскаго богослуженія въ христіанское, нѣтъ сомнѣній, съ самаго перваго времени существованія христіанства, ибо по указанію Іоанна Богослова въ апокалипсисѣ (XIX, 1—6) и небесная церковь новозавѣтная славить Господа сею же пѣснію.

(Славянская форма слова—аллилуія есть форма греческая—*ἀλληλούια*; собственная еврейская форма есть: галелуія или съ полугласнымъ *e* гальлуія. Слово значитъ: хвалите, славьте Бога; сложено изъ двухъ словъ: галелу или гальлу—хвалите, славьте, отъ галаль—хвалить, славить, и Ія (Јаһ), что есть сокращеніе слова Іегова—Богъ)***).

У евреевъ пѣснь аллилуія была пѣснію радости и торжества, почему возглашалась преимущественно въ праздникъ пасхи (псалмы 113—118, имѣющіе въ своемъ надписаніи: аллилуія, были пѣты въ праздникъ пасхи; принимаютъ, что Спаситель по совершеніи предъ своимъ страданіемъ ветхозавѣтной пасхи и новозавѣтной тайной вечери пошелъ съ учениками на гору Елеонскую, „воспѣвъше“,—Мате. XXVI, 30, Марк. XIV, 26, именно пѣснь аллилуія). Въ западной или римской христіанской церкви пѣснь аллилуія сохранила свое еврейское значеніе пѣсни радости и торжества; почему тамъ вошло въ обычай не возглашать ее въ продолженіе великаго поста и на литургіяхъ заупокойныхъ съ другими заупокойными службами (а возгла-

*) См. протоколы засѣданій совѣта академіи, напечатанные при январской книжкѣ „Православнаго Собесѣдника“ за 1899-й годъ, стр. 19 іп.

**) Эта статья была напечатана въ майской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892-й годъ.

***) Въ древнее и старое время слово писалось у насъ различно: аллилуія, аллилугія, алле(ѣ)луія, алле(ѣ)лугія, и сокращенно (но безъ титла): аллугія (весьма часто) и аллѣя.

шать усиленно въ день пасхи и въ продолженіе пятидесятницы)*). Напротивъ, въ церкви восточной, греческой, пѣснь аллилуія получила значеніе по преимуществу пѣсни умилоствительной и покаянной, имѣющей напоминать о второмъ пришествіи Господнемъ для суда праведныхъ и грѣшныхъ и о томъ, что грѣшники должны стараться избѣгнуть осужденія посредствомъ покаянія**); почему въ греческой церкви она поется въ продолженіе всего года, но преимущественно въ великомъ постѣ, а также на службахъ заупокойныхъ.

Относительно двухъ спорныхъ между нами и старообрядцами способовъ возглашенія пѣсни аллилуія—троенія и двоенія до недавняго времени у насъ было принимаемо, что всегдашне-единственнымъ, начиная съ древняго времени, способомъ возглашенія пѣсни у грековъ было троеніе, а что двоеніе есть произвольная новизна, или наша русская или же сербская. Но по новѣйшимъ археологическимъ свѣдѣніямъ оказывается, что это не такъ, а именно—что и двоеніе есть такая же древность у грековъ, какъ и троеніе, и что оба способа возглашенія пѣсни находились у нихъ въ совмѣстномъ или одинаковомъ употребленіи до позднѣйшихъ временъ.

Какъ было съ этою двойственностію способа возглашенія пѣсни,—

*) Въ греческихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ читается между прочимъ то обвиненіе на послѣднихъ, что въ великій постъ они не кланяются кресту и не взираютъ на него, но скрываютъ его въ нѣкоторомъ темномъ мѣстѣ, обвинявъ плащаницю, а съ нимъ (скрываютъ, вмѣстѣ съ этимъ перестаютъ пѣть) и аллилуію, — что въ великую субботу, открывъ крестъ какъ бы возставшій отъ гроба, показываютъ его отъ алтаря народу и внезапно великимъ гласомъ возглашаютъ: аллилуія, вопии это все долгое время, какъ мы въ великую недѣлю пасхи: Христосъ воскресе, см. въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ А. Н. Погова, стр. 67 и другія по Указателю подъ сл. аллилуія. Въ этомъ обвиненіи говорится о дѣйствительно существующихъ у латинянъ обычаяхъ, только дѣло, намѣреннымъ или ненамѣреннымъ образомъ, нѣсколько представляется невѣрно: крестъ (вмѣстѣ съ иконами) латиняне завѣшиваютъ на пятой недѣлѣ великаго поста, а обнажая его и водвизая поклоняются ему (*denudatio et adoratio S. Crucis*) въ великую пятницу; перестаютъ пѣть аллилуію въ субботу блуднаго (*sabbato septuagesimae*), возобновляютъ пѣніе въ великую субботу (впрочемъ, въ древнее время, можетъ быть, было именно такъ, какъ представляется въ полемическихъ сочиненіяхъ; о похоронахъ аллилуіи, — *sepultura alleluiae*, совершавшихся въ субботу блуднаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Западѣ съ особымъ церковнымъ чиномъ или чинопослѣдованіемъ, см. у Дюканжа въ *Glossarium'ъ Latinitatis* подъ сл. *Allelula*). Въ древнѣйшее время, по свидѣтельству Созомена, аллилуію пѣли въ Римѣ однажды въ году, въ первый день праздника Пасхи,—Церк. Ист. кн. VII, гл. 19.

***) Вѣроятно, вслѣдствіе того, что на Востокѣ, расширяя смыслъ слова аллилуія, придавали ему значеніе: грядетъ Богъ (грядетъ Господь); хвалите Его (Симеонъ Солунскій).

такъ ли, что троеніе и двоеніе начали быть употребляемы единовременно или что прежде (сперва) которое-нибудь одно, а потомъ и другое, и если предполагать второй случай, то которое относительнымъ образомъ старѣе или первоначальнѣе: отвѣчать на эти вопросы не можемъ по отсутствію положительныхъ данныхъ. Древнѣйшія извѣстныя намъ свидѣтельства о способѣ возглашенія пѣсни, относящіяся къ концу V—половинѣ IX вѣка, говорятъ о троеніи*), и этимъ какъ будто дается намъ нѣкоторое право считать его старшимъ двоенія. Но съ другой стороны нисколько не невозможно и то, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ простою случайностію, т. е. что и относительно двоенія пѣсни аллилуія существуютъ столько же древнія свидѣтельства, какъ и о троеніи, но только пока остаются неизвѣстными намъ. Какъ бы то ни было, но начиная съ первой половины XI вѣка мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ о томъ, что у грековъ вмѣстѣ съ троеніемъ пѣсни аллилуія употреблялось и двоеніе, иначе сказать, что у нихъ находились въ одновременномъ и совмѣстномъ употребленіи обѣ формы возглашенія—и троеніе и двоеніе. Первое свидѣтельство объ употребленіи греками сугубой аллилуіи вмѣстѣ и одновременно съ трегубою находимъ въ такъ называемомъ Студійскомъ уставѣ Константинопольскаго патріарха Алексѣя, который занималъ кафедру съ 1025 по 1043 г. и уставъ котораго, бывъ перенесенъ изъ Греціи въ Россію стараніями преп. Θεодосія Печерскаго, сталъ нашимъ русскимъ Студійскимъ уставомъ**). За патріархомъ Алексѣемъ слѣдуетъ Никонъ

*) Разумѣемъ свидѣтельства: Андрея, архіепископа Кесарійскаго, жившаго, какъ принимаютъ, въ концѣ V—началѣ VI вѣка, въ 56-й главѣ его толкованія на апокалипсисъ, посвященной начальнымъ шести стихамъ 19-й главы послѣдняго; Германа, патріарха константинопольскаго, жившаго въ первой половинѣ VIII вѣка, въ его толкованіи богослуженія (впрочемъ, не несомнѣнно ему принадлежащемъ), и Теофана начертаннаго, жившаго въ первой половинѣ IX вѣка, въ стихирахъ его службы Георгію побѣдоносцу (объ этомъ послѣднемъ свидѣтельствѣ см. въ письмѣ неизвѣстнаго псковича къ защитнику двоенія пѣсни аллилуія монаху Аванасію,—въ Правосл. Собесѣдн. 1866, кн. II, стрр. 145 и 165, сѣг. Опис. синодд. ркпп. Горск. и Невостр. № 432, л. 23). Къ тремъ яснымъ древнѣйшимъ свидѣтельствамъ о троеніи пѣсни аллилуія должно быть присоединяемо четвертое, не совсѣмъ ясное, свидѣтельство Софронія, патріарха Іерусалимскаго, жившаго въ первой половинѣ VII вѣка. Въ своемъ изъясненіи церковныхъ службъ онъ говоритъ, что на литургіи послѣ апостола снимается омофоръ съ архіерея при пѣвнн послѣдняго аллилуія (*εις τὸ ἑσχατὸν ἀλληλοῦια*), и этимъ выраженіемъ „послѣдняго“ даетъ знать, что аллилуія пѣлось троекратно, а не двукратно (ибо иначе онъ сказалъ бы: при пѣвнн втораго аллилуія).

**) Объ уставѣ патр. Алексѣя см. нашей Исторіи русской церкви 1, 2, стрр. 322 и 503. Указаніе и выписки мѣсть устава, въ которыхъ предписывается возглашать „двугубную“ аллилуію, см. въ сочиненіяхъ покойнаго *И. Д. Мансеевскаго*: „О пѣсенномъ послѣдованіи“, помѣщенномъ въ Прибавленіяхъ къ творе-

черногорець, жившій во второй половинѣ того же XI вѣка, у котораго вмѣстѣ съ предписаніемъ троеить пѣснь аллилуія находимъ предписание и двоить ее въ первомъ словѣ его Тактикона *). Затѣмъ, у митрополита Кипріана, въ сохранившейся до настоящаго времени его Слѣдованной псалтири**), находимъ сугубленіе аллилуіи какъ единственный способъ возглашенія пѣсни***). Такъ какъ мы положительо знаемъ, что двоеніе аллилуіи было обычаемъ греческимъ, существовавшимъ совмѣстно съ троеніемъ: то и предположеніе, будто Кипріанъ перенесъ къ намъ новизну сербскую, конечно, неосновательно. Но изъ сопоставленія Кипріана, въ псалтири котораго находимъ сугубую аллилуію, съ его преемникомъ Фотіемъ, который въ

ніямъ свв. отцевъ 1880 г. (ч. 26), стр. 1017, „Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности“, стр. 93 и прилож. стр. XIX вѣд., „Церковный уставъ,—его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви“, стр. 165 (нашъ уставъ по древнѣйшей, дошедшей до настоящаго времени, его рукописи конца XII—начала XIII вѣка былъ извѣстенъ Андрею Денисову, который ссылается на него въ Поморскихъ отвѣтахъ,—отв. 16).

*) По Почаевскому изданію лл. 2 и 3. „На полунощницы подобаетъ пѣти исперва непорочны и на куюждо славу по ꙗ аллилуія, по трехъ же славахъ Помилуй мя, Боже, аллилуія трици“... На утренѣ на концѣ канона „сѣдалны воскресны, таже непорочны со аллилуія, гласъ 5, на конецъ Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ, и тропари непорочномъ воскресны съ гласомъ, таже аллилуія 2-жды, Слава Тебѣ, Боже, по 3-жды“.... Что выраженіе: „аллилуія 2-жды, Слава Тебѣ, Боже, по 3-жды“ должно понимать такъ, что удвоенное или двойное аллилуія надлежитъ произносить трижды или троеить съ „Слава Тебѣ Боже“, это довольно ясно и само по себѣ, а во всякомъ случаѣ это безспорнымъ образомъ объясняетъ митр. Кипріанъ, который пишетъ: „аллилуія, аллилуія (дважды), Слава Тебѣ, Боже, трижды“. Изъ снесенія Никона черногорца съ Кипріаномъ слѣдуетъ, что и его выраженіе въ данномъ мѣстѣ: „аллилуія трици“ можетъ быть понимаемо о двойной аллилуіи, утрояемой съ „Слава Тебѣ, Боже“. А что и вообще предписание богослужебныхъ книгъ: „аллилуія трижды“ не всегда и непременно должно быть разумѣемо о нашей тройной аллилуіи, но что тотъ же самый образъ выраженія употребляется и о двойной аллилуіи, утрояемой съ Слава Тебѣ, Боже, это ясно видно изъ того же митр. Кипріана, а также изъ Срятинскаго требника Гедеона Волобана, о которомъ сейчасъ ниже.

**) Въ настоящее время рукопись Московской Духовной Академіи, — фундамент. № 142.

***) Вотъ всѣ мѣста Псалтири объ аллилуіи: л. 146 об.: „слава и нынѣ, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже, 3-жды“...., „слава и нынѣ, аллилуія 3-жды“; л. 156: „аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже, 3-жды“; на оборотѣ л. 155 и на л. 156 такъ же, какъ на л. 155; л. 165: „аллилуія 3-жды“; на лл. 167, 173 об., 175 об. и 179 такъ же, какъ на л. 165; л. 893 об.: „аллилуія 3-жды, слава Тебѣ, Боже“. Ясно, что когда у Кипріана просто говорится: „аллилуія 3-жды“, то разумѣется удвоенное или двойное аллилуія, трижды произносимое съ Славою Тебѣ, Боже.

своемъ посланіи во Псковѣ повелѣваетъ тронть аллилуію, слѣдуетъ другое заключеніе, а именно—что во времена нашихъ двухъ митрополитовъ двоеніе пѣсни было преобладающимъ обычаемъ на Аеонѣ, изъ монаховъ котораго былъ Кипріанъ, а троеніе пѣсни—преобладающимъ обычаемъ въ остальной Греціи, или по крайней мѣрѣ той части этой остальной Греціи, къ которой принадлежалъ по своему происхожденію Фотій, т. е. Пелопоннесъ. На небольшомъ разстояніи отъ Кипріана († 1406) находимъ предписаніе двоить въ нѣкоторыхъ случаяхъ пѣснь аллилуія у Симеона Солунскаго († 1429) *).

Что сугубая аллилуія переходила отъ грековъ не только къ намъ-русскимъ, но и къ болгарамъ и сербамъ, это необходимо предполагать само собой, а во всякомъ случаѣ объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ болгарскія и сербскія богослужебныя книги **). А что у насъ въ Россіи сугубая аллилуія не составляла только особенности Москвы, но до позднѣйшаго времени была въ употребленіи и на Кіевѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ кіевскія или южно-русскія богослужебныя книги.

Кіевскія богослужебныя книги даютъ намъ возможность указать и то время, когда у грековъ трегубая аллилуія стала рѣшительнымъ образомъ преобладающею надъ сугубой или господствующею. Въ Срятинскомъ требникѣ Гедеона Болобана 1606 г. единственный способъ возглашенія пѣсни есть ея двоеніе или сугубленіе. А такъ какъ Гедеонъ Болобанъ приготовилъ свой требникъ для печати, нарочито исправивъ его по спискамъ греческимъ, нарочно испрошеннымъ отъ властей греческихъ (отъ патріарха александрійскаго Мелетія Пигаса въ бытность послѣдняго мѣстоблюстителемъ константинопольской патріаршей кафедр): то ясно, что въ его время трегубая аллилуія еще не преобладала у грековъ рѣшительнымъ образомъ надъ сугубой аллилуіей ***). Изъ сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что трегубая алли-

*) *Λέγουσιν ἀλληλοῦια διπλοῦν*,—въ Патрол. Миня t. 155 col. 652, ср. Мансеева: „О пѣсенномъ послѣдованіи“ стр. 1017 (Симеонъ Солунскій, многократно говорящій о пѣсни аллилуія, къ сожалѣнію, и всего только однажды говоритъ прямо, сколько разъ она должна быть возглашаема).

**) См. у преосв. Макарія въ Ист., VIII, 130, прим. 161, Труды Кіевской Духовной Академіи январскую книжку 1863 г., стрр. 40 и 42, и А. Попова Описание рукописей Хлудова, № 138, стр. 294.

***) Указаніе возглашеній аллилуіи въ требникѣ Гедеона Болобана: лл. 35 об., 70, 91 об., 104, 106 об., 111 и другіе: „аллилуія, аллилуія“; л. 248: „аллилуія, аллилуія, Слава Тебѣ, Боже, трижды“; лл. 30 об. и 106: аллилуія трижды (—щи)“. Предисловіе къ требнику, въ которомъ Гедеонъ говоритъ объ его приготовленіи къ печати, напечатано въ Москвитинѣ 1844, № 8, см. также Филарета „Обзоръ“ № 152. Полные и исправные экземпляры требника чрезвычайно рѣдки; такой экземпляръ, съ нѣкоторымъ впрочемъ количествомъ вписанныхъ листовъ

дуія получила у грековъ рѣшительное преобладаніе надъ сугубою или стала у нихъ господствующею въ продолженіе полустолѣтія отъ напечатанія Гедеономъ своего требника до предпріянія Никономъ его исправленія книгъ, иначе сказать—въ продолженіе первой половины XVII столѣтія. Впрочемъ, и ко времени Никонова исправленія книгъ, какъ узнаемъ изъ Проскинитарія Арсенія Суханова, трегубая аллилуія стала у грековъ именно только господствующею и преобладающею и была признана со стороны церковной власти за долженствующую единственно быть употребляемою, но на самомъ дѣлѣ еще не была исключительно употребляемою: Арсеній не одинъ разъ замѣчаетъ въ Проскинитаріи, что при господствѣ у грековъ троенія аллилуіи (и при голосѣ церковной власти за него одно, какъ это высказалъ ему Александрійскій патріархъ въ отвѣтъ на его вопросъ) иные у нихъ еще продолжаютъ двойть ее *).

Такимъ образомъ, исторія способа возглашенія пѣсни аллилуія состояла у грековъ въ томъ, что въ неизвѣстное намъ древнее время до конца V вѣка установились у нихъ или единовременно, или одно въ слѣдъ за другимъ, два способа возглашенія—трегубленіе и сугубленіе (при предположеніи послѣдняго случая относительно времени старшимъ должно быть признаваемо трегубленіе),—что эти два способа въ продолженіе очень долгаго времени, не менѣе какъ до начала XVII вѣка, существовали у нихъ совмѣстно (одинъ бывъ употребляемъ одними, другой другими, а иными, можетъ быть, безразлично тотъ или другой) и что въ продолженіе первой половины XVII вѣка стало у нихъ рѣшительно господствующимъ, чтобы стать затѣмъ и единственнымъ **), троеніе пѣсни ***).

находится въ бібліотекѣ Визанской Духовной Семинаріи.—Не пересматривавъ южно-русскихъ богослужебныхъ книгъ, старшихъ требника Гедеонова, мы не можемъ навѣрное сказать, что не онъ первый вводитъ въ эти книги двоеніе аллилуіи. Такъ какъ Гедеонъ исправлялъ свой требникъ по греческому требнику, свѣренному съ аеонскими списками послѣдняго (добрѣ исправленному „по древнихъ святыхъ горы требникахъ“,—предисл.), то изъ сего во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что на Аеонѣ до конца XVI в. преобладало двоеніе.

*) „Аллилуія (говорять греки) по 3-жды трижды, инии же говорятъ по 2-жды 3-жды“,—Синодальн. ркп. Проскинитарія № 574, лл. 256 и 280 (на первомъ листѣ словъ Арсенія кѣмъ-то позднѣйшимъ зачеркнуты, но такъ, что можно ихъ разобрать).

**) Если венеціанскіе евхологіи не расходятся въ отношеніи къ пѣсни аллилуія съ прочими греческими евхологіями: то въ нихъ и до сихъ поръ (у насъ подъ руками евхологіи 1869 г.) въ чинѣ погребенія священническаго не единократная аллилуія, какъ это у насъ и какъ это и въ нихъ въ чинахъ погребенія мірскаго и монашескаго, а двукратная или сугубая (*Κόπος ποικίλει με... Господь пасеть мя... Ἀλληλούια, Ἀλληλούια*, и проч.).

***) Это есть исторія собственно многа (нѣсколько) кратнаго возглашенія

У насъ русскихъ способъ возглашенія пѣсни аллилуія долженъ былъ бы имѣть ту же самую исторію, что и у грековъ, т.-е. чтобы въ продолженіе одного времени съ ними (весьма долгаго) мы употребляли или принимали оба способа возглашенія пѣсни—трегубленіе и сугубленіе и чтобы потомъ вслѣдъ за ними остались при употребленіи одного перваго. Но у насъ образовался особый взглядъ на обычаи церковные, который не допускалъ, чтобы какой-либо обычай могъ существовать въ двухъ формахъ, и по которому существованіе какого-либо обычая въ двухъ формахъ значило, что одна форма его есть правильная и православная, а другая—неправильная и еретическая. Въ слѣдствіе этого у насъ возбужденъ былъ вопросъ: который изъ двухъ способовъ возглашенія пѣсни аллилуія есть правильный и православный и который—неправильный и еретическій. Если бы случилось, что вопросъ рѣшенъ былъ въ пользу троенія, тогда мы (случайнымъ образомъ) остались бы въ согласіи съ греками

пѣсни аллилуія. Но кромѣ много (нѣсколько) кратнаго возглашенія пѣсни въ древнее время было, какъ есть и теперь, возглашеніе единократное. Относительно этого послѣдняго можемъ замѣтить, что въ древнее время оно употреблялось въ большемъ количествѣ случаевъ, нежели теперь, сгг указаннаго на стр. 198—199 сочиненія *Мансостова* въ указанныхъ тамъ мѣстахъ и еще „О пѣсенномъ послѣдованіи“ стр. 784, также *проесс. Макарія*, Ист. II, 2-го изд. стр. 254. Считаемо нужнымъ еще прибавить, что у грековъ до позднѣйшаго времени сохранялся первоначальный обычай возглашать пѣснь аллилуія неопредѣленно или произвольно многое количество разъ въ видѣ такого исключенія и какъ бы злоупотребленія, что они позволяли себѣ дѣлать это иногда, — относительно древняго времени см. у *проесса. Макарія* Ист. II, 254, относительно позднѣйшаго времени — усвоенное Иверскому архимандриту Діонисію сочиненіе противъ раскола напечатанное в. *Кантаревицъ* въ Правосл. Обзорѣніи 1888 г. № 12, прилож. стрр. 48 и 49, и Проскинитарій Арсенія Суханова, — свнод. ркп. № 574, л. 326 об.—Въ одной изъ рукописей флорентинской Лаврентіанской бібліотеки есть отрывокъ сочиненія неизвѣстнаго *Περὶ τοῦ ἀλλήλουια*, но у Бандини въ описаніи рукописей бібліотеки (*Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Mediceae Laurentianae*), T. I, p. 89, не видно, что именно говорится въ отрывкѣ. Мы не приводимъ здѣсь свидѣтельствъ въ пользу того, что вмѣстѣ съ двугубой аллилуіей у грековъ и у насъ до Стоглаваго собора, а отчасти и послѣ сего собора, употреблялась и трегубая аллилуія, потому что это не относится къ нашей цѣли. Но не приводя нарочитымъ образомъ этихъ свидѣтельствъ, укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, могущія остаться неизвѣстными специальнымъ полемистамъ. Къ древнимъ греческимъ свидѣтельствамъ, указаннымъ выше, должно быть прибавлено свидѣтельство инока Филиппа, который въ своемъ сочиненіи Діоптра, названномъ у насъ Зерцаломъ, написанномъ въ 1095 г., говорить, что ангелами наша пѣснь возглашается: „аллилуія, аллилуія, аллилуія“ (на свидѣтельство Зеркала ссылается неизвѣстный псковичъ въ посланіи къ монаху Аеанасію,—Правосл. Собесѣди. стр. 165; о самомъ Зерцалѣ см. въ Опис. свнодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* № 170). За симъ, свидѣтельство болѣе позднее, именно — одной богослужебной греческой книги, относящейся ко вре-

относительно пѣсни аллилуія; но случилось, что онъ рѣшенъ былъ у насъ въ пользу двоенія, и мы относительно пѣсни разрознились съ ними.

Мы сдѣлаемъ дополненія и поправки къ исторіи того, какъ вопросъ о способѣ возглашенія пѣсни аллилуія рѣшенъ былъ у насъ въ пользу двоенія.

Вопросъ впервые возбужденъ былъ въ Псковѣ въ правленіе митрополита Фотія. Относительно того, какъ явилось во Псковѣ разногласіе въ возглашенія пѣсни аллилуія, подавшее поводъ къ вопросу или заставившее псковичей возбудить этотъ послѣдній, съ очень большою вѣроятностію надлежитъ думать, что до предшественника Фотіева Кипріяна псковичи всѣ единообразно троили пѣснь аллилуія, но что съ полученнымъ ими отъ Кипріяна требникомъ, а вѣроятно и уставомъ или слѣдованной псалтирью, каковыя митрополитъ озаботился послать имъ, когда узналъ, что у нихъ нѣтъ церковнаго правила праваго *), перешло къ нимъ и двоеніе пѣсни. Какъ бы то ни было, но Фотій въ посланіи во Псковъ отъ 19 Августа 1419 г. отвѣчалъ псковичамъ на обращенный ими къ нему вопросъ о возглашеніи пѣсни аллилуія, что ее надлежитъ троеить или говорить трижды по трижды (утраемое аллилуія произносить три раза со Славой Тебѣ,

мени нашего митр. Фотія, посланіе котораго во Псковъ составляетъ также греческое свидѣтельство, см. ниже. Наши русскія свидѣтельства: въ кондакарѣ Московской синодальной типографіи XII—XIII вѣка: „аллѣлуія, аллелуія, аллелуія, Слава Тебѣ, Боже“, см. *Мансветова* О пѣсенномъ послѣдованіи стр. 784. Въ слѣдованной псалтири, бывшей Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, написанной въ 1481 г.: „аллилугіа, аллилугіа, аллилугіа. Слава Тебѣ, Боже“,—у *проесс. Макарія* въ Ист., VIII, 137 прим. Въ сборникѣ Волоколамскаго монастыря, нынѣ Московской Духовной Академіи, № 577, л. 212 sqq., принадлежавшемъ, какъ значится въ записяхъ на немъ, чернцу Ануфрію Исакову, ученику Діонисія Звенигородскаго, ученика преп. Іосифа Волоколамскаго, читается рядъ выписокъ о томъ, что аллилуію должно трегубить (изъ Зерцала инока Филиппа, указъ псковичей или уставъ о пѣтѣи мееимона, смъ ниже, подъ именемъ: „Теодоритъ о трегубей аллилуія“, и изъ Андрея Кесарійскаго подъ именемъ: „Толкованіе Лаодикійскаго събора“). Въ трехъ рукописяхъ XVI в.: „аллилуія, аллилуія, аллилуія, Слава Тебѣ, Боже“, см. Опис. синодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* № 330, лл. 18 и 213, и у *проесс. Макарія* въ Ист., VIII, 140 прим. Въ рукописи бывшей Хлудова первой половины XVII вѣка: аллил., аллил., аллил., Слава Т. Б.,—*Попова* Опис. стр. 290. № 130. Вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ рукописей—свидѣтельства посланія Дмитрія Герасимова къ архіепископу Геннадію, житія Евфросинова и Стоглаваго собора (а что и въ печатныхъ книгахъ, включительно до іосифовскихъ, встрѣчается ясный приказъ троеить аллилуію посредствомъ прямо написаннаго: аллилуія, аллилуія, аллилуія, см. *проесс. Макарія* Исторію раскола, стр. 100 sqq).

*) О посылкѣ Кипріяномъ требника во Псковъ см. посланіе псковскому духовенству въ Акт. Ист., I, № 8, и въ Памятникахъ *Павлова* № 30.

Боже) *). Нельзя не пожалѣть, что Фотій, желая дать отвѣтъ псковичамъ, который бы успокоилъ и удовлетворилъ ихъ, чрезъ это ненамѣреннымъ образомъ какъ бы санкціонировалъ и призналъ нашъ русскій неправильный взглядъ на предметъ. Псковичи, спрашивая Фотія, которое изъ двухъ возглашеній пѣсни употреблять имъ, разумѣли: которое изъ двухъ возглашеній пѣсни признавать за правильное и православное и которое за неправильное, еретическое. Митр. Фотій вовсе не думалъ сказать того, чтобы одно изъ двухъ возглашеній было правильно и православно, другое—неправильно и еретическое, а понималъ вопросъ псковичей такъ, что въ возглашеніи пѣсни они желаютъ держаться единообразія, и поэтому, удовлетворяя ихъ желанію, предписываетъ къ единообразному употребленію одинъ изъ двухъ одинаково правильныхъ и православныхъ способовъ возглашенія (ибо при двухъ способахъ одинаково правильныхъ употреблять ли оба ихъ или одинъ изъ нихъ—все равно, и въ послѣднемъ случаѣ правильное нисколько не перестаетъ быть правильнымъ); но, конечно, онъ былъ понять псковичами по своему. Если бы Фотій вмѣсто того, чтобы опредѣленно предписывать псковичамъ одинъ изъ двухъ одинаково правильныхъ и православныхъ способовъ возглашенія пѣсни, предоставилъ сдѣлать выборъ имъ самимъ, прямо сказавъ, что оба способа одинаково правильны и православны: то симъ могли бы быть устранены у насъ споры объ аллилуіи, и единообразіе троенія мы усвоили бы потомъ за греками (хотя, разумѣется, не усвоили бы его ранѣе грековъ, т.е. хотя не имѣла бы мѣста такая случайность, чтобы у насъ ранѣе грековъ водворилось то именно единообразіе относительно возглашенія пѣсни, которое потомъ водворилось у нихъ). Впрочемъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что нашъ собственный взглядъ на обычай церковные восторжествовалъ бы и надъ авторитетомъ митр. Фотія и что несмотря на его ясное заявленіе, что оба способа возглашенія пѣсни аллилуія одинаково правильны и православны, у насъ въ концѣ концовъ возобладало бы то ученіе, что правилень и православенъ только одинъ способъ возглашенія, а что другой способъ есть неправильный и еретическій.

*) Въ нѣкоторыхъ изъ весьма немногихъ дошедшихъ до насъ списковъ посланія Фотіева во Псковъ съ отвѣтомъ о возглашеніи пѣсни аллилуія, приказъ митрополита тронть пѣснь передѣланъ поадѣе на приказъ двоить ее (почему Андрей Денисовъ, имѣвшій подъ руками передѣланные списки, исылается въ Поморскихъ отвѣтахъ на Фотія, какъ на повелѣвающего будто бы глаголати аллилуія по дважды). Но что Фотій повелѣваетъ тронть, а не двоить, пѣснь, это съ совершенно несомнительною ясностію открывается изъ посланій неинвѣстнаго псковича къ защитнику двоенія пѣсни монаху Аеанасію,—Правосл. Собесѣдн. 1868 г., II, 162.

Послѣ указа Фотіева и на основаніи его въ Псковѣ водворилось единообразное троеніе пѣсни аллилуія. Но спустя лѣтъ 35 отъ указа Фотіева между псковичами явился защитникъ двоенія пѣсни. Это былъ нѣкій монахъ Аѳанасій, путешествовавшій на Востокъ и представляющій собою, какъ говорили мы выше, *) по всей вѣроятности, одно и то же лицо съ тѣмъ тверскимъ іеромонахомъ Аѳанасіемъ, который по записямъ на рукописяхъ извѣстенъ какъ человѣкъ болѣе или менѣе долго жившій на Востокѣ, именно—на Аѳонѣ **). Основавъ въ псковской области монастырь (св. Николая, въ настоящее время не существующій и находившійся неизвѣстно гдѣ ***) , онъ ввелъ въ немъ обычай двоенія пѣсни аллилуія, усвоенный имъ на Аѳонѣ, какъ бывшій тамъ господствующимъ и принимавшійся имъ, въ противоположность псковичамъ, за единственно правильный и православный способъ возглашенія пѣсни. Когда псковичи узнали о явившемся среди нихъ нововводителѣ, они сильно заволновались и жестоко начали поносить его. Одинъ неизвѣстный псковичъ, принадлежавшій къ числу усердныхъ почитателей строгой монашеской жизни Аѳанасія, написалъ ему нѣсколько посланій, въ которыхъ настоятельно убѣждалъ его отказаться отъ двоенія, какъ отъ ереси, въ недавнее будто бы передъ тѣмъ время заимствованной греками отъ латинянъ, и старательно, при помощи тщательнымъ образомъ собранныхъ свидѣтельствъ, доказывалъ ему, что единственно правильный и православный способъ возглашенія пѣсни есть троеніе ****). Когда Аѳанасій, ссылаясь на примѣръ Аѳона, на Константинопольскаго патріарха Іосифа и на всѣхъ вселенскихъ патріарховъ *****), остался непреклон-

*) Стр. 7—10.

**) Іеромонаха Аѳанасія мы считаемъ, вслѣдъ за другими, тверичемъ на томъ основаніи, что въ 1436 г. онъ пожертвовалъ одну рукопись, купленную на Аѳонѣ, въ одинъ изъ тверскихъ монастырей, — *Строева* Вибліолог. Словарь, стр. 27 (монастырь, называвшійся Перемѣрой, находился близъ Твери, см. о немъ и объ его мѣстности у *В. Борзаковскаго* въ Исторіи тверскаго княжества, стрр. 40 sub fin., 210 и прим. 173). Но весьма воаможно, что онъ былъ и не тверичъ, а псковичъ, а къ монастырю тверскому имѣлъ отношенія не какъ къ монастырю своей родины, а какія либо инныя.

***) Въ надписаніи одного посланія неизвѣстнаго псковича къ Аѳанасію монастырь называется великой лаврой святаго Николы; этимъ какъ будто дается знать, что монастырь былъ довольно видный. Но, несмотря на всѣ поиски, мы не могли найти никакихъ объ немъ указаній.

****) Посланія напечатаны въ Православномъ Собесѣдникѣ 1867 г., кн. II, стрр. 140—165. Къ сожалѣнію, они дошли до насъ въ весьма неисправныхъ спискахъ.

*****) См. сейчасъ указанныя посланія. Какъ говорили мы выше стр. 7—8 Аѳанасій могъ стать сторонникомъ двоенія пѣсни аллилуія не только потому, что

нымъ, псковичи провозгласили его еретикомъ. Аеанасій обратился съ жалобой на псковичей къ архіепископу Новгородскому Еввемію (2-му, Вяжицкому, занимавшему катедру съ 1484 по 1488 г.). Но отвѣтъ архіепископа, который еще держался надлежащаго взгляда на предметъ и признавалъ одинаково правильнымъ и православнымъ какъ одинъ, такъ и другой способъ возглашенія пѣсни, не защитилъ его отъ его поносителей *). Тогда отъ архіепископа Аеанасій обратился съ жалобой къ митрополиту Іонѣ **). Митрополитъ, не рѣшая спора по существу, написалъ псковичамъ только увѣщаніе, чтобы „разногласія у нихъ въ церквахъ божіихъ и въ православной хри-

видѣлъ его господствующимъ на Аеонѣ, но и потому, что онъ могъ встрѣтить тамъ такихъ греческихъ монаховъ, которые, держась взгляда на обычаи церковные одинаковаго съ нашими предками, прямо втолковали ему, что двоеніе аллилуіи есть единственно правильный и православный способъ возглашенія пѣсни. Ссылка Аеанасія на Константинопольскаго патріарха Іосифа и на всѣхъ вселенскихъ патріарховъ, въ виду того несомнѣннаго факта, что троеніе было тогда у грековъ въ одинаковомъ употребленіи съ двоеніемъ, конечно, должна быть признана за несомнѣнную ложь, которую онъ позволилъ себѣ, желая отстоять себя съ двоеніемъ пѣсни отъ нападеній псковичей (частичнѣе и прямыя доказательства: митр. Фотій былъ именно современникомъ патр. Іосифа, и онъ приказывалъ псковичамъ тронть пѣснь аллилуія; въ Московской Синодальной библіотекѣ есть греческая тріодь, принадлежавшая, какъ видно изъ подписи на ней, митр. Фотию, и въ ней—тройная аллилуія, см. *архим. Саввы Указатель для обоарнія синодальной библіотеки, греческія рукописи, сл. Тріодь, также Описаніе греческихъ рукописей Синодальн. Библіотеки архим. Владимира, № 284 стр. 400.*

*) Сейчасъ ниже мы доказываемъ, что житіе преп. Евфросина Псковскаго есть фальсификація, въ которой данныя изъ жизни Аеанасія переносятся на Евфросина. Считаемо за совершенно вѣроятное принимать, что усвоенное авторомъ житія Евфросинова обращеніе къ архіепископу этого послѣдняго составляетъ дѣйствительный фактъ по отношенію къ Аеанасію. Только на читаемая въ житіи посланія: Евфросиново, въ дѣйствительности—Аеанасіево, къ Еввемію и Еввеміево къ Евфросину, въ дѣйствительности—къ Аеанасію, должно смотрѣть, какъ на пересочиненныя авторомъ житія. За дѣйствительный отвѣтъ Еввемія Аеанасію должно быть принимаемо то, что, по словамъ Дмитрія Герасимова въ его посланіи объ аллилуіи къ архіепископу Геннадію, судили великіе люди, когда былъ прежде споръ о пѣсни („едино обою судили“). Подъ прежнимъ споромъ должно разумѣть именно споръ псковичей съ Аеанасіемъ, потому что другаго спора прежде Дмитрія Герасимова и архіепископа Геннадія неизвѣстно (А выраженіе Герасимова: „мнѣ ся помнитъ“ должно понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ былъ очевидцемъ спора, а въ томъ, что онъ знаетъ, слышалъ, о немъ).

**) Въ одной рукописи Царскаго, № 366, л. 323, Опис. стр. 369, читается посланіе къ Іонѣ какого-то Аеанасія о называніи невѣрнымъ христіанина или еретикомъ. Мы принимаемъ, что это есть посланіе къ Іонѣ именно нашего Аеанасія.

стіанской вѣрѣ никакоже не было* *). Не успѣвъ побороть упорства Аѳанасіева, псковичи покончили дѣло тѣмъ, что написали указъ или какъ бы приговоръ, въ которомъ повелѣвается троеить пѣснь аллилуія въ честь трехъ лицъ Св. Троицы, какъ написано въ Богословѣ, т.-е. въ апокалипсисѣ Іоанна Богослова, и въ которомъ говорится, что кто двоитъ пѣснь, тотъ разлучаетъ Св. Духа отъ Отца и Сына и поетъ такъ на грѣхъ себѣ и на осужденіе **).

Такъ бывъ встрѣчена псковичами при своемъ первомъ появленіи у нихъ послѣ митр. Фотія, сугубая аллилуія мало-по-малу начала потомъ приобрѣтать между ними защитниковъ себѣ, такъ что спустя еще лѣтъ около 35 отъ ихъ похода противъ нея въ лицѣ Аѳанасія поднялись споры о ней между ними самими ***). Тогда одинъ изъ за-

*) См. посланіе Іоны къ псковичамъ въ Акт. Ист. I, № 60, стр. 108 col. 1, и въ Памятн. *Павлова*, № 90, col. 677.

**) Указъ читается въ рукописяхъ въ слѣдъ за посланіями неизвѣстнаго псковича къ Аѳанасію; напечатанъ въ Правосл. Собесѣдн. *ibidem*, стр. 165. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ онъ надписывается: „Слово лаодикійскаго собора“, каковымъ надписаніемъ, на основаніи апокалипсиса гл. 3, ст. 14—19, можетъ быть, хотѣли придать ему особенную грозность, сгг Лаодикійскаго собора слово къ полувѣрцамъ въ Описаніи сборниковъ Публичной Библіотеки *Бычкова*, I, 194 (извѣстное азбучно-грамматическое Лаодикійское посланіе, переведенное дякомъ Ѳеодоромъ Курицынымъ, какъ будто заключаетъ въ своемъ названіи ту же мысль). Читаемый въ рукописяхъ въ отдѣльномъ видѣ уставъ называется „уставомъ о пѣтви мевимона.“—*Ключевск. Житія святыхъ*, стр. 256 прим. *проесс. Макарія* Ист. VIII, 131, Опис. синодд. ркп. *Горск. и Невостр.* № 830 л. 213, стр. 741, а въ одной рукописи Волоколамскаго монастыря,—№ 577 л. 212 об. фп., онъ приводится подъ именемъ выписки изъ Ѳеодорита о трегубой аллилуіи (тогда какъ толкованіемъ Лаодикійскаго собора называется выписка объ аллилуіи изъ Андрея Кесарійскаго,—л. 213 фп.).

***) Если посланіе Дмитрія Герасимова къ архіепископу Геннадію о трегубой аллилуіи дѣйствительно составляетъ часть его посланія къ архіепископу о седьмой тысячѣ или о семи тысячахъ (*проесс. Макарія* Ист. VII, 247), то послѣднее писано въ 1491 г. (оба посланія напечатаны въ Правосл. Собесѣдн. 1861 г., кн. I). Геннадій спрашивалъ Герасимова о трегубой аллилуіи, конечно по поводу споровъ о ней, происходившихъ въ его паствѣ. Споры происходили, какъ это мы узнаемъ изъ перваго житія преп. Евфросина Пековскаго (цитата сейчасъ ниже), во Псковѣ и слѣдовательно они начались здѣсь не позднеѣ 1490 г. (замѣтимъ здѣсь кстати, что принимаемое нѣкоторыми мнѣніе, будто Герасимовъ прислалъ Геннадію посланіе изъ Рима, ни на чемъ не основано, а при этомъ предполагать, что Геннадій самъ посылалъ его въ Римъ, и совсѣмъ странно: какъ мы знаемъ изъ Павла Іовія, до 1525 г. Герасимовъ не бывалъ въ Римѣ. Изъ одной приписки въ самомъ посланіи,—объ Юрьѣ, что-то переводившемъ для Геннадія: *проесс. Макарія* Ист. VII, 248—видно, что оно писано изъ Москвы. Подъ „и здѣся“ Герасимовъ разумѣетъ Москву, а подъ „мнѣ ся помнить, что у насъ о томъ споръ бывалъ“, у него нужно разумѣть Новгородъ или Псковъ, за урожденца того или другаго изъ которыхъ онъ со всею вѣроят-

щитниковъ сугубой аллилуїи рѣшился доставить ей торжество надъ трегубою посредствомъ вымышленнаго житія одного изъ псковскихъ святыхъ и посредствомъ сочиненія сверхъестественныхъ откровеній самому себѣ,—разумѣемъ житіе преп. Евфросина псковскаго, т.-е. первое житіе неизвѣстнаго, которое потомъ литературно переработалъ и отчасти передѣлалъ священникъ Василій *), и видѣніе Божіей Матери автору житія.

Это житіе Евфросина есть ни что иное, какъ фальсификація или поддѣлка, явившаяся такимъ образомъ, что перенесены на Евфросина данныя изъ исторіи монаха Аѳанасія, о которомъ говорили мы выше.

Уже само по себѣ, безъ всякихъ положительныхъ указаній, житіе должно было бы принимать за вымыселъ. Во время юности Евфросиновой, говоритъ авторъ житія, въ Псковѣ происходили споры о пѣсни аллилуїа; эти споры возбудили въ Евфросинѣ желаніе узнать истину о нашей пѣсни, т.-е. о томъ,—троить или двоить ее, и для

ностию долженъ быть считаемо. Подъ споромъ, какъ мы сказали, должно разумѣть споръ Аѳанасія съ псковичами, а подъ тѣмъ, что судили великіе люди, должно разумѣть отвѣтъ Аѳанасію архіепископа Евеміа).

*) Что неизвѣстный авторъ написалъ, т.-е. сочинилъ, житіе Евфросина по поводу происходившихъ въ его время споровъ между псковичами о пѣсни аллилуїа и съ цѣлію положить конецъ спорамъ, объ этомъ онъ говоритъ во введеніи къ житію (котораго нѣтъ у Василія),—ркп. Ундольскаго, нынѣ въ Румянцевскомъ Музеѣ, № 306 л. 10 нач. Такъ какъ житіе извѣстно только въ одной этой рукописи, то во всѣхъ нижеслѣдующихъ цитатахъ и должна быть разумѣема она. Житіе написано не позднѣе 1510 г., ибо Псковъ, окончательно лишенный свободы Василіемъ Ивановичемъ въ январѣ сего года, называется въ немъ „землею свободною“—л. 73 об. (а что касается до того, что житіе написано не позднѣе 1504 года, то сего нѣтъ въ немъ,—должно бы было быть на л. 89, и это есть прибавка самого Василія. Въ житіи есть ссылка на мудрую Іудиею, л. 31 нач.—у Василія это по печатному въ Памятникахъ Кушелева-Безбородко, IV. 88 нач., а книга Іудиею переведена Геннадіемъ съ латинскаго для его полной библіи; но авторъ могъ читать ее ранѣе 1499 г., отъ котораго дошелъ до насъ старшій списокъ библіи, ибо переводъ всѣхъ книгъ библіи ваятыхъ съ латинскаго, сдѣланъ не позднѣе 1493 года, см. Опис. свнод. ркпп. Горск. и Велостр., № 1—3, стр. 128). Авторъ житія какъ будто былъ не монахъ, см. у Василія по печатному 108, col. 2: „искусенъ черноризецъ хочетъ быти въ немъ“, и если монахъ (но только еще не искусный черноризецъ), то не Евфросинова монастыря, ибо нигдѣ не называетъ этого монастыря нашего обителію, но всегда того или его—Евфросина обителію, и не зналъ находившагося въ монастырѣ образа Евфросинова, такъ что когда увидалъ Евфросина въ видѣніи, то пошелъ (въ монастырь) смотрѣть его образъ. Чтобы имѣлъ отношеніе къ фабрикации житія, т. е. принималъ въ ней участіе, игумень Евфросинова монастыря Памфилъ, ученикъ преп. Евфросина (извѣстный обличительнымъ посланіемъ на псковичей къ псковскимъ властямъ 1505 г.,—Допол. къ Акт. Ист. I, № 22), это представляется сомнительнымъ.

узнанія истины онъ отправился въ Константинополь къ вселенскому патріарху *). Но юность Евфросина какъ разъ падаетъ на время правленія митр. Фотія **). Съ какой же бы стати онъ пошелъ въ Константинополь къ патріарху, когда въ Москвѣ былъ представителемъ патріарха такой же грекъ, какъ и онъ самъ, и когда, не ходя въ Константинополь, онъ (Евфросинъ) могъ получить желаемый ему отвѣтъ отъ митрополита? Съ какой стати пошелъ бы онъ въ Константинополь къ патріарху, когда псковичи именно съ даннымъ вопросомъ обращались къ митрополиту и получили отъ него прямой отвѣтъ? Вообще, совершенно невѣроятно и совершенно несостоятельно было бы предполагать, чтобы въ правленіе митр. Фотія Евфросинъ или кто-нибудь другой обращался съ нашимъ или съ какимъ либо другимъ церковно-богослужебнымъ вопросомъ помимо митрополита къ патріарху, потому что этотъ обходъ митрополита былъ бы совершенно непонятенъ и ничѣмъ не могъ бы быть объясненъ.

Какъ бы то ни было, но фактъ вымысла и поддѣлки житія Евфросинова долженъ быть признаваемъ за положительный фактъ. У неизвѣстнаго защитника сугубой аллилуіи были подъ руками письма

*) По житію, Евфросинъ ходилъ въ Константинополь еще будучи юношей: см. л. 34 sqq рѣчи Евфросина посланнымъ Іова, откуда онъ навѣкъ двоить пѣснь аллилуія, въ которыхъ не говорится это прямо, но ясно дается знать, и л. 88 об., гдѣ самъ авторъ житія прямо говоритъ, что Евфросинъ ходилъ къ Царюграду, на вопросъ къ патріарху объ аллилуіи, „въ юности своей“. А Василій въ этомъ случаѣ, допуская явную хронологическую несообразность, передѣлываетъ автора житія (путешествіе въ Цареградъ юноши, псковскаго поселенина, „на вопросъ“ къ патріарху, независимо отъ всего, не особенно вѣроятно: но авторъ житія именно затѣмъ и посылаетъ Евфросина въ Царьградъ юношей, что иначе это путешествіе уже не было-бы въ самый прекрасный цвѣтъ благочестія въ Константинополѣ и задолго до его взятія Турками, какъ нужно было представлять дѣло автору).

**) Авторъ житія не сообщаетъ, въ какомъ году умеръ Евфросинъ, а относительно возраста говоритъ, что въ „глубоцѣ старости“,—л. 71. Василій, на основаніи свѣдѣній, имъ самимъ полученныхъ въ монастырѣ Евфросиновомъ, которыя онъ не выдаетъ за достовѣрныя („якоже нѣци повѣдаютъ въ него обители о немъ“) и которыя на самомъ дѣлѣ не отличаются достовѣрностію (Евфросинъ, по его словамъ, вручилъ передъ смертію игуменство Игнатію, тогда какъ на самомъ дѣлѣ игуменомъ былъ Харлампій), говоритъ, что Евфросинъ скончался въ 1481 г., будучи 95 лѣтъ отъ роду. Достовѣрно извѣстно, что Евфросинъ былъ живъ въ 1472 году и что онъ скончался не ранѣе правленія Новгородскаго архіепископа Теофила, который занималъ каяедру съ 1471 г. по 1480, см. запись на рукописи, писанной въ монастырѣ Евфросиновомъ и находящейся въ числѣ рукописей, приобретенныхъ Румянцевскимъ Музеемъ отъ Пискарова,—по каталогу Викторова № 59, и духовное завѣщаніе Евфросина въ Акт. Экспед. I, № 108. Принимая, что Евфросинъ скончался въ 1480 г., лѣтъ 90-ста, получимъ, что время 20-лѣтней юности началось для него въ 1410 г., а Фотій занималъ митрополичью каяедру съ 1409 по 1431 г.

неизвѣстнаго псковича къ монаху Аѳанасію и вообще всѣ документы, относящіяся къ спору послѣдняго съ псковичами о пѣсни аллилуія. Въ письмахъ передаются увѣренія Аѳанасія, что онъ наставленъ двоить пѣснь аллилуія отъ Константинопольскаго патріарха Іосифа, вообще отъ вселенскихъ патріарховъ и на Аѳонѣ *). Эти увѣренія вовсе не называются въ письмахъ псковича лживыми, въ нихъ только устраняется ссылка Аѳанасія на грековъ тѣмъ, что-де не должно слушать послѣднихъ, такъ какъ въ недавнее передъ тѣмъ время они будто бы отвернулись отъ истины и заразились ересями. Но у защитника двоенія аллилуія хватало настолько учености, чтобы видѣть несостоятельность этого устраненія: съ флорентійскаго собора, на которомъ греки могли и, по увѣренію автора писемъ, и дѣйствительно заразились ересями, патр. Іосифъ не возвращался (какъ о томъ говорится и въ самыхъ письмахъ). Слѣдовательно, ясно было, что Аѳанасій видѣлъ Іосифа и будто бы былъ наученъ отъ него двоить пѣснь аллилуія еще до флорентійскаго собора, иначе—еще въ добрую пору, во время непоручимости своего православія. Такимъ образомъ, у защитника двоенія пѣсни могла составиться искренняя вѣра въ то, что Аѳанасій наученъ былъ отъ патр. Іосифа двоить пѣснь аллилуія, съ признаніемъ, подразумѣвается, троенія пѣсни обычаемъ неправильнымъ и неправославнымъ, или искренняя вѣра въ то, что греки до поврежденія у нихъ православія флорентійскимъ соборомъ двоили пѣснь аллилуія, и слѣдовательно—у него могло составиться искреннее убѣжденіе, что должно двоить пѣснь. Съ этимъ искреннимъ убѣжденіемъ нашъ защитникъ двоенія пѣсни и рѣшился на фабрикацію житія преп. Евфросина и на дерзкое сочиненіе явленій Евфросина и Божіей Матери ему самому (внутренно оправдывая себя, конечно, тѣмъ, что рѣшается на ложь для доставленія торжества правому дѣлу). О монахѣ Аѳанасіи, который въ свое время провозглашенъ былъ псковичами еретикомъ, конечно, не сохранилось у нихъ никакой памяти, такъ что ссылаться на него въ защиту сугубой аллилуіи значило бы ссылаться на человѣка, который не имѣлъ въ глазахъ псковичей никакого авторитета и имя котораго было для нихъ пустымъ словомъ. Но преп. Евфросинъ былъ знаменитый подвижникъ, основавшій строго общежительный монастырь и воспитавшій учениковъ, которые основали нѣсколько подобныхъ монастырей, однимъ словомъ—былъ для области псковской почти то же, что преп. Сергій Радонежскій для области московской. Болѣе авторитетной ссылки, чѣмъ на него, не могло для псковичей уже и быть. И вотъ, желая доставить сугубой аллилуіи торжество надъ трегубою посред-

*) Правосл. Собесѣдн. стрр. 141, 142, 164.

ствомъ самаго большаго авторитета, на который только можно было сослаться предъ псковичами, нашъ защитникъ сугубой аллилуи, поставивъ Евфросина на мѣсто Аѳанасія, и сочинилъ про него, будто онъ ходилъ въ Константинополь для разузнанія истины объ аллилуи, будто наученъ былъ отъ патріарха Іосифа двоить ее, будто имѣлъ о ней горячія пренія съ псковичами и будто, не успѣвъ научить послѣднихъ истинѣ, провозглашенъ былъ отъ нихъ въ ихъ ослѣпленіи еретикомъ. Это сочиненіе или эта сочиненность житія Евфросинова ясно открывается изъ его сличенія съ письмами неизвѣстнаго псковича къ монаху Аѳанасію, на основаніи которыхъ, съ другими документами, оно сочинено. Въ общихъ чертахъ исторія преп. Евфросина совершенно одна и та же съ исторіей монаха Аѳанасія, какъ послѣдняя указывается въ письмахъ къ Аѳанасію неизвѣстнаго псковича. Евфросинъ ходилъ на Востокъ и тамъ наученъ былъ двоить пѣснь аллилуіа; по возвращеніи съ Востока онъ основалъ свой монастырь, въ которомъ и ввелъ двоеніе пѣсни; на него возстали за это псковичи и, не успѣвъ заставить его отказаться отъ двоенія пѣсни, провозгласили еретикомъ: то же самое и Аѳанасій. Двѣ совершенно тождественныя исторіи происходятъ въ одно и то же время: Евфросинъ препирался съ псковичами въ правленіе Новгородскаго архіепископа Евимія Вяжицкаго, который занималъ каѳедру съ 1434 по 1458 г.; Аѳанасій препирался съ ними (какъ это видно изъ писемъ неизвѣстнаго къ нему псковича) спустя нѣсколько лѣтъ послѣ флорентійскаго собора, имѣвшаго мѣсто въ 1438—39 году, и въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ взятія Константинополя турками, что случилось въ 1453 г. Эта совершенная одновременность двухъ совершенно тождественныхъ исторій не указываетъ ли на то, что въ двухъ исторіяхъ должно видѣть одну исторію, раздѣленную на двѣ такимъ образомъ, что съ одного лица, съ которымъ она дѣйствительно случилась, она перенесена еще на другое лицо какъ вымыселъ? Но имѣемъ частный, общій обѣимъ исторіямъ, признакъ, который окончательно убѣждаетъ насъ въ этомъ. По житію, во главѣ псковичей, возставшихъ на Евфросина за сугубую аллилуію, былъ распопа Іовъ, заправлявшій въ Псковѣ всѣми дѣлами духовными и гражданскими и прозванный отъ псковичей столпомъ, котораго Евфросинъ прозвалъ столпомъ мотыльнымъ и котораго самъ авторъ житія за сложеніе имъ съ себя священства ради втораго супружества называетъ Іудю предателемъ. Изъ писемъ неизвѣстнаго псковича къ Аѳанасію знаемъ, что во главѣ возставшихъ на послѣдняго псковичей былъ именно Іовъ и что онъ — Аѳанасію именовалъ его мотыльнымъ и Іудю *). Повидимому, между исторіей Евфросина и

*) Правосл. Собесѣдн стр. 141 нач. Этотъ Іовъ, т.-е. дѣйствительный Іовъ

исторіей Аѳанасія есть существенное частное различіе: Евфросинъ, по житію, былъ только въ Константинополѣ и ссылается только на патр. Іосифа, а Аѳанасій, по письмамъ къ нему неизвѣстнаго псковича, ссылался еще на Аѳонъ. Но почему авторъ житія умалчиваетъ объ Аѳонѣ въ отношеніи къ Евфросину, это совершенно понятно: въ своемъ монастырскомъ уставѣ Евфросинъ ясно по одному поводу даетъ знать, что онъ не бывалъ на Аѳонѣ *).

Итакъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что житіе Евфросина есть ни что иное, какъ вымыселъ, явившійся такимъ образомъ, что на него перенесена была исторія монаха Аѳанасія. Мы сказали, что авторъ житія пользовался не только письмами неизвѣстнаго псковича къ Аѳанасію, но и другими документами. Въ приложеніи къ житію помѣщено подъ именемъ Евфросинова посланіе къ псковскому духовенству („господеи нашей священникомъ събора святыхъ Троица и прочимъ, всему священническому чину“, лл. 112—117 об.), въ которомъ авторъ сильно бранитъ Іова, называя его мотыльнымъ столпомъ Іевкомъ, отметникомъ Христовымъ и вторымъ Іудею (въ ркл. л. 116 грубая описка: „отметниче Христовъ и вторенію“), и въ которомъ пространно доказываетъ, что считаетъ своимъ долгомъ слушать не ихъ—псковичей, а соборной церкви. Такъ какъ Евфросинъ не имѣлъ нужды писать псковскому духовенству, и въ житіи не говорится, чтобы писалъ; такъ какъ изъ писемъ неизвѣстнаго псковича къ Аѳа-

писемъ неизвѣстнаго псковича, нѣтъ сомнѣнія, есть тотъ священникъ Іовъ, который въ 1422 или 1425 г. приходитъ къ митр. Фотію посломъ отъ псковскаго духовенства.—Памятн. *Павл.* col. 427. Относительно прозванія его столпомъ сравн. отзывъ архіепископа Геннадія о митр. Спиридонѣ Сатанѣ: „сей чело-вѣкъ въ нынѣшняа роды бѣяше столпъ церковный, понеже измлада извыче священная писанія“. Когда авторъ житія говоритъ, что Іовъ умеръ послѣ Евфросина, т.-е. надѣляется его слишкомъ большимъ долголѣтіемъ, то очень можетъ быть, что говоритъ неправду.

*) Въ главѣ: „О подааніи (милостыни) отъ обители“: „Слышахомъ отъ самовидѣцъ, яко въ Святѣи горѣ и въ прочихъ великихъ обителии отъ древнихъ святыхъ отецъ пріяли уставъ“... (Аѳанасій былъ современникомъ Евфросина, и весьма возможно, что именно онъ былъ тѣмъ самовидцемъ, отъ котораго послѣдній имѣлъ свѣдѣнія объ Аѳонѣ). А если въ томъ же уставѣ Евфросинъ говоритъ, что „12 кошницъ (оставшихся отъ напананія Христомъ пяти тысячъ народа) и донынѣ благодатію Христовою съхранени суть въ Царѣградѣ на показаніе послѣднему роду сему“ (въ главѣ: „О потребахъ“), то это нисколько не составляетъ свидѣтельства о томъ, что Евфросинъ былъ въ Константинополѣ: о нашихъ кошницахъ говорятъ всѣ паломники константинопольскіе (паломники, которыхъ могъ читать Евфросинъ: архіепископъ Антоній, Стефанъ новгородецъ, іеродіаконъ Зосима) и объ этомъ читается въ Прологѣ и Минее подъ 11 Мая, въ сказаніи объ „обновленіи“ Константинополя, т.-е. объ основаніи его Константиномъ Великимъ.

насію мы знаємъ, что этотъ писалъ поносителныя посланія псковскому духовенству, ругая въ нихъ преимущественно Іова *) и такъ какъ въ посланіи, усвояемомъ Евфросину, дословнымъ образомъ есть то, что, по псковичу, писалъ Аѳанасій **): то мы не сомнѣваемся, что посланіе принадлежитъ не Евфросину, а этому послѣднему. Къ сожалѣнію, посланіе читается въ неоконченномъ видѣ (прерывается на полуфразѣ), причина каковой неоконченности, по всей вѣроятности, есть та, что далѣе въ посланіи говорилось нѣчто такое, что все не шло бы къ Евфросину, напр., что Аѳанасій ссылался далѣе на Аѳонъ ***). Мы сказали выше, что авторъ житія имѣлъ подъ руками посланіе Аѳанасія къ Евѳимію и отвѣтъ Евѳимія Аѳанасію и только передѣлываетъ второй изъ нихъ (усвояя первый Евфросину). Вотъ основанія для нашего предположенія. Псковичи представляются въ житіи возстающими на Евфросина за сугубую аллилуію, когда имъ былъ уже устроенъ монастырь и когда въ монастырѣ былъ уже игумень. Но самъ же авторъ житія говоритъ, что первый игумень въ монастырь поставленъ архіепископомъ Іоанномъ, л. 51 об., что есть очевидно описка вмѣсто: Іоною, а Іона былъ преемникомъ Евѳимія. Это противорѣчіе автора самому себѣ можно объяснять только такимъ образомъ, что о поставленіи игумена онъ говоритъ на основаніи ставильной грамоты послѣдняго, въ которой значилось имя архіепископа Іоны, а въ посланіяхъ удержалъ имя того архіепископа, которое въ нихъ стояло, т.-е. не переправилъ имени Евѳимія на имя Іоны ****).

*) Правосл. Собесѣдн., стр. 140—141.

**) Напр. Аѳанасій, по неизвѣстному псковичу, „и еще глаголаше (между прочимъ писалъ), яко отъ Сіона изыде законъ и слово Господне отъ Іерусалима“.—Правосл. Собесѣдн. стр. 141 фп.. Въ посланіи, усвояемомъ Евфросину „паки же мати церквамъ Сіонъ...., по пророческому Михееву слову: отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима“,—л. 114 об.

***) Изъ посланія видно, что не Аѳанасій началъ обличать псковичей за употребленіе ими троенія пѣсни аллилуія, а псковичи возстали на него за введеніе имъ въ своемъ монастырѣ двоенія. Онъ начинаетъ посланіе: „Слышу отъ многихъ, што потяжаеть (—те) мя много, паче же всѣхъ вась мотыльными столпѣ (sic) Іевко, паче же на святую и апостолску съборную церковь о аллугіи, што деи дважды глаголетъ, а не трижды, акоже самъ глаголетъ и прочіи“... л. 112.

****) Изъ житія имя Евѳимія неудачно перенесено позднѣйшею рукой и въ надписаніе Устава Евфросинова, въ которомъ говорится, что онъ написанъ по благословенію митрополита Феодосія (1461—1464) и архіепископа Евѳимія († 1458). Уставъ написанъ по благословенію митр. Феодосія и архіепископа Іоны (1458—1470), очевидно, одновременно съ поставленіемъ перваго игумена монастыря. Не знаемъ, встрѣчалъ ли авторъ житія въ находившихся у него подъ руками документахъ о спорѣ Аѳанасія съ псковичами точное указаніе времени, когда Аѳанасій былъ въ Греціи; во всякомъ случаѣ онъ могъ знать это изъ записей

Но для нашего защитника сугубой аллилуіи главное было не въ томъ, чтобы сочинить житіе преп. Евфросина, а въ томъ, чтобы сочинить явленіе Божіей Матери самому себѣ, для чего житіе преп. Евфросина было только видимымъ поводомъ и предлогомъ. Сугубая аллилуія заключаетъ въ себѣ великую тайну воскресенія Христова; тайна эта оставалась сокровенною для ветхозавѣтныхъ патріарховъ и пророковъ, а равно осталась сокровенною и для всего новоавѣтнаго сонма святыхъ мужей, такъ что не могъ и не дерзнулъ открыть ее ни одинъ вселенскій соборъ; самъ святой Евфросинъ, отъ юности посвятившій себя откровенію тайны, умеръ въ ея невѣдѣніи, такъ какъ въ Константинополѣ ему только повелѣли двоить аллилуію, но ничего не могли сказать объ ея значеніи: и вотъ, наконецъ, по молитвамъ преп. Евфросина, Божія Матерь явилась писателю житія, чтобы возвѣстить церкви Божіей отъ вѣка утаенную тайну сугубой аллилуіи. Таковымъ великимъ и такъ сказать вселенскимъ орудіемъ въ отношеніи къ великой тайнѣ сугубой аллилуіи суждено было послужить скромному псковичу, утаившему свое имя! А если бы этотъ скромный псковичъ, не надумалъ писать житіе Евфросина, то великая тайна сугубой аллилуіи и до сихъ поръ могла бы оставаться для церкви тайной *)...

На вопросъ, откуда писатель взялъ свое ученіе, будто сугубая аллилуія заключаетъ въ себѣ тайну воскресенія Христова, можетъ быть отвѣчаемо двумя предположеніями,—или что онъ былъ наведенъ на него стихирами службы св. Георгію, въ которыхъ послѣ

на книгахъ, которыя Аѳанасій вынесъ съ собою изъ Греціи; такъ, въ записи на одной книгѣ читается: „въ лѣто 6938 (1430) прекуплена бысть книга сіа ермонахомъ Аѳанасіемъ русиномъ въ святой горѣ Аѳонстѣй... въ царство греческаго царя куръ Калоуана Палеолога и при святѣйшемъ патріархѣ Константинопольскомъ куръ Іосифа (—ѣ)“.—*Строева* Библиолог. Слов. стр. 27.

*) Въ предисловіи къ разсказу о явленіи Божіей Матери писатель говоритъ (не совсѣмъ толково), что сначала онъ написалъ было дѣйствительно житіе Евфросина и что уже потомъ далъ своему сказанію тотъ видъ, который оно имѣетъ въ настоящее время (собственно сказанія о преніи Евфросина съ исковничами о сугубой аллилуіи). Но это, по всей вѣроятности, только литературный приѣмъ, имѣющій цѣлю отвѣтить на вопросъ: съ какой стати ему—писателю—явилась Божія Матерь. А когда въ другомъ мѣстѣ, въ разсказѣ о черноризицѣ Кононѣ,—у Василия по печатн. стрр. 75—76, авторъ говоритъ: „сіе же чудо преднаписахъ въ житіи святаго и поставихъ въ ряду чудесъ, (но) понеже бо тамо не исправихъ,... и сего ради здѣся паче исполнихъ“,... л. 65 об., тогда какъ въ нынѣшнемъ сказаніи нѣтъ выше рѣчей о Кононѣ: то думаемъ, что это опять есть лишь тотъ же литературный приѣмъ, имѣющій цѣлю усилить вѣру читателя, будто авторомъ дѣйствительно передѣлано житіе. Въ настоящемъ случаѣ фальшивая ссылка и неудачна, потому что преднаписать было негдѣ.

возглашенія самого аллилуія (троекратнаго) вмѣсто: Слава Тебѣ, Боже, прибавляется: „Слава Тебѣ, Христу жизнодавцу“, — „Слава Тебѣ, Христу благодѣтелю“, — „Слава Христу воскресшему“ *), или что онъ взялъ его (ученіе) у латинянъ, которые дѣйствительно возглашаютъ пѣснь аллилуія въ честь воскресшаго Христа. Можетъ-быть, вѣроятнѣе первое предположеніе, но нисколько не невѣроятно и второе: вслѣдствіе пограничности псковской области съ латинской землей авторъ могъ быть знакомъ съ ученіемъ латинянъ и онъ самъ прямо намекаетъ на это знакомство **).

Сочиненное неизвѣстнымъ ревнителемъ сугубой аллилуіи житіе преп. Евфросина не достигло той непосредственной цѣли, на которую было разсчитано, — не доставило торжества сугубой аллилуіи надъ трегубою въ Псковѣ и псковской области ***); но оно достигло другой, гораздо важнѣйшей, цѣли, на которую не было разсчитано: на основаніи его ****) Стоглавый соборъ приговорилъ: по всей русской землѣ пѣть сугубую аллилуію, а трегубую оставить, какъ латинскую ересь (гл. 42).

*) См. въ письмахъ неизвѣстнаго псковича къ Аванасію, — Правосл. Собесѣдн. стрр. 145 фп., 146 и 147 нач.

**) „Все языцы латиньстѣи, также и еретицы, глаголють вещь сію (аллилуію) овъ дважды, нѣтъ трижда, а невѣдятъ тайны ея искомыя“... у Василия въ печатн. стр. 104 фп. Двоили аллилуію именно латиняне (см. сейчасъ ниже). Ославленный писателемъ житія и благодаря ему исключенный изъ святцевъ, преп. Евфросинъ, обыкновенно, представляется человѣкомъ невѣжественнымъ. Но мы не имѣемъ ни малѣйшаго дѣйствительнаго основанія представлять его человѣкомъ невѣжественнымъ. Между тѣмъ написанный имъ для своего монастыря строго общежительный уставъ даетъ видѣть въ немъ одного изъ не особенно многочисленныхъ у насъ ревнителей истиннаго монашества и человѣка въ исторіи нашего монашества далеко нерядоваго. Въ предисловіи къ уставу Евфросинъ говоритъ, что оставилъ Снѣтогорскій монастырь, въ которомъ принялъ монашеское постриженіе, чтобы основать свой монастырь, видя свое недостоинство. Дѣйствительной причиной должно считать неудовольствіе Евфросина на ослабленіе въ Снѣтогорскомъ монастырѣ строгаго общежитія, какъ оно заведено было въ немъ по уставной грамотѣ Суздальскаго архіепископа Діонисія. Этой грамотой Евфросинъ значительно пользуется въ своемъ уставѣ.

***) Какъ свидѣтельствуетъ Стоглавый соборъ въ своемъ опредѣленіи объ аллилуіи, сообщающій, что и въ его время многіе, при чемъ слово „многіе“ должно быть разумѣемо въ смыслѣ большинства, во Псковѣ и псковской землѣ говорили трегубую аллилуію.

****) Раумѣемъ: его переработки, произведенной священникомъ Василюемъ, по просьбѣ монаховъ Евфросинова монастыря, въ 1547 г. (Какъ относились къ сугубой аллилуіи монахи Евфросинова монастыря 1547 г., остается неизвѣстнымъ. Можетъ-быть и вѣроятнѣе, что послѣ написанія имъ житія Евфросинова анонимнымъ писателемъ, они приняли ее вмѣсто трегубой аллилуіи; но не невозможно и то, что съ большинствомъ псковичей они продолжали держаться трегубой аллилуіи, а въ отношеніи къ житію ожидали суда высшей церковной власти).

Митр. Макарій подвергается сильнымъ и жестокимъ укоризнамъ за свое опредѣленіе о сугубой аллилуіи, сдѣланное на основаніи такого плохого источника, какъ житіе Евфросиново. Но мы того рѣшительнаго мнѣнія, что значительная и большая часть вины должна быть снята съ митр. Макарія и возложена на преп. Максима Грека. Мы съ полною увѣренностію думаемъ, что Макарій сдѣлалъ свое опредѣленіе о сугубой аллилуіи не столько на основаніи житія Евфросинова, сколько на основаніи слова Максимова къ смѣющимъ трици глаголати аллилуія чрезъ преданія церковнаго *), и что если онъ, ссылаясь на житіе, не ссылается на слово, то потому, что Максимъ Грекъ и всѣ тогдашніе Греки не имѣли никакого авторитета въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ. Зависимость опредѣленія Стоглаваго собора отъ слова Максимова совершенно ясна. Соборъ въ своемъ опредѣленіи утверждаетъ, будто аллилуія значитъ по-русски: слава Тебѣ, Боже: но это именно говоритъ Максимъ въ своемъ словѣ. Соборъ утверждаетъ, будто трегубая аллилуія есть латинская ересь; но это именно говоритъ Максимъ въ томъ же своемъ словѣ. До митр. Макарія у насъ въ Россіи были или находились еще, какъ это было тогда и у грековъ, въ одновременномъ употребленіи трегубая и сугубая аллилуія**). Митр. Макарій, вообще заботившійся о водвореніи у насъ единообразія въ богослуженіи и по отношенію къ пѣсни аллилуія стоявшій уже на той русской точкѣ зрѣнія, чтобы считать правильнымъ и православнымъ который либо одинъ способъ ея возглашенія, „словомъ“ Максимовымъ ошибочно былъ увѣренъ, будто тогда у грековъ находилась въ общемъ единообразномъ употребленіи сугубая аллилуія и будто бывшая у насъ вмѣстѣ съ сугубой аллилуіей трегубая аллилуія есть латинская ересь: и онъ постановилъ свое опредѣленіе, мнясь приводить русскую церковь въ согласіе съ церковію греческой и думая о послѣдней, что въ ней было такъ еще и въ древнее время, „въ добрую ея пору“ (ибо если, какъ увѣрялъ Максимъ, трегубая аллилуія есть латинскій обычай, то о греческой церкви оставалось думать, что въ ней всегда была употребляема сугубая аллилуія).

Что же думать о самомъ словѣ Максима къ смѣющимъ трици гла-

*) Въ подлинной принадлежности слова Максиму нельзя сомнѣваться, какъ и не сомнѣвается преосв. Макарій, — Ист. VIII, 139. Кромѣ нѣсколькихъ, указываемыхъ имъ, почти современныхъ рукописей, слово читается и въ соевѣмъ современной рукописи, принадлежавшей митр. Иоасафу и представляющей собою сборникъ сочиненій Максима, составленный имъ самимъ, — библиотеки Московской Духовной Академіи фундамент. № 42 (см. выше примѣч. къ стр. 172).

**) Какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуеетъ и самъ Макарій въ своемъ соборномъ опредѣленіи.

голати аллилуія чрезъ преданія церковнаго? Максимъ былъ горячій поборникъ правды, подобный древнимъ пророкамъ, къ которымъ онъ не безъ основанія и самъ себя приравнивалъ. Но и солнце не безъ пятенъ, и наше слово необходимо принимать не за иное что, какъ за малое пятно на весьма свѣтлой, въ общемъ, памяти Максима. Горячій поборникъ правды, онъ на этотъ разъ былъ ей завѣдомо невѣренъ. Въ своемъ словѣ онъ говоритъ о сугубой аллилуіи такъ, какъ будто бы въ его время она находилась у грековъ въ общемъ единообразномъ употребленіи; но это неправда: можетъ быть, въ его время трегубая аллилуія еще и не стала рѣшительно господствующею, какъ это столѣтіемъ позднѣе, но несомнѣнно, что она находилась у нихъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ же употребленіи, какъ и сугубая аллилуія *). Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто „что бо есть у насъ: слава Тебѣ, Боже, то есть у евреехъ: аллилуія“; но что онъ зналъ дѣйствительное значеніе слова аллилуія, на это мы имѣемъ положительное доказательство **). Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто троеніе аллилуіи есть обычай римской церкви; но чтобы, проживъ столько времени въ Италіи, онъ не зналъ, какъ возглашается въ римской церкви пѣснь аллилуія, и что о церкви римской вовсе нельзя сказать, чтобы ея обычай составляло троеніе пѣсни, этого невозможно предполагать ***). Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто двоенію пѣсни аллилуія во псалмоглаголаніяхъ наученъ былъ отъ ангеловъ св. Игнатій Богоносецъ, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что сказанія о наученіи ангелами Игнатія Богоносца антифонному или двуклиросному пѣнію псалмовъ онъ искажаетъ не по невѣдѣнію, а намѣренно (или намѣренно отдаетъ предпочтеніе сказаніямъ апокрифическимъ предъ сказаніями достовѣрными).

Но какъ же могло случиться, чтобы Максимъ написалъ столько омрачающее его память слово? Относительно этого необходимо или, по крайней мѣрѣ, со всею вѣроятностію должно думать слѣдующее.

*) Во времена Максима сугубая аллилуія, какъ имѣемъ основанія думать (см. выше), господствовала на Аеонѣ. Что господствовало на Аеонѣ, Максимъ и выдаетъ за господствовавшее во всей греческой церкви.

**) Въ статейкѣ: „толкованіе именъ“ Максимъ говоритъ о словѣ аллилуія: „аллилуія—хвала Богу“,—Троицк. Лаврск. ркп. № 201, л. 482.

***) Въ римской церкви нѣтъ, какъ въ церкви греческой, извѣстнаго принятаго учащенія пѣсни аллилуія, которое бы всегда употреблялось одно и то же; тамъ она возглашается пооднажды, подважды, трижды и по многу разъ,—въ каждое назначенное время богослуженія свое количество разъ, что точно и обозначается въ богослужебныхъ книгахъ (каковы: Missale или служебникъ, Breviarium, совмѣщающій въ себѣ наши уставы, слѣдованную псалтирь, миней, октоихъ и тріоди, и Antiphonarium или антифонникъ). Наиболѣ частыя возглашенія пѣсни аллилуія суть однократное и двукратное (послѣднее въ знакъ того, что человекъ приноситъ хвалу Богу душою и тѣломъ).

Въ Москвѣ въ Максимово время сугубая аллилуія если не находилась въ общемъ употребленіи, то по крайней мѣрѣ была въ употребленіи въ высшей, придворной сферѣ *); какой-нибудь весьма сановитый поборникъ сугубой аллилуіи предложилъ Максиму услужить ему своимъ перомъ, и онъ, надѣясь добиться черезъ сановника того въ отношеніи къ себѣ, чего искалъ (отпуска на родину или, по крайней мѣрѣ, свободы отъ заточенія и церковнаго отлученія) и имѣлъ слабость согласиться **)..

Общія положенія нашей полемики съ старообрядцами относительно возглашенія пѣсни аллилуія суть слѣдующія.

И трегубая и сугубая аллилуія одинаково древняго происхожденія и какъ въ одной, такъ и другой, нѣтъ ничего неправославнаго (первая въ честь Св. Троицы, вторая—въ честь двухъ естествъ Іисуса Христа); очень долгое время оба способа возглашенія пѣсни находились у грековъ въ совмѣстномъ безразличномъ употребленіи, но потомъ при водвореніи у нихъ единообразія и единства въ отношеніи къ способу возглашенія пѣсни, такимъ единообразнымъ и единымъ способомъ стало у нихъ троеніе.

Мы, русскіе, должны и сами признавали себя обязанными быть въ согласіи съ греками относительно богослуженія; слѣдовательно, и у насъ имѣло быть введено, какъ это и сдѣлалъ Никонъ, троеніе на мѣсто принятаго было у насъ (на несостоятельныхъ, указанныхъ выше, основаніяхъ) къ единообразному употребленію двоенія.

III.

. О четвероконечномъ крестѣ ***).

Когда идетъ рѣчь и рѣшается вопросъ о приемлемыхъ формахъ креста, то должно отличать: во-первыхъ, кресты или изображенія крестовъ, на которыхъ нѣтъ изображенія распятаго Спасителя или распятія, отъ крестовъ или ихъ изображеній, на которыхъ находится

*) Вел. кн. Василій Ивановичъ говорилъ на смертномъ одрѣ: „аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже“,—Собр. лѣтт. VI, 274. (А что если не въ Москвѣ, то въ ея окрестностяхъ была употребляема въ первой половинѣ XVI в. трегубая аллилуія, см. у *митр. Григорія* въ „Истинно древней церкви“, II, 2-го изд. стр. 149—150: рукопись бывшая Песношскаго монастыря, находящагося въ 25 верстахъ отъ Дмитрова).

**) Слово „къ смѣющимъ трици глаголати аллилуія“ читается въ собраніи сочиненій Максима, которое сдѣлано имъ самимъ; а это собраніе сдѣлано имъ въ 1532 г. („въ лѣтѣхъ осмыа тысящи четыредесятому лѣту наставшу“).

***) Въ нижеслѣдующихъ двухъ статьяхъ, а точнѣе говоря—статейкахъ, о четвероконечномъ крестѣ и объ имени Іисусъ. мы не ведемъ объ одномъ и о

изображеніе распятаго Спасителя или распятія; во-вторыхъ, самыя кресты отъ изображеній на нихъ распятаго Спасителя или распятія. Во второмъ случаѣ разумѣемъ то, что распятый Спаситель или распятіе обыкновенно изображается не на самомъ крестѣ, но на вторичномъ, такъ-сказать, крестѣ, который изображенъ на самомъ крестѣ (чтобы читателю были понятны наши слова, стоитъ ему только посмотрѣть на крестъ, который у него на шеѣ) и что должно отличать этотъ вторичный крестъ, принадлежащій къ распятію, отъ самаго креста.

Распятый Спаситель изображался, какъ и до сихъ поръ изображается, у Грековъ и у насъ на восьмиконечномъ крестѣ, т.-е. на крестѣ, который имѣетъ двуконечную дощечку съ надписью и двуконечподножіе *). Но что касается до крестовъ безъ изображеннаго на нихъ распятія или до самыхъ крестовъ, но не изображеннаго на нихъ распятія (второй указанный выше случай): то первые кресты (кресты безъ изображеннаго на нихъ распятія), представляющіе собою начальные кресты, которые употреблялись въ церкви, были въ древнее время крестами четвероконечными, а вторые кресты (кресты съ изображеннымъ на нихъ распятіемъ) были дѣлаемы, какъ и до сихъ поръ дѣлаются, и четвероконечными и восьмиконечными.

Послѣ того, какъ началось въ церкви почитаніе креста, очень долгое время не было изображаемо на крестахъ (письмомъ, рѣзбой, литьемъ) распятаго Спасителя или распятія, но кресты были дѣлаемы или безъ всякихъ изображеній на нихъ, съ разными лишь украшеніями, или же были изображаемы на нихъ и подъ ними только сим-

другомъ предметѣ полныхъ рѣчей, такъ какъ въ рѣчахъ этихъ нѣтъ нужды, а дѣлаемъ только то, что къ прежде извѣстнымъ свидѣтельствамъ въ пользу православія и противъ старообрядства добавляемъ нѣкоторыя новыя свидѣтельства. Полемическія книги противъ старообрядцевъ, которыя мы имѣемъ въ виду при нашихъ добавленіяхъ, суть: Бесѣды къ глаголемому старообрядцу *митр. Филарета*, Истинно древняя и истинно православная Христова церковь *митр. Григорія* и Выписки изъ старописьменныхъ, старопечатныхъ и другихъ книгъ *А. И. Озерскаго*.

*) Разумѣемъ установившуюся и ставшую обычною форму распятія. Но извѣстно довольно немалое количество распятій семиконечныхъ (при чемъ верхнее малое поперечіе или дщица съ надписью не прибита къ продольному дереву нѣсколько ниже его верхняго конца, а наложена на этотъ послѣдній, см. въ нѣмецкомъ сочиненіи *I. Stockbauer'a Kunstgeschichte des Kreuzes, Schaffhausen, 1870, Ss. 160, 165, 173, 174,* и у *Покровскаго* въ *Очеркахъ*, стр. 180 и 234, №№ 84 и 134, а въ натурѣ—на саккосѣ *митр. Фотія*, хранящемся въ Синодальной ризницѣ), и древнее, впрочемъ не греческое, а сирское, распятіе четвероконечное (при чемъ, какъ само собою разумѣется, нѣтъ дщицы съ надписью и подножія, вмѣсто котораго ноги Спасителя прибиты прямо къ продольному дереву креста,—у *Stockbauer'a* *ibid.* S. 165, у *Покровскаго* *ibid.* стр. 174, № 78).

волы Спасителя и Яго крестной смерти (агнецъ, жертвоприношеніе Авраамомъ Исаака, Иона въ чревѣ китовомъ). Прежде было принимаемо учеными, что распятый Спаситель или распятіе впервые является на крестахъ въ концѣ VII, началѣ VIII вѣка; въ настоящее время это относятъ къ болѣе раннему времени,—къ концу V, началу VI вѣка *).

Первоначальные кресты, не имѣвшіе изображенія распятаго Спасителя или распятія, несомнѣнно были въ древнее время если не исключительнымъ, то, главнымъ образомъ, крестами четвероконечными, а по своему происхожденію эти четвероконечные кресты суть кресты свѣше указанные. Въ итальянскомъ городѣ Равеннѣ **) до настоящаго времени существуетъ нѣсколько церквей, построенныхъ въ V и VI вѣкахъ, въ которыхъ до настоящаго времени остаются цѣлыми современныя ихъ построенію мозаическія изображенія. Въ числѣ этихъ изображеній есть нѣсколько крестовъ, и всѣ кресты суть кресты четвероконечные ***). Въ древнихъ церквахъ самаго Рима сохранилось нѣсколько мозаическихъ крестовъ, относящихся къ IV—IX вѣкамъ, и всѣ кресты четвероконечные ****). Въ св. Софіи и въ св. Иринѣ Константинопольскихъ были кресты четвероконечные *****). На монетахъ римско-византійскихъ императоровъ, начиная съ Валентиніана I (364—375) появляются, а съ Валентиніана III (423—455) становятся довольно обычными изображенія крестовъ. Всѣ изображенія до первой половины VIII вѣка, до импер. Льва Исавра (717—741),—а всѣхъ ихъ въ совокупности великое множество, — представляютъ исключительно крестъ четвероконечный *****).

*) См. сочиненія Н. В. Покровскаго: Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 314 sqq., и Очерки иконографіи и искусства, Спб. 1894, стр. 34, также статью А. П. Голубцова: „Изъ исторіи изображеній креста“, напечатанную въ 48-й части Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ.

**) Находящемся въ южной части сѣверной Италіи, близъ берега Адриатическаго моря, съ 404-го года бывшаго столицей римскихъ императоровъ, съ 493-го года—столицей остготскихъ королей, а съ 540-го по 752-й годъ резиденціей греческихъ эзарховъ.

***) См. снимки съ нихъ въ Очеркахъ Покровскаго, стр. 121 sqq, рисунки, 47, 48, 55, 56, 57 и 60.

****) Въ церквахъ Маріи Великой (di S. Maria Maggiore), Пуденціаны, Пракседы и Нерее и Ахиллея, видѣнные нами самими. О времени построенія церкви и о мозаикахъ въ нихъ см. книгу De Bleser'a Rome et ses monuments, guide du voyageur catholique (второе изданіе, которое имѣемъ въ рукахъ: Louvain, 1870, p. 368). Рисунки мозаики въ церкви св. Пуденціаны въ словарѣ Мюллера и Мотеса, fig. 288.

*****) См. нашей Исторіи Русской церкви I, 2, 166 (прим. 2) и 778 (къ стр. 188).

*****) См. снимки съ монетъ въ сочиненіи Джоканжа Familiae Byzantinae, Parisiis, 1860. Начиная со Льва Исавра (717—741) появляются на монетахъ

Мы сказали, что по своему происхожденію четвероконечные кресты суть кресты, указанные выше. О Константи́нѣ Великомъ извѣстно, что въ память своего троекратнаго видѣнія креста на небѣ (передъ сраженіемъ съ Максентіемъ въ 312-мъ году, во время осады Ликиніи въ Византіи въ 324-мъ году и во время похода на Скиевъ дунайскихъ незадолго до смерти, послѣдовавшей 21-го мая 337-го года) онъ поставилъ въ Константинополѣ, на его площадяхъ, три креста, сдѣланные по подобію крестовъ, видѣнныхъ имъ на небѣ *). Мы не имѣемъ описанія формы крестовъ, поставленныхъ Константиномъ въ Константинополѣ. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что императоры, принявъ для изображенія на монетахъ крестъ четвероконечный, взяли его съ образца крестовъ Константиновыхъ, ибо уклоненіе императоровъ отъ образца, даннаго Константиномъ, было бы совсѣмъ непонятно и необъяснимо **). А во всякомъ случаѣ, что кресты, видѣнные Константиномъ на небѣ, были кресты четвероконечные, это положительнымъ образомъ извѣстно намъ изъ другаго указанія. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ Константинъ видѣлъ крестъ на небѣ, приготавлиаясь къ сраженію съ Максентіемъ, ему явился во снѣ Христосъ вмѣстѣ съ показаннымъ ему на небѣ знаменіемъ креста и повелѣлъ ему устроить по подобію этого послѣдняго военное знамя, дабы пользоваться снмъ средствомъ (имъ, какъ средствомъ) отраженія нападеній вражескихъ ***). Исполняя божественное повелѣніе, Константинъ тотчасъ же приказалъ устроить военное знамя, которое бы было воспроизведеніемъ видѣннаго имъ на небѣ знаменія креста, это—такъ называемый Константиновъ лабарумъ (происхожденіе и значеніе названія котораго остаются необъясненными). Евсевій Кесса-

кресты шестиконечные, но все-таки преобладающими остаются кресты четвероконечные; что же касается до крестовъ восьмиконечныхъ, то ихъ нѣтъ на монетахъ совсѣмъ ни одного.

*) См. о сихъ крестахъ у *Дюканжа* въ сочиненіи *Constantinopolis Christiana*, lib. II, p. 176 нач., у *Гретзера* t. I, p. 256. у *Византія* въ сочиненіи *Κωνσταντινουπολις*, томъ I, стр. 429 sub fin., и у *Унгера* въ *Quellen der Byzantinischen Kunstgeschichte*, Wien, 1878, S. 158.

**) У *Бандурия* въ *Imperium Orientale*, t. 2, p. 632, напечатанъ снимокъ съ миниатюры изъ одной греческой рукописи IX вѣка, на которой представлена побѣда Константина Великаго надъ Максентіемъ: на миниатюрѣ видимый Константинъ въ небѣ крестъ есть крестъ четвероконечный, равносторонній, подобный нашимъ крестамъ орденскимъ.

***) *Ἐνταῦθα δὲ ἐπνοῦντι αὐτῷ, τὸν Χριστὸν τοῦ Θεοῦ σὺν τῷ φανέει κατ' οὐρανὸν σημεῖον ὀφθῆναι τε καὶ παρακληθῆσθαι, μίμημα πολεμάμενον τοῦ κατ' οὐρανὸν ὀφθῆντος σημείου, τοῦτ' πρὸς τὰς τῶν πολεμίων συμβολὰς ἀλεξήματι χρῆσθαι.* Крестъ на небѣ былъ Константиномъ виденъ днемъ послѣ полудня; Христосъ явился ему въ слѣдующую ночь.

рійскій, сообщающій *сейчасъ* выше указанное, сдѣлать подробное описаніе лабарума, и изъ сдѣланнаго имъ описанія узнаемъ, что деревянный станъ лабарума, который имѣлъ быть устроенъ по образу креста, видѣннаго Константиномъ на небѣ и на которомъ повѣшенъ былъ богато украшенный квадратный кусокъ матеріи или платъ, имѣлъ форму четвероконечнаго креста. *Υψυλὸν δόρυ, χρυσοῦ κατημ-φιεμένον, κέρασ ἐίχεν ἐγκάρσιον, σταυροῦ σχήματι πεποιημένον*, — Длинное копьё, одѣтое золотомъ, имѣло поперечное древко (буквально: рогъ), сдѣланное (прикрѣпленное къ копьё) въ видѣ креста: таковъ былъ деревянный станъ лабарума, представлявшій собою крестъ, сдѣланный по подобію креста, видѣннаго Константиномъ на небѣ *).

Приведемъ извѣстныя намъ письменныя свидѣтельства о почитаніи четвероконечныхъ и всякой вообще формы крестовъ, которыя не чтятся въ указанныхъ нами полемическихъ книгахъ противъ раскольниковъ.

Книга о вѣрѣ въ главѣ 9-й, о животворящемъ крестѣ, утверждаетъ, что слова ап. Павла въ посланіи къ Ефесеямъ, въ главѣ 3-й, стихѣ 18-мъ: *Да возможете разумѣти со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота*, всѣ учителя церковные разумѣютъ о крестѣ Христовомъ. Но если это такъ, то всѣ учителя, разумѣя слова апостола о крестѣ Христовомъ, конечно, разумѣютъ ихъ о крестѣ четвероконечномъ, ибо широта, долгота, глубина и высота составляютъ четвероконечіе **).

Св. Василій Великій въ толкованіи на 2-ю главу пророка Исаіи

*) См. сочиненіе Евсевія О жизни Константина, кн. I, гл. XXVIII—XXXI, также гл. XL, и его же „Церковную Исторію“, кн. IX, гл. IX. Въ своемъ полномъ видѣ, по описанію Евсевія, — гл. XXXI, лабарумъ (*labarum, λάβαρον*) представлялъ изъ себя слѣдующее: длинное, покрытое золотомъ, копьё съ придѣланнымъ къ нему поперечнымъ древкомъ, являвшее вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ четвероконечный крестъ, подобный тому кресту, который былъ видѣнъ Константиномъ на небѣ; на верхушкѣ копья, образовывавшаго съ поперечнымъ древкомъ четвероконечный крестъ, утверждёнъ былъ золотой, украшенный драгоценными камнями, вѣнокъ, съ монограммою внутри его имени Спасителя, состоявшею изъ буквъ X и P, изъ коихъ вторая была вставлена въ первую такъ: ✠, на поперечномъ древкѣ повѣшенъ былъ квадратный изъ дорогой матеріи платъ, который былъ затканъ золотомъ и бывъ обильно и изящно украшенъ драгоценными камнями, блисталъ лучами свѣта и по своему великолѣпію представлялъ зрѣлище неописанное, на платѣ, въ верхнемъ его полѣ, или же надъ нимъ, на поперечномъ древкѣ, что у Евсевія неясно, находились золотыя погрудныя изображенія императора и его дѣтей.

**) Изъ учителей церковныхъ, которые говорятъ о словахъ апостола, разумѣя ихъ о крестѣ Христовомъ, и именно — крестѣ четвероконечномъ, прямо могутъ быть указаны св. Григорій Нисскій и блаж. Августинъ, см. у Гретэера, t. 1, p. 4.

спрашиваетъ: „Для чего крестомъ совершенно домостроительство во-человѣченія“, и отвѣчаетъ: „Для того, чтобы отъ четырехъ крыль земли собрались спасаемые, ибо крестъ дѣлится на четыре части, такъ что каждая его часть обращена къ одной изъ четырехъ частей міра“ *).

Прокопій Газскій (жившій въ концѣ V, началѣ VI вѣка) въ толкованіи на XI главу того же пророка Исаи говоритъ, что „на четверо раздѣляются части креста (*тетраχῆ τοῦ σταυροῦ τὰ μέρη διήρηται*) **).

Блаженный Феодоритъ Киррскій въ толкованіи на 22-й псаломъ говоритъ, что крестъ составляется изъ двухъ деревъ: *ἀπὸ δύο ῥάβδων συναγόμενος γίνεται σταυρός* ***).

Преп. Феодоръ Студитъ († 826) въ сочиненіи *Ἀντιρρητικὸς κατὰ εἰκονομάχων*, т.-е. Опроверженіе иконоборцевъ, въ словѣ III, гл. III, § V, говоритъ, что крестъ Христовъ изображается очень различно, что между прочимъ иногда изображается онъ съ титломъ, а иногда безъ титла, т.-е. иногда шестиконечнымъ, а иногда четвероконечнымъ, но что при весьма большомъ разнообразіи его изображеній всякому кресту подобаеъ то же поклоненіе, которое и первообразу всѣхъ изображеній (*ἐν τοιαύταις διαφοραῖς μία ἡ προσκύνησις αὐτοῦ τε καὶ πρωτότυπου*) ****).

Въ исповѣданіи вѣры современнаго преп. Феодору Студиту, т.-е. жившаго въ концѣ VIII, началѣ IX вѣка синкелла Иерусалимскаго Михаила, славянскій переводъ котораго читается въ Изборникѣ Свя-

*) Русск. перев. ч. 2, над. 3-го стр. 287.

**) Въ Патролог. *Миня*, т. 87, pag. secunda, col. 2053 нач.

***) Толкованіе на 4-й стихъ псалма: *Жезлъ Твой и палица Твоя та мя утѣшиста* въ древнемъ славянскомъ переводѣ читается: „Глаголати убо можеши жезлъ и палицу—самый крестъ (называть жезломъ и палицей можешь... разумѣть подъ жезломъ и палицей можешь...), его же печатію и воспоминаніемъ враговъ побѣждающе, ко истиннымъ наставляемся стезямъ, отъ дву бо палиць составляется“. Слово „палиць“ у насъ было понято о пальцахъ руки и мѣсто у блаж. Феодорита было принимаемо за свидѣтельство о двуперстномъ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія. Но „палиць“ у Феодорита есть родительный множественнаго числа слова палица, т.-е. палка, дерево, что именно значить *ῥάβδος* (родительный множественнаго числа слова: палець, пальць, былъ бы какъ именительный единств. числа: палець, пальць).—Свидѣтельство общезнавшее, но о немъ говорится, когда идетъ рѣчь о перстосложеніи, и, если не ошибаемся, не приводится оно, когда идетъ рѣчь о формахъ креста.

****) Въ Патролог. *Миня* т. 99, col. 421. Говоря, что крестъ иногда изображается съ титломъ, иногда безъ титла (*μετὰ τίτλου, ἄνευ τίτλου*), т.-е. иногда шестиконечнымъ, а иногда четвероконечнымъ, Феодоръ Студитъ какъ-будто даетъ знать, что восьмиконечный крестъ въ его время еще не былъ въ употребленіи.

тославовомъ 1073-го года (л. 20 об.) и въ первоначальной лѣтописи (подъ 988-мъ годомъ, въ видѣ поученія епископа Корсунскаго св. Владиміру) говорится: „поклоняюся дрову честнаго креста ради обѣшаннаго на немъ плотію Господа и всякому образу животворящаго креста (*καὶ πάντα τίλον τοῦ ζωολοιοῦ σταυροῦ* *), по переводу въ Изборникѣ: „и въсему образу животворнаго креста“; по вольному переводу въ лѣтописи: „и всякому кресту“) **).

Въ такъ называемомъ паннонскомъ житіи Константина, первоучителя славянскаго, написанномъ во второй половинѣ IX вѣка, читается, что Константинъ, державъ преніе съ иконоборцемъ—патріархомъ Анніемъ, между прочимъ по одному поводу говорилъ своему противнику: „четыре части крестъ имать“.

Патріархъ Константинопольскій Фотій († 891) въ одномъ изъ своихъ писемъ, направленныхъ противъ иконоборцевъ, даетъ знать, что въ его время почитаемъ былъ крестъ съ титуломъ и безъ титула,—*μετὰ τοῦ τίτλου καὶ ἄνευ ἐκείνου*, т.-е. шестиконечный и четвероконечный ***).

Феофилактъ, епископъ Тавроменійскій (того самаго города въ Сициліи Тавроменія, въ настоящее время называемаго Таорминою, епископомъ котораго былъ священномученикъ Панкратіи), жившій въ первой половинѣ XII вѣка, въ словѣ на Воздвиженіе креста говоритъ

*) Греческій подлинникъ въ изданіи Изборника Святославова въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1882, кн. IV.

**) Послѣ того, какъ вошло въ обычай изображать на крестахъ распятіе, перестали дѣлать кресты безъ изображенія на нихъ распятія для употребленія въ церквахъ и домахъ (для совмѣстнаго и одинаковаго молитвеннаго употребленія ихъ съ иконами), но не перестали дѣлать ихъ для поставленія при дорогахъ и вообще на открытыхъ мѣстахъ въ видѣ памятниковъ о какихъ-либо событіяхъ. Что касается до этихъ крестовъ безъ изображенія на нихъ распятія (кресты „безъ написанія“, *ἄζωογράφτοι σταυροί*), то Никифоръ Исповѣдникъ (806—815) и такъ называемое паннонское житіе Константина, первоучителя славянскаго (написанное во второй половинѣ IX вѣка), говорятъ объ ихъ почитаніи, при чемъ Никифоръ прибавляетъ, что таковыя „не живописанные“ кресты, менѣе иконы Христовой,—*ἐλάττωτες εἰσὶν τὴν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ*, потому что чрезъ икону Христову мы поклоняемся самому Христу, а чрезъ неживописанный крестъ мы поклоняемся не Христу, но тому первообразному кресту, на которомъ распятъ Христосъ (слова Никифора Исповѣдника въ Пидаліонѣ *Никодима*, въ предисловіи къ дѣяніямъ 7-го вселенскаго собора,—последнее примѣчаніе sub fin., Закинскаго изданія стр. 321; въ паннонскомъ житіи Константиновомъ говорится о крестѣ безъ написанія въ изложеніи пренія Константина съ патр. Анніемъ). А въ позднѣйшее время нашъ митрополитъ Фотій говоритъ, что этимъ крестамъ безъ написанія не должно кланяться, хотя и не слѣдуетъ поругаться имъ и разорять ихъ; подлинныя слова Фотія, читаемыя въ одномъ посланіи его въ Псковъ, суть: „А еже на крестѣ имени не будетъ, тому не кланятися, а не поругатися ему, ниже разорятъ таковыхъ“ (въ Памятникахъ *Павлова* col. 410 fin.).

***) По изданію писемъ, сдѣланному *Io. Валеттою. ἐν Λοιδίῳ*, 1864, N 43, стр. 340.

объ его четвероконечіи: *Σταυρός ἀνυψούμενος ταῖς ἀπὸ τοῦ μέσου τέταραι προβολαῖς πᾶσαν τὴν κτίσιν περιλαβὼν τῆς ἰδίας δόξης πληροῖ*, т.-е. воздвизаемый крестъ, четырьмя концами (идущими) изъ середины обнимая всю тварь, наполняетъ (ее) своей славой: въ Патрологіи *Миня* t. 132, col. 185 нач..

Такъ какъ со времени появленія обычая изображать на крестахъ распятаго Спасителя или распятіе не дѣлается крестовъ, на которыхъ бы не было распятія: то старообрядцы могутъ говорить, что въ древнѣйшее время было почитаніе четвероконечнаго креста, но что потомъ оно оставлено. Если дѣйствительно они это говорятъ, то говорятъ совершенно неосновательно. Во-первыхъ, хотя съ появленія обычая изображать на крестахъ распятаго Спасителя дѣйствительно не дѣлается крестовъ безъ распятія: но дѣлались и дѣлаются изображенія креста безъ изображенія на нихъ распятія, при чемъ у насъ съ старообрядцами разногласіе именно о такомъ изображеніи креста, на которомъ нѣтъ изображенія распятія (объ изображеніи креста на просфорахъ). Во-вторыхъ, хотя послѣ появленія обычая изображать на крестахъ распятаго Спасителя не дѣлается крестовъ безъ распятія и хотя Спаситель всегда изображается распятымъ на крестѣ восьмиконечномъ: но тѣмъ не менѣе остались въ употребленіи, чтобы быть почитаемыми, и кресты четвероконечные. Тутъ, повидимому, противорѣчіе; на самомъ же дѣлѣ противорѣчія тутъ нѣтъ и дѣло объясняется очень просто. Мы сказали, что распятый Спаситель или распятіе никогда не изображается на самомъ крестѣ, а на второмъ или вторичномъ крестѣ, который изображенъ на самомъ крестѣ. Такъ вотъ, эта двойственность креста и дѣлаетъ возможнымъ то, чтобы при непремѣнномъ изображеніи распятія на крестахъ восьмиконечныхъ остались въ употребленіи и почитаніи и кресты четвероконечные: распятіе изображается на крестѣ восьмиконечномъ, но этотъ восьмиконечный крестъ можетъ быть изображенъ на крестѣ четвероконечномъ, такъ чтобы самый крестъ былъ четвероконечнымъ, а изображенный на немъ крестъ, на которомъ распятіе,—восьмиконечнымъ, или, иначе сказать,—чтобы крестъ во всей своей совокупности былъ одновременно крестомъ и четвероконечнымъ и восьмиконечнымъ.

Что послѣ того, какъ вошло въ обычай изображать на крестахъ распятаго Спасителя или распятіе, не прекратилось употребленіе и почитаніе изображеній четвероконечнаго креста безъ изображеннаго на нихъ распятія и четвероконечныхъ крестовъ съ изображеннымъ на нихъ (на вторичномъ осьмиконечномъ крестѣ) распятіемъ, это по отношенію къ однимъ и другимъ доказывается тѣми общими свидѣтельствами о четвероконечномъ крестѣ, которыя относятся ко времени

четыре, именно свидѣтельства: Іоанна Дамаскина, Θεодора Студита, Михаила синкелла и Григорія Синаита въ канонѣ кресту*). Въ частности относительно того, что осталось въ употребленіи и почитаніи изображеніе четвероконечнаго креста безъ изображеннаго на немъ распятія, ясное и неоспоримое доказательство представляютъ, во-первыхъ, помянутыя нами выше монеты византійскихъ императоровъ, во-вторыхъ,—кресты на богослужебныхъ одѣянїяхъ. Мы сказали, что до импер. Льва Исавра изображается на монетахъ исключительно крестъ четвероконечный. Со времени Льва Исавра вмѣстѣ съ крестомъ четвероконечнымъ начинаетъ быть изображаемъ крестъ шестиконечный, но во всякомъ случаѣ рѣшительно преобладающимъ до самаго конца чеканки монетъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ царства остается первый. Что касается до крестовъ на богослужебныхъ одѣянїяхъ,—омофорахъ, саккосахъ, епитрахильяхъ, ризахъ, то они всегда были, какъ и до сихъ поръ остаются, крестами четвероконечными**). Отно-

*) Свидѣтельства Іоанна Дамаскина и Григорія Синаита приводятся въ книгахъ, которыя мы имѣемъ въ виду при нашихъ дополненїяхъ.—Кресты безъ изображенія на нихъ распятія почитаемы были даже иконоборцами.—*архим.* Арсенія Лѣтопись церковныхъ событій, 2 изд. стр. 277 нач. и см. монеты Льва Исавра и Константина Копронима у *Дюкамжа* (р. 123).

**) Древнїя архіерейскія одѣянїя въ натурѣ, и между ними принадлежавшія свв. митрополитамъ Петру и Фотію, нужно смотрѣть въ Московскоѣ синодальной ризницѣ, а изображенія одѣяній—въ Менологіи напр. импер. Василія, о которомъ сейчасъ ниже, на саккосахъ митр. Фотія, въ лицевомъ житіи преп. Сергія второй половины XVI вѣка, принадлежащемъ Троицкоѣ Лаврѣ и въ 1853 году напечатанномъ литографически,—лл. 101—103 об., 233, 234 об., 286 и об., 330 об.—Укажемъ еще, помимо одѣяній, на нѣкоторые русскіе памятники, дѣлая указанія тутъ же подъ чертой въ виду большой возможности того, что онѣ уже дѣлаемы были прежде. Въ Кіевософійскомъ соборѣ на оltарной стѣнѣ изображены мозаикой Божія Матерь и Тайная вечеря (въ видѣ литургіи, совершаемой Спасителемъ). У Божіей Матери на челѣ и на персяхъ три четвероконечные креста; въ изображеніи Тайной вечери лежитъ на престолѣ и поставленъ на верху надпрестольнаго киворія четвероконечный крестъ, см. снимки въ Очеркахъ Покровскаго, стрр. 245 и 248, а описаніе въ Описаніи Кіевософійскаго собора митр. Евгенія, стр. 42. Въ развалинахъ Кіевскоѣ Десятинноѣ церкви открыта каменная гробница неизвѣстнаго князя, а въ Кіевософійскомъ соборѣ хранится таковая же гробница вел. кн. Ярослава Владимировича: на обѣихъ гробницахъ извѣчены многія изображенія четвероконечныхъ крестовъ, см. у Фундукля въ Обзорѣнн Кіева въ отношеніи къ древностямъ листы гравюръ послѣ стрр. 28-й и 36-й (вторую гробницу и у митр. Евгенія въ Описаніи собора).—Укажемъ и на наши письменныя позднѣйшія свидѣтельства о почитаніи четвероконечнаго креста, разумѣя подъ „нашими“ свидѣтельства, или принадлежащія нашимъ русскимъ писателямъ, или же принадлежащія неизвѣстнымъ, можетъ-быть, и греческимъ писателямъ, только читаемыя въ нашихъ славянскихъ рукописяхъ. Григорій, архіепископъ россійскій, т.-е. митрополитъ литовскій Григорій Цамблакъ говоритъ въ словѣ на Воздвиженіе честнаго кре-

сительно употребленія и почитанія четвероконечныхъ крестовъ съ изображеннымъ на нихъ (на восьмиконечныхъ вторичныхъ крестахъ) распятіемъ мы имѣемъ ясныя свидѣтельства въ службѣ на Воздвиженіе креста и у Симеона Солунскаго. Въ службѣ ясно называются четвероконечными воздвизальныя или напрестольныя кресты; а Симеонъ Солунскій ясно говоритъ о четвероконечии запрестольныхъ крестовъ *).

ста: „Въ истинну крестъ слава Христова, якоже Самъ глаголаше: *егда прославится Сынъ Человѣческій*, явѣ, яко внидетъ на крестъ, и ари, яко не токмо воображаемъ и носимъ спасаетъ всекрѣпкій, но и просто образа его виды спасительны бываютъ: вселенная бо четырьмя концы описуется, и четырьмя стихіями Человѣческое естество составляется; четырьмя времени кругъ лѣту вѣнчается, и четырьмя вѣтры вселенная прохлаждается, но и Человѣческое видѣніе подобіе креста носить“... Сказавъ и еще о нѣкоторыхъ образахъ четвероконечнаго креста Цамблакъ прибавляетъ: „И ни едино же сихъ тѣе и всуе бываема, но вся ко спасенію ключима, вся по неисчетной силной Божіи премудрости дѣйствуема, по блаженному паки Павлу, ко Ефисеомъ пишущу: *да можете постигнуть со вѣтми святыми, что широта и долгота и глубина и высота*“... см. слово въ Четь-Минеи митр. Макарія подъ 14-мъ сентябрю, по печатному изданію Археографической Комиссіи соі. 768—769. Въ поученіи на Воздвиженіе честнаго креста, принадлежащемъ неизвѣстному автору и читаемомъ въ той же Макарьевской Четь-Минеѣ, подъ тѣмъ же 14-мъ сентябрю, — по печатн. изд. соі. 1195, говорится (взятое изъ древнихъ отцовъ): „Крестный образъ, на четыре страны раздѣляемъ, отъ посредняго знаменія вся показываетъ, яко божественнымъ естествомъ съдержима суть: вышняя убо вышнимъ рогомъ съдержима суть; нижняя же нижнимъ, посредняя же двоими странами“... Изъ неяснаго вопроса царя Ивана Васильевича къ Стоглавому собору о крестахъ на главахъ церкви (составляющаго 8-й вопросъ во второмъ ряду вопросовъ, — Казанск. изд. стр. 171) и изъ неяснаго отвѣта на вопросъ, даннаго соборомъ, во всякомъ случаѣ съ полною ясностью слѣдуетъ, что во времена собора признаваемъ и почитаемъ былъ крестъ не одной формы, а нѣсколькихъ формъ. А если такъ, то необходимо думать, что почитаемы были кресты всѣхъ трехъ формъ, т.-е. восьмиконечный, шестиконечный и четвероконечный.

*) По нынѣшнимъ богослужебнымъ книгамъ въ службѣ читается: „Четвероконечный міръ днесъ освящается, четверочастному воздвизаему Твоему кресту, Христе Боже“, а по Минеѣ 1095—1096-го года читается: „Четвероконечный міръ днесъ освящать(ся) четвероконечному възвышаемому Твоему кресту, Христе Боже нашъ“, см. въ I томѣ Памятниковъ древнерусскаго языка, издаваемыхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ стр. 0121 нач.; Симеонъ Солунскій приводится у Озерскаго. — На саккосѣ митр. Фотія, хранящемся въ Московской синодальной ризницѣ, вышиты четыре четвероконечныхъ креста, на одномъ изъ которыхъ — распятіе на своемъ восьмиконечномъ крестѣ, а на трехъ — изображенія господскихъ и богородичныхъ праздниковъ, см. снимокъ саккоса въ Указателѣ для обоарнія Московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы, составленномъ *преосв. Саввой*. Запрестольный крестъ есть крестъ четвероконечный даже въ помянутомъ лицевомъ житіи преп. Сергія Радонежскаго второй половины XVI, — л. 206 об. (и таковъ же есть въ немъ крестъ архіерейскій парамандный, — л. 253 об.).

Есть письменный греческій памятникъ конца X—начала XI вѣка, который даетъ видѣть, какой формы кресты были употребляемы и почитаемы греками въ указанное время. Это—уже бывшій выше предметомъ нашихъ рѣчей Менологіи импер. Василия Болгаробойца (976—1025), представляющій собою иллюстрированный или украшенный картинками (миниатюрами) прологъ*). Въ Менологіи относительно крестовъ находимъ слѣдующее. Крестъ запрестольный или выносной изображенъ въ немъ четыре раза,—подъ 25-мъ Сентября, 26-мъ Октября, 25-мъ Ноября и 26 Января, и изъ четырехъ разъ—три раза есть четвероконечный и одинъ разъ шестиконечный. Напрестольный или воздвизальный крестъ изображенъ два раза,—подъ 14-мъ Сентября и 12-мъ Октября, и оба раза есть шестиконечный. Всѣ остальные кресты и именно—на верху жезла Предтечи, проповѣдующаго на Иорданѣ (подъ 7-мъ Января), въ рукахъ у святыхъ (подъ 8-мъ Февраля), на омофорахъ и епитрахиляхъ святителей (не указываемъ отдѣльныхъ случаевъ или примѣровъ по причинѣ очень большаго ихъ количества), на ракахъ святыхъ (подъ 25-мъ Ноября) и на одрахъ усопшихъ (подъ 5-мъ Сентября и 24-мъ Октября), на верхахъ надпрестольныхъ киворіевъ и амвонныхъ шатровъ или теремовъ и на стѣнкахъ самихъ амвоновъ (подъ 23-мъ Октября, 21-мъ Ноября, 16-мъ и 25-мъ Января), на престольныхъ одеждахъ (нашитые на одежду по срединѣ престола,—подъ 5-мъ и 23-мъ Сентября, 11-мъ Октября, 16-мъ и 30-мъ Января), надъ арками, въ которыхъ изображены иные святые (подъ 12-мъ и 31-мъ Декабря, 2-мъ, 9-мъ и 15-мъ Января и 3-мъ Февраля), на верху вѣнца императорскаго (подъ 26-мъ Января и 24-мъ Февраля), на одеждѣ императорской (подъ 3-мъ Февраля) и монашеской (подъ 12-мъ Октября и 31-мъ Декабря), на куполахъ церквей (не указываемъ отдѣльныхъ случаевъ или примѣровъ по той же причинѣ, что выше) суть кресты четвероконечные. Во всемъ Менологіи нѣтъ еще ни одного случая или примѣра креста восьмиконечнаго.

Принимая вмѣстѣ съ восьмиконечнымъ крестомъ и четвероконечный крестъ, мы, православные, на одномъ и на другомъ крестѣ изображаемъ распятіе совершенно одинаково съ старообрядцами (написуя или вообще изображая на одномъ и на другомъ крестѣ, такъ сказать—подраспятный, восьмиконечный крестъ), и главное, въ чемъ они укоряютъ насъ по отношенію къ кресту, есть то, что мы печатаемъ просфоры изображеніемъ четвероконечнаго креста, на которомъ нѣтъ изображенія распятія. Въ заключеніе нашихъ рѣчей укажемъ старообрядцамъ на доказательство почитаемости этого креста какъ будто

*) Подробныя свѣдѣнія о Менологіи можно читать въ Полномъ мѣсяцесловѣ Востока *проесс. Сергія*. 1. 1-го изд. стр. 217. 2-го изд. стр. 278.

такое, что имѣть силу и значеніе неопровержимыя. Не знаемъ, изображается ли у нихъ Спаситель подобно тому, какъ изображается у насъ, съ сіяніемъ вокругъ головы или вѣнцомъ (нимбомъ), въ которомъ вписанъ четвероконечный равносторонній крестъ; если не изображается, то весьма многими примѣрами безспорнымъ образомъ можетъ быть доказано, что онъ изображался на древнихъ иконахъ. Но этотъ четвероконечный крестъ есть именно тотъ самый крестъ Христовъ, который мы печатаемъ на просфорахъ *)..

IV.

Объ имени Іисусъ.

Имя Спасителя Іисусъ съ самаго перваго времени началъ быть произносимо и пишемо у насъ двояко: или совершенно такъ, какъ произносятъ и пишутъ его греки: Іисусъ, или же съ выпускомъ буквы *иже*: Іусъ. Уже въ самомъ древнемъ, дошедшемъ до насъ, славянскомъ евангеліи, которое написано у насъ въ Россіи, именно— евангеліи Остромировомъ, написанномъ въ 1056 году, оно пишется

*) Что изображаемый въ вѣнцѣ Спасителя крестъ, каковымъ изображеніемъ Его вѣнецъ отличается отъ вѣнцовъ святыхъ, есть именно крестъ, на которомъ Онъ распятъ, т.-е. образъ сего креста, прямое свидѣтельство объ этомъ см. въ посланіяхъ преп. Феодора Студита, въ Патрол. *Миня* t. 99, coll. 957 и 1312: въ одномъ посланіи Феодоръ укоряетъ иконописца, что онъ изобразилъ ангеловъ, распятыми въ вѣнцахъ, *ἐν τοῖς φεγγύοις ἑσταυρωμένους*, т.-е. съ изображеніями креста въ вѣнцахъ; въ другомъ посланіи онъ говоритъ объ изображеніи Спасителя, носящимъ на главѣ образъ креста, *καρφοροῦν τὸν τύπον τοῦ σταυροῦ* (*Christi corona per crucis figuram a sanctorum coronis distinguitur*, говоритъ знаменитый западный археологъ епископъ Вильгельмъ Дурандъ, † 1296, въ сочиненіи *Rationale divinum officiorum*, lib. 1, cap. 3, n. 20). У насъ въ позднѣйшее время крестъ въ вѣнцѣ Спасителя былъ изображаемъ такъ, что его можно было принимать и не за крестъ, а за символическое изображеніе чего-то. Нѣкоторые видѣли въ 9-ти чертахъ или начертаніяхъ, которыми онъ изображался или изъ которыхъ онъ составлялся, 9-ть драхмъ, т.-е. 9-ть чиновъ ангельскихъ, см. въ сочиненіи *А. Карпова*: Азбуквники или алфавиты иностранныхъ рѣчей (Казань, 1877), стр. 255. Но древнія иконы Спасителя (напр. на мозаикахъ Равеннскихъ) не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что изображеніе есть изображеніе креста, а не чего-либо другаго. И у насъ символическое толкованіе изображенія принималось только нѣкоторыми, другіе же рѣшительно стояли за то, чтобы видѣть въ немъ крестъ Христовъ, на которомъ Онъ распятъ, см. у Карпова *ibid.* стр. 226.—Уже св. Димитрій Ростовскій въ одномъ изъ своихъ словъ на день Воздвиженія креста указывалъ старообрядцамъ, что всѣ мы—христіане полагаемъ на себѣ перстами руки четвероконечный крестъ, а что священники благословляютъ людей и вещи при ихъ освященіи тѣмъ же самымъ крестомъ, и что, конечно, они—старообрядцы не признаютъ этого четве-

двойко: то Исусъ, то Исусъ *). Очень долгое время употреблялись совместно одна и другая формы имени, а потомъ къ концу XVI в. или вообще въ XVI вѣкѣ стала исключительно употребляемою вторая форма, т.-е. произношеніе и написаніе Исусъ **). Патр. Никонъ при своемъ исправленіи книгъ замѣнилъ форму: Исусъ формою: Исусъ, и съ тѣхъ поръ у насъ—у православныхъ—употребляется вторая форма, между тѣмъ какъ старообрядцы удерживаютъ первую форму.

Конечно, не можетъ быть никакой рѣчи о неправославіи формы: Исусъ (если только иной православный не такъ же безуменъ, какъ многіе изъ старообрядцевъ). Не можетъ быть рѣчи и о неправильности, ибо правильность или неправильность тутъ не при чемъ: можетъ быть правильно или неправильно употребляемо слово своего родного языка, а собственное имя, взятое изъ другого языка, получаетъ ту или иную форму не по требованію правильности или неправильности, а по требованію легкости и удобства выговора. Если греки изъ еврейскаго слова: Ешуа, какъ по-еврейски имя Спасителя, сдѣ-

роконечнаго креста за неистинный крестъ (За св. Димитріемъ Ростовскимъ на то же указывалъ старообрядцамъ митр. Платонъ въ своемъ Увѣщаніи во утверженіе истины). Освящая воду для крещенія, священникъ трижды начертываетъ въ ней перстами четвероконечный крестъ и говоритъ: „Да сокрушатся подъ знаменіемъ образа,—по Иосифовскому требнику: воображенія, креста Твоего вся сопротивныя силы“...; но сопротивныя силы могутъ сокрушаться, конечно, только подъ знаменіемъ истиннаго креста. Святые отцы говорятъ (и старообрядцы, думаемъ, не отрицаютъ), что знаменіе креста, которое мы полагаемъ на себѣ, имѣетъ силу прогонять демоновъ; слѣдовательно, оно есть знаменіе истиннаго креста; но мы полагаемъ на себѣ знаменіе четвероконечнаго креста...

*) Полнымъ словомъ чаще пишется Исусъ, чѣмъ Исусъ, а подъ титломъ чаще пишется Іисъ, чѣмъ Ісъ, см. въ Выпискахъ у *Оверскаго*.

***) См. тѣже Выписки. Если въ печатныхъ евангеліяхъ до 1644-го года читается въ одномъ мѣстѣ: Іисъ, то должно видѣть тутъ просто типографическій недосмотръ.—Что касается до другихъ славянъ восточныхъ, то у Сербовъ, не знаемъ—послѣ ли предшествующаго періода колебанія, вошла въ общее употребленіе вторая форма, т.-е. Исусъ, которая остается у нихъ и до настоящаго времени (хотя въ богослужебныхъ книгахъ, руководствуясь примѣромъ нашихъ русскихъ богослужебныхъ книгъ, они печатаютъ: Исусъ). Напротивъ у Болгаръ какъ будто съ древняго времени вошла въ общее употребленіе первая форма, т.-е. Исусъ. Въ настоящее время они произносятъ и пишутъ имя Спасителя именно такъ; что же касается до древняго времени, то одинъ сербскій писатель конца XIV—первой половины XV вѣка, родомъ болгаринъ, какъ можно думать, съ образца книжныхъ людей своей родины предписываетъ въ своихъ наставленіяхъ сербскимъ книжнымъ людямъ писать имя Спасителя не Исусъ, а Исусъ (Константинъ философъ и грамматикъ, см. его въ I томѣ Исслѣдованій по русскому языку, издаваемыхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, приготовленномъ *И. В. Ягичемъ*, стр. 479 лп... У католическихъ, но по племенному сродству принадлежащихъ къ восточнымъ Славянамъ, Хорватовъ, такъ же какъ и у ближайшихъ родичей ихъ Сербовъ,—Исусъ).

лали слово Иисусъ, если французы изъ латинскаго имени Спасителя: Iesusъ сдѣлали Жезю, а англичане—Джиззъс, то, конечно, и мы, все не нарушая какой-нибудь правильности, изъ греческаго имени Исусъ могли сдѣлать свое русское имя Исусъ.

Но есть другая точка зрѣнія на предметъ. Для насъ, русскихъ, нисколько не труднѣе, а напротивъ еще легче произношеніе имени Спасителя въ формѣ: Исусъ, чѣмъ Исусъ; между тѣмъ, составляло общепринятое и общепризнанное у насъ положеніе, что должны мы быть какъ можно ближе къ грекамъ во всемъ церковномъ даже и до словъ, а въ частности относительно досточтимаго имени Спасителя не можетъ не быть признано совершенно естественнымъ и похвальнымъ желаніе, чтобы его произношеніе и начертаніе было по возможности и какъ можно болѣе близко къ тому его произношенію и начертанію, которое въ подлинныхъ и первоначальныхъ книгахъ Новаго Завѣта, каковы книги греческія, или тому его произношенію и начертанію, которое принадлежитъ самимъ писателямъ книгъ—евангелистамъ и апостоламъ *). Сейчасъ сказаннаго нами нисколько не отрицаютъ сами старообрядцы, напротивъ, все это они вполне признаютъ; если же они стоятъ за начертаніе и произношеніе имени Спасителя въ формѣ Исусъ, то не потому, чтобы находили болѣе легкимъ ея произношеніе или чтобы признавали ее, такъ сказать, за національную русскую, а именно потому, что они считаютъ ее подлинною греческою. Они полагаютъ, что у древнихъ православныхъ грековъ была употребительна форма имени Спасителя Исусъ, а что позднѣйшіе греки, отступившіе отъ чистоты православія древнихъ грековъ, замѣнили ее формою: Исусъ, а поэтому они и стоятъ за первую форму и отвергаютъ вторую форму.

Такимъ образомъ, должно быть доказываемо старообрядцамъ, что греки всегда произносили и писали имя Спасителя въ формѣ: Исусъ.

Доказывается это двумя, такъ сказать, путями: указаніемъ частныхъ примѣровъ написанія имени Спасителя въ книгахъ и общими свидѣтельствами, что у грековъ оно всегда произносилось и писалось именно: Исусъ, а не Исусъ.

Частные примѣры, указанные въ Выпискахъ Озерскаго, въ настоящее время значительно могутъ быть пополнены изъ рукописей синодальной бібліотеки при руководствѣ ихъ Описанія, составленнаго о. архимандритомъ Владимиромъ. Въ Выпискахъ Озерскаго указы-

*) И имена святыхъ и людей высокихъ и чтимыхъ мы пишемъ и произносимъ не какъ передѣланы они народомъ, а возможно близко къ греческому: Іоаннь, а не Иванъ, Георгій, а не Егоръ, Евсеимій, а не Есимъ, Исидоръ, а не Сидоръ и пр.

ваются примѣры изъ двухъ древнихъ рукописей синодальной библиотеки. О. архимандритъ указываетъ еще пять древнихъ рукописей, въ которыхъ находятся эти примѣры (состоящiе въ томъ, что имя Спасителя пишется не подъ титломъ Ісѣ, какъ наибольшею частiю, а сполна *).

Ограничиваясь по отношенiю къ частнымъ примѣрамъ этимъ простымъ указаниемъ, мы приведемъ здѣсь тѣ общiя свидѣтельства, которыя, сколько знаемъ, не приводились прежде въ полемическихъ сочиненiяхъ противъ старообрядцевъ.

Климентъ Александрийскiй, скончавшiйся около 220 года, говоритъ въ Строматахъ, гл. XI, § 84, что 318 домочадцевъ, съ которыми Авраамъ поразилъ царя Еламскаго Ходолломогора и союзниковъ послѣдняго (Быт. XIV, 14, 15), предзнаменовали крестъ Христовъ и Его спасительное имя, — что крестъ Христовъ предзнаменованъ буквою тавъ Т, которою изображается число 300, а что имя Спасителя предзнаменовано буквами ιη (по-славянски: ии), которыми изображается число 18.

Тотъ же Климентъ въ другомъ своемъ сочиненiи, носящемъ названiе Педагогъ, кн. III, гл. XII, § 98, производитъ имя Спасителя Иисусъ отъ греческаго глагола *ἰάομαι*, который значитъ врачую, исцѣляю. Производство слова, принимаемое и нѣкоторыми другими (напр. Кирилломъ Iерусалимскимъ, — 10 огласит. поученiе), неправильное, ибо имя Иисусъ не отъ греческаго *ἰάομαι*, врачую, а есть еврейское Ешуа (позднѣйшее сокращенiе древняго: Егосуа), чтѣ значитъ спасенiе, какъ это указываетъ въ евангелiи, — Мате. 1, 21: но оно предполагаетъ написанiе имени Спасителя въ формѣ: Иисусъ, ибо только при этой формѣ его написанiя возможно его неправильное производство отъ греческаго *ἰάομαι*.

Евсевiй Кессарiйскiй въ сочиненiи: О жизни Константина Великаго, кн. V, гл. 18, приводитъ пророчество о Спасителѣ одной изъ сивиллъ (языческихъ пророчицъ), написанное такими стихами, первыя буквы начальныхъ словъ которыхъ образуютъ акростихъ Его имени, и этотъ акростихъ есть *Ιησους* (Иисусъ) **).

Въ пророчествѣ другой сивиллы говорится, что имя Спасителя будетъ состоять изъ шести буквъ, — четырехъ гласныхъ и двухъ согласныхъ, и что переложенiе его въ цифры будетъ давать восемь единицъ, столько же десятковъ и восемь сотенъ ***). По обоимъ этимъ

*) См. въ указателѣ къ Описанiю слово Иисусъ.

**) Начальныя слова стиховъ, изъ первыхъ буквъ которыхъ составляется акростихъ, суть: *Ἰβρωεῖ, Ἠξεί, Σάρα, Ὀψοντα, Ὑψιστον, Σαρκοφόρον*.

***) См. въ изданiи *Joh. Opsoraei Sibyllina oracula*, Paris, 1599, p. 184 fin. и въ изданiи *Servat. Gallaei Sibyllinae oracula*, hoc est, Sibyllina oracula, Amsterdam., 1689, p. 177 нач..

описаніямъ имени Спасителя оно есть *Iησους* (Иисусъ), а не *Ισους* (Исусъ), ибо шесть буквъ, изъ коихъ четыре гласныя, а двѣ согласныя въ первомъ имени, тогда какъ во второмъ пять буквъ, изъ коихъ гласныхъ три, и число 888 выражается первымъ именемъ *), тогда какъ во второмъ 880.

Св. Иринеѣ Ліонскій († 202) въ своемъ сочиненіи: Опроверженіе лжеименнаго знанія, излагая таинственное ученіе о буквахъ и числахъ одного гностика, который, между прочимъ, указывалъ, что въ имени Спасителя шесть буквъ, и что число, означаемое буквами, есть 888, подтверждаетъ, что это послѣднее дѣйствительно такъ **).

Св. Амвросіѣ Медиоланскій († 397) въ сочиненіи: Двѣ книги о патріархѣ Авраамѣ,—кн. I, гл. 3, говоритъ, подобно Клименту Александрійскому, что числомъ 318-ти домочадцевъ Авраамовыхъ предзнаменованы крестъ Христовъ и Его имя Исусъ, т.-е. что буквы, которыми изображается цифра 18 (*ιϛ*, по-славянски *їѣ*) суть двѣ первыя буквы имени.

Послѣ св. Амвросія Медиоланскаго то же говоритъ Евхерій, епископъ Ліонскій († 456) въ толкованіи на книгу Бытія. Подлинныя слова Евхерія, которыми мы заключимъ рядъ свидѣтельствъ, суть: *Quod vero ille (Abraham) tantum in trecentis decem et octo comitantibus adversarios principes debellavit, jam tunc in sacrae crucis figuram, quae per Tau literam Graecam, et Iesu nomen, quod per jota et eta (латинское произношеніе названія буквы η,—иты) Graecis literis scribitur, qui salvator interpretatur, in numero CCCXVIII experimitur***).*

Нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, изъ старообрядцевъ утверждаютъ о насъ, православныхъ, будто подъ именемъ Исуса мы вѣруемъ не въ Христа Сына Божія, а во инаго Бога, и что подъ инымъ Богомъ, въ котораго мы вѣруемъ, должно подразумѣвать сына погибели — антихриста. Это возмутительно и безумно, но если это утверждается, то должно быть опровергаемо. Какъ же опровергать? Нашимъ увѣреніямъ, что подъ именемъ Исуса мы вѣруемъ въ того же Христа, Сына Божія, въ котораго вѣрують и старообрядцы подъ именемъ Исуса, и что утверждать у насъ вышеуказанное есть истинно безумная клевета, та часть старообрядцевъ, о которыхъ мы говоримъ, не хочетъ вѣрить. Очевидно, старообрядцы эти представляютъ дѣло такъ, что подъ именемъ Исуса не можетъ быть разумѣемъ и исповѣдуемъ Христось,

*) I—10, η—8, c—200, o—70, y—400, c—200=888.

**) Мѣсто изъ св. Иринея буквально приводитъ у себя Епифаній Кипрскій въ сочиненіи Объ ересяхъ,—кн. 1, отд. III, гл. 8 и 9, русск. перев. ч. 2, стр. 24—26. Собственные слова самого Иринея въ гл. 9: „имя Исусъ по числу, означенному буквами, есть восемьсотъ восемьдесятъ восемь“.

***) У Гретцера t. I, p. 2, col. 2.

Сынъ Божій, что если мы произносимъ имя Спасителя въ формѣ Иисусъ, а не Исусъ, то уже необходимо и по неволѣ исповѣдуемъ не Христа, а антихриста, однимъ словомъ, что имя Иисусъ есть имя антихриста, такъ что съ употребленіемъ его мы, православные, необходимо становимся сознательными и безсознательными почитателями антихриста. Это нелѣпое увѣреніе, будто Иисусъ есть имя антихриста опровергается древними рукописными евангеліями. Мы сказали, что въ древнихъ рукописныхъ евангеліяхъ имя Спасителя пишется: то Иисусъ, то Исусъ; скажутъ ли старообрядцы, что въ тѣхъ мѣстахъ древнихъ евангелій, въ которыхъ написано Иисусъ, разумѣется не Христосъ, а антихристъ? Въ Остромировомъ евангеліи 1056 г. написано: пристѣплыше къ Иисусоу оученици ѿго...; да познаѣть тебе единого истиннаго бѣ. и ѿго же посла нису хѣ...; по нѣсѣ же нѣдѣше симонъ петръ...; и глааше нѣсѣви помани мѣ. ѿгда придеси въ црствни своємъ и рече ѿму нѣс аминь глаъ тебѣ дньсь съ мзною вѣдеси въ раи...; възкресъ нѣсъ отъ мрътвынхъ...; тависа нѣс оученикомъ своимъ...: разумѣется ли во всѣхъ этихъ мѣстахъ антихристъ, а не Христосъ? Въ евангеліи, написанномъ въ Новгородскомъ Юрьевомъ монастырѣ между 1118—1128 годами и потому называемомъ Юрьевскимъ, написано: Книгы рожьства исусоуз христосова...; отъ негже родиса исусоуз, нарицаемыи хѣъ...; исусъ христосоно же рожьство сице бѣ...; родишь же сына и прозовеши имя ѿмоу нѣсъ...; и нарече имя ѿму исусоуз *): разумѣется ли во всѣхъ этихъ мѣстахъ антихристъ, а не Христосъ? Подобныхъ доказательствъ изъ древнихъ рукописей, что подъ Иисусомъ онѣ разумѣютъ Христа, а не антихриста, иначе сказать, — что въ древнее время у насъ имя Спасителя произносилось и писалось въ обѣихъ формахъ: въ формѣ Исусъ, за которую стоятъ старообрядцы, и въ формѣ Иисусъ, которую употребляемъ мы—православные, можетъ быть приведено множество (въ Изборникѣ Святославовомъ 1073 г. написано: и вѣмы тако сѣъ вжии приде. и да намъ разоумъ. да оувѣмы ѿстовѣаго бѣ. и вѣдемъ въ ѿстовѣель его сиоу ийсусъ хѣъ. тъ ёсть ѿстинный бѣъ и жизнь вѣчнана...; еше же имамы рещи тако единого нъ га нѣс хѣа. чюдный нарече павылъ... л. 6 обор., coll. 1 послѣ середины и 2 нач.; възкрѣсивый христоса ийсуса из мрътвынхъ оживить и мрътвага ваша тѣлеса... л. 10, col. 2 np.; (исповѣдуемъ) единого совѣство. единого же сѣа и га нашего нѣс хѣа бѣ коупно и чѣка... л. 245, col. 1 нач.).

*) См. въ Выпискахъ у Озерскаго.

V.

О словѣ „истиннаго“ въ 8-мъ членѣ Символа вѣры.

Первая половина 8-го члена Символа вѣры читается по-гречески: *Καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, τὸ Κύριον, τὸ ζῶλον, τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐκπορευόμενον.*

Слово *κύριος* есть вмѣстѣ имя существительное и имя прилагательное. Какъ имя существительное оно значить: Господь (по отношенію къ Богу), господинъ (по отношенію къ людямъ); какъ имя прилагательное оно значить: господственный, господствующій. На славянскій языкъ слово *Кύριος* первоначально было переведено и какъ существительное и какъ прилагательное, такъ что въ однихъ спискахъ перевода 8-й членъ символа читался: и въ Духа Святаго, Господа, а въ другихъ спискахъ читался: и въ Духа Святаго, господственного, но потомъ въ общее употребленіе вошелъ переводъ именемъ существительнымъ: и въ Духа Святаго, Господа. Послѣ водворенія единообразія въ правильномъ переводѣ слова *Кύριος* явился неправильный переводъ его словомъ „истинный“: и въ Духа Святаго истиннаго. Наконецъ, правильный переводъ соединенъ былъ въ одно мѣсто съ неправильнымъ, и такимъ образомъ и явилось чтеніе: и въ Духа Святаго, Господа истиннаго.

Къ извѣстнымъ (приводимымъ) примѣрамъ древняго перевода слова: *Κύριος* словами: Господь, господственный, укажемъ нѣсколько примѣровъ неизвѣстныхъ (не приводимыхъ).

Въ посланіи митрополита Кіевскаго Іоанна II, прибывшаго въ Россію передъ 1077 годомъ и скончавшагося въ 1089 году, къ папѣ Клименту III, по древнему славянскому (съ греческаго) переводу посланія, извѣстному въ настоящее время въ рукописи конца XV вѣка, читается: „Дивно бо рещи и страшно, како дерзусте (вы—латиняне) вѣру претворити (говоря о Святомъ Духѣ, что Онъ исходитъ отъ Отца и Сына), яко отъ конецъ вселенныя и до конецъ во всѣхъ крестьянскихъ церквахъ согласно вѣспѣвають, глаголюще: вѣруемъ въ Духъ Святыи и Господа животворящаго, отъ Отца исходящаго, съ Отцемъ и Сыномъ спокланяемъ и прославляемъ“, см. въ Памятникахъ словесности XII вѣка *Калайдовича*, стр. 216 лп., и 1 кн. Учен. Записокъ 2 Отд. Акад. Наукъ, стр. 19 *).

*) Въ одной Волоколамской рукописи XVI вѣка, находящейся въ настоящее время въ библиотекѣ Московск. Дух. Академіи, два раза написано посланіе митр. Іоанна и въ обоихъ спискахъ чтеніе нашего мѣста одно и то же со списками напечатанными, — № 558, лл. 230 и 258 об. лп. („вѣруемъ въ Святыи Духъ и Господа животворящаго... вѣруемъ въ Духъ Святыи и Господа животворящаго).

Въ славянскомъ переводѣ Богословія св. Іоанна Дамаскина, который совершенъ былъ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, жившимъ и трудившимся при болгарскомъ царѣ Симеонѣ († 927), въ главѣ 8-й, „О Святыи Троицѣ“, по пергаминному списку синодальной библиотекы XII—XIII вѣка читается: „Вѣруемъ и во единъ Духъ Святыи, господствѣнныи, животворенныи“ (господственныи, животворенныи, т. е. животворныи), см. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1877 г., кн. IV, стр. 71 лп..

Въ такъ называемомъ Изборникѣ Святославовомъ 1073 года, переведеннымъ съ греческаго для помянутаго болгарскаго царя Симеона, въ статьѣ: „О святыихъ и мирьскыхъ (вселенскихъ) шести съборѣхъ“ говорится, что къ положенному (изложенному) первымъ вселенскимъ соборомъ (символу) второй вселенскій соборъ сдѣлалъ прибавленіе о Святомъ Духѣ, именно — что Онъ есть „господствѣнныи и животворныи“,— по изданію Изборника Обществомъ любителей древней письменности л. 23 об., col. 2, по изданію въ Чтен. Общ. Ист. и Др. 1882 г., кн. IV, стр. 56.

(Въ Номоканонѣ Іоанна Схоластика, переводъ котораго со всею вѣроятностію долженъ быть усвоаемъ Меодію, первоучителю славянскому, въ статьѣ: „Образъ вѣрѣ святыхъ отецъ и епископъ 150 втораго сбора“, по рукописи Румянцевскаго музея XIII в. (у Востокова въ Описаніи № 280, л. 2) и по рукописи Моск. Дух. Академіи конца XV, начала XVI в. (фундамент № 54, л. 1 об.), а также у преп. Максима Грека въ словѣ противу лъстиваго списанія Николая Нѣмчина (Казанск. изд. 1, 227) вмѣсто: „въ Духъ Святыи, Господа“ или „въ Духъ Святыи, господственныи“ читается: „въ Духъ Святыи Господень“. Это „Господень“ должно быть понимаемо какъ употребленное вмѣсто „господственныи“ и въ его смыслѣ или какъ равнозначительное съ нимъ).

Греческое ясное свидѣтельство, что слово *Κύριος* въ 8-мъ членѣ символа вѣры значить: Господь, находимъ у Симеона Солунскаго († 1430). Въ разговорѣ противъ ересей Симеонъ пишетъ: „Обстоятельнѣйшее ученіе о Духѣ излагаетъ второй вселенскій соборъ, заимствуя изложеніе изъ Писаній; тогда какъ первый соборъ говоритъ только: „и въ Духа Святаго“, сн̄и (отцы втораго собора) присовокупляютъ: Господа, животворящаго (*τὸ Κύριον, τὸ ζωοποιόν*)... и „Господа“ (*τὸ Κύριον*) берутъ изъ посланія божественнаго Павла, который говоритъ: *Господь же (ὁ δὲ Κύριος) Духъ есть, а идѣже Духъ Господень (τὸ Πνεῦμα Κυρίου), ту свобода* (2 Коринѣ. 3, 17),—въ Патрол. *Миня* t. 155, col. 128. Въ краткомъ изъясненіи символа вѣры Симеонъ пишетъ относительно слова *τὸ Κύριον*: „(Духъ Святыи называется *τὸ Κύριον*) потому что одного существа Отца и Сына (съ Отцомъ и Сыномъ), ибо какъ Отецъ Господь (*Κύριος*)

и Сынъ Господь (*Κύριος*), такъ и Духъ написанъ (названъ) Господомъ (*Κύριος*): не три Господа, но одинъ Господь“,—*ibid.* col. 784.

Слово *κύριος*, какъ имя прилагательное, кромѣ своего первоначальнаго значенія: господственный, господствующій, употреблялось и употребляется еще въ нѣсколькихъ, вторичныхъ, такъ сказать, значеніяхъ, какъ-то: главный, существенный, назначенный (назначенное время), собственный (въ грамматикѣ: собственное имя). Но оно не имѣло и не имѣетъ значенія: истинный, которое по-гречески: *ἀληθινός*, какъ это видно изъ того же символа вѣры, во второмъ членѣ котораго слова: „Бога истинна отъ Бога истинна“ по-гречески: *Θεὸν ἀληθινὸν ἐκ Θεοῦ ἀληθινοῦ*. Не знаемъ, высказываютъ ли старообрядцы предположеніе, что при словѣ *τὸ Κύριον* въ греческомъ стояло: *ἀληθινόν*. Но если бы они высказывали его, то въ отвѣтъ имѣло бы быть сказано: 1) что совершенно неизвѣстно ни одной греческой рукописи, въ которой бы при *Κύριος* стояло *ἀληθινός* *); 2) что если бы въ греческомъ подлинникѣ при *Κύριος* стояло *ἀληθινός*, то и въ древнихъ славянскихъ переводахъ при словѣ: Господь или господственный стояло бы слово: истинный, тогда какъ истинный въ соединеніи съ Господь является лишь въ XV вѣкѣ **); 3) что слово: истинный явилось не какъ переводъ никогда не существовавшего въ греческомъ слова *ἀληθινός*, а какъ новый переводъ *τὸ Κύριον* вмѣсто прежняго: Господь, господственный, видно изъ того, что первоначально оно явилось одно, безъ слова: Господь и въ замѣну послѣдняго. (Первая извѣстная рукопись, въ которой читается въ символѣ вѣры: истиннаго, и именно безъ „Господа“ есть слѣдовавшая псалтирь митр. Кипріяна, находящаяся въ библиотекѣ Моск. Дух. Академіи,—фундамент № 142, л. 170 ***). Предположенія, по какому побужденію или съ какого по-

*) Указаніе чтенія 8-го члена символа вѣры во многихъ греческихъ рукописяхъ Синодальной Библиотеки см. въ Описаніи рукописей архим. Владимира (въ Index'ѣ слово: символъ вѣры).

**) Первый извѣстный примѣръ чтенія въ 8-мъ членѣ символа вѣры: „Господа истиннаго“ представляетъ грамота архіепископа Новгородскаго Геннадія о пасхалии на осьмую тысячу лѣтъ, см. въ Памятникахъ каноническаго права *Павлова* col. 814 sub. fin..

***) Слѣдовавшая псалтирь представляетъ собою одну изъ богослужбныхъ книгъ, собственноручно написанныхъ митр. Кипріяномъ (автографъ его). Несмотря на свой санъ митрополита, Кипріянъ занимался списываніемъ богослужбныхъ книгъ, принимая на себя дѣло книжнаго писца для того, чтобы приготовить экземпляры богослужбныхъ книгъ по возможности исправные, по возможности свободные отъ погрѣшностей (см. его наказъ книжнымъ писцамъ относительно списыванія написанныхъ имъ книгъ въ Описаніи синод. ркпп. Горск. и Невостр. № 344, л. 72, стр. 11). Такимъ образомъ, если въ слѣдованной псалтири Кипріяна 8-й членъ символа вѣры читается: „И въ Духа Святаго,

вода сдѣланъ былъ новый неправильный переводъ слова τὸ Κύριον словомъ: истинный вмѣсто первоначальнаго перевода словомъ: Господь или господственный, — см. у митр. Филарета въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу, бесѣда 2, и у архіеп. Филарета въ Исторіи русской церкви, періода третьяго § 30.

истиннаго, животворѣщаго“: то вовсе нельзя понимать этого такъ, чтобы передъ словомъ: истиннаго по ошибкѣ было пропущено слово: Господа, а необходимо понимать такъ, что „истиннаго“ стоитъ вмѣсто „Господа“ или въ замѣну его.

Въ именномъ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату, данномъ въ день Пасхи, 17-го апрѣля, настоящаго 1905-го года, между прочимъ повелѣвается, — пунктъ 7: „Присвоить наименованіе старообрядцевъ, въ замѣнъ нынѣ употребляемаго названія раскольниковъ, всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые приѣмлютъ основные догматы Церкви православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отправляютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ“.

журналы: 3 2

Къ стр. 55 *fin.*. Что требникъ 1658-го года и цвѣтная тріодъ 1660-го года правлены были съ греческихъ оригиналовъ, а не съ малороссійскихъ, правленныхъ по оригиналамъ, славянскихъ переводовъ, см. въ Опис. синод. ркп. *Горск. и Невостр.* №№ 379 и 430.— Епифаній Славинецкій, нѣтъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ греческими оригиналами имѣлъ у себя подъ руками и славянскіе кievскіе переводы, а также Арабскій и другимъ Ливискій, конечно, производили справку

исключительно по оригиналамъ (ибо не могли имѣть охоты признавать авторитетъ за кievскими переводами).

Къ стр. 55—56. Богослужебныя книги раздѣляются на два класса или на двѣ половины: въ однѣхъ изъ нихъ—чины и обряды службъ (служебникъ, требникъ, уставъ, часословъ), въ другихъ—то, что поется и читается за службами (минеи, тріоди, октоихи). Когда мы говоримъ объ исправленіи нашихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ по современнымъ, а не по древнимъ, книгамъ греческимъ, то само собою разумѣется, что имѣемъ въ виду книги перваго класса или первой половины. Что же касается до книгъ втораго класса или второй половины, то ихъ не только можно, но и должно было бы исправлять по древнимъ книгамъ греческимъ.

Къ стр. 58. Что соборомъ 1667-го года окончательно исправленъ былъ служебникъ не только на основаніи книгъ, но и на основаніи живой практики греческой церкви, объ этомъ ясно говорятъ отцы собора въ своемъ соборномъ свиткѣ, извлеченіе изъ котораго напечатано при служебникѣ 1667-го и 1668-го годовъ („Ова—при исправленіи—отъ добрыхъ греческихъ переводовъ взяхомъ, ова множае отъ обычаевъ святыхъ восточныхъ церкви, яже за сокращеніе въ греческихъ служебникахъ, отъ нихже и сей служебникъ исправися, иная и не писана суть, точию на указѣхъ обрѣтаются“). Въ томъ же соборномъ свиткѣ совершенно ясно говорится относительно всей вообще греческой церкви, что къ 1667-му году еще далеко не было въ ней повсюднаго единообразія богослуженія.

Къ стр. 119 fin. Нѣмецкій путешественникъ ко святымъ мѣстамъ или паломникъ второй половины XV вѣка Феликсъ Фаберъ (Фабри) говоритъ о ненависти грековъ къ латинянамъ: *Invidia maxima contra ecclesiam Romanam exardescunt (Graeci), quare etiam Turcis totam quasi Graeciam tradiderunt, se et provinciam perdentes propter ecclesiam Latinam.* Находившійся въ подданствѣ Венеціанской республики грекъ Григорій Малаксъ, братъ извѣстнаго протопопа Николая Малакса, въ запискѣ, поданной имъ Венеціанскому правительству въ 1570-мъ году, заявляетъ, что греки согласятся скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить своей вѣрѣ. Обоихъ см. въ книгѣ *В. И. Ламанскаго: Secrets d'état de Venise. Saint-Petersbourg, 1884, p. 679 прим. и приложж. p. 085.* Наконецъ, нашъ Барскій въ своемъ Путешествіи къ святымъ мѣстамъ свидѣтельствуетъ, что „греки зѣло ненавидятъ Рима и послушающихъ его“,—5-го, 1800-го года, изд. стрр. 139 и 156 sub. fin..

Къ стр. 123. Встрѣчали мы и позднѣйшія со стороны греческихъ ученыхъ жалобы, будто венеціанскіе типографы-католики XVI вѣка подлежатъ укору за то, что въ печатанныя ими греческія богослужебныя книги навносили много погрѣшностей (читается это. напр..

въ одномъ письмѣ патріарха Константинопольскаго Констанція 1-го къ епископу Ставропольскому и ректору Халкинской семинаріи Константину Типальду). Но примѣры, на которые указываютъ въ подтвержденіе обвиненія, ясно даютъ видѣть, что въ погрѣшностяхъ, нисколько не составляющихъ какихъ нибудь латинскихъ ересей, виноваты были вовсе не типографы, а редакторы, изготовлявшіе книги къ печати (редакторъ одного изданія или редакторы нѣсколькихъ изданій февральской мѣсячной минеи подъ 19-мъ числомъ мѣсяца называютъ святаго Анастасія, патріарха Іерусалимскаго патріархомъ Константинопольскимъ, изъ чего выходитъ скандальная нелѣпость, ибо патріархъ Константинопольскій Анастасій былъ иконоборецъ: а патріархъ Констанцій винить за это нисколько не виноватаго типографа и спѣшить по этому поводу вообще обвинять типографовъ). Конечно, со стороны типографовъ могли быть опечатки, но чтобы въ напечатанныя ими греческія богослужебныя книги они намѣренно вносили латинскія ереси, примѣровъ этого вовсе не указывается (А что этимъ путемъ, если бы и справедливы были обвиненія на типографовъ, греческая церковь никакъ не могла быть заражена латинскими ересями, объ этомъ мы сказали. И греки, обвиняющіе типографовъ, пришли бы въ истинный ужасъ, если бы узнали, что своими обвиненіями они подають поводъ къ такимъ подозрѣніямъ на греческую церковь).

Къ стр. 129. Въ настоящее время греческая церковь запрещаетъ крестить чрезъ погруженіе младенца въ воду безъ головы, съ возлїаніемъ на голову воды рукою, и предписываетъ, чтобы крещеніе было совершаемо чрезъ всецѣлое, и съ головой, троекратное погруженіе младенца въ воду, см. грамоту патріарха Константинопольскаго Агаѳангела отъ сентября мѣсяца 1829-го года въ изданіи *Μαρονη λ' α Γω. Γεδεω ν' α. Κανονικαὶ διατάξεις, ἐπιστολαὶ, λύσεις, θεοπλιματα τῶν ἀγιωτάτων πατριάρχων Κωνσταντινουπόλεως*, т. II, стр. 180—184 (въ грамотѣ предписывается: *βαπτίζει ἱερεὺς τὸ βρέφος ὁλόκληρον ἐν τῇ ἱερᾷ κολυμβήθρα, ἤτοι καταδύει, ἐμβυθίζει αὐτὸ εἰς τὸ ὕδωρ μέχρι ὑπὲρ κεφαλὴν μετ' ἐπιδεξιῶν προσοχῆς ...; ἀνάγκη γίνεσθαι ἐντελεῖς μέχρι ὑπὲρ κεφαλὴν τὰς τρεῖς καταδύσεις τοῦ βαπτιζομένου...*, стр. 182).

Къ стр. 136. Въ книгѣ неизвѣстнаго автора: „Жизнь св. Василия Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійскія и его пастырская дѣятельность“, напечатанной въ С.-Петербургѣ, въ 1873 году, между прочимъ есть имѣющее въ виду старообрядцевъ „Изъясненіе св. Василиемъ того, могутъ ли быть измѣняемы обряды церковныя и есть ли основаніе расторгать союзъ любви изъ-за обрядовъ“ (въ концѣ 5-й главы книги).

Къ стр. 138 *fin.*. Разнообразное празднованіе Великаго поста и вообще его исторію см. въ статьѣ А. Петровскаго: „Предпасхальный

постъ и исторія его развитія“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ за 1903-й годъ.

Къ стр. 151. Григорій Мама въ одномъ сочиненіи своемъ противъ Марка Ефесскаго (половина XV вѣка) говоритъ: *Ἡ καθολικὴ ἐκκλησία ἐν ταῖς ψαλμοφθιαῖς ἄλλην τάξιν ἔχει, καὶ ἄλλην αἱ μεγάλαι μοναὶ, καὶ ἄλλην τὰ ἡσυχαστήρια, καὶ ἄλλην αἱ κοσμικαὶ ἐκκλησίαι*, т.-е. соборная церковь имѣетъ иной чинъ псалмопѣній, и иной (чинъ имѣютъ) большіе монастыри, и иной—пустыни, и иной—мірскія церкви: мѣсто приведено у *Дюканжа* въ *Glossarium'ѣ Graecitatis*, подѣ сл. *Ἠσυχαστήριον*. Что касается до русской церкви, то Стоглавыи соборъ говоритъ объ уставахъ Студійскомъ и Святыхъ горы и о многихъ уставахъ, а еще—что въ монастыряхъ свой чинъ противу приходскихъ церквей, — гл. 7, 15 и 41, вопр.—отв. 28, Казанск. изд. стрр. 84, 102 и 193 стр. Въ началѣ XVII вѣка у насъ въ Россіи были разные обычаи въ монастыряхъ, и рукописи этого времени указываютъ на старинныя уставы и говорятъ объ ихъ отмѣнѣ, см. Описанія синодд. ркпш. *Горск.* и *Невостр.* № 391, стрр. 333 и 334.

Къ стр. 155—156. *Дюканжъ* въ *Glossarium'ѣ Latinitatis*, подѣ сл. *Signum*, приводитъ слова Юлія Африкана, греческаго египетско-палестинскаго писателя, жившаго въ концѣ 2-го—въ первой половинѣ 3-го вѣка и умершаго около 240-го года: *Signum Dei in frontibus nostris digitis suis facimus*.

Въ дѣяніяхъ 7-го вселенскаго собора, бывшаго въ 787-мъ году, находимъ указаніе, что крестъ изображаемъ былъ тогда еще на челѣ и еще однимъ перстомъ. *Διὰ τε τῆς γινομένης παρ' ἡμῶν εἰς αὐτὸν (σταυρὸν) προσκυνήσεως, —* говорятъ отцы собора, *τῆς τε ἐν τῷ μετώπῳ σεμειώσεως, καὶ τῆς ἐν τῷ ἀερί διὰ δακτύλου γινομένης σφραγίδος, ἀποδιώξαι δαίμονας ἐπιζόμεν*, т.-е. что же касается до творимаго ему (кресту) нами поклоненія, до знаменованія его на челѣ и дѣлаемаго перстомъ впечатлѣнія (его) въ воздухѣ: то мы уповаемъ, что прогоняемъ (черезъ сіе) демоновъ,—дѣяніе шестое, томъ или отдѣлъ четвертый, у *Манси* въ *Concilioium collectio t. XIII*, p. 270 sub. fin., см. также греческии Пидаліонъ, въ предисловіи къ дѣяніямъ 7-го собора 9-е примѣчаніе, Закинѣск. изд. стр. 319, col. 1 стр. (въ русскомъ Казанскомъ переводѣ дѣяній соборовъ, VII, 488 стр., почему-то нѣтъ ни чела, ни перста).

Къ стр. 157. Въ Сербіи, по свидѣтельству извѣстнаго писателя Константина Костенческаго, начертаніе на себѣ крестнаго знаменія однимъ перстомъ было весьма и чуть ли не наиболѣе употребительно еще въ его Константиново время, т.-е. въ концѣ XIV—началѣ XV вѣка, см. его Книгу о письменехъ въ I томѣ Исслѣдованій по русскому языку, издаваемыхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, стр. 457 нач.

Къ стр. 160 fin. О преніи панагіота съ азимитомъ см. еще въ статьѣ *Н. Ѳ. Красносельцева*: „Преніе панагіота съ азимитомъ по новымъ греческимъ спискамъ“, напечатанной въ Лѣтописяхъ Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ, VI, Византійское отдѣленіе, стр. 295, и въ статьѣ *М. Сперанскаго*: „Къ исторіи пренія панагіота съ азимитомъ“, напечатанной во II томѣ „Византійскаго Временника“, Отд. I, стр. 521.

Къ стр. 161. Относительно побужденія, которое заставило грековъ вмѣсто двоеперстія усвоить троеперстіе если не прямо можно подозревать, то по крайней мѣрѣ можно задавать вопросъ: не было ли этимъ побужденіемъ желаніе имѣть перстосложеніе отличное отъ перстосложенія латинянъ? Послѣ овладѣнія Константинополемъ въ 1204-мъ году латиняне въ продолженіе 57-ми лѣтъ (1204—1261) жили между греками въ качествѣ ихъ ненавистнѣйшихъ поработителей. Не невозможно думать, что на перстосложеніе ненавистнѣйшихъ людей греки смотрѣли какъ на печать антихристову. Но латинское троеперстіе (указательный и большой середній персты соединенно протянуты, палець приложенъ къ нимъ, малый середній перстъ и мизинець пригнуты къ ладони) до такой степени похоже на двоеперстіе, что старообрядцами, какъ говорили мы выше (стр. 166 прим.), принимается за это послѣднее.

Къ стр. 172. Въ Хлудовскомъ спискѣ сочиненій Максима Грека № 78 не читается словъ Максима о перстосложеніи и объ аллилуйи, а только значатся онѣ въ оглавленіи, ибо сборникъ сочиненій раздѣленъ былъ на два переплета или на двѣ особыя книги, и второй книги, въ которой находились слова, не достаетъ въ библіотекѣ (въ сборникѣ по оглавленію находились 73 главы или 73 сочиненія Максима, и между ними—сказъ, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ, составлялъ 40-ю главу, а словцо къ смѣющимъ трижды глаголати аллилуйа — 27-ю главу, но въ первой, сохранившейся, половинѣ сборника находится только 25 главъ).

Къ стр. 176 fin. О начертаніи креста однимъ перстомъ на водѣ при совершеніи крещенія и объ елеопомазаніи однимъ перстомъ крещаемого по греческимъ евологіямъ IX—XV вѣковъ, см. въ т. II Описанія литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока, *А. А. Дмитриевскаго*, Кіевъ, 1901, стрр. 2, 69, 208, 252, 374, 399.

Къ стр. 179. Обычай изображать лица говорящія съ перстосложенными руками или посредствомъ этого перстосложенія давать знать, что изображенныя лица должны быть представляемы говорящими, прежде Грековъ и Римлянъ былъ еще у Индѣйцевъ, Ассиріянъ и Египтянъ,—не приводимъ свидѣтельствъ за ихъ для насъ ненадобностью.

Къ стр. 180. На миниатюрахъ одной греческой рукописи XII вѣка находимъ перстосложеніе, служащее къ обозначенію лицъ говорящихъ, котораго не указано нами, именно—палецъ и большой середній персть соединены между собою концами, малый середній персть пригнутъ къ ладони, а указательный персть и мизинецъ протянуты. См. въ сочиненіяхъ *Н. В. Покровскаго: Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ*, Спб., 1892, стр. 401, и *Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства*, Спб., 1894, стр. 179, миниатюру, изображающую воскресеніе Христова (въ группѣ лицъ, которыя направо отъ зрителя, перстосложенныя руки двухъ переднихъ, говорящихъ между собою лицъ).

Къ стр. 181—182. На иконѣ Благовѣщенія архангелъ Гавріиль обыкновенно изображается съ протянутой къ Божіей Матери перстосложенной рукой: ясно, что архангелъ не благословляетъ Божию Матерь, а благовѣствуетъ Ей (Лук. I, 28: *и вшедь къ ней ангелъ рече: радуйся, благодатная, Господь съ тобою: благословена ты въ женахъ*). А для кого это не совершенно ясно, тѣмъ мы скажемъ, что есть и такія древнія изображенія Благовѣщенія, на которыхъ архангелъ съ перстосложенной рукой, протянутой къ Божіей Матери, а Божія Матерь съ перстосложенной рукой, протянутой къ архангелу, см. напр., такое изображеніе изъ рукописи VI вѣка въ изданіи *К. Тренева: Иконостасъ Смоленскаго собора Московскаго Новодѣвичьяго монастыря*, М. 1902, стр. 90, № 66. Тутъ уже безспорно, что архангелъ и Божія Матерь не благословляютъ другъ друга, а бесѣдуютъ другъ съ другомъ.—Еще совершенно ясны примѣры употребленія перстосложенныхъ протянутыхъ рукъ, какъ знака лицъ говорящихъ: на миниатюрѣ X вѣка изображено посѣщеніе пророкомъ Нааномъ царя Давида: у Наана перстосложенная рука, протянутая къ Давиду; у послѣдняго перстосложенная рука, протянутая къ первому, см. у *Прохорова* въ I кн. Христіанскихъ Древностей 1862-го года. На фрескѣ Кіевскаго Софійскаго собора изображенъ великомученикъ Георгій и передъ нимъ на колѣняхъ царица Александра: великомученикъ съ протянутой къ царицѣ перстосложенной рукой, см. у гр. *Толстова и Кондакова* въ Русскихъ древностяхъ въ памятникахъ искусства, т. IV, № 113, стр. 138.

Къ стр. 182. На монетѣ императора никейскаго Феодора Ласкаря, занимавшаго престолъ съ 1255-го по 1258-й годъ, Спаситель изображенъ съ перстосложеніемъ правой руки, состоящимъ въ томъ, что протянуть одинъ указательный персть, а всѣ остальные пригнуты,— у *Дюканжа* въ *Familiae Byzantinae*, p. 218. Ясно, что Спаситель, изображенный съ этимъ перстосложеніемъ, представляется говорящимъ (благовѣствующимъ), а не благословляющимъ (ибо перстосложеніе

для благословенія было крестовидное). А слѣдовательно,—еще и въ половинѣ XIII вѣка Спаситель изображаемъ былъ не какъ благословляющій, а какъ благовѣствующій (говорящій).

Выше мы упоминали о лицевомъ житіи преп. Сергія Радонежскаго, написанномъ во второй половинѣ XVI вѣка и въ 1853-мъ году изданномъ литографически. На картинкахъ этого житія лица говорящія обозначаются посредствомъ протянутыхъ перстосложенныхъ рукъ; наибольшую частію перстосложеніе есть единоперстіе, состоящее въ томъ, что указательный перстъ протянуть, а всѣ остальные персты пригнуты *); но довольно примѣровъ, что лица говорящія обозначаются посредствомъ двоеперстія или посредствомъ перстосложенія, близкаго къ крестовидному, именно—перстосложенія, въ которомъ палецъ сомкнуть съ малымъ среднимъ перстомъ, а остальные персты протянуты (посредствомъ двоеперстія: лл. 3, 5, 27, 67 об., 68, 145 и об., 154 об., 159, 162 об., 188, 190, 191 об., 197, 216, 289 об., 291, 334 об., sqq.; посредствомъ перстосложенія, близкаго къ крестовидному: лл. 25, 26, 103, 155, 226, 275 об., 292, 327 об.). Слѣдовательно, и во второй еще половинѣ XVI вѣка лица говорящія обозначались у насъ посредствомъ перстосложенія, тождественнаго съ двоеперстіемъ для крестнаго знаменія и посредствомъ перстосложенія, близкаго къ крестовидному перстосложенію для благословенія.

Между фресками алтарной стѣны Московскаго Успенскаго собора, которыя относятся ко второй четверти XVII вѣка и которыя открыты были при реставраціи собора въ 1882-мъ году, есть изображенія преподобныхъ Варлаама пустыяника и Іоасафа царевича Индѣйскихъ. Преп. Варлаамъ, въ знакъ того, что онъ держитъ поученіе къ Іоасафу, какъ это видно и изъ читаемаго на картіи, находящейся въ лѣвой рукъ его, изображенъ съ перстосложенною двоеперстно и протянутою къ Іоасафу правою рукою.

Въ Строгановскомъ иконописномъ лицевомъ подлинникѣ XVII вѣка, изданномъ въ 1869-мъ году, также находимъ нѣсколько примѣровъ, что лица говорящія обозначаются посредствомъ протянутой и двоеперстно перстосложенной руки, см. 23 сентября, 8 ноября, 10 декабря, 1 января, 25 марта, 2 августа.

Находимъ тоже на рисункахъ и XVIII вѣка, см. въ Сборникѣ на 1866 годъ, изданномъ Обществомъ древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ, отд. I, статью *Θ. И. Вуслаева*: „Общія понятія объ русской иконописи“, рисунокъ 1, къ стр. 10, „почи Богъ въ день седьмый“ **).

*) А также пятиперстіе или всеперстіе, состоящее въ томъ, что поднята рука съ протянутыми всѣми пятью перстами, см. напр., л. 136 об. sqq.

***) А на иконѣ Благовѣщенія архангелъ Гавріиль, благовѣствующій Божіей

Наши русскіе старыя примѣры того, что на однихъ и тѣхъ же священныхъ картинахъ различно перстосложенныя руки, см. въ статьѣ *Н. В. Покровскаго*: „Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства“, напечатанной въ III томѣ Трудовъ VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884), Одесса, 1887, послѣ стр. 306 и 314.

Къ стр. 183. Очень большое количество перстосложенныхъ рукъ, служащихъ знакомъ того, что изображенныя съ ними лица говорятъ, т.-е. представлены и должны быть понимаемы, какъ говорящія,—въ сочиненіи *Н. В. Покровскаго* „Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства“, Спб., 1894.

Къ стр. 195. Мы не знали близко покойнаго о. протоіерея, какъ противураскольничьяго полемиста, и очень можетъ быть, что мы должны были бы напомнить ему касающіяся нашего разномыслія и разногласія съ нимъ авторитетныя рѣчи преосв. Филарета Черниговскаго. Въ своей статьѣ: „Богослуженіе до-монгольскаго времени“ преосв. Филаретъ высказываетъ общее, признаваемое имъ безспорнымъ, положеніе относительно крестнаго знаменія: „Извѣстно, что христіане Вселенской церкви въ разное время различно знаменовались крестнымъ знаменіемъ, смотря по тому, какую мысль вѣри, какое чувство нужно было выразить симъ внѣшнимъ дѣйствіемъ по обстоятельствамъ времени“. А негодовавшимъ на него за сообщеніе свидѣтельства о двоеперстіи, принадлежащаго Или Гевери, онъ отвѣчаетъ въ одномъ письмѣ къ А. В. Горскому: „Православіе не требуетъ для своей твердости гнилыхъ подпоръ, каковы ни на чемъ не основанныя слова объ апостольскомъ происхожденіи троеперстія, боятся крика невѣжды: ихъ не заставитъ молчать тѣмъ, что будешь кричать неправду; правда сама себя защита, а подмостки человѣчскія годны только на то, чтобы сломало ихъ время“ (см. Письма Филарета архіепископа Черниговскаго къ А. В. Горскому, М. 1885, № 84, стр. 216, также Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ часть 33-ю, стр. 331, примѣч.).

Къ стр. 203. Въ греческомъ рукописномъ часословѣ XVI вѣка, находящемся въ Синодальной Библиотекѣ, одинъ разъ читается дважды аллилуія: *ἀλληλούια, ἀλληλούια, δόξα σοι, ὁ Θεός*, въ другой разъ—трижды аллилуія: *ἀλληλούια, ἀλληλούια, ἀλληλούια, δόξα σοι, ὁ Θεός* такъ что въ одной и той же богослужебной книгѣ и дважды и трижды аллилуія, см. въ Описаніи греческихъ рукописей Синодальной Библиотеки *архим. Владимира* № 280, лл. 38 и 141, стр. 397.

Матери, въ знакъ сего послѣдняго, и до настоящаго, если не ошибаемся, времени изображается съ перстосложенной рукой.

Дополненія къ главѣ о четвероконечномъ крестѣ (стрр. 218—229).

О приемлемости крестовъ тройкой формы. Спаситель распятъ не на трехъ крестахъ, а на одномъ крестѣ: между тѣмъ приемятся и почитаются церковію три креста—четвероконечный, шестиконечный и восьмиконечный. Отвѣтъ на сіе есть тотъ, что всѣ три приемлемые и почитаемые церковію креста суть истинные или дѣйствительные кресты, а именно,—что всѣ они представляютъ собою одинъ истинный крестъ въ разныхъ формахъ: четвероконечный крестъ есть истинный крестъ безъ добавленій; шестиконечный крестъ есть истинный крестъ съ добавленіемъ дщицы съ надписью; восьмиконечный крестъ есть истинный крестъ съ дополненіемъ дщицы и подножія или верхняго и нижняго малыхъ поперечій. Довольно долгое первое время въ церкви былъ изображаемъ и почитаемъ крестъ Христовъ въ простѣйшей формѣ не имѣющаго добавленій креста четвероконечнаго (прежде всего, должно думать, потому, что, не изображая на крестѣ самого распятаго на немъ Спасителя и намѣренно чуждаясь сего, т.-е. дѣлать таковое изображеніе, о чемъ сейчасъ ниже, не считали добавленій нужными; затѣмъ, какъ вѣроятно думать, съ одной стороны, потому, что прообразы креста Христова представляли и образы сего креста въ природѣ представляютъ собой кресты четвероконечные, а съ другой стороны—потому, что крестъ этотъ, такъ сказать, незаслоненнѣе и незакрытѣе выражаетъ ту идею, что распятіемъ Христовымъ на крестѣ спасены всѣ четыре конца вселенной, о чемъ см. выше приведенныя изъ отцовъ свидѣтельства, а, наконецъ, и потому, что начальная буква имени Христова представляла именно четвероконечный крестъ); потомъ вошелъ въ употребленіе крестъ шестиконечный, а, наконецъ—крестъ восьмиконечный, послѣ чего остались въ употребленіи и одинаковомъ почитаніи всѣ три формы или вида креста.

У Дюканжа въ *Constantinopolis Christiana*, Lib. IV, p. 149, помѣщены, взятая изъ одной греческой рукописи, изображенія свв. Параскевы, Варвары и Марины: у первой въ рукѣ крестъ восьмиконечный, у второй—шестиконечный, у третьей—четвероконечный, такъ что на одномъ рисункѣ всѣ три креста.

Крестъ преп. Евфросиніи Полоцкой 1161-го года, не имѣющій на себѣ распятія,—шестиконечный; на немъ малые кресты, не имѣющіе распятій,—шестиконечные и четвероконечные, см. *гр. Толстова и Кондакова „Русскія древности въ памятникахъ искусства“*, вып. VI, № 208, стр. 169.

О формѣ подлиннаго креста Христова. Какую форму имѣлъ подлинный крестъ Христовъ, на которомъ Христосъ Господь былъ распятъ,—это остается неизвѣстнымъ. При самомъ обрѣтеніи креста св. Еленою не было сдѣлано его описанія, а потомъ уже онъ и не могъ быть

описываемъ, такъ какъ вслѣдъ за обрѣтеніемъ онъ былъ рознять на части *). Малый крестъ, сдѣланный изъ части древа подлиннаго креста, которая оставлена была св. Еленою въ Іерусалимѣ, вѣроятно, былъ сдѣланъ по точному подобію подлиннаго креста; но и этотъ послѣдній крестъ, въ настоящее время уже не существующій, также никѣмъ не былъ описанъ **).

Климентъ Александрійскій, Тертуллианъ и нѣкоторые другіе полагаютъ, что крестъ Христовъ имѣлъ форму греческой буквы Т (русскаго прописнаго твердо,—у *Гретсверера* т. 1, р. 2, см. также въ Синаксаристѣ *Никодима* подъ 14-мъ сентября), т.-е. что безъ дощечки съ надписью онъ былъ трехконечный ***). Іустинъ мученикъ и Иринея

*) Историки Сократъ (кн. I, гл. 17) и Созоменъ (кн. II, гл. 1) говорятъ, что св. Елена одну часть креста (Созоменъ: большую) оставила въ Іерусалимѣ, а другую часть привезла въ Константинополь. Но св. Кириллъ Іерусалимскій, писавшій ранѣе Сократа и Созомена и, конечно, лучше ихъ знавшій дѣло, говоритъ, что „древомъ крестнымъ по частямъ уже наполнена цѣлая вселенная“ и что по частямъ оно рождено изъ Іерусалима уже цѣлой вселенной (огласительныя поученія 4-го § 10 и 13-го § 4). На основаніи Кирилла Іерусалимскаго говоритъ св. Димитрій Ростовскій: „Онъ самый крестъ, на немже Христосъ распятъ бысть, не обрѣтается, раздробленъ и разнесенъ отъ вѣрныхъ на благословеніе и исцѣленіе по вселеннѣй“,—Розыска ч. 1, гл. 6 сначала. — А кто бы удивился, что не сохранилось о формѣ креста Христова общаго и твердаго преданія, которое шло бы отъ самаго времени распятія, тому мы скажемъ, что не сохранилось подобнаго преданія и о внѣшнемъ видѣ Спасителя: бл. Августинъ († 430) говоритъ, что существуетъ множество разныхъ сказаній о внѣшнемъ видѣ Спасителя, но что въ дѣйствительности онъ остается вовсе неизвѣстнымъ (qua fuerit Dominus facie, nos penitus ignoramus.—De trinitate, VIII, 4).

**) Этотъ малый крестъ, сдѣланный изъ части древа подлиннаго креста, должно разумѣть подъ животворящимъ древомъ, находившимся въ Іерусалимѣ, а именно онъ уносимъ былъ Козроемъ въ Персію въ 614-мъ году и возвращенъ въ Іерусалимъ Иракліемъ въ 628-мъ году. О крестѣ этомъ, который хранился въ скевофилакѣи Голгоетской церкви, въ серебряномъ позолоченномъ ковчегѣ (сдѣланномъ св. Еленою,—Сократъ и Созоменъ въ указанныхъ выше мѣстахъ) и приносимъ былъ въ самую церковь, для лобызанія народомъ, только въ извѣстные немногіе дни, см. въ изданіи-сочиненіи А. А. *Дмитріевскаго*: Богослуженіе Страстной и Пасхальной седмиць въ св. Іерусалимѣ IX—X в., Казань, 1894, стр. 394 *fl.* sqq.

***) Древнія изображенія трехконечныхъ крестовъ, вырѣзанныя на драгоценныхъ камняхъ (камен) см. у *Мартини*, р. 626, и у *Мюллера* и *Мотеса*, fig. 1081 (О неожиданномъ и не совсемъ понятномъ почитаніи трехконечнаго креста у насъ въ Россіи, въ Тверской губерніи, если только за изображенія трехконечныхъ крестовъ не принимаются изображенія двухстороннихъ сѣкиръ, каковыя видятъ въ загадочныхъ изображеніяхъ иные, см. въ *Вѣстникѣ Общества древнерусскаго искусства при Московск. Публич. Музеѣ* на 1875-й годъ, № 1—3, Смѣсь, стр. 7 *fl.*, и въ *Русской Старинѣ* 1888-го года, въ августѣ мѣсяцѣ, статью *Сивескаго*: Путевые очерки, стр. 424 нач.).—Изъ словъ евангелиста

Лионскій полагають, что безъ этой дощечки съ надписью крестъ Христовъ былъ пятиконечный, именно что онъ состоялъ изъ продольнаго и поперечнаго деревъ и изъ короткаго обрубка дерева, который вставленъ или вкочоченъ былъ въ середину продольнаго дерева и на который сажаемы были распинаемые *). Климентъ Александрійскій и Тертуллианъ, Иустинъ мученикъ и Ириней Лионскій жили въ то время, когда смертная крестная казнь чрезъ распятіе на крестъ была еще въ употребленіи. Слѣдовательно, когда два первые изъ нихъ предполагаютъ, что Христосъ былъ распятъ на трехконечномъ крестъ, а два вторые предполагаютъ, что Онъ былъ распятъ на пятиконечномъ крестъ, то первые разумѣютъ одинъ, а вторые другой изъ двухъ крестовъ, употреблявшихся въ ихъ время для смертной крестной казни.

О крестахъ Константиновыхъ. Мы сказали, что не имѣемъ описанія формы крестовъ, поставленныхъ Константиномъ Великимъ въ Константинополь. Но вотъ указанія, не совершенно прямое и совершенно прямое, что кресты эти были четвероконечные. Объ одномъ изъ нашихъ крестовъ Свиды въ своемъ Словарѣ подъ словомъ *Σταυρός* говоритъ, что на концахъ его были круглыя яблоки (*ἐπὶ τὸ βόρειον τοῦ φόρου μέρος σταυρός ἴστατο, ὡς εἶδεν αὐτὸν ἐν τῷ οὐρανῷ Κωνσταντῖνος, χρυσεῖμκλαστος, ἐν τοῖς ἀκρωτηριαχοῖς τρογγύλοις μήλοις*),—въ сѣверной части фороса (форума) или торговой площади (главной) стоялъ крестъ, какъ видѣлъ его на небѣ Константинъ, обложенный золотомъ,

Иоанна, что Спаситель на крестъ *преклонь главу предаде духъ*,—XIX, 30, какъ будто дѣйствительно слѣдуетъ, что крестъ Его имѣлъ форму буквы тавъ или нашей прописной буквы *твердо*, имѣвъ или не имѣвъ затѣмъ поперечный рогъ (о которомъ говорится далѣе): если бы крестъ былъ четвероконечный, т. - е. продольнымъ деревомъ выступалъ вверхъ надъ поперечнымъ, то голова или шея Спасителя была бы привязана къ верхнему концу (ибо иначе затѣмъ бы сему послѣднему и быть) и Онъ не могъ бы преклонить или наклонить головы.

*) Иустинъ мученикъ въ Разговорѣ съ Трифономъ иудеемъ,—§ 91, Ириней въ сочиненіи противъ ересей,—кн. 2, гл. 42. Славянскій переводъ Иустина въ Бесѣдахъ къ глыголемому старообрядцу, въ Дополненіи къ бесѣдѣ 3-й о крестъ, а подлинныя слова о маломъ дрѣвѣ, утвержденномъ въ серединѣ продольнаго древа, суть: *καὶ ἐν τῷ μέσῳ πρυγνόμενον, ὡς κέρασ καὶ αὐτῶ ἐξέχων ἔστι, ἐφ' ᾧ ἐκποδύνται οἱ σταυρούμενοι*. Подлинныя слова Иринея суть: *Figura crucis fines et summitates habet quinque: duos in longitudine, duos in latitudine, unum in medio. in quo quiescit, qui clavus affingitur*. О дощечкѣ съ надписью, которая была найдена отдѣльно отъ креста, говорятъ Сократъ и Сохоменъ. Первый: „Вмѣстѣ съ ними (крестами) найдена и дощечка Пилата, на которой распятаго Христа провозглашалъ онъ въ разныхъ письменахъ царемъ иудейскимъ“. Второй: „И отдѣльно отъ нихъ (крестовъ) еще (найдено) древо въ видѣ бѣлой дощечки, на которой словами и письменами еврейскими, греческими и римскими было изображено: „Иисусъ Назарянинъ царь иудейскій“.

съ круглыми яблоками на концахъ *). Но какъ въ натурѣ, такъ и въ иконографіи кресты съ круглыми яблоками на концахъ почти исключительно суть кресты четвероконечные, такъ что чрезвычайно рѣдки примѣры, чтобы кресты эти были шестиконечными и неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы они были восьмиконечными **). Греческій Константинопольскій писатель X вѣка Константинъ Родій, составившій между 931—944-мъ годами, по порученію импер. Константина Порфирогенита, описаніе произведеній искусства, находившихся въ Константинополѣ, усваиваетъ одному изъ крестовъ Константина Великаго эпитетъ: *tetraquetris*, четверосіяннй ***). Но это: четверосіяннй значитъ: четвероконечный, ибо подъ *τετραειών*’ами, сіянїями, креста Родіа разумѣеть именно находившіеся на концахъ его *μήλα* или яблоки.

О времени появленія крестовъ восьмиконечныхъ. Когда вошли у грековъ въ употребленіе восьмиконечные кресты, т.-е. именно самые кресты, а не изображенныя на нихъ распятія, съ достовѣрностью сказать не можемъ, но несомнѣнно, что въ позднее сравнительно время. Преп. Феодоръ Студитъ и патр. Фотій даютъ знать, что въ ихъ время кресты были четвероконечные и шестиконечные и что еще не было крестовъ восьмиконечныхъ (см. выше стрр. 223 и 224); въ Мелологіи импер. Василия (976—1025) также кресты четверо-и-шестиконечные и нѣтъ еще крестовъ восьмиконечныхъ. Затѣмъ, находимъ восьмиконечные кресты на монетахъ греческихъ императоровъ XIII и XV вѣковъ, но кресты странной формы, у которыхъ поперечія не какъ у обыкновенныхъ крестовъ — короткое, длинное и опять короткое (⦿), а короткое, болѣе длинное и еще болѣе длинное (⦿) ****). На миниатюрѣ одной ватиканской греческой рукописи XII, а можетъ быть—и XIII вѣка, изображающей воскресеніе Спасителя, въ рукѣ у Спасителя восьмиконечный крестъ съ обыкновенными поперечїями,

*) Свиду повторяютъ Козинъ и анонимъ Бандуріевъ, см. у Унгера въ *Quellen der Byzantinischen Kunstgeschichte*, S. 158, § 373.

**) Намъ извѣстны два примѣра шестиконечныхъ крестовъ съ круглыми яблоками на концахъ; это—кресты на одной изъ монетъ импер. Іоанна Цимисхїа (970—976) и на одной изъ монетъ импер. Романа Диогена (1068—1071),—у Дюканжа pp. 152 и 159.

***) См. въ 1-й книгѣ Извѣстїй Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ (Одесса, 1896) статью О. Ф. Вульфа: „Семь чудесъ Византіи и храмъ святыхъ Апостоловъ“, стр. 77.

****) См. *Description générale des monnaies Byzantines frappées sous l'empereurs d'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople par Mahomet II*, par J. Sabatier, Paris, 1862, t. 2 Pl. LXIV, № 2, и LXV, № 8.—По своей формѣ кресты эти тождественны съ составляющимъ азгладку для насъ папскимъ восьмиконечнымъ крестомъ, который см. напр. въ Словарѣ Мюллера и Мотеса, Fig. 856.

но нижнее поперечіе или подножіе посажено слишкомъ низко на продолжномъ деревѣ, почти у самаго нижняго конца его, такъ что смотреть не подножіемъ, а поперечіемъ неизвѣстнаго назначенія *). Совсѣмъ обыкновенные восьмиконечные кресты видимъ на миниатюрахъ одной парижской греческой рукописи, именно—въ рукахъ у нѣсколькихъ, изображенныхъ на миниатюрахъ, святыхъ мученицъ. Но Дюканжъ, напечатавшій миниатюры въ своемъ сочиненіи *Constantinopolis christiana*,—Lib. IV, pp. 137 и 149, не сообщаетъ, какого вѣка рукопись. Памятникъ извѣстнаго времени, на которомъ находимъ обыкновенные восьмиконечные кресты, есть сакось греческой работы, принадлежавшій нашему митрополиту Фотію (1408—1431) и хранящійся теперь въ синодальной ризницѣ,—фотографическій снимокъ съ него см. въ Указателѣ ризницы *проесс. Саввы*. Что касается до нашихъ Русскихъ памятниковъ, то въ Изборникъ Святославовомъ 1073-го года, на картинкахъ передъ первой и передъ второй его частями, представляющихъ сонмы (группы) святыхъ, въ рукахъ у послѣднихъ—кресты четверо-пятеро-**) и шестероконечные, а надъ арками, въ которыхъ помѣщены святые, на картинкахъ передъ второй частью—кресты четвероконечные; въ октябрьской мѣсячной мишеѣ, написанной въ 1096-мъ году и находящейся въ Типографской библіотекѣ, на бордюръ надъ оглавленіемъ книги—крестъ шестиконечный, см. у *проесс. Саввы* въ Палеографическихъ снимкахъ, дополн. л. II; въ настѣнной живописи (фрескахъ) Новгородской Спасо-Нередицкой церкви, относящейся по своему первому написанію къ 1199-му году,—кресты шестиконечные, см. въ сочиненіи *Н. В. Покровскаго*: Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ, табл. I, III и IV; въ рукописи Московской Духовной Академіи XII—XIII вѣка, содержащей хронографъ Григорія Амартола, кресты на церквахъ—четвероконечные, а крестъ въ рукахъ у святаго—шестиконечный,—№ 100, лл. 18, 125 об., 157 об., 244 об., 245 об.; въ рукописяхъ Троицкой Лавры конца XIV и конца XV вв. кресты на бор-

*) См. въ сочиненіяхъ *Н. В. Покровскаго*: Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 401 и Очерки памятниковъ правосл. иконографіи, стр. 179.

**) Пятиконечные кресты такимъ образомъ, что дщица съ титломъ или надписью изображена прибитою ко кресту не нѣсколько ниже верхняго конца его, а на самомъ концѣ такъ: (у Русскихъ въ Галиціи служитъ народнымъ или наиболѣе почитаемымъ крестомъ крестъ седмиконечный, при чемъ къ нашему пятиконечному кресту прибавлено то же, что у восьмиконечнаго креста, косое подножіе, такъ что крестъ этотъ есть .—Изображеніе пятиконечнаго креста есть на окладѣ иконы Владимирской Божіей Матери, а самые кресты семиконечные есть въ ризницѣ того же Московскаго Успенскаго собора).

дюрэхъ—шестиконечные, см. въ Описаніи ркп. №№ 115 и 314 *) (Что нынѣшнее косое подножіе на восьмиконечныхъ крестахъ, вплотную или вглядь врѣзанное въ продольное дерево крестовъ и на самомъ дѣлѣ не представляющее изъ себя подножія, къ которому прибиты, но на которомъ не поставлены, ноги Спасителя, происхожденія греческаго, а не русскаго, какъ являлась бы наклонность думать, объ этомъ см. въ Запѣткахъ поклонника Святой Горы, Кіевъ, 1864, стр. 83).

О ссылкѣ старообрядцевъ на пророка *Исаію*. Существуетъ древнее мнѣніе, усвояемое еще Іоанну Златоусту (*Гретзера t. 1, p. 7, col. 1*), что пророкъ *Исаія*, говоря въ главѣ 60-й (ст. 13): *И слава Ливанова къ тебѣ придетъ кипарисомъ и пегомъ и кедромъ купитъ прославити мѣсто святое мое и мѣсто ногъ моихъ прославлю*, разумѣть крестъ Христовъ, и что такимъ образомъ крестъ сей, по пророчеству *Исаіи* имѣвшій быть безъ дщицы съ надписью шестиконечнымъ, съ этою послѣднею былъ восьмиконечный. Можно принимать мнѣніе, можно и не принимать его (разумѣя слова пророка, по прямому ихъ смыслу, о ветхозавѣтномъ храмѣ Іерусалимскомъ), но во всякомъ случаѣ ссылка на него старообрядцевъ во утвержденіе того ихъ лжеученія, будто должно почитать единственно крестъ восьмиконечный, совершенно неосновательна. Какъ выше мы сказали, остается собственно неизвѣстнымъ, на какомъ крестѣ распятъ былъ Спаситель; но церковію принято изображать его на крестѣ восьмиконечномъ и мы вовсе не отвергаемъ этого, а такъ именно и изображаемъ распятіе и почитаемъ восьмиконечный крестъ какъ истинный крестъ Христовъ. Если же вмѣстѣ съ полнымъ крестомъ восьмиконечнымъ мы почитаемъ и неполный крестъ четвероконечный, то дѣлаемъ это по самой благословной винѣ. Почитаніе въ церкви креста Христова началось именно съ неполнаго креста четвероконечнаго, въ единственномъ видѣ котораго довольно долгое время онъ и былъ почитаемъ и который потомъ навсегда остался почитаемымъ вмѣстѣ съ позднѣе явившимся или вошедшимъ въ употребленіе крестомъ восьмиконечнымъ; на это мы имѣемъ великое множество самыхъ неоспоримыхъ свидѣтельствъ. Что касается до того, что крестъ неполный почитается

*) Въ Сербской рукописи 1386-го года крестъ надъ бордюрой восьмиконечный, см. у преев. Саввы въ Палеографическихъ снимкахъ, л. 33. А что касается до настѣнной живописи, то находимъ восьмиконечный крестъ въ Новгородской церкви св. Николая на Липнѣ, построенной въ 1292-мъ году и неизвѣстно точнымъ образомъ когда расписанной, см. сочиненіе *Г. Д. Филимонова*, Археологическія изслѣдованія по памятникамъ: церковь св. Николая Чудотворца на Липнѣ, близъ Новгорода (и) Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ, М. 1859, рисунковъ листъ VI, вверху лѣвая сторона.

одинаково съ крестомъ полнымъ, то отвѣтъ на сіе есть тотъ, что неполный крестъ вовсе не перестаетъ быть истиннымъ крестомъ, а представляетъ собою только неполный истинный крестъ, и что почитаніе его одинаковое съ крестомъ полнымъ совершенно равнозначимо съ почитаніемъ иконъ Спасителя и святыхъ какъ изображенныхъ въ полномъ ихъ видѣ, такъ и въ подовину лишь корпуса или по грудь. (Въ канонѣ Теофана исповѣдника на 15-е сентября первый тропарь 9-й пѣсни читается: „Пречистое древо честнаго креста Твоего яви великій Исаія кипарисомъ и пѣгомъ и кедромъ, рекъ славъ пришельствовати къ Тебѣ Ливановъ, Спасе, и прославити тѣмъ лобно мѣсто“, но въ томъ же канонѣ вмѣстѣ съ этой ссылкой на пророка Исаію крестъ Христовъ нѣсколько разъ называется четвероконечнымъ или изображается какъ четвероконечный, см. 4-й пѣсни тропарь 7-й, 7-й пѣсни тропари 3-й и 4-й и 8-й пѣсни тропарь 3-й: содержащая канонъ сентябрьская мидея конца XI вѣка напечатана въ I томѣ Памятниковъ древнерусскаго языка, издаваемыхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ).

Дѣлая нѣкоторое общее резюме рѣчей о крестѣ, должно сказать:

1) На какомъ крестѣ распять былъ Спаситель, это остается достоверно неизвѣстнымъ и древніе святые отцы были объ этомъ различнаго мнѣнія.

2) Первое довольно долгое время крестъ Христовъ почитаемъ былъ церковію въ видѣ креста четвероконечнаго, на которомъ не было изображаемо самого распятія.

3) Когда вошло въ обычай изображать распятіе, то стали дѣлать такимъ образомъ, чтобы изображать распятаго Спасителя не на самомъ крестѣ, а на вторичномъ крестѣ, который изображался (какъ и доселѣ изображается) на самомъ крестѣ. Вторичный крестъ, на которомъ изображалось (и изображается) распятіе, дѣлали отчасти семиконечнымъ (выше стр. 251), но преимущественно и въ концѣ концовъ исключительно восьмиконечнымъ; что касается до самаго креста, то сначала онъ оставался тѣмъ же четвероконечнымъ, а потомъ началъ быть еще дѣлаемъ шестиконечнымъ и черезъ другое „потомъ“ — восьмиконечнымъ, въ каковыхъ трехъ формахъ или видахъ и сталъ быть почитаемъ (Но если изображеніе распятія дѣлалось и дѣлается не на крестѣ, а на стѣнахъ церковныхъ, на доскахъ, на бумагѣ, то, конечно, дѣлалось и дѣлается не на двойномъ крестѣ, а на единичномъ или единственномъ крестѣ восьмиконечномъ).

4) Отъ изображеній распятія должно отличать изображенія крестовъ безъ распятія. Эти послѣднія, подобно самымъ крестамъ, дѣ-

лались и дѣлаются четвероконечными, шестиконечными и восьмиконечными *).

О позднемъ появленіи распятія. Распятіе, т.-е. изображеніе на крестѣ распятаго на немъ Спасителя, представляющее своего рода икону **), явилось или вошло въ употребленіе въ церкви не съ самаго начала христіанства потому же, почему не съ этого начала вошли въ употребленіе обыкновенныя иконы (о чемъ см. напр. нашей Исторіи русской церкви т. I полов. 2, 1-го изд. стр. 161, 2-го изд. стр. 187 sqq.). Затѣмъ, была еще особенная причина, по которой распятіе должно было явиться или войти въ употребленіе позднѣе обыкновенныхъ иконъ: казнь посредствомъ распятія на крестѣ составляла у языческихъ римлянъ до крайности позорную казнь (что даетъ знать и апостоль, говоря объ Иисусѣ Христѣ, что *Онъ претерпѣлъ крестъ, о срамотѣ не радивъ*,—Евр. 12, 2, т.-е. о срамотѣ, о позорности распятія на крестѣ)***), и нужно было пройти тому или другому, болѣе или менѣе продолжительному, времени послѣ уничтоженія этой казни, чтобы христіане перестали смущаться зрѣніемъ Спасителя на крестѣ, а казнь эта запрещена Константиномъ Великимъ (который объявилъ себя за христіанство въ 312-мъ году и который скончался въ 337-мъ году).

Къ стр. 225. Въ стѣнѣ Новгородскаго Софійскаго собора есть каменный крестъ, вставленный въ нее архіепископомъ Новгородскимъ Алексѣемъ, занимавшимъ кафедру съ 1360 г. по 1388 г.: самый крестъ четвероконечный, а распятіе на немъ восьмиконечное, см. описаніе креста съ рисункомъ его въ Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, т. III, col. 423.

Къ стр. 226. Не особенно давно реставрированную древнюю настенную живопись Кіево-Софійскаго собора, на которой кресты въ рукахъ у святыхъ исключительно четвероконечные, см. въ изданіи Русскаго Археологическаго Общества: Древности Россійскаго государства,—Кіевскій Софійскій соборъ (а кресты на сферахъ или шарахъ, которые держатъ въ рукахъ ангелы, — шестиконечные съ подставами).

*) Мы сказали немного выше, что у русскихъ Галиціи находится въ преимущественномъ употребленіи и пользуется особеннымъ почитаніемъ крестъ семиконечный. Мы разумѣли это объ изображеніи креста безъ распятія на немъ; на какомъ крестѣ—семиконечномъ или восьмиконечномъ изображается у нихъ распятіе, этого не можемъ сказать, потому что относительно этого не достасть у насъ свѣдѣній.

**) Иконоборцы, почитавшіе крестъ безъ изображеннаго на немъ распятія, возставали противъ распятія на крестѣ одинаково съ обыкновенными иконами.

***) Казнь распятія на крестѣ или крестная казнь была у римлянъ столько же позорна, сколько позорна у насъ казнь повѣшенія.

Къ стр. 227. Антоній, архієпископъ Новгородскій, говоритъ въ своемъ Паломникѣ, что „во святѣй Софѣи (Константинопольской) во олтарѣ великомъ за святымъ престоломъ стоитъ крестъ златъ, выше двою человекъ отъ земля, съ каменіемъ драгимъ и жемчужгомъ учиненъ, а (что) предъ нимъ виситъ крестъ златъ полутора локтій (одного аршина),—водлѣ трехъ вѣтей повѣшена три кандила, а горитъ въ нихъ масло, а (предъ) четвертую вѣтій (кандило) отъ верху повержено“,—по изд. *Савваитова coll.* 77 и 87. Антоній хочетъ сказать, что малый запрестольный крестъ во св. Софїи былъ четвероконечный и что предъ четырьмя концами его (вѣтъ—вѣтвь) горѣли четыре лампы, при чемъ лампы предъ тремя концами—боковыми и нижнимъ—были прикрѣплены къ нимъ самимъ (какъ это болѣе ясно изъ его дальнѣйшей рѣчи), а лампа передъ верхнимъ концомъ висѣла на шнурѣ, опущенномъ сверху, изъ свода или отъ свода.

Къ стр. 228. Въ Новгородскомъ Софїйскомъ соборѣ древніе кресты: запрестольный — четвероконечный, напрестольные — шестиконечные, см. гр. *М. В. Толстова* сочиненіе: „Святѣи и древности Великаго Новгорода“, М. 1862, стр. 43 и 44.

Къ стр. 232. Въ сборникахъ сочиненій Максима Грека читается статья: „Сиввиліно пророчество о второмъ пришествїи общаго Судїи всѣхъ и о судѣ живыхъ и мертвыхъ, есть же краегранесіе его въ греческомъ сїцево: Иисусъ Христосъ, Божїй Сынъ, Спасъ, по гречески: Иисусъ Христосъ, Θεου Υιος, Сотиръ“, представляющая собою славянскій переводъ пророчества той сивиллы, которую приводитъ у себя Евсевїй Кесарїйскій. Что въ подлинникѣ у Максима было: *Иисусъ*, объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя рукописи его сочиненій, въ которыхъ ясно видно позднѣйшее изглаженіе буквы І, см. напр. рукопись Румянцевскаго Музеума № 244, л. 64 об. А что самъ Максимъ писалъ имя Спасителя: Иисусъ, а не Исусъ, объ этомъ также ясно свидѣтельствуютъ нѣкоторыя старѣйшія рукописи его сочиненій, напр. Хлудовская рукопись 1563-го года, о которой см. въ Описанїи Хлудовскихъ рукописей *А. Н. Попова* стр. 157 фп., и наша академическая фундаментальная рукопись № 42, принадлежавшая митр. Іоасафу (въ рукописи на лл. 81, 83 об., 88 об., 106, 221, 387 стоитъ *їисъ, їисъ, їисова*; на лл. 72, 75 об., 90 стоитъ теперь: *їсъ, їса, їсомъ*, но при этомъ остатки изглаженной буквы *і*, что сдѣлано какимъ-либо раскольничьимъ читателемъ рукописи, ясно видны; въ словѣ обличительномъ на агарянскую прелесть, л. 83 об. нач., краегранесеніе пророчества сивиллы, о которомъ выше, приводится: *їисъ, х̄с̄ с̄из̄ ѣмїй с̄исъ*; встрѣтили мы одинъ разъ написанное: *їсоу*,—л. 253 нач., но это написаніе, очевидно, должно быть усвояемо не самому Максиму, а писцу рукописи).

Къ стр. 235 згг. Поводъ къ внесенію въ 5-й членъ сѣмвола вѣры слова: *истиннаго*, по всей вѣроятности, подало сказаніе о вселенскихъ соборахъ, въ которомъ говорится, что отцы 2-го вселенскаго собора „Бога истиннаго и Господа животворящаго Пресвятаго Духа уясниша“: Никоновск. печатн. Кормчая л. 7 фп., Мѣрило праведное въ ркц. Моск. Дух. Акад. № 157, л. 45 нач. („Бога истиннаго *Ка* животворящаго“... *Ка* ошибкой вмѣсто *Гда*). На греческомъ въ изданіи Ралли и П. *Συγγραμμα ιστορικόν*, I, 371 нач. (*Θεὸς δὲ ἀληθινὸς καὶ χριστὸς καὶ ζωολογὸν τὸ κατὰ τὸν Πνεῦμα ἐστίν*).

У Никона Черногорца 5-й членъ сѣмвола вѣры читается: „и въ *лѣа* сѣго истинна и животворящаго, т.е. безъ слова: Господа. см. Описанія сѣмвода ркц. Горск. и *Новостр.* № 226/229, стр. 51 фп..

Въ рукописи Троицкой Сергіевой Лавры, написанной въ 1423-мъ году по повелѣнію преп. Кирилла Бѣлозерскаго, 8-й членъ сѣмвола вѣры одинъ разъ читается: „и въ Духа Святаго, Господа животворящаго“, два раза: „и въ Духа Святаго, истиннаго и животворящаго“. см. Описаніе славянскихъ рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, № 16, стр. 34.

Преп. Максимъ Грекъ укоряемъ былъ за то, что въ 8-мъ членѣ сѣмвола вѣры выпустилъ слово: истиннаго, см. нашей Исторіи русскій церкви 1-ю полов. II тома, стр. 722, прим. 1.

Упущенія въ ссылкахъ на 2-ю половину I тома нашей Исторіи русской церкви, состоящія въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываются страницы одного 1-го изданія, безъ указанія страницъ 2-го изданія.

Нужно:

На стр. 142, 1-я строка снизу: 2-го изд. стр. 482,

На стр. 151, 14-я строка снизу: 2-го изд. стр. 776,

На стр. 155, 23-я строка снизу: 2-го изд. стр. 821,

На той же страницѣ, 11-я строка снизу: 2-го изд. стр. 619, прим. 3,

На стр. 220, 3-я строка снизу: 2-го изд. стр. 194.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Нужно:</i>
66	2 снизу	Собраніе	Собранія
99	6 —	лѣтописяхъ	Лѣтописяхъ
113	19 сверху	пользовавшійся,	пользовавшійся
116	16 снизу	<i>παλατιρρησις</i> 'ѣ	<i>παλα αντιρρησις</i> 'ѣ
151	16 —	соепоіогит	соепоіогит
158	14 —	1846—1847 г. въ Чтеніяхъ— Древн.	Чтеніяхъ — Древн. 1846— 1847 г.
163	9 —	(не крестить)	(вар. не крестить).
219	13 сверху	двуконеч подножіе	двуконечное подножіе
223	6 и 22 сверху	послѣ цифръ V и VIII	должно быть тире, а не запятая.
241	15 снизу	<i>Γεδων</i> 'а.	<i>Γεδων</i> 'а
251	1 снизу	семикомычене	семикопечные

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	Стр. I
-----------------------	-----------

А.

Общіе вопросы.

	Стр.
I. Что было причиною возникновеній у насъ раскола старо- обрядства	1
II. Какъ явилась у Никона мысль объ исправленіи обря- довъ и книгъ и что такое было или въ чемъ состояло его исправленіе книгъ	27
III. Необходимо ли было Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ, и сдѣланное Никономъ въ настоящее время не нуждается ли въ какихъ-либо поправкахъ	58
IV. О надлежащей постановкѣ полемики со старообрядцами .	69
V. Дополнительныя рѣчи о происхожденіи раскола старо- обрядства (Отвѣтъ на статью свящ. С. Ледовскаго: „О греко- восточномъ православіи“)	76
VI. О несправедливомъ мнѣніи до-никоновскихъ Русскихъ, будто повреждена была чистота православія у позднѣй- шихъ Грековъ, и о причинѣ этого мнѣнія—неправиль- номъ усвоеніи помянутыми Русскими обрядамъ и обы- чаямъ церковнымъ значенія догматовъ вѣры, что въ совокупности было причиною возникновенія у насъ раскола старообрядства	107

В.

Частныя вопросы.

I. О перстосложеніи для крестнаго знаменія и для благо- словенія	153
---	-----

	Стр.
Дополнительныя рѣчи о перстосложеніи (Отвѣтъ о. протоіерею І. Г. Виноградову)	186
II. О пѣсни аллилуія	196
III. О четвероконечномъ крестѣ	218
IV. Объ имени Іисусъ	229
V. О словѣ „истиннаго“ въ 8-мъ членѣ Символа вѣры . .	235
Дополненія и поправки	239

IV.

С М Ъ С Ъ.

1.—„Журналъ для милыхъ“ (1804—1904 гг.).

Съ душевной пустотою,
Нельзя на свѣтъ жить;
Съ любовію одною,
Счастливымъ можно быть.

Тотъ жалокъ—кто безъ милой
Проводитъ цѣлой вѣкъ;
Любви волшебной силой
Живится человекъ.

И самое мученье,
Отъ сладостныхъ цѣпей
Приноситъ восхищенье—
Отраду въ жизни сей.

Блаженъ—кто съ сердцемъ страстнымъ.
Въ сей міръ произведенъ;
Все кажется прекраснымъ—
Тогда—когда влюбленъ.

И комната простая,
Пріятнѣй тѣхъ палатъ,
Что пышностію блистая
Для сердца кроютъ ядъ.

Когда бы я къ любезной
Страсть нѣжну не питалъ,
Тогда бы лилъ токъ слезной,
Терзался—и страдалъ.

Кто милую имѣетъ,
Тотъ съ радостью умретъ;
Любезна пожалѣетъ,
Придетъ на гробъ—вздохнетъ.

И слезка покатится,
На хладный прахъ его...
Тутъ надпись появится
«Прахъ друга моего».

„Журналъ для милыхъ“ I, 356—358.

I.

Молодые люди, ставшіе во главѣ изданія „Журнала для милыхъ“, взявъ подъ свою защиту „богоподобныя созданья“, поставили своей

задачей „прелести нашихъ читательницъ защищать отъ злыхъ на-смѣшекъ критики“. По выходѣ первой книжки, въ статьѣ: „Жертва милымъ ¹⁾ въ обращеніи къ „любезнымъ соотечественницамъ“, подъ вліяніемъ

Нѣжныхъ тѣхъ заразъ,
Чѣмъ онѣ плѣняютъ насъ,

они высказали надежду, что „несовершенства“ ихъ твореній „ваши нѣжныя чувствованія, ваши прелести довершать“. Убѣжденные, что женщина совмѣщаетъ въ себѣ „палату прелестей однѣхъ“, „мы щастливы“, говорятъ они, „что и симъ жертвуемъ, наше удовольствіе, наше благо, въ томъ состоитъ, что мы посвятили сіи вамъ; и когда удостоимся благоволенія вашего, то ни злоба, ни клевета болѣе не посмѣютъ чернымъ ядомъ угрожать намъ“. Предвосхитивъ дамское „благоволѣніе“, они открываютъ страницы своего журнала изображенію „милыхъ“.

И преувѣдомленіе къ журналу и заключительныя строки первой книжки 1-го тома свидѣтельствуютъ о томъ возвышенномъ чувствѣ, которымъ преисполнено ихъ сердце по отношенію къ женщинѣ.

Та одорація женщинъ, которая мѣстами рельефно выступаетъ и въ стихахъ и прозѣ журнала, ставитъ сотрудниковъ ихъ въ тѣсную связь съ ихъ предшественниками — издателями журналовъ XVIII в., не мало воспѣвавшихъ красавицъ, какъ „сладостный магнитъ, привлекающій сердца мужчинъ ²⁾, какъ „таможню прелестей однѣхъ“ ³⁾.

Соотвѣтственно дифирамбамъ женщинъ у писателей XVIII ст., въ родѣ слѣдующихъ:

О полъ возлюбленный! достойныи алтарей!
Порабощающій всѣхъ нѣжностію своей ⁴⁾.

или:

О полъ прелестнѣйшій! Творенья безподобны
Что покорить себѣ вы неудобны? ⁵⁾

и въ „Журналѣ для милыхъ“ читаемъ слѣдующія изліянія:

Въ тебѣ всё совершенство
Въ тебѣ одной хочу я зрѣть,
Въ тебѣ все счастье—мое блаженство
И бога моего имѣть ⁶⁾.

¹⁾ 1, 57—58.

²⁾ Бурцевъ, 901, IV.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ С.-Петербургскій Меркурій, 1793, II, 17.

⁵⁾ Ibid. 21.

⁶⁾ II, 280.

Подъ вліяніемъ чарующей прелести женщины поэтъ восклицаетъ:

Ты Ангелъ въ видѣ человѣка!
 Душа души и божество ¹⁾...

Словомъ, она „богъ души моей“ ²⁾, а потому „буду поклоняться тебѣ“ ³⁾, „боготворить“ ⁴⁾.

Въ этомъ боготвореніи женщины поэзія не уступала прозѣ. Въ этомъ отношеніи очень характерно слѣдующее мѣсто:

„Женщины самое милое, любезное, можно сказать божественное твореніе: — безъ женщинъ мы бы не могли существовать. Женщины, твореніе любимое всею природою.

Нѣжное сердце,—милой взглядъ, чувствительная душа,—самыя восхитительныя пріятности, гдѣ какъ не въ женщинахъ?

Женщина животворить, пламенитъ грубыя чувства наши,—кто не готовъ умереть за женщинъ?

Естьли женщина имѣетъ худой испорченный нравъ, — кто тому причиною? — мужчины! — Имъ мудрено ли превратить кроткаго агнца въ тигра. Божественное твореніе иначе не могло создаться, какъ съ ангельскимъ нравомъ.

Человѣкъ имѣющій чувства женщины, а мужское сердце, есть совершенъ.

Въ каждой женщинѣ я зрю неподобное, несравненное твореніе, а прекрасная — это превышаетъ все...

Ласка женщины есть порфира, объятія корона, ахъ! — на что тогда обладать мѣромъ? Женщины вы погубляете и вмѣстѣ воскрѣщаете все“ ⁵⁾.

II.

Впрочемъ, божество это „Журналомъ для милыхъ“ низводится на землю и ставится въ различныя жизненныя отношенія къ мужчинамъ. Главнымъ и исключительнымъ по журналу стимуломъ, ихъ объединяющимъ, является любовь, различная степень интенсивности которой является источникомъ и злосчастій и неизреченныхъ радостей.

Въ первомъ случаѣ терзаются и мужчина и женщина: „райскій бальзамъ любви“ ⁶⁾ у него зрится въ неизвѣстномъ будущемъ; любовь, какъ рѣзвой мотылюкъ“ ⁷⁾ отлетѣлъ далеко. Съ потерей любви, какъ единственнаго источника жизни, и самая жизнь теряетъ всякое разумное

¹⁾ II, 188.

²⁾ II, 97.

³⁾ II, 87.

⁴⁾ II, 340.

⁵⁾ II, 284—286.

⁶⁾ II, 177.

⁷⁾ I, 90.

значеніе: „Лишившись тебя“, говоритъ возлюбленный, „весь свѣтъ въ глазахъ моихъ померкнетъ, все буду зрѣть противнымъ, пагубнымъ и несноснымъ игомъ“ ¹⁾. Весь видимый міръ ему кажется въ столь мрачномъ освѣщеніи въ зависимости отъ его душевнаго состоянія: „Отторженный отъ предмета обожаемаго, лишенный надежды даже видѣть его, погружается въ бездну унынія“ ²⁾. Душа моя исторгается изъ самой себя ³⁾: Отсюда совершенно естествененъ переходъ къ мысли о самоубійствѣ: „Пистолеть! одинъ выстрѣлъ“, вопитъ влюбленный, „и прощай злая жизнь... увидишь гробъ, провезенный мимо оконъ дома моего“ ⁴⁾. И вотъ онъ уже мечъ, висѣвшій на его бедрѣ, вонзиль въ недра ⁵⁾. Разставаясь съ жизнью, онъ надолго уноситъ съ собою самое для него дорогое: „Портретъ твой спидеть со мною въ гробъ“ ⁶⁾.

Подобнымъ стenanіямъ влюбленнаго, изливающимся въ прозѣ, соотвѣтствуютъ и стихи:

А нынѣ стражду, рвуся,
Лью слезы—и мятуся
Не зря отрадъ нигдѣ
Безъ милицкой Лизетѣ
Почто мнѣ жить на свѣтѣ
Пожертвую — судьбѣ.

* * *

Мѣста всѣ премѣнились,
Безъ ней утѣхи скрылись,
Не зрю отрадъ нигдѣ;
Безъ милицкой Лизетѣ
Не для чего жить въ свѣтѣ
Пожертвую—судьбѣ.

„Съ симъ словомъ онъ бросился въ рѣку“ ⁷⁾.

Она, подобно ему, стонетъ, терзается и вопль свой выражаетъ въ прозѣ и стихахъ: „Ты всего лишилъ меня, ты похитилъ у меня сердце, а съ нимъ мою вольность, и все мое блаженство. Жестокой! почтоже ты медлишь отнять у меня и жизнь, въ которой ты всѣхъ несчастій виновникъ!“ ⁸⁾. Услышавъ о смерти возлюбленнаго, она разражается слѣдующей тирадой: „Жестокіе, пустите меня къ нему, дайте мнѣ съ его устъ всосать въ себя смерть или оживотворить его пламеннымъ дыханіемъ“, А потому, если

¹⁾ I, 28.

²⁾ II, 205.

³⁾ II, 18.

⁴⁾ I, 66—67.

⁵⁾ I, 38.

⁶⁾ II, 159.

⁷⁾ I, 48—49.

⁸⁾ I, 24.

Любить его не должно?
Такъ должно умереть ¹⁾).

Смерть является желаннымъ выходомъ изъ трагическаго положенія:

Нещастнымъ та отрада,
Прибъжище одно;
За муку смерть награда
Я жду ее давно.

* * *

Перестань судьба жестока
Нещастную терзать
Ударомъ мощна рока
Спѣши мнѣ дни прервать ²⁾

Или:

Увы! не можно льститься,
Чтобы владѣть тобой,
На вѣкъ должна проститься
Съ тобой любезной мой.

* * *

Прости сказать мнѣ должно
Могуль то перенести!
Нѣтъ, нѣтъ, клянусь неложно
Согласнѣй—умерѣть ³⁾.

Такъ какъ любовь—единственный источникъ земныхъ радостей: „Не зная любви, нельзя веселостей вкушать“ ⁴⁾, то любовникъ всецѣло, нераздѣльно, на вѣки, сливаетъ свою собственную жизнь вмѣстѣ съ ея бытіемъ:

Сердечко мнѣ Лизета подаривши,
Теперя требуетъ назадъ!
Жестокая! отдать тебѣ его я бѣ радъ,
Но въ пламенникъ его съ моимъ я положивши,
Такъ долго, хорошо... смѣшались одно съ другимъ,
Что сердцу твоему... различья нѣтъ съ моимъ ⁵⁾.

Поэтому, что сладостиѣе того, какъ быть любиму ⁶⁾, хотя бы эта любовь сопровождалась горьніемъ и томленіемъ ⁷⁾. Онъ любитъ такъ ради только ея самое:

¹⁾ I, 13.

²⁾ Ibid.

³⁾ I, 29.

⁴⁾ I, 364.

⁵⁾ II, 9.

⁶⁾ II, 169.

⁷⁾ II, 32.

Не деньги, не уборы
Ея—мнѣ дорожать;
Богатства цѣлы горы
Для сердца все не кладь ¹⁾.

Онъ готовъ исключительно посвятить себя на служеніе ей:

Я все веселье презираю,
Тебѣ хочу угоднымъ быть;
Умъ, сердце, душу посвящаю
И для тебя лишь буду жить ²⁾.

Служеніе ей—единственное благо, исключющее все другія:

При ней порфиру презираю,
Предъ ней вселенная пуста,
Для ней живу, для ней и умираю
Безъ ней унылы все мѣста ³⁾.

Въ силу такого чарующаго вліянія любезной, образъ ея всегда съ нимъ:

.
Образъ твой... въ очахъ моихъ.
Всѣхъ тобою называю
Всѣхъ на свѣтъ забываю;
Я въ раю какъ ты со мной:
Чтожь, скажи сему виной?
Гдѣбъ я ни былъ, ты со мною,
Сладка пища чувствъ моихъ;
Я дышу огнемъ... одною
Силой прелестей твоихъ ⁴⁾.

А вотъ и самыя обаятельныя прелести у милой:

Въ угрюмомъ Сентябрѣ ты Лиза въ свѣтъ родилась,
Но какъ мила, тиха, нѣжна;
Природа думаю съ тобою уговорилась
Чтобъ ты и осенью ея была весна:
И коль завиденъ тотъ для всѣхъ счастливецъ
Кто сей весны любимецъ ⁵⁾.

¹⁾ I, 69.

²⁾ I, 182.

³⁾ I, 354.

⁴⁾ II, 32.

⁵⁾ I, 43—44.

Соотвѣтственно такому возвышенному представленію милой, которая всегда „напоминаетъ ангельскій мнѣ нравъ“, и возлюбленный въ обращеніи съ ней робокъ, деликатенъ, застѣнчивъ, идилличенъ: боится предложить сочиненные для нея стихи ¹⁾). Видя ее спящею, разметавшись на пушистой муравѣ, и опасаясь разбудить, только высказываетъ пожеланія поживать ей кротко, какъ „чистой каплѣ росы на листикѣ алой розы“ ²⁾); онъ приравниваетъ милую къ цвѣтку, „который, возросши, успокоитъ растерзанное сердце“. „Буду поливать тебя моими слезами, слезами сердечнаго восхищенія, и жизнь моя будетъ завиднѣе жизни Ангеловъ“ ³⁾). Онъ обращается къ соловью и проситъ пѣть, потому что голосъ его напоминаетъ голосъ милой ⁴⁾). Нѣжнаго голубочка проситъ слетать къ возлюбленной и поцѣловать

Анюту милу, несравненну
Пріятно, нѣжно поцѣлуй ⁵⁾).

Обращаясь въ пѣсенкѣ къ любезной, онъ говоритъ:

Тронь ты милую Анюту,
Сердце къ жалости склони,
И въ ту самую минуту,
Страсть мою ей изъясни ⁶⁾).

Въ отсутствіи своей любезной „нерѣдко кропилъ слезами цвѣты, украшающія мѣсто ея уединенія“ ⁷⁾). На могилѣ милой онъ „сирота въ подлунной, монахъ міра сего“ ⁸⁾).

Она тоже груститъ по миломъ, гуляя въ лѣсу, проливала „токи слезъ“:

Все мое въ томъ и веселье
И забава вся лишь въ томъ
Что сердечное мученье
Вадохъ мой, мысль моя о немъ ⁹⁾).

Особенно грусть сильно объемлетъ ея сердце, когда должна проститься съ нимъ на вѣки. Единственнымъ утѣшеніемъ и отрадой служить ей рисующійся образъ милаго:

Хотя въ слезахъ мученьи
Я дни препровожу

¹⁾ II, 18.

²⁾ II, 19.

³⁾ II, 271.

⁴⁾ II, 27.

⁵⁾ II, 248.

⁶⁾ 2, 191.

⁷⁾ I, 332.

⁸⁾ II, 16.

⁹⁾ I, 20.

Мнѣ то лишь облегченье
Тебя что вображу ¹⁾.

Въ такомъ меланхолическомъ настроеніи бѣжитъ она на ручеекъ, вьетъ милому вѣнокъ и проситъ голубка уменьшить ея тоску — отнести вѣнокъ къ милому ²⁾. Душа ея, сосредоточенная на одномъ чувствѣ, готова превратиться въ легкій вѣтерокъ и полетѣтъ къ нему ³⁾. Томимая жаждой свиданья, она восклицаетъ: „Ахъ! для чего влюбленные не имѣютъ крыльевъ“ ⁴⁾!

Но милые по „Журналу для милыхъ“ не тоскуютъ только въ разлукѣ и льютъ „токи слезъ“, а встрѣчаются, видятся и мѣютъ отъ любви. Свиданіе любезныхъ происходитъ при идиллической обстановкѣ: то у „свѣтлаго ручья“, то въ „миртовой“ „меланхолической рощѣ“, то на „бальзамическомъ лугу“. Такъ, напримѣръ,

Въ умѣ съ различными мечтами,
Присѣлъ я къ свѣтлому ручью;
И тамъ, межъ нѣжными цвѣтами,
Увидѣлъ милую свою ⁵⁾.

Воображеніе его уноситъ въ тѣ мѣста, гдѣ онъ гулялъ съ „Машинькою“. Мнѣ казалось, что она и теперь со мною. Я беру ее за руку — чувствую огонь любви — она умильно на меня смотритъ, цѣлуетъ меня, и я сбѣгаю съ нею къ чистому пруду, окруженному прекраснымъ кустарникомъ. Тутъ останавливаюсь, прижимаю ее къ трепещущей груди — уста наши смыкаются... руки сплелись!.. и мы клянемся жить и умереть вѣрными добродѣтели и любви нашей! ⁶⁾. „Любовь наполняетъ ихъ сердца; они немогутъ быть одинъ безъ другаго; они умираютъ, когда не видятся“ ⁷⁾. Они „погружались чувствительно въ бездну любви“ ⁸⁾. — Она удалялась въ ту миртовую рощу, гдѣ нѣкогда гуляла я съ милымъ: — тамъ провожали мы съ нимъ нѣсколько часовъ въ пріятныхъ разговорахъ, цѣловали другъ друга и одинъ другимъ восхищались; наслаждаясь „пѣніемъ пернатыхъ сладкопѣвцевъ и тихимъ журчаніемъ прохладнаго источника“ ⁹⁾, она спѣшитъ на милый холмикъ, гдѣ казалось тогда мнѣ все оживленнымъ ¹⁰⁾, поистинѣ почитала себя счастливейше всѣхъ смертныхъ ¹¹⁾. При перемѣнѣ же своего душевнаго

¹⁾ I, 30.

²⁾ I, 265.

³⁾ I, 336.

⁴⁾ I, 350.

⁵⁾ II, 141.

⁶⁾ II, 6—7.

⁷⁾ I, 342.

⁸⁾ I, 330.

⁹⁾ I, 21.

¹⁰⁾ I, *ibid.*

¹¹⁾ I, 22.

состоянія, она нигдѣ не находитъ удовольствія, „тоска-грусть, уныніе, отчаяніе всюду меня преслѣдуютъ“ ¹⁾).

Природа, нѣмая и бездушная, однакожъ въ изображеніи журнала, является какъ бы соучастницею ихъ психическихъ состояній: эхо возвѣщаетъ милой о любви къ ней ²⁾).

Оно же является вѣстникомъ и отъ ней:

Прийти ко мнѣ въ лѣсокъ Анята не забудеть? — *будеть.*

Кто мнѣ отвѣтствуетъ ты ль милая моя? — *Я.*

Какъ, ты! по гдѣжь Анята? невозможно! — *можно.*

Но полно твой ли гласъ мнѣ слышится, другъ мой? — *мой.*

Ты видно спряталась, что мнѣ тебя не видно! — *видно.*

Не тамъ ли ты, гдѣ дубъ къ высокой липѣ льнетъ — *лѣтъ.*

Но гдѣжь тебя искать, скажи, не будь упряма... — *пряма.*

Такъ ты прижалася къ тѣмъ розовымъ кустамъ? — *тамъ.*

Ахъ, какъ я безъ тебя томлюся, какъ скучаю! — *чаю.*

Позволишь ли ты мнѣ придти туда? — *да.*

Ау, ... ау! гдѣжь ты? Аняты ужъ не стало!.. — *стало.*

Пойду, ты эхо льстишь надеждою пустой! ³⁾ — *стой.*

Нельзя не замѣтить, что здѣсь сентиментализмъ доведенъ до неестественнаго, смѣшнаго: характеръ чувствованій влюбленныхъ напущеной, несоотвѣтствующій дѣйствительности, которая ставила ихъ въ отношенія болѣе грубыя на почвѣ эротизма.

III.

„Журналъ для милыхъ“, низведя божество на землю и поставя въ жизненную идиллическую обстановку, рисуетъ и картины отношеній мужчины къ женщинѣ болѣе реального эротическаго характера, „воспаленныхъ“ физической организаціей женщины. Такъ какъ взоры женщины „очаровываютъ сердца“ ⁴⁾, отъ которыхъ можно „мучительно умереть“ ⁵⁾, ибо „ты всё въ глазахъ моихъ“ ⁶⁾, то влюбленный просить кинуть „одинъ взоръ нѣжной, милой“ ⁷⁾. „Взоры твои произвели въ моемъ сердцѣ огонь любви“ ⁸⁾ и „предъ очами воспаленъ Адонисъ“ ⁹⁾.

¹⁾ Ibid. 23.

²⁾ I, 19.

³⁾ II, 7—8.

⁴⁾ II, 90.

⁵⁾ II, 173.

⁶⁾ II, 183.

⁷⁾ II, 131.

⁸⁾ II, 97.

⁹⁾ II, 183.

Черные глаза плѣнили
 Нѣжностію меня своей
 И въ минуту воспалили
 Жаръ въ крови моей ¹⁾.

Дѣло не ограничивалось только созерцаемъ глазокъ: они и „наши губы ощущали взаимно пламенные поцѣлуи“ ²⁾. И когда „уста ея коснулись къ устамъ его; всё пачезаеетъ для нихъ“ ³⁾.

„Заблуждаясь въ лабиринтѣ чувственныхъ восторговъ“ мужчина сожалѣетъ, что женщина украсила свои прелести изумрудами и брилліантами ⁴⁾, сугубо сожалѣетъ, что „дунцовыя платья скрываютъ драгоцѣнный для меня предметъ“ ⁵⁾. Въ журналѣ устанавливаются и самые объекты этого очаровательнаго „предмета“. Это, во-первыхъ, „восхитительная грудь“ ⁶⁾.

Роза цвѣтокъ теряетъ свою прелесть въ присутствіи естественной прелести-грудей:

На что она (роза) въ красѣ своей?
 Коль у грудей твоихъ бываетъ
 Всѣ прелести свои теряетъ
 Отъ дивной красоты твоей ⁷⁾.

Онъ при случаѣ любитъ ими и созерцаетъ, какъ „волненіе по грудямъ ея разливается“ ⁸⁾. „Онъ бы желалъ коснуться и умереть на семъ очаровывающемъ мѣстѣ“ ⁹⁾.

Его мечты простираются далѣе:

А естлибы нагою
 Представилась когда,
 Обнявшись съ дорогою
 Я умеръ бы тогда ¹⁰⁾.

Такъ какъ Венера скинула съ себя одежду, закрывающую прелести отъ глазъ смертныхъ ¹¹⁾, то онъ и увидѣлъ, „чего бы ни одинъ смертный не долженъ былъ видѣть“ ¹¹⁾.

Подъ вліяніемъ такихъ вождедѣній, смотря на женщину, какъ на объектъ животныхъ наслажденій, возлюбленный только и думаетъ о томъ,

¹⁾ I, 80.

²⁾ I, 9.

³⁾ II, 98.

⁴⁾ I, 78.

⁵⁾ I, 292.

⁶⁾ II, 93.

⁷⁾ II, 188.

⁸⁾ II, 94.

⁹⁾ Ibid.

¹⁰⁾ I, 70.

¹¹⁾ I, 145.

Чтобъ въ объятяхъ милой Психи
Ночь пріятно проводить ¹⁾).

Подобно голубкамъ, которые, послѣ возвращенія одного изъ странствія,

Опять вмѣстѣ сопряглися
Горлица и голубокъ,

и онъ, обращаясь къ ней, говоритъ:

Будь ты горлицей моею
А я—голубкомъ твоимъ ²⁾).

Для возлюбленныхъ „Амуръ украденными съ Олимпа мѣхами попеременно раздуваетъ пламень любви ³⁾ и

Она (любовь) тотчасъ и явилась,
Гротъ любви моею помогъ,
Настя—млела и стыдилась,
Я счастливѣй быть не могъ ⁴⁾).

„Крылатый божокъ пронзиль сердце двухъ юныхъ любовниковъ. Горячая кровь молодого человѣка закипѣла... и жаръ любви разлился по всѣмъ членамъ его... Непроходные Серальскіе двери ему отвѣрсты, любовники предаются удовольствіямъ подъ покровительствомъ Венеры“ ⁵⁾. „Сама тайна присутствовала при нашемъ блаженствѣ“ ⁶⁾. Естественно поэтому, что

Гименей насъ отличаетъ,
Что весна, то новой плодъ ⁷⁾).

Проза также щеголяетъ иногда картинками эротическаго характера. Возьмемъ для примѣра одну.

„Юная Ириса, первая цвѣтущая изъ нашихъ деревенскихъ лилій, въ прекрасный весенній вечеръ пошла прогуляться, съ подобными себѣ подружками, въ пріятную меланхолическую рожицу. Тамъ онѣ сѣли на зеленую мураву и составили кругъ прелестныхъ Нимфъ. Жаль только, что между ними не было никакого Тирсиса. А вороватый Амуръ, имѣя удобный случай, опустился въ кружокъ невинныхъ пастушекъ, прилегъ осторожно и уснулъ. Милыя дѣвушки

¹⁾ II, 337.

²⁾ I, 167.

³⁾ I, 74.

⁴⁾ I, 147.

⁵⁾ I, 74.

⁶⁾ I, 192.

⁷⁾ I, 194.

долго его не примѣтили, пѣли пѣсни, играли въ фанты. Наконецъ, рѣзвая Хлоушка была прозорливѣе другихъ; она увидѣла спящее дитя; сказала о томъ своимъ подругамъ, и онѣ всѣ разстроились. Маленькой шалунѣ большую сдѣлала заботу любезнымъ дѣвушкамъ. Въ одну секунду Нимфы разбѣжались по рощѣ и по лугамъ и всякая старалась нарвать хорошій изъ цвѣтовъ букетъ, чтобы убрать ими Амура. Скоро бѣлые полные ихъ ручки отяготились букетами; и вотъ уже время приступать къ уборанію прелестнаго мальчика. Ежели всѣмъ вдругъ — онъ испугается, а у дѣвушекъ сострадательныя сердца; естли — и наконецъ жребій опредѣлилъ Ирисѣ. Любезная рѣзушка сплѣла изъ розъ вѣнокъ и тихонько—тихонько... подошла... нагнулась... и лишь только хотѣла надѣть гирланду на голову прелестнаго мальчика, онъ вскочилъ, обвился рученками, около алебаstrу подобной пастушкиной шеи, оплелся ножками около ея туловища и розовыми своими губками высасывалъ изъ нея чистѣйшій нектаръ. Она рвалась, кидалась туда и сюда, но малютка все еще не насытился. Подружки ея стояли въ изступленіи, и естлибы не Хлоя, то бѣдная Ириса погибла. Рѣзвая пастушка вмѣсто вѣнка сплела изъ незабудокъ розги, велѣла сдѣлать такія же своимъ подружкамъ; а по окончаніи работы Ириса, обезсилевъ, упала на бальзамическій дугъ... Тутъ то Венеринъ сынъ повеселился, пороскошничалъ; видѣлъ то, за что бы иной съ удовольствіемъ отдалъ всѣ свои сокровища.—Между тѣмъ прелестныя Нимфы украдкою схватили Амура за крылышки, и бѣдной запищаль.—Не вырвешься, не вырвешься,—кричали Нимфы,—такъ и быть, только отомщу,—ворчалъ божокъ. Мужественная Аглая сѣла на дерновую скамью, сжала крѣпко плутову голову въ своихъ коленяхъ; а плутишка тому и радъ. Вотъ, ожидалъ ли я, чтобъ моя голова попала въ такое роскошное мѣсто! о, я всѣ обиды имъ прощаю— между тѣмъ Нимфы распалются большимъ гнѣвомъ. Хлоя принимаетъ на себя должность сѣчь виноватаго, и начинаетъ стегать его розовымъ плетѣшкомъ. Мальчикъ визжалъ, вертѣлся, и какое упрямство! кричалъ: не больно, не больно! дѣвушки принимались по переменно. Наконецъ Купидону наскучило лѣжать въ коленяхъ Аглаи; онъ вырвался, вспорхнулъ, валетѣлъ, и видя раскрытую, прелестную грудь Ирисы, превратился въ бабочку и скрылся въ ея шелашекъ. Нимфа запрыгала, онъ у меня—у меня, сестрицы, выньте, избавте меня; ой! ой! умираю, умираю! больно!.. больно... Нимфы были въ недоумѣніи и не знали что Ирисѣ причиняло болѣзнь, она лѣжала. Ахъ! въ очаровательномъ обморокѣ, въ такомъ положеніи, чтобъ, ежели кто на нее взглянулъ, то вѣрнобъ не утерпѣлъ.. она стонала; но стenanіе сіе было божественно. Плутъ удовольствовавшись является предъ глазами Ирисиныхъ подругъ, и по лѣсу раздалось:

Ахъ! ахъ! ахъ повторило эхо въ горахъ, лѣсахъ и долинахъ, онъ ее погубилъ. Амуръ побѣжалъ и всѣ дѣвушки устремились ловить его.— Ловили—ловили, и, наконецъ, поймали. Обществомъ присуждено ему было остричь крылья, лишить лука и пламенныхъ стрѣлъ. Но Ириса опаматовалась, забыла нанесенную обиду, и ставъ въ кругу говорила: „Милые сестрицы, съ начала я чувствовала жестокою боль отъ его ядовитыхъ стрѣлъ, но минута и все миновалось. Я объята очаровательнымъ огнемъ, огнемъ несравненнымъ. Итакъ и чрезъ Амура познала божественное удовольствіе; по моему мнѣнію, должно вамъ прежде всего испытать едемскую сладость, теперь разлившуюся по нервамъ моимъ: и потомъ судите его поступокъ“. Предложеніе принято съ рукоплесканіемъ и вездѣ безмолвіе разпространилось. Тутъ-то воръ Амуръ повеселился, ныряя тамъ и сямъ. Съ нимъ соединились два вѣрные его друга, Тирсисъ и Лидасъ, пастухи изъ сосѣдней деревни, и какоежъ было торжество! — Отъ Ирисы говорятъ произошелъ рой амуровъ, которыхъ она воспитывала въ соплетенномъ изъ розъ лилій и нарциссовъ гнѣздѣ.—Отъ Хлои родился Амуръ танцмейстеръ, отъ Аглаи Амуръ музыкантъ; а отъ прочихъ игры, радости и смѣхи ¹⁾).

Такимъ же характеромъ отличается „Сельская повѣсть—Аленушка“, „полногрудая милушка“, влюбившаяся въ молодого человѣка, „зараженнаго моднымъ воздухомъ“, физическими красотами котораго, во время купанья этого послѣдняго настолько залюбовалась, залегши въ густую траву, что „хотѣло вылетѣть сердце“. Да и она потомъ „скинула съ себя одежду, закрывающую прелести отъ глазъ смертныхъ“. Они купались въ струистой рѣчкѣ, ныряли, плескались, можетъ быть что и еще между ними происходило что. — Но романисты закрываютъ такія приключенія на пять минутъ, тонкою дымкою и молчатъ
Анвушка одѣлась, сердце въ ней сильно билось, щеки пламенѣли и дѣвушка говорила: Милый Агланронъ! какъ несправедливы люди, что находятъ различіе между полами; оба они созданы на то, чтобы совершенствовать взаимно себя“ ²⁾).

IV. °

Отношеніе мужчины къ женщинѣ и обратно, какъ мы видѣли,— основное содержаніе журнала; перепитіи разныхъ видовъ любви составляютъ наибольшую его часть, но не охватываетъ его всего. Въ него входятъ, какъ придатокъ: 1) бытовья картины; 2) разнаго рода

¹⁾ I, 96—105.

²⁾ I, 140, 146.

смѣсь; 3) отношеніе къ критикѣ; 4) и редакціонная часть. Въ содержаніи перваго отдѣла есть статьи, родственныя съ основнымъ содержаніемъ журнала и его дополняющія. Таковы напримѣръ: „Забавныя привычки женщинъ“ ¹⁾, „Кокетка“ ²⁾, „Что должно въ годъ проживать щеголихъ“ ³⁾. Есть нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ мужчинамъ, отринутымъ женскою любовью: „эпиграммы“ на роконосца ⁴⁾, „Старики не могутъ любить“ ⁵⁾. „Парижскія увѣдомленія“ вводятъ въ область „дамскихъ и мужскихъ модъ“ ⁶⁾. Статья: „На новый годъ“ посвящена времяпровожденію „любезныхъ дѣвушекъ“ и „молодыхъ попрыгунчиковъ“ на маскарадѣ ⁷⁾, статья же „Рѣшительный скачокъ“ или „Бракъ нѣжнаго Петиметра“—свадьбѣ и обстоятельствамъ, ей предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ за ней ⁸⁾. Статья: „Липецкой бульваръ“ — бытового характера, стоитъ особю, внѣ связи съ другими ⁹⁾.

Во второмъ отдѣлѣ—смѣси—помѣщаются въ журналѣ свѣдѣнія, соотвѣтствующія заглавію: анекдоты ¹⁰⁾, новости ¹¹⁾.

Критика журнала сказалась очень слабо количественно и качественно: мы имѣемъ очень ограниченное число статей ¹²⁾ и то, по большей части, въ видѣ писемъ, обращенныхъ въ редакцію съ краткими замѣчаніями, невинными запросами и недоумѣніями.

Къ этому отдѣлу близко примыкаетъ и послѣдній, въ которомъ отъ редакціи сообщается о посвященіи своего журнала и источникахъ духовнаго подъема издателей ¹³⁾ и непринятіи ею къ напечатанію произведеній, съ указаніемъ причинъ такого отказа ¹⁴⁾, о жалкомъ существованіи къ концу года, когда это „бѣдное изданіе, по опредѣленію непредвидѣнности стало приходить въ упадокъ“ и, наконецъ, прекратилось ¹⁵⁾. Издатели, освобожденные отъ необходимости къ опредѣленному времени удовлетворять своихъ подписчиковъ, такъ проѣли похоронную пѣснь своему журналу: „Цѣлой годъ, быть заперту въ клеткѣ, имѣть сообщество съ одними перьями и бумагой, слышать на щетъ свой несносные пересуды,—пускать все мимо ушей; и послѣ такихъ ужасныхъ обстоятельствъ вырваться, летѣть и быть свободну. „Свобода! ты царь души нашей“...!!

Хотя „Журналъ для милыхъ“ издавался съ специальною цѣлю—сдѣлать пріятное дамамъ и, слѣдовательно, наполнить содержаніе

1) I, 248—256.

2) II, 286—296.

3) II, 42—49.

4) II, 264.

5) I, 276.

6) II, 301—310.

7) I, 4—6.

8) I, 197—232.

9) II, 352—356.

10) II, 34.

11) I, 171—179.

12) II, 369—374; II, 49—74; I, 241—250; 296—299; 359.

13) I, 57—58.

14) II, 191—200.

15) II, 377.

журнала матеріаломъ для нихъ только угоднымъ, но издатели, выполнивъ свои добровольныя обязанности соотвѣтственно своимъ эстетическимъ и этическимъ воззрѣніямъ, какъ дѣти своего вѣка, естественно, помимо ихъ воли, допустили въ содержаніе своего журнала и то, что не находилось въ соотвѣтствіи съ прямою задачею ихъ журнала, такъ ясно ими выраженной ¹⁾).

V.

Изъ трехъ направленій — ложноклассическаго, романтическаго и сентиментальнаго, господствовавшихъ въ русской литературѣ въ XVIII в. и отражавшихся въ различной степени ширины и глубины въ по-временныхъ изданіяхъ XIX столѣтія, первыя два сказались въ „Журналѣ для милыхъ“ сравнительно слабо и то въ ограниченномъ количествѣ пьесъ; сатирической элементъ, вторгшійся въ журналъ, чувствуется сильнѣй, но не сливается органически съ основнымъ содержаніемъ журнала и является случайнымъ къ нему придаткомъ; всего ярче отлился въ журналѣ сентиментализмъ — въ воркованіи милыхъ, въ радостяхъ при созерцаніи и совмѣстномъ пребываніи, въ беспросвѣтной тоскѣ при разлукѣ и охватывающемъ ихъ по временамъ отчаяніи, въ безконечной радости при свиданіяхъ, объятіяхъ и лобызаніяхъ. въ идиллическомъ изображеніи мѣсть, гдѣ происходили сердечныя изліянія, и, наконецъ, въ живомъ, такъ сказать, одушевленномъ сочувствіи, которое обнаруживала и неодушевленная природа къ ихъ сердечнымъ состояніямъ.

Въ изображеніи всѣхъ перепитій душевныхъ состояній милыхъ примѣшивался, какъ мы видѣли по приведеннымъ отрывкамъ, эротизмъ, мѣстами принимавшій крайне циническую окраску. „Журналъ для милыхъ“ въ мягкихъ тонахъ иногда рисуетъ картины, полныя сладострастія. Въ этомъ отношеніи онъ близко стоитъ, какъ бы въ преемственной связи, съ журнальной сатирической литературой XVIII в. и въ особенности съ „Зрителемъ“ (1792) и С.-Петербургскимъ „Меркуріемъ“ (1793), блестящихъ изображеніями разврата.

Главнымъ редакторомъ и издателемъ „Журнала для милыхъ“ былъ М. Н. Макаровъ, довольно плодовитый писатель, принимавшій участіе въ различныхъ журналахъ и, между прочимъ, въ изданіяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Онъ былъ въ юныхъ годахъ, когда принялся за изданіе „Журнала для милыхъ“. Онъ былъ воодушевленъ той же идеей, которая имъ положена раньше въ имъ же

¹⁾ II, 379.

издаваемомъ журналѣ „Московскій Меркурій“. Въ январской книжкѣ этого журнала 1803 г., когда онъ выходилъ, Макаровъ пишетъ: „*Вамъ*, любезныя читательницы, желаемъ предпочтительно угодить; *Ваше* только одобреніе назовемъ *внѣземъ и щастіемъ* своимъ. — Не судите о Меркуріѣ по первой книжкѣ: начало всякаго труда трудно. Мы же общаемъ ничего, кромѣ *посредственнаго*; но и посредственное имѣеть свои степени: иное ближе къ *хорошему*, другое къ *дурному*. Много встрѣтилось намъ досаднаго; много надлежало,—и еще надлежитъ преодолѣть препятствій!.. А притомъ, и время нынѣ самое неприятное: глаза смотрятъ на печальные предметы, воображеніе холодно, какъ снѣгъ, которымъ мы окружены; умъ не дѣйствуетъ; рука не пишетъ. Когда весна посѣтитъ и нашъ суровый климатъ, когда вся натура начнетъ оживать и обновляться, когда благоухающая *роза* будетъ спорить съ *Вами* о преимуществѣ въ свѣжести и нѣжности, а *лилея*—въ бѣлизнѣ: тогда, можетъ быть, и мы положимъ сколько цвѣтовъ къ ногамъ Вашимъ.

До тѣхъ поръ (чтобы совсѣмъ не замерзнуть) объ *Васъ, Прекрасныя!* станемъ думать безпрестанно“.

Изъ сравненія этого предисловія съ посвященіемъ соотечественницамъ въ „Журналѣ для милыхъ“ открывается тождественность задачъ обоихъ журналовъ въ основномъ ихъ содержаніи.

Сотрудниками и соредакторами „Журнала для милыхъ“ былъ князь П. И. Шаликовъ, С-ъ и С. И. Крюковъ.

Князь Шаликовъ—извѣстный издатель журналовъ: „Московского Зрителя“ (1806), „Аглаи“ (1808—1812) и „Дамскаго Журнала“ (1823—1833). Участіе его въ рассматриваемомъ нами журналѣ незначительно.

Крюкову была посвящена въ „Московскомъ Курьерѣ“ слѣдующая эпитафія:

На прахъ адѣсь Крюкова вы, *Милыя*, взгляните,
Сердечный вадохъ, слезу ему вы посвятите;
Для васъ онъ жертвовалъ и знаньемъ и собой:
Да будетъ миренъ сонъ, любезный Крюковъ, твой ¹⁾.

В. Покровскій.

¹⁾ „Московскій Курьеръ“, 1805, ч. I, № 14, 221.

2.—Солвычегодскія сотницы 7094 года.

Писцы издаваемыхъ сотницъ изъ „грамотъ коллегіи экономіи“ по Московскому Архиву Министерства Юстиціи были извѣстны г. Милюкову, но сами эти сотницы раньше не были извѣстны и пускаются нами въ ученый оборотъ впервые. Между тѣмъ онѣ очень интересны. Взять хотя бы описаніе Спасопреображенскаго Сойгинскаго монастыря и церкви въ селѣ Никольскомъ. Не мало любопытныхъ въ ней данныхъ и для характеристики монастырскаго хозяйства и классовъ и разрядовъ населенія. Очень интересенъ и перечень книгъ имѣвшихся при церквяхъ. Четвертый же выпускъ нашего изданія „Сотницы, грамоты и записи“ по разнымъ причинамъ не такъ-то еще скоро будетъ сданъ нами въ печать. Поэтому мы и рѣшаемся на отдѣльную публикацію издаваемыхъ сотницъ. Даемъ кстати здѣсь же и поправки и дополненія къ болѣе раннимъ нашимъ изданіямъ на основаніи дальнѣйшихъ нашихъ работъ надъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ.

Держала корректуру сотницъ по архивнымъ оригиналамъ М. Н. Шуйская.

I (10882).

Лѣта 7094-го. Сотная с книг писма и мѣры Івана Григоревича Огарева да подячегъ Филиппа Юрѣва.

Вычегодскіе земли. Плесовскіе волости. Спасскаго монастыря на усть рѣчки Соиги. А в немъ церковь Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа древянъ вверху. А в церкви: Дѣисусъ стоячей, тринацатъ образовъ, венцы писаны золотомъ, а поставилъ его Яковъ Оникеевъ сынъ Строгоновъ. Да в церкви жъ двери царскіе, столбцы и сѣнь на празелени. Да в олтарѣ образъ Пречистые Богородицы Одегитрие престолная. А на престоле індитя дороги алы, да сосуды церковныя оловяныя, да два креста воздвизалныхъ. Да образовъ мѣстныхъ: образъ Преображеніе Спасово, да образъ всѣхъ святыхъ на золоте, оба полу-четверты пяди, да образъ Рожество Пречистые Богородицы на празелени, образъ архистратига Михаила на пражелти четырехъ пядей, да четыре образа страстотерпца Христова мученика Георгия зъ деяниемъ, восемь образовъ чудотворца Николы, два в киоте на золоте, а шесть бескиотовъ. Да по леву царскихъ дверей образъ Пречистые Богородицы на празелени четырехъ пядей. Да образъ воскресеніе Христова пядница на золоте. Да два дѣисуса, а в дѣисусе по три образа, одинъ пяд-

ница, а другой поменши. Да книг: Евангиле тетръ в дестъ, евангилсты выбиваны на жести; да два апостола, один тетръ в дестъ, а другой апракос в полдестъ; да три прологи, а в них четыре мѣсяцы; да устав в дестъ; да лѣствѣчникъ; да псалтыр в пол-дестъ; да семь миней мѣсячных, в них писаны девять мѣсяць, в пол-дестъ; минѣя общая в четверть; двѣ треоди постная да цветная, обе в пол-дестъ; да два охтоя в пол-дестъ; да часовникъ в четверть; да два служебника в четверть; да книга Асафа царевича в четверть. Да в церкви ж две свечи поставные.

Да в том же монастырѣ *церков теплая Рожество Пречистые* клѣтцкиі, а в ней дѣисус, семь образов на бели; да двери царские на бели, да образ Пречистые Богородицы Одегитрие, образъ Рожество Пречистые на празелени, пядницы, да одиннадцать образов розныхъ; да на престоле индитя крашенинна черна; да образ Вседержителей з затворы, а на затворех на правом Никола чюдотворецъ, а на лѣвомъ Иван Предотеца; образ Сергиево видѣние на золоте пядница; да свеча поставная; да сосуды церковные деревянные. Да на колоколнице два колокола. А в церквах образы и книги и свечи все строение монастырское.

Да в монастырѣ *кѣлья игуменская*, а в ней строитель Герасим ¹⁾, да четыре кѣльи, а в них живут 16 старцов. Да в монастырѣ жь погреб да двѣ житницы. Да за монастырем дв. монастырсково слуги Вахромѣиков.

Да за монастырем же *дв. конюшеннои*, а на нем конюшни, а в конюшнях лошадеи монастырскихъ: меринъ кар, мерин коур лыс, мерин бур звездочел, два жеребчика лоншаки, да кобыла гнеда, да кобыла бура звездочела.

Да на *коровѣ дворѣ* 10 коров доинных, 6 телиц, 15 овец старых.

Да под монастырем на рекѣ на Соиге *мельница* монастырская.

Пашни у монастыря паханые 10 ч. в поле, а в дву по тому ж; *стна* на рекѣ на Соиге 60 к., да на острову на Вerezцагине 40 к., да за Вычегдою на пожне на Подельне с Савельем Оржаницынымъ 80 к.

Да к монастырю ж *деревни*: Д. *Горки* пуста; а в ней дв. пусть, пашни перелогомъ 2 ч., сѣна нѣтъ, лѣсъ по обе стороны вверх по рекѣ по Вычегде. П. что была д. *Горбуновская*, а дал тоѣ пустош Олеша Горбунов въ монастыр по душе, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 3 ч. в поле, а в дву по тому же, да на пожнѣ на Островкѣ сѣна 50 к. П. что был пч. *Кузнецовскои Полудницын* у реки у Вычегды на усть рѣчки Черные, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 2 ч. в поле, а в дву по тому ж, сѣна на усть рѣчки Черные 10 к., лѣсу пашенново и непашенново промежь пустошей Олексѣевскои

¹⁾ По Строеву (782) 1828 года. Другой?

и Кузнецовской по Черную рѣчку на версту. Д. *Красиновская* над озером над Сорovýmъ, а дал еѣ в монастыр по душе Ондрѣи Красинъ, во дв. половникъ Жданко Тимофѣев, пашни паханые 3 ч. с осминою в поле, а в дву потому ж, сѣна 80 к.

Чакулские волости *деревни* по рекѣ по Вычегде, а даваны в монастыр по душе: Д. *Сѣкурская* на рѣчке на Сѣкуре, а дал тоѣ деревню въ монастыр по душе Василии Дмитреевъ сынъ Беляевъ да старецъ Максим Юрьевъ, а в ней во дв. половникъ Сенка Нееедевъ, во дв. Захарко да Гаврилко Сенины, пашни паханые 6 ч. в поле, а в дву по тому ж, сѣна 200 к. Д. *Сѣкурская* на рѣчкѣ на Змееватице, во дв. Митка Михайлов, тоѣ ж деревни на другой сторонѣ рѣчки Змееватицы во дв. Истома Елизаров, пашни паханые 4 ч. в поле, а в дву потому ж, сѣна въ Чаене наволоке за рекою за Вычегдою 150 к., да на рекѣ на Змееватице рыбная ловля да 5 слопцов. Д. *Литвиновская*, во дв. Кондрашко Григоревъ, пашни паханые 3 ч. в поле, а в дву по тому ж, сѣна 60 к. Д. *Родивоновская* в Лупенском наволоке за рекою за Вычегдою, во дв. половникъ монастырской Назарко Ортемевъ да Максимко Тимофѣевъ, пашни паханые 4 ч. в поле, а в дву по тому ж, сѣна 30 к.

А угодья к монастырю: *Рыбные ловли*: в Вычегде, да в Лупье, да въ Язинце и в истокехъ против Спасские земли; да монастырю ж участокъ в Святе озере, ловити неводом одним.

И всего в Спасскомъ монастырѣ 2 церкви да 5 кѣлеи, а в нихъ строитель да 16 старцов; да монастырских же 6 [5 ?] деревень живущих, да деревня пустая, да 2 пустоши; а в деревнях і в пустошах 8 дворов крестьянских, а людей в них 10 чл., да двор пусть; пашни паханые худые земли 21 [20 ?] ч. с осминою в поле, а в дву по тому же, да перелогомъ и лѣсом поросло 8 [7 ?] ч. в поле, а в дву по тому ж, сѣна 710 к. А сошново писма в живущемъ пол-полчети сохи.

А *давати* Спасскому строителю з братею с монастырскихъ сель и з деревень государю за дан и за ямские денги и за городовое и за засечное и за ямчужное дѣло и за приметные денги, за пошлины и за всякие государевы подати на год оброку по два рубля денег да пошлинъ с рубля по два алтына. А посылати имъ тот государевъ оброкъ и пошлины к Москве с Вычег(о)дцкими Еренског города с целовальники, какъ вычегодцкие данщики поѣдутъ со государевою данью к Москве. А с Плесовскою волостью Спасскому строителю з братею и их крестьяномъ государевых податей никакихъ не давати и не тянути с ними ни во что.

А *межа* Спасского монастыря землѣ и деревням с Сѣкурских лугов и с Литвиновских с верхнева конца от Лупенского заострова по

Кривому озерку, с нижнево конца озера тог в гору прямо да на Соболе на слудку по взвозу от реки от Вычегды, да со взвоза прямо в гору до Киурского болота, да к Чаинскимъ пожням. Межа с нижнево конца с Онисимовыми детми по ровцу наволочекъ прямо к озерку к Неводинскому, да по озерку вниз да по рѣчке вверхъ по Ошюге в гору, да с верхнево конца оприч Миткинские пожни Микляева, а верхнему концу тоѣ земли и пожнямъ по розсоховатому врагу пониже Лупьи да в гору прямо, направе земля и лѣсъ государево, а налево земля и лѣсъ Спасског монастыря і деревень.

Къ сеи сотной писецъ Иван Григорьевич Огарев печат свою приложил.

Печать.

На оборотъ по склеямъ: К сеи сотной подячен Филипп Юрьевъ руку приложил.

На оборотъ же помяты: По Солвычегоцку № 33. № 20.

Изъ трехъ листовъ.

II (13933).

...7095—г февраля в 22 ден. Били челом царю... Усолског уѣзду... Вилеготцкіе волости вологодског владыки хрестьяне Федка Иванов сынъ Ужищев і во всѣхъ крестьян мѣсто сказали: Писали у Соли на посаде і в Усолскомъ уѣздѣ писцы Оеонасеи Иванович Веляминов да дякъ Иванъ Григоревъ, а сотные им с книг писма своег их владычнымъ селом и деревнямъ и починкомъ и всякимъ их угодамъ не дали; и имъ-де оброков за намеснич доход и всяких государевых доходов платити нѣ по чему, і вы... сошног писма въ селех і въ деревнях і в починках не выдают; и государь бы их пожаловал, велѣл имъ... на ихъ владычны села и на деревни сотную с книг писма и мѣры Оеонася Ивановича Веляминова да діака Ивана Григорева, по чему имъ вперед платити всякие государевы доходы оприч посадцких людей і волосных хрестьянъ. И царь... владычных крестьян Федка Ужищева с товарищи жалывал, велѣл имъ на ихъ села и деревни и на починки и на всякия угода с книг сотную дати.

А в писцовыхъ книгахъ писма и мѣры Оеонася Ивановича Веляминова да діака Ивана Григорева написано:

Лѣта 7094-г году. В Усолскомъ уѣзде в Вилеготцкой волости в Николскомъ да в Покровскомъ да в Ылинскомъ приходе владыки воло(го)тцког. С. Николское на Виледі, а в селе храмъ Никола чюдотворецъ древян вверхъ, а в немъ образов: дѣисус стоячей на красках, а въ немъ 5 образов, венцы обложены серебромъ; двери царь-

ские на красках; образ мѣсной Никола чудотворецъ на красках, венец обложен серебромъ, а у него двѣ гривны серебряны плоских; образ Пречистые Одегитрее, обложен серебромъ; да образ мѣсной в киотѣ Прокофѣи устюжскіи чудотворецъ да Варламеи Ноугородскіи чудотворецъ на красках. Да теплои храм *Ооонасеи Олександрѣйскіи* древян клѣтцкіи, а в немъ образов: дѣисус стоячей на красках, а в немъ одинадцать образовъ; двери царьскіи на красках; образ мѣсной Ооонасеи Олександрѣйскіи на красках, а у нег гривна серебряна; да образ мѣсной Никола чудотворецъ на красках; да образ мѣсной Пречистые Одегитрее на золотѣ, а у нег гривна серебряна; да три свѣчи мѣсных; сосуды церковныя, потыр и блюда, древяны. А книг у обѣихъ храмов: евангиле печатное тетрѣ въ десть; да другое евангиле тетрѣ же писменое въ десть; да два пролога в полдесть; да нама-рагдѣ; да соборникъ; да синоксаръ в полдесть; да двѣ треоді, посная да цвѣтная, в полдесть; да 9 минѣи мѣсечных в полдесть; да минѣя общая; да апостоль тетрѣ в полдесть, да псалтыря в полдесть; да часовникъ въ четверть. Да двои колокола не велики.

А дворов в селе: во дв. владыченъ приказщикъ Тимоха Торокановъ, во дв. поп Богдан, во дв. церковной дѣячекъ Гриша Иванов, во дв. проскурница Окулина, во дв. пономар Оброско. А владычных половников: во дв. Петрушка Никифоров, во дв. Жданко Олексѣевъ. Пашни средние земли 7 четвертей в поле а въ дву потому ж, сѣна 20 к., полвыти. А непашевных: во дв. Ромашко Новиков, во дв. Миня Микитинъ, во дв. Ѳедко Ивановъ, во дв. Меркушо Пономаревъ, во дв. Кричко Еремѣевъ, во дв. Лучка Архипов, во дв. Івашко Носиков кузнецъ, во дв. дѣячек Осипко Григоревъ, во дв. Епиха Мартемьянов порѣтной мастер, во дв. Малец. Патрекѣевъ, во дв. вдова Оленка Максимова с сыном с Пятункою, во дв. вдова Капиля Захарова жена Гладкова, во дв. Ондрюшка Мартемьянов. Да три кѣли, а в них живут нищие. Да 3 дворы пусты. Да 3 дворы, а в них живут нищие.

К тому ж селу деревни, а в них живут владычни половники: Д. *Сергѣева Горка*, во дв. Куземка Боровской, во дв. Иванко Еремеевъ; пашни средние земли 5 четвертей с полуосминою в поле, а въ дву потому же; сѣна 10 к.; полторы четверти выти. Д. *Чаброва* над Чабровскимъ озеркомъ; во дв. Гришка Семенов, во дв. Поадячко Михайлов; пашни средние земли 5 четвертей с полуосминою в поле, а в дву потому ж; сѣна 10 к.; полторы четверти выти. Д. *Ѳедорково* на речкѣ на Ѳедоркѣ владычня приказщика Тимохи Тороканова, а в ней половники ег: во дв. Ѳедко Сусло да Ондрюшка Шпилов, да в относном дворѣ Ѳедко Оголигузов; пашни средние земли 5 четвертей с полосминою в поле, а в дву потому же; сѣна 15 к.; полторы четверти выти.

В *Шлинскомъ* приходѣ: Д. *Новая изба Капустина* на Виляді, во

дв. Ѳедко Филипов; пашни середные земли 3 четверти с осминою в поле, а в дву по тому ж, сѣна 5 к.; четверть выти. Д. *Ивашевская* на Виляді, во дв. Васка Губнигъ, во дв. Митка Матвѣевъ; пашни средние земли 5 четвертей с полосоминою в поле, а в дву по тому ж; сѣна 12 к.; полторы четверти выти. Д. *Кибринская* на Кибринскомъ озере, во дв. Тимоха Степанов з братею, да в относномъ дворѣ во дв. Левка Блин; пашни средние земли 7 четвертей в поле, а въ дву по тому же; сѣна 20 к.; пол-выти. Д. *Воронцово* на Виляді, во дв. Жданко Шешукинъ, во дв. Пятко Мосѣевъ; пашни худые земли 4 четверти в поле, а въ дву по тому ж; сѣна 10 к.; четверть выти.

І всего владычнихъ: селцо да 7 деревень, а в них дв. приказшиков, да 15 дв., а в них половников 15 [16 ?] чл.; непашенных 13 дв., а людей въ них 14 чл.; пашни в селѣ и в деревнях средние земли 38 [39 ?] четвертей с осминою, да худые земли 4 четверти в поле, а в дву по тому ж; сѣна 102 к.; а вытей три выти. А сошного писма по сотной Юрья Самсонова во владычне селѣ і въ деревнях соха и пол-трети сохи. А по отписи данного целовалника Мелихи Забѣлина дани и запросу и ямскихъ и приметныхъ денегъ и за городовое и за засеченное и за ямчюжное дѣло и за посошные люди і соколя оброку и казначѣевых и дѣячих и подячих пошлинь 7 рублевъ и 3 алтыны и 3 денги, пищальныхъ 12 алтынъ. А оброкъ о того селца и з деревень с вытей платят владыке вологодцкому.

А у сотные назаді припис государева дѣяка Дружины Петелина. А правилъ подъячей Тихонъ Семеновъ. К сеи сотной по приказу господина (Антонія епископа ?) дѣяк его Лука Рыдин руку приложил.

На оборотъ на склеть: Дѣякъ Иван руку приложил.

На оборотъ же помѣты: По Усолску № 146. № 1.

Изъ 2 листовъ.

III.

Поправки и дополненія.

A. Къ первому выпуску „Обзора грамотъ коллегіи экономіи“.

Въ статьѣ „Родоприсхождение дворянъ Головинныхъ“ („Извѣстія русскаго генеалогическаго Общества“, II, 89—148) Н. П. Лихачевымъ изданы бѣжецкія грамоты коллегіи экономіи за №№ 1133, 1159, 1169, 1178, 1188, 1212, 1217, 1219, 1230, 1239, 1249, 1250, 1255, 1265, 1278, 1281, 1285, 1296, 1298, 1318, 1322, 1330, 1343.

B. Къ третьему выпуску „Сотникъ, грамотъ и записей“.

Къ стр. 24. А. А. Шахматовымъ изданы не всѣ двинскіе акты XV в. Такъ напр. изъ Мухановскихъ актовъ имъ не изданы №№ 21 (закладная Михаила

Васильева Микифору Перхурьеву на участок на Ровдинъ Горѣ 1490—1491 гг.) и 68 (Купчая Ондр. Ив. Епифанова его братьямъ на четверть Епифановской земли 1498—1499 гг.).

Къ стр. 37—39. О пашенныхъ и церковныхъ бобыляхъ см. также гр. кол. эк. по Устюгу подъ № 13682 (1679 г.) и стр. 399 въ IV т. „О. Д. и Б. М. А. М. Ю.“.

Къ стр. 43. Въ „Большой Энциклопедіи“ Ожакова нами дано ученіе лишь о центральныхъ частныхъ актахъ. Въ Поморьѣ смѣны данныхъ мѣновными не наблюдаемъ. На всемъ протяженіи XVI—XVII в. здѣсь очень много данныхъ, купчихъ и особенно закладныхъ и доимочныхъ памятей къ нимъ. Мѣновныхъ же по Поморью очень мало, и здѣсь онѣ не играютъ той роли, что въ центрѣ. О древнерусскомъ же залогѣ новѣйшее ученіе см. въ статьѣ г. Удинцева „Подписка въ вѣрѣ“ („Сборникъ, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову, Кіевъ, 1904 г. Рецензировавъ нами въ „Научномъ Словѣ“ за ноябрь 1904 г.).

Къ стр. 100. См. статью г. Гурлянда „Приказъ сыскныхъ дѣлъ“ въ томъ же „Сборникѣ“. Не Семень ли Васильевичъ Головинъ?

Къ стр. 122—123. См. также:

1. *Дьяконовъ.* Рецензія на третій томъ „Древностей русскаго права“ Сергѣевича, (Ж. М. Н. П. 1904, VII).
2. *Помяловскій.* Очерки изъ исторіи Новгорода (о своеземцахъ). Тамъ же.
3. *Кауфманъ.* Документы и живая исторія русской общины (Ж. М. Н. П. 1904, IX).
4. *Ключевскій.* Рецензія на книгу Рожкова. Спб. 1904.
5. *Крестьянскій строй.* Изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб. 1905 г.
6. *Наша* рецензія на эту книгу въ „Научномъ Словѣ“ за 1905 г.
7. *Шумаковъ.* Отголоски смутнаго времени. Нижній-Новгородъ. 1905 г.
8. *Онъ же.* Изъ практики помѣстнаго приказа. Ж. М. Н. П., 1905 г.

Къ стр. 163—167. Поправки къ списку судей и дьяковъ Помѣстнаго приказа на основаніи столбцовъ за №№ 31073—31088 (подробности см. въ IV в. „Сотницъ, грамотъ и записей“).

Бутурлинъ И. Ф. 184, мартъ.

Ивановъ А. И. Дьякъ съ іюня 190 года.

Казариновъ Иванъ. 185, мартъ—186, іюль.

Курбатовъ Константинъ. 180, іюль—190, мартъ.

Протопоповъ Григорій. 179, апрѣль—180, январь.

Струковъ Семень. 184, мартъ—190, декабрь.

Федоровъ Дмитрій. По мартъ 203 года.

Къ стр. 168. Дьяки помѣстнаго приказа послѣ 7189 г., о которыхъ говорится въ тѣхъ же столбцахъ.

1. Близнаковъ Григорій. 190, декабрь—мартъ.

2. Васильевъ Семень. 196, мартъ—202, январь.

3. Векентьевъ Иванъ. 194, май—200, октябрь.

4. Волковъ Алексѣй. 202, августъ—205, мартъ.

5. Вяземскій Петръ. 204, декабрь—1712, сентябрь.

6. Даниловъ Максимъ. 202, іюнь.

7. Иполитовъ Семень. 190, апрѣль—августъ.

8. Кирѣевъ Андрей. 1710, мартъ—1712, сентябрь.

9. Клементьевъ Иванъ. 189, мартъ.

10. Козловъ Иванъ. 202, май—207, апрѣль.

11. Лосевъ Иванъ. 1710, мартъ—1712, сентябрь.
12. Лукницъ Василій. 193, октябрь.
13. Ляпинъ Исая. 195, мартъ.
14. Мануиловъ Василій. 191, январь—197.
15. Мануковъ Федосѣй. 203, июнь—1710, мартъ.
16. Молчановъ Григорій. 200, июль.
17. Невѣжинъ Анисимъ. 190, январь—207, декабрь.
18. — Тимофей. 201, июнь.
19. Перекусихинъ Гавріиль. 199, сентябрь—200, июль.
20. Протопоповъ Василій. 189, августъ.
21. Ратмановъ Адрианъ. 201, июль—1712, сентябрь.
22. Румянцевъ Никифоръ. 1710, мартъ—1712, сентябрь.
23. Татариновъ Осипъ. 207, июнь—1712, сентябрь.
24. Телицынъ Василій. 195, октябрь—197.
25. Улановъ Леонтій. 201, январь—203, июнь.
26. Федоровъ Василій. 193, сентябрь—196, августъ.
27. Фроловъ Кириллъ. 202, августъ.
28. Шейнъ Иванъ. 204, июнь—208, октябрь.
29. Яковлевъ Михаилъ. 196, февраль—198, мартъ.

О столахъ же и повѣтыяхъ Помѣстнаго приказа (съ подробнымъ перечисленіемъ ихъ и ихъ состава за августъ 1699 года) см. вышеупомянутую нашу замѣтку „Изъ практики Помѣстнаго приказа“.

Къ стр. 182. Стр. 1—5 съ конца надо выкинуть.

Сообщилъ Дѣйствительный Членъ С. А. Шумаковъ.

3.—1531 г. іюня 31. О лицахъ, назначенныхъ великимъ княземъ къ князю Д. Ѡ. Бѣльскому.

Лѣтъ 7039 іюн 31 день велѣл княз велики быти (*зачеркнуто*: в станице) у князя Дмитрея Ѡедоровича Бѣльскаго и спати переменяяс (*зачеркнуто*: Михаилу да Борису Ступишнымъ) Михаилу Гнездовскому, да Истоме Тарасовскому, да Захарью Шпшкину, (*зачеркнуто*: да Ивану, да Петру, да Василью Ступишнымъ; *надъ строкой*: посланы на службу) да Ивану Тихменеву. А доспѣхъ княжъ Дмитреевъ велѣл княз велики вяти Миките Карпову. А кони велѣл княз велики вяти Василью Беззубому.

(А. М. И. Д. Розыскныя дѣла. Подлинникъ, черновикъ).

4.—Ок. 1534 г. Доеладъ великому князю о назначеніяхъ при свадьбахъ князей Бѣльскаго, Шуйскаго и Пронскаго.

Доложити государя великаго князя: кому камка нести за княземъ Дмитреемъ Бѣльскимъ и кому другая камка нести за Шуйскимъ, на которыхъ венчати.

Х короваем дьячи жоны: Федора Огарева, Василья Колзакова (*зачеркнуто*: Федуря Леонтьева). Которым ис тѣх государь укажет? А были двѣ.

А сидѣл у короваев дворцовой діакъ Семен Бурмасов, и ныне Федура пригоже ли? Как государь велит?

Въ друшках быти во княж Иваново место быти княз Ивану Турунтаю.

А камки носити: Шемякич сынъ княз Иван Забитский. А за Пронским камка носити княз Се... княз Данилову сыну Пронскому. (*Тамъ же. Дѣла о бракахъ. Подлинникъ*).

5. — 1649—1650 гг. Два доклада царю Алексѣю Михайловичу объ избранныхъ Освященнымъ соборомъ кандидатахъ на архіерейскія каѳедры.

I.

Повелѣниемъ государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца, его государевъ богомолецъ святѣйшій Иосиѣвъ патриархъ с сыновы своими преосвященными митрополиты и архіепископы и епископомъ избраша в преосвященную митрополию в славный град Казань в митрополиты:

Чюдова монастыря архимаритъ Ферापонтъ.

Андроньева монастыря архимаритъ Селиверстъ.

Богоявленского монастыря игуменъ Корнилей.

И от тѣхъ избранныхъ кому государь царь и в. к. Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи повелитъ быти славному граду Казани митрополитомъ?

Визу помѣта: 158-го генваря въ 10 де(нь) по государеву указу избран в Казан в митрополиты Богоявленской игумен Корнилей.

II.

Повелѣниемъ г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. Р. с., его государевъ богомолецъ святѣйшій Иосиѣвъ патриархъ с сыновы своими с митрополиты и архіепископы и епископомъ избраша в преосвященную архіепископлю в славный град Псков:

Чюдова монастыря архимаритъ Ферапонтъ.

Андроньева монастыря архимаритъ Селивестръ.

Иосеова монастыря игуменъ Зосима.

Изо Пскова Печерского монастыря архимаритъ Макарей.

И от тѣхъ избранныхъ кому г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р. повелитъ быти архиепископу граду Пскову?

Помѣты нѣтъ, но архимандритъ Макарій хиротонисанъ 4 ноября 1649 г.

(Тамъ же. Духовныя Россійскія дѣла).

6.—1652 г. Запись о посвященіи въ патриархи митрополита Никона.

Того ж (=160) году июля въ 25 день по изволенію Божию и по избранію государя царя і великого князя Алексея Михайловича вѣсая Руси а бояры и со всемъ вселенскимъ соборомъ поставленъ бысть въ царствующемъ граде Москвѣ въ патриархи Ноугородцкый и Великолутцкый митрополитъ Никонъ. И какъ патриархъ ходилъ около города, и за нимъ ходили по государеву указу бояря князь Алексей Никитичъ Трубетцкой, да князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ, да князь Юрья Алексеѣвичъ Долгорукой, да околничѣй князь Дмитрей Алексеевичъ Долгорукой, да Прокоеей Ѳедоровичъ Соковнинъ.

(Изъ Разрядной книги. Современная запись, сдѣланная на одномъ изъ чистыхъ листовъ. Ркп. Эрмитажной бібліотеки № 390а (въ Императ. Публичной бібліотекѣ), XVII в., содержащая разряды съ 6800 по 7146 г., л. 990 об.).

7.—1655 г. августъ. Распросныя рѣчи челоуѣка стольника И. В. Милославскаго Федора Зыкова о непригожихъ словахъ про государя.

163-го году августа въ 25 д. тюремной сиделець столника Ивана Богдановича Милославскаго челоуѣкъ Ѳедка Зыковъ передъ дворскимъ передъ Кирилоу Ворнавинымъ сказываетъ за собою государево слово, а присланъ онъ ис Посолскаго приказу.

И того жъ дни передъ бояриномъ передъ княземъ Григорьемъ Семеновичемъ Куракинымъ съ товарищи тюремной сидѣлецъ столника Ивана Богданова сына Милославскаго челоуѣкъ Ѳедка Зыковъ роспрашиванъ накрепко: какое онъ за собою государево слово сказывалъ, чтобъ про то сказалъ правду.

И Ѳедка Зыковъ сказалъ: сидитъ де въ тюрьмѣ въ сибирке Ѳедка Дуракъ. И празновали де Николе чудотворцу тюремныя сидѣлцы, тому ныне недѣля прошла; і въ то де время принесли отъ государыни царицы і великіе княгини Марьи Ильичны милостиву по 10 денегъ челоуѣку.

И тот де Ѳедка Дуракъ, принявъ тое милостину, кинулъ за тын, а про Николу чюдотворца говорил злые слова с лаемъ. А слышали де то тюремной староста Івашко Степанов сынъ Воломской да боярской челоуѣкъ Артюшкоу зовут, а коего боярина и чей словет, тово не вѣдает; да і всѣ де тое тюрьмы сибирки сидѣльцы 48 челоуѣка то слышали ж, а дворской де про то не известили. Да и прежде того тое ж тюрьмы целовалникъ Івашко Беляй сказал за собою государево слово дворскому, и дворской де того не объявил же.

А Ѳедка Дуракъ в роспросе сказался Переславля Залѣского волной челоуѣкъ салдаты. Какъ де празновали в тюрьмѣ Николе чюдотворцу, и он де того не помнит, был болен, а про Николу де чюдотворца бранных слов не говаривал, и царицы государыни милостины за тын не метывал. За что де мнѣ метат?

А на очной ставке Ѳедка Зыков и Ѳедка Дуракъ говорили прежние рѣчи: Ѳедка Зыков говорил, что он Ѳедка про Николу чюдотворца злые рѣчи говорил и царицы государыни милостину метал; а Ѳедка в том во всемъ запырался и говорил внѣ ума.

А тюремной сидѣлецъ тюрьмы сибирки староста Івашко Воломской сказал: на праздникъ-де Успения Пречистые Богородицы празнество у нихъ было Николе чюдотворцу, и назавтрее де извещали ему тое ж тюрьмы сибирки сидѣльцы Ортюшка, а чей словет, того не упоминает, да Максимко Попадья, что Ѳедка Дуракъ про празнество Пречистые Богородицы и про Николу чюдотворца говорил неистовые слова. І он де, слыша у нихъ такое великое дѣло, назавтрее того сказывал про то дворскому. А какъ де от царицы государыни милостину к нему приносили, и он ту милостину бросал-ли, про то он ни от кого не слышал и самъ не видалъ. А про то де он слышал прежде того і после, что он Ѳедка Дуракъ денги и хлѣбъ бросает на землю, и говорит внѣ ума, і за то де ему бываетъ смирение тюремное, бьютъ шелепами. А какой де онъ челоуѣкъ, и сколъ давно, и в какомъ дѣле посажен, того де он не вѣдает.

Тюремной сидѣлецъ Ортюшка Пареев, боярина князя Василья Григорьевича Ромодановского челоуѣкъ, сказал: какъ де былъ праздникъ Успения Пречистые Богородицы, і в то де время Ѳедка Дуракъ про праздникъ Богородицы и про Николу чюдотворца говорил неистовые слова внѣ ума; да много де того бывает: кто у него спросит про отца его и про мат, и он лаёт матерны и всякою лаемъ безумствомъ. А про милостину де государыни царицы, что онъ бросал, не видал и ни от кого не слышал; а то де бываетъ же, что хлѣбъ бросает на землю безумствомъ.

А Максимко де Попадья то вѣдаетъ же, что он про празнество Богородицыно и про Николу чюдотворца неистовые слова говорил; а

не роспрашиван Максимко, потому что его в то время в тюрьмѣ не было, был в городе для милостины.

Сидѣльцы ж тюрьмы сибирки десятникъ Мелентьев человекъ Квашнин Ивашко Турчанинъ с товарищи 40 человекъ сказали: про образ де Пречистые Богородицы и Николы чудотворца злых слов от него николи не слыхали; а какъ де государыня царица прислала к нимъ милостину после того празнества а дьякомъ с-Бываномъ Взимковымъ, а в кой день, того не упомяат, в вечеру поздо, и тот де Дуракъ милостину принял в тюрьмѣ и принявъ тотчасъ пошоль спат. А роздавал милостину, приняв у дьяка Ивана Взимкова, сидѣльцомъ онъ десятникъ Ивашко Турчанин. И того де Ѳедку, мечючи мелостыни, ни кто не видал; а в-ыные де дни видали, что он денги и хлѣб мечет, и говоритъ безумные рѣчи, и ему за то бываетъ смиренье. А назавтрее де празника Успения Пречистые Богородицы зывал ихъ всѣхъ староста на сход и имъ объявляя, что извещали ему старосте тюремные сидѣльцы Ортюшка да Максимко про Ѳедку Дурака, что он говорил про празнество Богородицы и про Николу чудотворца неистовые слова; а какой де он Ѳедка человекъ и в какомъ дѣле и ис которого приказу посажен, того не вѣдают. А посажен де он в нынешнемъ во 163-мъ году после Семеня дни.

А дворской Кирила Варцавинъ сказал: назавтрее де Успеньева дни извещал ему тюрьмы сибирки староста Ивашко Воломской тое ж тюрьмы про сидѣльца про Ѳедку Дурака, что он говорил про Пречистую Богородицу и про Николу чудотворца злые слова; и он де про то извещал в Розбойномъ приказе столнику Василью Волинскому, и Василей де велѣл ему довѣдатца, ис которого приказу тот Ѳедка посажен. И ему де Кирилу сказывалъ подьячей, кой с нимъ сидит у тюремныхъ дѣл: чаеть де он, что тот Ѳедка посажен из Стрелетцкого приказу. И он де Кирило в Стрелетцкомъ и в-ыныхъ приказахъ довѣдатца про него Ѳедку, какъ он в тюрьму посажен, не мог.

(А. М. И. Д. Розыскныя дѣла 1655 г. августа 25, № 33).

8.—1660—1666 гг. О документахъ касающихся патриарха Никона, отданныхъ на храненіе въ Посольскій приказъ.

169-го октября въ 5 день указалъ великніи государь царь і великніи князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росніи самодержецъ, боярину Петру Михайловичю Салтыкову да дьяку Александру Дурову дела о отреченіи бывшего Никона патриарха отдать в Посольской приказ думному дьяку Алмазу Иванову; а в Посольскомъ приказе указалъ великніи государь тѣмъ деламъ быть за своею государевою печатью. А что какихъ дѣлъ, и тому роспись:

Скаски подлинныя за руками о отреченіи бывшего патриарха Никона; а тѣ скаски запечатаны печатью боярина Петра Михайловича Салтыкова.

Изложение на патриарха Никона, что паки ему не быть, за властелинскими руками, и писмо патриархово за его рукою, каково привез Матвѣй Пушкин; за боярскою ж печатью.

2 выписки перечневые из сказокъ про отречение патриархово.

Выписка из правил святых отецъ.

2 имена властем, кто был на соборе.

Скаска Матвѣя Пушкина, за ево рукою, какъ он был у патриарха.

3 листа греческих писем и с них переводы.

Выписка из правил святыхъ отецъ за Епифаниевою рукою.

Выписка из правил ж святых отецъ.

3 скаски старца Епифанія за ево рукою.

Писмо, каково подал Полоцкой епископъ Калисть.

Скаска греческих властей, какъ по оставленіи патриарха к соборному деянію достоинъ руками подписаться.

Списокъ из изложения на Никона патриарха, на 5 тетратехъ.

4 тетрати черныя выписки из правил святых отецъ.

2 грамоты Никона патриарха к архиепископу Тверскому Иосаѳу.

Дѣло Суздальскаго архиепископа, что извещал на него поп Никита; за печатью боярскою.

Изложение соборное на него ж архиепископа, что велено ему быть для пропитанія у Михаила Архангела, и он и то возненавидель, и самовольно отстал, і за то онъ отлученъ архиерейства и сослан в Ростов в Борисоглѣбской монастырь.

Писмо отъ заповедей святых отецъ о храненіи священных правил, каково подал великому государю Реванской архиепископъ августъ въ 15 день 170-го году.

175-го октября въ 5 день. По указу великаго государя царя і великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, отдано на соборъ в Патриаршу Крестовую: дѣяние соборное да писмо Никона патриарха, что прислано с Матвѣем Пушкиным, за печатью боярина Петра Михайловича Салтыкова; да столпикъ—на верху написано: деяние соборное кинаварем, двѣ скаски за рукою старца Епифанія. А взялъ Чюдова монастыря архимарит Иакимъ.

Другой рукою: 175-го ноября въ 6 день по указу великаго государя ящикъ и дела по сей росписи отданы властем. Принялъ архимарит Чюдовской Иоакимъ.

(Тамъ же).

9.— „Выписка, какимъ образомъ въ чужестранныхъ разныхъ государствахъ поступаютъ съ служителями и съ крѣпостными людьми“.

По ведомости розныхъ государствъ с-иноземцы:

У цесаря і во всѣмъ Римскомъ государствѣ или въ Германіи служатъ люди во дворѣхъ господскихъ и шляхетскихъ наемные по договорамъ, на сколько лѣтъ наймутся; и по уреченнымъ лѣтамъ отходятъ, или і впредь наймываются по своей волѣ ж. А неволники плѣнные і купленные, которые не христіане, служатъ вѣчно въ неволе; а естли кто изъ нихъ восприметъ вѣру христіанскую, то онъ свободенъ бываетъ отъ господина своего по нѣсколькомъ времени, в 7 или в 9 лѣтъ противъ протчихъ людей. А когда совершанное время ко окончанию приходитъ, то долженъ за мѣсяць или за два слуга изъяснить господину своему, что выше того у него служить не хочетъ.

А крестьяня во всей Германіи невольные, вѣчно господамъ своимъ порабощенные, и невольно имъ никуда безъ воли господъ своихъ отходить; и хотя збѣжавъ пойдутъ в салдаты или в какую королевскую или иного господина службу, то по желанію господина отданы будутъ ему и над животомъ ихъ владѣютъ господа ихъ безъ прекословія по правамъ; а берутъ изъ нихъ господа і в дома свои для услугъ по перемѣнамъ. А естли которой похочетъ, то и вовсе молодого, а не з жеребья отъ земли, можетъ в домъ свой взять; однакожъ онъ ему и дѣтямъ его всегда порабощенъ, пока развѣ господинъ по воле своей имъ дастъ отпущную.

Противъ того ж і в Датской землѣ во всемъ.

Во Франціи, сказываютъ, невольныхъ никакихъ нѣтъ, а служатъ все за заплату в урочные лѣта и с крестьянъ господамъ брать в слуги невольно. А воленъ во всѣхъ крестьянѣхъ король, естли кого изъ нихъ хочетъ взять в салдаты и до протчихъ услугъ своихъ. А господа ихъ токмо берутъ съ нихъ уреченной оброкъ по уставу.

В Англіи и в-Италіи такожъ, какъ сказываютъ, и в Гишпаніи, живутъ люди потому ж на урочные лѣта наемные; а какъ срокъ доходить, то долженъ слуга, естли впредъ у господина наймывается не хочетъ, за нѣсколько мѣсяцовъ то сказать господину своему, что онъ болѣе у него служить не будетъ. А плѣнные мусулмане и языческихъ народовъ у нихъ живутъ в вѣчномъ порабощеніи и волно ихъ продавать и покупать, пока не крестятся. Да и крестьянъ невольныхъ у нихъ нѣтъ, токмо имѣютъ господа земли свои, которыя крестьяне у нихъ оброчать на несколько лѣтъ, а потомъ по воле своей или когда не могутъ в оброкъ договорится, могутъ в-ыное мѣсто жить перейти; а

сверхъ договору ни в какую работу дворовую ихъ господа нудить не могутъ.

Такое ж поведѣніе и волность людям и крестьяном и в Голандіи, с такимъ еще различіемъ, что и купленные неволники, хотя і не христіанские вѣры, могутъ, когда хотятъ, свободно от господина своего к иному господину.

В Прусех и во всемъ округѣ цесарском против вышеписанной Германской статьи.

В Полше сие извѣстно многимъ, что содержать во крестьянехъ и слугахъ слуги наемные, а крестьяны неволники.

В Свѣе і в Лиелювдѣхъ по полскимъ обычаемъ или жесточайшіе.

(А. М. И. Д. Историч. сочиненія. 1697 г., № 6).

Ю.—„Реестръ вышедшимъ въ замужество госпожамъ камерь-фрейлинамъ и фрейлинамъ“ въ 1762—1786 гг.

1. Камерь-фрейлина Александра Васильевна Энгельгардова. 1781 ноября 12. За польскаго гетмана графа Бронницкаго.

Фрейлины:

2. Княжна Елисавета Бѣлосельская. 762 іюля 29. Лейбъ-гвардіи за порутчика барона Черкасова.

3. Марья Шаферова. — іюля 29. Лейбъ-гвардіи за порутчика Лодыжинскаго.

4. Катерина Чоголова. —ноября 11. Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку за маіора Рославлева.

5. Графиня Варвара Гендрикова. 763 генваря 24. Лейбъ-гвардіи за подпорутчика Челищева.

6. Княжна Марья Одоевская. 764 апрѣля 25. Лейбъ-гвардіи за оберъ-офицера Закревскаго.

7. Софья Дараганова. — апрѣля 25. За полковника князя Хаванскаго.

8. Княжна Марья Хаванская. —апрѣля 25. За камерь-юнкера князя Ѳедора Барятинскаго.

9. Графиня Катерина Гендрикова. —сентября 29. Лейбъ-гвардіи за порутчика Матвѣя Апраксина.

10. Анна Вейделева. 766 августа 16. За генераль-аншефа графа Захара Чернышева.

11. Анна Пангина. — ноября 1. Лейбъ-гвардіи за порутчика Лопухина.

12. Марья Вейделева. 767. За генераль-аншефа Петра Панина.

13. Анна Сачъ (?).—апрѣля 19. За статскаго дѣйствительнаго совѣтника Тимофея Остервалда.
14. Елисабета Чоглокова.—ноября 4. Лейбъ-гвардіи за порутчика Загряжскаго.
15. Катерина Шаферова. 768 іюля 6. Лейбъ-гвардіи за корнета князя Волконскаго.
16. Еласавета Штакельберхъ. — августа 24. За камеръ-юнкера графа Орлова.
17. Княжна Катерина Менщикова. За камеръ-юнкера Степана Зиновьева.
18. Софья Алсуфьева. 768 ноября 12. Лейбъ-гвардіи Коннаго полку за порутчика графа Девіера.
19. Вѣра Чоглокова. 769 іюня 8. Лейбъ-гвардіи за порутчика графа фонъ-Миниха.
20. Княжна Катерина Трубецкая. — іюля 27. За камергера графа Строгонова.
21. Катерина Зиновьева. 771 іюля 29. За камеръ-юнкера Всеволодскаго.
22. Графиня Анна Ефимовская. 772 генваря 16. За камеръ-юнкера графа Миниха.
23. Графиня Наталья Разумовская. 772 октября 24. За камеръ-юнкера Загряжскаго.
24. Графиня Анна Разумовская. 773 апрѣля 26. За камеръ-юнкера Васильчикова.
25. Катерина Штакельберхъ.—октября 18. За камеръ-юнкера Тизенгаузена.
26. Княжна Ирина Щербатова. 775 мая 10. За камеръ-юнкера Спиридова.
27. Княжна Елисавета Мещерская.—октября 26. Лейбъ-гвардіи за капитана Сепявина.
28. Катерина Зиновьева. 777 іюня 5. За генерала фельдцейхмейстера князя Орлова.
29. Княжна Авдотья Белосельская. — іюня 7. Лейбъ-гвардіи за порутчика Салтыкова.
30. Галафира Алымова. — іюня 9. За камергера Ржевскаго.
31. Софья Бемъ. 778 въ генварѣ. За генерала квартирмейстера Боура.
32. Аграфена Бибикова.—ноября 12. За армейскаго маіора Рѣбо-Шіара.
33. Варвара Энгельгардова. 779 генваря 27. Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку за маіора князя Голицына.
34. Прасковья Леонтьева.—мая 24. За флигель-адъютанта Уварова.

35. Надежда Энгельгардова.—ноября 13. За полковника Измайлова.

36. Княжна Анна Волконская. За генераль-порутчика князя Прозоровскаго.

37. Катерина Молчанова. 780 генваря 27. Лейбъ-гвардіи за порутчика Алсуфьева.

38. Авдотья Ланская. 781 февраля 7. За генераль-маіора Чернышова.

39. Александра Левшина.—апрѣля 29. Лейбъ-гвардіи за капитана князя Черкасова.

40. Варвара Ланская.—іюля 18. За армейскаго маіора Мацлева.

41. Катерина Сенявина.—августа 18. За бригадира графа Сергѣя Воронцова.

42. Наталья Нарышкина.—августа 22. За полковника графа Сологуби.

43. Елисавета Ланская.—сентября 24. Гвардіи за капитана порутчика Кушелева.

44. Катерина Энгельгардова.—ноября 10. За камеръ-юнкера графа Павла Скавронскаго.

Итого въ 20 лѣтъ 44 человекъ.

45. Марья Сенявина. 1783 генваря 29. За камеръ-юнкера Александра Нарышкина.

46. Княжна Прасковья Репина.—февраля 13. За камеръ-юнкера князя Голицына.

47. Марья Озерова.—сентября 11. Лейбъ-гвардіи за капитана Николая Горчакова.

48. Графиня Елисавета Бутурлина.—ноября 12. За камергера Андреяна Дивова.

49. Катерина Нарышкина. 1784 октября 21. За камеръ-юнкера графа Юрья Головкина.

50. Прасковья Закревская. 1785. За генераль-порутчика Павла Сергѣевича Потемкина.

51. Наталья Барцова.—февраля 16.

52. Княжна Катерина Трубецкая. 1786 генваря 18.

Итого въ 24 года 52 человекъ.

(А. М. И. Д. Дѣла о бракахъ).

II.—1800 г. Объ осмотрѣ вещей прїѣхавшихъ въ Россію французскихъ актеровъ Вернеля и Бергамина.

1.

По секрету.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Вторичное повеленіе вашего сіятельства отъ 16-го маія объ актерѣ Вернелѣ я сего числа получилъ и исполнить по оному въ точности не упушу, сколь скоро онъ прїѣдетъ. О чемъ донеся съ глубочайшимъ почтеніемъ есмь, милостивый государь, вашего сіятельства (*подп.*) всепокорнѣйшій слуга Александръ Уколовъ (*—Кронштатскій комендантъ*).

Его сіятельству графу Федору Васильевичу Ростопчину. Маія 17-го дня 1800 года. Кронштатъ.

Вверху полъта: получено 18 мая 1800.

2.

Секретное.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Французскій актѣръ Вернелъ вчера изъ Любека сюда прїѣхалъ вмѣстѣ съ таковымъ же актеромъ Бергаминоу, имѣющимъ при себѣ и жену. Слѣдуя Высочайшимъ повеленіямъ, объявленнымъ мнѣ отъ вашего сіятельства маія отъ 13-го и 16-го чиселъ, касательно обыска и арестованія бумагъ Вернеля, почелъ я необходимымъ исполнить то надъ обѣими, потомучто они прїѣхали вмѣстѣ на одномъ суднѣ, имѣя и экипажъ общей; а при томъ и для того, что Вернелъ можетъ передать и спрятать что вибудь въ экипаже Бергамина. И такъ подъ предлогомъ, что здѣсь, яко въ мѣстѣ пограничномъ, порядокъ требуетъ осмотреть подробно всякаго въѣжающаго въ Россію чужестранца, я, не впуская ихъ въ гавань, а на рейдѣ, осматривалъ самъ съ тою точностью, каковую ваше сіятельство предписать мнѣ изволили, и, сколько нашелъ въ разныхъ связкахъ и въ сундукахъ мѣжду другими ихъ вѣщами бумагъ, книгъ, и нотъ, оныя при семъ имѣю честь представить въ трехъ ящикахъ, запечатанныхъ моею печатью съ надписью, которые два принадлежатъ Вернелю и которой Бергамину. У нихъ экипажъ кажется довольно не малъ, и большою частью въ платьѣ и бѣльѣ. У Бергамина есть нѣсколько эстамповъ въ рамахъ и безъ рамъ, а у Вернеля свѣрхъ того три ящика разныхъ винъ. Всѣ сіи вѣщи, укладенныя въ 26-ти мѣстахъ, я отдалъ таможенѣ подъ сохраненіе. До полученія отъ вашего сія-

тельства резолюціи они оба остаются у меня подъ присмотромъ, не давая имъ знать, что оной за ними есть.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Александръ Уколовъ.

Его сіятельству графу Федору Васильевичу Ростопчину. Іюля 5-го дня 1800 года. Кронштатъ.

Р. S. При самомъ запечатаніи сего, Вернель и Бергаминъ прислали письма свои на почту для пересылки въ Санктъ-Петербургъ, которые при семъ вашему сіятельству представляю, всего четыре.

Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Александръ Уколовъ.

Помѣты: пол. 6 іюля 1800.

3.

Князю Гав. Петр. Гагарину.

Прибывшія изъ Любека два французскіе актера Бергаминъ и Вернель, подъ предлогомъ объ оныхъ донесенія, задерживаются въ Кронштадтѣ. Вѣщи, у нихъ находящіяся, я самъ осматриваю, а ваше сіятельство покорнѣйше прошу послать повеленіе въ Кронштадскую таможеню удвоить понски при осмотрѣ ящиковъ съ винами, онымъ актерамъ принадлежащихъ, а особливо открывать дни для удостовѣренія, что оныя не двойныя.

Пребывая *и пр.*

подписано: Графъ Федоръ Ростопчинъ.

Іюля 6 дня 1800 въ Петергофѣ.

12. — 1800 г. О задержаніи на границѣ отправившагося изъ Рима якобинца Мадерна.

Секретное.

Милостивый государь, графъ Федоръ Васильевичъ.

Высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, объявленное мнѣ вашимъ сіятельствомъ сего іюля 6 о сдѣланіи настрояйшаго предписанія, дабы отправившейся изъ Рима якобинецъ Мадерна съ 4 товарищами, по прибытіи ихъ къ границѣ, остановлены были впредь до повелѣнія, а бумаги ихъ отобраны,— я имѣлъ честь получить 8 числа, и во исполненіе онаго не только всѣмъ пограничной дистанціи командирамъ, но и на случай, буде бы оной якобинецъ нашель случай пробраться чрезъ границу, всѣмъ комендантамъ наи-

стражайшія повелѣнія далъ. А для равномернаго исполненія по таможенной части не оставилъ я отнестись и къ адѣшнему гражданскому губернатору г; дѣйств. стат. совѣтнику Ореусу. О чемъ извѣщая вашего сіятельства, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга князь Алексѣй Горчаковъ.

№ 124. Іюля 10 дня 1800 г. Выборгъ,

Его сіятельству г. дѣйств. тайн. совѣтнику и кавалеру графу Растопчину.

13.—1649 г. О постриженіи въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ двухъ колодниковъ.

Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в Р., в Звенигородъ в Сторожевской монастырь Рожества Пречистые Богородицы и преподобного Савы чудотворца архимариту Варламу з братьею. По нашему указу посланы к вамъ в монастырь с приставомъ съ Юрьемъ Щульповымъ два колодника Содовко да Ганко трудникъ; а тот Содовко не пострижен, а черное платье („и схиму на себя“—*зачеркнуто*) положил и имя себѣ дал Саулом самъ своимъ самоволствомъ безъ благословенія. И какъ к вамъ ся наша грамота придет, а приставъ с колодники к вамъ приѣдетъ,—и вы б у него тѣхъ колодниковъ взяли и велѣли ихъ держать в монастырѣ до нашего указа с великимъ береженьемъ; а Содовка б есте постригли і имя ему нарекли по правиломъ святыхъ отецъ иное. А какъ тѣхъ колодниковъ у пристава примете, и вы б о томъ къ намъ отписали с тѣмъ же приставомъ, а отписку велѣли подать околничему нашему Ивану Овдрѣвичю Милославскому да Лву Григорьеву. Писан на Москвѣ лѣта 7158-го мая въ 18 де.

Архимандритъ Варлаамъ и строитель чернецъ Тихонъ Пестриковъ съ братіею въ отпискѣ писали, что колодники прибыли въ монастырь 19-го мая и они у пристава тѣхъ колодниковъ принѣли и по твоему государеву указу того Содовку пострижемъ маія въ 20 де.—Отписка по дана Щульповымъ 21-го мая.

(Столбцы II разряда 158 г., № 49. Арх. Оруж. Палаты).

**Въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московск. Университетѣ продаются слѣдующія книги:**

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 части. М. 1815—1837 г. Ц. по 50 к. за книгу.
2. Русскія достопамятности. Часть 1—я, 1815 г., ц. 50 к., Ч. 2—я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р.
3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р.
4. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кенпена, переводъ съ нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 50 к.
5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р.
6. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Ц. по 1 р. за томъ.
7. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. Т. I, кн. 1 (1—е и 2—ое изд.), т. II, книга 3. Ц. 2 р. за книгу.
8. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Т. II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к.
9. Повѣствованіе о Россіи Н. Арцыбашева. М. 8—й т. Ц. 3 р. Начало IV-го (кн. 7, стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). Ц. 2 р.
10. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго.. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.
11. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. И. Бѣльева. М. 1846 г., ц. 50 коп.
12. Книга Большой чертежъ, изд. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.
13. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана, Безъ рисунковъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.
14. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣвскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп.
15. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суrowецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп.
16. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуусобіяхъ бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулиша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.
17. Реймское евангеліе, изд. В. Ганкою. 1846 г. Ц. 3 р.
18. О бунтѣ г. Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г., ц. 10 к.
19. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.
20. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп.
21. Критическое разложеніе всѣхъ именъ Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гунискихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прискъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. Юрія Венелина, ц. 50 к.
22. Переписка и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филиппа Орлика и кievскаго воеводы Юсифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.
23. Древнія святини Ростова великаго,

Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

24. Описание города Острога. Составл. А. Пераштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 к.

25. Паралипоменъ Зонаринъ. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1847 г., ц. 50 коп.

26. Иностранныя сочиненія и акты, относящіяся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. I. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.

27. Украинскія народныя преданія. Составл. П. Кулишъ. Книжка первая. М. 1847 г., ц. 50 коп.

28. Краткое историч. описание о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1848 г., ц. 50 к.

29. Новѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тѣхъ поръ, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Зивовія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп.

30. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ. М. 1848 г., ц. 10 к.

31. Граматично исказаніе об Рускомъ языкѣ. Сочин. попа-Юрка Крижаняца. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р. 25 к.

32. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к.

33. Опытъ русскаго простонароднаго словоотковника. (Буквы А—П; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 р.

34. Алексѣй Однорогъ. Истор. романъ. Спб. 1853 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

35. Источники малороссійской исторіи, собранныя Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1848 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 3 руб.

36. Memorial poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même. Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 р.

37. О времени происхожденія славянъ. письмень. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г. (безъ снимковъ) ц. 2 р.

38. Діаріушъ или журналъ, т.-е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго оказаній и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отравляемыхъ дѣлъ. Хоружаго Ник. Дан.

Хавенка. Съ историч. свидѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп.

39. Наставленіе выборному отъ Малороссійск. коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дм. Наталину и возраженіе депутата Гр. Политики на оное наставленіе. М. 1858 г., ц. 20 к.

40. Крестьянскія челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Вл. Борисовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

41. Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Челобитная Вологод. архіепа. Маркелла царю Алексѣю о шурѣ св. Николая чудотворца, хранящаяся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. Н. Суворовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

42. Мнѣніе министра Юстиціи Троицкаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г., ц. 10 к.

43. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленныя. Сообщ. А. И. Казначеевъ. Объясненія—смѣшала ли? (о расколоучителѣ діаконѣ Оедорѣ) О. М. Бодянскаго. М. 1859 г., ц. 10 к.

44. Мнѣнія генерала Мордвилова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ шѣръ управленія государств. назначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пельку и на парусныя полотна до Черноморскаго флоту; о неудобствахъ могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать совестру и публичной продажѣ мнѣнія, кои дошли отъ

45. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г., ц. за обѣ части 3 руб.

46. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп.

47. а) Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльныя. Д. Сонова. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ). ц. 2 р. перес. за 2 ф. и б) — Прибавленіе 2-е (стр. I—IV+5—82+2 таблицы (№ 13 и 14) М. 1862 г., в. 50 коп. перес. за 1 ф.

48. Переписка между Россією и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. П. Бантышемъ-Ка-

менскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г.—Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г.—Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г., ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп.

49. Замѣчаніе графа Ф. В. Ростовчина на книгу г. Стройновскаго. М. 1860 г., ц. 10 коп.

50. Каталогъ славянороссійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Базуе. В. Каразина. М. 1862 г., ц. 30 к.

51. Конст. Федор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. О. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р.

52. Дѣло объ Арсеніи Мацѣвичѣ, б. витрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп.

53. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Павлову. М. 1863 г., ц. 1 р.

54. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р.

55. Журналь генераль-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 руб.

56. а) Журналь реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго генераль-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышева и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г., цѣна 1 руб.

57. Доношеніе попечителя Казанскаго округа на надателя „Библіографич. листовъ“ г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г., ц. 10 к.

58. Жизнеописанія древнихъ и средне-вѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3 руб.

59. Обзорніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб.

60. Описаніе славянскихъ рукописей московской Патриаршей бібліотеки. Раздѣлы I—III. Свят. Писаніе, толкованіе его и каноническое право. Трудъ В. М. Ундоль-

скаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. Ц. 50 к.

61. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Каальвуччи, послѣвъ импер. Леопольда къ царю Алексію въ 1681 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р.

62. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыржевича. М. 1874 г., ц. 2 р.

63. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію І. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб.

64. Быть западно-русскаго селянина. Ю. Ф. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп.

65. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 р.

66. Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королею польскимъ Яномъ Казимиромъ составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп.

67. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лечился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 к.

68. О посольствѣ въ Китай графа Головкина, В. Н. Баснипа. М. 1876 г., ц. 50 коп.

69. Путешествія антиохійскаго патриарха Макарія, описанныя архидіакономъ Павломъ Алекискимъ, переведенныя съ арабскаго на англійскій Ф. К. Бельфуромъ, а съ англійскаго на русскій Дмитріемъ Благогов. Выпускъ 1-й. М. 1876 г., ц. 1 р. (597).

70. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейнымъ. Пѣсни былевыхъ. М. 1877 г., ц. 1 р. (795).

71. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Давида принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп.

72. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Русы, собранныя Я. Ф. Головацкимъ

и издавныя О. Бодянский ч. I—IV., М. 1877. ц. 10 руб.

73. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

74. Шестодневъ, составленный Іоанномъ. екаркоу Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р.

75. Житіе препод. отца нашего Феодосія игум. печерскаго. Списание Нестора. По харатейн. списку московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп.

76. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

77. Челобитъе дѣкаря Ролонта боярину Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославѣ, о писаніи имени Траханотова съ епистола. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

78. Последніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Последніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

79. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевскаго архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской библиотекѣ. М. Лялева. М. 1880 г., ц. 20 к.

80. Записка объ Архангельскомъ каедральн. соборѣ. Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій еп. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

81. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Розыскъ о Моисѣй Чурный и о волшебныхъ его письмахъ, произвожденный въ Архангельскѣ и Холмогорахъ въ 1724 г. Сообщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г., ц. 20 к.

82. Изложеніе хода миссіонер. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1887 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г., ц. 1 р.

83. Библиографич. матеріалы собранныя Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. М. 1881 г. Ц. 50 коп.—XXI. «Слово кратко» въ защиту монастырскихъ имуществъ. Съ предисловіемъ А. Д. Григорьева. М. 1902 г., ц. 50 ко., (120).

84. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г. ц. 50 коп.

85. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго мона-

стыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп.

86. Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 руб. съ перес.

87. Изъ бумагъ митрополита московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп.

88. Домострой по списку Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп.

89. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп.

90. Святославовъ Изборникъ 1073 г. съ греческимъ и латинскимъ текстомъ. 1-й выпускъ. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова и А. Л. Дювернуа. (I—XXV+1—22+1—184). М. 1882 г., ц. 3 руб.

91. Великое Зерцало. (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.). Изслѣдованіе П. В. Владимирова. М. 1884 г., ц. 1 р. (20).

92. Описаніе актовъ архива Марквича, относящихся къ исторіи южнорусскихъ монастырей. Е. В. Барсова. М. 1884 г., ц. 50 коп. (967).

93. Письма разныхъ лицъ знаменитому архіепископу Иннокентію Борису. Матеріалы для исторіи Россіи текущаго столѣтія. Собраны Н. И. Барсовымъ. М. 1885 г., ц. 50 коп. (287).

94. Машный «тураннамъ» русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ ихъ въ Россію. П. А. Безсонова. М. 1885 г., ц. 50 к. (9).

95. Биографическіе очерки сенаторовъ. (По матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барновымъ). П. Н. Семенова. М. 1886 г., ц. 1 р. 50 к. (20).

96. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. И. Голышева. М. 1886 г., ц. 30 коп. (9).

97. О Тиверіадскомъ морѣ. По списку XVI в. Е. В. Барсова. М. 1886 г., ц. 20 коп. (73).

98. Акырь Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI в. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова. М. 1887 г., ц. 30 коп. (285).

99. а) Автопись византійца Теофава. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—48). Ц. 80 коп. б) Тоже. въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терювскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—270). Ц. 2 руб.

100. О селахъ Рождественѣ, что на

ръкъ Истрѣ, Пятницкомъ—Берендѣвѣ и Мушкинѣ, состоящихъ въ Звенигородскомъ уездѣ, Московской губерніи, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. Я. Копьева. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

101. Дѣло о богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ. Н. А. Чистовичъ. М. 1887 г., ц. 40 к. (8).

102. Село Клементьево нынѣ часть Сергѣевского посада, составляющая одинъ изъ ея приходовъ. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

103. Матеріалы для Русской исторіи, собр. С. А. Бьлюкуровымъ. М. 1888 г., ц. 3 руб.

104. Лѣтопись церкви св. великомученика и побѣдоносца Георгія, что на Красной горкѣ, въ Никитскомъ сорокѣ, столѣчнаго города Москвы. Я. Копьева. М. 1888 г., ц. 50 к. (10).

105. Реляціи временно-главнокомандовавшаго русскою арміею генерала-поручика Фролова-Багрѣва 1759 г. Д. О. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (14).

106. Дѣло М. Верещагина въ Сенатѣ въ 1812—1816 годахъ. Н. А. Поповъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (12).

107. Слѣдственная коммиссія о злоупотребленіяхъ пензенскаго воеводы Жукова (1752—1756 г.). Н. Н. Нееловъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (12).

108. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). Н. А. Куашиа. М. 1888—1889 гг. 1—3 тома, ц. 4 рубля съ пересылкой. (1 и 3—10, 2-й—9).

109. Атака Гданска фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ 1734 г. Сборникъ реляціи графа Миниха. Д. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 1 р. 50 к. (9).

110. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. В. и Г. Холмогоровыхъ. Вып. 6-й Вохонская десятина. Вып. 7-й Перемышльская и Хотунская десятина. — Вып. 8-й Пехрянская десятина. М. 1888—1889 гг., ц. по 1 р. за выпускъ. (13)—Вып. 9-й Волоколамская десятина. ц. 2 р. Вып. 10-й Можайская десятина. М. 1901 г., ц. 2 р. (91).

111. Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управленія въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтіи. А. П. Доброклюнскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (15).

112. Грамота Константинопольскаго патріарха Іоаннікія въ царю Алексѣю Ми-

хайловичу отъ 1 марта 1652 года г. П. В. Безобразовъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (9).

113. Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718). Н. Я. Токаревъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (11).

114. Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 г. А. А. Востоковъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (11).

115. Грамота наместника ивангородскаго къ ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго. А. Чунниковъ. — Къ исторіи Московскаго университета. Нилъ Поповъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (26).

116. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Д. О. Масловскаго. Вып. 1-й: Проектъ плана кампаніи 1708 года Крмиса. Оригиналъ ордера де-баталіи подъ Лъсной съ собственноручною резолюціею Петра Великаго. Къ исторіи флота временъ Петра I. Организация и дѣйствіе въ бою артиллеріи временъ Елизаветы. М. 1888. Ц. 40 к. (11). Вып. 2-й: Обеспеченіе южныхъ границъ въ 1736 г. Планъ кампаніи и довольствія войскъ въ 1738 г. Документы Ставучаской операціи Миниха. Сборникъ документовъ похода вспомогательнаго корпуса русскихъ войскъ въ войну за Австрійское наслѣдство 1748 г. М. 1890 г., ц. 1 р. (8). Вып. 3-й: Уставъ о строевой иѣхотной службѣ фельдмаршала Миниха. Документы Финляндской войны 1743 г. М. 1892 г., ц. 1 р. (6).

117. Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. I. 1576—1613 гг. Матеріалы, извлеченныя изъ Московскаго Гл. Архива М. И. Дѣль С. А. Бьлюкуровымъ. М. 1889 г., ц. 3 р.

118. Акты, относящіяся къ исторіи раскола въ XVIII в. Е. В. Барсова (изъ Чтеній 1889 г. кн. II), ц. 40 к. (18).

119. Московская пожертвенная изба. Н. Оглоблинъ. М. 1889 г., ц. 20 к. (15).

120. Замѣтка къ исторіи хожденія игумена Давида. VII. Передѣлка хожденія въ сборникъ св. Дмитрія Ростовскаго. М. А. Веневитиновъ. М. 1890 г., ц. 30 к. (14).

121. Два памятника древне-русской кievской письменности XI и XIII вѣка: а) слово о перенесеніи мощей преп. Θεодосія печерскаго, соч. мнixa Нестора, и б) похвала преп. Θεодосію печерскому неизвѣстнаго (архим. Серапіона). Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1890. Ц. 30 к. (16).

122. Мангазейскій чудотворецъ Василій. Н. Н. Оглоблинъ. М. 1890. Ц. 10 к. (39).

123. Библиографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской

письменности IX—X вв. Памятники свихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII вв. Архим. Леонидъ. М. 1890 г., ц. 20 к. (29).

124. Переписныя книги Костромскаго Ипатьевскаго монастыря 1595 г. М. И. Соколовъ. М. 1890. Ц. 30 к. (14).

125. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историкокритическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Генв. Карпова. М. 1890 г., ц. 50 к. (2).

126. Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселла. Ч. I. Біографія Михаила Пселла. Исслѣдованіе П. В. Безобразова. М. 1890 г., ц. 1 р. (9).

127. Регламентъ Вотчинной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для изданія Н. Аршаевъ. М. 1890 г., ц. 1 р. (12).

128. О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ, 1648, 1662 и 1771 гг. А. Н. Зерцалова. М. 1890 г., ц. 1 р. 50 к. (5).

129. Елецкая «явочная книга» 1615—16 гг. Н. Н. Оглоблина. М. 1890 г., ц. 20 к. (12).

130. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразования. Историческое изслѣдованіе Дм. Цѣтаева. М. 1890 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (10).

131. О мнѣшій бібліографической рѣдкости XVII в. («Службеникъ, изд. въ Москвѣ въ 1650 г.»). С. А. Бѣлокурова. М. 1891 г., ц. 50 к.

132. Рукописи Сербскаго письма XIII—XVIII вѣка, входящіяся въ бібліотекахъ Московской губерніи. Архим. Леонидъ. М. 1891. Ц. 10 к. (87).

133. Начало Русскаго государства. Три чтенія д-ра Вильгельма Томсена, профессора сравнительнаго языковѣднія при Копенгагенскомъ университетѣ. Съ просмотрѣнной авторомъ измѣнкой переработки д-ра Л. Борнеманна. Переводъ Н. Аммова. М. 1891 г., ц. 1 р. (11).

134. Бергардъ Танверъ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. М. 1891 г. (безъ фототипій). Ц. 1 р. (10).

135. Матеріалы для исторіи привазаго судопроизводства въ Россіи, собранныя К. В. Побѣдоносцевымъ. М. 1891 г., ц. 2 р. (8).

136. Самоожженіе въ русскомъ расколѣ (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Историческій очеркъ по

архивнымъ документамъ Д. И. Сапожникова. М. 1891 г., ц. 1 р. (19).

137. Описаніе рукописей Тверскаго музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго. М. 1891 г., ц. 1 р. 50 к. (18).

138. Русскія рукописи Стокгольмскаго государственнаго архива. К. Якубовъ. М. 1891 г., ц. 30 к. (9).

139. Glagolitica Wündigung neuerdeckter Fragmente von Dr. V. Jagic. Mit zehn Tafeln. Отдѣльный оттискъ изъ denkschriften der Kaiserlichen Akademie Der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Band. XXXVIII. В. Щепкинъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

140. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королеми ливонскимъ, годоводникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г., ц. 30 к. (17).

141. Собраніе сочиненій Юрія Крижаняча:

Вып. I-й: а) 1654 г. I. Pátno opisánie ot Lewówa do Moskwi. II. Besáda ko Czirzásmo, wo osobi Czirzásmo urisána. III. Usmotrenie o Carskom Weficestwu. (Съ одной фототипіей). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина, и б) 1661 г. Обясненіе вводовно о писмѣ Словѣнскомъ (съ 1 фототипіей). Съ предисловіемъ В. Н. Колоцова.—М. 1891 г., ц. 50 к.

Вып. II-й. 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г., ц. 75 к.

Вып. III-й: а) Объ свѣтомъ Крещенію. (Съ 1 фототипіей). Съ предисловіемъ А. В. Башкирова, и б) Обличеніе на Соловѣцкую Челобитну. (Съ 1 фототипіей). М. 1893 г., ц. 1 р. 25 к.

142. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря. Н. А. Поповъ. М. 1892 г., ц. 30 к. (24).

143. Матеріалы для истор. Общества Письма О. М. Бодянскаго къ И. А. Чистовичу (1862—1877 гг.). И. А. Чистовичъ. М. 1892 г., ц. 20 к. (26).

144. Памяти о. архимандрита Леониды намѣстника св. Троице-Сергіевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (27).

145. Памятки преній о вѣрѣ возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранныя Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г., ц. 2 р. 25 коп. съ перес. (9).

146. Тульскій уездъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и пере-

писными книгамъ. Е. Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой), ц. 2 р. (13).

147. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Части 3—7. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1892 г., ц. 1 р. 50 к. (14).

148. Реяціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.). Т. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. Н. Александренки. М. 1892 г., ц. 1 р. Т. II, 1734—1735 гг. М. 1903 г. Ц. 3 р. (26).

149. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьимъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Скворцовымъ. М. 1892 г., ц. 1 р. (11)

150. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. А. С. Хаханова. М. 1892 г., ц. 30 к. (28).

151. Общій архивъ министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наследниковъ его императрицею Екатериною II). М. 1892 г., ц. 40 к. (14).

152. Памяти Няла Александровича Попова. И. Шинко и А. Голомбьевскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (23).

153. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбьевскій. М. 1892 г., ц. 30 к.

154. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й: Собраніе рукописей митр. Макарія, Мѣлецкаго монастыря въ Волынѣ, Кіевобратскаго монастыря и Кіевской духовной семина. И. И. Петрова. М. 1892 г., ц. 2 р.

Вып. II-й: Рукописи Кіевопечерской лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхіомихайловскаго, Пустынноиколаевскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви. М. 1897 г., ц. 2 р.

Вып. III-й: Библіотека Кіево-Софійскаго собора. М. 1904 г. Ц. 3 р. (100).

155. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ гошпиталѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1892 г., ц. 60 к. (16).

156. Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. А. I. М. 1892 г., ц. 50 к. (16).

157. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салты-

ковой. Ч. 1-я, 1655—1661 гг. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 к. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 коп.

158. Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 50 к. (16).

159. Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 30 к. (18).

160. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіяся въ Копенгагенѣ 1826—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г., ц. 2 р.

161. Грузинскія дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г., ц. 30 к. (7).

162. Московскій Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственнѣй дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г., ц. 50 к. (24).

163. Письма О. М. Бодянскаго къ отцу. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (63).

164. Житіе св. Леонтія епископа ростовскаго. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (18).

165. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г., ц. 2 р. (5).

166. Междукняжескія отношенія во Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «двумячяныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ. В. Ульяницкаго). М. 1893 г., ц. 30 к. (23).

167. Неканонизованные святые гор. Шуи (Владимирской губерніи). Опытъ агіографическаго изслѣдованія священника Ник. Миловскаго. М. 1893 г., ц. 20 к. (22).

168. Новый источникъ для исторіи московскихъ военей 1648 г. С. Слатонова. М. 1893 г., ц. 20 к. (25).

169. Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованіе и текстъ. В. Истрия. М. 1893 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (60).

170. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою литовскорусскаго государства въ концѣ XV и начала XVI в. М. 1893 г., ц. 5 р. (15).

171. Къ исторіи московскаго мятежа 1648 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 20 к.

172. Московскій Китай городъ въ XVII вѣкѣ (по описи 1696 г.). А. Н. Зерцаловъ, М. 1893., ц. 30 к. (11).

173. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторіи государств. росписей XVII в.) А. Н. Зерцаловъ, М. 1893., ц. 40 к. (20).

174. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. А. А. Голубева. М. 1894 г., ц. 25 к. (28).

175. Св. князь Всеволодъ-Гавриилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова. Е. Лебедева. М. 1894 г., ц. 20 к. (29).

176. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г., ц. 30 к. (79).

177. Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв. Н. Аммонъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (19).

178. Къ біографіи Владимира Атласова. Н. Оглобинъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (32).

179. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергеевѣ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).

180. Тверской уездъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельного владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). Н. И. Лапко. М. 1894 г., ц. 1 рубль. (19).

181. Симвестра Медвѣдова созерцаніе краткое лѣтъ 7190—92, въ нихъ же что содѣяно во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Прозоровскаго. М. 1894 г., ц. 1 р. 50 к. (158).

182. Къ исторіи сельскохозяйственнаго быта Костромскихъ Ипатьевскаго и Боголюбскаго монастырей. І. Командировка стольника Н. М. Оловцова. М. 1894 г., ц. 50 к. (4).

183. Амфилохій епископъ Угличскій († 20 июня 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г., ц. 30 к. (22).

184. Сарайская и Крутицкая епархія. Священника Н. А. Соловьева. Вып. 1-й. М. 1894 г., ц. 1 р. (29). Вып. 2-й, ц. 2 р. Вып. 3-й. М. 1902 г., ц. 2 р. (150).

185. Рукописи Н. І. Шафарика (нынѣ музеи королевства Чешскаго) въ Прагѣ. Описалъ М. Сперанскій. М. 1894 г., ц. 50 к. (33.)

186. Обѣзженіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. Н. Зерцалова. М. 1894. Ц. 40 к. (31).

187. Григоровичевъ пармеевникъ въ слѣченіи съ другими пармеевниками. Издалъ Романъ Брандтъ. В. І., М. 1894.,

ц. 50 коп. (81). Вып. II, ц. 50 к. (48). Вып. III; ц. 50 коп.

188. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28-го октября 1894 г. пресѣдателемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г., ц. 15 к.

189. Акты домашняго архива гг. Змоєвыхъ. А. И. Миловидовъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (13).

190. Отчеты о присужденіи обществомъ преміи Г. О. Карпова.

I. Разборъ изслѣдованія В. О. Эйнгорна «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ, М. 1894., ц. 50 к.

II. Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута», составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г., ц. 50 к.

III. Разборъ изслѣдованія С. А. Бялковскаго «О библиотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1897 г. Ц. 20 к.

IV. Разборъ соч. М. И. Лилеева «Изъ исторіи раскола на Вѣтъ и въ Стародубѣ», состав. С. Т. Голубевымъ. М. 1898 г. Ц. 20 к.

V—VI. Разборы соч.: 1) В. А. Ульяницкаго «Историч. очеркъ русскихъ консульствъ за границей», сост. гр. Л. Камаровскимъ и 2) С. Т. Голубева «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», сост. Е. Е. Голубинскимъ. М. 1900 г., ц. 30 к.

VII. Разборъ сочиненія И. И. Лапко: «Великое княжество Литовское за время отъ заволевія Люблинской униі до смерти Стефана Баторія. 1569—1596 г., т. I. Слб. 1901 г., составл. С. М. Середонинымъ. М. 1905 г. Ц. 30 коп.

IX. Разборъ сочиненія М. К. Любавскаго «Литовско-Русскій сеймъ», сост. И. И. Лапко. М. 1903 г. Ц. 50 коп.

191. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. 1. М. 1896., ц. 2 рубля. (204). Вып. 2. М. 1897 г., ц. 2 р. 40 к. (4). Вып. 3. М. 1901 г. Ц. 3 р. (47).

192. Рѣчи, произнесенныя Іоанниемъ Галатовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйнгорнъ. М. 1895 г., ц. 20 к. (39).

193. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Нисаревскій. М. 1895 г., ц. 20 к. (13).

194. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Барсуковъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (296).

195. Pamphletъ Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. Н. Соколова. М. 1895 г., ц. 20 к. (10).

196. О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 20 к.

197. Опись книгъ библиотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г., ц. 30 к. (190).

198. Къ біографіи митрополита Московскаго Платона и исторіи Византской духовной семинаріи. Письма митрополита Платона къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г., ц. 20 к. (121).

199. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. А. А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (32).

200. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Ѳ. Жорданія. М. 1895 г., ц. 20 к. (37).

201. Обзорніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Часть первая: документы воеводскаго управления. М. 1895 г., ц. 2 руб. съ пересылкой. (100). Часть 2-я: документы таможеннаго управления. Съ дополненіями къ 1 части. Ц. 1 руб.—Часть 3-я: документы, по сношеніямъ мѣстнаго управления съ центральнымъ. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп. (170).—Часть 4-я: документы центрального управления. Съ предметнымъ указателемъ къ I—IV частямъ. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. (250).

202. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Исслѣдованіе Сергѣя Шумакова. М. 1895 г., ц. 2 р. (180).

203. Матеріалы къ литературной исторіи русскаго Пчель. I. Виктора Семенова. М. 1895 г., ц. 50 к. (143).

204. Древній Сосенскій ставъ Московскаго уѣзда. Д. Шеппинга. М. 1895 г., ц. 50 к. (137).

205. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись). По рукописи принадлежащей А. Н. Лебедеву. М. 1895 г., ц. 1 р. 25 к. (80).

206. Святые Вологодскаго края. Исслѣдованіе Николая Коноплева. М. 1895 г., ц. 1 р. (41).

207. Письма А. Н. Шемакина къ О. М.

Бодянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1895 г. (76).

208. Климентъ епископъ Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г., ц. 50 к. (50).

209. Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ. (Постройка на немъ новыхъ зданій въ 1668—1661 гг.). М. 1895 г. А. А. Мартыновъ, ц. 20 к. (100).

210. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Москвѣ Стевлюкомъ Разивымъ. Напечатано у Ѳомы Ньюкемъ 1672 г. Перевелъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г., ц. 50 коп. (37).

211. Къ матеріаламъ о воровствѣ въ древней Руси. Смыское дѣло 1642—1643 гг. о намѣреніи испортить царю Евдокію Лукьяновну. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (91).

212. Матеріалы для исторіи патриарха московскаго Питирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г., ц. 20 коп. (84).

213. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Исслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г., ц. 3 р.

214. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г., ц. 25 коп.

215. Русское сказаніе о Лоретской Богоматери. А. И. Курпичникова. М. 1896 г., ц. 15 коп.

216. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергѣй Шумаковъ. М. 1896 г., ц. 15 коп.

217. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 40 к. (82).

218. О «неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ» новгородскаго митрополита Кирилла (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 30 коп. (86).

219. Какашъ и Текандерь. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нѣмецкаго Алексѣя Станкевича. М. 1896 г., ц. 70 коп.

220. О дивоциѣ 1-го гренадерскаго баталіона (Низоваго корпуса) Евстафій Артемьевъ, называвшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Рескриптъ импер. Павла о письмѣ Костюшки. Грамота царя Алексѣя о ловчѣмъ дьякѣ Н. Даріоновѣ. Слово по случаю ваятія Очакова Миняхомъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. Ц. 20 к. (29).

221. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Е. Е. Голубинскаго. М. 1896 г., ц. 50 к.

222. Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1896 г. Ц. 50 к. (11).

223. О большихъ строителяхъ Кирилло-Белозерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. Ц. 30 к. (39).

224. Смѣсь 2-й книги Чтеній 1896 г. (№№ 1—10). М. 1896 г. Ц. 40 к. (10). Смѣсь I кн. 1897 г. (первые 1—5 №№). Ц. 10 к. (5).—Смѣсь I кн. 1898 г. Ц. 20 к. Смѣсь 2-й кн. 1901 г. Ц. 20 коп. (4).

225. Незданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива. А. Чумиковъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (26).

226. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII—XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловымъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (13).

227. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (85).

228. Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Зборовскаго и Луки Далынскаго. Переводъ съ польскаго О. Н. Милевскаго. М. 1897 г. Ц. 50 к. (40).

229. О начальномъ кievскомъ летописномъ сводѣ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. Ц. 50 к. (33).

230. Поздравленія Византской дух. семинаріи въ день тезоименитства моск. митроп. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. Ц. 30 к. (15).

231. О содержаніи въ нынѣшнее мирное время (1725 г.) арміи и какиимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привести. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (42).

232. Грамоты съ подписями Бориса, Дмитрія и Степана Годуновыхъ 7080—7111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. М. 1897 г. Ц. 25 к. (38).

233. Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. К. И. Якубова М. 1897 г. Ц. 2 р. (400).

234. Библіотека Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1896 г.

Е. И. Соколовъ. М. 1897 г. Ц. 20 коп. (50).—въ 1897 г. Его же. М. 1898 г. Ц. 10 коп. (40).—въ 1898—1899 г. Его же М. 1899 г. Ц. 15 к. (51).—въ 1899—1900 гг. Его же. М. 1900 г. Ц. 20 коп. (48).—въ 1900—1901 г. Его же. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (80).—за 1901—1902 гг. Его же. Ц. 20 к. (75).

235. Достоверность отрывка изъ Помоникъ летописей, помещеннаго въ Исторіи Россіи Татищева подъ 1217 г. А. П. Сапунова. М. 1898 г. Ц. 20 к. (23).

236. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки. Е. А. Ляцкаго. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (60).

237. Пугачевщина въ Сибири. Очеркъ по документамъ экспедиціи генерала Деконга. Составилъ А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ. М. 1898 г. Ц. 1 р. (55).

238. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII в. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (185).

239. Вкладная книга Немегородскаго Печерскаго монастыря съ предисловіемъ А. Титова. М. 1898 г. Ц. 50 к. (25).

240. Посланіе Ивана Бѣгичева о видимомъ образѣ Божіемъ. По ркп. XVII в. собранія А. И. Яцимирскаго М. 1898 г. Ц. 25 к. (55).

241. Памяти В. Е. Румянцова. Е. В. Барсовъ. М. 1898 г. Ц. 15 к. (80).

242. Памяти А. Н. Зерцалова. И. С. Бѣляевъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (28).

243. Матеріалы для исторіи дѣяностей въ Россіи въ концѣ XVII в. М. А. Веневитиновъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (8).

244. Изъ рассказовъ донъ-Хуана Персидскаго. Путешествіе персидскаго посольства черезъ Россію, отъ Астрахани до Архангельска, въ 1599—1600 гг. Переводъ съ испанскаго. С. И. Соколова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (78).

245. Строельная книга г. Пензы. Съ предисловіемъ В. Борисова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (35).

246. Житіе св. Меодія и похвальное слово св. Кириллу и Меодію по списку XII в. Издаѣлъ П. А. Лавровъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (80).

247. Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій (Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ сей жизни). Н. И. Петровъ. М. 1899 г., ц. 25 к. (19).

248. Житіе св. Аркадія, епископа Новгородскаго, въ спискѣ 2й половины XIV-го

эвка. Съ предисловіемъ А. С. Орлова, М. 1899 г. Ц. 25 к. (60).

249. Бумаги Ю. И. Везеляна, хранящіяся въ библіотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Е. И. Соколовъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (50).

250. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библіографіи обычнаго права, Е. И. Якушкинъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (33).

251. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи. Выпускъ первый. Обзоръ Бжецкихъ (1300—1767 гг.) и Алатырскихъ (1607—1761 гг.) актовъ. Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (85).— Вып. 2-й. Тексты и обзоръ Блудзерскихъ актовъ (1395—1758 гг.). М. 1900 г. Ц. 1 р. 80 к. (86).

252. Поученіе Исаи, митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1899 г. Ц. 25 к. (38).

253. Сборникъ XII-эвка Московскаго Успенскаго собора. Выпускъ первый. Изданъ подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899 г. Ц. 1 р. (248).

254. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. Александръ Голубцовъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. (28).

255. Сочиненія Константина Багрянороднаго «о земляхъ» (de thematibus) и «о народахъ» (de administrando imperio). Съ предисловіемъ Гаэрилла Ласкина. М. 1899 г. Ц. 1 р. (58).

256. Угличскіе акты (1400—1749 гг.). Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 2 р. (15).

257. Русская армія въ началѣ царствованія импер. Екатерины II. Матеріалы для русской военной исторіи. Изданы Андреемъ Лебедевымъ по рукописи ему принадлежащей. М. 1899 г. Ц. 1 р. (136).

258. Въ 1786-й годъ новой. Новое изданіе не всю и не ничево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкого. М. 1899 г. Ц. 50 к. (72).

259. Допетровская Русь въ ея литературѣ по лекціямъ Ф. И. Буолаева Е. И. В. Насладнику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу (1859—1860 гг.) А. Кирпичниковъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (108).

260. Акты литовскорусскаго государства. Съ предисловіемъ М. В. Довнар-Запольскаго. Вып. 1-й, 1390—1529 г. М. 1900 г., ц. 2 р.

261. Вильямъ Перри. Провздъ чрезъ

Россію персидскаго посольства въ 1599—1600 гг. Переводъ съ англійскаго С. Соколова. М. 1900 г., ц. 20 к.

262. Записки Юста Юля датскаго посланника при Петрѣ Великомъ (1709—1711 гг.). Переводъ съ датскаго Ю. Н. Щербачева. М. 1900 г., ц. 3 руб.

263. Новгородскій узвдъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. Историко-экономическій очеркъ архим. Сергія (Тихомирова). М. 1900 г., ц. 1 р.

264. Указатель къ „Опыту Россійской библіографіи“ В. С. Соניкова (жянгамъ гражданскои печати). Составилъ В. Н. Рогожинъ. М. 1900 г., ц. 3 р.

265. Къ исторіи г. Кашина и его уззда. Сообщилъ І. Кункинъ. Ц. 20 коп.

266. Опись имущества боярина А. С. Матвѣева. Сообщилъ Г. Писаревскій. Ц. 15 коп. (19).

267. Церковно-приходская жизнь въ г. Каргополь въ XVI—XIX вв. К. А. Докучаева-Баскова. М. 1900 г. Ц. 30 к. (45).

268. Новыя данныя о службѣ Николая Спаарія въ Россіи (1671—1708). Юрія Арсеньева. М. 1900 г. Ц. 50 коп. (36).

269. Письмо сардинскаго посла барона де-ла-Турбіа о Россіи, 1796 г. Съ предисловіемъ М. Полиевктова. М. 1900 г. Ц. 30 коп. (4).

270. Новыя данныя о библіотекѣ вв. Д. М. Голицына (верховника). Кн. Н. В. Голицына. М. 1900 г. Ц. 30 коп. (9).

271. О вступленіи на престолъ импер. Екатерины II (записка современника, грузинскаго архіерея). А. С. Хаханова. М. 1900 г. Ц. 20 коп. (20).

272. Опись 24 рукописей Ф. И. Буслая, нынѣ принадлежащихъ библіотекѣ Императорскаго Московскаго Университета. Е. И. Соколова. М. 1900 г. Ц. 20 к. (140).

273. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутнаго времени. М. Любавскаго. М. 1901 г. Ц. 30 коп. (53).

274. Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго съ русскими учеными. В. А. Францева. М. 1901 г. Ц. 40 коп. (10).

275. Опись Московскому Перевинскому подворью, учиненная 3 апрѣля 1763 г. Лук. Талызинымъ. М. 1901 г. Ц. 25 коп. (10).

276. Пять сговорныхъ рядныхъ записей XVII и начала XVIII в. Изъ собранія актовъ Ю. В. Арсеньева. М. 1901 г. Ц. 20 к. (12).

277. О приписываемомъ Игнатію Смоль-

являну описаріи Іерусалима. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (22).

278. Письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣскову. 1772 г.—Кн. Н. В. Голицына. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (35).

279. Столѣтіе сатирическаго журнала «Что-нибудь отъ бездѣля на досугъ». 1800—1900 гг. В. И. Покровскаго. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (42).

280. Матеріалы къ исторіи Восточнаго вопроса въ 1811—1813 гг. М. 1901 г. Ц. 1 р. (139).

281. Записка Юрія Крижанича о миссіи въ Москву. 1641 г. М. 1901 г. Ц. 40 коп. (281).

282. Торопецкая старина. Историческіе очерки горъ Торопца съ древѣйшихъ временъ до конца XVII в. Исслѣдованіе Ивана Побойнича. М. 1902 г. Ц. 2 р. 50 коп. (36).

283. Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества и пороками въ русскомъ быту XVII в. (Челобитная нижегородскихъ священниковъ 1636 г. въ связи съ первоначальной дѣятельностью Ивана Неронова). Н. В. Рождественскаго. М. 1902 г. Ц. 50 коп. (60).

284. Сотницы, грамоты и записи Сергія Шумакова. Вып. 1-й. М. 1902 г. Ц. 2 р. (92). Вып. 2-й. Костромскія сотницы 7068—7076 гг. М. 1903 г. Ц. 30 коп. (240). Вып. 3-й. М. 1904 г. ц. 1 р. 50 к. (90).

285. Къ біографіи митрополита новгородскаго и петербургскаго Гавриила Петрова. Письма его къ разнымъ лицамъ, опись его имущества и два послѣднія его духовныя завѣщанія. (По поводу столѣтія со дня его кончины). Съ предисловіемъ А. Н. Львова. М. 1902 г. Ц. 50 коп. (56).

286. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Исслѣдованіе М. К. Любавскаго. М. 1901 г. Ц. 4 р. (122).

287. Древѣйшая Разрядная книга официальной редакціи (по 1565 г.). П. Н. Мядковъ. М. 1901 г., ц. 2 р. (240).

288. Забѣтки по древне-славянскому переводу св. Писанія. VI. Книга пророка Давида въ переводѣ жидовствующихъ по рукописи XVI в. И. Е. Евсѣевъ. М. 1902 г., ц. 30 коп. (10).

289. Обь особенностяхъ формы русскихъ военныхъ повѣстей (кончая XVII в.). А. С. Орловъ. М. 1902 г., ц. 30 коп. (45).

290. Къ исторіи древностей Оружейной

Палаты. Ю. В. Арсеньевъ. М. 1902 г., ц. 20 коп. (15).

291. Сказаніе о чудесахъ въ Каргопольской Хергозерской пустынь отъ иконы препод. Макарія Унженскаго и Желтоводскаго. К. А. Докучаева-Баскова. М. 1902 г., ц. 30 коп. (50).

292. Церковно-археологическое хранилище при Московскомъ Дворцѣ въ XVII в. А. И. Успенскаго. М. 1902 г., ц. 1 р. 50 к. (69).

293. О ереси жидовствующихъ. Новые матеріалы, собранные С. А. Блукуровымъ, С. О. Долговымъ, И. Е. Евсѣевымъ и М. И. Соколовымъ. М. 1902 г., ц. 1 р. (14).

294. Письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣскову 1772 г. Кн. Н. В. Голицына. Ц. 20 коп. (35).

295. Челобитная И. С. Пересвѣтова царю Ивану IV 7057 (1548—1549 гг.). М. 1902 г., ц. 30 коп. (97).

296. Мой досугъ, или удивленіе. Ежедневное изданіе по средамъ и субботамъ. Съ предисловіемъ В. И. Покровскаго. М. 1902 г., ц. 30 коп. (39).

297. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—27 гг. М. Богословскій. М. 1902 г., ц. 2 р. 50 коп. (80).

298. Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ: грузійской, греческой и славянской. Съ предисловіями Н. А. Заозерскаго и А. С. Хахавова. М. 1902 г. Ц. 2 р. (110).

299. Ближній бояринъ князь Н. И. Одоевской и его переписка съ Галицкою вѣтчиной (1650—1684 гг.). Юріи Арсеньева. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 коп. (40).

300. Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII в. В. И. Покровскаго. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. (3).

301. Къ исторіи Томскаго бунта 1648 г. Н. Н. Оглобина. М. 1903 г. Ц. 30 коп. (12).

302. Житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, составленное, неизвѣстнымъ. По двумъ рукописямъ собранія П. А. Очянинникова. Съ предисловіемъ С. А. Блукурова. М. 1903 г. Ц. 50 коп. (90).

303. Изъ актовъ собранія Н. Ф. Самарина. Ц. 20 к. (25).

304. Городъ Кашинъ. Матеріалы для его исторіи, собранные І. Я. Кункинымъ. М. 1903 г. Ц. 1 р.

305. Къ вопросу о канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Архим. Никодима. М. 1903 г. Ц. 20 коп. (10).

306. Къ исторіи Коломенской епархіи. М. И. Руднева. М. 1903 г. Ц. 50 коп. (14)

307. Къ исторіи русско-шведскихъ отношеній и населенія пограничныхъ съ Швеціей областей (1634—1648 гг.). Кн. Н. В. Голицына. М. 1903 г. Ц. 20 коп. (39).

308. Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора. Съ предисловіемъ и указателемъ А. Голубцова. М. 1903 г. Ц. 2 р. 25 коп. (10).

309. Письма въ 14-го корпуса (1877—1879 гг.). Н. Н. Оглоблина. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (77).

310. Письма Павла Пруссаго. П. Н. Оглоблина. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (78).

311. Бытовые черты начала XVIII в. П. Н. Оглоблина. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (65).

312. Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ или прапоровъ. По рукописи XVII в. М. 1904 г. Ц. 50 коп. на обыкновенной и 1 рубль на веленой бумагѣ.

313. Письма императора Петра I, императрицы Екатерины I, царицы Алексѣи и царицы Наталіи къ князю Я. О. Долгорукому. М. 1904 г., ц. 10 к. (12).

314. О наговорной соли. Изъ двлопроизводствъ XVIII вѣка. М. Рудневъ. М. 1904 г., ц. 10 коп. (4).

315. О такъ называемой Ростовской лѣтописи. А. А. Шахматова. М. 1904 г. ц. 1 р. (76).

316. Переводные сборники изреченій въ славянорусской письменности. Исслѣдованіе и тексты. М. Н. Сперанскій. М. 1904 г. Ц. 5 руб. (5).

317. Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора. А. П. Голубцова. М. 1905 г., ц. 75 к. (75).

318. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Выпускъ второй. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. вкл. Трудъ Е. Н. Соколова. М. 1905 г. Ц. 5 руб. (554).

319. Болгарскія народныя пѣсни, собранныя Любеномъ Каравеловымъ. Изданы подъ наблюденіемъ П. А. Лаврова. М. 1905 г. Ц. 2 р. (150).

320. Показаніе польскаго шляхтича Криштофа Гравскаго о своей поездкѣ въ Москву, 1574—1575 гг. Иванъ Рябининъ. М. 1905 г. Ц. 30 коп. (57).

321. Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг. Сообщилъ А. А. Тиговъ. М. 1905 г. Ц. 20 коп. (10).

322. Опись дѣтъ приказа Новгородской

четверти, вынесенныхъ въ пожаръ 1626 г. М. 1905 г. Ц. 30 коп. (91).

323. Старопритѣльный Бизюковъ монастырь и смоленскіе епископы. П. Строганова. М. 1905 г. Ц. 30 коп. (92).

324. О пустошахъ въ Русскомъ уѣздѣ, принадлежавшихъ Звенигородскому Саввы Сторожевскому монастырю. Сообщилъ В. С. Арсеньевъ. М. 1905 г. Ц. 20 коп. (24).

325. Полоцкая ревизія 1552 года. Къ изданію приготовилъ Н. И. Лапко. М. 1905 г. Ц. 2 руб. (349).

326. Предки и потомство Ив. Тих. Посошкова. (Подмосковныя села Богородское, Черкизово и Покровское въ 1646 г.). М. 1905 г. Ц. 20 коп. (50).

327. Портретъ кievскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

328. Временникъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 руб. 50 коп., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 ф.

329. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (*итѣ въ продажѣ*); годъ 2-й (1846—1847), книги 3, 6, 8, 9; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 руб.; съ 1887 г. по 8 р. 50 к. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1888 г. кн. 1—4, за 1889 г. кн. 1—4, за 1890 г. кн. 1—3 по 2 рубля за книгу; 1900 г. кн. 1—5 руб. Остальныя книги по 3 руб. за книгу.

330. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣдинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ. М. 1889 г., ц. за обѣ книжки 1 р.

331. Алфавитный указатель къ періодич. изданіямъ того же общества 1815—1862 г. Сост. А. Гриневичъ. 1862 г., ц. 50 к. съ пер.

332. Указатель ко всѣмъ періодич. изданіямъ того же общества за 68 лѣтъ. 1815—1883 г. Сост. Сергій Бѣлокуровъ. М. 1883 г., ц. 1 р. 25.

333. Указатель къ Чтеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. онъ

же. М. 1888 г., ц. 50 к.; б) за 1888—1894 гг. Составилъ онъ же. М. 1895 г., ц. 50 коп. и в) за 1895—1901 гг. М. 1902 г., ц. 50 коп.

334. Протоколы засѣданій общества:

- а) за 1878—1880 г. (стр. 1—32), ц. 20 к.
- 2) за 1881—1883 г. (стр. 1—64), ц. 35 к.
- 3) за 1886 г. (стр. 1—17), ц. 10 к.
- 4) за 1887 г. (стр. 1—23), ц. 15 к.
- 5) за 1888—1891 гг. (стр. 1—61), ц. 30 к.
- 6) за 1892 и 1893 гг. (стр. 1—112), ц. 1 р.
- 7) за 1894 г., ц. 20 коп.
- 8) за 1895 г., ц. 20 коп. 50 к.
- 9) за 1896—1897 гг., ц.
- 10) за 1898 г. Ц. 20 к.
- 11) за 1899 г. Ц. 20 к.
- 12) за 1900 г. Ц. 20 к.
- 13) за 1901 и 1902 гг. Ц. 20 коп.
- 14) за 1903 и 1904 гг. Ц. 20 коп.

335. Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. Исслѣдованіе В. О. Ключевского. М. 1871 г., ц. 2 р.

336. Исторія русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Первая половина I-го тома.

Періодъ первый, кievскій или до-монгольскій. XXIV+968 стр. 2-е изд. М. 1901 г. Ц. 5 руб., съ пересылкой 6 р. Вторая половина I тома. М. 1904 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 р. (Первое изданіе, М. 1881, г. Ц. 15 рублей). Первая половина II-го тома, обвиняющаго время, отъ нашествія монголовъ до митр. Макарія включительно (1237—1563 гг.). Ц. безъ пересылки 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 руб.

337. Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ. 1895 г. Ц. 25 коп.

338. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Его же. М. 1896 г. Ц. 50 коп. 2 изд. М. 1905 г. Ц. 2 руб.

339. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VII+732 стр.), ц. 3 руб.

340. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. 2 изд. М. 1903 г. Ц. 3 р., 50 коп.

Лицъ, желающихъ приобрести означенные книги, просятъ присылать свои требованія или въ Общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или къ кассачею общества Сергію Алексѣевичу Бѣлоурову (Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или книжный магазинъ Карбасникова (Москва, Моховая, д. 6. Коха, противъ Университета).

ТАМЪ-ЖЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ по третью года. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ исслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи, и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ въ неопредѣленные сроки не менѣе *четыре* книгъ въ годъ, отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ. Подписка годовая (*восемь* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ сер. съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другія мѣста)—принимается у Казначей Общества С. А. Бѣлокурова. Книги «Чтеній» продаются и каждая отдѣльно по особо-назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Василій Осиповичъ **Ключевскій**,

Влизъ Калужскихъ воротъ, Житная ул., собств. домъ.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ **Барсовъ**,

Влизъ Донского монастыря, Шаболовская ул., собств. домъ.

КАЗНАЧЕЙ

Сергій Алексѣевичъ **Бѣлокуровъ**,

Воздвиженка, д. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Егоръ Ивановичъ **Соколовъ**,

1 Мѣщанская, Троице-Капельскій переулокъ, домъ Соколовыхъ.

Изданія Общества можно получать: 1) въ помѣщеніи Общества, Моховая, старое зданіе Университета, подъ актовымъ заломъ и 2) чрезъ книгопродавца Н. Карбасникова въ Москвѣ, Варшавѣ и Петербургѣ).